

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

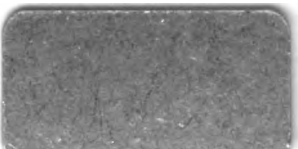
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

p 51aV 23 C. 4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1873

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ А. МОРНГЕРОВОКАГО, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 89.

1873.

△
Pslaw 236.4 (1873, no-2)
✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 февраля, 1873 года.

БЕЗЪ ИСХОДА.

РОМАНЪ.

I.

Утромъ, 186* года, въ одинъ изъ мокрыхъ апрѣльскихъ дней, передъ небольшимъ деревяннымъ домомъ глухого Дункина переулка (что на Петербургской сторонѣ) остановилась извозицья карета. Изъ нея торопливо вышелъ пожилой, плотный господинъ въ сѣромъ пальто и сѣрой шляпѣ, взглянулъ на номеръ дома, затѣмъ вынулъ изъ бокового кармана шагрeneвую записную книжку съ застежками, основательно развернулъ ее, внимательно прочелъ записанный въ ней адресъ и сильно дернулъ за колокольчикъ. Прошло съ добрыхъ пять минутъ, пока не вышелъ дворникъ, посѣщившій, при видѣ кареты, поклониться и спросить:

— Вамъ кого угодно, генерала Ожигова?

— Здѣсь живетъ г. Черемисовъ? Глѣбъ Петровичъ Черемисовъ? отчеканило сѣрое пальто.

— А я полагалъ, вамъ генерала! проговорилъ дворникъ нѣсколько разочарованный. — Черемисовъ здѣсь. Въ восьмомъ номерѣ, черезъ дворъ, во второй подъѣздъ, первая дверь налѣво!.. А то идите за мной!

Дворникъ привелъ сѣраго барина въ темныя сѣни и немедленно исчезъ, словно сквозь землю провалился. Сѣрый баринъ позвонилъ, на этотъ разъ не очень сильно, но и не очень тихо. Ему отворила дверь старая кухарка, пропустила въ переднюю, заперла двери и, не спросивъ гостя, кого ему нужно, указала на вѣшалку, промолвивъ: „скуда повѣсьте!“, и быстро скрылась въ

темный коридоръ. Сѣрый баринъ улыбнулся, бережно повѣсилъ пальто, оглядѣлъ переднюю, — передняя была не казиста, — снялъ съ правой руки сѣрую перчатку, раза два крякнулъ и, наконецъ, постучалъ въ первую попавшуюся на глаза дверь.

— Войдите! отвѣтилъ свѣжій мужской голосъ изъ-за двери.

Сѣрый баринъ вошелъ въ большую, скромно меблированную комнату и очутился лицомъ къ лицу съ высокимъ мужчиной, лѣтъ двадцати пяти. Оглядѣвъ быстрымъ взглядомъ молодого человѣка, сѣрый баринъ замѣтилъ рѣзкое — не изъ красивыхъ — лицо, зоркіе, каріе „съ огонькомъ“ глаза, нѣсколько вздернутую, точно подсмѣивающуюся верхнюю губу, слегка приподнятый носъ и славные густые волосы.

— Вы господинъ Черемисовъ? поспѣшилъ спросить, кланаясь, сѣрый баринъ, повидимому, озадаченный спокойной позой молодого человѣка, который молча глядѣлъ въ глаза гостю, пощипывая тонкими, цѣпкими пальцами свою кудрявую бородку.

— Я самый... А вы? въ свою очередь спросилъ Черемисовъ, отдавая поклонъ и разглядывая изящно одѣтаго во все сѣрое крѣпкаго, приземстаго, пылающаго здоровьемъ мужчину, лѣтъ сорока пяти съ свѣжимъ, румянымъ лицомъ, густо заросшимъ русой окладистой бородой, чуть-чуть засѣдѣвшими усами и парой маленькихъ темныхъ глазокъ, живо и юрковато бѣгающихъ по сторонамъ.

Сѣрый баринъ залился звонкимъ, добродушнымъ хохотомъ при вопросѣ Черемисова, причемъ его румяныя щеки прыгали и дрожали.

— Точно перекрестный допросъ! ха, ха, ха! — Щеки опять замелькали въ глазахъ Черемисова. — Стрекаловъ! Николай Николаевъ Стрекаловъ, помѣщикъ, заводчикъ, подрядчикъ, предприниматель, все, что хотите, но только не лежебокъ! быстро говорилъ, сквозь смѣхъ, Стрекаловъ. — Пріѣхалъ, чтобы имѣть честь лично съ вами познакомиться и просить... Вы, конечно, предупреждены о моемъ предложеніи, — просибѣ, хотѣлъ я сказать, — господиномъ Алфимовымъ?

— Онъ мнѣ говорилъ, замѣтилъ Черемисовъ, придвигая гостю кресло и усаживаясь къ письменному столу.

Стрекаловъ не сѣлъ, а скорѣе повалился въ кресло съ прстой безцеремонностью янки, положилъ ногу на ногу, вынулъ изъ

кармана ловко сшитой жакетки солидный порт-сигаръ и спичечницу, спросилъ: „не старовѣры?“ и, получивъ въ отвѣтъ отрицательный кивокъ головой, не спѣша, основательно срѣзавъ гильотинкой кончикъ сигары и закурилъ ее.

— Я прѣхалъ въ вашъ гнилой Питеръ (вѣдь дрянъ городъ, согласитесь) по дѣламъ, началъ Стрекаловъ, попыхивая синимъ дымкомъ.— Дѣлъ у меня чортова пропасть, а времени мало. Черезъ четыре дня надо въ Москву на общее собраніе (дѣлишки тамъ), а оттуда спѣшить домой. Такъ нельзя-ли вамъ, Глѣбъ Петровичъ, точно сказать, когда вы можете дать отвѣтъ?.. Сегодня у насъ вторникъ... Напримѣръ, въ четвергъ, послѣ завтра, къ двѣнадцати часамъ дня нельзя-ли? Надѣюсь, Алфимовъ передалъ вамъ подробности?

— Никакихъ. Онъ только передалъ ваше предложеніе заняться съ вашимъ сыномъ...

— Только? Узнаю петербургскаго барича! опять захохоталъ Стрекаловъ.— Заняться!.. Коротко и не ясно... ха, ха, ха! Неужто и объ условіяхъ ничего?..

— Ничего! улыбнулся едва замѣтно Черемисовъ.

— Самъ-то видно горбомъ денегъ не зарабатывалъ! Столичный чиновникъ! не безъ презрѣнія сказалъ Стрекаловъ.— Мои условія, Глѣбъ Петровичъ, слѣдующія: приготовить сына къ экзамену въ университетъ, сто рублей въ мѣсяцъ, проѣздъ въ Грязнополе и обратно, отдѣльная комната — окна въ садъ — и, если не побрезгуете нашимъ хлѣбомъ-солью, приборъ за столомъ къ вашимъ услугамъ, добавилъ Стрекаловъ, кланаясь.— Впрочемъ, если захотите обѣдать отдѣльно, — васъ никто не стѣснитъ. Нарушеніе чужой свободы—девизъ въ нашемъ домѣ.

— Сколько часовъ заниматься?

— Это ужъ ваше дѣло...

-- Однако?

— Ну ужъ коли вы любите въ условіяхъ точность — признаться и я ее люблю! — часовъ шесть въ день. Мой мальчикъ башковатъ.

— Послѣ занятій я свободенъ?

— Совершенно...

— Занятія будутъ продолжаться годъ?

— Ровно годъ. До 15 апрѣля будущаго года...

Черемисовъ помолчалъ, исподлобья взглянулъ на своего гостя, усмѣхнулся и промолвилъ:

— Я принимаю ваши условія!..

— Принимаете?.. Очень радъ, очень радъ! проговорилъ Стрекаловъ, вставая и весело пожимая руки Черемисова.— Я такъ много о васъ слышалъ... Надѣюсь, на бумагѣ излагать условій нашихъ не нужно?..

— Отчего-жь?.. Можно и изложить!..

Стрекаловъ, казалось, не ожидалъ со стороны молодого человека такой предусмотрительности. Онъ пристально поглядѣлъ на Черемисова и весело повторилъ:

— Конечно, можно и изложить!.. Отчего не изложить... Я очень, очень радъ, что вы согласились. Грязнополье вамъ понравится. Я слышалъ, вы изволили изучать заводское дѣло?

— Немножко...

— Рекомендую мои заводы вашему вниманію; у меня ихъ два и, по совѣсти скажу, работаютъ не дурно. Конечно, не англійскіе. Тамъ заводы!.. Кончитъ мальчикъ университетъ, пошлю его къ Модслею. Пусть самъ поработаетъ, бѣлоручкой не выйдетъ. Я ляжку-то прошелъ! не безъ гордости добавилъ Стрекаловъ.— Любого прокатчика научу и цѣню людей дѣла... Довольно мы говорили. Пора и работать!..

И точно самъ Стрекаловъ почувствовалъ, что много говорилъ и что пора къ дѣлу, онъ спросилъ:

— Такъ когда прикажете васъ ждать?

— Я выѣду отсюда ровно черезъ двѣ недѣли.

— Прекрасно-съ. Попадете къ намъ какъ разъ въ самый разгаръ земскихъ выборовъ. Увидите насъ, земцевъ, въ дѣвственной чистотѣ (Опять смѣхъ и прыганье щекъ). Позвольте передать вамъ билеты. Вотъ этотъ до Москвы, а эти дальше по двумъ линіямъ до Грязнополя. Годятся во всякое время и на всякій поѣздъ во второмъ классѣ. Что-же касается до суточныхъ...

— Это ужъ лишнее! перебилъ Черемисовъ.

..... Какъ угодно! Радъ, очень радъ! повторилъ Стрекаловъ, снова крѣпко потрясая руку Черемисова на прощаньѣ.

— А условія изложите сами и пришлите къ Алфимову завтра... Я подпишу обѣими руками.

Новые знакомцы разстались вполне довольные другъ другомъ.

„Основательный молодой человекъ. Не нигилистъ. Обо всемъ переговорилъ. Все предусмотрѣлъ и признаетъ явочные акты! улыбался Стрекаловъ, повѣряя въ каретѣ свои впечатлѣнія о Черемисовѣ.—Жена будетъ довольна, а мальчику прокъ! Эка мостовыя дьявольскія! прибавилъ вслухъ Стрекаловъ, взглядывая на мостовую.— Пора, кажется, столицѣ мостовыя имѣть европейскія!..

— Ну, матушка, къ чистѣйшему американцу на урокъ ѣду... Бъ самому нужному человекъ! Урокъ выгодный! весело сказала Черемисовъ, входя въ комнату къ своей матери.

II.

Ровно черезъ двѣ недѣли Черемисовъ уѣзжалъ въ Грязнополе.

— Вы, матушка, не горюйте! Писать буду аккуратно! говорилъ Черемисовъ сидѣвшей съ нимъ въ николаевскомъ воксалѣ, маленькой, худощавой старушкѣ, которая съ безконечной любовью и грустью глядѣла въ глаза сыну.

Старуха принудила себя улыбнуться и принялась перебирать коробокъ съ пирожками.

— Вотъ эти, Глѣбушка, съ говядиной, а эти, въ сторонкѣ, съ капустой—любимые твои, тутъ и соль въ синенькой бумажкѣ, а здѣсь...

Она остановилась и робко замѣтила:

— А когда тебя назадъ ждать, Глѣбъ? Ты мнѣ этого не сказалъ?

— Назадъ? переспросилъ Глѣбъ.

Ему стало жаль мать. Онъ крѣпко пожалъ ей руку и сказалъ:

— Черезъ годъ вернусь.

— Вернешься?

— Еще-бы! засмѣялся Черемисовъ.

— Вѣдь ты цыганъ. Кажется, недавно пріѣхалъ и опять въ отлеть... Что-бы здѣсь прискалъ службу... Ну... ну... не буду. мой милый... Вѣдь я такъ только! добавила старуха, удерживая слезы.

— Добрая вы моя!.. шепнулъ Глѣбъ, цѣлуя ея руки.

Пробилъ звонокъ. Публика торопливо хлынула къ двери.

— Ну, прощай, мой голубчикъ! глотала слезы старушка.— Пойстой... дай перекрещу тебя! Будь здоровъ... не болѣй...

— Мнѣ-то болѣть? Что вы? Да вы только взгляните на вашего геркулеса сына!

Черемисовъ горячо обнялъ мать, взялъ въ руки чемоданъ и направился къ двери.

Мать перекрестила Глѣба и нашептывала молитву.

— Вы-то себя берегите. Не деликатничайте съ деньгами; получать будете акуратно, такъ-какъ мой американецъ, какъ кажется, исправилъ хронометра... Заболѣете, за докторомъ, не мѣшкая, а меня извѣстите... Ну, милая моя, будьте здоровы...

Скоро поѣздъ тронулся и старуха, давъ волю слезамъ, одиноко отправилась въ Дункинъ переулокъ и въ тотъ-же вечеръ съ горя начала новую бутылку наливки, заботливо приготовленную Глѣбомъ, хорошо знавшимъ маленькую слабость своей матери къ кievской вишневеѣ въ восемь гривенъ.

Черемисовъ уѣхалъ къ окну и оглядѣлъ своихъ спутниковъ. Всѣ прилаживались, суетились, особенно дамы. Противъ Черемисова сидѣлъ хмурый господинъ, лѣтъ сорока, больной, желтый, совсѣмъ сѣдой. Онъ, какъ пришелъ, сѣлъ на мѣсто и сейчасъ-же уткнулся въ газету. „Вѣрно шатунъ старый!“ подумалъ Черемисовъ, оглядывая потертое гороховое пальто хмураго барина.

И хмурый баринъ, оставивъ газету, пристально оглядѣлъ своего сосѣда и, видно, сосѣдъ ему понравился, потому-что на угрюмомъ лицѣ его явилось подобіе какой-то улыбки и онъ спросилъ:

— До Москвы?

— Дальше. Въ Грязнополе...

— Видно, на вакаціи пробираетесь?

— Именно...

— Отвратительный городъ! оживился хмурый баринъ.— Я тамъ три года учительствовалъ... Скверный!

— А вашъ путь куда? полюбоществовалъ Черемисовъ.

— На Кавказъ пробираюсь изъ Архангельска!

— Далеконько!

— Вотъ посмотрю, какъ-сѣ на Кавказѣ! не безъ злобной го-

речи шипѣлъ хмурый баринъ. — До сѣдыхъ волосъ съ мѣста на мѣсто таскаюсь и не могу до хорошаго города дотаскаться!

— Быть можетъ, на Кавказъ понравится?

— Врядъ! махнулъ рукой хмурый баринъ. — Посмотрю, какъ тамъ, а махну оттуда въ Сибирь. Поживете съ мое и вы потаскаетесь, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, — коли жиromъ не обростете, какъ вонъ тотъ (хмурый баринъ взглянулъ въ сторону на толстаго, отдувающегося пассажира) салотопенный заводъ! обрѣзалъ недовольный господинъ и снова уткнулся въ газету.

Черемисовъ улыбнулся. „Такъ и есть, старый шатунъ, да вдовавокъ еще болтливый!“ подумалъ онъ и сталъ глядѣть на мелькавшія поля и будки.

Во всю дорогу хмурый сосѣдъ Черемисова шипѣлъ на все безразлично: на погоду, на газеты, на буфеты, на кондукторовъ и, только подѣзжая къ Москвѣ, онъ обратился прямо къ Черемисову:

— Вы сегодня-же дальше?

— Сегодня!

— А я въ этой грязной Москвѣ останусь, отдохну. Вы ночью спали, словно сказочный богатырь, а я на этихъ проклятыхъ узкихъ диванахъ заснуть не могъ. Чортъ знаетъ, какъ строить у насъ желѣзныя дороги! Трясетъ, бросаетъ васъ изъ стороны въ сторону! желчно пилил хмурый баринъ, ставшій за ночь похожимъ на выцвѣтшій лимонъ.

— Будто такъ плохо? едва улыбнулся Черемисовъ.

— Совсѣмъ плохо! Вы сомнѣваетесь? Развѣ у насъ могутъ что-нибудь хорошее устроить? накинулся онъ на Черемисова. — Развѣ могутъ? Впрочемъ, замѣтилъ онъ, помолчавъ съ минуту, — я нѣсколько преувеличиваю. Я человѣкъ преувеличенія. Во всякомъ случаѣ радъ съ вами познакомиться. — Онъ протянулъ сухую, желтую руку, которую Черемисовъ пожалъ. — Вы рѣдкій пассажиръ, не стѣсняющій сосѣда болтовней. Зовутъ меня Любомудровымъ. Фамилія нѣсколько странная? Виноваты предки мои — поповичи. А ваша?

Черемисовъ сказалъ.

— Изъ Вольска?

— Изъ самого!

— Такъ не вашего-ли отца я знавалъ въ Вольскѣ? Впрочемъ, это вамъ рѣшительно все равно. Да, былъ я, г. Черемис-

совъ, и въ Вольскѣ! угрюмо говорилъ Любомудровъ короткими періодами.—Пансіонъ тамъ завель, но свиньи помѣшали! Не улыбайтесь! Буквально свиньи! Вольское юношество купно съ родителями больше свиньями занималось, чѣмъ уроками. Плюнулъ и уфхаль. Свиньи остались. Что отецъ вашъ по прежнему запираетъ?

— Отецъ мой умеръ.

— А! протянулъ Любомудровъ.—Ему, нельзя было не пить! Если я не пью—а я не пью!—то потому только, что холостъ и страдаю разлитіемъ жолчи, отчего доктора совѣтуютъ перемѣну мѣста. Я и передвигаюсь такъ всю жизнь! какъ-то кисло, болѣзненно улыбнулся Любомудровъ.—Вотъ и хваленая Москва! прибавилъ онъ, когда поѣздъ подходилъ къ станціи.—Вонъ какъ разнесло ее, матушку, на семи-то холмахъ. Кажется на семи, а впрочемъ, надо справиться у Погодина! Прощайте, г. Черемисовъ! Еще вѣрно встрѣтятся. Времена нынче таковы, что людей носитъ изъ края въ край, пока не донесетъ до могилы или, по крайней мѣрѣ, до Ташкента. Смотрите, осторожнѣе съ Стрекаловымъ, жирная каналья! на ходу добавилъ хмурый баринъ, унося съ собой свой поружблѣый, старый, тощій чемоданишко, съ которымъ, по наружности, хозяинъ его имѣлъ большое сходство.

III.

Опять дорога. Опять спутники, но на этотъ разъ ни одного патуна. Напротивъ, все люди, повидимому, устойчивые, умѣющіе пускать корни. И разговоръ кипѣлъ ключомъ, все о матеріяхъ важныхъ и не безъ признанія, что сами бесѣдующіе состоятъ у прогреса, цивилизаціи и общаго блага (эти слова особенно часто слышались изъ одного уголка, гдѣ сидѣли: предсѣдатель какой-то управы, членъ суда и подрядчикъ) въ качествѣ ярыхъ погонщиковъ. Черемисовъ сперва прислушивался къ бесѣдамъ, но онѣ такъ напоминали ему передовыя статьи, — только въ худшей редакціи, — разныхъ органовъ нашей прессы, что скоро онъ слушать пересталъ (такъ-какъ самъ читалъ газеты) и пересѣлъ въ дальній уголокъ, куда „прогрессъ“ и „общее благо“ не долетали.

Онъ сѣлъ къ окну и задумался о бывшемъ сосѣдѣ, старомъ

шатуны, пробиравшемся изъ Архангельска на Кавказъ и жолчно огрызавшемся на людей, съ надеждой въ будущемъ покончить существованіе гдѣ-нибудь въ больницѣ, если такая на дорогѣ случится, бесплодно проклиная попавшагося подъ руку, слишкомъ усердствующаго фельдшера.

— Нынче люди нужны. Можно дѣло дѣлать! донеслось изъ уголка нужныхъ людей.

„А этотъ, вотъ, старикъ шатается! А чѣмъ хуже другихъ!? Неужели и мнѣ такъ мыкаться?..“

Его высокій лобъ сморщился, лицо какъ-то съежилось, одна губа перекосилась и ротъ искривился въ непріятную, злую усмѣшку. Онъ облокотился на окно и сталъ глядѣть на мелькавшія передъ глазами уже зеленѣвшія поля... Подъ однообразный шумъ колесъ одна за другою мелькали передъ Черемисовымъ прошлыя картины.

И вспомнилъ онъ грязный городишко на берегу Волги, большую семью съ запивавшимъ отцомъ и кроткой, доброй матерью. Припомнились ему тихіе, монотонные рассказы матери объ его рожденіи и первыхъ годахъ младенчества.

Въ самый день рожденія Глѣбъ былъ обруганъ хмѣльнымъ отцомъ.

— Еще сынтъ! проговорилъ старикъ Черемисовъ, безцѣльно глядя мутными глазами на маленькое существо, бережно завернутое въ тряпицы.—Ну и бить-же я его буду!..

Мать съ укоромъ взглянула на мужа и нѣжнѣй прижала къ груди безпомощное существо. Впрочемъ, Петръ Афонасьичъ (отецъ Глѣба) слово свое сдержалъ, и какъ только ребенокъ подросъ на столько, что сумѣлъ ползать по полу, отецъ, подъ шпаную руку, давалъ ему шлепки, приговаривая:

— Не бей васъ, подлецовъ, такъ зазнаетесь.

Хотя Глѣбъ былъ очень малъ, чтобы зазнаваться, но отецъ все-таки шлепалъ его во избѣжаніе будущихъ зазнаваній. Такая своеобразная философія оправдывалась до известной степени полженіемъ отца. На рукахъ у Черемисова была большая семья: три сына и двѣ дочери, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, что новый потребитель не особенно пришелся по сердцу Черемисову. Петръ Афонасьевичъ былъ мелкій чиновникъ и бѣднякъ, одинъ изъ тѣхъ, которымъ словно на роду написано тянуть лямку вѣчно впрого-

лодь. Бралъ опъ взятки, конечно, сколько могъ и гдѣ могъ, безъ опаски „быть привлеченнымъ къ отвѣтственности“, но эти мелкіе поборы были — крохи, едва прокармливавшія семью; а такъ-какъ бѣдствованіе семьи нерѣдко мучило его, то Черемисовъ запивалъ и тогда доставалось женѣ и дѣтямъ.

— За что? спрашивала, бывало, жена.

— За то! махалъ вверхъ, вмѣсто отвѣта, кулакомъ Черемисовъ, точно призывая небо въ свидѣтели, и ложился спать, ворча пьянымъ лепетомъ:—Ишь, выискали поденьщика! Корми, пой да и не бей!.. ха... ха... ха... Еще спрашиваютъ за что?..

Подолгу, бывало, стоялъ маленькій Глѣбъ у постели отца и смотрѣлъ на отцово лицо, сводимое судорогами и нервнымъ смѣхомъ. Тихо, не шевелясь, глядѣлъ онъ на эти открытые стеклянные глаза, и, преодолевая жгучій страхъ, тихо дотрогивался до руки его, тяжело свѣшившейся и налившейся кровью.

— Ты что, чертенокъ. Вотъ я тебя! бывало, вскрикнетъ отецъ.

Но Глѣбъ зналъ, что отецъ не встанетъ, и не отходилъ, продолжая смотрѣть на отца съ какимъ-то сосредоточеннымъ дѣтскимъ вниманіемъ, смѣшаннымъ со страхомъ. Трудно сказать, чѣмъ занятъ былъ во время такихъ наблюденій дѣтскій умишко, но несомнѣнно только то, что Глѣбъ меньше другихъ дѣтей боялся своего бѣднаго отца и всегда, когда отецъ, бывало, начиналъ храпѣть, онъ стаскивалъ съ него сапоги и осторожно разстегивалъ сюртукъ.

Не весела была жизнь въ этомъ уголкѣ. Скверно было женѣ и дѣтямъ, да не весело было и старику. Бывали времена—и тяжлы были эти времена!—когда старикъ сознавалъ свою неправоту относительно поголовнаго битья. Случалось, что послѣ очень рѣзкой расправы, Черемисовъ стремглавъ убѣгалъ изъ дому, несся за городъ, на Волгу, и, шатаясь по крутому берегу рѣки, задумчиво глядѣлъ на ея зелено-мутныя воды. Хмѣль проходилъ и старому подъячему становилось отчего-то невыносимо тяжело. Испятое лицо его въ эти минуты было полно глубокаго отчаянія, губы какъ-то глупо тряслись, а небольшіе сѣрые замутившіе глаза глядѣли куда-то съ выраженіемъ чрезвычайной скорби. Онъ ощущалъ какое-то тоскливое, грызущее чувство (но какое именно, онъ не могъ-бы объяснить себѣ); онъ видѣлъ, что есть люди, которые иначе живутъ (дѣтей не бьютъ, а посылаютъ въ

гимназій); онъ сознавалъ, что онъ — пропойца, но въ то-же время и не обманывалъ себя пустой надеждой улучшить свое матеріальное положеніе. Что могъ онъ, посѣдѣвшій арыга, выдумать кромѣ вляузнаго прошенія въ питейномъ заведеніи? И гдѣ поправка? Съ какой стороны ея ждать?—Ахъ! Если-бы да капиталу!.. думалось ему, — и затѣмъ эти „если-бы“ подавлялись какимъ-то покорнымъ, чисто-русскимъ вздохомъ, похожимъ на икоту.

Въ такія „гамлетовскія“ мгновенія онъ давалъ себѣ слово „безъ пути дѣтей не бить“ и, возвратившись съ прогулки домой, видимо старался загладить вину свою, былъ ласковъ съ женой, дѣтей сажалъ на колѣни и манилъ къ себѣ Глѣба. Но Глѣбъ не сразу подходилъ. Ребенокъ, онъ выучился уже не довѣрять, узнавши на практикѣ, что отецъ быстро переходилъ отъ ласки къ сильному гнѣву.

— Да ты не бойсь, Глѣбъ. Подойди...

Мальчикъ изъ-подлобья глядѣлъ на отца, но не подходилъ.

— А я всёиъ пряника дамъ, а тебѣ не дамъ!.. шутилъ старикъ.

— И не надо!.. шепталъ въ углу Глѣбъ.

— И не дамъ! дразнилъ отецъ.

Семья оживала во время такой отходчивости главы семейства. Мать безъ трепета садилась за столъ обѣдать, старшіе дѣти смѣялись громко; Глѣбъ безъ страха возился въ навозѣ, отыскивая бутылочныя стекла, изъ которыхъ онъ мечталъ выстроить домъ для матери и для себя...

Не долго обыкновенно продолжался миръ. Жена подъ конецъ мѣсяца просила денегъ на провизію, дѣти просили обуви, хозяйнѣ денегъ за квартиру, а денегъ не было, и Петръ Афонасьевичъ снова объявлялъ своимъ войну, начало которой ознаменовывалось запоемъ... Снова раздавались въ маленькомъ домишкѣ бѣшенныя возгласы невѣжества и горя, выражавшіеся обычной формулой:

— Не бей васъ, подлецовъ, что изъ васъ выйдеть!

И бить.

IV.

Такъ росъ маленькій Глѣбъ и маленькое его сердце уже научилось озлобляться и на зло раздражать своего отца. Старшіе

братья и сестры, бывало, во время отцовскихъ вылазокъ, спасаются отъ непріятеля куда Богъ пошлетъ: кто на чердакъ, кто на улицу, а кто и подъ кровать, а Глѣбъ нарочно давай въ это время стучать палкой объ полъ. Отецъ повелительно крикнетъ: „брысь, чортовъ сынъ!“, а Глѣбъ языкъ покажетъ, а самъ дрожитъ, какъ осиновый листъ. Наступаетъ зловѣщая тишина передъ грозой. Старикъ отъ бѣшенства не говоритъ, а только страшно глядитъ своими мутно-сѣрыми глазами на Глѣба, бѣлаго, какъ мраморъ, со стиснутыми губами и сверкающими, точно угольки, глазенками. Съ минуту длится это тягостное положеніе для двухъ борцовъ, старика и ребенка; первый нѣсколько пораженъ такимъ явнымъ неповиновеніемъ власти; второй ждетъ не безъ трепета исхода...

Наконецъ, старикъ схватываетъ розгу и начинаетъ сѣчь мальчика. Раздается оглушительный концертъ рыдающей матери и прибѣжавшихъ изъ своихъ убѣжищъ другихъ дѣтей.

— Покорись, Глѣбъ! бѣшено кричитъ отецъ.

— Не покорюсь! съ раздражительнымъ воплемъ отвѣчаетъ мальчикъ, пытаясь куснуть отца за руку.

— Не покорисья!.. хорошо-же!..

И снова сѣбъ, пока не усталъ, оставляя мальчика и приговаривая:

— Каторжникомъ будешь, идоль!

Послѣ такихъ сценъ долго Глѣбъ не подходилъ къ отцу, не смотря на готовность послѣдняго къ примиренію. Долго еще бушевало молодое сердце и даже не отходило отъ ласки матери, старавшейся утѣшить Глѣба вкусными пирогами или пряникомъ. Глѣбъ не забывалъ обиды и часто ночью, лежа подъ бокомъ у матери, нервно рыдалъ, вспоминая жгучую боль отъ отцовскихъ кулаковъ.

На двѣнадцатомъ году Глѣба послали въ уѣздное училище, гдѣ, благодаря счастливой случайности, его замѣтилъ одинъ изъ почетныхъ посѣтителей и мальчика опредѣлили на казенный счетъ въ гимназію...

Передъ Черемисовымъ ясно пронеслися эти пять лѣтъ гимназическаго ученія, полузатворническая жизнь, однообразіе которой нарушалось шалостями, борьбой (не всегда равной) съ директоромъ и нерѣдкими наказаніями, выпадавшими на долю Глѣба, хоть онъ

никогда не бывалъ коноводомъ и не пользовался особенной любовью товарищей. Его болѣе уважали, чѣмъ любили. Недовѣрчивый, угрюмый, державшійся поодаль отъ другихъ, онъ рано выработалъ независимость характера и не обладалъ той покладливостью натуры и той стадовой отзывчивостью, которыя вмѣстѣ съ откровеннымъ характеромъ даютъ названіе „симпатичныхъ натуръ“. Съ дѣтства прикопившій въ себѣ запасъ злобы, Глѣбъ рано суждалъ подмѣчать неискренность и смѣшныя черты въ другихъ и не упускалъ случая пускать въ ходъ свое оружіе противъ тѣхъ, на чьей сторонѣ была сила... Точно демонъ какой бушевалъ въ молодой груди мальчика, грызя и не давая покоя, когда, послѣ долгаго раздумья, онъ нападалъ на своихъ враговъ... Эту черту знали хорошо его товарищи, особенно вліятельные, такъ сказать, „власть имѣющіе“, прозвавшіе его „умнымъ, но злымъ Черемисовымъ“. „Въ немъ чортъ сидитъ!“ сказалъ про него одинъ добродушный мальчикъ и до нѣкоторой степени вѣрно опредѣлилъ душевное настроеніе Глѣба... Вспоминая свою раннюю борьбу, Черемисовъ грустно улыбнулся, перебирая въ памяти мотивъ этой борьбы... Онъ, точно безумецъ желалъ скалы обратить въ драгоценныя каменья, а каплю воды въ безбрежное море. И думалъ, что его юныя грозныя филиппики претворятъ вино въ кровь и обратятъ невѣрующихъ въ подвижниковъ...

Среди разныхъ лицъ, характеровъ этой поры жизни особенно выдѣляется ярко-освѣщенная въ воспоминаніяхъ Черемисова свѣтлая личность инспектора гимназіи — Реброва. Какъ живой, рисуется ему этотъ худощавый, сгорбленный мужчина, совѣмъ сѣдой не смотря на свои сорокъ лѣтъ, съ темными, ясными, добрыми глазами, въ своемъ классическомъ, затертомъ вицъ-мундирѣ, съ вѣчными сухимъ кашлемъ... Черемисовъ былъ его любимцемъ. Онъ живо припомнилъ обстоятельства, снискавшія ему любовь инспектора: онъ отчетливо вспомнилъ хмурый октябрьскій день, полусвѣтъ въ классѣ и робкую, запуганную фигуру учителя русскаго языка — пьяницы, но добряка, надъ которымъ особенно потѣшались юные школьники... Нѣсколько качаясь, вошелъ въ классъ учитель и, не отвѣчая на градъ насмѣшекъ, сталъ читать „Шинель“ Гоголя... Въ это время одинъ изъ школяровъ, желая отличиться шалостью, тихонько отрѣзалъ полы вицъ-мундира у своего учителя... Когда классъ кончился и учитель поднялся при общемъ

смѣхѣ и замѣтилъ, что онъ безъ фалдъ, то его пьяное, красное лицо побагровѣло еще болѣе и онъ со слезами въ горлѣ крикнулъ:

— Отроки неразумные!.. Надъ гѣмъ вы тѣшитесь и кого позорите?!.. Надъ бѣднякомъ, которому неначно купить новый виць-мундиръ!..

И ушелъ, оставивъ классъ въ недоумѣніи...

Тогда всталъ Черемисовъ и, обведя вызывающимъ взглядомъ весь классъ, шипя произнесъ:

— Кто это сдѣлалъ, — тотъ подлецъ и я его проучу... Выходи драться!..

Высокій, сильный школяръ, прозванный „отчаяннымъ“, принявъ вызовъ при громкихъ крикахъ раздѣлившася на двѣ партіи класса. Но въ эту самую минуту вмѣстѣ съ инспекторомъ вошелъ директоръ, по просту называемый гимназистами „метелкой“ за его педантизмъ и чисто-нѣмецкую выправку и точность.

— Молодцы! сказалъ онъ. — Хороши!.. Черемисовъ! подите сюда! Черемисовъ вышелъ.

— Это, конечно, ваши фокусы... съ г. учителемъ!

— Не мои.

— А чьи-же, господинъ Черемисовъ?

— Не знаю!

— Не знаете?

— Не знаю, г. директоръ.

— Еще разъ, не знаете, г. Черемисовъ?

— Еще два раза, не знаю, г. директоръ! отвѣчалъ, подергивая насмѣшливо губами, Глѣбъ.

— Дерзкій мальчишъ! Васъ высѣкутъ.

— Я знаю, что г. директоръ можетъ высѣчь, но сдѣлать изъ меня доносчика... это для г. директора нѣсколько трудно! заговорилъ Глѣбъ, блѣднѣя и глядя въ упоръ на „метелку“ надменно сверкающими глазами.

Ребровъ стоялъ тутъ-же, разстроенный, смущенный и, казалось, еще болѣе сторбленный. Его, повидимому, терзало сознание безсилія помѣшать этой сценѣ. Онъ зналъ, что Черемисовъ не могъ сдѣлать шалости съ учителемъ, и онъ, какъ Пилать, долженъ былъ, умывъ руки, отдать мальчика на закланіе.

При послѣднихъ словахъ Глѣба, директоръ, обыкновенно хладнокровный, вышелъ изъ себя.

— Verfluchter Knabe! Розогъ сюда!

Глѣбъ побѣлѣлъ еще больше и только съ укоромъ взглянулъ на Реброва. Ребровъ отвернулся отъ этого взгляда и закашлялся. Богъ знаетъ, что въ эти минуты происходило у него на душѣ, но у него было на рукахъ большое семейство... Онъ вспомнилъ о томъ, что директоръ ищетъ только случая придратъсь къ нему, вспомнилъ о своемъ здоровьѣ, о нѣсколькихъ оставшихся годахъ до пансіона и хотѣлъ-было уйти изъ класса.

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ, пожалуйста, останьтесь! остановилъ его директоръ. — Вы всегда защищали этого господина. Полюбуйтесь имъ!

Инспекторъ остался.

Когда принесли розги, „отчаянный“ вышелъ изъ-за скамейки и сказалъ, что Черемисовъ не виноватъ, а виноватъ онъ, и что готовъ лечь подъ розги.

— Вотъ видите! весело замѣтилъ инспекторъ.

— Я вижу только, что этотъ дерзкій негодяй увертливъ, какъ угорь.

Послѣ длинной (и, по совѣсти сказать, скучной) рѣчи любившаго говорить директора, розги были унесены, „отчаянный“ отправленъ въ карцеръ, а Черемисовъ предупрежденъ, что за свои „дерзости“ онъ при слѣдующемъ проступкѣ будетъ исключенъ изъ гимназіи.

— Вы строптивы, г. Черемисовъ, а строптивость родоначалница всѣхъ золь... Я строптивыхъ не люблю! заключилъ рѣчь свой г. директоръ.

Съ этого самаго дня началось сближеніе инспектора съ Глѣбомъ. Инспекторъ звалъ Глѣба къ себѣ и Глѣбъ нерѣдко проводилъ праздники въ семействѣ инспектора. Самъ Ребровъ привязался къ непокорному отроку, какъ къ сыну; давалъ ему книги, возилъ съ собою въ театръ, занимался съ нимъ математикой, которую особенно любилъ. Скоро директора смѣнили, назначили другого и инспектору не приходилось играть двусмысленной роли. Ему дана была полная свобода дѣйствій и скоро среди гимназистовъ онъ приобрѣлъ сильную любовь. Справедливость его вошла въ поговорку.

Но дни его были сочтены. Чахотка приходила къ концу. Какъ

вчерашній, припомнилъ Черемисовъ тотъ послѣдній вечеръ, который ему — уже гимназисту шестого класса — довелось провести съ Ребровымъ. Онъ былъ особенно возбужденъ, много говорилъ, шутилъ съ женою и дѣтьми, рассказывалъ про свою молодость, про знакомство съ Бѣлинскимъ, съ Полевымъ.

— Ваша дорога лучше нашей, говорилъ старшій инспекторъ. — И учиться, и дѣйствовать вамъ будетъ свободнѣе. А наше время было тяжелое, мрачное время: много нужно было воли, чтобъ не свихнуться, не пасть и не сдѣлаться мертвымъ буквоѣдомъ. Мы вамъ расчистили дорогу, теперь ваша очередь прокладывать ее дальше. Не поминайте-же лихомъ насъ, стариковъ, потерявшихъ въ бою если не жизнь, то здоровье...

Тутъ съ инспекторомъ сдѣлался страшный припадокъ кашля. Жена испуганно посмотрѣла на мужа и ушла съ дочерьми за каплями. Глѣбъ хотѣлъ-было бѣжать за докторомъ.

— Оставайтесь со мной, какъ-то особенно ласково заговорилъ Ребровъ, кладя руку на плечо Черемисову. — Докторъ не поможетъ: чахотка въ исходѣ... улыбнулся инспекторъ. — Я конца давно жду. Слава богу, до пансіона дотянулъ... Подвиньте-ка меня къ окну... Что-то худо мнѣ... Отворите окно...

Глѣбъ, глотая слезы, отворилъ окно и придвинулъ кресло. Онъ едва сдерживалъ рыданія. Чудный іюньскій вечеръ дышалъ ароматомъ зелени и цвѣтовъ въ саду, подъ окномъ. Инспекторъ жадно впитывалъ душистый воздухъ и, замѣтивъ слезы на глазахъ юноши, полусхута сказалъ ему:

— А многіе считаютъ васъ злымъ... слѣпые! Не плачьте, юный другъ. Старое старится, молодое растетъ. Будьте честны, глядите въ глаза правдѣ, золотому тельцу не поклоняйтесь и вы будете умирать спокойнѣе меня... Я васъ полюбилъ съ того дня, какъ эта глупая исторія изъ-за фалды была, — помните? Вы еще ребенкомъ были тогда, а показали характеръ не хуже взрослого. Но только вы съ такимъ укоромъ взглянули на меня, другъ мой... А у меня семья и... бѣдность!

Глѣбъ рыдалъ горючими, ребячьими слезами.

Пришла жена и дочери. Больному дали лекарства. Онъ улыбнулся своей кроткой улыбкой, сказалъ, что стало легче, и нѣжно поцѣловалъ жену и дѣтей. Въ комнатѣ была зловѣщая тишина.

на. Только въ окно доносились далекіе звуки чьей-то звонкой, веселой пѣсни.

— Вотъ и легче дышется. Не бойтесь, дѣти! А гдѣ Глѣбъ? Онъ тутъ? — Глѣбъ подошелъ къ инспектору, который положилъ свою руку ему на голову. — Экая горячая голова! улыбнулся инспекторъ. — Не безъ бурь проведетъ она жизнь!

Снова припадокъ кашля повторился сильнѣе. Пришелъ докторъ, за которымъ тихонько послала жена инспектора. Онъ взглянулъ на больного, послушалъ грудь, сжалъ губы и солидно покачалъ головой. Дочери рыдали. Жена ловила въ глазахъ доктора лучъ надежды...

Докторъ опять серьезно свелъ брови, прописалъ капли и ушелъ, не сказавъ непріятнаго слова.

— Прощайте... конецъ пришелъ! коснѣющимъ языкомъ проговорилъ больной. Жена и дѣти встали на колѣни вокругъ умирающаго. Черемисовъ рыдалъ. — Любите мать свою... будьте честны... Глѣбъ тутъ? Скажи товарищамъ, что я любилъ ихъ... Прости, Лидія... дѣти, прощайте... Навѣщай жену, Глѣбъ!

Еще припадокъ удушья, еще послѣдній крикъ: „воздуху, воздуху!“ — и стараго инспектора не стало.

Трудно переживалъ эту потерю Глѣбъ. Воспоминаніе объ этомъ другѣ юности еще и теперь растрavляетъ старую сердечную рану.

V.

Гимназическій курсъ конченъ. Цѣль впереди — университетъ. На пути Глѣбъ завернулъ домой. Опять знакомый городокъ на Волгѣ ясно рисуется передъ Черемисовымъ. Стоялъ жаркій іюльскій день. Городокъ словно вымеръ. На улицѣ ни души; только свиньи, куры да гуси лѣниво бродили по заборамъ. Даже деревья печально свѣсили свои листья, точно мѣля подъ полдневнымъ зноемъ. Вотъ и хроменькій домишко въ пыльномъ, кривомъ переулкѣ; знакомая калитка со старой щиболдой. Мертвая тишина царила въ домикѣ, когда вошелъ Глѣбъ. Всѣ спали, кромѣ кухарки, незамѣтившей гостя и лѣниво перебиравшей въ кухнѣ какую-то рухлядь. И мебель, казалось, встрѣтила гостя нерадо-

стно, точно говорила: чего пришелъ? Развѣ не видишь, что мы постарѣли и сдѣлались совершенными калѣками? И неизбежная герань на окнахъ какъ-то пожелтѣла, осунулась... И вотъ, дремавшій посреди комнаты, глядѣлъ совершеннымъ старикомъ.

Въ грустномъ расположеніи духа присѣлъ Глѣбъ къ окну и тупо глядѣлъ на дворъ, гдѣ въ навозѣ бойко возился пѣтухъ. Изъ сосѣдней комнаты доносился храпъ отдыхавшей семьи, прерываемый оханьями, вздохами и икотой.

Долго просидѣлъ такъ Глѣбъ.

Не особенно радостна была встрѣча его съ семьей. Онъ увидѣлъ старый содомъ: постарѣвшую мать, нерѣдко прибѣгавшую къ водочкѣ, отца, окончательно спившагося (его выгнали изъ службы и онъ чуть не христарадничалъ), братьевъ писцовъ въ губернскомъ правленіи, умѣвшихъ ловко прятать гривенники. Крѣпко призадумался Глѣбъ и не юношескою ненавистью сверкнули его глаза. Онъ отдалъ матери прикопленные имъ въ гимназіи отъ уроковъ пятьдесятъ рублей и рѣшилъ черезъ нѣсколько дней пробраться въ Петербургъ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ? закричали всѣ родные.

— Оставайся здѣсь! строго сказалъ отецъ. — Поступишь на службу, дадутъ жалованье, помогать намъ будешь...

— Я, батюшка, учиться еще долженъ. Послѣ больше помогу. Я въ Петербургъ черезъ три дня поѣду!

— А этого хочешь? началъ было старикъ, показывая сыну ослабѣвшій, нетвердый кулакъ.

— Батюшка, задумчиво проговорилъ Глѣбъ, — я не ребенокъ и кулаковъ не боюсь. Развѣ такъ лучше жить?..

Всѣ недоумѣвали. Старикъ понурилъ голову.

— Развѣ лучше такъ безобразничать? повторилъ сынъ. — Не удерживайте меня здѣсь, батюшка... я не останусь...

— Иди, Глѣбъ, иди!.. покорно отвѣтилъ старикъ.

— И знаете еще, что я вамъ скажу, нѣжно говорилъ Глѣбъ, оставшись глазъ-на-глазъ съ отцомъ, — не бейте мать. Вы ее совѣмъ забьете.

Старикъ что-то хотѣлъ сказать, но точно подавленное рыданіе застряло въ горлѣ и онъ только махнулъ рукой.

— Капиталу нѣтъ, Глѣбушка... Если-бы да капиталъ... оправдывался старикъ.

— Господи! Да развѣ я смѣю винить васъ! съ отчаяніемъ крикнулъ Черемисовъ.—Я понимаю, что и вамъ тяжело...

У старика градомъ закапали слезы. Сынъ съ воплемъ боли припалъ къ его изможденной рукѣ.

VI.

Гдѣ пѣшкомъ, гдѣ съ обратными, но только черезъ недѣлю добрался Глѣбъ до Москвы, а оттуда въ Петербургъ, имѣя при вѣздѣ своею въ столицу съ рубль мелочью. Словно огромная пасть каменной печи, готовой поглотить массу мѣди и чугуна, встрѣтила столица новаго пришельца. И душно показалось ему, послѣ береговъ Волги, въ этой горячей пасти большого города. Непривѣтливо глядѣли на него вверхъ вытянутые дома и обжигали его пекломъ, словно совѣтуя не подходить близко. „Эка жарень“, раздумывалъ новый гость, шагая по улицѣ съ легкимъ узломъ за спиной на подобіе ранца. „Встрѣчаетъ Петербургъ не радушно; ни тѣни нигдѣ, ни прохлады!“ улыбался Глѣбъ, поправляя свои непокорныя кудри подъ пуховой шляпой и оглядывая блестящіе магазины. Въ тотъ-же вечеръ онъ розыскалъ товарищей по гимназіи, у которыхъ и пріютился на первое время; затѣмъ, не долго думая, онъ взялъ предложенную ему переписку для существованія, впредь до болѣе выгодной работы. Въ августѣ онъ поступилъ въ университетъ.

Не безъ борьбы, не безъ лишеній проходили университетскіе годы; приходилось въ одно время и учиться и искать себѣ кусокъ хлѣба. Случалось, что и занятія не шли на умъ въ сырой нетопленной комнатѣ, на тощій желудокъ при невозможности даже купить свѣчку...

И снова пронеслись въ памяти Черемисова эти годы, хорошіе годы, несмотря на частыя лишенія. То было время надеждъ и порывацій, жилось полнѣй, ждалось веселѣй. Утромъ лекціи, затѣмъ ходеніе на урокъ, вечера за работой или въ кругу рьяной молодежи за спорами, за рѣшеніями всевозможныхъ вопросовъ... И улыбнулся теперь Глѣбъ, вспоминая эти рѣшенія. Часто въ нихъ было много юношескаго, невыработаннаго, но все это было честно, искренно... Тогда не было (какъ теперь) жаркихъ бесѣдъ объ овладахъ, на-

чиная съ тысячи. Время было не то. Оклады отходили на задній планъ, а впереди было безкорыстное стремленіе служить всему честному, хорошему... Гдѣ эти стремленія и гдѣ служители?.. пронеслось въ головѣ у Черемисова. Стремленія видоизмѣнились; болѣе пыліе служители сошли со сцены; болѣе уживчивые успокоились, а большинство поплыло за волной, выкатившей несмѣтное количество концессионеровъ, судей, журналистовъ, адвокатовъ, директоровъ, сыроваровъ, обрусителей, словомъ, всевозможныхъ дѣятелей, сотворившихъ себѣ кумирь изъ золотого тельца или изъ выѣденной скорлупки. Къ тому-же и литература тогда имѣла воспитательное значеніе. Связь литературы съ обществомъ не порвалась; молодежь съ такою-же жадностью бросалась тогда на выходящія книжки журналовъ, съ какою теперь безбородый адвокат бросается на первую денежную „практику“.

Среди напряженной дѣятельности не забывались и занятія. Черемисовъ усиленно работалъ, считался надеждой профессоровъ и въ кругу товарищей пользовался репутаціей дѣльнаго математика. Опять улыбка пробѣжала по губамъ Глѣба. Что стало съ этими надеждами?.. Въмѣсто кафедры онъ ѣдетъ въ Грязнополе на урокъ.

Среди разныхъ лицъ, друзей, пріятелей, знакомыхъ, передъ Черемисовымъ встаетъ мощная, неуклюжая, высокая фигура стараго профессора-математика. Онъ походилъ на слона; былъ неповоротливъ, тяжелъ, страненъ, грубъ, читалъ лекціи подчасъ апатично; но иногда задавались часы, когда, обобщая математическіе законы, этотъ слонообразный великанъ, метая молніи изъ умныхъ, маленькихъ глазъ, охватывалъ міровые законы механики, раскрывалъ связь явленій и, увлекаясь все болѣе и болѣе, развертывалъ передъ слушателемъ грандіозную картину небесныхъ явленій и велъ его дальше и выше. Захватывалось дыханіе и пробѣгалъ трепетъ въ сердцахъ молодыхъ студентовъ. Они глядѣли на этого слона, боясь проронить слово, и трепетно ждали новыхъ обобщеній.

Случалось часто, что профессоръ вдругъ умолкалъ. Грустная, ироническая улыбка вдругъ являлась на лицѣ его. Глаза тухли. Блескъ смѣнялся апатіей. Казалось, онъ перерождался въ эти минуты и говорилъ съ оттѣнкомъ добродушнаго юмора:

— Эка, куда забрели... Зачѣмъ это вамъ? Все равно вамъ не

придется вычислять параллаксъ Венеры... Съ параллаксомъ хлѣба не будетъ... Давайте-ка лучше дефференцировать, хлопцы...

А вотъ и другой образъ напрашивается на воспоминаніе—образъ стараго бездомнаго отставнаго учителя исторіи, сѣдого, какъ дунь, съ строгими чертами, длинной бѣлой бородой и безконечно ласковыми глазами. Знакомство съ нимъ свелось какъ-то случайно и какъ-же радъ былъ этому знакомству Глѣбъ. Странный былъ этотъ старикъ: жилъ онъ въ бѣдной квартиркѣ отшельникомъ, рѣдко выходилъ изъ дому, вѣчно занимался, читалъ и много писалъ... Молодые годы онъ провелъ далеко отъ Петербурга въ ссылке, и только на старости лѣтъ удалось ему вернуться сюда. Необыкновенной любовью къ людямъ, отсутствіемъ всякаго эгоизма отличался этотъ старикъ, дитя въ практической жизни; только лѣнивый не надувалъ его и когда замѣчали о томъ его молодые друзья, онъ какъ-то шутливо-грустно кривилъ губы и говорилъ: „пустъ“! Онъ писалъ какое-то длиннѣйшее изслѣдованіе, но не рѣшался показать его раньше конца...

И вспоминаются Черемисову долгіе зимніе вечера въ этой комнатѣ и живые бесѣды стараго отшельника, въ которыхъ было столько любви, огня и прощенія. Съ какой-то евангельской простотой относился онъ ко всѣмъ, и терпѣть не могъ хвастовства и тщеславія, въ какихъ-бы формахъ они не проявлялись.

— Берегись этого! говорилъ старикъ (любимцамъ онъ говорилъ ты).—Не называй людей поспѣшно подлецами, а называй слѣпыми. Всѣ мы дѣти одной родины и, если не геніальныя натуры (а много-ли такихъ?), выше духа времени не подыдемся. Не кичись знаніемъ, не дѣлай изъ него капища, а пуще того торжища, на которомъ за тысячу серебрянниковъ продаютъ истину.

И когда старикъ бывалъ въ духѣ (что было почти постоянно), онъ объяснялъ историческія явленія оригинальнѣйшимъ образомъ, открывая при этомъ сокровища знаній политической науки, литературы и исторіи.

— Настанетъ время, говорилъ онъ, и сипловатый голосъ его звучалъ какъ-то пророчески,—настанетъ время, хотъ и не скоро. когда общества перестанутъ дѣлиться на враждебные лагеря. Ваше дѣло работать въ пользу этого времени и передать дѣтямъ любовь къ нему, чтобы внуки наши или правнуки могли сказать: отцы наши послужили истинѣ!

И какъ вѣрилось этимъ словамъ. И какъ хотѣлось молодымъ людямъ сослужить эту службу!

Этотъ старикашка, котораго не сломили ни лишенія (которыя онъ терпѣлъ постоянно), ни бездомство и который во всю свою жизнь на пядь не отступилъ отъ своихъ убѣжденій, былъ, однако-же, совершенно въ рукахъ старухи кухарки, которой даже слегка и побаивался. И часто, бывало, когда оживленный своей рѣчью, онъ, при свѣтѣ крадущагося дня, бойкой кистью дорисовывалъ своимъ друзьямъ какую-нибудь историческую картину, Анисья (такъ звали его кухарку) безцеремонно прерывала старика:

— Ну, полно, полно... Наболтались! Пора и спать, вишь, день на дворѣ. Маршъ, молодцы, по домамъ!

И старикъ робко умолкалъ, мигая на Анисью, и, прощаясь съ молодыми пріятелями, замѣчалъ:

— Надо ей поклониться. Боятся, видите-ли, что захвораю...

И старика нѣтъ на свѣтѣ. Умеръ онъ и передъ смертью сошелъ съ ума и въ это время сжегъ всѣ свои рукописи. Хоронили старика молодые друзья и Анисья. Анисья плакала, какъ полоумная и, схоронивъ своего „ангела-человѣка“, пріютилась въ богадѣльнѣ...

А надежды одна за другою подкапывались. Въ обществѣ измѣнилось настроеніе. Мечтатели превращались въ практиковъ. Большинство заговорило о порядкѣ и благочиніи; стали низводить; вопросы науки на вопросы объ узкоколейныхъ дорогахъ. Литература допѣвала лебединую пѣснь воспитательнаго значенія; вмѣсто статей явились уставы; вмѣсто вопросовъ проекты коммерческихъ банковъ.

Прошли два года, какихъ-то тупыхъ, сонныхъ два года. Но много воды утекло въ это время. Знакомыхъ людей не было; старые профессора смолкли; часть прежней молодежи куда-то скрылась и разбрелась, остальная бросилась на оклады, „клиентовъ“ и предпріятія. Литература переживала время разработки банковыхъ и иныхъ уставовъ. Рѣчь ея стала бессмысленнѣй, хотя и была изукрашена цифрами и выкладками...

Въ одинъ изъ осеннихъ дней, возвратясь съ дальняго урока, Глѣбъ нашель у себя письмо съ чорпою печатью. Въ письмѣ мать увѣдомляла о смерти отца и звала скорѣй пріѣхать. Глѣбъ

поѣхаль, привезъ съ собою мать и пріютилъ ее. Старуха, на закатѣ жизни, нашла, наконецъ, тихій уголь, жизнь безъ брани, побоевъ и упрековъ.

Опять уроки, чтеніе, уроки и жизнь въ маленькомъ пріятельскомъ кругу.

А молодая сила рвалась наружу и, казалось, могла-бы горы сдвинуть. Да и сдвигались горы въ воображеніи. Какихъ только картинъ не рисовала задорная молодость. Какихъ только мечтаній не лелѣялось ею.

Мечты разбивались. Безумецъ снова шелъ за ними, опять ускользали онѣ, и онъ въ концѣ-концовъ оставался безъ положенія, безъ профессіи, безъ опредѣленныхъ средствъ къ жизни.

И что всего хуже: ни сознанья полезности, ни личнаго счастья — ничего!..

„Хорошо ученымъ, размышлялъ онъ. — Они замѣнутся въ кабинетѣ, глядятъ на міръ объективнымъ окомъ и жизнь кладутъ въ науку. Хорошо писателю, — онъ внутренній міръ свой, свои воззрѣнія высказать можетъ... А нашъ братъ, обыкновенный смертный, человѣкъ толпы?.. Что онъ, если голова работаетъ, не срослась съ желудкомъ и не увлеклась окладами?“

А нужные люди въ дальнемъ углу говорили безъ умолку о водопроводахъ. Глѣбъ въ душѣ пожелалъ имъ всѣхъ благъ, закрылъ глаза и скоро заснулъ подъ журчанье будущихъ фонтановъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ.

VII.

Послѣ четырехъ сутокъ ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ, перенесшимъ Черемисова изъ петербургскихъ болотъ въ теплыя, южныя степи, дышавшія ароматомъ свѣжихъ сочныхъ травъ, рано утромъ, на пятый день, поѣздъ пришелъ въ Грязнополе.

„Городокъ красивый!“ сказалъ Черемисовъ, оглядывая съ платформы раскинувшійся на склонѣ горы небольшой городокъ, весь укутанный зеленью и цвѣтами распустившихся грушъ, яблонь и сливъ. Справа — стальной узкой лентой, сливаясь съ бархатнымъ ковромъ зелени, вилась рѣчка, пробѣгая подъ самымъ городомъ; сейчасъ, рукой подать, у воксала, раскинулась тѣнистая роща,

еще не вырубленная для растопки локомотива, отбуда доносился свистъ птицы, точно негодующей на глухое ворчанье паровика, выпускающаго пары. Утро стояло прелестное.

Полюбовавшись городомъ, Черемисовъ собирался уже уходить съ платформы, какъ вдругъ обратилъ вниманіе на торопливо проходившаго молодого человѣка въ форменной фуражкѣ служащихъ при желѣзной дорогѣ, который низенькимъ теноркомъ отдавалъ какое-то приказаніе кондуктору. Голосъ и фигура молодого человѣка показались знакомыми Глѣбу. Въ его памяти пронеслось знакомое, веселое лицо пріятеля. „Не можетъ быть!“ подумалъ Черемисовъ. Въ это время форменная фуражка повернулась.

— Крутовской! крикнулъ Глѣбъ.

— Черемисовъ!

Молодые люди обнялись.

— Какъ я радъ! скороговоркой заговорилъ Крутовской. — Какъ радъ! повторилъ онъ, снова пожимая руки Глѣба и оглядывая его бойкими, небольшими черными глазами. — Не измѣнился, только борода отросла... А вѣдь четыре года не видались!

— А васъ, Крутовской, трудно узнать! Похудѣли, видно корни плохи. Взглядъ тотъ-же! прибавилъ Глѣбъ. — Глаза по-прежнему бѣгаютъ, какъ мышата.

— Похудѣешь, улыбнулся Крутовской, — дежуря по суткамъ на станціи; я служу здѣсь, какъ видите по фуражкѣ, багажнымъ кассиромъ... Поскитался таки... Черезъ десять минутъ я свободенъ и тащу васъ къ себѣ пить чай?.. Впрочемъ, главнаго не спросилъ, вы не дальше?..

— Нѣтъ.

— Остаетесь здѣсь? обрадовался Крутовской.

— На цѣлый годъ. Пріѣхалъ обучать одного юношу.

— И прекрасно, значить, ко мнѣ! Я вотъ только кончу свои государственныя соображенія на счетъ составленія поѣзда. Идите въ воксаль и ждите меня! оборвалъ Крутовской и торопливо пошелъ отдавать свои приказанія.

Черемисовъ поглядѣлъ ему вслѣдъ и пошелъ въ воксаль.

Глѣбъ зналъ Крутовскаго давно, еще въ то время, когда онъ, молодой, блестящій офицеръ генеральнаго штаба, бросилъ службу и поступилъ въ университетъ. Отецъ Крутовскаго, старый боевой

генераль и стойкъ, прервалъ всякія сношенія съ сыномъ послѣ его отставки и не велѣлъ домашнимъ произносить имени Володи. „У меня нѣтъ болѣе сына!“ сказалъ онъ своей дочери, отвращиваясь и хмурясь, чтобы скрыть намернувшіяся, помимо воли его, слезы. „Не говори мнѣ о немъ... Я думалъ, онъ пойдетъ по слѣдамъ отца... будетъ способный, дѣльный офицеръ, а онъ...“ Старику не докончилъ и заперся въ кабинетъ, въ томъ самомъ, гдѣ, бывало, за картой, истыканной булавками онъ съ Володей, еще пажомъ, разбивалъ всѣхъ великихъ полководцевъ отъ Аннибала до Наполеона.

Съ тѣхъ поръ блестящій офицеръ сталъ кое-какъ перебиваться уроками и статейками. Занимался онъ недурно, но не усидчиво; онъ больше все схватывалъ, чѣмъ изучалъ, все ему давалось легко, но за то и ничего онъ не зналъ основательно. Къ тому-же его грызъ литературный червякъ. Онъ началъ со стиховъ и подъ конецъ уже сталъ печатать небольшія критическія статьи въ маленькомъ журналѣ, гдѣ скоро сдѣлался однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ; писалъ много и скоро рассказы, статьи, компіляціи.

— Вотъ я и свободный гражданинъ! весело засмѣялся Крутовской, хлопая по плечу Черемисова.—Вдѣйте чай пить. Люда дожидается!

— Какая Люда?

— Забылъ сказать, расхохотался Крутовской.—Людмила Николаевна, моя жена.

— Вы женаты? Вы, непосѣда, беспокойный характеръ?

— Три года, сэръ. Въ Угрюмовѣ (слышали про такой городокъ?) сочетался законнымъ бракомъ. Уже и первенецъ есть...

— А литература какъ?

Крутовской нервно улыбнулся.

— Таланту мало. На большую вещь не хватаетъ.

— Пробовали?

— Пробовалъ и недоволенъ. Или вы забыли меня? Я до сихъ поръ наровлю луну за хвостъ поймать!

— И надѣетесь еще?

— По временамъ.

Черемисовъ умолкъ. Видно было, Крутовскому не по нутру былъ этотъ разговоръ, шевелившій еще не совсѣмъ схороненныя надежды...

— Однако, ъдемъ. Я ѣсть хочу! замѣтилъ Крутовской.

Пріатели вышли изъ воксала и поѣхали.

— Эти четыре года, которые я прожилъ въ Угрюмовѣ таки дали себя знать. Въ этихъ краяхъ, хоть и благораствореніе воздухъ и обиліе плодовъ земныхъ, а съ голоду умереть нашему брату, россійскому саваlegо съ бѣлыми ручками, весьма незатруднительно. Ну и изощрялся, какъ-бы прокормиться... Впрочемъ, надежда еще не покинула. Еще гложеть червякъ! какъ-то печально добавилъ Крутовской.

— Питались чѣмъ Богъ пошлетъ?

— Гдѣ уроки, гдѣ сочиненіе прошеній, у одного свайра здѣшняго чтецомъ былъ, ну и сатирической элементъ выручалъ, статейки да корреспонденціи подкармливали. Изъ-за нихъ-то и травля была... умора!

И, говоря объ этой „уморѣ“, Крутовской хохоталъ, какъ сумасшедшій, точно безъ этой „уморы“ жизнь для него представлялась дѣйствительно „глупой шуткой“.

— Темпераментъ, какъ погляжу, все тотъ-же. Безъ травли вамъ скучно станеть...

— Именно скучно... Ну, теперъ васъ потрошить пора.

— Кончилъ курсъ, былъ учителемъ, бухгалтеромъ, помощникомъ начальника завода, письмоводителемъ у мирового судьи, губернаторомъ у важнаго сановника, оттуда опять въ столицу...

— Пріѣхали сюда на урокъ? со смѣхомъ добавилъ Крутовской.

— И пріѣхалъ на урокъ...

— А потомъ опять, что Богъ пошлетъ...

— Почти что такъ...

— Положенія не имѣете?

— Не имѣю.

— Капиталовъ не копите?

— Не изъ чего! усмѣхнулся Черемисовъ, — а то-бы копилъ.

— Зачѣмъ?

— Нашлось-бы зачѣмъ...

— А мы съ Людей не копимъ ничего, кромѣ долговъ (да и тѣхъ скоро не изъ чего будетъ копить!) Вотъ и коттеджъ нашъ. Вѣдь картина?

Дрожки остановились передъ калиткой густого сада. Пріатели прошли по аллеѣ межъ яблонь, сливъ, кустовъ жимолости, розъ

и малины и приблизились къ небольшому бѣленькому домику съ зелеными ставнями, который совсѣмъ спрятался въ зелени.

Вошли въ зало. Убрано бѣдно, нѣсколько напоминало студенческой безпорядокъ, но чистенькія занавѣски на окнахъ и выхлещенные цвѣты обличали женскій глазъ. За столомъ шумѣлъ самоваръ, около котораго сидѣла маленькая, бѣловурая женщина въ сѣренькомъ капотикѣ съ ребенкомъ на рукахъ. При видѣ посторонняго лица, она почему-то покраснѣла до ушей и хотѣла уйти.

— Люда, куда бѣжишь? Помнишь рассказы о Черемисовѣ? остановилъ ее, звонко цѣлуя, Крутовской. — Ну, сей незнакомецъ — онъ самый и есть! Будьте знакомы! Глѣбъ Петровичъ, Людмила Николаевна! А вотъ и еще особа: Тиранъ Сиракузскій нашего дома! Позвольте и вамъ представить, Черемисовъ, Алексѣя Владиміровича Крутовскаго, говорилъ отецъ, указывая на сынишку. — Несмотря на свои полтора года этотъ соплякъ, по мнѣнію матери, гениальный ребенокъ! Простите великодушно увлеченіе родительницы и садитесь пить чай!

Маленькая женщина долгимъ, внимательнымъ взглядомъ оглядѣла Черемисова и стала разливать чай.

Людмила Николаевна не была хороша, съ перваго раза казалась даже некрасивой, но чѣмъ дальше вы на нее смотрѣли и чѣмъ ближе узнавали, тѣмъ милѣй и симпатичнѣй становилось ея лицо съ неправильными чертами, украшеніемъ котораго были большіе, свѣтлые, синіе глаза, никогда, казалось, не лгавшіе и неизмѣнныя нужды глядѣть внизъ. Точно свѣтлое озеро, на днѣ котораго видна каждая песчинка, эти глаза отражали кроткую душу, смягчали ваше душевное настроеніе и точно просили снисхожденія ко всякой божьей твари. Такія маленькія женщины особенно милы съ ребенкомъ; безъ него это не картина, а эскизъ, повѣсть безъ конца, пьеса безъ развязки... Она сперва показалась Черемисову милой „мѣщаночкой“. Она больше слушала, чѣмъ говорила, и только освоившись съ новымъ лицомъ, она рѣшилась заговорить съ Глѣбомъ, гуляя съ нимъ въ тотъ день по саду:

— Какъ вы нашли мужа? Очень онъ измѣнился? Похудѣлъ...
Поблѣднѣлъ?

— Немножко похудѣлъ.

— Хоть-бы вы заставили его лечиться. Онъ удивительно безпеченъ, кашляетъ и не лечится. Меня онъ не слушаетъ! покраснѣла Людмила Николаевна.—Вы ему скажите. Скажете?

— Непремѣнно...

— А самая главная его болѣзнь, Глѣбъ Петровичъ, продолжала она своимъ тихимъ голосомъ, похожимъ скорѣй на шопотъ, ясно глядя въ глаза Черемисову,—это неудовлетворенность жизнью. Иногда онъ такъ хандрить, такъ хандрить! грустно замѣтила Людмила Николаевна и вздохнула.

Цѣлый уголокъ семейнаго гнѣздышка освѣтился Черемисову этими немногими словами.

— И все незадача ему! Въ Угрюмовѣ, напримѣръ, онъ всеѣмъ захирѣлъ. И за меня его бранили! покраснѣла Людмила Николаевна.—Приѣхали сюда, все-же городъ—ожилъ онъ, да не надолго...

Говоря объ этомъ, Людмила Николаевна какъ-то потупилась и опять сконфузилась, точно ей стыдно стало за людей, которые не давали ходу ея Володѣ.

— Однимъ семейнымъ счастьемъ, какъ-то тихо, задумчиво шептала маленькая женщина,—Володя не удовлетворится. Тянетъ его все куда-то. Иной разъ книгу читаетъ — сердится; музыку слушаетъ,—я люблю играть,—задумается и такой печальный, печальный станетъ!.. А то вернется съ желѣзной дороги,—не по душѣ ему эта служба!—раздраженный такой, блѣдный. Спросишь — не скажетъ, боится видно меня огорчить... Душа живая!..

И все о немъ, все о немъ и ни слова о себѣ. „Какже она его любить!“ подумалъ Черемисовъ.

— И писать пересталъ... Недавно повѣсть изорвалъ... А какая была хорошая!..

— Вы въ Угрюмовѣ съ нимъ познакомились?

— Въ Угрюмовѣ. Мой отецъ тамъ священникомъ. Училась въ Москвѣ, тамъ и играть выучилась. Володя любить музыку...

Что могъ сказать ей Глѣбъ въ утѣшеніе? Неужели рѣзкимъ словомъ еще болѣе разорить и безъ того полуразоренное семейное гнѣздышко. Она видитъ въ своемъ Володѣ идеаль челоѣчества. Пусть видитъ! Она въ восторгѣ отъ его повѣсти. Къ чему разубѣждать? Она любить его, а онъ? Черемисовъ промолчалъ и завелъ разговоръ всеѣмъ о другихъ предметахъ.

Черемисовъ остался обѣдать у Крутовскихъ. За обѣдомъ (обѣдъ былъ плохенькій) Крутовской болталъ безъ умолку, описывалъ нравы Грязнополя, смѣялся и острилъ. Людмила Николаевна была въ восторгѣ, глядя на веселье своего Володи.

— Онъ рѣдко такой веселый!.. замѣтила она за обѣдомъ Черемисову.

— Рѣдкому гостю радъ, Люда. Знаешь-ли, что? Не послать-ли намъ за бутылочкой краснаго?..

Людмила Николаевна какъ-то выразительно взглянула на мужа...

— Пошли-ка Люда...

Людмила Николаевна встала изъ-за стола и снова кинула взглядъ, выразительно объяснявшій, что послать не на что...

— Полно, полно, Крутовской, серьезно заговорилъ Глѣбъ, — какія вина!..

— Ну не надо. А то-бы недурно!..

Людмила Николаевна съ благодарностью взглянула на Глѣба, облегчившаго ей рѣшеніе трудной задачи послать за виномъ безъ денегъ.

Послѣ обѣда къ Людмилѣ Николаевнѣ пришли какія-то дѣвочки и мальчики (ученики ея, какъ объяснилъ мужъ) и она ушла съ ними заниматься, а Глѣбъ съ Крутовскимъ пошли гулять.

— Вотъ и живемъ, какъ видите! говорилъ Крутовской. — Жѣна учитъ, я служу на желѣзной дорогѣ, строчу корреспонденціи да помаленьку, адвокатствомъ занимаюсь... Кое-какъ и существуемъ... Матеріалу для корреспонденціи только мало бываетъ. Слава Богу теперь у насъ скоро земскіе выборы, такъ матеріалъ есть. Теперь здѣсь самое горячее время... Избиратели всѣ собрались... шумять... Тутъ-то ихъ я и накрою...

— А адвокатство?

— Разъ защищалъ одного мужиченку... ничего себѣ. Теперь у меня дѣльцо поинтереснѣе.. Съ однимъ богачемъ процессъ.. со Стрекаловымъ...

— Съ моимъ хозяиномъ...

— Какъ?..

— Такъ! засмѣялся Глѣбъ, — я къ нему пріѣхалъ.. сына обучать.

— Процессъ интересный съ вашимъ принципаломъ. Посмотримъ какъ онъ вывернется!..

— Не пощадите, смѣялся Глѣбъ?

— Пощады не дамъ! Только-бы наши инженеры не помѣшали! Вѣдь онъ у насъ на дорогѣ подрядчикъ!

— Такъ что вы и мѣстомъ рискуете?

— Рискую, да мнѣ на это наплевать! весело замѣтилъ Крутовской. — Надоѣло мнѣ это мѣсто, а главное дѣло-то забористое, ловко, законно подведено-то какъ!—И Крутовской сталъ быстро рассказывать дѣло, дѣйствительно интересное, заранѣе восхищаясь, какъ онъ „наклеить носъ жирному буржуазу“.

Вернулись домой. Черемисовъ было хотѣлъ ѣхать къ Стрекалову, но было поздно и онъ остался ночевать. Долго бесѣдовали пріатели. Говорилъ больше Крутовской, рассказывалъ, читалъ отрывки изъ романа, увлекся и тутъ-же далъ слово, что кончить его скоро и тогда напишетъ новый, мечталъ вслухъ и объ адвокатствѣ и жаловался подъ конецъ на скуку...

Черемисовъ легъ спать, а Крутовской еще пошелъ строчить корреспонденціи. Долго не могъ заснуть Черемисовъ. Онъ все думалъ объ этомъ гнѣздышкѣ, гдѣ случайно сошлись два совершенно различные характеры. И ему почему-то стало жаль Людмилу Николаевну.

А Людмила Николаевна тоже не спала. Она тихо, прикорнувши къ подушкѣ, плакала, но плакала не отъ горя, а отъ радости, что Володя, съ пріѣздомъ Черемисова, перестанетъ хандрить и станетъ веселѣй.. „Какая я ему собесѣдница!“ мечталось ей. „Со мной, пожалуй, ему и скучно!“

Крутовской въ это время „продергивалъ“ размахистымъ почеркомъ земцевъ и предупреждалъ читателей не вѣрить общаніямъ этихъ „крѣпостниковъ“, громилъ „интригановъ“ и въ концѣ концовъ подъ вымышленными именами рассказалъ біографіи „претендентовъ“ на выборныя должности. Увлекся и кстати обругалъ администрацію желѣзной дороги. „Мѣсто фукнетъ?“ пронеслась мысль. Корреспонденціи вышли пикантныя.

VIII.

Раннее майское утро.

Въ роскошно убранномъ кабинетѣ большого каменнаго дома, на лучшей грязнопольской улицѣ, сидѣли два человѣка: губерн-

скій предводитель, Александръ Андреевичъ Колосовъ и его интимный секретарь, Иванъ Петровичъ Лампадовъ.

Не смотря на ранній часъ, Колосовъ былъ занятъ. Онъ писалъ за большимъ рабочимъ столомъ, заваленнымъ газетами, журналами и брошюрами.

Колосовъ—смуглый брюнетъ, лѣтъ сорока, съ поношеннымъ, но все еще очень красивымъ лицомъ. Изъ подъ густыхъ, нависшихъ бровей выглядывала пара черныхъ, острыхъ глазъ, освѣщавшихъ лицо умнымъ, чуть-чуть плутоватымъ выраженіемъ; длинные, густые, черные волосы были откинута назадъ, открывая высокій лобъ бронзоваго цвѣта. Во всей мощной фигурѣ Колосова была удивительная соразмѣрность и мягкость формъ: онъ былъ высокаго роста, не толстъ, не худъ, а по русски плотенъ и широкъ въ костяхъ и обладалъ солидными, не безъ изящества, манерами. Складки подъ глазами и двѣ, три глубокія борозды на лицѣ ясно говорили, что Колосовъ на своемъ вѣку пожилъ, побывалъ въ передѣлкахъ, но все это не помѣшало ему съ честью выйти изъ нихъ такимъ солиднымъ и вряжистымъ, какимъ видѣть его читатель...

Совершенноѣйшая противоположность Колосова—Иванъ Петровичъ Лампадовъ. Это—низенькій, невзрачный, рыжеватый господинъ лѣтъ за тридцать съ робкими, добродушными, маленькими свѣтлыми глазками. Онъ сидѣлъ сбоку, у письменнаго стола, пробѣгалъ газету и по временамъ подымалъ острый юркій носъ, взглядывая на Колосова, усердно накидывавшаго четкимъ, крупнымъ почеркомъ какое-то „мнѣніе“ на бѣлый листъ почтовой бумаги.

— Будеть. Усталъ! произнесъ Александръ Андреевичъ, подымая голову и выпуская струйку дыма.—Эка, что за дивное утро!.. (И онъ полной грудьюдохнулъ свѣжаго майскаго воздуха.)—Прикажете-ка, Иванъ Петровичъ, перебѣлить, да хорошенько, голубчикъ, къ министру! добавилъ онъ, подавая исписанную бумагу.

Колосовъ не говорилъ, а скорѣе пѣлъ тихимъ, задушевнымъ теноромъ и при разговорѣ глядѣлъ на собесѣдника съ такой ласковой серьезностью, что рѣдкому человѣку не чувствовалось съ Колосовымъ, что называется, по себѣ.

Лампадовъ быстро взялъ бумагу и промолвилъ почтительно:

— Слушаю-съ, Александръ Андреевичъ!

— Да не отълаживайте въ долгій ящикъ работы, о которой я васъ просилъ вчера...

— Будьте покойны, Александръ Андреичъ, въ точности исполню.

— И когда мы составимъ резюме всѣхъ министерскихъ циркулярныхъ разъясненій по земскому дѣлу, мы все это изучимъ основательно и явима въ собраніе во всеоружіи земскихъ дѣятелей...

При послѣднихъ словахъ Колосовъ ласково подмигнулъ глазомъ и прищурился.

— Они вѣдь ничего не дѣлають, только галдятъ! прибавилъ Колосовъ, презрительно мотнувъ головой на улицу.

— Черезъ недѣлку все изготовлю-сь. Изъ кожи буду лѣзть.

— Лѣзьте, лѣзьте, Иванъ Петровичъ! („На что-же ты больше способенъ?“ договаривали Колосовскіе глаза). За то потомъ отдохнемъ: въ Новоселье поѣдемъ бекасовъ бить. Вѣдь вы у меня незамѣнимый, а? продолжалъ Колосовъ, ласково трепля Ивана Петровича по колѣнѣ.—И если, поможетъ Богъ, меня выберутъ, секретарь въ управушкѣ—вы. Кто-же другой? А жалованье тамъ, батинька, не наше. Въ представительномъ собраніи, шутилъ Колосовъ, похлебывая чай,—мало не положить, а? Какъ думаете? Можно будетъ тыщенки полторы положить, такъ, что-ли?

Лампадовъ осклабился и поклонился.

— Что, денегъ не нужно-ли? Вы, пожалуйста, безъ церемоніи?..

— Благодарю васъ, Александръ Андреичъ; ужъ я и такъ взысканъ вами, проговорилъ Лампадовъ съ легкой дрожью въ голосѣ.—Изъ вертепа, можно сказать, извлечень.

— Полно, полно. Какія тутъ благодарности! Ни вамъ съ нихъ шубы, ни мнѣ рубашки. И вертепы, милѣйшій, лишнее—сстатокъ семинаріи. На-те! добродушно сказалъ Колосовъ, подавая пятидесятирублевую бумажку нѣсколько умиленному Лампадову.—На ваше жалованье не раскутишься. Какъ еще вы ухитряетесь? А доходишки у насъ плохи. Вѣдь плохи, а, мой кабинетъ-министръ?—Что, матушка здорова?..

— Благодарю васъ, слава Богу...

— Кстати вотъ новая газета... тутъ и ваша біографія есть, рядомъ съ моею... Прочтите, что пишутъ! весело шутилъ Коло-

совъ, подавая нѣсколько опечаленному Лампадову номеръ газеты. — Да вы не пугайтесь: не названы по фамиліи, а просто такъ под-децами обругали, безъ фамиліи, смѣялся Колосовъ. — Это все Кру-товской! Я скоро доберусь до него, если не кончить! тихо замѣтилъ Колосовъ.

— Пасквилянтъ-съ!.. сердито отвѣтилъ Лампадовъ.

— Да вы прежде прочтите.. не безъ подробностей, каналья, описалъ насъ. И перо рѣзвое.. Вы его знаете?

— Какъ-же-съ его не знать! Полиціймейстеръ давно на него сердить. Всѣмъ извѣстенъ...

— Прессы не любятъ?.. ха, ха, ха! Вѣрно въ будущемъ номерѣ и Стрекаловская біографія появится... Что, Стрекаловъ хлопочетъ? Слышали что-нибудь?..

— Говорять, Александръ Андреичъ, купечество за нихъ. Вчерась собирались у нихъ-съ; банкетъ былъ, разливанное море.. цѣлая ихъ партія...

— Партія!? Собранія!?—А развѣ, Иванъ Петровичъ, допускаются въ предѣлахъ имперіи партіи и скопища? смѣялся пред-водитель. — Вы вѣдь законникъ, и знаете это лучше меня! И мы партій не потерпимъ, какъ вы полагаете, милѣйшій? улыбался Колосовъ. — Вѣдь его высокопревосходительство, свѣтлѣйшій князь Сергій Николаевичъ Вяткинъ никакихъ партій, кромѣ карточныхъ, не любятъ?.. ха, ха, ха!.. заливался Александръ Андреичъ.

— Не любятъ-съ!.. подтвердилъ Лампадовъ.

— А главное, хохоталъ Колосовъ, — заводы стрекаловскіе идутъ лучше вяткинскихъ, а свѣтлѣйшій до сихъ поръ съ этимъ согласи-ться не можетъ?..

— Туговаты на согласіе-съ!..

— На все свѣтлѣйшій туги. Значить, почтенный мой другъ и соперникъ Николай Николаичъ Стрекаловъ, а равно и почтен-ная супруга его Настасья Дмитриевна не помѣшаютъ вамъ, воз-любленный мой, получать гонораръ въ тысячу пятьсотъ! добавилъ Колосовъ.

Лампадовъ таилъ дыханье, глядя на своего патрона съ во-сторженными удивленіемъ.

— Баранье стадо они всѣ, вотъ что! замѣтилъ Колосовъ. — А вы, Иванъ Петровичъ, куйте желѣзо пока горячо. Глядите въ оба и работайте, иначе того и гляди выберутъ Стрекалова и ва-

ши полторы тысячи улетучатся. Сегодняшнюю бумагу поторошите. а то и сами перебѣлите. Секретно.. Отвѣтъ на министерскій запросъ о школѣ... Въ отвѣтъ на запросъ сумму проставьте по-крупнѣй. Да не забудьте въ концѣ — я и упустилъ это! — на счетъ повѣрки суммъ... Ну, до свиданія... Съ богомъ, родной! На досугѣ прочитайте какъ насъ съ вами распудрили.

Лампадовъ пожалъ протянутую руку и уже дошелъ до дверей, какъ Колосовъ вернулъ его и тихо спросилъ:

— Чуть было и не забылъ! Узнавали о Кошельковой?

Лампадовъ мгновенно съезжился и безъ пути заморгалъ свѣтленькими глазками.

— Узнаваль-съ! произнесъ онъ нерѣшительно.

— Ну и что-же узнали, carissimo? Говорите скорѣй!

— Она дочь портного, живетъ въ Галкиномъ переулкѣ-съ. Заведеніе у нихъ плохонькое-съ, а отецъ вдобавокъ пьяница.

— Жаль дѣвушку, жаль! задумчиво проговорилъ Колосовъ. — Вѣрно, ей дома не масляница!

— Она-съ, какъ я слышалъ, замужъ собирается.

— За кого?

— За подмастерья, у нихъ живетъ. Человѣкъ молодой. Только пока отецъ не согласенъ, говоритъ: капиталу у жениха нѣтъ.

— И хорошо дѣлаетъ! живо подхватилъ Колосовъ. — Вѣрно, и женихъ пьянчужка! Вы, Иванъ Петровичъ, какъ посвободнѣй будетъ, разузнайте-ка хорошенько, подъ секретомъ. Дѣвушку-то жаль! Такая молоденькая, худенькая! Ее можно-бы къ Надеждѣ Алексѣевнѣ въ горничныя пристроить.

— Я узнаю-съ, только врядъ-ли она пойдетъ! быстро замѣтилъ Лампадовъ.

— Лучше-же ей горничной быть, чѣмъ драться съ пьянымъ мужемъ и плодить нищую братью! Вы побывайте у нихъ и пришлите отца ко мнѣ... Да смотрите, все это дѣлайте тайкомъ... А то чортъ знаетъ что выдумаютъ; еще въ прессу опять попадемъ!..

— Она жениха любитъ и не пойдетъ жить въ люди! рѣшительно настаивалъ Лампадовъ.

— Да? тихо и протяжно процѣдилъ Колосовъ и пристально взглянулъ на Лампадова.

Подъ вліяніемъ этого взгляда маленькіе глазки Ивана Петровича безпокойнѣй забѣгали, точно умоляя не тревожить ихъ; неуклюжія худыя руки безцѣльно ерзали по скуртуку, точно въ немъ искали помощи и на широкой лысинѣ показались крупныя капли пота.

Чуть замѣтное презрѣніе скользнуло въ колосовскихъ глазахъ, когда они отвернулись отъ зардѣвшагося лица Лампадова. Колосовъ помолчалъ, закурилъ сигару и замѣтилъ:

— Можно ей и лучше партію подыскать и выдать замужъ за порядочнаго человѣка съ хорошимъ приданымъ! Гдѣ нибудь сколотить ей тыщенки три! Дѣвушку жаль! опять повторишь Колосовъ добродушнѣйшимъ голосомъ. — Вы отца-то пришлите; вѣдь жизнь ихъ не на розахъ, милѣйшій мой. Такъ то-сѣ!

И ласково потрепавъ по плечу Лампадова, Колосовъ снова пожалъ ему руку и раскланялся.

„Робость большой порокъ! ну чего я сробѣлъ? Что подумаетъ Александръ Андреевичъ? пробѣгало въ головѣ у Лампадова за дверями колосовскаго кабинета. — А горничной ей быть невозможно... пропадетъ! Эка, что запустилъ: съ небольшимъ приданымъ! Въ мой огородъ! — Понравилась, такъ спуска не дастъ! думалъ Лампадовъ и его добродушные глазки усиленно моргали, словно изыскивали средства помѣшать намѣреніямъ предводителя. — „Память геніальная! Думалъ—забылъ? Нѣтъ, шалишь! — А какъ тайну эту узнаетъ пасквилянтъ да въ газету, что тогда?“ улыбнулся не безъ злости Лампадовъ...

Иванъ Петровичъ такъ былъ занятъ послѣдней мыслью, что забылъ о своей біографіи и, шагая по улицѣ съ опущенной внизъ головой, не замѣтилъ, какъ изъ раствореннаго окна маленькаго домика одного изъ грязнопольскихъ переулковъ, высунулась старушечья голова и окликнула его по имени.

— Иль очумѣлъ! громко крикнула старуха. — Иванъ Петровичъ... Ваня! Самоваръ кипитъ!

— Иду, маменька! очнулся невзрачный человѣчекъ и вошелъ въ свою убогую квартирку.

IX.

Колосовъ молча шагаль по кабинету, временами улыбался и щелкалъ пальцами; вѣроятно, размышленія его были пріятныя, потому что, садясь къ столу, онъ громко засмѣялся, прибавивъ въ слухъ: „о дураки“!

И написалъ слѣдующее письмо:

„Вчера, любезный братъ Павелъ Андреевичъ, получилъ твое письмо, извѣщающее о намѣреніи Мухина подать мой вексель въ 10,000 ко взыскаіію; прошу тебя во что-бы то ни стало уговорить Мухина подождать, а если эта свинья останется еъ твоимъ рѣчамъ глуха (чего я весьма опасаясь), то—*soûte que соûte*— постарайся достать сколько-нибудь денегъ, чтобы заткнуть эту ненасытную глотку. У васъ въ Москвѣ достать денегъ легче, а здѣсь я по уши въ долгахъ; ради Бога похлопочи, такъ какъ иначе — въ случаѣ описи Новоселья — скандалу обрадуются мои здѣшніе враги и будетъ не ладно. А дѣла мои, я сильно надѣюсь, поправятся, когда меня выберутъ въ председатели; а что выберутъ, въ этомъ почти не сомнѣваюсь, ибо съ нашими олухами ладить не трудно, особливо если кормишь ихъ до отвалу, хотя, знаю, они-же меня и ругаютъ. Тѣмъ не менѣе эти болваны у меня въ рукахъ и я стукаю ихъ лбы другъ о дружку такимъ незамѣтнымъ образомъ, что въ концѣ концовъ они ко мнѣ же идутъ лечить свои шишки. Больше всѣхъ интригуетъ Стрекаловъ; онъ подобралъ серію нашихъ бородатыхъ банкировъ, но полагаю, что если наострить стараго осла князя Вяткина (личнаго его врага), то Стрекаловъ съ банкирами провалится, какъ черти въ балетахъ. Наши „народники, демократы“ тоже не опасны: во-первыхъ мелюзга, жметса въ приличной гостинѣ и такъ звѣроподобно агитируютъ въ пользу школъ, что грязнопольскіе наши бономы напуганы, полагая, что всѣ ихъ добродѣтельныя жены немедля обстригутъ волосы и кинутся въ объятія этихъ „смазныхъ сапогъ“. Затѣмъ остаются крѣпостники *rig sang*, мечтающіе о возвращеніи вновь рабовъ и рабынь (особливо послѣднихъ). Они бредятъ свѣтлѣйшимъ; я имѣю причины думать, что князь сюда не поѣдетъ и всѣхъ этихъ троглодитовъ заставить подать голосъ за меня. *Voilà où nous en sommes*. Поторопись и

московскія дѣла поправь, а мы потомъ въ накладѣ не останемся. Лѣтомъ свидимся. Поклонъ женѣ. Надя васъ цѣлуетъ“.

— Непремѣнно надо развязаться съ этими провлятыми долгами и жить полегче, en bourgeois! какъ и подобаеть либералу! мечталъ Колосовъ, подойдя къ окну.—Носъ имъ утру!

Мимо проѣзжала коляска.

— И не стыдно! крикнулъ Колосовъ, посылая самый любезный воздушный поцѣлуй.—Мимо ѣдете и не завернете?

Коляска остановилась.

— Не могу, простите... общалъ къ графу! проговорилъ молодой человѣкъ изъ коляски.

Колосовъ укоризненно покачалъ головой, словно поступокъ молодого человѣка причинялъ ему кровную обиду.

— Такъ по крайней мѣрѣ, обѣдать шю саго? Молодые стерлядки, sauce piquant...

— Непремѣнно, дорогой Александръ Андреичъ!

Коляска покатилаь.

„И этому молокососу хотѣлось-бы меня спустить! усмѣхнулся Александръ Андреевичъ.—Ругаетъ! Ругать-то, голубчики, дайте, но только не прекращайте платежей! Теперь каждый мыслящій человѣкъ обязанъ быть швейцарцемъ; кто платитъ, тому служи. Я вотъ служу этимъ... (на лицѣ Александра Андреевича явилась самая презрительная гримаса) служу изо всѣхъ силъ, кормлю, пою, „Вѣсть“ выписываю, говорю, что у [нихъ] кровь алая, а у Фомки лакея черная, а имъ все нейметя. Колосовъ, молъ, фальшивый человѣкъ! Колосовъ, де, подлець... Олухи вы, олухи царя небеснаго!“

Опять улыбка застыла на тонкихъ губахъ Александра Андреевича; вспомнилъ онъ, какъ третьяго дня раскланивавшійся съ нимъ „молокососъ“ сказалъ ему, что „Александръ Андреичъ по нѣкоторымъ вопросамъ self government'a отъ времени и отъ прессы отсталъ“.—Болванъ ты болванъ! мысленно ругалъ Колосовъ „молокососа“, котораго звалъ на стерлядки. Я отсталъ? Дай мнѣ двадцать тысячъ гонорару и я впереди всѣхъ васъ пойду; дай тридцать и я сзади всѣхъ останусь! Точно для тебя, шлопая, не все равно!. У насъ партія? Въ Грязнополѣ?? Передовой или отсталый, красный или бѣлый? Шутъ гороховый!! А двадцать или тридцать тысячъ разница!..“ Гриша! закричалъ Колосовъ и хлопнулъ въ ладоши.

Кабинетъ тихо отворился и вошелъ камердинеръ Гриша, молодой щегольской лакей, любимецъ барина. Мальчишкой Гриша попалъ къ Колосову, живетъ у него лѣтъ десять и привязанъ къ барину такъ-же, какъ и баринъ къ нему. Въ Гришѣ сказывался типъ губернскаго лакея; онъ зналъ всѣ сплетни, интересныя сообщалъ на сонъ грядущій барину, былъ посвященъ во всѣ домашнія тайны и потому держалъ себя въ домѣ съ писарской развязностью; щеголялъ платьемъ съ барскаго плеча, предпочиталъ лиловые и голубые галстуки, носилъ серебряные часы на бронзовой цѣпочкѣ и множество колецъ на пальцахъ. Ко всему этому бѣлокурый, курчавый, румяный и вѣчно улыбающійся Гриша былъ отчаянный Донъ-Жуанъ и жестокій бичъ горничныхъ и мелкихъ чиновницъ; онъ мастерски покорялъ ихъ сердца и, при случаѣ, на особенно красивую мѣщанку въ бумажномъ платьѣ обращалъ вниманіе барина; умѣлъ во время заговорить съ нимъ и во время попросить жилетку. Въ домѣ его звали Григоріемъ Ивановичемъ и побаивались.

— Что, Гриша, спрашивалъ Колосовъ, натягивая сапоги, — Абрамовъ былъ?

— Былъ-съ, Александръ Андрейчъ!

— Ты ему сказалъ, что въ іюнѣ..

— Сказалъ-съ, только онъ обижается...

— Дуракъ какой... еще обижается!

Гриша засмѣялся.

— Ты чего? улыбнулся Колосовъ.

— Смѣшно-съ! скалили бѣлые ровные зубы Гриша.

— Что тебѣ смѣшно?

— Да на Абрамова глядя-съ. Онъ вотъ ходитъ изъ дому все за деньгами, а жена его...

— Что?

— Рада-съ... хи, хи, хи...

— Ты, Гриша, опять, а? проговорилъ, улыбаясь, баринъ. — Нынче за кучихами bestія ухаживаешь? — Сюртукъ!

— Мы-съ и за Стрекаловской горничной не зѣваемъ-съ! разсказывалъ Гриша, пользуясь хорошимъ расположеніемъ барина.

— Смотри, не попадись дуракъ!.. замѣтилъ баринъ и приказалъ подавать фаятонъ. — Что, барыня встала?

— Только что встали. Извольте кофе кушать! совсѣмъ серъ-

езно, съ выправкой фешенебельнаго лакея доложилъ Гриша и вышелъ вонъ.

Александръ Андреевичъ не безъ удовольствія посмотрѣлъ еще разъ на себя въ зеркало, взялъ шляпу, натянулъ на одну руку лиловую перчатку и медленной солидной походкой, чуть чуть переваливаясь, вышелъ изъ кабинета поздороваться и проститься съ женой.

А Гриша, сбѣжавъ на дворъ, говорилъ толсторожему, плотному кучеру:

— Смотрите-же, Кирилъ Ивановичъ, коли будете у Стрекаловыхъ, шепните какъ-нибудь Фіонѣ, чтобъ въ воскресенье безпремѣнно на бульваръ шла... презкстренное, молъ, дѣло... подавайте, сейчасъ ѣдетъ.

Кучеръ мотнулъ головой, осклабился, проговорилъ: „злодѣй!“, подобралъ возжи и съ шумомъ выѣхалъ со двора къ подъѣзду.

Х.

Надежда Алексѣевна Колосова проснулась раньше обыкновеннаго и протирала заспанные глазки. Потомъ потянулась, вздохнула и задумалась. Ея нѣжное, ласковое лицо, подернутое легкимъ румянцемъ, глядѣло невесело, а большіе влажные, каріе глаза словно говорили: „ахъ, господа, какая тоска!“ и словно искали у васъ мягкаго слова участія. Темные, короткіе, подвижные въ локоны волосы падали на лицо, придавая ему почти дѣтское выраженіе. Впрочемъ, Колосова была не первой молодости; нѣсколько морщинокъ на лбу, темноватые круги подъ глазами и чуть замѣтная рыхлость лица все это вмѣстѣ заставляло ей дать не менѣе двадцати шести, семи лѣтъ... тѣмъ не менѣе это была еще очень красивая женщина.

Большіе, ласковые глаза были необыкновенно выразительны и по временамъ глядѣли съ такой страстью, на лицѣ ея въ это время играла такая кокетливая улыбка, а полныя малиновыя губы складывались такъ энергично, что старые люди рѣшительно теряли голову, а молодые готовы были на всякія безумства. Если къ этому прибавить гибкій, легко мѣняющій интонацію голосъ,

то мягкій, грудной, то страстный и рѣзкій въ минуту гнѣва, да нѣкоторую порывчатость въ манерахъ, то читатель не удивится, что Надежда Алексѣевна считалась первой грязнопольской красавицей. Стройная, высокая, хорошо сложенная, она рѣшительно походила на королеву, когда, граціозно кланяясь по сторонамъ съ привѣтливой улыбкой, она, роскошно одѣтая, залитая брилліантами (иногда взятыми на прокатъ), входила подъ руку съ красивымъ мужемъ въ залу грязнопольскаго собранія, вызывая шопотъ одобреній и замѣчаній, что мужъ и жена совершеннѣйшая пара.

Надежда Алексѣевна уныло обвела глазами спальную, уютно убранную красивой мебелью, цвѣтами, статуэтками и прочими бездѣлками, и капризно отвернулась къ стѣнѣ. Снова забродили ея глаза и остановились на большомъ, поразительно схожемъ портретѣ Александра Андреевича во весь ростъ. Надежда Алексѣевна на мгновение остановилась на немъ и на лицѣ ея мелькнуло выраженіе страха и отвращенія.

— Да не могу-же я... не могу! Божѣ! какъ все это гадко! проговорила она, сдерживая рыданія, и бросилась лицомъ въ подушки.

Черезъ нѣсколько минутъ она утирала заплаканные глаза и позвонила.

Вошла молодая, веселая горничная въ чистенькомъ ситцевомъ платьѣ, съ бойкой улыбкой, задорно вздергнутымъ носомъ и ямками на полныхъ розовыхъ щекахъ; она быстро подошла къ постели и поклонилась барынѣ фамиліярнымъ поклономъ барской фаворитки.

— Что, Даша, поздно?

— Десять часовъ, барыня.

— Десять? какъ рано! плохо мнѣ сегодня спалось, Даша! задумчиво проговорила Надежда Алексѣевна.—Такая тоска!

— Вы-бы меня позвонили, барыня. Я-бы васъ развеселила! прочликала скороговоркой Даша.

— Развеселила?!—Надежда Алексѣевна горько улыбнулась.—Врядъ-ли, Даша!

— И, полноте, барыня. Чего вамъ грустить-то? кажется, слава тебѣ Господи; всего довольно, домъ полная чаша... жить тутъ только, какъ сыръ въ маслѣ...

— Ты думаешь въ этомъ счастье, Даша?

И Надежда Алексѣевна тихо покачала головой. „Я бѣдна была и знала счастливыя минуты!“ подумала она и сказала:

— Давай-ка, Даша, одѣваться!

Колосова лѣниво поднялась съ постели и, свѣсивши ноги на медвѣжью шкуру, велѣла подать себѣ зеркало; она внимательно разсматривала свое лицо и, улыбаясь, спросила Дашу:

— Очень я постарѣла, Даша?

— Вы-то? Полноте, барыня, что вы!

— Нѣтъ, Даша, не лги, а говори правду. Вѣдь постарѣла?

— Ну васъ, барыня! Если мнѣ не вѣрите, у другихъ спросите! замѣтила Даша и опустила глаза.

Барыня чуть чуть покраснѣла, погрозила Дашѣ пальцемъ и шепнула:

— Скоробрешка ты, Даша! Ты думаешь другіе правду скажутъ?..

— А то какже?

— И другіе могутъ обманывать... всѣ они...

Барыня не докончила и стала умываться.

— А ты, Даша, счастлива? тихо спрашивала Надежда Алексѣевна, плескаясь въ водѣ.

— Какое наше счастье? засмѣялась Даша.

— Тебя любить? еще тише полюбопытствовала барыня.

— Смѣль-бы не любить! Развѣ я ему мужнина жена? вспыхнула горничная.

— А развѣ всѣ мужья женъ не любятъ? печально усмѣхнулась Колосова.—Отъ этого-то ты и замужъ не идешь?

— Беретъ онъ, беретъ, но только нашей сестрѣ опасно это, бить начнетъ...

— А теперь не смѣетъ? смѣялась барыня.

— Смѣи только. У самой руки есть! хохотала Даша, вытягивая здоровую, толстую руку.

— И ты никогда не пойдешь замужъ?

— А Богъ знаетъ, барыня. Состарѣюсь, можетъ, и пойду; не все-же по людямъ жить, захочется и своимъ доможь жить.

— Съ разборомъ иди замужъ, Даша. Это не шутка! серьезно проговорила барыня.—Не шутка! прибавила она черезъ нѣсколько времени.

Даша молча подавала юбки.

— А сына давно видѣла, Даша?

— Въ воскресенье!..

— Что, славный мальчишка?

— Ахъ, какой славный, барыня. И когда усмѣхнется, весь въ черноволосаго отца, такой-же, подлець, ласковый, добрый, говорила Даша и на ея свѣжемъ добромъ лицѣ, при воспоминаніи о сынѣ, засвѣтилась такая чистая, хорошая радость, что Надеждѣ Алексѣевнѣ вчужѣ завидно стало.

— Счастливица ты, Даша! А я... я...

И облако печали, пробѣжавъ по лицу ея, сморщило лобъ, насупило брови и вызвало слезы.

Даша ничего не сказала въ отвѣтъ. Она только едва замѣтно улыбулась съ добродушіемъ няньки, слушающей ребенка и подумала:

„Ну тоже и наше счастье не Богъ знаетъ какое! При счастья не отдала-бы Митьку въ чужіе руки!“

Скоро Надежда Алексѣевна была готова и, по замѣчанію Даши, одѣта „совсѣмъ превосходно“. Посмотрѣвшись въ трюмо, Колосова горько усмѣхнулась и велѣла подавать кофе.

— Сегодня-же скажу! Это невозможно, подло, гадко! ронились одна за другой тяжелыя мысли въ красивой головкѣ Надежды Алексѣевны.

— А мужъ? шепталъ ей чей-то голосъ.

— Но я его не люблю, защищалась Надежда Алексѣевна.

— А зачѣмъ-же ты десять лѣтъ съ нимъ прожила? невольно являлся роковой вопросъ.

— Я слабая женщина... я...

— И другихъ въ это время любила-же? опять нашептываль въ самое сердце неотвязный голосъ.

— О, пощадите, пощадите! проговорила Колосова, опускаясь въ кресло.

Нѣсколько времени она сидѣла, закрывъ глаза. Наконецъ порывисто встала и заходила по комнатѣ. „Сегодня-же все покончу!“ рѣшилась она, и эта мысль придала ей бодрости и силы; въ этотъ моментъ она была-бы готова на подвигъ: грудь ея тяжело дышала, глаза блистали и полная энергія ярво свѣтилась въ ея глазахъ; она была хороша въ эту минуту. Но минута прошла, шкваль пронесся далѣе и передъ вами было снова сла-

бое, хрупкое созданіе, въ безсиліи склонившее свою голову на столъ.

Вошла Даша съ серебрянымъ подносомъ на рукахъ и, озираясь, какъ мышенокъ, по сторонамъ, ловко сунула барынѣ записку.

— Приказали въ собственныя ручки отдать! шепнула она, ласково улыбувшись, и вышла изъ комнаты.

Надежда Алексѣевна быстро разорвала конвертъ и стала читать письмо.

Полнѣйшая любовь свѣтилась на лицѣ Колосовой во время чтенія; она нѣсколько разъ перечитала письмо (для невлюбленнаго читателя письмо неинтересное), повторяя: „какой-же онъ добрый!“...

— Развѣ уѣхать! мечтала она и глаза ея метнули молнію. — Онъ подлѣ... Онъ любитъ... чего-жъ еще больше желать?..

— А мужъ развѣ пустить?..

Надежда Алексѣевна сжала руками голову и просидѣла такъ нѣсколько времени въ забытьѣ. Ее разбудилъ легкій стукъ въ двери ея спальни и тихій, ровный голосъ: „можно войти?“

Она вздрогнула отъ этого мягкаго, знакомаго голоса.

— Войдите! сказала она, ловко спрятавъ записку.

Вошелъ Александръ Андреевичъ, ласково поцѣловалъ женину руку и спросилъ, садясь подлѣ:

— Что съ тобой, Надя? — на тебѣ лица нѣтъ!

И Колосовъ снова взялъ руку жены и сталъ гладить ее своей рукой. Жена быстро отдернула руку и сказала съ нѣкоторой торжественностью:

— Александръ Андреевичъ! Я хочу съ тобою серьезно поговорить; мнѣ, право, тяжело вѣчно играть роль въ нашей супружеской комедіи...

— Роль? Комедіи?.. удивился Колосовъ. — Я рѣшительно ничего не понимаю!

— Не лги, Бога ради не лги: ты все очень хорошо понимаешь и я должна...

— Понимаю, понимаю! перебилъ Колосовъ. — Ты, милая Надя, все еще, несмотря на свои двадцать семь лѣтъ (вѣдь, кажется, двадцать семь?) хочешь летѣть куда-то даhиn, какъ хотѣла летѣть лѣтъ десять тому назадъ, помнишь? улыбнулся Колосовъ.

— Я все помню... Что-же дальше? нѣсколько театрално сложила руки Надежда Алексѣевна, готовясь слушать мужа.

— Но тогда была остановка за *voire* и *manget* и ты успокоилась.

Колосова сдѣлала нетерпѣливый жестъ головой.

— Не торопись, мой другъ, сейчасъ доскажу. Тебя теперь, послѣ научныхъ бесѣдъ съ молодыми людьми, мучаетъ, вѣроятно, отсутствіе серьезной цѣли въ твоей жизни? говорилъ Колосовъ тихо, ровно, ласково. — Дѣла, труда хочется... истиннаго дѣла, какъ говорить эта маленькая Крутовская со стриженными волосами. Школы, что-ли, подъ твоимъ наблюденіемъ, гдѣ-бы ты могла озарить нечесанныя головы мужиченковъ свѣтомъ разума? Эта игрушка—школа, хотѣлъ я сказать,—будетъ, Надя, у тебя скоро, вотъ только въ предсѣдатели меня выберутъ. Школъ будетъ всякихъ много; какіе хотите эксперименты надъ ними производите... То-то Крутовской будетъ праздник!

Жена слушала мужа и съ каждой новой его фразой сильнѣе отражалось на лицѣ ея чувство отвращенія. Она дала ему договорить и, усмѣхнувшись, отвѣтила:

— Къ чему ты глумишься и надъ кѣмъ издѣваешься? И съ чего ты тутъ школы и Крутовскую припелелъ? Я вовсе не о томъ съ тобой хотѣла говорить, и ты это знаешь.

Колосовъ морщился, слушая порывистую рѣчь жены, и взглянулъ на часы; онъ давно зналъ, о чемъ хотѣла сказать ему жена, и, видя невозможность замаять щекотливое объясненіе (онъ вообще былъ врагъ всякихъ щекотливыхъ объясненій), рѣшился, хотя не безъ непріятнаго чувства, поскорѣе выдержать эту, какъ онъ называлъ, „игру въ сантименты“.

— Надя, къ чему, другъ, сердиться? Ну, не отгадалъ съ одного раза, угадаю съ другого. Ты, вѣрно, хочешь сообщить мнѣ, что Айкановъ за тобой ухаживаетъ,—такъ вѣдь, мой другъ?

— Айкановъ, вспыхнула Надежда Алексѣевна, — меня любить и...

— Или даже, быстро перебилъ Колосовъ,—и любить... Что же, Надя? Я, по совѣсти, одобряю такое помѣщеніе его привязанности; Айкановъ — молодой человѣкъ, милый и неглупый, и ваша дружба для меня не новость и совершенно понятна...

Колосова широко открыла на мужа глаза и не выронила ни слова.

— Чему ты такъ дивишься, Надя? Ей-богу, ваше сближеніе полезно со всѣхъ точекъ зрѣнія: Айкановъ разовьется еще болѣе,

изъ авдизной службы сдѣлаетъ живое дѣло, отучится, знаешь-ли, отъ своихъ нѣсколько угловатыхъ манеръ, — вѣдь вліяніе женщины, и по Миллю, кажется, такъ благотворно!.. Ну, а ты?.. Ты не скучаешь и проводишь время въ пріятныхъ и, во всякомъ случаѣ, назидательныхъ бесѣдахъ. Что, обѣдаетъ Айкановъ сего-дня? Ты-бы позвала его, Надя, а-то въ послѣднее время его что-то давно не видать... Или авдизомъ увлекся?..

Надежда Алексѣевна сидѣла молча, потушивъ голову.

— Чудачка ты, право, Надя, какъ я посмотрю! продолжалъ ласково Колосовъ. — Умный и красивый молодой человѣкъ ее обожаетъ, а она печалится! Это излишняя сентиментальность, мой другъ. Угоди на васъ, красивыхъ женщинъ! улыбнулся Александръ Андреевичъ и взглянулъ на часы. — Ну, однако, Надя, мнѣ пора ѣхать; полно, другъ, не хандри, прими валеріану...

И Колосовъ взялся за шляпу.

— Александръ! Александръ Андреевичъ! Не уходи, выслушай. Я тоже — слышишь-ли? — я тоже люблю Айканова! проговорила порывисто Надежда Алексѣевна и прямо устала на мужа глаза. — Понимаешь ты это и избѣжишь-ли отвѣта?

Колосовъ не пошевельнулъ ни однимъ мускуломъ. Онъ, такъ же ласково улыбаясь, глядѣлъ на жену и мягко замѣтилъ:

— Такъ что-жъ изъ этого? Онъ милый молодой человѣкъ и я его люблю.

— Знаешь-ли, что ты говоришь? вскрикнула Колосова.

— Ты, Надя, не маленькая, продолжалъ тихо мужъ, — и знаешь, какъ себя держать, слѣдовательно...

— Мнѣ разрѣшается тайно имѣть любовника? съ истерическимъ смѣхомъ перебила Колосова.

— Слѣдовательно, моя жена съумѣетъ вести себя такъ, чтобы въ обществѣ на нее не указывали пальцами, ласково и серьезно добавилъ Колосовъ, вставая. — Ну, до свиданія, Надя; не плачь! Да пошла за Айкановымъ: вѣдь одной скучно! повторилъ мужъ и быстро вышелъ.

„Экіе смѣшные люди! совѣтъ жизни не понимаютъ, думалъ Колосовъ, садясь въ коляску. — Непремѣнно мелодраму разыгрываютъ, точно безъ нея нельзя наслаждаться жизнью! Ну, пой-себѣ романсы вдвоемъ подъ кущей деревъ, да только осторожно, прилично“...

— Куда прикажете? перебилъ эти мечты кучеръ.

— Пошелъ къ князю Вяткину! отвѣтилъ Колосовъ, привѣтливо раскланиваясь въ отвѣтъ на поклоны гостинодворскихъ купцовъ и грязнопольскихъ обывателей.

Надежда Алексѣевна еще долго плакала, потомъ сѣла за фортепяно и кончила тѣмъ, что написала длинное письмо Айканову и звала его непременно придти для важнаго разговора.

XI.

Въ полуверстѣ отъ Грязнополя, на высокомъ, обрывистомъ берегу рѣки Быстрой, стоитъ небольшой, каменный, двухъ-этажный домъ; онъ блеститъ новизной и, какъ видно, не безъ умысла построенъ вдали отъ людныхъ улицъ, чтобы обитатели его не могли стѣсняться либо непріятнымъ сосѣдствомъ, либо уличными сценами. Особнякъ этотъ предназначался для помѣщенія одной семьи; строитель, казалось, имѣлъ въ виду устроить себѣ, на манеръ богатыхъ англичанъ, уютное гнѣздо и болѣе всего заботился о комфортѣ и удобствахъ; все было изящно, прочно и просто въ этомъ домѣ, отличавшемся не барской красотой дворца русскаго богача, а скорѣе изысканной простотой дома англійскаго или американскаго банкира.

И съ виду особнякъ этотъ казался какимъ-то заѣзжимъ иностранцемъ предъ грязнопольскими домами; выграшенъ онъ дико-сѣрой краской, вездѣ чугунъ и камень, деревянные подѣлки — краснаго дерева; на окнахъ жалюзи и маркизы; у подѣзда ни тигровъ, ни львовъ, ни швейцара: небольшія краснаго дерева двери заперты наглухо и вмѣсто тяжелой мѣдной ручки на нихъ блеститъ бѣленькая пуговка отъ электрическаго звонка; посреднѣ маленькая фарфоровая дощечка, на которой четкими буквами (не крупно, но и не мелко) вырѣзано имя хозяина этого уютнаго дома по-русски и по-французски: вверху — Н. Н. Стрекаловъ, а внизу — N. Strecaloff; на фронтонѣ никакихъ эмблемъ и гербовъ; надъ воротами никакой надписи, — словомъ, ничего лишняго, затѣйливаго, рассчитаннаго на эффектъ. Небольшой дворъ, выложенный цокольнымъ камнемъ, тоже сіялъ чистотой и порядкомъ, рѣдкими въ русскихъ дворахъ; конюшни были не хуже иной гости-

ной, а людскія службы à part, помѣщавшіяся въ порядочномъ разстояніи отъ барскаго дома, глядѣли крайне опрятно. Дворъ былъ окруженъ каменною стѣной и калитка въ ней (соединявшаяся съ домою крытой галереей, уставленной цвѣтами) вела прямо въ большой садъ, раскинувшійся на берегу рѣки.

Садъ, какъ и домъ и дворъ, обличалъ акуратнаго хозяина: дорожки вездѣ расчищены и посыпаны краснымъ пескомъ, клумбы расположены симметрично, а деревья подстрижены; на небольшой лужайкѣ была устроена гимнастика: столбы, лѣстницы, гигантскіе шаги, а двѣ красивыя бесѣдки, пріютившіяся въ зелени, назначались для отдыха; въ одной изъ нихъ, поставленной передъ сажой стѣной, стояла американская качалка и токарный станокъ. По всему чувствовалось, что хозяинъ этихъ уютныхъ мѣстъ совсѣмъ не заботился о красивыхъ видахъ, иначе онъ непременно перенесъ-бы бесѣдку на самый край сада, на высокій, крутой берегъ Быстрой, такъ-какъ съ обрыва открывался красивый видъ: внизу шумѣла Быстрая, впереди синѣлъ лѣсъ, вправо зеленѣли поля и луга и терались, сливаясь съ неясными очертаніями высокой горы.

Утро давно стояло надъ рѣкой и жизнь на ней давно шумѣла, особливо на мосту, гдѣ мужицкія лошади съ трудомъ подымали на крутой подъемъ взвѣзда тяжелые возы и, останавливаясь, протестовали противъ непосильной тяжести. Мужики сердились, кричали и ругались и словно гулъ какой висѣлъ надъ рѣкой съ той стороны.

Молча и точно свысока поглядывалъ каменный домъ на мелкія людскія заботишки. Каменный домъ еще спалъ, и ничто не могло обезпокоить сна его обитателей. Казалось, до него не долеталъ грохотъ жизни снизу, а если и долеталъ, то не могъ пробраться сквозь толстыя стѣны, тяжелыя драпри, мягкіе ковры и потревожить сна. Недаромъ-же хозяинъ построилъ свой особнякъ за чертою города и недаромъ-же вымостилъ довольно порядочное разстояніе передъ домою торцовой мостовой.

Ровно въ девять часовъ (ни минутой позже) къ подъѣзду подкатили дрожки и ровно въ девять часовъ (ни минутой раньше) изъ дверей вышелъ Николай Николаевичъ Стрекаловъ и поѣхалъ на заводъ, по направленію къ рѣкѣ. Съ отъѣздомъ хозяина скоро проснулась и хозяйка и на дворѣ началось движеніе. Рыжій ла-

кей медленно проходилъ изъ людской въ дому, меланхолически потирая очень большой носъ и бакенбарды рыже-огненного цвѣта; изъ дома выбѣжала востроглазая брюнетка-горничная и, остановивъ лакея посреди двора, сказала:

— Скорѣй, Филать, чай накрывайте: сейчасъ встаетъ.

Филать не тотчасъ отвѣтилъ: онъ сперва потеръ бакенбарды и любовно взглянулъ на Фіону своими добрыми, голубыми глазами:

— Успѣемъ еще!

— То-то успѣете! Барыня, сами знаете, васъ не очень-то обожаетъ, а вы копааетесь; видно, баки свои прекрасныя все расчесываете?

— А я, Фіона Андреевна, ни мало не обижаюсь на ироническій тонъ горничной, отвѣчалъ Филать, — опять сегодня сонъ видѣлъ, будто вы...

— Нечего, нечего, засмѣялась брюнетка, — сны рассказывать! Я вамъ разъ сказала! Идите-ка лучше скорѣй, а-то Арина Петровна жалованье ваше порастрясетъ!.. Туда-же со страстью, рыжій чортъ! тихо прибавила Фіона, надувъ губки.

Филать собирался-было отвѣтить, что ему на нелюбовь барыни начихать и что Арина Петровна ему не страшна, только-бы она, Фіона, взглянула на него ласковѣе, но пока онъ собирался и теръ свои бакенбарды, точно онѣ были источникомъ его вдохновенія, бойкая горничная успѣла юркнуть въ корридоръ и скрыться въ комнатахъ, такъ-что приготовленная рѣчь замерла на филатовыхъ губахъ. Онъ махнулъ рукой, молча пошелъ въ комнаты и сталъ накрывать на столъ, бережно разставляя чайную посуду, о которой онъ теперь думалъ меньше обыкновеннаго; его мысли вертѣлись около Фіоны. Затѣмъ Филать турнулъ къ дьяволу почему-то набѣжавшаго на мысль колосовскаго камердинера Гришу и чуть не разбилъ дорогую фарфоровую чашку; тогда онъ снова обратилъ все свое вниманіе на посуду, вспомнилъ, что нынче мѣсячный расчетъ, и поморщился. „Позавчера хрустало разбилъ — пожалуй, опять будетъ вычетъ!“

Тутъ Филать рѣшительно положилъ: еще разъ начистоту объясниться съ Фіоной, и если она не дастъ слова выйти за него замужъ („чѣмъ я не мужъ?“ пробѣжало у него въ головѣ, когда онъ взглянулъ на себя въ зеркало и, вѣроятно, былъ един-

ственнымъ человѣкомъ, оставшимся довольнымъ своей фізіономіей), то уйти изъ этого дома, гдѣ все на строгостяхъ да на „книжкахъ“ (Филать не любилъ эти „книжки“) и гдѣ онъ сильно полюбилъ, на свою бѣду, „этого дьявола — Фіону“.

Въ это самое время, за нѣсколько комнатъ отъ столовой, рѣшалась судьба Филатоваго мѣсячнаго жалованья.

Въ изящно убранномъ дамскомъ кабинетѣ, гдѣ все было безукоризненно чисто и мило, за маленькимъ письменнымъ столомъ сидѣла Настасья Дмитріевна Стрекалова и пересматривала расчетныя книжки. На видъ ей казалось лѣтъ тридцать пять; она сохраняла слѣды замѣчательной красоты и, поддерживая ее разными косметическими средствами, смотрѣла еще очень красивой женщиной. Высокій лобъ, сѣрые, строгіе, стальные глаза, сжатые тонкія губы и выраженіе какого-то сдержаннаго, холоднаго довольства—вотъ ея наружный портретъ. Отъ этой стройной, изящной фигуры въ бѣломъ пеньюарѣ, обшитомъ брусселями, вѣло строгой добродѣтели и холодомъ, точно эта женщина была ходячимъ олицетвореніемъ долга, созданная природой нарочно для того, чтобы своей непорочной, добродѣтельной особой колоть глаза слабому и порочному человѣку; она вся, казалось, вся насквозь была пропитана сознаниемъ собственнаго превосходства и безукоризненности и напоминала собой тѣ замѣчательныя своей красотой и безстрастностью женскія лица, на которыхъ, какъ на мраморѣ, застыла строгая улыбка, объясняющая всѣмъ и каждому: „я исполняю свой долгъ безупречно; я вѣрная жена, добродѣтельная мать и аккуратная хозяйка!“

Въ такихъ женщинъ часто влюбляются, но рѣдко любятъ. Въ двадцать лѣтъ онѣ цѣломудренныя красавицы дѣвушки; въ тридцать — роскошныя красавицы жены; въ пятьдесятъ — непремѣнно ханжи со строгими правильными лицами и съ неумолимымъ приговоромъ на устахъ ко всему, что спотыкается, ошибается и падаетъ.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Настасьи Дмитріевны, сзади, почтительно стояла пожилая женщина въ темномъ коричневомъ платьѣ съ худенькимъ сморщеннымъ лицомъ, на которомъ правый глазъ служилъ дьяволу, а лѣвый — Богу. Лукавая на видъ, съ лисьимъ взоромъ и кошачьими манерами, Арина Петровна имѣла

репутацію вѣрной и неподкупной слуги и, въ дѣлѣ домашняго управленія, была правой рукой Настасьи Дмитріевны; она, ключница, имѣетъ отдѣльную комнату и ѣсть съ господскаго стола. Арина Петровна — дѣвница и такъ-какъ дѣвница престарѣлая, то очень нравственна, строга и исправно блюдетъ нравственность прислуги въ стрекаловскомъ домѣ; отерывать интригу—ея любимое занятіе, ловить въ проступкахъ — пріятное развлеченіе; она пользуется расположеніемъ Настасьи Дмитріевны, ее терпитъ самъ Стрекаловъ, ее не любятъ гувернеры и гувернантки и ненавидитъ вся прислуга.

— Ну, а Филать—что? спрашивала Настасья Дмитріевна, поднявъ глаза и оставивъ бѣлый, выхолонный, съ розовымъ миндалеобразнымъ ногтемъ палецъ на цифру 20, поставленную противу имени Филата въ расчетной книжкѣ.

— Что-же я смѣю сказать, барыня, про своего-же брата? Кажется, ничего себѣ! отвѣчала Арина Петровна, не безъ умысла подавивъ вздохъ.

— Лѣнивъ онъ очень, Арина, и посуду часто бьетъ?

— Это ужъ что и говорить!.. Вотъ позавчера — я и забыла, по старости, доложить вамъ—хрустальную вазу изъ-подъ варенья разбилъ. Имъ что: думаютъ: господское, бей!

Настасья Дмитріевна молча написала противу имени Филата очень изящнымъ, красивымъ англійскимъ почеркомъ: „штрафъ по третьему разряду“.

— А поведеніе какъ? Пьетъ?

— Не замѣтно, кажется, не замѣтно барыня! тихо прошипѣла Арина Петровна.—Вотъ только... замаялась старая лисица.

— Что? подняла медленно на нее глаза Настасья Дмитріевна.

— Ужъ я и не знаю, слѣдуетъ-ли вамъ докладывать, матушка Настасья Дмитріевна; конечно, онъ это больше отъ баловства... Вчерась, проговорила Арина Петровна, понизивъ голосъ, — двѣ рюмки хереса изъ бутылки, убирая со стола, выпилъ!..

— То-есть у-к-р-а-л-ъ? отчеканила Стрекалова.

— Видно, лубавый попуталь! Убираль онъ со стола, да и налилъ себѣ двѣ рюмки до краешковъ, выпилъ и облизался. Я изъ буфетной замѣтила и срамить его стала, а онъ на меня-же напустился и заурчалъ подъ свой длинный носъ: „ну что-жъ,

говорить, жалтесь, на то вы шпионка!“ Обидѣлъ меня за то, что я барское добро расхищать не дам! прибавила Арина Петровна, вытирая платкомъ маленькіе глаза, покрывшіеся влагой.

Настасья Дмитріевна вздохнула, не безъ соболѣзнованія показала своей красивой головкой, шепнула: „кажется могъ-бы не воровать!“ и поставила въ книжкѣ крестикъ.

Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что въ администраціи домашняго управленія стрекаловскаго дома постановка креста означала первое предостереженіе; послѣ трехъ такихъ крестовъ или предостереженій прислуга увольнялась изъ стрекаловскаго дома и о каждомъ крестѣ прислугѣ сообщалось черезъ Арину Петровну. Кресты ставились за важныя проступки; за менѣ важныя налагались штрафы, которые были трехъ разрядовъ: въ 3 рубля, въ 2, 1 р. и въ 75 и 50 копѣекъ; иногда — впрочемъ, чрезвычайно рѣдко — налагались двойные штрафы.

Нечего и говорить, что стрекаловская прислуга не особенно одобряла подобный порядокъ устрашенія, но она получала большое жалованье (втрое противъ того, что платили обыкновенно въ Грязнопольѣ) и шла въ этотъ домъ, рассчитывая какъ-нибудь не проштрафиться и получить жалованье если и не сполна (такой мечты никто не питалъ!), то хоть за малымъ вычетомъ.

По долгу справедливаго лѣтописца слѣдуетъ сказать, что хотя штрафы часто и налагались, но за то часто и прощались, а именно во время амнистій, объявляемыхъ Настасіей Дмитріевной и санкціонированныхъ Ариной Петровной; такія амнистіи бывали въ дни большихъ праздниковъ: рождества, крещенія, пасхи, благовѣщенія, усненія и въ дни рожденій и именинъ хозяина, хозяйки и ихъ дѣтей. По замѣчанію Настасьи Дмитріевны, штрафы налагались для того, чтобы „народъ нашъ пріучался къ порядку, бережливости и нравственности“.

И правда, стрекаловская прислуга отличалась степенностью, благообразіемъ и молчаливостью; обращеніе съ прислугой было вѣжливое и строгое; бранныя слова отнюдь не допускались — Стрекалова ихъ выносить не могла; любовь была подвергнута остракизму; Настасья Дмитріевна не могла-бы потерпѣть „этого у себя дома“ и за „этимъ“ строго наблюдала Арина Петровна; словомъ, Настасья Дмитріевна держала бразды внутренняго управ-

ленія въ крѣпкихъ рукахъ и всегда говорила, что если она „платить людямъ хорошее жалованье“, то въ правѣ, въ свою очередь, и отъ нихъ требовать „честнаго исполненія своихъ обязанностей“.

Стрекалова еще нѣсколько времени занималась съ ключницей и слушала ея доклады. Нѣкоторое сомнѣніе въ дѣлѣ нравственности возбуждалъ было молодой подъ-кучеръ Михай, котораго Настасья Дмитріевна на-дняхъ замѣтила „какъ-будто черезчуръ веселымъ на козлахъ“, но Арина Петровна счумѣла уладить это недоразумѣніе къ благополучію своего любимца Михея, объяснивъ, что онъ, „съ роду веселый“. За то другіе не избѣжали своей участи и Арина Петровна была довольна. Такъ, младшая горничная Катя была оштрафована по первому разряду за „неблагопристойное противорѣчіе“ Аринѣ Петровнѣ (читай: за то, что на Катю заглядывается Михай, что Аринѣ Петровнѣ, почему-то, крайне не нравится), конюхъ Сидоръ (Исидоръ, какъ пишетъ Настасья Дмитріевна) былъ наказанъ по третьему разряду за „неприличіе въ одеждѣ“. Сама Настасья Дмитріевна съ ужасомъ увидѣла въ окно, какъ Исидоръ шель по двору въ однихъ исподнихъ, „чуть не безъ платья“, по выраженію строгой хозяйки, и наконецъ садовникъ Антипъ былъ оштрафованъ по второму разряду за „неуваженіе къ чужой собственности“, иначе за продажу господскаго горшка цвѣтовъ на сторону.

Покончивъ съ расчетами, Настасья Дмитріевна выдала Аринѣ Петровнѣ деньги для раздачи жалованья, выслушала отъ нея свѣжую сплетню о Колосовой, причемъ не побрезгала войти въ самыя сокровенныя подробности сплетни, и послала Арину Петровну доложить дѣтямъ и гувернантѣ, чтобы шли пить чай. Затѣмъ Настасья Дмитріевна поднялась съ кресла, взглянула въ зеркало, вырвала нескромный сѣдой волосокъ, облѣвшій въ чудной, густой, черной косѣ, и тихо вышла изъ комнаты.

XII.

Въ тотъ-же день, часу во второмъ, пара кровныхъ сѣрыхъ рысаковъ круто осадила фэтонъ у подѣзда стрекаловскаго дома и Александръ Андреевичъ Колосовъ выскочилъ и позвонилъ. Филать, уже во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, молча и угрюмо отворилъ

двери и на вопросъ: „принимають“? лаконически отвѣчалъ: „у себя, пожалуйста!“ снялъ съ гостя пальто и отворилъ боковую дверь.

Черезъ рядъ комнатъ, убранныхъ съ той изящной простотой, какой вообще отличался этотъ домъ, Колосовъ дошелъ до маленькой гостиной, гдѣ, на диванѣ, передъ круглымъ столомъ, сидѣла Настасья Дмитріевна. Увидавъ Колосова, Настасья Дмитріевна пріятно улыбнулась, усадила гостя въ кресло „поближе“ и крайне любезно освѣдомилась о здоровьѣ „милѣйшей Надежды Алексѣвны“. Колосовъ поцѣловалъ ручку хозяйки, сказалъ, что жена несомнѣннѣ здорова, „простудилась во время вчерашняго катанія (тутъ Стрекалова вздохнула и посовѣтывала французскія лепешки) и велѣла передать Настасѣ Дмитріевнѣ „самый низкій поклонъ“, добавилъ Колосовъ, нагибая голову. На вопросъ Стрекаловой: „скоро-ли въ деревню“? Александръ Андреевичъ отвѣтилъ, что, вѣроятно, въ іюнь, и поторопился отъ имени жены пригласить Настасью Дмитріевну „посѣтить ихъ скромную деревушку лѣтомъ, пріѣхать погостить со всемъ семействомъ.“ Настасья Дмитріевна опять протянула свою ручку (сперва взглянувъ на нее не безъ пріятнаго чувства: рука, дѣйствительно, была хороша), которую Александръ Андреевичъ снова поцѣловалъ, и замѣтила: „она такая милая, ваша Надежда Алексѣвна!“ Тутъ Колосовъ поспѣшилъ узнать о здоровьѣ „прелестной Ольги Николаевны, живого портрета матери“, и „несравненнаго Федя, который обѣщаетъ походить на отца“, на что Настасья Дмитріевна усмѣхнулась, шепнула: „вы отчаянный льстецъ“ и замѣтила, что дѣти здоровы, вѣроятно, читають въ саду съ mademoiselle Епогте, причеиъ прибавила, что французенка „образованная молодая дѣвушка, много училась“, что „нынче, слава Богу, и женщины взялись за умъ“, такъ-какъ „требованія становятся шире“. — „Вотъ и я на старости лѣтъ“, улыбнулась Настасья Дмитріевна, „учиться вздумала, читаю Маколея! Преинтересная книга!“

Хозяйка и гость такъ мило любезничали другъ съ другомъ, что имъ обоимъ надобѣли эти дипломатическія прелюдіи.

— Вѣдь я знаю, не спроста прикатилъ ты сюда! подумала Настасья Дмитріевна, рассказывая о вчерашней прогулкѣ на лодкѣ, когда „луна такъ мягко, нѣжно свѣтила.“

— Экая шельма! Льется-то какъ, льется! шепталъ въ душѣ Колосовъ, прибавляя въ слухъ: „на лодкѣ кататься очаровательно, но не рано-ли, Настасья Дмитріевна? Беречься надо; чего добраго, не долго и гриппъ схватить! Нынче повѣтріе, Настасья Дмитріевна!“

И Колосовъ такъ кротко, серьезно глядѣлъ на хозяйку, что та не удержалась, чтобы въ умѣ не произнести весьма не лестный для Колосова эпитетъ.

— А Николай Николаевичъ, по обыкновенію, занятъ? освѣдомился Колосовъ.

— Nicolas на заводѣ. Сегодня суббота и тамъ у него расчеты, скучная матерія! Да не послать-ли за нимъ? проговорила Настасья Дмитріевна, ровно на столько приподымаясь съ дивана, на сколько требовало приличіе (ни на полдюйма больше). А то онъ сожалѣть будетъ, что васъ не видалъ...

— Э, полноте, зачѣмъ беспокоить? У Николая Николаевича время—деньги, а у меня его всегда найдется и для васъ, и для него.

— Не скромничайте, Александръ Андреевичъ. Вѣдь и у васъ хлопоты, дѣла... Мы-бы менѣ спокойно спали, если-бы не знали, что у насъ такой предводитель...

— Послѣднее время, слава Богу, послѣднее время, Настасья Дмитріевна. Вотъ скоро земскіе выборы будутъ и часть обузы съ меня свалится...

— Да кто-жъ, какъ не вы, Александръ Андреевичъ, предсѣдателемъ управы будетъ? Кому-же, кромѣ васъ? удивилась Стрекалова.

Колосовъ даже обидѣлся отъ такого предположенія и горько усмѣхнулся.

— Да хоть вы-то пожалѣйте меня, добрая Настасья Дмитріевна, вѣдь я и съ предводительствомъ-то усталъ...

— Но согласитесь, Александръ Андреевичъ, что для блага общества...

— Конечно, благо общества—святое дѣло, но вѣдь человѣкъ прежде всего эгоистъ и о себѣ хочетъ подумать. Усталъ я, старь стала и спина побаливаетъ; ближе къ старости, отдыху хочется. Какъ сдамъ свое предводительство, забьюсь въ Новоселье и стану хлѣбъ сѣять; ну ихъ со службой совѣмъ. Земство—дѣло по-

вое, трудное... По счастью, въ городѣ ужъ называютъ будущаго предсѣдателя управы.

— Кого?

— Говорять, а вы знаете, Настасья Дмитріевна, гласъ народа—гласъ Божій, что выберуть князя Сергія Николаевича Вяткина! тихо проговорилъ Колосовъ, глядя на Настасью Дмитріевну съ невинностью младенца.

При этой новости въ сердцѣ Настасьи Дмитріевны заскребли кошки; глаза ея какъ-то странно блеснули и рука что-то очень шибко перебирала каемку батистоваго платка. Впрочемъ, Настасья Дмитріевна была дама опытная и замѣтила:

— Что-жь... князь Вяткинъ весьма почтенный человѣкъ!

— И съ такимъ стариннымъ именемъ, потомокъ Рюрика! подказалъ Колосовъ.

— Да, и съ именемъ! повторила Стрекалова и вспомнила, не безъ боли, что у нея нѣтъ родовыхъ предковъ.—Но—entre nous soit dit—князь нѣсколько отъ времени отсталъ, ядовито усмѣхнулась Настасья Дмитріевна.

Колосовъ не „смѣлъ спорить противъ этого“. Напротивъ, „вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ уважаемой Настасьи Дмитріевны“, онъ замѣтилъ, что для земства нуженъ былъ-бы человѣкъ болѣе дѣятельный, молодой и, главное, „не зараженный сословными предразсудками“.

— Конечно, раздѣленіе сословій—историческая необходимость, но нельзя-же въ настоящее время быть крѣпостникомъ *pur sang*. Земство именно должно примирять, сгладить эти различія...

— Вѣдь надо, продолжалъ Александръ Андреевичъ и даже впалъ въ нѣкоторый пафосъ, — вѣдь надо, говорю я, о желѣзныхъ дорогахъ подумать, позаботиться о народномъ образованіи, наши проселки—*ses routes du diable*—исправить! А князь, хоть и заслуженный человѣкъ, но на все это туговать, усмѣхнулся Колосовъ.

— И вдобавокъ глухъ! пришила Стрекалова.

— Намъ нуженъ человѣкъ образованный, продолжалъ горячо Колосовъ, — человѣкъ, сознающій потребности народа и умѣющій стоять на высотѣ своего положенія... И если есть такой человѣкъ, то это...

— Кто-же? послѣшила спросить Настасья Дмитріевна.

— Уважаемый всѣми Николай Николаевич! неожиданно сказалъ Александръ Андреевичъ, глядя въ упоръ на хозяйку.

Настасья Дмитріевна была поймана въ распахъ. Мысль о предѣдательствѣ давно ею лелѣялась и инициатива этой мысли принадлежала самой Настасьѣ Дмитріевнѣ; но всѣ приготовления дѣлались втайнѣ, крайне осторожно. Она не ожидала нападенія съ этой стороны и улыбнулась, ослабившись, словно котъ, которому къ мордѣ неожиданно поднесли тарелку со сливками.

„Пробрало небойсь? Ужо запоешь, запоesh!“ подумаль грязнопольскій Талейранъ.

Настасья Дмитріевна и вѣрила и не вѣрила искренности словъ Колосова; этотъ задушевный, горячій тонъ, эта серьезная ласковость взгляда на минуту смутили ее. „Не хочеть-ли онъ занять большой суммы?“ пробѣжало у нея въ головѣ и она скоро оправилась; улыбка быстро сбѣжала съ губъ и вмѣсто нея явилось выраженіе не то удивленія, не то скорби.

— Nicolas? переспросила она. — Спасибо, милѣйшій Александръ Андреевичъ за лестное о немъ мнѣніе, но у него у самаго столько дѣла, столько дѣла!.. Просто сердце надрывается, глядя, какъ онъ, бѣдный, работаетъ; вы вѣдь знаете его слабости: разные проекты, постройки, заводы.

— Эту слабость и нужно намъ! воскликнулъ Александръ Андреевичъ. — И я первый, Настасья Дмитріевна, подамъ голосъ за Николая Николаевича!

— Что вы, батюшка? Что вы, Александръ Андреевичъ? Куда это вы меня прочите? раздался вдругъ сзади громкій голосъ, и въ гостиную, не слышно по ковру, вошелъ самъ хозяинъ, Николай Николаевичъ.

Онъ крѣпко, по-англійски, пожалъ руку Александра Андреевича, громко чмокнулъ жену въ губы и повалился въ кресла.

— Куда это вы меня суете, а? Что вы, почтеннѣйшій, Александръ Андреевичъ? Куда намъ купцамъ!? Мы купцы, аферисты, предприниматели! не безъ самодовольства говорилъ Стрекаловъ. — Наше дѣло машины дѣлать, заводы строить, вино гнать, а вамъ — наставлять насъ и оберегать наше дѣло!..

И Стрекаловъ раскатился громкимъ густымъ смѣхомъ.

Послѣ распрасовъ о здоровьѣ Надежды Алексѣевны и замѣча-

ній о погодѣ, разговоръ, конечно, возвратился къ предстоящимъ выборамъ.

— Да, батюшка, земство дѣло нешуточное; смѣло можно сказать: эра новая, — и перекреститься! Съ земствомъ можно много чего сдѣлать: банки завести, рельсовые пути проложить, школы, газъ, водопроводы, да всего и не перечтешь!.. весело говорилъ Стрекаловъ.

— Денегъ только развѣ мало, ни у кого нѣтъ? скромно вставилъ Колосовъ.

— И деньги будутъ, если нашъ братъ помѣщикъ пойметъ, что безъ техническихъ знаній, да съ жизнью не по карману — ему кажутъ. — Николай Николаевичъ сдѣлалъ при этомъ энергическій жестъ и показалъ рукой на полъ. — Рабочій, послѣ реформъ, не одумался, разоренъ; рукъ много и дешево; теперь только не зѣвай и пользуйся временемъ, дѣло можно дѣлать! А дѣлаю я дѣло — у меня народъ сытъ!

Стрекаловъ говорилъ съ жаромъ и видимымъ убѣжденіемъ, и Александръ Андреевичъ не безъ зависти глядѣлъ на этого свободно трактующаго богача, у котораго такой домъ, такіе лошади, такія сигары...

— Вамъ-бы и помочь дѣлу! промолвилъ Колосовъ.

— Куда намъ!? усмѣхнулся Стрекаловъ, хотя довольное лицо ясное солнца говорило, что Николай Николаевичъ не прочь...

— Вообрази, Николай, кого хотятъ выбрать? встала слово Стрекалова. — Я увѣрена, ты даже и не повѣришь...

— Я, Настенька, всему повѣрю. Скажи, что выберутъ полицейскую каланчу и тогда повѣрю. — Кого-же?

— Князя Вяткина!

Стрекаловъ даже осердился.

— Не можетъ быть? обратился онъ къ Колосову.

— Говорять и шибко...

— Да неужели, Александръ Андреевичъ, наша *soit disant* джентри не вѣдаетъ бо, что творить?

— Я самъ только-что говорилъ объ этомъ Настасьѣ Дмитриевнѣ...

— За титулы, что-ли, его выберутъ! громко горячился хозяинъ. — Я всего отставной гвардіи поручишь, какъ видите, не

велика птица! усмѣхнулся Николай Николаевич — и, какъ знаетъ, не жалѣю, объ этомъ... Я вотъ самъ работаю иногда на заводѣ, могу за любой станокъ стать и горжусь этимъ; въ началѣ у меня были крохи, а теперь состояніе. И обязанъ этимъ кому? Одному себѣ! По переднимъ спины не гнуть! Натура не такая, не выдержала-бы... не гнется!

Каріе глазки Николая Николаевича блестѣли ярко, быстро бѣгая по сторонамъ. Онъ говорилъ не останавливаясь, скоро, возбужденно...

— Да не можетъ быть, Александръ Андреевичъ? Неужто вы берутъ князя? Правда, большинство избирателей — помѣщики, но все-таки... *c'est trop fort!*

— Развѣ на нашихъ можно положиться! замѣтилъ Колосовъ.

— Да, трудновато!..

— И даже очень! многозначительно проговорила Стрекалова, уходя изъ гостиной.

Стрекаловъ поднялся съ кресла и быстро заходилъ по комнатѣ. Потомъ нѣсколько фамильярно подхватилъ Колосова подъ руку и повелъ въ свой кабинетъ. Кабинетъ былъ въ стрекаловскомъ вкусѣ — простъ и полонъ удобствъ: дубовая, прочная мебель, обитая чернымъ репсомъ, посреди — большой рабочій столъ, заваленный пластами, чертежами и брошюрами, далѣе конторка со счетами и бумагами, исписанными цифрами; еще столъ съ моделями разныхъ зданій и фабричныхъ и земледѣльческихъ машинъ, по стѣнамъ карты, планы стрекаловскихъ фабрикъ и домовъ, портреты Уатта, Франклина, Стефенсона, Модслея и другихъ знаменитостей, а въ углу большой шкафъ съ богатой бібліотекѣй.

Они усѣлись, закурили сигары и заговорили. Стрекаловъ настоятельно доказывалъ необходимость не стѣсняться „сословными перегородками“, требовалъ земству болѣе простора, „чего при ловкости можно достигнуть“ и беспощадно рисовалъ картины одна мрачнѣе другой.

— У насъ нынче голодъ, а вслѣдствіе того, недовольство! Слѣдуетъ и объ этомъ подумать, Александръ Андреевичъ! Вѣдь вы человѣкъ вліятельный! Неужели вы допустите благое дѣло погибнуть, поручивъ его въ началѣ Вяткинымъ?

Стрекаловъ долго говорилъ на эту тему и говорилъ увлека-

тельно, энергично, рѣзко. Колосовъ слушалъ со вниманіемъ и одобрялъ, повторяя: „да, картина непривлекательная!“, хотя непривлекательность картины ни мало его не смущала.

Переждавъ паузу, во время которой Колосовъ успѣлъ закурить новую сигару изъ ящика Стрекалова, Николай Николаевичъ продолжалъ:

— А у насъ еще скрываютъ голодъ, и разные господа поютъ о всеобщемъ благоденствіи. Не скрывать надо это бѣдствіе, а, по мѣрѣ силъ, истреблять его, строить желѣзные дороги, поощрять заводы, не жалѣть денегъ на пріюты и больницы; жертвовать нужно и дворянамъ и купцамъ, жертвовать пока многимъ, чтобы потомъ, быть можетъ, не въ далекомъ будущемъ, — совсѣмъ понизилъ свой голосъ Николай Николаевичъ, глядя на собесѣдника въ упоръ, — не пришлось-бы пожертвовать большимъ. Вотъ, почтеннѣйшій Александръ Андреевичъ, мое искреннее мнѣніе, и вотъ чего не понимаютъ люди, помогающіе недовольству своими мѣрами... Нынче палкой управлять нельзя, а надо изыскать иные, болѣе мягкіе, хотя по результатамъ и болѣе дѣйствительные способы.

Колосовъ шопотомъ передалъ Николаю Николаевичу о недавнемъ событіи въ земскомъ собраніи и даже заявилъ сожалѣніе, что въ „числѣ гласныхъ мало представителей крестьянскаго сословія“.

— Объ этомъ, такъ по крайней мѣрѣ мнѣ кажется, жалѣть нечего, Александръ Андреевичъ. Хотя нашъ русскій мужикъ не глупъ, особливо въ такомъ дѣлѣ, гдѣ можетъ васъ надуть, но тѣмъ не менѣе согласитесь, задача цивилизаціи для него тоже, что китайская грамота.

Конечно Колосовъ согласился, хотя не безъ нѣкотораго приличнаго колебанія и заявленія о „зататкахъ въ русскомъ народѣ“.

Впрочемъ, и Николай Николаевичъ признавалъ „зататки“, хвалилъ смѣтливость и терпѣніе русскаго человѣка и объяснилъ, что онъ, Николай Николаевичъ, „честный его другъ, но не руссофилъ и смотреть безпристрастными глазами“.

— Стали шибко пьянствовать послѣднее время! говорилъ Николай Николаевичъ. — Ну и честность хромаетъ. Я, напримѣръ, своимъ рабочимъ плачу хорошо и акуратно; отработалъ недѣлю

и получи сполна децъги, если штрафовъ нѣтъ, а онъ все-же на-
рочить что-нибудь у васъ стянуть... Нѣтъ у нихъ этой нѣмецкой
выдержки, этого западническаго уваженія къ чужой собственности...
Индивидуализма нѣтъ! И долго всего этого ждать, если не возъ-
мемся мы сами за умъ!

Не мало еще говорили наши знакомые и говорили оба въ ли-
беральномъ духѣ. Колосовъ окончательно убѣдился, что Стрека-
ловъ не прочь отъ предсѣдательства и что, пожалуй, „загово-
рить, шельма, грязнопольцевъ, падкихъ до рѣчей“, а Стрекаловъ
и въ самомъ дѣлѣ, въ виду возможности выбора Вяткина, не
отказался-бы отъ случая приложить къ дѣлу „мягкіе, но болѣе
дѣйствительные способы“ къ успокоенію умовъ. А кромѣ того
пріятно быть во главѣ либеральнаго учрежденія и, по выраженію
Стрекалова, „дѣло дѣлать“, ну и три тысячи—вещь не лишняя.

Скоро Колосовъ распростился и ѣхалъ къ князю Вяткину.

Онъ чувствовалъ, что къ тремъ тысячамъ ползеть еще рука,
и онъ рѣшилъ во что-бы-то ни стало не допускать этой руки.
„Экій дуракъ! Видно богатство развиваетъ боязнь призраковъ?
Чего боится?. Точно силы нѣтъ?! чуть не хохоталъ про себя
Александръ Андреевичъ,

Такія мысли занимали почтеннаго предводителя, пока онъ ка-
тилъ по грязнопольскимъ улицамъ и пока ему мерещилось много
цѣпкихъ рукъ, тянувшихся къ тому-же, къ чему и онъ тянулся.
„Предводительство и предсѣдательство дадутъ мнѣ гонорарій при-
личный! А мнѣ онъ нуженъ во что-бы то ни стало!“

XII.

— Какое? говорила въ тотъ-же день Настасья Дмитріевна.—
Нынче и Колосовъ либераломъ сталъ!

— Такіе люди, какъ онъ, Настенька, чѣмъ угодно могутъ
быть; гдѣ выгоднѣй, тамъ и они. Колосовъ уменъ, а съ ум-
ными, хоть и фальшивыми людьми, лучше имѣть дѣло, чѣмъ съ
честными, но крѣпкоголовыми Вяткиными...

— И ты думаешь, Вяткина выберутъ?

— Богъ ихъ знаетъ. Колосовъ имѣетъ вліяніе и врядь-ли допустить!

— Чтобъ попасть самому?

— Ну, и это врядь-ли! Репутація его пошатнулась, онъ кругомъ въ долгахъ, поговариваютъ о растратѣ какихъ-то суммъ...

— А умъ, вліяніе?

— Пожалуй, и это не вывезетъ...

— А мы, Nicolas, какъ? Двигаемся-ли? Вѣдь скоро собраніе.

— Мы, мой другъ, находимся пока въ неопредѣленномъ положеніи, впрочемъ, шансы на успѣхъ есть. Купцы подадутъ голоса за меня, нѣкоторымъ изъ нихъ, менѣе сговорчивымъ, обѣщаль вино отпустить дешевле... Нельзя! улыбнулся Николай Николаевичъ, — что твоя Англія: мирволь избирателямъ! Евграфу Ивановичу далъ полтора ста рублей въ займы, редактору „Чижика“ триста на изданіе брошюры о моей фабрикѣ, кстати и о больницѣ скажетъ. Тихановъ вчера взялъ сто рублей; отказать невозможно, хоть и жаль давать этимъ бездоннымъ бочкамъ на шампанское...

— Свое-то этотъ Тихановъ на танцовщицъ спустилъ, а теперь побирается! замѣтила презрительно Настасья Дмитріевна. — Отдачи ждать! конечно, нечего!

— Понятно, кто-же отъ Тиханова можетъ ждать возврата денегъ! Голосистъ, болтунъ, вездѣ бываетъ, говоритъ неглупо и тоже избиратель! смѣялся Стрекаловъ. — Вотъ съ духовенствомъ, Настенька, трудно сладить, ничего въ толкъ не берутъ, хоть ты имъ колъ на головѣ теши. Упираются, да и баста! Мы, говорятъ, по-божески, какъ Богъ велитъ. Намъ, молъ, все равно, какъ прочее общество. Столкуй съ ними, съ этими гражданами-избирателями!

— А хорошо было-бы, если-бы тебя выбрали. Тѣ вѣдь такой разумный да честный, Николай! проговорила Настасья Дмитріевна и нѣжно поглядѣла на мужа. — Тогда-бы и концессию скорѣе получила?

— И все тебѣ обязанъ, мой другъ. Кто подаль мысль? Ты — мой первый министр!

— Ты-бы много добра сдѣлала! Ты, во главѣ, повель-бы земство по честному пути! продолжала жена и на ея, обыкновенно

холодномъ лицѣ, появилась даже умиленная улыбка. — Она съ гордостью смотрѣла на мужа, точно ужь онъ, въ самомъ дѣлѣ, самъ во главѣ, вель „земство по честному пути“.

И Николай Николаевичъ растрогался и лицо его расплылось въ нѣжную улыбку.

Подъ влияніемъ этихъ чувствъ, супруги дали другъ другу нѣжный и продолжительный поцѣлуй.

Въ виду возможности выбора Колосова (Стрекаловъ сильно не довѣрялъ ему) Настасья Дмитриевна рѣшила тотчасъ-же ѣхать въ Борщовой и разузнать. Разумѣется, Николай Николаевичъ одобрилъ это намѣреніе.

— Поѣзжай, Настенька, ты вѣдь всегда и во всемъ моя лучшая помощница!

— Еще-бы! отвѣтила Настасья Дмитриевна.

И взгляды ея точно объясняли: „Кажется, смѣшно и сомнѣваться. Я умѣю исполнять свои обязанности“.

— А что, мой другъ, комната Черемисова готова? спросилъ Николай Николаевичъ.

— Давно. Когда-же онъ будетъ?

— Вѣроятно, завтра. Обѣщаль, по крайней мѣрѣ.

— И пробудетъ годъ?

— Годъ.

— Хорошъ-ли только этотъ Черемисовъ? Знаешь, какъ воспріимчивъ Федя.

— За это не тревожься. Я не возьму какого-нибудь говоруна и пустомелю. Алфимовъ его рекомендовалъ, какъ дѣльнаго и солиднаго молодого человѣка. Я самъ съ нимъ съ часъ говорилъ и остался въ восхищеніи; говорить просто, фактично; знаетъ, видно, много. Говорятъ, въ фабричномъ дѣлѣ и по химіи собаку съѣлъ, я еще его потомъ сманю на заводъ. Толковый парень и, кажется, съ такимъ умомъ, что деньгу нажить можетъ, и не маленькую!

— О цѣнѣ спорилъ?

— Нѣтъ, не спорилъ, такъ какъ я цѣну далъ хорошую: сто рублей въ мѣсяцъ. Впрочемъ, какъ кажется, деньги не презираетъ, не бойсь, какъ эти шатуны-строчилы, въ родѣ этого мерзавца Крутовского! Все обусловилъ, обо всемъ переговорилъ, та-

кой практичный, даже опредѣлить, сколько времени заниматься, ну и явочные акты признаеть! не безъ сочувствія прибавилъ Николай Николаевичъ.—Мы заключили домашнее условіе!

— Кто онъ такой?

— Этого, Настенька, не скажу. Въ откровенности онъ не пускался, да и видно вообще по пусту разговаривать не любить. Больше о дѣлѣ говорили... Солидный молодой человекъ!

— Дай-то Богъ! проговорила со вздохомъ Настасья Дмитріевна, уходя изъ кабинета.

Стрекаловъ сѣлъ къ письменному столу и сталъ разглядывать карту грязнопольской губерніи. Долго онъ сидѣлъ надъ ней, водилъ по картѣ карандашомъ, соображалъ, рассчитывалъ и мысленно покрылъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ всю грязнопольскую губернію.

— Да, если-бы къ богатству да пемного власти, много, много добра можно сдѣлать на свѣтѣ! думалъ Стрекаловъ, улыбаясь своей мысли.

Въ головѣ у него носились широкіе планы: Грязнополье представлялось маленькимъ Нью-Йоркомъ, а самъ онъ созидателемъ; вездѣ газъ, вездѣ ватерклозеты, макадамъ, омнибусы, заводы, фабрики, фермы и коттеджи.

— Да, прибавилъ онъ, — съ властью и деньгами все возможно!

А Настасья Дмитріевна въ это время собрала у Борщовой всѣ нужныя свѣденія: узнала, что Вяткинъ вчера пріѣхалъ, что Колосовъ „интригуеть“ и достала номеръ столичной газеты, гдѣ напечатана была біографія Колосова. Она съ восторгомъ прочитала статью, не безъ радости везла ее мужу и даже къ автору статьи, Крутовскому, чувствовала нѣчто въ родѣ благодарности.

Но пока она везла „біографію“ Колосова, почтальонъ принесъ Николаю Николаевичу письмо изъ Петербурга, въ которомъ одинъ изъ пріятелей Стрекалова послѣшилъ прислать номеръ газеты съ только-что напечатанной корреспонденціей изъ Грязнополя, въ которой не безъ юмора и не безъ хлесткости описывался, разумѣется, подъ вымышленнымъ именемъ, Стрекаловъ и его продѣлка съ рабочими, освѣщенная надлежащимъ свѣтомъ.

Прочитавъ статью, Николай Николаевичъ быстро отодвинулъ

карту, надъ которой сидѣлъ, и вскочилъ, какъ ужаленный; онъ хотѣлъ было немедленно ѣхать къ губернатору, однако, одумался и рѣшилъ дѣйствовать иначе, чтобы вѣрнѣе „пришибить этого мерзавца“.

Когда пріѣхала Настасья Дмитріевна и не безъ торжества подала мужу газету, со словами „прочти, какъ отдѣлали Колосова!“, Стрекаловъ молча подалъ женѣ вырѣзку и промолвилъ:

— А ты прочти, какую гнусность про меня напечатали!

Настасья Дмитріевна поблѣднѣла, однако прочла и губы ея задрожали отъ злости.

— Неужели опять Крутовской?..

— Кому-же больше?..

— Ты что думаешь дѣлать?

— Предложить денегъ этому подлецу и заставить написать контръ-статью...

— Ты думаешь, онъ согласится?

— Такой мерзавецъ навѣрно согласится!..

— И какъ редакторы печатаютъ такіе пасквили?..

— Живутъ этимъ! не безъ презрѣнія замѣтилъ Стрекаловъ. — Я приму мѣры, чтобы этотъ номеръ въ Грязнополѣ не разошелся. Попрошу почтмейстера...

— Господи! Какіе на свѣтѣ дурные люди бываютъ! Что мы ему сдѣлали? За что такая гнусная ненависть противъ честныхъ людей? злобно говорила, какъ полотно блѣдная, Настасья Дмитріевна. — Кажется, тотъ-же Крутовскій собирается защищать этихъ пьяницъ, которымъ ты-же благодѣтельствовалъ и которые отплатили тебѣ тѣмъ, что подали жалобу?..

— Кажется, онъ и адвокатствуетъ...

— Но къ чему-же этотъ пасквиль? мила въ рукахъ ненавистную газету Стрекалова, чуть не плача отъ гнѣва.

— Время такое, Настенька. Всѣ эти негодяи потому только ругаются, что у самихъ у нихъ нѣтъ ума заработать честно свой хлѣбъ... Это все еще цвѣточки, другъ мой, а ягодки еще впереди: не то еще будетъ.

— Какъ я боюсь за Федю...

— Боятся нечего: Черемисовъ не такой.

— А если?..

— Если?... повторилъ Стрекаловъ, ничего не отвѣтилъ и задумался.

— Мнѣ кажется, Николай, Крутовской не возьметъ денегъ, сказала немного спустя Стрекалова.

— Возьметъ, долженъ взять! рѣзко отвѣчалъ Стрекаловъ.

Кажется, Николай Николаевичъ и самъ плохо этому вѣрилъ, потому что съ досадою сказалъ:

— Дуракъ онъ, впрочемъ, большой. Но у меня есть и другія средства заставить его замолчать. Нѣтъ, Настенька, Черемисовъ не похожъ на него... Вѣдь это было-бы ужасно держать около Федя такого человѣка!

Настасья Дмитриевна поцѣловала мужа въ лобъ, пожала ему руку, точно хотѣла напомнить, что она будетъ на-стражѣ, и вышла изъ кабинета, оставивъ Николая Николаевича „успокоиться одного“.

ХІІІ.

Какъ стрекаловскій домъ былъ примѣрнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ точно и супружеская жизнь Стрекаловыхъ была примѣрною во всѣхъ отношеніяхъ. Настасья Дмитриевна была безукоризненная супруга и насчетъ нравственности строга и къ себѣ, и къ другимъ. Николай Николаевичъ держался въ этомъ отношеніи взглядовъ жены, хотя на дѣлѣ и къ себѣ, и къ другимъ былъ снисходительнѣе: дальше засматриванья на хорошенькую горничную (и то только послѣ черезчуръ веселаго обѣда) онъ не шель, дальше щипковъ (и то при соблюденіи крайней осторожности относительно „своей Настеньки“) онъ не осмѣливался и любилъ жену насколько хватало силъ и умѣнья. Вообще онъ носилъ брачныя цѣпи весело, незамѣтно, ласкалъ, холилъ жену, соизъявлялся въ приличныхъ случаяхъ, выдавалъ безконтрольно ежемѣсячно круглую сумму на содержаніе, а она за все это рожала ему здоровыхъ ребятешекъ, заказывала вкусные обѣды, держала домъ въ порядкѣ, знала всѣ привычки Николая Николаевича, начиная отъ любимыхъ сухарей за утреннимъ кофе до любимаго французскаго романа на столикѣ передъ постелью; безропотно сно-

сила мужнины ласки, когда не было свидѣтелей, и считала своей обязанностью окружать мужа всевозможными попеченіями. При этомъ Настасья Дмитріевна обладала счастливой способностью дѣлать все въ свое время: во-время умѣла поговорить съ мужемъ о домашнихъ расходахъ, во-время пошутить, иногда даже слегка пококетничать и во-время подлить мужу за ужиномъ, — когда находила это нужнымъ, — любимаго сержу „своему Николушкѣ“.

Во всемъ была видна съ ея стороны обстоятельность, во всемъ проглядывало святое исполненіе обязанности, но ни въ чемъ не замѣтно было ни страсти, ни увлеченія, и Настасья Дмитріевна втеченіи восемнадцати лѣтъ была вѣрною, любящею супружескія обязанности, законною женою своего мужа, не бывъ ни разу его любовницей. Супруги прожили эти восемнадцать лѣтъ мало того, что счастливо, но даже какъ-то черезчуръ живоотно счастливо, и не только ни разу втеченіи супружества не поссорились, но даже и не побранились. Они видимо тщеславились своимъ согласіемъ и любовью, шли рука объ руку, пѣли тонъ въ тонъ, другъ къ другу были предупредительны, другъ друга звали „другомъ“ и жизнь ихъ шла мирнымъ, однообразнымъ шагомъ, — точно они предварительно рѣшили, что для прочности семейнаго гнѣзда необходимо только „исполнять свой долгъ“, жить спокойно и уютно, трудиться по мѣрѣ силъ, оставить дѣтямъ непоколебленное состояніе и тогда, свершивъ все земное, можно, пожалуй, и умереть спокойно, съ чистой совѣстью, окруженными благодарными дѣтьми. а пожалуй, и внуками.

И счастье ихъ было такъ обаятельно, что многіе благоразумные отцы и матери нерѣдко въ умиленіи указывали своимъ дочерямъ на эту согласную чету и замѣчали:

— Вотъ примѣрные супруги! Вотъ настоящее супружеское счастье!

Казалось-бы, что такіе нѣжные супруги должны были сочетаться бракомъ не иначе, какъ по страсти, но предположившій это былъ-бы очень далеко отъ истины. Николай Николаевичъ женился на Настасѣ Дмитріевнѣ вслѣдствіе многихъ основательныхъ соображеній, въ которыхъ страсть (была, конечно, и ея доля) относилась, какъ единица къ десяти. Стрелаловъ какъ-то

привыкъ къ молодой дѣвушкѣ, у отца которой, откупщика Полуларова, Николай Николаевичъ былъ своимъ человѣкомъ. Настасья Дмитріевна еще въ молодости отличалась роскошной полнотой стана, красотой и благоразуміемъ, а Николай Николаевичъ и прежде, какъ теперь, уважалъ красоту формъ и практичность. Понятно, эти качества и постоянное пребываніе вмѣстѣ сблизили молодыхъ людей. Настасья Дмитріевна и тогда отлично наливала Николаю Николаевичу чай (Стрекаловъ всегда любилъ, чтобы чай наливали аккуратно и чтобы на блюдечкѣ не было ни капли, и Настасья Дмитріевна скоро это замѣтила), понимала хорошую сторону откупщицкаго дѣла и даже могла судить объ откупныхъ операціяхъ, симпатично относилась къ солиднымъ молодымъ людямъ (а Стрекаловъ къ тому-же былъ недурень) и никогда никому не надоѣдала ни пылкостью рѣчей, ни пылкостью привязанности. Напротивъ, она знала всему мѣру и время, и даже разъ, когда Николай Николаевичъ, бывши женихомъ, сталъ черезчуръ нѣжно цѣловать молодую красавицу, красавица тихо отвела его руки и не безъ хладнокровія замѣтила:

— Перестаньте, Николай Николаевичъ. Теперь не слѣдуетъ. Да и пора чай разливать, прибавила она, вставая.

И мѣрной походкой пошла въ столовую разливать чай; никому не забыла положить столько сахару, сколько кто любить, аккуратно поставила передъ Николаемъ Николаевичемъ густыя сливки и домашніе сухари и при всемъ этомъ ея бѣлая рука ни разу не дрогнула. Только румянецъ нѣсколько ярче горѣлъ на щекахъ; но сѣрые глаза, по обыкновенію, глядѣли строго, сжатія губы все-таки не хотѣли разжаться и какимъ-то холодомъ вѣяло отъ этого красиваго лица, точно передъ вами было изящное мраморное изваяніе.

Отецъ Полуларовъ очень любилъ свою дочь и врядъ-ли-бы отдалъ ее замужъ за Стрекалова, тогда еще очень небогатаго молодого человѣка, если-бъ не видѣлъ въ немъ тѣхъ-же качествъ терпѣнія и мастерства въ пользованіи обстоятельствами для наживанія денегъ, какими обладалъ и самъ старикъ. Этими качествами, вмѣстѣ съ умнѣемъ быстро понять суть всякаго пракческаго дѣла, Стрекаловъ отличался съ молодю и еще мальчишомъ любилъ читать о производствѣ и обмѣнѣ и жадно слушалъ въ полуларовскомъ домѣ, въ которомъ почти-что провелъ свое дѣт-

ство, рассказы о подвигахъ русскихъ дѣльцовъ; эти способности мальчика еще болѣе развились во время пятилѣтняго пребыванія въ Англіи, гдѣ онъ, послѣ гимназическаго курса, доканчивалъ свое образованіе и, между прочимъ, изучалъ заводское и фабричное дѣло. Въ странѣ „угля и желѣза“ прирожденные инстинкты молодого русскаго предпринимателя облеклись въ ту изящно-дѣловую англійскую складку, которая рѣдко встрѣчается въ русскихъ дѣльцахъ, устраивающихъ дѣла „какъ Богъ на душу положитъ“: то замѣчательнымъ плутовствомъ, то наглостью и наскокомъ; по-своему восхищаясь „страной закона“, молодой человѣкъ приглядывался къ тамошнимъ порядкамъ, работалъ безъ усталы, учился усидчиво и вынесъ большой запасъ энергіи, сноровку и складъ англійскаго дѣльца. Онъ порѣшилъ составить себѣ состояніе, понимая хорошо, что на родинѣ можетъ съ успѣхомъ приложить знанія, пріобрѣтенныя на чужбинѣ, и вернулся въ Россію завзятымъ англоманомъ. Если-бы не отецъ Стрекалова, чудакъ-помѣщикъ, молодой дѣлецъ немедленно-бы затѣялъ „дѣло“, но, не желая огорчать отца, Николай Николаевичъ поступилъ въ гвардію и, послуживъ столько, сколько требовало сыновнее приличіе, вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ Грязнополе.

Въ полугаровской семьѣ его встрѣтили, какъ родного, и старикъ не безъ уваженія смотрѣлъ на основательнаго, толковаго молодого человѣка. Тѣсное сближеніе стараго дѣльца съ молодымъ началось послѣ одного обстоятельства, при которомъ молодой человѣкъ блистательно доказалъ, что изъ него, какъ говорилъ старикъ Полугаровъ, „человѣкъ выйдетъ“.

Обстоятельство было такое: какъ-то Полугарову понадобились на короткій срокъ деньги и онъ рѣшился обратиться за ними къ своему молодому пріятелю Стрекалову, у котораго было тысячь пятнадцать. Старикъ былъ человѣкъ, умѣвшій со всего снять пѣвку, и думалъ занять деньги выгодно, т. е. безъ процентовъ. Полугаровъ былъ увѣренъ, что молодой человѣкъ (Стрекалову было тогда двадцать пять лѣтъ) дастъ деньги безъ слова, потому что, полагалъ старикъ, въ молодые годы чувство мягче, связи чувствуются живѣй и благодарность еще находить пріютъ въ молодомъ сердцѣ.

И вотъ, однажды, когда Николай Николаевичъ зашелъ въ кабинетъ къ Полугарову посовѣтоваться насчетъ какой-то земли, ко-

торую онъ предполагалъ взять въ аренду, старикъ послѣ разговора объ этомъ дѣлѣ, сказалъ:

— А мнѣ, Николай Николаевичъ, нужно тысячь двѣнадцать. Нѣтъ-ли у тебя, дружище, свободныхъ денегъ?

— Пятнадцать тысячь въ банкѣ есть! отвѣчалъ молодой человекъ.

— Дай-ка мнѣ ихъ, пожалуйста; оборотъ нужно сдѣлать, а деньги всѣ въ операціяхъ; мнѣ всего на шесть мѣсяцевъ.

— А сколько вы, Дмитрій Ивановичъ, платите процентовъ? продолжалъ Николай Николаевичъ.

— Что ты, что ты? шутливо засмѣялся старикъ;—своему старому пріятелю да на проценты?.. Ну, шутилъ старикъ, — полъ процента въ мѣсяць довольно?

— Дружба дружбой, уважаемый Дмитрій Ивановичъ, а деньги деньгами. Полагаю, что за полъ процента вы денегъ нигдѣ не достанете, а за два процента въ мѣсяць я съ удовольствіемъ предложу вамъ требуемую сумму. Надѣюсь, это и вамъ будетъ удобно, такъ какъ теперь время горячее и денегъ достать за меньшій процентъ трудно.

Старикъ пристально взглянулъ на Стрекалова и замѣтилъ:

— Ну, братецъ, ты деньги-то наживешь! Изъ тебя человекъ выйдетъ!.. Согласенъ, согласенъ, продолжалъ Полугаровъ, —отчего и не дать умному человеку двухъ процентовъ... Неси свою кошну... неси!

— Самою собою вы, Дмитрій Ивановичъ, заемное письмо мнѣ дадите. Надѣюсь, тогда дѣло будетъ аккуратнѣе...

— Аккуратнѣе... именно! повторилъ старикъ. —Изволь, Николай Николаевичъ, и заемное письмо дамъ...

— И проценты, конечно, впередъ?..

— Впередъ... впередъ!.. Да! Изъ тебя человекъ выйдетъ. Богатъ будешь! повторялъ Полугаровъ и ласково потрепалъ Николая Николаевича по плечу.

Скоро послѣ этого происшествія старикъ болѣе сблизился съ молодымъ человекомъ, подающимъ большія надежды, и, удостовѣрившись, что Стрекаловъ обладаетъ большимъ практическимъ умомъ и умѣньемъ вести дѣла, далъ молодому человеку пай въ дѣлѣ, и дѣло, при помощи молодого человека пошло замѣтно лучше. Черезъ два года Николай Николаевичъ уже былъ женихомъ его дочери.

И тутъ молодой человѣкъ показалъ себя достойнымъ уваженія Дмитрія Ивановича.

Когда старикъ, отдавая замужъ Настиньку, выразилъ мнѣніе, что не лучше-ли Николаю Николаевичу вмѣсто назначенныхъ въ приданое пятидесяти тысячъ получать ежегодно по 15 процентовъ, Николай Николаевичъ скромно, но не безъ твердости замѣтилъ, что, конечно, „проценты, и такіе большіе,—вещь хорошая“, но тѣмъ не менѣе „онъ полагаля-бы и надѣялся, — что и Дмитрій Ивановичъ съ этимъ согласится, — что капиталъ въ рукахъ представитъ болѣе гарантій“, причѣмъ присовокупилъ:

— Мало-ли что впередъ случится... Пойдутъ дѣти, нужно о нихъ позаботиться!

Однимъ словомъ, Николай Николаевичъ настоялъ на своемъ и получилъ наканунѣ свадьбы наличными деньгами пятьдесятъ тысячъ. Старикъ и тутъ хотѣлъ-было дать на двадцать тысячъ веселей, но молодой человѣкъ не безъ рѣшительности отклонилъ это предложеніе.

— Нѣтъ спору, замѣтилъ онъ, что веселя, особливо ваши, — тѣ же деньги, но Настинька и я предпочли-бы банковые билеты... Оно, знаете-ли, какъ-то надежнѣе. Вы, конечно, поймете, Дмитрій Ивановичъ, что я настаиваю единственно потому, что понимаю, какія обязанности вытекаютъ изъ брака...

— Пойму, пойму, другъ мой! говорилъ старикъ не безъ ироніи; однако, веселей не далъ, а далъ наличныя.

Свадьба была не пышная. „Непроизводительный расходъ“, говорилъ Стрекаловъ. „Много народу“! согласилась Настасья Дмитріевна. — Какъ до свадьбы Настасья Дмитріевна не считала въ числѣ своихъ обязанностей принимать слишкомъ нѣжныя ласки отъ Николая Николаевича, такъ теперь она считала своей обязанностью принимать жаркіе поцѣлуи безъ всякаго смущенія. Она отвѣчала на ласки ласками методично, скорѣй съ сладострастьемъ, чѣмъ со страстностью.

Первое-же утро супружеской жизни, Настасья Дмитріевна показала, что она не забываетъ и другихъ своихъ обязанностей. Замѣтивъ, что сливки къ кофе были не слишкомъ горячи, она сдѣлала выговоръ лакею, предупредивъ его своимъ ровнымъ металлическимъ голосомъ, чтобы впередъ этого не было, и когда Николай Николаевичъ хотѣлъ поцѣлуемъ смягчить ея первое послѣ

свадьбы неудовольствіе, она не безъ стыдливости замѣтила по французски, что „при людяхъ цѣловаться стыдно“ и повторила лакею выговоръ.

Любила-ли она?

По своему, конечно, любила.

XIV.

Нѣсколько времени послѣ свадьбы, зять и тесть вели дѣла вѣстѣ, но пронеслися слухи объ уничтоженіи отпуповъ да крожѣ того сгорѣла знаменитая ситцевая полугаровская фабрика, и зять отдѣлился отъ тестя. Послѣ раздѣла Стрекаловъ могъ считаться во ста тысячахъ. Предсказанія его о томъ „мало-ли, что впередъ можетъ случиться“ сбылись: послѣ уничтоженія откуповъ, дѣла старика Полугарова пошли плохо, тутъ-же подоспѣло освобожденіе крестьянъ, тоже надѣлавшее бѣдъ неумѣвшему извернуться Полугарову. Дѣла его окончательно запутались и онъ понемногу совсѣмъ разорился и, наконецъ, разоренный, умеръ на рукахъ у растроганныхъ зятя и дочери, которые, впрочемъ, не рискнули своимъ состояніемъ, чтобы во время спасти старика отъ банкротства.

Дѣла Николая Николаевича въ то время, наоборотъ, шли отлично. Онъ зналъ технику многихъ производствъ, одинъ изъ первыхъ въ то время завелъ пароходное общество, съ толкомъ читалъ разныя спеціальныя книги по заводскому и фабричному дѣлу, зналъ химію, понималъ сельское хозяйство, прилагалъ прочитанное со смѣлостью на практикѣ и дѣла его шли блестяще. Ему, какъ говорятъ, везло. Онъ строилъ фабрики, заводы и имѣлъ успѣхъ. Въ то время, когда помѣщики плакались на „эманципацію“ и бросали земли, Стрекаловъ скупалъ ихъ за безцѣнокъ, смекнувъ, что эмансипація съ небольшимъ надѣломъ, собственно говоря, не мѣшаетъ ему выгодно сдавать земли. Онъ еще и во время крѣпостного состоянія освободилъ крестьянъ, надѣливъ ихъ по полторы десятины на душу, не безъ остроумія замѣчая:

— Крѣпостной работаетъ хуже, ну, и заботься крожѣ того о немъ, а наемный—денежки получилъ и баста. Не годится—вонъ. Было-бы болото, а черти, всегдѣ найдутся.

Николай Николаевичъ почитывалъ политико-экономическія книжки. Восхищался Смитомъ и въ развитіи промышленности видѣлъ конечную цѣль блага и цивилизаціи; съ этой стороны идеаломъ его была любимая имъ Англія съ ея безчисленными заводами, фабриками и мастерскими. Поклонникъ Бруно-Гильтебранта, Жюля Симона, Рошера, Сея и другихъ экономистовъ, русскій англійзированный практикъ Николай Николаевичъ вполнѣ раздѣлялъ ихъ мнѣніе и радъ былъ, что „гидра пролетаріата не виситъ надъ русской землей“. Впрочемъ, еслибъ и явился пролетаріатъ, то это было-бы, по мнѣнію Стрекалова, неизбѣжное зло, помочь которому могли-бы сами пролетаріи трудолюбіемъ и бережливостію.

Съ своими рабочими,—а у Стрекалова ихъ было временами до трехъ тысячъ,—Николай Николаевичъ обращался относительно хорошо; онъ и во время крѣпостного состоянія не наказывалъ тѣлесно, кормилъ вволю, но донималъ ихъ штрафами; при Стрекаловскихъ заводахъ и фабрикахъ были и школы и больницы, но въ нихъ какъ-то неохотно шель мужикъ, тѣмъ болѣе, что и тамъ Стрекаловъ завелъ такую дисциплину и такой казарменный порядокъ, которые удивительно пугали русскаго человѣка.

Съ крестьянами (Стрекаловъ имѣлъ нѣсколько имѣній) Николай Николаевичъ тоже велъ дѣла ловко и хорошо при помощи штрафовъ.

Пока онъ наживалъ деньги и предпринималъ предпріятія, Настасья Дмитріевна ежегодно рожала по ребенку; но изъ восьми человѣкъ дѣтей осталось въ живыхъ только двое: сынъ и дочь. Въ послѣднее время у Стрекаловыхъ дѣтей не было. Настасья Дмитріевна находила, что рожать утомительно и что частые роды портятъ красоту, и рѣшила, что можно обойтись и безъ дѣтей....

— По крайней мѣрѣ капиталъ не раздробится! Ну, и тебѣ, Настенька, не такъ тяжело!

Такимъ образомъ, они порѣшили съ этимъ вопросомъ.

Дѣтей своихъ Стрекаловъ любилъ безъ памяти и дѣти росли среди довольства, ласкъ, подъ присмотромъ бонъ и гувернантъ, сперва нѣмки, потомъ англичанки и, наконецъ, французенки. Образование имъ, по словамъ родителей, хотѣли дать основательное, и правда: и сынъ и дочь уже въ четырнадцать лѣтъ знали четыре языка, свободно на нихъ говорили, не худо знали гимназическій курсъ и мастерски играли на фортепіано; сынъ, кромѣ того, изучилъ бухгалтерію. Когда сыну минуло пятнадцать лѣтъ отецъ

задумалъ приготовить его къ университету (для чего и пригласилъ Черемисова), а по окончаніи курса рѣшилъ послать на за-водъ въ Англію. Дочь, которой было семнадцать лѣтъ, еще училась и тоже должна была присутствовать на нѣкоторыхъ урокахъ Черемисова, конечно, въ присутствіи гувернантки.

Стрекаловы жили скромно, особнякомъ. Самъ онъ былъ постоянно занятъ, то въ разъѣздахъ, то дома за дѣломъ; жена не любила выѣздовъ; впрочемъ, у нихъ былъ небольшой, но избранный либеральный кружокъ грязнопольскихъ жителей. Судебный персоналъ былъ, конечно, въ томъ числѣ.

Въ послѣднее время Николай Николаевичъ лелѣялъ самую завѣтную мысль; ему хотѣлось получить концессію; разъ это дѣло сорвалось, но онъ не унывалъ и хотѣлъ испробовать удачи во второй; предсѣдательства онъ желалъ, какъ средства скорѣй подвинуть дѣло; впрочемъ, и безъ него онъ надѣялся, что зимой все будетъ рѣшено, такъ-какъ приготовленія всѣ были сдѣланы и даже для этого онъ часто приглашалъ къ себѣ въ домъ молодого предсѣдателя грязнопольскаго суда, имѣвшаго въ Петербургѣ большія связи, который не безъ особеннаго удовольствія заглядывался на дочь Стрекалова. „Если-бы Ольга полюбила его, иногда мечтала Стрекаловъ, дѣло-бы значительно подвинулось; конечно, заставлять ее не буду!“ Онъ только искусственно сближалъ ихъ, чему помогала, конечно, и Настасья Дмитриевна, такъ-какъ, помимо связей, предсѣдатель, по ихъ мнѣнію, былъ солидный, взыщный молодой человѣкъ съ блестящей карьерой впереди, которая, того и гляди, приведетъ его къ министерскому креслу.

— Какихъ концессій только ни получишь тогда! слишкомъ пылко мечтала добрая мать!

Б. Станюковичъ.

(Продолженіе будетъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ АЛЕКСАНДРА ПЕТЁФИ.

КАНУНЪ НОВАГО ГОДА.

I.

Сегодня общій день расчетовъ
Для всѣхъ хозяевъ настаеть;
Они приходятъ и расходамъ
За прошлый годъ выводятъ счетъ;

Въ своихъ итогахъ отмѣчаютъ,
Что прожилося, что проживешь,
И съ лицъ стираютъ капли пота,
Которымъ купленъ каждый грошъ.

У насъ-же, въ счастью, подруга,
Былъ въ деньгахъ вѣчно недочетъ,
За то мы рукъ не загрязнили
И съ нашихъ лицъ не льется потъ.

.
.
.

II.

Прошедшій годъ встрѣчалъ я
Одинъ въ углу своемъ,
А нынче, слава Богу,
Сидимъ мы здѣсь вдвоемъ.

Дѣла, пожалуй, дальше
Пойдутъ такимъ путемъ:
Черезъ годъ втроемъ мы будемъ,
А тамъ и вчетверомъ.

III.

Но шутки прочь передъ лицомъ больного!
 Годъ умираетъ передъ нами,—
 Нашъ добрый другъ къ намъ не вернется снова
 И свѣтлыми не подаритъ насъ днями.
 Ему въ вѣнецъ въ послѣднія мгновенья
 Вплетаемъ мы свои благословенья.

Соединилъ онъ вмѣстѣ руки наши
 На вѣкъ—на радость и печали
 И нашу жизнь онъ сдѣлалъ вдвое краше,
 Пославъ намъ все, о чемъ мы не мечтали...
 Ему въ вѣнецъ въ послѣднія мгновенья
 Вплетаемъ мы свои благословенья.

И если скорбь, какъ радости, бывало,
 Въ сердца вливалъ онъ тоже,
 То счастья она не отравляла,
 А дѣлала его вдвойнѣ дороже.
 Ему въ вѣнецъ въ послѣднія мгновенья
 Вплетаемъ мы свои благословенья.

Еще одинъ недолгій мигъ остался—
 И смолкнетъ сердце передъ нами,
 Потухнетъ взоръ, который любовался,
 Какъ счастья день насъ озарилъ лучами...
 Ему въ вѣнецъ въ послѣднія мгновенья
 Вплетаемъ мы свои благословенья.

IV.

Кончина года—мигъ великій!
 Невольно лучший изъ людей
 Въ подобной мигъ спѣшитъ замкнуться
 Отъ всякихъ дразгъ въ душѣ своей.

Прощаетъ онъ не только другу,
 Но и врагу прощаетъ онъ...
 О, чудный подвигъ! Неужели
 Тебя свершить я принужденъ?

ОДИНОЧЕСТВО.

Ничтожному цвѣтку, простой былинкѣ
 Свѣтило дня отрадный шлетъ привѣтъ,
 Но у тебя, любовь—свѣтило жизни—
 Ни одного луча для сердца нѣтъ.
 Ко мнѣ никто не приходилъ съ любовью,
 Я не слыхалъ, чтобъ въ мірѣ ктонибудь
 Промолвилъ мнѣ: „приди ко мнѣ въ объятія
 И этотъ свѣтъ холодный позабуди!“

Мнѣ не сказалъ никто: „ты такъ измученъ,
 Я поддержу тебя своей рукой!“
 Никто не смылъ съ чела слѣдовъ кровавыхъ,
 Оставленныхъ тяжелою борьбой.
 Я одинокъ... На высохшую вѣтку
 Не прилетитъ веселыхъ птицъ семья...
 Но мрачныя, назойливыя думы,
 Какъ вороны, преслѣдуютъ меня.

А молодость уходитъ... Всѣдъ за нею
 Уходитъ жизнь!.. Забытый я стою
 И чувствую: въ объятіяхъ холодныхъ
 Смерть леденитъ живую кровь мою.
 Когда-жъ я въ нихъ совсѣмъ оконченъю,
 На бѣдный трупъ не канетъ теплыхъ слезъ
 И насыпи могильной не украситъ
 Никто, никто кустами свѣжихъ розъ...

Забытый холмъ отмѣтится, быть можетъ,
 Полугнилымъ, некрашеннымъ крестомъ
 И сорною травой, не возбуждая
 Ни грустныхъ думъ, ни тайныхъ слезъ ни въ комъ,
 И только ты, ночная вьюга, станешь
 Рыдать надъ нимъ: ты мнѣ была сродни,
 Мнѣ откликомъ сестры всегда казался
 Тревожныя рыданія твои.

ВО ТЬМѢ.

Дни зрѣлости—тревожной жизни лѣто—
Идутъ къ концу и молодость—весна
Всѣ чудные цвѣты взяла съ собою,
Рой чудныхъ сновъ взяла съ собой она.
Умогло съ ней и жаворонка пѣнье,
Въ часъ утренній будившее меня...
Сгустилась тьма и въ ней, мой ангелъ чистый,
Льетъ кроткій свѣтъ одна любовь твоя.

Румяный лучъ уже не свѣтитъ въ небѣ,
Смолкаютъ птицъ безпечныхъ голоса,
Въ пустомъ гнѣздѣ засвищетъ скоро буря
И зашумятъ встревоженно лѣса...
И въ снахъ моихъ не листьевъ сладкій шелестъ,
А вой грозы проносится, шумя...
Сгустилась тьма и въ ней, мой ангелъ чистый,
Льетъ кроткій свѣтъ одна любовь твоя.

Какъ на поляхъ росы блестящей капли,
Какъ сотни звѣздъ, сіявшихъ въ тьмѣ ночной,
Всѣ радости дѣйствительность сгубила
Суровою, нещадною рукой.
Дневныхъ заботъ удушливыя тучи
Безжалостно гнетутъ теперь меня...
Сгустилась тьма и въ ней, мой ангелъ чистый,
Льетъ кроткій свѣтъ одна любовь твоя

Съ уступовъ скалъ чрезъ сказочныя страны
Бѣжитъ, звеня, потокъ воды живой,—
То славы ключъ: онъ опьянялъ когда-то
Меня своей живительной струей.
Онъ не изсякъ, но пусть бѣгутъ другіе
Къ его водамъ, ненужнымъ для меня...
Сгустилась тьма и въ ней, мой ангелъ чистый,
Льетъ кроткій свѣтъ одна любовь твоя,

Когда порой я скорбь свою забуду
И Венгрія на память мнѣ придетъ,—
Я вижу въ пей испорченное племя,
Къ паденію стремящійся народъ.

Я съ злобою хватаю мечъ... Но тщетно!
 О родниѣ рыдаю только я..
 Сгустилась тьма и въ ней, мой ангелъ чистый,
 Льетъ кроткій свѣтъ одна любовь твоя.

Люби меня любовью безпредѣльной,
 Такъ пламенно, какъ я тебя люблю,
 И перелей изъ дѣвственнаго сердца
 Тепло и свѣтъ въ больную грудь мою.
 Свѣти мнѣ днемъ, свѣти во мракѣ ночи,
 Въ тебѣ весь міръ остался для меня..
 Сгустилась тьма и въ ней, мой ангелъ чистый,
 Льетъ кроткій свѣтъ одна любовь твоя.

СЕЛЬСКІЙ УЧИТЕЛЬ.

Среди дурныхъ учителей
 Процентъ хорошихъ малъ;
 Изъ сотни скверныхъ одного
 Прекраснаго я зналъ.

О немъ я память сохранилъ
 И, точно какъ живой,
 Онъ и теперь киваетъ мнѣ
 Плѣшивой головой.

Совсѣмъ плѣшивымъ былъ добрякъ,
 Но я невиненъ въ томъ,—
 Онъ былъ старикъ, давно отцвѣлъ
 И жилъ холостякомъ.

Поблекли всѣ его цвѣты
 И лишь одну изъ розъ
 Онъ сохранилъ,—то былъ его
 Большой багровый носъ.

Та роза дѣлалась пышнѣй
 И ярче съ каждымъ днемъ,
 За то и онъ не забывалъ
 Полить ее виномъ.

И былъ таковъ законъ судьбы
Что могъ цвѣсти цвѣтокъ,
Когда кропилъ его росой
Ближайшій погребокъ.

Подъ нимъ длиннѣйшіе усы
Крутились и вылись:
Одинъ топорщился наверхъ,
Другой спускался внизъ.

Изъ подъ усовъ виднѣлся ротъ
И трубка съ табакомъ;
Какъ уполовникъ въ котелкѣ,
Всегда торчала въ немъ.

Его венгерка—красота
Давно минувшихъ лѣтъ:
Первоначальный цвѣтъ ея—
Былъ неизвѣстный цвѣтъ.

На ней затѣйливый узоръ
Былъ выведенъ снуркомъ,
И даже молніи стрѣла
Запуталась бы въ немъ.

Чрезмѣрно узкія штаны
Носились чудакомъ,
Но на одной ногѣ онѣ
Болталися мѣшкомъ.

Хоть и помучился я съ нимъ,
Но многое постигъ,
Все потому, что былъ всегда
Чертовски добръ старикъ.

Ему подобнаго нѣто,
Конечно, не найдеть:
Лежали книги подъ столомъ
У насъ изъ года въ годъ.

Когда незная ничего,
Стоялъ я столбъ-столбомъ,
Онъ говорилъ мнѣ: „не бѣда,
Узнаешь все потомъ!“

За то и самъ я за добро
 Умѣлъ добромъ платить
 И несъ ему въ подарокъ все,
 Что успѣвалъ добыть.

Взявъ ветчину и колбасы
 Въ его-же кладовой,
 Я несъ ихъ въ даръ ему—и онъ
 Ихъ истреблялъ со мной.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЕЛКА.

Зачѣмъ ты вновь мой уголь озарила?
 Ты видишь-ли лицо мое уныло?
 Ты видишь-ли, я плачу въ тишинѣ?

Прочь, праздника семейнаго картина!
 Прочь! Озаряй жилище семьянина!—
 Я одинокъ, я одинокъ вполне...

Бросаетъ въ дрожь отъ этого сознанья
 И, какъ на зло, опять воспоминанья
 Мой бѣдный умъ нещадно леденять.

Не такъ я жилъ! Сверкали счастьемъ очи,
 Когда со мной въ рождественскія ночи
 Справляли пиръ отецъ, и мать, и братъ

Въ кругу семьи не знали мы ненастья
 И страшныхъ бурь,—и будничное счастье
 Досталось намъ за кротость и любовь

Мы ближняго безхитростно любили,
 У насъ бѣднякъ и путникъ находили
 Участіе, насущный хлѣбъ и кровь.

Наградой за все явилось горе:
 Нахлынула нужда на насъ, какъ море,
 И пристань-смерть ждала насъ впереди.

Я вынесъ бы нужды тяжелой бремя,
 Когда бы я, какъ и въ былое время,
 Могъ отдохнуть среди родной семьи.

.

Да, наша жизнь, любимые, сурова!
 Мы тщетно ждемъ, когда мы сядемъ снова
 Всѣмъ четверомъ у нашего стола...

Но я гоню надежду добровольно:
 Она сладка, я вѣрилъ ей невольно,
 И каждый разъ коварная лгала!

Простился я, семейный мiръ, съ тобою:
 Мой приговоръ давно рѣшенъ судьбою
 И радостей напрасно просить грудь.

Я не блещу спокойною планетой,
 Но бурно мчусь, какъ грозная комета,
 Вдали отъ всѣхъ въ свой безотрадный путь.

ПОСЛѢДНІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Что это: небо-ль, склепъ-ли черный?
 Да, это склепъ—и въ немъ стоитъ
 Земного шара гробъ просторный.
 Тамъ въ вышинѣ надъ нимъ блестять
 Не дня роскошное свѣтило,
 А свѣтъ лампы гробовой
 Тренещетъ слабо и уныло
 Въ борьбѣ съ царящей темнотой.
 Никто молчанья не тревожить
 И только слышно, какъ въ потьмахъ
 Червякъ могильный тихо гложетъ
 Тѣла, остывшія въ гробахъ.
 Давно смежились эти взоры,
 Когда-то полные огнемъ,—
 Зловѣщимъ пламенемъ раздора,
 Любви привѣтливомъ лучомъ.
 Какъ въ окна изъ домовъ паденья
 Глядятъ развратницы, изъ нихъ

Смотрѣли гордое презрѣнье,
 Коварство, зависть, униженіе
 И сотни подлостей людскихъ.
 Но взоры сомкнуты. Остали
 Сердца людей—остылъ тотъ адъ,
 Гдѣ сотни демоновъ царили,
 Гдѣ пламенѣль пороковъ ядъ.
 Костеръ потухъ и сталъ золою...
 Всему, всему конецъ одинъ:
 Спятъ другъ съ продажною душою,
 Уснулъ предатель-гражданинъ,
 Заснули дѣти преступленья
 И смолкли раньше, чѣмъ они,
 Тревожной совѣсти мученья,—
 О ней людскія поколѣнья
 По слухамъ знали въ наши дни...
 Смерть побѣдила эти силы,
 Сковала взоры и сердца
 И только я среди могилы
 Въ тяжелыхъ думахъ жду конца.
 Что-жь медлишь, смерть? Иль въ самомъ дѣлѣ
 Борьбы со мной боишься ты?
 Нѣтъ! Безвозвратно отлетѣли
 О битвахъ смѣлая мечты,
 Прошли отважныя стремленья
 Бороться съ міромъ и судьбой.
 Теперь я сдамся безъ сраженья:
 Ты—урагана дуновенье,
 Я—слабый звукъ передъ тобой!

ВЫБОРЪ СМЕРТИ.

Если Богъ промолвить мнѣ, какъ сыну:
 „Я тебѣ позволю самому
 Выбрать смерть, какую пожелаешь“—
 Я съ мольбою обращусь къ нему:

Чтобъ осенній день былъ тихъ и ясенъ,
 Чтобъ подъ солнцемъ желтый листъ блестѣлъ
 И чтобъ пѣсни прощальную надъ лѣсомъ
 Предъ отлетомъ жаворонокъ пѣлъ.

Чтобы также точно, какъ природа,
 Въ день осенній тихо я угасъ,
 Чтобъ впервые смерти приближенье
 Я замѣтилъ въ своей послѣдній часъ.

Чтобъ, какъ птица, пѣснью лебединой
 Огласилъ я воздухъ въ этотъ мигъ,
 Чтобъ волшебный звукъ дошелъ до неба,
 Чтобъ въ сердца людскія онъ проникъ.

Чтобъ во слѣдъ за смолкнувшею пѣсней
 Поцѣлуй закрылъ уста мои—
 Поцѣлуй твой, добрая подруга,
 Достоянье лучшее земли.

.

А. Михайловъ.

ИНДУСТАНЪ И АНГЛИЧАНЕ.

III.

Переходъ власти надъ Индіей въ руки правительства не избавилъ страну отъ деспотизма: ею неограниченно начало управлять индійское министерство, контролировать дѣйствія котораго парламентъ не въ состояніи. Новые правители ни въ чемъ существенномъ не измѣнили старой системы, и уничтоженіе Компаніи вовсе не было кореннымъ переворотомъ для Индіи.

Военные грабежи, о которыхъ мы говорили въ первой статьѣ, медленно, но постепенно регулировались и переходили въ мирную и систематическую эксплуатацію страны. Чиновникамъ назначалось громадное жалованье, акціонерамъ выдавался произвольно возвышенный дивидендъ, остъ-индское управление все больше и больше входило въ долги и платило за нихъ милліоны процентовъ, численность арміи увеличилась и содержаніе ея въ 1871 г. стоило уже 16,500,000 фунтовъ. Система налоговъ, изобрѣтенная англичанами по отношенію къ Индіи, ничѣмъ не уступала тѣмъ „денежнымъ набѣгамъ“, которые совершалъ Гэстингсъ. Главные доходы въ Индіи получаютъ съ земли и съ монополій соли, опія и другихъ предметовъ; разныя случайности, напр., неурожай, засухи подвергаютъ количество этихъ доходовъ сильнымъ колебаніямъ. Поэтому англичане постоянно отыскивали новые и новые предметы обложенія и возвышали сборы до такой степени, что нерѣдко доводили народъ до открытаго бунта. Въ 1810 г. лордъ Минто ввелъ налогъ на окна. Народъ заволновался. Жители Бенареса, индусы и мусульмане, брамины и судры, женщины

и дѣти, даже всѣ уличныя воры, въ числѣ 200,000 человѣкъ, заперли лавки и прекратили рѣшительно всѣ занятія, объявивъ, что они не возвратятся къ нимъ, пока несправедливый налогъ не будетъ отмѣненъ. Его принуждены были отмѣнить. Лордъ Торрингтонъ, въ свое кратковременное управленіе Цейлономъ (1847—1850 г.), возвысилъ гербовыя пошлины, обложилъ крупными налогами собакъ, охотничьи ружья, лавки, магазины и ввелъ поголовную дорожную повинность натурой. Все это произвело кровопролитное возстаніе 1848 г. Въ Ориссѣ исторія англійскаго владычества началась грабежами и народными волненіями. Каждый годъ правительство получало длинные списки собственниковъ, которые отбивались отъ сборщиковъ съ оружіемъ въ рукахъ или бѣжали отъ нихъ въ лѣса и тростниковыя заросли. Въ 1830 г. администрація Ориссы стоила 150,000, а въ 1870 году—316,852 ф. ст. Въ такой-же степени увеличились и налоги. Нѣкоторые изъ нихъ сильно возвышаютъ цѣны на первыя жизненныя потребности. Таковъ налогъ на соль. Въ Бенгалѣ соль стоитъ собственно около 6 копеекъ центнеръ, а налогъ на нее составляетъ 2 рубля 62 копейки! Народъ, вслѣдствіе этого, употребляетъ очень мало соли, а это вредно отзывается на благосостояніи всего населенія. Вообще индійскіе расходы въ 1856 г. составляли 33,378,000 ф. ст., а въ 1870 г. возвысились до 50,782,000 фунтовъ. Въ такой-же степени возрасли налоги и увеличилась бѣдность. Съ перваго взгляда сумма индійскихъ налоговъ не велика, потому что, раздѣливъ ее на число жителей, оказывается, что каждый изъ нихъ платитъ въ годъ не болѣе 7 шиллинговъ, т. е. 2 рублей и 14 коп., между тѣмъ какъ каждый англичанинъ уплачиваетъ ежегодно не меньше 19 рублей. Но надо принять во вниманіе слѣдующее обстоятельство. Англія, производительность которой опредѣляется въ 900,000,000 ф. ст., платитъ налоговъ 72,000,000, а Индія, производя ежегодно меньше, чѣмъ на 300,000,000, уплачиваетъ болѣе 50,000,000. Слѣдовательно, съ cadaго фунта стерлинговъ уплачивается въ Индіи 3 ш. 4 пенса, а въ Англіи 1 ш. 8 п. Эта разница становится еще ощутительнѣе оттого, что $\frac{19}{20}$ англійскихъ налоговъ снова обращаются въ тотъ-же народъ, съ котораго взяты, а большая часть денегъ, взимаемыхъ съ Индіи, увозится въ Англію. Кромѣ налоговъ, съ Индіи выжимается ежегодно отъ 6 до 8 милліоновъ

процентовъ за долгъ, не говоря уже о тѣхъ неисчислимыхъ, но громадныхъ убыткахъ, которые терпитъ бѣдный народъ, входя въ долги для уплаты податей и попадая въ слѣдствіе этого въ кабалу къ сборщикамъ и другимъ спекуляторамъ, сосущимъ эту страну.

Налоги разорили народную массу еще во второй половинѣ прошлаго вѣка, и лордъ Корнуэльсъ настаивалъ на необходимости коренной реформы, которая „могла-бы возстановить благоденствіе страны и дать ей возможность приносить существенныя выгоды британскимъ интересамъ и власти въ этой части міра“.

Была произведена поземельная реформа. Во многихъ мѣстностяхъ южной и западной Индіи до сихъ поръ сохранилась еще сельская община. Первоначально вся индійская земля находилась въ общинномъ владѣніи и считалась собственностью обрабатывавшихъ ее лицъ. Община управлялась сама собой, выбирала свои власти, вступала въ союзы съ другими общинами для отраженія непріятели и уплачивала правительству $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{12}$ своихъ продуктовъ, смотря по производительности земли. Мусульманскіе завоеватели, считавшіе государя единственнымъ владѣльцемъ земли, значительно измѣнили эту систему землевладѣнія. Для сбора налоговъ они назначали или выборныхъ или опредѣленныхъ правительствомъ чиновниковъ, которые назывались *земиндарами* или *тамукдарами*. Нѣкоторымъ изъ нихъ жаловались земли; другіе завладѣвали землями сами, взимали вынужденную дань и, наконецъ, вступивъ въ соглашеніе съ правительствомъ, вступали въ роль управителей; третьи, благодаря смутамъ и злоупотребленіямъ, изъ простыхъ сборщиковъ податей превращались въ феодальныхъ деспотовъ; четвертые, взявъ на откупъ налоги, также присвоили себѣ власть надъ подвѣдомственной землею. Всѣ эти сборщики, правители, арендаторы и помѣщики стремились превратить свои права въ наследственныя, хотя собственно въ теоріи никогда не признавалось за ними права собственности и землю владѣлъ обрабатывавшій ее народъ.

Англичане рѣшились воспользоваться земиндарами, чтобы реформировать Индію по своему аристократическому шаблону и ввести въ нее крупное землевладѣніе. Исполнителемъ этой реформы былъ выбранъ лордъ Корнуэльсъ, который сначала безуспѣшно боролся противъ освобожденія Соединенныхъ Штатовъ, а потомъ

порабощалъ Ирландію. Въ 1793 г. 30,000,000 жителей Бенгала, Багора и Ориссы однимъ почеркомъ пера лишены были земля, которыми владѣли они и ихъ предки. Сборщики и откупщики податей, лица, считавшіяся владѣтелями земли, благодаря восточной анархіи и обману, обращены въ наслѣдственныхъ землевладѣльцевъ, обязанныхъ представлять англичанамъ всѣ налоги съ земледѣльцевъ, низведенныхъ въ жалкое положеніе арендаторовъ. На югѣ полуострова, гдѣ мусульмане никогда не достигали полнаго господства и гдѣ древнеиндійскія общинныя учрежденія сохранились въ цѣлости, англичане, несмотря на всѣ свои усилія, никакъ не могли найти даже и такой тѣни крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ земиндары. Здѣсь стали давать землевладѣльчeskія права каждому, кто соглашался принять ихъ вмѣстѣ съ обязанностью принять однажды навсегда установленный налогъ. Народъ былъ ограбленъ и его земля отдана разнымъ кулакамъ и тунеядцамъ. Это возмутило даже мирныхъ и раболѣпныхъ индусовъ. Они упорно отказывались повиноваться вновь испеченнымъ помѣщикамъ, не платили имъ налоговъ и начинали съ ними нескончаемыя тяжбы, несомнѣнно доказывавшія, что всѣ мнимыя права этихъ ланд-лордовъ основаны на произвольномъ захватѣ, на недоразумѣніи и обманѣ. Дѣла запутались въ высшей степени. Противъ одного земиндара велось однажды 3,000 процессововъ!.. Земледѣльцы не платили; земиндары тоже оказывались несостоятельными передъ правительствомъ, и ихъ права продавались новымъ землевладѣльцамъ, власть которыхъ надъ земледѣльцами была значительно расширена. Народъ былъ окончательно разоренъ. Крупные землевладѣльцы жили въ большихъ городахъ, а ихъ агенты опустошали помѣстья и въ ихъ, и въ свою пользу. Народъ разбѣгался въ разныя стороны, усилились разбои, начались голодовки.

Несмотря на это, система Корнуэlsa съ нѣкоторыми видоизмѣненіями была введена почти во всѣ индійскія провинціи, — въ Аудъ и Бенгалъ заведены крупные землевладѣльцы; въ сѣверо-западныхъ и центральныхъ провинціяхъ — менѣе крупные; въ Пенджабѣ — мелкопомѣстные, и только въ Мадрасѣ да Бомбей владѣльцами земли оставлены большею частію сами крестьяне за опредѣленный налогъ.

Крупные землевладѣльцы, накупивъ какъ можно больше земли,

почти никогда не посѣщаютъ своихъ помѣстій, а живутъ въ большихъ городахъ, окруженные всею роскошью, выписанною изъ Парижа и Лондона. Само собою понятно, что ихъ прикащики и управляющіе не церемонятся съ народомъ. Но послѣднему въ крупныхъ помѣстьяхъ все-таки нѣсколько лучше, чѣмъ въ мелкихъ, на которыя больше и больше раздробляется индійская земля. Помѣщики дѣлятъ свои земли между родственниками, отказываютъ ихъ монастырямъ и другимъ религіознымъ учрежденіямъ, жалуютъ ихъ во временное пользованіе своимъ слугамъ, любовницамъ и т. д. Въ концѣ концовъ выходитъ страшная путаница: одной и той-же землей пользуется на разныхъ правахъ нѣсколько владѣльцевъ; арендные участки до того мельчаютъ, что крестьянинъ дѣлается арендаторомъ двухъ-трехъ помѣщиковъ; бѣднѣетъ народъ, бѣднѣютъ и землевладѣльцы. Въ провинціи Орисса было

	помѣстій	владѣльцевъ и занесен- ныхъ въ пере- пись совла- дѣльцевъ.
Въ 1805 г.	2,275	2,517
„ 1829 „	2,380	3,651
„ 1850 „	3,623	8,020
„ 1870 „	5,134	14,232

Къ числу самыхъ крупныхъ и самыхъ вредныхъ землевладѣльцевъ принадлежитъ духовенство. Въ Ориссѣ нѣтъ почти ни одной деревни, часть земли которой не принадлежала-бы монастырю или храму. Сотни монастырей въ провинціи владѣютъ землями, стоящими не менѣе 4,000,000 фун. и получаютъ съ нихъ ежегоднаго дохода болѣе 150,000 ф. Кромѣ того есть цѣлыя деревни, съ лучшими въ странѣ угодьями, которыя до сихъ поръ принадлежатъ аристократическимъ браминскимъ фамиліямъ.

Такимъ образомъ Индія подвергнута всѣмъ невыгодамъ и бѣдствіямъ крупнаго и мелкаго помѣщичьяго землевладѣнія.

Земледѣльцы раздѣляются на арендаторовъ и наемниковъ. Крестьяне дѣлятся на наследственныхъ и временныхъ или переходящихъ (*migratory*). Первые пользуются землей на правахъ наследованія, но за то и платятъ больше, чѣмъ пришлые. Кромѣ аренды, съ нихъ взимаются еще и другіе налоги, число которыхъ въ округѣ Чилка простирается до 23. Если сынъ или дочь по-

мѣщика вступаетъ въ бракъ, крестьянинъ платитъ; онъ платитъ, когда помѣщикъ умираетъ; платитъ ему за право сходить на поклоненіе святымъ мѣстамъ, за право развести сахарный тростникъ, водвигнуть какую-нибудь постройку и т. д. Перехожіе или кочующіе землепашцы вовсе не имѣютъ дома или имѣютъ его въ другой деревнѣ и за право построить его платятъ особый налогъ; землевладѣлецъ можетъ всегда согнать ихъ съ земли; они даже за плату не могутъ пользоваться принадлежащими деревнѣ пастбищами и топливомъ. Еще хуже положеніе многочисленныхъ безземельныхъ пролетаріевъ, число которыхъ постепенно увеличивается и часть которыхъ работаетъ на пашнѣ въ качествѣ поденщиковъ. Народъ плохо питается, живетъ въ дурныхъ помѣщеніяхъ, скотъ плохъ до того, что во многихъ мѣстахъ два вола не въ силахъ тащить плуга. Подати и налоги выплачиваются съ грѣхомъ пополамъ. Крестьяне входятъ въ неоплатные долги разнымъ кабатчикамъ. Въ деревняхъ живутъ обыкновенно хлѣботорговцы и ихъ прикащики, которые скупаютъ или забираютъ за долгъ весь хлѣбъ, еще неснятый съ поля. Даже защитникъ англо-индійской системы, Гѣнтеръ, сознается, что всѣ эти эксплуататоры — „продуетъ британскаго управленія“. Англичане хвалятся, что они прорыли великій индійскій и другіе каналы, проложили новые пути сообщенія, прорѣзали страну желѣзными дорогами; но все это, увеличивъ вывозъ индійскаго сырья и въ частности хлѣба, самымъ губельнымъ образомъ отозвалось на народной массѣ и усилило значеніе упомянутыхъ спекуляторовъ. „Скупщики хлѣба, говоритъ тотъ-же Гѣнтеръ, воспользовались англійскою предприимчивостью. Новые капиталы были пущены въ это дѣло. Вывозъ увеличивается съ каждымъ годомъ и страна лишается запаса, необходимаго для такихъ бѣдственныхъ эпохъ, какъ голодный 1866 годъ“. Большинство землепашцевъ живетъ въ неоплатныхъ долгахъ у этихъ скупщиковъ, у землевладѣльцевъ и у деревенскихъ ростовщиковъ.

Положеніе землепашцевъ еще не самое худшее. Милліоны индійскаго безземельнаго пролетаріата живутъ подъ ежедневнымъ страхомъ голодной смерти. Они принадлежатъ къ многочисленнымъ, болѣе или менѣе презираемымъ кастамъ, напр. солеваровъ, кожевниковъ, кузнецовъ, гончаровъ и т. д. Въ округѣ Пури такихъ отверженныхъ кастъ 57 названій, въ Баласорѣ 49 и т. д. Все это люди крайне бѣдные, полунагіе, большею частію бездомные.

Они работаютъ, какъ вьючныя животныя и получаютъ за это нищенскую плату. Впрочемъ, задѣльная плата постепенно повышается. Въ Баласорѣ поденщикъ земледѣлецъ получалъ въ сутки въ 1850 году около 3½ копеекъ, а въ 1871 г. 7½ коп., плотникъ въ 1850 г. получалъ 7½ коп., а въ 1871 г. — 12½ коп., кузнецы и каменщики въ 1850 г.—8 коп., а теперь—15 коп. Но это возвышеніе платы только призрачное, потому что въ то-же время болѣе чѣмъ удвоились цѣны на всѣ жизненныя потребности. Поденщикъ земледѣлецъ, получавшій въ 1850 г. отъ 12 до 15 фунтовъ хлѣба, и теперь получаетъ столько-же. Плата натурой не увеличилась, а денежная въ сущности даже нѣсколько уменьшилась при всемъ своемъ номинальномъ возвышеніи. Въ Баласорѣ, напр., втеченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ цѣнность народной пищи почти *удвоилась*, а задѣльная плата увеличилась *на одну треть* съ небольшимъ... Въ настоящее время сотни тысячъ этихъ пролетаріевъ заняты на общественныхъ работахъ, при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, при рытвѣ каналовъ и т. д. Что будетъ съ ними, когда кончатся эти временно усиленныя работы? Даже голодная смерть и эпидеміи не въ состояніи избавить отъ нихъ Индію. Во время голода 1866 г. нѣкоторыя касты вымерли *вовсе*, а изъ пролетаріевъ вообще умерло *больше половины*; но теперь уже всѣ погибшіе замѣщены новыми. Вообще, несмотря на всѣ бѣдствія, народонаселеніе Индустана увеличивается. Въ Ориссѣ, напр., въ 1822 г. было жителей 1,296,000, а въ 1869 г. 2,319,000.

Такимъ образомъ поземельная реформа во многихъ отношеніяхъ ухудшила положеніе народа сравнительно съ періодомъ, предшествовавшимъ англійскому владычеству. Такъ, напр., была превращена чуть не въ пустыню цвѣтущая земля роилловъ. Майзоръ, по словамъ знаменитаго историка Индіи, „подъ властью Типпо Саюба былъ самою обработанною странюю, а его жители самымъ счастливымъ народомъ въ Индіи. Подъ англійскимъ-же управленіемъ жители Карнатика и Ауда сдѣлались самыми несчастными людьми на землѣ, и даже Бенгалъ подвергся всѣмъ бѣдствіямъ, какія только можетъ навлечь самое дурное правительство“ (Mill). „Мусульмане, говоритъ Шоръ, гораздо больше заботились о благѣ народа, чѣмъ мы. Одинъ только султанъ Фирусъ Тохлакъ построилъ 50 рѣчныхъ плотинъ для орошенія полей, 40 меч-

тей, 30 учебныхъ заведеній, 100 каравансараевъ, 30 бассейновъ для сохраненія воды внутри страны, 100 больницъ, 150 мостовъ, 100 общественныхъ бань и множество другихъ полезныхъ заведеній. Его примѣру слѣдовали Акберъ, Шахъ Джеханъ и др. Всѣ эти учрежденія подъ англійскимъ владычествомъ превратились въ развалины“. Съ тѣхъ поръ англичане кое-что сдѣлали въ этомъ отношеніи, но далеко еще не вознаградили страну за разрушенныя ими магометанскія сооруженія. Они занимаются главнымъ образомъ дорогами и баналами, выгодными преимущественно для торгующаго класса, и мало обращаютъ вниманія на плотины, отводные и оросительные каналы, запасные водные бассейны, безусловно необходимыя для предотвращенія вредныхъ послѣдствій засухъ и наводненій, весьма частыхъ въ Индіи. Въ Баласорѣ на памяти живущаго теперь поколѣнія было четыре гибельныхъ засухи, въ 1836, 1839, 1840 и 1865 гг. Въ Каттакѣ наводненія, сопровождаемыя ужаснымъ голодомъ, были въ 1832, 1835, 1849, 1852, 1857, 1858, 1863, 1867 гг., а не менѣе ужасныя засухи въ 1834, 1837, 1840, 1841, 1866 гг.! Голодовки, производимыя этими естественными бѣдствіями и человѣческими злоупотребленіями, не имѣютъ ничего подобнаго себѣ въ новой исторіи. Въ 1870 году въ Бенгалѣ умерло съ голода около 10,000,000 человѣкъ и треть страны опустѣла на цѣлые двадцать лѣтъ. Въ 1865—1866 г. въ одной только провинціи Орисса изъ 2,600,000 жителей умерло отъ голода *болѣе 1,000,000 человѣкъ*.

Другой ужасный бичъ народа—болѣзни, эпидемическія и эндемическія. Главная причина ихъ въ экономическомъ запустѣніи страны и народной бѣдности. Вотъ, напр., округъ Пури. Жители пьютъ вонючую воду, вовсе не ѣдятъ мяса и почти вовсе—масла; соли, по ея дороговизнѣ, потребляютъ очень мало; одежда состоитъ изъ лохмотьевъ, едва прикрывающихъ тѣло. Вслѣдствіе этого одна часть народонаселенія постоянно страдаетъ изнурительными лихорадками, другая неизлечимо поражена элифантіазисомъ, третья ежегодно страдаетъ кровавымъ поносомъ, четвертая ежегодно погибаетъ отъ холеры, пятая часто подвергается оспѣ. Эпизоотіи похищаютъ нерѣдко отъ 50 до 90% скота.—Округъ Баласоръ. Гигіеническія условія народной жизни тѣ-же самыя, и вотъ результаты:

Больныхъ элифантіазисомъ отъ 25 до 50%

„	водяной грыжей	25%
„	сифилисомъ	40%

Независимо отъ этого въ сильной степени и постоянно свирѣпствуютъ лихорадки, ревматизмы, поносы, такъ что на каждого жителя среднимъ числомъ приходится не менѣ двухъ серьезныхъ болѣзней, кромѣ эпидемическихъ!.. Всѣ эти болѣзни поражаютъ преимущественно низшіе классы народа. Холера, эта ужасная и постоянная гостья Индіи, приписывается дурной рисовой пищѣ, которая, превращаясь въ экскременты, дѣлаетъ ихъ заразительными. Дурная-же пища и питье порождаютъ и большую часть другихъ болѣзней, которыя свирѣпствуютъ съ особенною силою въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ болѣе скучивается народа. Въ этомъ отношеніи разныя религіозныя праздненства и пилигримства служатъ одною изъ главныхъ причинъ смертоносныхъ эпидемій. Такъ, напр., на праздники стекается отъ 50 до 300 тысячъ пилигримовъ. Они живутъ и питаются здѣсь очень скудно, и отправляются назадъ почти нагими, безъ куска хлѣба. Отъ голода и эпидемій въ Пури и на обратномъ пути ежегодно умираетъ ихъ отъ 10 до 50 тысячъ... А такихъ благословенныхъ мѣстъ, такихъ праздниковъ и такой религіозной смертности въ Индіи не мало!

Поземельная реформа, водворившая въ странѣ экономическую неурядицу и бѣдность, не могла быть осуществлена вполнѣ. Семьдесятъ лѣтъ англичане поддерживали ее всѣми правдами и неправдами и все-таки, наконецъ, пришли къ убѣжденію, что она и не осуществима, и вредна, какъ для народа, такъ и для финансовыхъ цѣлей самого правительства. Общинное землевладѣніе, правда, въ измѣненной и испорченной формѣ, было восстановлено въ сѣверозападныхъ провинціяхъ и Пенджабѣ. Но зло, произведенное поземельною реформой, до сихъ поръ продолжаетъ тяготѣть надъ большею частью Индіи. Не менѣ зла нанесла послѣдней и торговая политика Англіи. Вся торговля съ Индустаномъ, какъ и съ другими колоніями, была захвачена англичанами, которые постарались сдѣлать индійцевъ своими поставщиками сырья и покупателями своихъ мануфактурныхъ издѣлій, выдѣланныхъ большею частью изъ того-же индійскаго сырья. До англійскаго владычества Индія славилась своими мануфактурами. Выдѣлкою тканей, и грубыхъ и самыхъ утонченныхъ, занималась цѣлая половина жителей Индустана. Англичане погубили всю эту промышленность, которая

давала жизнь цвѣтущимъ городамъ и средства для существованія милліонамъ людей. Они обложили тяжелыми налогами всѣ машины, всѣ орудія производства. „Маслобойня, печь гончара, инструменты золотыхъ дѣлъ мастера, пила лѣсопилищика, наковальня кузнеца, топоръ плотника, ткацкій станокъ, лодка рыбака—все было подвергнуто налогу. Не пропущена ни одна какая-бы то ни было машина“ (Кэри). Облагая самыми высокими пошлинами индійскія мануфактуры, не допуская въ Индію никакихъ англійскихъ технологий, Англія, наконецъ, вовсе запретила ввозъ машинъ въ нее. Индійскія мануфактуры были окончательно убиты и народъ принужденъ былъ сосредоточить весь свой трудъ на земледѣліи, при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ аристократической поземельной реформы. Городская жизнь развита очень плохо, и въ то время, какъ сельское населеніе увеличивается, городское во многихъ случаяхъ уменьшается. Даже Калькутта до настоящаго столѣтія была сборищемъ нѣсколькихъ деревень (Hunter, II, 131, Appendix, 11). Въ главномъ городѣ Баласора до сихъ поръ преобладаетъ сельская жизнь и каждый почти житель имѣетъ за городомъ свою пашню.

Систематическое уничтоженіе мануфактурной и промышленной дѣятельности въ Индіи отдало страну въ безусловное распоряженіе англійскихъ фабрикантовъ. Индіецъ отдавалъ англичанину фунтъ хлопка за 1½ копейки и получалъ его обратно въ переработанномъ видѣ на англійскихъ фабрикахъ за 45—50 коп. Обработка дешеваго сырья и дорогая плата за англійскія мануфактуры разорили Индію не менѣе, чѣмъ поземельная реформа. „Такія бѣдствія едва-ли когда нибудь бывали въ исторіи торговли; равнины Индіи бѣлѣютъ костями ткачей хлопчатой бумаги“, писалъ въ 1835 г. генераль-губернаторъ. За то сбытъ британскихъ произведеній въ Индію возрасталъ съ изумительною силою. Въ нее ввозилось:

въ 1848 г.	въ 1858 г.
на 5,077,000 ф. ст.	16,782,000 ф. ст.

Изъ Индіи-же вывозилось:

въ 1838 г.	въ 1858 г.
на 11,774,000 ф. ст.	27,453,000 ф. ст.

Въ томъ числѣ для Китая вывезено опія:

въ 1839—1880 г.	въ 1849—1858 г.
на 3,692,000 ф. ст.	на 6,578,000,000 ф. ст.

Англійская юстиція также не мало содѣйствовала разоренію и угнетенію Индіи. Судебный произволь времени Гэстингса и Импи не повторялся болѣе въ такихъ размѣрахъ, но взяточничество и торговля правосудіемъ не исчезли даже вплоть до настоящаго времени. „Жеприсяга, говоритъ Гентеръ, была существенно принадлежностью каждаго процесса. Одинъ обвиняемый въ убійствѣ подсудимый заявляетъ, что его обвинитель подкупленъ 36-ю центнерами риса, и потомъ требуетъ, чтобы онъ въ доказательство своего доноса подержалъ руку въ кипящемъ маслѣ. Въ другомъ судебномъ документѣ читаемъ: „уплачено одной браминской женщины за свидѣтельство подѣ присягой, по приказанію комитета, 9 фунтовъ 10 шиллинговъ“. Одинъ судья вовсе заперъ судъ и, получая жалованье, занимался торговлей; другой всегда рѣшалъ дѣла въ пользу той стороны, которая представляла ему болѣе длинную просьбу; судьи сплошь и рядомъ брали съ обѣихъ сторонъ и обвиняли ту, отъ которой получали меньше; судьи и полиція находились въ стачкѣ съ ворами и разбойниками и т. д. Туземцы избѣгали суда, потому что онъ былъ слишкомъ дорогъ, медленъ и несправедливъ, а англійскіе законы, въ большинствѣ случаевъ, шли въ разрѣзъ съ индійскими обычаями и понятіями. Въ 1834 г. была образована въ Лондонѣ комиссія для составленія индійскаго кодекса; но эти законы, выработанные знатоками индійской жизни, не были введены въ практическую жизнь, благодаря противодѣйствію Компаніи. Теперь по уголовнымъ дѣламъ европейцы въ Индіи судятся по англійскимъ, а туземцы по индійскимъ законамъ, съ участіемъ присяжныхъ изъ туземцевъ, которые даютъ свой приговоръ и по многимъ гражданскимъ дѣламъ. Суды высшей инстанціи состоятъ изъ англичанъ, а низшихъ инстанцій—или изъ англичанъ и туземцевъ или изъ однихъ туземцевъ. Европейскіе судьи назначаются исключительно изъ воспитанниковъ юридической коллегіи въ Гэлэбери. Адвокаты держатъ весьма серьезный экзаменъ въ комиссіи, состоящей изъ индійскихъ и туземныхъ юристовъ.

Англичане не могутъ нахвалиться, что они уменьшили въ Индіи разбой, въ особенности морскіе. Дѣйствительно, они разрушили множество поселеній морскихъ разбойниковъ и тѣмъ до нѣкоторой степени водворили миръ на морѣ; но съ другой стороны они и

голландцы, своими притѣсненіями создавая многочисленный пролетаріатъ, заставляли его удалиться изъ общества и тѣмъ чрезвычайно усилили разбойничьи шайки малайскаго моря. Что-же касается материка, то здѣсь воровства и разбои не только не уменьшились, но по временамъ даже усиливались. Такъ, напр., въ первой половинѣ настоящаго столѣтія по всему Индустану раскинула свою организацію каста *таговъ*, или воровъ, состоявшая изъ отщепенцевъ всѣхъ кастъ, имѣвшая свой особый языкъ, свои школы, даже свою богиню,—богиню смерти. Разбои и убійства таговъ, таинственность, которою была облечена вся жизнь ихъ, дикій видъ этихъ совершенно нагихъ людей, вооруженныхъ бинжалами, наполнили ужасомъ всю страну. „Ужели не укоряетъ тебя совѣсть за убійство столькихъ невинныхъ людей“? спросили одного атамана таговъ.—„Нисколько, отвѣчалъ онъ. Развѣ можетъ человекъ чувствовать угрызения совѣсти при отправленіи своего ремесла? Не указало-ли провидѣніе особое ремесло каждому изъ насъ? Я никогда не убивалъ: я только орудіе чьей-то воли, которая присуждаетъ къ смерти за грѣхи“.—„Я никого не обижалъ, говорилъ другой разбойникъ, — кто добровольно отдавалъ мнѣ свое имущество. Если-же онъ сопротивлялся, то я наказывалъ его и убивалъ. Развѣ вы, англичане, поступаете иначе? Мы дѣлаемъ въ малыхъ размѣрахъ то-же самое, что вы въ большихъ; вѣдь вся ваша власть основана на произволѣ и насиліи!..“

Успѣхи христіанскихъ миссій въ Индіи до сихъ поръ такъ-же ничтожны, какъ и въ Японіи и въ Китаѣ. Христіанскіе миссіонеры являлись въ Индіи еще въ первые вѣка нашей эры и не оставили послѣ себя почти никакихъ слѣдовъ. Католическіе миссіонеры, пришедшіе съ португальцами, также не могли подѣлать ничего и, имѣя въ виду главнымъ образомъ только распространеніе власти своей церкви, начали поддѣлываться къ индійскимъ понятіямъ и обычаямъ. Такъ, напр., іезуитъ Нобили (1577—1656), принявъ имя *всевѣдущаго* (Tatwa Bodhi), выдавая себя за брамина и раджу, поддѣлалъ будто-бы древній санскритскій документъ, доказывающій, что римскіе брамины старше индійскихъ и происходятъ по прямой линіи отъ Браммы. Нобили велъ жизнь брамина, толковалъ Веды, творилъ чудеса и, перемѣшивая браманизмъ съ христіанствомъ, проповѣдывалъ ученіе какой-то четвертой Веды, будто-бы открытой имъ.

Другіе католическіе миссіонеры дѣйствовали подобнымъ-же образомъ и своими наглыми обманами возбуждали въ индусахъ только одно отвращеніе къ себѣ. Католицизмъ рѣшительно не прививался къ Индіи. Протестантскія секты, миссіонеры которыхъ чрезвычайно распространились въ Индіи съ конца прошлаго столѣтія, также не имѣли успѣха, хотя и находили усердную поддержку въ правительствѣ. Дошло до того, что, назначая въ Индію епископовъ и другихъ духовныхъ, правители заставляли магометанъ, индусовъ и буддистовъ содержать ихъ! На Цейлонѣ въ 1848 г. туземцы платили на содержаніе англиканскаго духовенства 10,220, а на училища только 8,817 ф. ст. Въ 1851 г. жители Индустана, браманисты и магометане, уплачивали въ пользу того-же духовенства 112,425, а на школы только 66,993 фунт. Духовенство Англіи, такимъ образомъ, получало извѣстную долю въ индійской добычѣ... Обращенныхъ въ христіанство такъ мало, что даже сами миссіонеры откровенно признають бесплодность своихъ трудовъ. Браминны и муллы противодѣйствуютъ имъ на каждомъ шагу, возбуждая фанатизмъ въ народной массѣ и распространяя между людьми образованными индусскіе переводы сочиненій Штрауса и Ренана... Бесплодныя усилія миссіонеровъ только поддерживаютъ фанатическую ненависть туземцевъ къ англичанамъ и содѣйствуютъ тому, что каждое возстаніе принимаетъ характеръ священной войны противъ невѣрныхъ. Поэтому лучшіе знатоки Индіи всегда совѣтовали правительству не раздражать народъ съ этой самой чувствительной стороны и не поддерживать миссіонерской дѣятельности.

IV.

Угнетеніе и разореніе страны давно уже поселили въ туземцахъ заклятую ненависть къ британцамъ. Возстанія идутъ черезъ всю исторію англійскаго владычества и значительная часть двухсотмилліоннаго народонаселенія находится въ постоянномъ, традиціонномъ заговорѣ противъ „рыжихъ варваровъ.“ Различныя племена и вѣроисповѣданія Индіи питають другъ къ другу самую фанатическую ненависть, но англійское владычество значительно ослабило эту взаимную вражду и обратило на себя соединенныя

силы всѣхъ вѣроисповѣданій. Жители Цейлона, подъ сѣпю своего палладіума, зуба Будды, совершали серьезные мятежи въ 1817, 1823, 1834, 1843 и 1848 годахъ, причеиъ буддистское духовенство стояло всегда во главѣ возстанія. Плеия сейковъ также исповѣдывало всегда религію войны противъ невѣрныхъ. Вялые индусы до сихъ поръ ненавидятъ христіанъ, считая ихъ нечистыми животными, отверженными Брамой. Одинъ браминъ, сопровождавшій путешественника Бёрнса, по своему возвращеніи, былъ отвергнутъ обществоиъ, какъ нечистая тварь, какъ парія. Еще сильнѣе фанатическая ненависть магометанъ къ англичанамъ. Кроиъ общихъ причинъ, возбуждающихъ эту ненависть во всѣхъ жителяхъ Индіи, мусульмане имѣютъ еще много особенныхъ побужденій къ заклятой ненависти къ британскимъ гуларамъ. Мусульманская аристократія, владѣвшая и управлявшая прежде страной, теперь отодвинута англичанами на задній планъ. Ни въ военной, ни въ гражданской службѣ магометане не получаютъ видныхъ должностей. Въ 1871 г. въ Бенгалѣ, напр., изъ 2,111 гражданскихъ чиновниковъ было европейцевъ 1,338, индусовъ 681 и мусульманъ только 92. Отчасти религіозные предрасудки, отчасти распоряженія самого правительства повели къ тому, что магометане несравненно меньше индусовъ пользуются средствами народнаго просвѣщенія. Въ 1860—1862 г. въ англо-индійскихъ школахъ на 10 индусовъ приходился только 1 магометанинъ. Англичане на деньги, завѣщанныя однимъ мусульманиномъ на „благочестивыя дѣла“, основали гуглійскую коллегію, въ которой нѣсколько лѣтъ назадъ изъ 300 воспитанниковъ не было и 3-хъ мусульманъ! Калькутская магометанская коллегія, существующая уже девяносто лѣтъ, также не принесла мусульманамъ никакой существенной пользы. Въ 1819 г., вслѣдствіе злоупотребленій магометанскаго начальства, начальникомъ коллегіи назначенъ англичанинъ, потомъ заведеніе значительно преобразовано. Оно до сихъ поръ остается лучшимъ и высшимъ въ Индіи учебнымъ заведеніемъ для мусульманскихъ юношей. Но послѣдніе выходятъ изъ него такими-же невѣждами и фанатиками, какими и поступаютъ въ него. Они считаютъ верхомъ премудрости и абсолютной истиной все, чему учатъ арабскія логика, право и грамматика. Они знаютъ, что самыя обширныя страны: во-первыхъ, Аравія, потомъ Англія, Франція и Россія, а послѣ Мекки, Ме-

дины и Каира самый обширный городъ Лондонъ; наконецъ, что англичане — собаки и на томъ свѣтѣ будутъ ворчаться на самомъ горячемъ огнѣ. Мусульмане не расположены учить своихъ дѣтей ни въ индусскихъ, ни въ англійскихъ народныхъ школахъ, а своихъ школъ у нихъ очень мало. Невѣжество поддерживаетъ фанатизмъ, равнодушіе англичанъ къ мусульманскимъ школамъ возбуждаетъ въ магометанахъ сильное недовольство, а существующія мусульманскія школы только поддерживаютъ въ народѣ фанатизмъ и невѣжество.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ одинъ воинственный фанатикъ основалъ магометанскую колонію, лежащую въ неприступныхъ мѣстностяхъ на границахъ Пенджаба. Въ эту колонію стекались со всей Индіи тысячи недовольныхъ мусульманъ и на нее до настоящаго времени обращены взоры всѣхъ индійскихъ поклонниковъ Магомета. Колонисты пользовались каждымъ случаемъ, чтобы начинать священную войну противъ невѣрныхъ англичанъ и индусовъ. Эта война начиналась въ 1820 — 1824, 1827, 1828 — 1830, 1852, 1857 — 1858, 1863, 1868 годахъ и нерѣдко ставила англичанъ въ самое затруднительное положеніе. Но не столько страшна для правительства колонія этихъ бунтовщиковъ, сколько то вліяніе, какое она имѣетъ на магометанское народонаселеніе Индіи. По всей странѣ путешествуютъ или живутъ постоянно агенты этой колоніи, проповѣдуя священную войну, пророчествуя объ ея успѣхѣ и собирая на нее постоянный и организованный налогъ со всѣхъ магометанъ. Эта пропаганда породила цѣлую обширную литературу, которая въ формѣ богословскихъ и юридическихъ трактатовъ, прокламацій, стихотвореній проповѣдуетъ, что „священная война есть обязанность всѣхъ мусульманъ и дѣло въ высшей степени выгодное; какъ дождь приноситъ пользу всѣмъ людямъ, животнымъ и растеніямъ, такъ и всѣ правовѣрные должны участвовать въ выгодахъ священной войны противъ невѣрныхъ“. Эти революціонныя сочиненія открыто продаются въ городахъ и селахъ. Еще опаснѣе для англичанъ агитація проповѣдниковъ войны, проникающихъ въ самыя отдаленныя захолустья. Опасность тѣмъ больше, что этотъ непрерывный мусульманскій заговоръ тѣсно соединенъ съ реформаціоннымъ ученіемъ вагабитовъ, которые очистили магометанство отъ всей обрядовой и церковной внѣшности и возвели его до чистаго

деизма. Вагабитское движеніе давно уже идетъ по всей Азіи, а въ Индіи оно имѣетъ чисто-демократическій характеръ. Въ Индіи, какъ и вездѣ, клерикальные и землевладѣльческіе интересы взаимно связаны, и магометанскій землевладѣлецъ такой-же ревностный приверженецъ мечети, какъ англійскій — государственной церкви. Вагабиты-же, это — анабаптисты въ религіи, радикалы въ политикѣ. Они ведутъ войну и противъ мечетей, и противъ землевладѣльцевъ, какъ магометанскихъ, такъ и индусскихъ; исповѣдуя полное равенство людей и происходя главнымъ образомъ изъ низшихъ классовъ народа, они имѣютъ самыя крайнія стремленія. Благодаря только тому, что ихъ направленіе возбуждаетъ реакцію въ высшихъ магометанскихъ классахъ, пропаганда ихъ до сихъ поръ не имѣла блестящихъ успѣховъ. Ужасный мятежъ 1857 г. показалъ, что не только магометанскія секты, но даже магометане съ индусами могутъ примириться на-время для войны съ британцами *). Возстаніе потоплено въ крови мятежниковъ, но это только усилило ненависть туземцевъ къ побѣдителямъ, и съ тѣхъ поръ не проходило года, чтобы правительство не открывало болѣе или менѣе обширнаго магометанскаго заговора, въ которомъ участвовали лица всѣхъ классовъ общества. По-прежнему агитаторы собирали революціонные налоги, проповѣдывали священную войну и т. д.; а правительство судило ихъ, ссылало, казнило, отмѣнило въ 1868 г. дѣйствіе акта *habeas corpus* и тѣмъ открыло возможность своимъ агентамъ злоупотреблять властью. Полиція начала выдумывать измышленія и заговоры, чтобы только обогащаться на счетъ обвиняемыхъ. Это еще болѣе возбуждало народную ненависть. Въ 1871 году одинъ мусульманинъ убилъ главнаго судью Бенгала, а въ 1872 г. самъ вице-король, лордъ Майо, погибъ подъ ножомъ другого мусульманина. Англичане успокоились тѣмъ, что по судебному слѣдствію эти два убійцы оказались фанатиками, непринадлежащими ни къ какому заговору. Но это только показываетъ, что даже магометане, непринадлежащіе ни къ какому заговору, исполнены того-же враждебнаго духа къ англичанамъ, которымъ одержимы заговорщики и который волнуетъ все мусульманское народонаселеніе. Въ 1871 г. должна была начаться поголовная священная

*) Объ этомъ возстаніи читатель найдетъ не мало интересныхъ статей въ русскихъ журналахъ 1858 и 1859 годовъ.

война. Вопросъ о ней разбирался и въ Индіи, и въ Меккѣ первостепенными магометанскими теологами и законовѣдами. Вслѣдствіе упомянутой уже оппозиціи вагабитамъ съ одной стороны, и вслѣдствіе сознанія неблагопріятныхъ для успѣха обстоятельствъ съ другой стороны, вопросъ этотъ рѣшенъ отрицательно, но въ такомъ смыслѣ, что магометане должны *пока* повиноваться англійскому правительству. Но это повиновеніе только временное и даже въ самыхъ благопріятныхъ для англичанъ отвѣтахъ заявляется, что священная война обязательна для всѣхъ магометанъ, какъ скоро обстоятельства измѣнятся и магометанству будетъ грозить опасность. Возстаніе, такимъ образомъ, отсрочено лишь до тѣхъ поръ, пока магометанскіе авторитеты не найдутъ возможнымъ заявить, что религіи ихъ угрожаетъ опасность...

Но не одни магометане, какъ мы уже говорили, готовы воспользоваться каждымъ благопріятнымъ случаемъ для возстанія. „Чувства недовольства и оппозиціи господствуютъ во всѣхъ классахъ общества, какъ между европейцами, такъ и между туземцами, по поводу постоянного возвышенія налоговъ, писалъ въ концѣ 1870 г. генераль-губернаторъ, лордъ Майо.—Я убѣжденъ, что это составляетъ величайшую политическую опасность. Мы никогда, даже на одну минуту, не могли рассчитывать на сохраненіе спокойствія; но я думаю, что положеніе дѣлъ въ настоящее время серьезнѣе, чѣмъ когда-нибудь“... Серьезность этой опасности заключается лишь въ томъ, что возстаніе произведетъ страшное потрясеніе и разстройство индійскихъ дѣлъ. Что-же касается возможности скорого сверженія англійскаго ига, то въ нее не вѣрятъ ни англичане, ни тѣ туземцы, которые свободны отъ фанатическихъ увлеченій. Но при всемъ этомъ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ освобожденіе Индустана отъ англичанъ представляется неизбежнымъ. Европейская цивилизація, развивающаяся въ Индіи, даетъ ей силы для борьбы и самостоятельнаго существованія.

V.

Въ средѣ англійскаго народа всегда было не мало личностей, которыя совершенно правильно смотрѣли на англійскую политику въ Индіи и старались направить ее на должный путь. „Провидѣніе, говоритъ Чарльзъ Грантъ, — даровало намъ власть надъ Индіей совершенно для другихъ цѣлей, чѣмъ обыкновенно думаютъ наши лорды. Мы должны воспитать этотъ народъ для цивилизаціи. Индусы и мусульмане подъ нашимъ руководствомъ должны постепенно пріучиться къ самоуправленію“. „Задерживать народъ въ его стремленіи къ цивилизаціи совершенно недостойно просвѣщеннаго правительства и великой націи, говоритъ Камеронъ. — Остановить такое стремленіе даже невозможно. Напротивъ, слѣдуетъ заботиться о примиреніи и равенствѣ побѣжденныхъ съ побѣдителями. Если индусы, буддисты, мусульмане, цивилизовавшись, захотятъ избавиться отъ нашей власти, то тѣмъ лучше: всемірно-историческая задача Великобританіи заключается въ томъ, чтобы рождать и воспитывать народы“.

Хотя англійскіе правители, за исключеніемъ лорда Бентинка, никогда систематически не держались этихъ принциповъ, но при всемъ томъ англичане неизбѣжно должны были вносить въ Индію свою цивилизацію и просвѣщать туземцевъ. Во всѣхъ покоренныхъ ими странахъ они уничтожали рабство, и хотя разные спекулянты продолжали еще долго послѣ того поддерживать его въ формѣ добровольной кабалы, но въ 1842—1844 гг. всѣ рабовладельческія права и работорговля были окончательно запрещены. Поддерживая полную свободу совѣсти, англичане внесли въ Индію принципъ вѣротерпимости, который, съ помощью цивилизаціи, постепенно водворяется въ образованныхъ слояхъ общества. Въ прошломъ году въ Индіи введенъ гражданскій бракъ, и въ него вступаютъ уже многіе разновѣрцы. Во многихъ мѣстностяхъ англичане совершенно искоренили варварскій обычай избивать дѣтей, особенно женскаго пола. Сожженіе вдовъ съ трупами мужей ихъ было однимъ изъ самыхъ упорныхъ обычаевъ индійской жизни. Даже сами женщины были за сохраненіе этой религіозной традиціи и борьба противъ нея англичанъ возбуждала серьезное волне-

ніе въ странѣ; но они такъ энергически взялись за дѣло, что вдовосоженіе, постепенно ослабѣвая, теперь почти вовсе прекратилось въ Индіи. Каналы, желѣзныя дороги, почты и телеграфы, приводя туземцевъ въ постоянныя сообщенія съ европейцами, имѣютъ большое цивилизующее вліяніе. Живя рядомъ съ англичанами и путешествуя въ Европу, туземцы мало-по-малу усваиваютъ понятія, привычки и обычаи цивилизованнаго міра. Вотъ, напр., дикіе жители Деканала, ходящіе полунагими. Въ 1871 г. магараджа Деканала, уже достаточно цивилизованный, убѣдилъ ихъ носить бѣлье и платье. Нѣсколько сотъ семействъ получило отъ него одежду даромъ. Вслѣдъ затѣмъ въ англійскому резиденту является 1900 женщинъ со множествомъ дѣтей и заявляетъ желаніе также ходить въ платьѣ. Правительство одѣло всѣхъ ихъ. Такъ цивилизація увлекаетъ даже дикихъ жителей горъ и лѣсовъ. Что-же касается горожанъ, то въ высшихъ и среднихъ слояхъ общества европеецъ встрѣчаетъ множество банкировъ, землевладѣльцевъ, медиковъ, адвокатовъ, ученыхъ, которые ничѣмъ въ сущности не отличаются отъ англичанъ или нѣмцевъ, занимающихся тѣми-же профессіями. Даже женщины начинаютъ освобождаться изъ своего восточнаго рабства. Въ Калькуттѣ есть эманципационное общество, издается на индійскомъ языкѣ эманципационный журналъ „Другъ Женщинъ“, а нѣкоторые индусски начали даже читать публичныя лекціи объ освобожденіи и образованіи женщины. Участіе туземцевъ въ управленіи страной постепенно усиливается, хоть и встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе со стороны англичанъ. Лордъ Бентинкъ во время своего управленія первый постарался открыть туземцамъ доступъ ко всѣмъ профессіямъ. Въ настоящее время мы видимъ туземцевъ судьями, адвокатами, членами губернаторскихъ совѣтовъ, акцизными и полицейскими чиновниками, медиками, аптекарями, инженерами, учителями, смотрителями тюремъ и богоугодныхъ заведеній и т. д. Большая часть этихъ чиновниковъ—индусы, но теперь англичане хлопочутъ уже о такомъ-же привлеченіи на службу и магометанъ, равно какъ и о правѣ туземцевъ на занятіе всѣхъ должностей безъ исключенія, чего до сихъ поръ еще нѣтъ. Ограниченность служебныхъ правъ возбуждаетъ въ туземцахъ, особенно въ магометанахъ, сильное неудовольствіе, для устраненія котораго прави-

тельство уже рѣшилось уничтожить послѣднія служебныя привилегіи европейцевъ.

Мы уже видѣли, что низшія и высшія магометанскія школы не столько развиваютъ, сколько отупляютъ учащихся, набивая ихъ головы нелѣпостями допотопныхъ учебниковъ и тонкостями мусульманской схоластики. Не въ лучшемъ положеніи находятся индусскія школы, посредствомъ которыхъ брамины распространяютъ въ народѣ свои суевѣрія и покоряютъ умы своей безграничной власти. Магометанство и браманизмъ, при всѣхъ своихъ различіяхъ, въ концѣ концовъ приводятъ къ одному результату, — къ умственному и политическому рабству. Своекорыстные англійскіе политики прежнихъ дней понимали это и старались противодѣйствовать распространенію европейскаго образованія между своими индійскими подданными. Въ парламентѣ не разъ раздавались самыя горячія рѣчи, доказывавшія, что индусовъ учить ничему не слѣдуетъ. „Образованные индусы, говорилось, напр., въ 1853 г. въ палатѣ общинъ, — злѣйшіе противники христіанства и враги нашего владычества. Изучивъ исторію и узнавъ, какими способами мы утвердили свою власть надъ Индіей, европейски образованные индусы начинаютъ краснѣть отъ стыда за позоръ своего отечества. Жажда свободы и мести наполняетъ сердца ихъ, когда они видятъ, что милліоны индійцевъ управляются какими-нибудь 50,000 христіанъ и вся ихъ страна эксплуатируется въ пользу метрополи. Если мы лишимся Индіи, то въ этомъ будутъ виноваты учебныя заведенія“. Во время компанейскаго управленія подобныя тенденціи были въ большомъ ходу и много приходилось бороться съ ними друзьямъ Индіи. При лордѣ Уэльсли были основаны высшее учебное заведеніе въ Калькуттѣ и коллегія въ фортѣ Уильяма для англичанъ и азіятовъ. Въ 1819 г. была открыта индусская коллегія въ Пунѣ. Просвѣтительная дѣятельность лорда Бентинка началась съ того, что при его содѣйствіи многіе индусы начали ѣздить въ Англію для изученія медицины и естественныхъ наукъ, а потомъ открыты для туземцевъ медицинскія академіи въ Калькуттѣ и Бомбеѣ (1826 г.). Вскорѣ появились на разныхъ индійскихъ нарѣчіяхъ оригинальныя и переводныя сочиненія по медицинѣ и естествознанію. При Бентинкѣ-же основано много общеобразовательныхъ школъ, на поддержаніе которыхъ индусы дѣлали богатыя пожертвованія. Потомъ были открыты училища для инжене-

ровъ и архитекторовъ въ Рурки, Мадрасъ, Бомбеѣ. Среднеучебныхъ коллегій и профессиональныхъ школъ, медицинскихъ, юридическихъ, техническихъ теперь довольно много во всѣхъ значительныхъ городахъ Индіи *). Для высшаго образованія служатъ университеты въ Калькуттѣ, Бомбеѣ, Мадрасѣ. Въ коллегіяхъ туземцы изучаютъ европейскую литературу, исторію, математику, географію, туземные и европейскіе языки, философію. Вотъ, напр., какія темы даются имъ для сочиненій: 'комментаріи на Гамлета; значеніе Бэкона; о землевладѣніи въ Индіи; англійскія партіи въ XVI вѣкѣ и т. д. Какъ благотворно дѣйствуютъ на туземцевъ эти заведенія, можно видѣть изъ слѣдующаго письма одного воспитанника гуглійской коллегіи: „Распространеніе англійскаго языка въ Индіи есть одно изъ самыхъ знаменательныхъ событій нашего вѣка. Посредствомъ англійскаго языка нашъ народъ воспитывается и знакомится съ науками. Индія была нѣкогда колыбелью цивилизации... Распространеніе англійскаго языка служитъ средствомъ для ея возрожденія. Мы уже испытываемъ вліяніе на нашъ духъ Шекспировъ, Мильтоновъ и Бэконовъ. Это вліяніе сдѣлалось уже неискоренимымъ; оно будетъ все усиливаться и распространяться по всей обширной странѣ отъ Гималая до океана. Знакомство съ англійскою литературою научило насъ, индусовъ, свободно мыслить и порядочно жить. Это счастливое столкновеніе замѣчательныхъ способностей нашей націи съ міросозерцаніемъ, свѣденіями и стремленіями мощнаго европейскаго духа, будетъ имѣть чрезвычайныя послѣдствія не только для самой Индіи, но и для прогресса всего рода человѣческаго. Знакомство съ англійскимъ языкомъ и литературою сдѣлаетъ насъ со временемъ способными на все...“

Достаточно было появиться въ Индіи такому просвѣщенному и гуманному человѣку, какъ лордъ Бентинкъ, чтобы внушить туземцамъ высшихъ и среднихъ классовъ сильное стремленіе къ европейскому образованію. Но въ массѣ народа европейскія школы до сихъ поръ возбуждаютъ одно только фанатическое отвращеніе, поддерживаемое духовенствомъ всѣхъ туземныхъ вѣроисповѣданій. Къ тому-же и сами англичане не очень заботятся о народныхъ

*) Въ Бенгалѣ и сѣверо-западныхъ провинціяхъ еще въ 1852 г. было 40 учительскихъ семинарій, а въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ училось на казенный счетъ до 24,000 туземцевъ.

школахъ. Вслѣдствіе этого, такихъ училищъ чрезвычайно мало и большинство народа по-прежнему остается педъ невѣжественной и хищной опекой муллъ и браминовъ, а милліоны пролетаріевъ чужды даже и этого жалкаго образованія. Въ Ориссѣ, при 3,000,000 жителей, въ 1849 г. было только 9 школъ и 279 учениковъ, въ 1869 г.—63 школы и 4,043 ученика, въ 1871 г.—121 школа.

Просвѣтительное вліяніе коллегій, университетовъ и профессиональныхъ училищъ дополняется множествомъ ученыхъ и литературныхъ обществъ, въ которыхъ участвуютъ индусы, парсы и европейцы. Цѣль этихъ обществъ—знакомство съ европейскою литературою и распространеніе полезныхъ свѣденій. На индійскихъ нарѣчіяхъ давно уже есть переводы замѣчательныхъ произведеній европейской поэзіи и науки, — Шекспиръ, Вольтеръ, Гумбольдтъ, Гиббонъ, англійская энциклопедія и т. д. Периодическая печать въ Индіи начала развиваться послѣ того, какъ въ 1838 г. на эту страну было распространено дѣйствіе закона о свободѣ слова. Въсѣтъ съ англійскими явились многіе и туземные журналы, какъ, напр., „Индійское Солнце“, на языкахъ персидскомъ, индійскомъ, англійскомъ, урдускомъ и бенгальскомъ.

За исключеніемъ немногихъ личностей, англичане не очень хлопотали о распространеніи въ Индіи европейскаго образованія. Но сами индусы сознали его необходимость и оно уже привело ко многимъ результатамъ, вовсе не желательнымъ для тѣхъ англичанъ, которые желаютъ продлить свое господство надъ Индіей, опираясь на невѣжество и отупленіе массы. Въ основѣ индійской цивилизаціи лежитъ браминская религія. Европейская наука постепенно подрываетъ ее, и британцы тревожно смотрятъ на быстро увеличивающееся число образованныхъ индусовъ, отстающихъ отъ своей религіи и непристающихъ ни къ какой другой. Изъ этихъ индиферентистовъ составляются разныя общества, занимающіяся не одной только философіей, но и политикой. Даже истые поклонники Брамъ превращаются подъ европейскимъ вліяніемъ въ скептиковъ, которые уже не удовлетворяются нелѣпостями браминизма и смѣло нападаютъ на привилегіи браминской касты. Въ

*) Еще въ 1851 г. въ Индіи вышло 110 оригинальныхъ туземныхъ сочиненій, а въ Калькуттѣ было 40 туземныхъ типографій.

многочисленныхъ туземныхъ памфлетахъ давно уже требуется секуляризація монастырскихъ и церковныхъ имуществъ, доходы съ которыхъ должны быть обращены на устройство больницъ, богадѣлень и школъ для бѣдныхъ. Роскошь и развращенность браминовъ возбуждаютъ сильное негодованіе въ обществѣ. Въ 1868 году въ Оріссѣ, этой святой землѣ Индустана, составилаь исключительно изъ туземцевъ комиссія для изслѣдованія монастырскихъ и церковныхъ имуществъ. Въ своемъ докладѣ правительству комиссія говоритъ, что монастыри совершенно уклонились отъ своего первоначальнаго назначенія, что имущества, пожертвованныя имъ для помощи больнымъ, бѣднымъ и пилигримамъ, расточаются монахами на развратъ и роскошь и что индійское общество, исполненное чувствъ глубочайшаго негодованія, не можетъ болѣе терпѣть такихъ безобразій...

Возникшее подъ вліяніемъ европейской мысли прогрессивное движеніе началось въ Индіи болѣе семидесяти лѣтъ назадъ. Первымъ представителемъ его былъ браминъ Рамогунъ Рой (род. въ 1774 г.). Познакомившись еще въ ранней молодости съ языками арабскимъ и персидскимъ и изучивъ коранъ, онъ отвергъ нелѣпое браманское язычество во имя чистаго монотеизма мусульманъ. Аристотель, Эвклидъ, Птоломей, хотя и въ арабскихъ передѣлкахъ, дали дальнѣйшій толчокъ его умственному развитію. Шестнадцати лѣтъ онъ уже издалъ сочиненіе противъ идолопоклонства и кастъ. Отправившись въ Тибетъ для изученія буддизма и вернувшись вполне разочарованнымъ въ этой религіи, Рамогунъ началъ изучать языки: еврейскій, латинскій, греческій и англійскій, чтобы познакомиться съ европейской наукой и съ развитіемъ христіанства. Въ 1814 г. онъ публично выступилъ въ Калькуттѣ въ качествѣ реформатора, окруженный многими сторонниками, изъ которыхъ Дварканатъ дѣлалъ громадныя пожертвованія на устройство больницъ, учебныхъ заведеній и развитіе туземной промышленности. Въ своихъ проповѣдяхъ, памфлетахъ и богослужебныхъ гимнахъ Рамогунъ пропагандировалъ чистый монотеизмъ, равенство всѣхъ людей и уничтоженіе кастъ. Ненависть браминовъ, муллъ и англійскихъ пасторовъ не устрашала его. Въ 1831 году Рамогунъ отправился въ Англію. Весь Индустанъ ужаснулся отъ такого нарушенія закона браминомъ; вся Англія удивлялась его уму и образованности. Іеремія Бентамъ и другіе

замѣчательные люди того времени сдѣлались его искренними поклонниками и друзьями. Въ своихъ показаніяхъ передъ парламентской комиссіей, въ своимъ докладныхъ запискахъ королю и парламенту Рамогунъ указывалъ на необходимость для Индіи коренныхъ реформъ, европейскаго образованія, свободы печати, улучшения быта крестьянъ и т. д. Чрезмѣрные труды разрушили его здоровье и въ 1833 г. онъ умеръ, оставивъ множество послѣдователей. Изъ нихъ Дварканатъ также отправился въ 1843 году въ Англію, чтобы хлопотать объ европейскомъ образованіи своего народа. „Мы, говорилъ онъ, — имѣемъ теперь въ разныхъ городахъ Индіи пятнадцать школъ; я и мои друзья жертвовали для нихъ много денегъ; но толку все-таки мало: у насъ нѣтъ порядочныхъ учебниковъ, нѣтъ хорошихъ учителей. Европа обязана помочь намъ. Если ежегодно тысячи полторы нашихъ молодыхъ браминовъ будутъ поступать въ ваши университеты, то Индія снова сдѣлается столь-же великою и цивилизованною, какою она была въ древности... Намъ необходимы свои чиновники, свое собственное законодательное собраніе, свой парламентъ“. Достиженію всего этого содѣйствуетъ англійское владычество. Англичане прекратили въ Индіи всѣ внутреннія племенные междоусобицы и обезопасили ее отъ внѣшнихъ враговъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ я, говоритъ Дварканатъ, частью собственнымъ наблюденіемъ, а частью изъ книгъ, познакомился съ разными странами европейскаго материка, я считаю по истинѣ счастливымъ, что нахожусь подъ владычествомъ Великобританіи! Мы пользуемся безусловной свободой печати; Индія имѣетъ теперь 40 газетъ, издающихся на туземныхъ языкахъ; въ дѣлахъ вѣры мы совершенно предоставлены самимъ себѣ. Долго еще мой народъ будетъ нуждаться въ руководствѣ Англіи, — по крайней мѣрѣ, еще сто лѣтъ, пока онъ не будетъ въ состояніи управляться самъ собой и вступить равноправнымъ членомъ въ среду цивилизованныхъ націй“. Уже во времена Рамогунъ Роя и Дварканата браминскіе правовѣры потеряли преобладающее значеніе во всѣхъ большихъ городахъ Индіи, и съ каждымъ подроставшимъ поколѣніемъ увеличивалось число людей европейски-цивилизованныхъ и свободно мыслящихъ. Подобное-же движеніе и въ то-же самое время началось между богатыми и сравнительно образованными парсами Индіи. Банкиръ Джамседжи Джиджибой истратилъ много милліоновъ на больницы, школы, на изданіе га-

зеть и книгъ, на распространеніе европейской цивилизаціи между племенами Индіи. Въ 1842 г. правительство сдѣлало его перомъ Англіи, а парсы поднесли ему собранную по подпискѣ значительную сумму на изданіе переводовъ лучшихъ европейскихъ сочиненій. Джиджибой, истратившій на подобныя предпріятія почти все свое громадное состояніе, прибавилъ къ этой суммѣ еще 30,000 ф. Рациональный деизмъ, вѣротерпимость, идея равенства и братства, признаніе науки главнымъ факторомъ народнаго развитія— вотъ главныя черты того умственно-религіознаго движенія индійскихъ парсовъ, однимъ изъ первыхъ представителей котораго былъ Джиджибой. Это движеніе имѣетъ тотъ-же характеръ и направленіе, какъ и движеніе браманскихъ послѣдователей Рамогунъ Роя. Въ магометанствѣ, какъ мы уже видѣли, представляется подобное-же революціонное движеніе въ ученіи и пропагандѣ вагабитовъ. Но мусульмане вообще и вагабиты въ частности до сихъ поръ мало тронуты европейскимъ вліяніемъ, и вагабитизмъ, поэтому, не имѣетъ еще тѣхъ стремленій къ общечеловѣческой цивилизаціи, какія мы видимъ между индусами и парсами и какія неизбежно должны возникнуть въ мусульманствѣ при дальнѣйшемъ сближеніи магометанъ съ европейцами и съ образованными туземцами Индіи...

Умственное преобразование индійскаго общества вело за собой развитіе соціальной и политической жизни. Передъ возобновленіемъ привилегій остъ-индской компаніи, въ 1852 и 1853 гг., англичане были сильно встревожены тою напряженною политической дѣятельностью, какая обнаружилась между туземцами Индіи. Во всѣхъ значительныхъ городахъ возникли политическіе клубы, начались митинги, явились ораторы; множество новыхъ газетъ, брошюръ, памфлетовъ и изслѣдованій о положеніи индійскихъ дѣлъ паводнили страну; мѣстныя управленія и парламентъ были завалены петиціями индусовъ, парсовъ, мусульманъ, армянъ. Въ этомъ движеніи, въ этихъ митингахъ, этихъ петиціяхъ туземцы обнаруживали такую-же практическую опытность, умственное развитіе и политическія способности, какъ и сами англичане въ домашнихъ дѣлахъ. Они просили о реформѣ налоговъ и землевладѣнія, о мѣрахъ къ развитію туземной промышленности, объ основаніи школъ и университетовъ, о возобновленіи оросительныхъ сооруженій, павшихъ со времени магометанскаго владычества, о проведеніи дорогъ и каналовъ, о прекращеніи компанейскихъ мо-

нополій, о запрещеніи торговли опиѣмъ, о самоуправленіи. „До сихъ поръ, говорилось въ одной изъ этихъ петицій, — миллионы жителей Индіи страдаютъ подъ игомъ самой хищной олигархіи, которая давить ихъ налогами, презираетъ и дурно управляетъ ими, — олигархіи, которая, сложившись изъ самыхъ отвратительныхъ подонковъ общества, обладаетъ только въ самой ничтожной степени талантами, опытностью и честностью великой англійской націи“. Парламентъ удовлетворилъ только немногимъ просьбамъ. Привилегіи ость-индской компаніи были возобновлены. [Въ Калькуттѣ и другихъ городахъ начались многочисленныя сборища, шумные митинги, революціонныя рѣчи. Правительство обвиняли въ коварствѣ, въ преднамѣренной лжи, въ томъ, что даже лучшіе изъ англичанъ считаютъ необходимымъ управлять Индіей деспотически и эксплуатировать ее въ пользу Великобританіи. Волненіе охватило и крестьянъ, и туземныя войска, а въ 1857 году послѣдовалъ окончательный взрывъ.

Побѣда англичанъ надъ мятежемъ, усиливъ ненависть къ нимъ туземцевъ, убѣдила вожаковъ общественнаго мнѣнія въ томъ, что независимости можно достигнуть только посредствомъ цивилизаціи. Нѣкоторыя реформы, произведенныя правительствомъ, новыя учебныя заведенія, новыя тысячи европейски образованныхъ туземцевъ значительно подвинули съ тѣхъ поръ цивилизацію Индіи и еще больше усилили стремленіе къ независимости. Успѣхъ этого стремленія несомнѣненъ, но только тогда, когда Индустанъ сдѣлается вполне цивилизованной страной. Въ этомъ убѣждены и англичане, и индусы. Двадцать лѣтъ назадъ лордъ Элленборо говорилъ въ парламентѣ о необходимости обратить серьезное вниманіе на новыя опасности, угрожающія англичанамъ въ Индіи. Эти опасности заключаются въ воспитаніи и образованіи туземцевъ. „Однажды я сказалъ Дварканату, говорилъ онъ, что какъ скоро вполне удадутся хлопоты тѣхъ господъ, которые стараются теперь о распространеніи цивилизаціи въ Индіи, то мы не процарствуемъ надъ ней и трехъ мѣсяцевъ.“ — „Тогда вы не процарствуете надъ ней и трехъ недѣль, возразилъ мнѣ Дварканатъ, мудрость и знанія котораго извѣстны всѣмъ. — Возвышать туземцевъ на стенью господствующаго народа противорѣчитъ всѣмъ государственнымъ разсчетамъ. Цивилизованный народъ не снесетъ нашего владычества“.

Но стремленіе къ цивилизаціи такъ уже укоренилось въ индій-

скомъ обществѣ, что благоразумные политики Англии считаютъ необходимымъ постепенно уступать ему, чтобы на возможно долгое время продлить свою власть надъ Индией... Ея будущая независимость болѣе и болѣе начинаетъ входить въ общее сознание вмѣстѣ съ идеей о возрожденіи Востока. Предполагаемый группъ начинаетъ оживать, и старая теорія о старчевствѣ и смерти народовъ получаетъ рѣшительный подрывъ. Японія становится цивилизованной страной вводитъ у себя даже представительное правленіе. Китай начинаетъ ежегодно посылать въ Америку и Европу сотни мужчинъ и женщинъ для образованія. Обѣ эти, до послѣдняго времени столь изолированныя, страны захватываются потокомъ всемирной цивилизаціи и заимствуютъ отъ христіанскихъ народовъ только ихъ умственную и общественную культуру... Въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ Японія, Китай и Индустанъ сдѣлаются центрами общечеловѣческой цивилизаціи на Востокѣ...

С. Шашковъ.

НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

(Изъ Г. Лянга.)

Сквозь лѣсъ, покрытый тьмою,
Подъ огненнымъ дождемъ
Неслись мы вдаль стрѣлою
На поѣздъ своемъ.

И вдругъ струей багровой
Покрылотъ все вокругъ—
Болота, лѣсъ сосновый
И отдаленный лугъ.

Въ огнѣ стоитъ селенье,
Безпомощный народъ
Спасается въ смятеньи,
Покинувъ скарбъ и скотъ.

Смотрѣли мы съ тоскою,
Какъ вихрь огнемъ игралъ,
А между тѣмъ стрѣлою
Насъ поѣздъ дальше мчалъ.

И ни единымъ словомъ
Мы не могли помочь
Страданіямъ суровымъ—
Отъ нихъ мы мчались прочь.

Нашъ поѣздъ быстротою
Поспорить могъ съ огнемъ.
Еще верста—и тьмою
Покрылось все кругомъ.

Но и во тѣмъ глубокой
Всю ночь казалось мнѣ,
Что кто-то издалека
Зоветь насъ въ тишинѣ...

Н. Н.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ ПРУССІИ.

VI.

Если-бы мы писали подробную исторію Пруссіи, а не сжатые, скромные очерки исторіи образованія въ Пруссіи, то намъ пришлось-бы долѣе всего остановиться на описаніи замѣчательной личности Фридриха Великаго. Но здѣсь не мѣсто рисовать ея портретъ во весь ростъ; мы должны остановиться только на описаніи тѣхъ сторонъ этой личности и ея времени, которыя ясно показываютъ, почему именно въ это время, несмотря на постоянныя войны, сильно заботились о народномъ образованіи.

Время Фридриха Великаго было временемъ энциклопедистовъ. Девизомъ этого времени была „борьба за человѣческія права“ и потому не мудрено, что вопросъ объ образованіи народа занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди массы другихъ поднятыхъ лучшими умами вопросовъ. Въ 1749 году дижонская академія предложила соискателямъ преміи разрѣшить вопросъ: „способствовало ли возрожденіе наукъ и искусствъ очищенію нравовъ?“ Сочиненіе, получившее награду, принадлежало Ж. Ж. Руссо, отвѣтившему на вопросъ академіи отрицательно. Это произведеніе Руссо предшествовало его Эмилю, гдѣ онъ высказалъ основные принципы новой педагогики, признающей лучшимъ воспитателемъ челоуѣка природу. Эмилъ дополняется „Исповѣдью савойскаго викарія“ и съ этой поры начался тотъ періодъ, который называется періодомъ „педагогическихъ бурь и стремленій“. Германія оказалась самою дѣятельною страной въ этомъ дѣлѣ.

Послѣдователь Ж. Ж. Руссо, Иоганъ-Бернгардъ Базедовъ, королевскій датскій профессоръ въ Альтовѣ, былъ однимъ изъ самыхъ шумныхъ представителей этого періода. Уже въ 1768 году онъ напечаталъ свое „Предложеніе друзьямъ челоувѣчества и имущимъ людямъ о школахъ, изученіи и его вліяніи на общественное благосостояніе“, сочиненіе, которое Шлоссеръ очень мѣтко назвалъ „первымъ напечатаннымъ манифестомъ Базедова, обращеннымъ къ челоувѣчеству и говорящимъ о предстоящемъ спасеніи при помощи воспитанія“. Въ то же время Базедовъ приглашалъ подписываться на его „Элементарную книгу“, безъ которой не могли осуществиться его спасительныя планы. Одни называли его фанатикомъ своихъ идей, другіе полуграмотнымъ шарлатаномъ; онъ сыпалъ книгами и брошюрами и въ то же время дѣлалъ сборъ на устройство „гигантской школы для всего челоувѣчества и челоувѣчности“,—школы, названной Филантропіумомъ. Подписка шла во всей Европѣ, особенно привлекала всѣхъ та мысль, что въ школѣ Базедова общали выучивать дѣтей „безъ принужденія и безъ вреднаго смирнаго сидѣнья на одномъ мѣстѣ“; богачи уже мечтали, что они „безъ усилій и труда сдѣлаются умными и добродѣтельными“. Но если самъ Базедовъ былъ плохъ и склоненъ къ шарлатанству, то многія идеи, заимствованныя имъ у Руссо, были прекрасны. Такъ, взглядъ на религіозное образованіе былъ вѣренъ и совпадалъ съ взглядами Ланкастера на этотъ предметъ. Въ школѣ не должна была обременяться память бесполезными и безсодержательными именами и цифрами. Обращеніе съ дѣтьми должно было быть гуманное, мягкое. Но, къ несчастію, Базедовъ былъ плохо подготовленъ, въ его званіяхъ были сильныя пробѣлы, кромѣ того онъ, несмотря на кажущуюся практическую, былъ неспособенъ хозяйничать, подобно Франке, и потому его гигантское предпріятіе рушилось. Но не охладѣло нѣмецкое общество къ вопросу о воспитаніи. Вольке, Траппъ, Кампе, Зальцманъ и другіе тому подобныя дѣятели стремились дать новое направленіе воспитанію и образованію. Эти люди назывались „филантропами“ и не мало содѣйствовали развитію народныхъ школъ.

И какъ было не заботиться, не толковать о реформахъ въ дѣлѣ воспитанія, когда оно находилось въ ужасающемъ состояніи: „Невообразимо плохо, говоритъ Шейбе, было направленіе народныхъ школъ. Въ какихъ рукахъ находились онѣ? Это еще ни-

чего, если школьный скипетръ находился въ рукахъ отставлаго унтеръ-офицера. Гораздо хуже было, когда онъ попадалъ въ руки испорченнаго, спившагося съ круга, развратнаго кандидата или магистра, попавшаго на мѣсто по милости какого нибудь дворянина, котораго въ лучшіе дни этотъ лизоблюдь сопровождалъ въ университетъ въ качествѣ ментора, участвуя во всѣхъ легкомысленныхъ и гнусныхъ проказахъ. Теперь онъ взялъ мѣсто учителя, чтобы спастись отъ голода. Почти вездѣ палка и другія орудія являются исключительными педагогическими пособиями и описанный Базедовымъ швабскій ректоръ былъ не исключеніемъ, а очень обыкновенною личностью. Этотъ ректоръ въ пятьдесятъ одинъ годъ и три мѣсяца своей педагогической дѣятельности далъ: 911,527 ударовъ палкою; 124,010 ударовъ розгами; 20,989 ударовъ линейкою по рукамъ; 136,715 ударовъ рукою; 10,235 ударовъ въ зубы; 7,905 оплеухъ; 1,115,800 щелчковъ по головѣ; 22,763 удара книгою; 777 разъ ставилъ на колѣни на горохъ; 613 разъ ставилъ на колѣни на трехугольное дерево; 5,001 разъ надѣлъ колпакъ съ ослиными ушами; 1,706 разъ приказалъ держать розги; у него было до 3,000 ругательныхъ словъ, изъ которыхъ часть принадлежала народному языку, часть же была придумана имъ самимъ. Только помня о подобныхъ учителяхъ, проникаешься невольнымъ уваженіемъ къ такимъ людямъ, какъ Базедовъ, и, несмотря на всѣ ихъ ошибки, не скажешь, вмѣстѣ съ Шлоссеромъ, что это пустые шарлатаны. Да, у нихъ было много ошибокъ, но они даже и ошибались честнѣе, чѣмъ эти господа изъ породы швабскаго ректора.

Но какъ-же смотрѣлъ на образованіе и воспитаніе самъ Фридрихъ Великій? Въ его жизни нужно различать два періода: въ первый періодъ онъ является безусловнымъ поклонникомъ энциклопедистовъ и ихъ идей; во второй онъ перестаетъ вѣрить въ людей и начинаетъ бояться того, къ чему могутъ привести идеи энциклопедистовъ. Фридрихъ Великій былъ самъ писателемъ и ученымъ, онъ былъ искреннимъ другомъ неискренняго Вольтера и честнаго д'Аламбера. Онъ съ глубокимъ и нелицемернымъ уваженіемъ относился къ наукамъ и его первоначальные взгляды на воспитаніе были очень ясны и возвышенны. Эти взгляды онъ отчетливо высказалъ въ инструкціи, данной имъ воспитателю его племянника. „Обращайтесь съ моимъ племянникомъ, писалъ онъ,

какъ съ сыномъ частнаго человѣка, которому еще придется сдѣлать свою карьеру. Скажите ему, что если онъ будетъ поступать нечестно или не станетъ учиться, то весь свѣтъ будетъ презирать его. Не нужно ничего вбивать ему въ голову, нужно воспитать его просто; онъ долженъ быть обходительнымъ со всѣми и если онъ съ кѣмъ нибудь будетъ невѣжливъ, то пусть ему платятъ тѣмъ-же. Пусть онъ научится, что всѣ люди равны и что преимущества рожденія суть простыя выдумки фантазіи, если эти преимущества не сопровождаются дѣйствительными заслугами человѣка. Давайте ему возможность сходитья и говорить со всевозможными людьми, чтобы онъ ничего не боялся. Каждый знаетъ, что онъ дитя, и потому не бѣда, если онъ будетъ иногда высказывать нелѣпыя мысли. Что касается до васъ, то позаботьтесь направить его воспитаніе такъ, чтобы онъ привыкъ къ самостоятельности и не пріучался быть руководимымъ и управляемымъ другими. Пусть каждая глупость, совершенная имъ, будетъ его собственная, какъ будутъ его собственными и тѣ хорошіе и разумные поступки, которые совершитъ онъ“.

И такъ, на первомъ планѣ стояла свобода воспитанія. Рядомъ съ этимъ Фридрихъ Великій болѣе всего заботился, чтобы воспитатель сдѣлалъ принца патриотомъ. „Прежде всего внушите ему, писалъ онъ, привязанность къ его родной странѣ, и кто будетъ говорить съ нимъ, тотъ долженъ говорить, какъ хорошій патриотъ“. Вслѣдствіе этого первымъ предметомъ обученія должна быть исторія. „Но, продолжаетъ король, не слѣдуетъ обременять его память именами всѣхъ монарховъ и принцевъ, довольно запечатлѣть въ его памяти имена знаменитыхъ мужей, игравшихъ видную роль въ своемъ отечествѣ“. Но годы шли и Фридрихъ Великій испытывалъ на себѣ ихъ гнетущее вліяніе. Свободомысліе и идеи французскихъ энциклопедистовъ начали отходить понемногу на задній планъ. Когда королю снова пришлось позаботиться о воспитаніи другого юнаго принца, то онъ избралъ къ ребенку въ гувернеры „не какого нибудь вольнодумца изъ школы французскихъ энциклопедистовъ“, а суроваго, серьезнаго человѣка, почти шпихондрика, на котораго не разъ сѣтовалъ воспитанникъ, боявшійся сухой и несообщительной личности воспитателя. Принца хотѣли воспитать въ строгости, пріучить съ дѣтства къ суровой жизни, къ лишенію и самоотреченію. Любой купеческій сынокъ

средней руки жилъ лучше принца. Прибавьте къ этому, что уже на одинадцатомъ году принцу приходится вести чисто солдатскую бивуачную жизнь. „Такова должна была быть школа будущаго прусскаго правителя“, говорилъ теперь Фридрихъ Великій и въ его умъ закрадывалась уже подозрительность, недовѣріе къ народу. Онъ угрюмо смотрѣлъ на будущее и ждалъ какихъ-то потрясеній. Онъ уже не такъ искренно относился къ энциклопедистамъ и ихъ проповѣдямъ. Гуляя однажды, не задолго передъ смертью, по Сансуси съ своимъ наслѣдникомъ, онъ говорилъ ему: „Я боюсь, что послѣ моей смерти все пойдетъ *pêle-mêle*... Массы уже начинаютъ тѣсниться съ низу и когда это дойдетъ до взрыва, то все пойдетъ къ чорту. Я опасаясь, что тебѣ придется пережить тяжелое, дурное время“. Гуляющіе дошли до обелиска, король остановился. „Посмотри на обелискъ, сказалъ онъ своему спутнику. Пирамида говоритъ тебѣ: *ma force est ma droiture*. Высшій конецъ царить надъ всѣмъ, но не несетъ ничего, а напротивъ того, его несетъ на себѣ все, что подъ нимъ, особенно-же невидимый, глубоко врытый фундаментъ. Несущій элементъ — это народъ во всей его цѣлости и единодушіи; опирайся на него, чтобы онъ любилъ тебя и довѣрялъ тебѣ; это одно дастъ тебѣ силу и участие“.

Конечно, такой человекъ, какъ Фридрихъ Великій, придававшій большое значеніе воспитанію и образованію, живя во время „педагогическихъ буръ и стремленій“, не могъ не позаботиться о народныхъ школахъ. Онъ придавалъ мало значенія религіознымъ спорамъ; онъ отличался особенною терпимостью даже въ отношеніи къ іезуитамъ; онъ говорилъ: „Религія, церковь, духовенство—все это не касается до меня. Я хочу, чтобы жители были нравственны и трудолюбивы, чтобы они отличались вѣротерпимостью и образованіемъ, вотъ и все... Я смотрю на себя, какъ на вашего наставника и главнаго начальника“. Вслѣдствіе этого онъ менѣе, чѣмъ его отецъ, заботился о религіозной сторонѣ дѣла, по за то онъ не упускалъ изъ виду того, что школа должна готовить хорошихъ патріотовъ. Уже въ 1741 и 1743 годахъ онъ издаетъ правила для сохраненія учрежденнаго въ Пруссіи школьнаго дѣла, приказывая устраивать и новыя школы въ дворянскихъ помѣстьяхъ. Въ 1748 году принялась за дѣятельность семинарія для кистеровъ и учителей. Но всѣ заботы короля о народномъ образованіи

были остановлены семилѣтнею войною, послѣ окончанія которой король тотчасъ-же издалъ „Общій школьный уставъ для всей монархіи“, законъ служащій и до сихъ поръ основаніемъ прусскаго народнаго образованія. Здѣсь говорилось объ обязательности обученія; опредѣлялись начало и конецъ возрастовъ, когда должно даваться образованіе; назначалась плата съ учениковъ; приговаривались штрафы за нехождение въ школу; духовенству поручались ревизіи школъ и т. д. Все это дѣлалось во имя того, что „нужно истребить и уничтожить въ высшей степени вредное невѣжество, неприличное для христіанъ, и образовать и воспитать въ школахъ болѣе ловкихъ и хорошихъ подданныхъ“. Король говоритъ ясно, что „подданный наконецъ будетъ знать, что онъ обязанъ дѣлать“. Король говоритъ, какова должна быть дисциплина въ школахъ; онъ запрещаетъ принимать въ школы какія-бы то ни было не одобренныя руководства; онъ не допускаетъ мелкихъ частныхъ школъ — *Winkelschulen*; онъ приказываетъ строго исполнять законъ и устранять неспособныхъ учителей, чтобы „невѣжество исчезло въ странѣ и юношество не было-бы такимъ испорченнымъ“. Въ 1769 году король издаетъ указъ о томъ, чтобы „законъ Божій преподавался разумнѣе и попятнѣе, такъ какъ нужно просвѣтить дѣтей мужиковъ и поселянъ на счетъ болѣе правильныхъ понятій о ихъ вѣрноподданныхъ обязанностяхъ“. Непокорныхъ и непослушныхъ кистеровъ и учителей приказано удалять безъ суда. Далѣе уже подъ конецъ своей дѣятельности король приказываетъ допускать къ исполненію учительскихъ обязанностей инвалидовъ, чего онъ не позволялъ дѣлать двадцать лѣтъ передъ тѣмъ. „Эти люди могли воодушевлять молодое поколѣніе, говоритъ Шлейермахеръ;— воодушевлять своими разсказами о великихъ подвигахъ короля и его войска“. Кромѣ того, приобрѣтеніе новыхъ земель заставляетъ короля сильно заботиться о томъ, чтобы „германизировать“ новыхъ подданныхъ. Онъ готовъ жертвовать и жертвуетъ для всѣхъ этихъ цѣлей деньги, но, въ несчастію, долги войны, улучшеніе страны, разныя необходимыя сооруженія и тому подобные предметы истощали карманы правительства. И сама страна была не богата. Хотя она и была богаче другихъ пѣмецкихъ государствъ, хотя въ нее и переселялись тысячами богемцы, хотя ввезенный въ Пруссію картофель и увеличивалъ количество питательныхъ продуктовъ, но все-же народъ находился далеко не въ блестящемъ положеніи. Вслѣд-

ствіе этого трудно было достигнуть въ народномъ образованіи желаемыхъ результатовъ и король обманывался, полагая, что дѣло шло лучше, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

„Не думаемъ, говоритъ одинъ писатель, чтобы королю разъяснили всю трудность исполненія его плановъ во всемъ ихъ объемѣ. Кажется, его просто обманывали. По крайней мѣрѣ, существуетъ одна интересная корреспонденція объ этомъ предметѣ между департаментомъ духовныхъ дѣлъ и директоромъ консисторіи въ Штетинѣ, гдѣ дается понять, что нужно заботиться объ улучшеніи школьнаго дѣла главнымъ образомъ на тѣхъ дорогахъ, по которымъ проѣзжаетъ король, и въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ перепрягаютъ лошадей короля, и по близости отъ этихъ мѣстъ. Такъ, выражаясь мягко, льстятъ самолюбію правителей“.

Итакъ, планы о внушеніи патріотическихъ чувствъ и развитіи сознанія своихъ обязанностей въ народѣ приводились въ исполненіе далеко не такъ послѣдовательно, какъ они были начертаны. Но какъ-бы ни были малы практическіе результаты этихъ плановъ, мы все-таки должны были упомянуть объ этихъ планахъ, объ этихъ цѣляхъ, объ этихъ заднихъ мысляхъ, такъ-какъ многіе поверхностные наблюдатели въ родѣ Диксона, восторгаясь прусскимъ образованіемъ, постоянно забываютъ, что они пишутъ ученія изслѣдованія, а не гимны, и удаляются на столько отъ дѣйствительныхъ фактовъ, что считаютъ прусское народное образованіе идеаломъ независимости и свободы. „Во Франціи, говоритъ, напримѣръ, Диксонъ, система общественнаго воспитанія эмпирическая или, какъ называютъ ее французы, философская. Въ Германіи она народная. Французы поручили сочинить для себя кодексъ. Германцы выработали сами свои методы. Во Франціи философы опередили народъ. Въ Германіи народъ опередилъ философовъ. Во Франціи государство руководитъ общественнымъ воспитаніемъ. Въ Германіи общественнымъ воспитаніемъ руководитъ народъ“. Эти слова не простая невинная ложь увлекающагося челоуѣка, нѣтъ, безсодержательное фразерство прикрывающагося громкими словами невѣжества. Самое поверхностное знакомство съ фактами низводитъ значеніе этихъ фразъ до нуля.

VII.

Для Европы наставали смутныя времена. Съ одной стороны появлялись Вольтеры, Гельвеціи, Руссо, Базедовы, Гёте, Канты, Песталоцци; съ другой — Месмеры, Гасперы, Шрепферы, графы Сень-Жерменъ, Калиостро, Казановы. Главные проповѣдники отрицательныхъ доктринъ шли рядомъ съ главными проповѣдниками самаго непроходимаго мистицизма. Гасперъ производитъ чудотворныя леченія; Шрепферъ вызываетъ духовъ; Месмеръ къ ученію о магнетизмѣ примѣшиваетъ мистицизмъ; графъ Сень-Жерменъ дѣлаетъ брильянты; Калиостро изумляетъ міръ своими чудесами. Высшіе классы общества, такіе ученые, какъ Лафатеръ, буржуазія и народъ, всё увлекаются таинственными продѣлками этихъ людей и нѣкоторые изъ этихъ людей считаются фанатиками, дѣйствительно увлекающимися своими идеями. Но если поближе взглянуть на этихъ фанатиковъ, то мы увидимъ такую массу наглого шарлатанства, безстыднаго надувательства, что невольно отворотимся съ негодованіемъ отъ нихъ. Цинично откровенный Казанова подробно объясняетъ во второмъ томѣ своихъ „записокъ“, какъ онъ одурачилъ несчастную маркизу д'Юрфе, которая не пожалѣла милліона, чтобы помолодѣть и забеременитъ отъ вліянія лунныхъ лучей. „Если-бы я надѣялся разувѣрить маркизу и образумить ее вполне, говоритъ Казанова, то я сдѣлалъ-бы это и подобное дѣло было-бы очень хорошимъ, но я былъ увѣренъ, что она неизлѣчима, и счелъ, что мнѣ остается только поддерживать ея безуміе и извлекать изъ него выгоды“.

Бѣдное человѣчество не могло сладить съ тѣми открытіями, съ тѣми идеями, съ тѣми познаніями, которыя проповѣдовались передовыми людьми, и переходило отъ заблужденія къ заблужденію, видѣло во всемъ новомъ и смѣломъ какія-то таинственныя, чудодѣйствующія силы.

Этимъ направленіемъ умовъ не могли не воспользоваться обскуранты. Они спѣшили заявить, что все новое и живое идетъ отъ дьявола, съ которымъ нужно бороться.

Въ это время умеръ Фридрихъ Великій. Старому Фрицу наследовалъ Фридрихъ Вильгельмъ II. „Строгаго просвѣщеннаго деспота, говоритъ Шерръ, смѣнило валое серальное правительство,

вполнѣ регрессивное во всѣхъ отношеніяхъ. Король получилъ недостаточное воспитаніе, а безнравственное общество офицеровъ, съ которыми онъ провелъ молодость, опошлито и испортило его отъ природы слабый характеръ. Онъ къ концу своего царствованія оставилъ государственнаго долга на 49 милліоновъ талеровъ. Вступивъ на престолъ, онъ попалъ въ руки хитрыхъ обскурантовъ и составителей тайныхъ обществъ въ родѣ Вельнера и Бишофсвердера; они овладѣли правленіемъ и безстыдно играли монархомъ. Эти-то фанатики, мистики и ханжи мистифировали его для своихъ цѣлей. „Онъ, по словамъ Шлоссера, уже весьма рано упалъ также глубоко, какъ Людовикъ XV упалъ только въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Онъ, какъ Людовикъ XV и какъ многіе мужчины и женщины, слишкомъ преданные чувственной любви, былъ весьма приверженъ, какъ говорится, къ церкви“.

Въ это время въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ на примѣръ, въ Баваріи уже велась ожесточенная борьба противъ просвѣщенія. Конечно, и въ Пруссіи подъ вліяніемъ обскурантовъ должна была начаться сильная реакція. Король былъ оплетенъ сѣтью мистическихъ обмановъ, въ родѣ вызываній духовъ, отчего однажды испугавшійся король чуть не умеръ. Берлинъ сдѣлался притономъ для самаго пошлаго шарлатанства, въ немъ господствовало розенкрейцеровское тупоуміе и плутовство, стремившееся снова къ тайнѣ философскаго камня, т. е. къ превращенію неблагородныхъ металловъ въ золото и приготовленію жизненнаго элексира.

Въ такое время и при такомъ правителѣ Пруссіи, конечно, нечего было ждать особенныхъ успѣховъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Король хотя и не упустилъ совершенно изъ виду этотъ предметъ, но заботился о немъ болѣе всего „со стороны противодѣйствія тому направленію, которое господствовало при Фридрихѣ Великомъ“. Онъ писалъ въ 1787 году правительственному президенту въ Бреславлѣ, Зейдлицу: „я вполнѣ согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, что основанія христіанства должны быть прежде всего внушены молодому поколѣнію, чтобы оно въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ имѣло болѣе прочныя основы своей вѣры и отнынѣ не могло-бы быть введено въ заблужденія такъ называемыми просвѣтителями, которые, къ сожалѣнію, взяли вездѣ таковой перевѣсъ. Я хотя и ненавижу всякія насилія совѣсти и оставляю каждого при его убѣжденіяхъ, но я никогда не потерплю, чтобы въ моей

странѣ было задавлено ученіе Христа, чтобы народу опостыляла библія и чтобы водрузилось открыто знамя безвѣрія, деизма и натурализма“. Подъ вліяніемъ Вёльнера стали строго пересматривать всѣ прусскія и иностранныя книги и назначали смертную казнь за малѣйшее порицаніе прусскихъ законовъ. Подъ тѣмъ-же вліяніемъ издано было постановленіе, согласно съ которымъ опредѣленіе духовныхъ лицъ и учителей зависѣло отъ испытанія ихъ правовѣрности. Правда, Зейдлицъ дѣлалъ предложенія расширить объемъ народнаго образованія и „не давать крестьянину расти, какъ скоту“; онъ предлагалъ ввести въ сельскія школы ученіе о дѣтетическихкихъ медицинскихъ правилахъ, чтобы крестьяне не вѣрили въ разныя патентованныя снадобья знахарей. Правда, что съ изданіемъ общихъ законовъ страны были не только объявлены государственными заведеніями университеты и школы, но прочно устанавливались „основныя законоположенія для всей системы общественнаго образованія“. Но все-таки при помощи Вёльнера, какъ начальника духовнаго департамента, главной консисторіи и главной школьной коллегіи, народное образованіе занимало правитель-ство, только какъ разсадникъ религіозныхъ убѣжденій, и въ сущности приходило въ упадокъ. Жалобы на плохое состояніе школъ слышались отовсюду. Иначе не могло и быть: народныя школы были насильственно вызваны энергіею предшествовавшихъ правительствъ; ихъ можно было поддержать только при помощи ослабленной дѣятельности новаго правительства, а между тѣмъ у настоящаго-то правительства именно этой энергіи и не доставало. Со школами было то же, что съ тѣми тутовыми деревьями, которыя такъ усердно насаживалъ въ Пруссіи Фридрихъ Великій,—и тѣ и другія развивались покуда плохо и оставались жалкими свидѣтельствами неудавшихся усилій великаго человѣка.

VIII.

А смутныя времена броженія умовъ приходили, между тѣмъ, къ концу. Въ воздухѣ было душно, грозовыя облака все сильнѣе и сильнѣе сгущались на горизонтѣ европейской жизни и должны были разразиться страшною грозой. Эта гроза въ видѣ французской революціи, отозвавшейся на разныхъ концахъ Европы, — между прочимъ,

разразилась и въ Берлинѣ и въ Бреславлѣ, гдѣ были народныя возмущенія. Революція сопровождалась войною, объявленной Франціею всѣмъ европейскимъ правительствамъ. Вслѣдъ за революціонными войнами, началась война съ Наполеономъ I. Что-же увидали германскія правительства? Съ одной стороны, они поняли, какъ губительно отзывается на нихъ ихъ разобщеніе другъ съ другомъ; съ другой, имъ стало ясно, что молодежь недостаточно патриотична, что она не скрываетъ ни своихъ симпатій къ революціоннымъ идеямъ, ни своего удивленія передъ Наполеономъ. „Императоръ французовъ, говорилъ Іоганнъ Мюллеръ, несетъ въ своихъ рукахъ весь міръ и Германія должна желать только одного, чтобы жить спокойно подъ защитой этого избранника провидѣнія. Наполеонъ реорганизоваль нѣмецкую конституцію и оживилъ національный духъ“. Другой нѣмецъ, Кристофъ Аретинъ, говоритъ, что всѣ нѣмецкіе патриоты „предатели и преступники, только грязнящіе почву рейнскаго союза“. Въ Гессенѣ писатель Кромъ и въ Швейцаріи Тшокке говорятъ почти то же. Нѣкто, подписавшійся буквою W, пишетъ въ „Les annales européennes“: „О, нѣмецкіе сограждане, воздвигнете національный памятникъ этому сыну провидѣнія! Наполеонъ первый благодѣтель нѣмецкой націи“. Далѣе въ томъ-же журналѣ говорится, что „возрожденіе Германіи можетъ сдѣлаться только при помощи наполеоновской Франціи, что только французы люди, а нѣмцы просто дѣти“. Все это должно было заставить нѣмецкія государства вздрогнуть и призадуматься.

„Теперь прежде всего нужно быть патриотами“, говорилось вездѣ. Эти слова гремѣли съ профессорскихъ кафедръ и раздавались въ кабинетахъ государственныхъ мужей. Фридрихъ Вильгельмъ III издалъ свое знаменитое воззваніе „къ моему народу“, гдѣ говорилъ, что „нужно возстановленіе нѣмецкой свободы и независимости и созданіе великаго государства въ духѣ нѣмецкаго народа, дабы соединенная во едино Германія, сильная и обновленная, заняла достойное мѣсто въ ряду европейскихъ державъ“. Но какъ-же было достигнуть этого? Почему этого не достигли прежде? Отвѣтъ мы находимъ въ письмахъ королевы Луизы.

„Я все болѣе и болѣе прихожу къ сознанію, писала она къ своему отцу, что все случилось именно такъ, какъ должно было случиться. Божественное провидѣніе ясно ведетъ міръ на новыя

пути; настаетъ новый строй жизни, ибо старый отжилъ свое время и падаетъ подъ тяжестью собственной дряхлости. Мы заснули на лаврахъ Фридриха Великаго, мы не пошли за новымъ вѣкомъ, имъ созданнымъ, и вѣкъ обогналъ насъ“. Это были великія и честныя слова. Но какъ-же идти за вѣкомъ? „Мы потеряли часть нашей территоріи, говоритъ король, государство потеряло свою силу и свой вѣдншій блескъ. Значить, мы должны развивать свои умственныя силы и славу. Съ этою цѣлью, я хочу, чтобы было сдѣлано все для расширенія и улучшенія обученія народа“. „Образованіе и воспитаніе, продолжаетъ онъ, образуютъ людей и граждавъ уже въ юности и это дѣло, по крайней мѣрѣ, по правиламъ, ввѣрено школамъ, такъ что ихъ вліаніе на благосостояніе государства въ высшей степени важно. Это признано уже давно, но заботы были почти исключительно обращены на высшія ученыя школы; хотя нужно было позаботиться и о народныхъ школахъ. Для большинства, для бѣдныхъ подданныхъ и ихъ бѣдныхъ дѣтей, за исключеніемъ немногихъ попытокъ, не сдѣлано почти ничего. Прежде всего нужно заботиться, чтобы въ семинаріяхъ образовывались хорошіе учителя для народныхъ школъ. Нужно изслѣдовать современное положеніе школъ и добиться того, какимъ образомъ преобразовать ихъ согласно съ мѣстными потребностями. При этомъ нельзя упускать изъ виду и того, что многія изъ такъ называемыхъ „ученыхъ“ школъ и изъ школъ бюргеровъ должны преобразоваться. Подведя итогъ матеріальныхъ средствъ школъ, нужно добавить для ихъ улучшенія недостающія деньги изъ государственныхъ суммъ“. Еще далѣе онъ говоритъ: „Объектъ реформъ есть *національное* воспитаніе и почвою для него должна быть *вся* Пруссія“, т. е. и польскія провинціи. „Для *всѣхъ* провинцій должно быть *однообразное* воспитаніе“. „Конечною цѣлью воспитанія должно быть образованіе *хорошихъ гражданъ и слугъ государства*“. „Культура, общественный порядокъ и всеобщее благосостояніе могутъ находить мѣсто только среди хорошо настроенныхъ и понимающихъ свои отношенія подданныхъ и граждане должны прочувствовать, что для ихъ домашнего счастья необходимы правильное пониманіе ихъ обязанностей и лишенный всякихъ предубѣжденій образъ мысли“. „Нужно позаботиться и о томъ, чтобы изъ дѣвочекъ образовались хорошія матери семейства“.

И такъ, наставалъ періодъ просвѣщенія. Штейнъ говорилъ, что „нужно поддерживать посредствомъ литературы и воспитанія здоровое и сильное общественное мнѣніе“. „Мы, говоритъ онъ, исходили изъ той мысли, что надо вдохнуть всей націи духъ нравственности, религіи и патріотизма“. Гарденбергъ, преемникъ Штейна, понималъ тоже, что судьба Пруссіи зависитъ отъ воспитанія народа. Поэтому онъ не жалѣлъ денегъ на этотъ предметъ. Въ Берлинъ былъ приглашенъ Фихте и здѣсь въ зиму 1807—1808 года онъ провозносилъ свои чудныя рѣчи къ нѣмецкой націи, — рѣчи, въ которыхъ онъ развивалъ величественный планъ народнаго образованія. „Союзъ добродѣтели“, статуты котораго были утверждены правительствомъ, тоже говорилъ, что „цѣль союза есть исправленіе нравственности и развитіе благосостоянія прусскаго и всего нѣмецкаго народа, соединенными и общими трудами безупречныхъ людей. Средства общества—слово, письмо и примѣръ“.

Уже съ самаго начала царствованія Фридриха-Вильгельма III начали говорить, „какъ-бы сдѣлать дѣтей *меньше ханжами*,“ и стали писать „противъ слишкомъ ранняго изученія лютеранскаго катехизиса“. Вѣльнеръ былъ черезъ годъ отставленъ отъ мѣста и вмѣсто него былъ призванъ Массовъ, которому было поручено веденіе народнаго образованія, за исключеніемъ реформатскихъ и католическихъ школъ. Массовъ на собственные средства предпринялъ нѣсколько путешествій для осмотра школъ и пришелъ къ тому заключенію, что въ странѣ слишкомъ много „ученыхъ школъ“, хорошихъ-же „бюргерскихъ и сельскихъ школъ“ вовсе нѣтъ. Далѣе министры Шреттеръ, Фоссъ, Штейнъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ и тому подобныя люди содѣйствовали развитію народныхъ школъ: они заботились о хорошихъ книгахъ для чтенія, объ увеличеніи жалованья учителей, объ усиленіи матеріальныхъ средствъ школъ, о лучшемъ устройствѣ помѣщеній для школъ, о соединеніи промышленности со школьнымъ дѣломъ, о внесеніи единства въ школьное дѣло, о преобразованіи латинскихъ школъ въ реальныя училища, о развитіи женскаго образованія, о необходимости усвоить методы Песталоцци, къ которому посылались разныя лица для ознакомленія съ его дѣятельностью. Альтенштейнъ, посылая молодыхъ людей къ Песталоцци, писалъ ему слѣдующее: „Они должны почерпнуть духъ всего вашего метода воспитанія и преподаванія непосредственно изъ самаго чистаго источника и изучить не только

отдѣльныя части этого метода, но и понять всѣ взаимныя отношенія въ ихъ глубокой связи, подъ руководствомъ почтеннаго создателя этого дѣла и его помощниковъ; они должны въ сношеніяхъ съ вами не только образовать свой умъ, но и свое сердце для исполненія призванія воспитателей и оживиться чувствами святости этого призванія и тѣми-же страстными стремленіями, которыми одушевлены вы и которымъ вы посвятили всю свою жизнь“. Вокругъ Песталоцци собрался многочисленный кружокъ пруссаковъ, которымъ впоследствии приходилось сдѣлаться учителями во вновь устроенныхъ семинаріяхъ, совѣтниками ученыхъ совѣтовъ, народными учителями. Такъ называемое „національное“ воспитаніе было въ полнѣйшемъ ходу. Всѣ надѣялись, что „школа приготовить отечеству хорошихъ и полезныхъ гражданъ, которые будутъ постоянно помнить, что они принадлежать не самимъ себѣ, а государству“.

Такъ шли дѣла; но разгаръ воспитательной горячки продолжался недолго. Въ 1817 году было, наконецъ, основано министерство просвѣщенія и медицинскихъ дѣлъ и мѣсто министра занялъ Альтенштейнъ. Теперь нужно было ждать, что дѣла пойдутъ еще быстрѣе и лучше, сосредоточившись въ однѣхъ рукахъ. Но въ обществѣ уже вѣяло новымъ воздухомъ. Нѣкто пасторъ Гланцовъ выражаетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, какъ смотрѣли въ обществѣ на развивавшееся воспитаніе народа: „Новѣйшая педагогика, говорилъ онъ, не только приняла революціонный принципъ, но и выказываетъ революціонныя тенденціи, которыхъ не сознаетъ, можетъ быть, тысяча родителей, но которыя очень ясны главамъ всѣхъ государствъ и гражданскихъ учреждений; гибель въ особенности исходитъ изъ народныхъ школъ“. Изъ народныхъ школъ! Изъ школъ, руководимыхъ учениками Песталоцци! Изъ школъ, гдѣ стоялъ на первомъ планѣ патриотизмъ, гдѣ заботились, чтобы человекъ считалъ себя принадлежащимъ не себѣ, а государству! Да, изъ этихъ школъ, вообще изъ школъ, вообще изъ всѣхъ учреждений, задавшихъ цѣлью просвѣтить народъ.

IX.

Фридрихъ-Вильгельмъ III, пришелъ къ тому заключенію, что, во-первыхъ, „въ дѣлѣ образованія и воспитанія внезапныхъ успѣховъ нельзя добыть, да они и ни куда не годятся“, и что, во-вторыхъ, „дидактическое броженіе, возбужденное Песталоцци, хотя и не слѣдуетъ стѣснять, но нужно умѣрить и сконцентрировать“. Однимъ словомъ, въ народномъ воспитаніи должны были господствовать два принципа: „не спѣши и сдерживай“. Для проведенія этихъ принциповъ въ жизнь былъ избранъ Альтенштейнъ. Человѣкъ былъ подходящій. Альтенштейнъ былъ умный и тонкій придворный человѣкъ, неспособный быть законодателемъ и новаторомъ, осторожный до послѣдней степени и спасавшій вездѣ и всегда себя. Онъ понималъ взгляды короля; онъ зналъ, что министръ финансовъ не желаетъ выдавать новыхъ суммъ на народное образованіе; онъ видѣлъ, что общество злобствуетъ на патріотовъ и требуетъ смиренныхъ гражданъ, и сталъ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Не плыть противъ теченія, наблюдать откуда вѣтеръ дуетъ, и лавировать, лавировать безъ конца, хотя-бы на одномъ мѣстѣ, если нельзя плыть впередъ, только-бы дѣлать видъ, что двигаешься впередъ, — вотъ политика Альтенштейна, человѣка не злого, не тупого, не обскуранта, но царедворца и чиновника прежде всего. Онъ сдѣлалъ много для прусскаго народнаго образованія съ формальной стороны, со стороны увеличенія числа семинарій и школъ,—но за то онъ и господствовалъ долго. Но со стороны приниженія господствовавшего въ педагогическомъ мѣрѣ духа онъ сдѣлалъ такъ-же не мало. Онъ заботился о томъ, чтобы „народу давали столько знаній, сколько ему нужно въ его положеніи, но не больше, такъ-какъ онъ не желалъ, чтобы среди народа были полуобразованные люди—Halbwisser“. Онъ хотѣлъ, чтобы религіозное образованіе прежде всего господствовало въ народныхъ школахъ и „только по добродушію терпѣлъ одну изъ фракцій прусскихъ школъ въ духѣ Песталоцци, проводившую въ народъ подозрительный духъ раціонализма, а также терпѣлъ и обыкновенныя школы первыхъ полезныхъ знаній,—школы, ненавистныя его *благородной натурѣ*“. Въ обществѣ, наконецъ, стали го-

ворить, что только мечтатели могут думать, что улучшение народныхъ школъ поднимаетъ народъ, тогда какъ въ дѣйствительности просто вредно давать образованіе массѣ и обучать ее чему нибудь кромѣ чтенія, письма, счета и катехизиса,—и министерство стало еще осторожнѣе развивать дѣло народнаго образованія. Не мудрено, что, при такомъ образѣ дѣйствій Альтенштейна, одни называли этого министра крайнимъ либераломъ, другіе его считали крайнимъ ретроградомъ и обскурантомъ. Но и тѣ и другіе были не правы. Въ разгаръ либерализма онъ, вѣроятно, былъ бы второстепеннымъ либераломъ; въ разгаръ крайняго обскурантизма онъ былъ второстепеннымъ ретроградомъ. Вожакомъ и представителемъ партіи онъ не могъ быть: онъ просто сознавалъ, что можно дѣйствовать при всякомъ порядкѣ дѣлъ, только слѣдуетъ быть умѣреннымъ и не вдаваться въ крайности. И надо сказать, что для Пруссіи было величайшимъ благомъ, что министерство народнаго просвѣщенія попало въ такія руки. Болѣе либеральная личность не удержалась-бы на мѣстѣ въ такую пору; крайній-же ретроградъ или обскурантъ окончательно загубилъ-бы народныя школы не только въ отношеніи ихъ направленія, но и въ отношеніи ихъ численнаго развитія. При Альтенштейнѣ-же дѣло шло на столько хорошо впередъ, что онъ оставилъ послѣ себя 38 учительскихъ семинарій и около 30,000 народныхъ школъ. Это не шутка!

Чтобы яснѣе показать то настроеніе умовъ, которое руководило дѣйствіями Альтенштейна, мы сдѣлаемъ выписку изъ записокъ Фридриха-Вильгельма III.

„Я охотно желалъ-бы видѣть всѣхъ моихъ подданныхъ счастливыми, писалъ король подъ конецъ своей жизни. Но ни одинъ человѣкъ не можетъ быть дѣйствительно счастливымъ, если онъ не добръ, не добръ сердцемъ, а внутренняя доброта приобѣтается только при помощи тихой, перерождающей силы религіи. Обманываются и заблуждаются тѣ, которые думаютъ, что изученіе искусствъ и наукъ одно можетъ сдѣлать человѣка добрымъ. Культивировать, полировать, сдѣлать любезнымъ—о да! но сдѣлать сердце чистымъ и прямодушнымъ, вѣрнымъ и твердымъ—это можетъ сдѣлать только другой источникъ... Безъ этой силы умъ, даже самый острый и многознающій, легко предается ничего не говорящей пытливости, научается играть въ прятки среди

тысячи изгибовъ и мало-по-малу дѣлаеть характеръ хитрымъ, задорнымъ и двоедушнымъ. Все, что развиваеть эти темныя силы, дѣлаеть человѣка дурнымъ и только то, что внушаетъ ему смиреніе, улучшаетъ его. Развѣтіе ума безъ нравственнаго облагораживанія отравляетъ человѣческое общество... При этомъ я нахожусь въ фатальномъ положеніи относительно народнаго образованія при помощи улучшенія школъ, о чемъ все громче и громче говорятъ люди подъ вліяніемъ духа времени. Конечно, народное образованіе есть фундаментъ, на которомъ основывается народное благосостояніе. Забитый, грубый, невѣжественный народъ не можетъ быть хорошимъ, а, значить, и счастливымъ народомъ. Потому я и этой партіи опустил поводья и далъ, сколько позволяло дать финансовое положеніе государства... Но гдѣ находятся школы въ лучшемъ, цвѣтущемъ состояніи? Этотъ вопросъ возбуждалъ во мнѣ сомнѣнія и подозрѣнія. Можно-ли и слѣдуетъ-ли спрашивать о народномъ образованіи: есть-ли у него границы? Если у него нѣтъ границъ, то, значить, не слѣдуетъ въ него вмѣшиваться, задерживать его, тормозить и нужно оставить его идти, куда оно хочетъ и куда можетъ идти, какъ-бы ни было это далеко. Этому я не хочу допустить безусловно. Но еще труднѣе будетъ отвѣтъ, если признать опредѣленныя границы народнаго образованія. Гдѣ онѣ лежать? Объ этомъ писали и говорили рго и contra такъ много... Противорѣчія господъ спорящихъ только утомляютъ и заставляютъ упасть духомъ, такъ-что въ концѣ-концовъ теряешь всякую охоту заниматься этимъ дѣломъ. Но этого нельзя оставить; оно слишкомъ важно. Я имѣю о немъ свои особыя мнѣнія, хотя и знаю, что я не встрѣчу съ ними успѣха. Покойный епископъ Закъ провелъ въ одной книгѣ подобныя мысли и его ругали и обозвали нынѣшнимъ любимымъ прозвищемъ „обскуранта“, а онъ былъ человѣкъ съ свѣтлымъ умомъ и желалъ людямъ добра. Мое мнѣніе таково: „Каждый человѣкъ безъ исключенія во всякомъ положеніи имѣеть двойное назначеніе: одно для неба, для вѣчности, другое для земли, для земнаго призванія. Если взять его, какъ моральное, безсмертное существо, то для его образованія нѣтъ границъ... Что-же касается до другого пункта, до земнаго призванія человѣка, то здѣсь я держусь другого мнѣнія. Земное назначеніе человѣка слагается согласно съ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ онъ родился, согласно съ тѣми

обстоятельствами, въ которыхъ онъ находится, согласно съ тѣми наклонностями, которыя заставляютъ его избирать извѣстную профессию. Для этой-то профессіи долженъ онъ быть обученъ и воспитанъ, такъ чтобы онъ обладалъ всѣми необходимыми для него способностями и знаніями, какъ купецъ, фабрикантъ, ремесленникъ, экономъ, крестьянинъ, поденщикъ, слуга, чтобы онъ зналъ, что долженъ знать, чтобы наслаждаться исполненіемъ своихъ обязанностей и приносить пользу другимъ. Я думаю, что не оказываютъ благотворнаго вліянія на человѣческое общество тѣ, которые обучаютъ ближняго больше, чѣмъ слѣдуетъ для его призванія, и пробуждаютъ въ немъ потребности и стремленія, которыхъ не можетъ удовлетворить его положеніе. Всего человѣкъ не можетъ выучить, для этого и безъ того есть слишкомъ много избранныхъ да и жизнь слишкомъ коротка. Пусть-же каждый учится основательно только тому, что ему нужно. Излишнее не нужно для жизненной цѣли, но служитъ помѣхой и приноситъ вредъ. Оно отнимаетъ спокойствіе, довольство и ограниченность, — качества, необходимыя для бюргерскихъ занятій, если желаешь, чтобы эти занятія шли успѣшно. Чрезмѣрное знаніе дѣлаетъ человѣка требовательнымъ. Оно наводитъ на несчастную точку зрѣнія, на сравненія и, пробуждая чувство сознанія человѣческихъ правъ, дѣлаетъ насъ пристрастными въ сужденіяхъ и недовольными. Вмѣсто того, чтобы замкнуться въ опредѣленныхъ границахъ, наши желанія расширяютъ свой кругъ и жизнь становится тревожною. Человѣкъ не отыщетъ того, чего у него нѣтъ, и не насладится тѣмъ, что у него есть... Очевидно, что живущее поколѣніе заражено мрачнымъ духомъ неспокойствія и возбужденія, недовольства и стремленія къ чему-то. Одно сословіе хочетъ сравняться съ другимъ и каждый хочетъ выйти изъ опредѣленныхъ для него границъ. Откуда идутъ эти стремленія? "

X.

Пруссаки имѣютъ одну маленькую смѣшную странность! Они никогда не признаютъ себя виновными въ той или другой политической ошибкѣ и стараются приписать ее постороннему вліянію. По остроумному замѣчанію одного изъ близкихъ мнѣ свидѣтелей

«Дѣло», № 2.

берлинскихъ событій 1848 года, „эти событія происходили безъ берлинцевъ“, по крайней мѣрѣ, каждый берлинецъ въ 1849 году считалъ долгомъ кричать: „о! если-бы я былъ въ то время дома!“ Точно то же случилось съ событіями послѣднихъ лѣтъ царствованія Фридриха Вильгельма III. Пруссаки не признаютъ, что эти событія были произведены ихъ правительствомъ и санкционированы ими. Нѣтъ, они говорятъ, что будто-бы эти событія были навязаны имъ Австрію, что если-бы не это государство, то въ Пруссіи все шло-бы какъ нельзя лучше. Съ восшествіемъ на престолъ Фридриха Вильгельма IV это губительное вліяніе должно было кончиться, по мнѣнію пруссаковъ, и потому радость была очень велика. Первымъ дѣломъ короля была амнистія политическимъ преступникамъ, возвращеніе кафедръ изгнаннымъ профессорамъ, призваніе въ свой кружокъ свѣтилъ искусства и науки, разрѣшеніе учрежденія новыхъ гимнастическихъ обществъ, снятіе цензуры съ сочиненій, имѣющихъ болѣе 20 печатныхъ листовъ, и проч.

Но это были отдѣльные факты, а каковы-же были личныя симпатіи короля? Онъ отдавалъ передъ всѣми предпочтеніе только родовому дворянству и высказалъ явную преданность пѣттистическому направленію въ дѣлахъ религіи. Главнымъ его стремленіемъ было создать христіанско-германское государство. Созвавъ въ Берлинъ представителей провинціальныхъ собраній и узнавъ, чего они хотятъ, онъ сказалъ, что никогда и ни за что онъ не исполнитъ ни одного изъ ихъ требованій. Въ дѣлѣ народнаго образованія, которымъ управлялъ теперь Эйхгорнъ, велѣно было стараться о развитіи старо-прусскаго характера, противодѣйствуя всему нехристіанскому и нецерковному. Прежде всего „новое“ направленіе, исходившее не изъ Австріи и не изъ Россіи, дало себя знать тѣмъ, что была закрыта бреславльская семинарія, такъ какъ въ ней отчасти вѣяло политическимъ духомъ и такъ-какъ въ ней были партіи. Этотъ ударъ былъ силенъ. Слѣдомъ за этимъ произошла отставка изъ берлинской семинаріи безобиднаго Дистервега, заподозрѣннаго въ опасномъ либерализмѣ и неумѣннѣ достаточно развивать религіозную и историческую часть обученія.

Таковы были первыя дѣйствія Эйхгорна. Но 1848 годъ унесъ своими волнами и его. Въ прусскомъ національномъ собраніи подняли вопросъ о народномъ образованіи, объ устране-

ніи конфессіональнаго релігіознаго образованія; шумѣли, кричали, но горячіе споры и толки, конечно, принесли не особенно много пользы, какъ и всѣ вообще толки тогдашняго прусскаго національнаго собранія. Правда, директоры и учителя семинарій были созваны и на съѣздѣ представили свои мнѣнія, свои записки о народномъ образованіи, но едва-ли изъ этого вышла какая-нибудь особенная польза для направленія народныхъ школъ. Покуда пруссаки шумѣли въ собраніяхъ, въ министерской канцеляріи въ тишинѣ приготавливались новыя правила, такъ-называемыя прусскіе школьныя результаты — *Schulregulative*. Создателемъ ихъ былъ нѣкто Штиль, личность, удерживавшаяся на мѣстѣ при всевозможныхъ министрахъ и умѣвшая ворочать дѣлами. До сихъ поръ, несмотря на всѣ перевороты, несмотря на всѣ перемѣны въ общественномъ настроеніи, то тамъ, то тутъ оставались на мѣстахъ духовныя дѣти Песталоцци и другіе педагоги, смѣвшіе свое сужденіе имѣть. Они вносили въ школу свой духъ, свое направленіе, большей частью очень осторожно, очень робко, но все-таки вносили. Штиль придумалъ планъ, вслѣдствіе котораго, при помощи библейской, нѣмецкой и прусской исторіи, школьное народное образованіе получило-бы исключительно нѣмецкій или, вѣрнѣе сказать, прусскій національный характеръ. Регулятивы признаютъ конечною цѣлью семинарскаго образованія подготовленіе воспитанника на поприще учителя для христіанской евангелической церкви, учителя, который долженъ положить себѣ задачею содѣйствовать воспитанію юношей въ христіанскомъ, отечественномъ — *vaterlaendlicher* — настроеніи и домашнихъ добродѣтеляхъ. Задача семинаріи перевоспитать совершенно будущаго учителя такъ, чтобы онъ во всѣхъ своихъ житейскихъ отношеніяхъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ семинаріи. Предметы обученія нужно преподавать такъ, чтобы весь образъ мыслей и взглядовъ будущаго учителя былъ пронизанъ христіанскимъ, національнымъ и полезнымъ направленіемъ, которое вліяло-бы на всю его духовную жизнь. Въ семинаріи не должно преподавать, даже въ популярной формѣ, никакой системы педагогики. Обученіе науки о школьномъ дѣлѣ должно ограничиваться объясненіемъ зависимости одного предмета обученія отъ другого и общей цѣли обученія этимъ предметамъ. Прежде всего должно идти релігіозное образованіе, причемъ отводилось широкое

мѣсто библейской исторіи, катехизису, мудрымъ изрѣченіямъ, духовнымъ пѣснямъ. Признавалась важность обученія нѣмецкому языку, какъ для общечеловѣческаго, такъ и для народнаго образованія. При обученіи исторіи и географіи считалось центромъ отечество. Признавалось, что обученіе всеобщей исторіи не даетъ въ семинаріяхъ ожидаемыхъ плодовъ и что пужно болѣе всего обращать вниманіе на отечественныя воспоминанія, на учрежденія и лица родной страны изъ прошлыхъ и настоящихъ временъ. Съ исторіей нужно соединять напоминаніе о памятныхъ для Пруссіи историческихъ дняхъ. Географія и естественная исторія должны давать только нѣкоторыя свѣденія, которыя нужно стараться связать между собою. Ариметика должна преподаваться однообразно, чтобы будущіе учителя твердо знали правила, она нейдетъ дальше первыхъ правилъ и десятичныхъ дробей или извлеченіе корней допускаются только въ видѣ исключеній по уважительнымъ причинамъ. Письмо, рисованіе и главнымъ образомъ музыка находятъ большой просторъ въ обученіи семинаристовъ. Пятьдесятъ хоровыхъ, одобренныхъ правительствомъ мелодій для органа, общая книга хоровыхъ пѣсенъ для всѣхъ семинарій вводятся въ употребленіе, чтобы церковное пѣніе было единодушно и *радостно* и чтобы вообще пѣніе не зависѣло отъ личнаго произвола. Особенное вниманіе должно быть обращено на благороднѣйшій отдѣлъ нѣмецкихъ народныхъ пѣсенъ—на патріотическія пѣсни, которыя и должны быть важнѣйшимъ предметомъ при обученіи пѣнію. Гимнастика, садоводство, огородничество, шелководство и рукодѣлія находятъ мѣсто въ регулятивахъ. „Непрактическія размышленія, все субъективное, все безплодное для здороваго и простаго народнаго воспитанія эксперименты—все это будетъ далеко отъ семинарій“, говорится въ концѣ перваго изъ этихъ правилъ, считающаго цѣлью семинарій только поддержаніе христіанскихъ основъ и дисциплины. Регулятивъ, касающійся одноклассныхъ элементарныхъ евангелическихъ школъ, былъ составленъ въ томъ-же духѣ. Можно было подумать, что дѣло идетъ не объ образованіи народа, а о приготовленіи будущихъ монаховъ. Кромѣ обыкновенныхъ молитвъ, дѣти должны были учить церковныя гимны и почти всю литургію, всевозможныя библейскія изрѣченія, церковныя пѣсни въ числѣ, по крайней мѣрѣ, тридцати; каждую субботу должно чи-

таться и постепенно заучиваться воскресное евангеліе, кромѣ того, должно читать изъ библіи псалмы, книги пророковъ и Новый За-вѣтъ, катехизисъ должно выучивать наизусть. Хуже всего было то, что регулятивы обязывали учениковъ заучивать наизусть такую массу матеріала, которая должна была губительно повліять на развитіе учениковъ: они должны были долбить и долбить, не имѣя ни времени, ни возможности вдаваться въ объясненія заучиваемаго. При этомъ опять замѣчалось, что важны не методы и системы обученія, а только преподаваемые предметы; кромѣ того, методы и системы не нужны вообще, а нужна вѣра и глубокое убѣжденіе. Такимъ образомъ, педагогику топтали въ грязь, о ней отзывались съ полнѣйшимъ презрѣніемъ. Религіозному обученію должно посвящать шесть часовъ въ недѣлю и нужно имъ начинать или кончать обученіе. При этомъ дѣти должны пѣть, учитель долженъ говорить мудрыя изрѣченія и т. д.

Въ обществѣ поднялся шумъ и толки, когда были напечатаны регулятивы. Литература, народные представители, отдѣльные округа были ошеломлены этими постановленіями. Дѣло дошло до парламентскихъ преній, но министерство счумѣло такъ ловко вести пренія, что регулятивы вошли въ законную силу. Только рейнская провинція и Вестфалія добились нѣкоторыхъ смягченій въ регулятивахъ. Однако, въ 1859 году снова поднялся вопросъ о нихъ въ парламентѣ вслѣдствіе двухъ петицій. Въ одной изъ петицій говорилось, что „регулятивъ отъ 3-го октября 1854 года въ дѣйствительности обременилъ элементарныя и народныя школы чрезмѣрнымъ количествомъ религіознаго матеріала, заучиваемаго на память“. Во второй выражалась мысль, что „чрезмѣрное количество предписаннаго правилами религіознаго матеріала доводить до *minimum*'а или даже совершенно исключаетъ преподаваніе какихъ-бы то ни было полезныхъ познаній, кромѣ чтенія, письма, счета и пѣнія“. Собраніе постановило передать эти петиціи „на разсмотрѣніе правительства“ и просило принять въ соображеніе выставленныя въ петиціяхъ жалобы. Жалобы были разсмотрѣны и было признано, что регулятивы сами по себѣ превосходны, но что излишнее обремененіе памяти учениковъ происходитъ просто отъ неумѣнья или непониманія своего дѣла со стороны отдѣльныхъ учителей. Въ 1860 году шли въ собраніи новыя толки о регулятивахъ. За правила было подано 632 пети-

ціи, противъ нихъ 44; послѣднія были главнымъ образомъ изъ Берлина, Потсдама, Бреславля, Наумбурга. Послѣ преній пришли къ соглашенію съ министерствомъ насчетъ сокращенія заучиваемаго наизусть въ элементарныхъ школахъ религіознаго матеріала и насчетъ расширенія семинарскаго курса образованія. Существенныхъ измѣненій въ правилахъ не было сдѣлано; они были только подробнѣе разъяснены и развиты.

Рядомъ съ регулятивами были введены повторительные экзамены учителей на третьемъ или пятомъ году служенія въ школѣ; эти экзамены даютъ право на окончательное утвержденіе человека въ званіи учителя.

„При помощи этихъ правилъ, говоритъ Тило, — могло вырасти поколѣніе, знающее свою вѣру и свою исторію и сознающее все болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ свою тѣлесную силу и ловкость“.

Но регулятивы простирались только на школы господствующей церкви, вслѣдствіе этого можно было ждать ихъ паденія съ началомъ бисмарковской объединительной политики. Бисмаркъ очень хорошо зналъ, что католики и другіе сектанты все-таки ускользнутъ отъ исполненія правительственныхъ намѣреній — сдѣлать изъ прусскихъ подданныхъ вполне единомыслящихъ людей. Вотъ почему уже въ 1863 году палатѣ депутатовъ удалось добиться измѣненія ненавистныхъ обществу регулятивовъ. Въ новомъ законѣ прямо было высказано, что „система регулятивовъ вполне противрѣчитъ современнымъ требованіямъ народной жизни“, вслѣдствіе чего ученики въ семинаріяхъ должны учиться, по крайней мѣрѣ, по три года; они должны основательно и въ достаточныхъ размѣрахъ изучать исторію и естественныя науки; ихъ, по возможности, нужно учить по-латыни, по-французски, даже по-англійски и, гдѣ нужно, по-польски; воспитанникамъ не ставится въ условіе быть полными пансіонерами семинаріи и вообще полные пансіонеры не должны быть замкнуты отъ всего остального міра; вообще они должны получать религіозно-нравственное, научное и педагогически-практическое образованіе; семинаріи не должны строиться исключительно въ маленькихъ городахъ; учителя въ семинаріяхъ должны быть извѣстны, какъ ученые люди; директора семинарій не должны быть исключительно теологи, но должны быть педагогами и учеными. Это былъ первый ударъ, нанесенный ис-

ключительному вліянію церкви на народныя школы. Въ 1872 году былъ нанесенъ этому вліянію и другой ударъ: правительство отдѣлило школы отъ церкви, оставивъ исключительно за собою право наблюденія за народными школами, — шагъ, чрезвычайно важный въ политическомъ отношеніи. Клерикалы, поляки, правая сторона боролись въ этомъ случаѣ противъ правительства; лѣвая-же сторона стояла за него. Мы еще скажемъ далѣе нѣсколько словъ объ этой борьбѣ.

XI.

Въ какихъ-же результатахъ привели тѣ энергическія усилія прусскаго правительства, краткій очеркъ которыхъ мы представили въ предъидущихъ главахъ?

Прежде всего нужно упомянуть о двухъ основныхъ принципахъ прусскаго народнаго образованія: во-первыхъ, основаніе и поддержка школъ лежитъ на общинахъ, такъ-какъ дѣти обязаны посѣщать школы; во-вторыхъ, посѣщеніе школы обезпечено штрафами (простирающимися до 10 зильбергрошей за день непосѣщенія школы) и тюремными заключеніями, которыми подвергаются родители за непосыланіе дѣтей въ школу. Такимъ образомъ, народу почти нѣтъ возможности ускользнуть отъ первоначальнаго обученія: община не можетъ не построить школы, народъ не можетъ не посылать дѣтей въ школу. Около Пасхи бургомистры составляютъ списки всѣхъ дѣтей, которымъ пошелъ шестой годъ, и посылаютъ эти списки священникамъ, предупреждая родителей, что они должны начать обученіе дѣтей. Каждый, берущій дѣтей въ услуженіе или на работу на фабрику, обязуется давать этимъ дѣтямъ образованіе. Каждый день учитель въ общественныхъ школахъ дѣлаетъ переключку дѣтямъ и записываетъ отсутствующихъ на особый листъ, еженедѣльно отсылаемый къ президенту мѣстнаго училищнаго комитета. Президентъ призываетъ родителей отсутствовавшихъ во время уроковъ дѣтей и спрашиваетъ о причинѣ отсутствія ихъ. Такъ-какъ президентъ почти всегда есть духовное лицо, то его вліяніе очень сильно, особенно въ деревняхъ, и ему рѣдко приходится прибѣгать къ строгимъ и насильственнымъ мѣрамъ. Непосылаемыхъ въ школу дѣтей могутъ за-

ставить ходить въ школу полицейскими мѣрами. Штрафы и тюремное заключеніе налагаются членами магистрата. Число этихъ наказаній не превышаетъ нѣсколькихъ сотенъ и штрафныхъ денегъ взято очень немного, такъ что обязательное обученіе въ настоящее время не можетъ считаться въ Пруссіи принудительнымъ. Оно уже вошло въ плоть и въ кровь народа. Обучать дѣтей — это вошло въ нравы народа и перестало быть простымъ подчиненіемъ буквѣ закона.

Община обязана строить и поддерживать школы и платить жалованье учителю. Это дѣлается, во-первыхъ, на деньги, взимаемыя съ учениковъ; во-вторыхъ, на доходы съ извѣстныхъ капиталовъ и земель; въ-третьихъ, на деньги отъ налоговъ, взимаемыхъ съ жителей, согласно съ ихъ состояніемъ; въ-четвертыхъ, на субсидіи государства, даваемыя, впрочемъ, не особенно часто и только въ случаѣ доказанной несостоятельности общины. Общинныя власти очень мало вмѣшиваются въ школьное дѣло, такъ-какъ наблюденіе за школами поручено особымъ комитетамъ: *Schulvorstand* въ селахъ и *Schuldeputation* въ городахъ. Городской комитетъ состоитъ изъ многихъ членовъ—отъ 20 до 27, между которыми двое—*Stadtschulrathе*—получаютъ жалованье; они-то, какъ люди компетентные, главнымъ образомъ и управляютъ дѣлами. Сельскій комитетъ имѣетъ предсѣдателемъ священника, который и заправляетъ въ сущности всѣмъ дѣломъ обученія, тогда какъ комитетъ заботится только о матеріальной части школы.

Но правительство, уважая мѣстные нравы и привычки, давая, повидимому, широкую власть мѣстнымъ комитетамъ, наблюдаетъ за всѣмъ и вмѣшивается въ сущности во все. Надъ мѣстными комитетами возвышается цѣлая лѣстница чиновъ. Суперинтендентъ или окружной школьный инспекторъ, лицо изъ духовенства, посѣщаетъ отъ 15 до 20 школъ своего округа и присутствуетъ на экзаменахъ. Школьные совѣтники—это школьные префекты; они являются настоящими руководителями первоначальнаго образованія: они разсматриваютъ отчеты мѣстныхъ комитетовъ и окружныхъ инспекторовъ; они предлагаютъ административныя мѣры и измѣненія въ школьномъ дѣлѣ; они переписываются съ министерствомъ, которому представляютъ свои рѣшенія; они являются посредниками между мѣстными властями и центральной властью. Такимъ образомъ, школьная іерархія является въ слѣдующемъ видѣ:

1) учитель; 2) школьный комитетъ съ пасторомъ въ качествѣ президента и съ мѣстнымъ инспекторомъ; 3) окружный школьный инспекторъ изъ духовенства; 4) правительственный школьный совѣтникъ и 5) министръ народнаго просвѣщенія.

Учитель назначается почти исключительно государствомъ, такъ-какъ 24 § прусской конституціи 1850 года говоритъ: „государство назначаетъ воспитателей въ публичныя школы, съ законнымъ вмѣшательствомъ общины“.

Остановимся на минуту здѣсь.

„Неудобство этой организаціи, говоритъ Лавелэ,—состоитъ въ томъ, что она слишкомъ бюрократична и не оставляетъ достаточно простора мѣстной инициативѣ. Изъ нея вытекаетъ то, что жители не особенно интересуются школьнымъ дѣломъ; впрочемъ, результаты получаются хорошіе, такъ-какъ чиновники школьной іерархіи люди очень компетентные и принуждаемые къ работѣ желѣзною волею центральной власти“. Итакъ, школьнымъ дѣломъ управляетъ главнымъ образомъ чиновничество. Но въ составъ школьныхъ комитетовъ входятъ и лица изъ духовенства, и они-то, если они принадлежатъ къ католическому духовенству, нерѣдко стараются противодействовать правительству. Но въ прошломъ году, какъ мы говорили выше, Бисмаркъ внесъ въ палату на разсмотрѣніе новый законъ, который оставляетъ надзоръ за дѣломъ образованія и воспитанія за государствомъ и только за однимъ государствомъ. Лѣвая сторона палаты признала этотъ законъ хорошимъ и провозгласила устами Вирхова, что католическая церковь, какъ церковь, потеряла теперь свою миссію цивилизовать народы. Такимъ образомъ, вопросъ былъ сведенъ только на противодействіе „католической“ церкви; объ опасностяхъ-же, которыя могутъ произойти для общества отъ исключительнаго завѣдыванія государствомъ дѣлами воспитанія, говорили очень мало. Только Виндгорстъ сказалъ по поводу этого слѣдующія небезъинтересныя слова: „Вы выбросите церковь изъ школы, но я спрашиваю васъ: кто займется обученіемъ религіи? Имѣетъ-ли возможность для этого государство? Есть-ли у него на это органы? Если вы такъ думаете, то я попрошу васъ представить мнѣ *новый государственный катехизисъ*... Это будетъ государство безъ Бога или *это государство само будетъ Богомъ на землѣ*... Будетъ-ли доволенъ этимъ нѣмецкій народъ? Я сомнѣваюсь въ

этомъ... Въ настоящее время уже мы видѣли, что въ Оппелнѣ одинъ туземный школьный инспекторъ, былъ смѣненъ правительствомъ и на его мѣсто были назначены четыре *протестантскіе* инспектора для наблюденія за *католическими* школами; эти люди, можетъ быть, были очень почтенными людьми, но я думаю, что какіе-нибудь фабриканты ложекъ будутъ очень плохими школьными инспекторами... „Наука и ея ученія свободны“, говорится въ законѣ. Я думаю, что каждый, считающій государство единственнымъ сосудомъ науки, найдетъ въ этихъ словахъ дѣйствительное свидѣтельство свободы; но люди, смотрящіе съ другой точки зрѣнія, едва-ли увидятъ тутъ гарантію свободы науки... Родители не обязываются отдавать дѣтей непременно въ общественныя народныя школы, но требуется только, чтобы дѣти знали все то, что предназначено выучить въ школѣ, согласно съ правительственнымъ планомъ народнаго обученія“... Но споръ сводился все-таки больше на вопросы о церкви, о католицизмѣ, а не на вопросъ о политическихъ послѣдствіяхъ новаго закона, не на то, что выйдетъ для присоединенныхъ провинцій, для настроенія народнаго духа изъ того, что государство будетъ единственнымъ и исключительнымъ наблюдателемъ за школами. Противники-же новаго закона впади въ такія несообразности, что сдѣлались смѣшны. Въ своихъ петиціяхъ они говорили: „Все это интриги франкъ-масоновъ, таеъ-называемыхъ либераловъ и членовъ интернаціонала“; „школа сдѣлается орудіемъ атеизма и въ нихъ будутъ воспитываться юноши для революціи, интернаціонала и безнравственности; теперь хотятъ, чтобы духовенство не говорило въ школѣ о Богѣ; дѣло идетъ объ изгнаніи церкви изъ школы для созданія языческаго государства, государства безъ Бога и т. д.“ И это все говорилось о законѣ, написанномъ Бисмаркомъ! Конечно, Бисмаркъ ждетъ отъ своего закона не такихъ плодовъ и, конечно, онъ не обманется въ своихъ надеждахъ.

Но не заглядывая въ будущее, обратимся къ настоящему...

Организація современныхъ прусскихъ школъ скопирована съ военной организаціи: здѣсь царствуетъ тотъ-же порядокъ, та-же дисциплина, та-же точность. Учитель—это не частный человѣкъ, какъ въ Англіи, старающійся заслужить своими личными достоинствами расположеніе учениковъ и ихъ родителей. Нѣтъ, это чиновникъ, какъ говорить Эрнестъ Вагнеръ. Ему повинуются по-

тому, что ему должны повиноваться. Ослушаніе ребенка считается не простой, частной ошибкой, но проступкомъ противъ государства; ребенокъ сознаетъ уже съ дѣтскихъ лѣтъ, что онъ гражданинъ. Ему даютъ и религиозное образованіе, но съ какою цѣлью? „Нужно, говоритъ Л. Финшеръ, чтобы христіанскій духъ пронизалъ насквозь человѣка для того, чтобы гражданинъ внесъ въ политическую жизнь необходимыя для нея добродѣтели... Школа должна внушить дѣтямъ послушаніе, уваженіе, покорность, любовь къ труду, мягкость сердца въ семейныхъ интересахъ, милосердіе, терпимость, справедливость въ общественной жизни; преданность, дисциплину, самоотверженіе въ государственныхъ дѣлахъ. Христіанинъ будетъ храбръ, не будучи жестокимъ, будетъ твердъ, не будучи надменнымъ, будетъ послушенъ, не будучи рабомъ, будетъ любить свободу, не будучи возмутителемъ. Онъ суждетъ требовать человѣческихъ правъ, не забывая о человѣческихъ обязанностяхъ“. Что-же дѣлаетъ учитель, чтобы воспитать такого образцоваго гражданина? „Онъ учитъ его исторіи, говоритъ Водуэнъ, выбирая тѣ мѣста, которыя могутъ вдохнуть въ дѣтей чувство преданности, христіанскихъ и гражданскихъ добродѣтелей и уваженія къ властямъ. Онъ рассказываетъ просто, останавливаясь не на голыхъ фактахъ, а на обстоятельствахъ, которыя вызвали эти факты или слѣдовали за этими фактами. Потому онъ заставляетъ учениковъ передавать рассказанное и указываетъ, какія высшія соображенія, какіе возвышенные мотивы заставляли такъ или иначе дѣйствовать героевъ“. „Онъ учитъ дѣтей пѣть пѣсни—очень много пѣсенъ, которыя запечатлѣваютъ въ душѣ ребенка возвышенныя и патріотическія чувства“. Онъ занимаетъ ихъ часто солдатскими гимнастическими упражненіями. Онъ приучаетъ ихъ къ безответной дисциплинѣ. Онъ расточаетъ имъ, если нужно, оплеухи, щелчки, трепки за вихоръ, иногда гуляетъ по ихъ спинамъ палка, которою показываютъ на стѣнныхъ географическихъ картахъ рѣки, города и горы. Никто не видитъ въ этомъ чего-то дикаго: этимъ способомъ воспитываются образцовые бюргеры. И гдѣ-же гнаться за какимъ-нибудь тычкомъ въ народной школѣ, когда эти тычки и оплеухи господствуютъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ? Нѣмецкіе педагоги признаютъ это средство за самое вѣрное для воспитанія хорошихъ гражданъ.

Таковы-то педагогическіе приемы многихъ нѣмецкихъ учителей; они создались не вслѣдствіе какихъ-нибудь серьезныхъ научныхъ изслѣдованій и философскихъ размышленій. Нѣтъ, они всецѣло вытекли изъ того политическаго положенія школы, которое она до сихъ поръ занимала въ Германіи. Педагоги здѣсь явились только нѣмыми и, замѣтимъ кстати, черезъ-чуръ усердными исполнителями тѣхъ или другихъ политическихъ дѣятелей, имъ можно было всегда сказать; *pas trop de zèle, messieurs*. Въ этомъ заключается самая темная сторона нѣмецкой школы, неумѣвшей сдѣлаться вполне самостоятельною и свободною отъ постороннихъ педагогикѣ вліяній.

„Общія постановленія 1853 г., говоритъ Лавелэ, — подавляя инициативу учителей и примѣняясь слишкомъ безусловно къ дѣлу энергической и мелочною бюрократіею, задушили жизнь, которая была еще прежде въ корпораціи учителей, и сдѣлались препятствіемъ для прогресса. Къ счастью, Саксонія и Вюртембергъ ускользнули отъ этого желѣзнаго корсета, а то вся Германія находилась-бы подъ вліяніемъ офиціальнаго мандарината. Прусская бюрократія походитъ на бюрократію французскую, только она болѣе совершенна, болѣе просвѣщенна и болѣе дѣятельна, а значитъ, и болѣе способна передѣлывать по-своему народъ.“

Горасъ Мэнъ и Паттисонъ, англичанинъ и американецъ, были поражены тою инерціею, тѣмъ недостаткомъ инициативы, которые найдены ими у нѣмцевъ, столь отличающихся въ этомъ отношеніи отъ родственныхъ имъ по крови англо-саксонцевъ. Оба эти наблюдатели задаютъ себѣ вопросъ: не слѣдуетъ-ли приписать это различіе — отчасти двумъ различнымъ школьнымъ системамъ? Отвѣтъ дается положительный. „Но, кромѣ того, замѣчаетъ Горасъ Мэнъ, — въ Германіи государство вообще подавляетъ личность всею своею тяжестью. Мертвенность и неподвижность социальной жизни задушить индивидуальную дѣятельность, если-бы она и пробудилась въ школѣ. Когда дитя оканчиваетъ свое ученье, оно не имѣетъ даже случая воспользоваться знаніями, пріобрѣтенными имъ. Его сила воли и мысли не развивается отъ упражненія и не имѣетъ примѣненія. О всѣхъ заботятся здѣсь, какъ о стадѣ. Здѣсь думаютъ и рѣшаютъ за цѣлыя массы людей“.

А. Михайловъ.

СЪ ТОГО СВѢТА.

ЗАМОГИЛЬНЫЯ ЗАПИСКИ.

Вчера, противъ обыкновенія, я проснулся поздно и съ сильной головной болью. Въ двухъ моихъ низенькихъ, „подъоблачныхъ“ комнаткахъ, очень торжественно величаемыхъ нашимъ корридорнымъ хозяиномъ „аппартаментами“, было душно, сыро и не весело. Я отворилъ окно; утро стояло теплое, пестренькое: то свѣтъ, то набѣгающія тѣни. Изъ-за сѣренькихъ тучъ, какъ улыбка сквозь слезы, иногда крадучись, подобно контрабандисту, выглядывало солнце.

Рядомъ за дверью раздавались неровные шаги моего сосѣда, „доктора безъ практики“, который совершалъ свою обычную прогулку въ своей коморѣ, зацѣпляясь безпрестанно то за стулья, то за ширмы и, какъ всегда, занятый мыслью или, какъ онъ выражался, „изысканіемъ способовъ для дальнѣйшаго существованія“. Называя всѣхъ людей „земляками“, на томъ основаніи, что „всѣ мы въ землѣ будемъ“, неудавшійся врачъ постоянно, однако, негодовалъ противъ всего человѣчества, которое, по его мнѣнію, на зло Дарвину и всякому прогрессу, постепенно вырождается въ обезьяну.

Услыша, что я всталъ, сосѣдъ стукнулъ въ стѣну.

— Что это вы, землякъ, такъ долго спите!

Черезъ минуту передо мной явилась четверугольная, украшенная солидными рябинами фізіономія Ксенофонта Антоновича, моего постоянного собесѣдника и натурщика.

— А я къ вамъ. Скажите-ка, которое сегодня число, да встати—нѣтъ-ли у васъ папироски? Это „встати“ подь разными

предлогами я слышалъ каждое утро, а потому поспѣшилъ удовлетворить его просьбу, не считая даже нужнымъ отвѣчать на первую половину его фразы. Бѣ тому-же я не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта, потому что, имѣя органическое отвращеніе къ цифрамъ, хронологіи и ко всякой вообще счетности, я и въ календарномъ счетѣ всегда путался.

Въ первую минуту я не обратилъ никакого вниманія на особенный тонъ докторскаго вопроса, но когда Ксенофонтъ Антоновичъ, „кстати“ оставшійся у меня чаю напиться, сталъ какъ-то ежиться, печально на меня поглядывать и даже не толковалъ на свою любимую тему „о пріисканіи способовъ для дальнѣйшаго существованія“, тогда я обратилъ вниманіе на его таинственность и спросилъ его объ этомъ.

— Вотъ вы не помните, землякъ, которое нынче число, а я помню. А кого мы съ вами хоронили въ прошломъ году седьмого мая? проговорилъ онъ съ грустнымъ упрекомъ.

Меня всего передернуло. Моя бѣдная Оля! Я никогда не забывалъ тебя, даже въ это самое утро; стоя у окна, я почему-то вдругъ припомнилъ твою маленькую, стройную фигурку, но все же мнѣ сдѣлалось совѣстно, по-дѣтски совѣстно, что я забылъ. Именно тотъ день, то число, когда мы тебя опустили въ землю. Мы оба, я и докторъ, долго сидѣли въ молчаніи, думая, каждый по-своему, объ одномъ и томъ-же. Только при прощаніи, протягивая мнѣ руку, докторъ не удержался и воскликнулъ:

— А все-таки опять повторяю, убила ее эта коновальская наука—медицина. Залечили ее, проклятые!..

Докторъ, проклиная свою спеціальность, ушелъ, въ полной увѣренности, что онъ сказалъ неотразимую истину. Но что-же, въ самомъ дѣлѣ, убило Ольгу? Могу-ли я самъ отвѣтить на это съ большею правдою? Жизнь убила? Но на такомъ общемъ выводѣ нельзя успокоиться, по примѣру многихъ людей, которые отъ всѣхъ „проклятыхъ вопросовъ“ любятъ отдѣлываться афористически съ помощью своихъ собственныхъ или чужихъ, давно изготовленныхъ сентенцій.

Красивая фраза! — я не знаю въ мірѣ ничего безобразнѣе... Красивая фраза—это Далила, усыпляющая Самсона; она убавкиваетъ, когда нужно бодрствовать, и миритъ, когда необходимо нужно беспокоиться и ссориться. Красивая фраза до того вошла

въ плоть и кровь нашу, что отъ нея невозможно отдѣлаться, какъ отъ фамильнаго сходства, какъ отъ врожденныхъ, неодолимыхъ привычекъ. Мнѣ въ дѣтствѣ подвязывали лѣвую руку, муштровали меня на каждомъ шагу, наказывали за то, что я „лѣвша“, и несмотря ни на что, я все-таки остался лѣвшой и до сей минуты. Такова и красивая фраза. Смѣшно и горько!.. Мы, даже возставая противъ красивыхъ фразъ, преслѣдуемъ ихъ тѣми-же красивыми словами, т. е., чѣмъ ушиблись, тѣмъ и лечимся.

Разставшись съ докторомъ, полный невеселыхъ, недобрыхъ мыслей, я безъ цѣли бродилъ по городскимъ улицамъ и по тому инстинкту, который доводитъ до дому совершенно пьянаго человѣка, самъ не знаю, какъ я очутился на кладбищѣ. Со дня похоронъ Ольги мнѣ не приходилось ни разу быть на ея могилѣ, почему я едва отыскалъ простой, деревянный вѣстъ, подъ которымъ она успокоилась. Кругомъ этой скромной могилки, какъ будто стараясь отгѣснить, придавить ее, поднимались разные купеческіе и чиновные памятники изъ гранита и мрамора. Какъ-бы придавленная и угнетенная пузатыми и безобразно-роскошными навзалеями, дерновая могила моей маленькой Ольги напомнила мнѣ судьбу этой бѣдняжки, которую и при жизни точно также тѣснили и угнетали ея „благодѣтели“. Но меня поразило прежде всего то, что вокругъ ея зеленого холмика чьей-то заботливой рукой были положены цвѣты, а вѣстъ украшенъ нѣсколькими вѣнками. Не трудно было догадаться, что это дѣло заботливости одного Ксенофонта Антоновича; въ его безкорыстной, теплой привязанности къ Ольгѣ всегда было что-то умиленное и этой привязанности онъ остался вѣренъ даже послѣ ея смерти. Я не сомнѣвался, что Ксенофонтъ Антоновичъ былъ тоже въ это время на кладбищѣ и только мой приходъ заставилъ его скрыться. Я сталъ оглядываться и, дѣйствительно, скоро замѣтилъ, что докторъ шагахъ въ двадцати отъ меня, согнувшись, пробирается между памятниковъ. Онъ или не хотѣлъ иѣшать моему уединенію, или же просто стыдился быть уличеннымъ мной въ заботливомъ ухаживаніи за могилой своей любимицы. Ксенофонтъ Антоновичъ принадлежитъ къ числу людей, которые почему-то стыдятся своихъ добрыхъ чувствъ и стараются подъ ворчливостью скрыть порывы любящаго сердца. Такіе люди думаютъ, что любовь ихъ

дѣлаеть смѣшными, и они дѣлаются скрытными, искусственными брызгами.

Я хотѣлъ сперва крикнуть и воротить доктора, но потомъ раздумалъ. Мнѣ хотѣлось остаться одному. На пути отъ могилы Ольги къ своей собственной могилѣ не мѣшаеть оглянуться назадъ, свести счеты съ прошедшимъ. Мнѣ было о чемъ задуматься.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ все это случилось? Какой именно дорожкой я пришелъ къ тому роковому рѣшенію, отъ котораго я не могу уже отдѣлаться? Коротко отвѣчать на это невозможно. Бываютъ поступки, объяснить которые нельзя двумя-тремя словами. Къ нимъ приводитъ не капризь, а логика многихъ фактовъ, цѣлой человѣческой жизни. Человѣкъ дѣлаеться преступникомъ гораздо ранѣе, чѣмъ свершить самый фактъ преступленія: онъ долго и незамѣтно къ нему подготавливается. Если-бы меня спросили, когда именно во мнѣ родилась мысль покончить съ жизнью, я затруднился-бы отвѣтомъ. Я могу только сказать, что *все* вело именно къ такому рѣшенію, развивавшемуся медленно, но съ упорною и холодною послѣдовательностью. Не боролся я съ этимъ рѣшеніемъ, не подчинялся ему рабски; оно явилось какъ-то само собою, безъ натяжки, безъ лихорадочныхъ вспышекъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ я началъ вести свои записки. Велись онѣ безпорядочно, урывками, безъ всякой системы; иногда я не заглядывалъ въ нихъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, иногда писалъ каждый день. Вчера, вернувшись съ кладбища, я перечелъ ихъ и остался мало удовлетвореннымъ. Записки оказались слишкомъ отрывочными, разбросанными, но искренними. Это ихъ единственное достоинство, почему я и не хочу передѣлывать и обрабатывать написаннаго. Къ чему? Вѣдь это не литературное произведеніе, а просто правдивыя записки „отпѣтаго“ человѣка. Не знаю, на сколько мои записки могутъ уяснить одно изъ грустныхъ и знаменательныхъ явленій нашего времени, но предполагаю, что онѣ все-же заставятъ задуматься. Для меня довольно и этого.

Если къ кому идетъ названіе „непомнящаго родства“, такъ это, безъ сомнѣнія, ко мнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлся недавно съ моимъ отцемъ и его семействомъ. Взятый изъ родительскаго дома на третьи сутки послѣ рожденія, я почти двад-

цать лѣтъ былъ брошенъ на произволъ судьбы и не зналъ родного крова. Отецъ обо мнѣ никогда не заботился, даже просто чуждался меня, а съ другой стороны мои первыя дѣтскія воспоминанія были таковы, что и самъ я не искалъ сближенія съ отцомъ своимъ. Семья и жизнь лишили меня лучшаго изъ человѣческихъ чувствъ—сыновняго чувства и—кто знаетъ!—можетъ быть, этотъ нравственный недочетъ болѣзненно повліялъ на мое развитіе. Мальчикомъ, прочитавъ въ первый разъ исторію Рома и Ремула, я невольно задумался надъ той мыслью: ужъ и меня самого вскормила не волчица-ли?..

Въ одинъ и тотъ-же день и часъ мы разошлись съ матерью въ разныя стороны: она отправилась на тотъ свѣтъ, а я явился въ этотъ. За мое рожденіе она поплатилась жизнью. Зная, такимъ образомъ, свою мать только по однимъ рассказамъ о ея несчастной супружеской жизни, я питалъ къ матери какое-то странное, непонятное чувство привязанности къ неясному, печальному призраку. Она являлась для меня фантастическимъ образомъ живого существа, котораго я лишился, не зная его, которое я любилъ, никогда его невидя. Нерѣдко я плакалъ о ней, какъ плачутъ рабы о свободѣ, ими никогда неиспытанной. Впрочемъ—черты моей матери мнѣ были знакомы по ея портрету, снятому за годъ до ея смерти. Онъ виситъ теперь передо мною. Мнѣ было не болѣе четырехъ лѣтъ, когда я узналъ, что это худощавое, грустное лицо съ бѣловатыми локонами и большими голубыми глазами — мать моя. Портретъ былъ тогда въ широкой дубовой рамѣ; самое полотно, внизу, какъ разъ среди груди, было прорвано и эта прорѣха сильно возбуждала мое ребяческое любопытство и ужась. Мнѣ она казалась живой раной, изъ которой, того и гляди, стануть сочиться крупныя, кровавыя капли. Кто разорвалъ портретъ, я узналъ гораздо позднѣе. Отецъ мой въ одинъ изъ припадковъ своего гнѣва, всѣ свои неудачи вымѣщая на моей бѣдной матери и не вынося даже ея портрета, пустилъ однажды въ него подсвѣчникомъ или чѣмъ-то тяжелымъ и разорвалъ его.

Итакъ, вмѣсто матери — одинъ портретъ, а отецъ... съ отцомъ я въ первый разъ свожу знакомство уже въ томъ возрастѣ, когда у меня самого давно уже могли быть дѣти. Обращаясь-же къ

своимъ дѣтскимъ воспоминаніямъ, я не нахожу ничего, что бы меня связывало съ отцемъ, привлекало къ нему и возбуждало хоть малѣйшее чувство привязанности. Винить-ли себя за это?

Погружался въ самое далекое прошлое своего младенчества, я прежде всего помню не столько своего отца, сколько его палку. Эта палка, сильно возбуждавшая мою дѣтскую любознательность, была тяжелая, черная, металлическая съ бронзовымъ набалдашникомъ. Въ дождь набалдашникъ отвинчивался и изъ палки вынимался шелковый зонтикъ; наконецъ, изъ ручки зонтика неожиданно выхватывался длинный и острый стилетъ. Эта палка съ превращеніями долго занимала меня и была предметомъ моего дѣтскаго страха; мнѣ почему-то казалось, что изъ нея можно даже стрѣлять разомъ во всѣ стороны. Чувствую нѣкоторую гордость при мысли, что я еще ребенкомъ предугадывалъ нынѣшнюю ми-тральезу.

Послѣ этого дивнаго тройнаго оружія я начинаю припоминать большую, очень большую бѣлую руку, которая носила палку и принадлежала высокому, широкоплечему брюнету съ военной выправкой, ходившему по-павловски, выворачивая ноги. Это былъ отецъ мой. Не знаю, что ожидало-бы меня впереди, если-бы я остался и росъ въ родительскомъ домѣ, но этого не случилось.

Меня взяла къ себѣ тетка, бывшая въ то-же время моею крестною матерью. Несчастія и тяжелыя утраты придали этой доброй и любящей женщиной видъ суровой свѣтотеневистицы. Она ходила всегда въ черномъ, нигдѣ не бывала и никого къ себѣ не принимала. Она была старше моей матери лѣтъ на пятнадцать; ея сухая, длинная фигура съ быстрыми, почти рѣзкими движеніями мало говорила въ ея пользу и только я, ея единственный любимецъ, какижъ-то дѣтскимъ чутьемъ сразу понялъ ея доброе, золотое сердце. Когда отецъ сталъ свататься на матери моей, ея старшая сестра энергически протестовала противъ этого брака: она видѣла въ немъ только спекуляцію жесткаго, эгоистическаго человека, который сильно рассчитывалъ на большіе капиталы отца моей матери, но надежды его не сбылись. Дѣдъ мой погубилъ все свое состояніе вмѣстѣ съ чужими деньгами на одно несчастное, рискованное предпріятіе; оно лопнуло, дѣдъ этого не вынесъ и застрѣлился вскорѣ послѣ свадьбы моей матери. Обманувшійся въ надеждахъ, отецъ на своей женѣ старался выме-

стить неудачу, и жизнь бѣдной, запуганной женщины была отравляема каждую минуту.

При жизни матери тетка не бывала въ ея новомъ домѣ, но часто видѣлась съ ней у себя и знала очень хорошо дурное обращеніе съ ней мужа. Поэтому ненависть моей крестной матери къ отцу моему была такъ сильна, что она даже передо мной, передъ ребенкомъ, ея никогда не скрывала.

— Дѣтямъ не говорятъ дурно о ихъ отцѣ, внушала она мнѣ, — но у тебя нѣтъ и не было никогда отца, другъ мой. Этотъ разбойникъ — не отецъ твой, а только „мужъ твоей бѣдной матери“. Иначе она никогда его и не называла при мнѣ.

Когда мать моя умерла родами (тетка была при ней), когда все было кончено, и докторъ принесъ меня къ отцу съ печальнымъ извѣстіемъ, что рожденіе сына стоило жизни его матери, отецъ взглянулъ на меня и проговорилъ съвозъ зубовъ: „Умный мальчикъ“!

— Умный мальчикъ! съ негодованіемъ пересказывала мнѣ потомъ тетка. — Знаешь-ли, что онъ хотѣлъ сказать этимъ? Онъ хвалилъ тебя за то, что ты былъ невольной причиной смерти жены его. Что это такъ — вѣрь моему слову.

Боясь сказать, что тетка была справедлива; знаю только одно, что названіемъ „умнаго мальчика“ отецъ меня болѣе никогда не удостоивалъ.

Послѣ похоронъ моей матери, тетка первая возвратилась въ нашъ домъ, велѣла хорошенько завернуть меня и отнести въ ея карету. Когда меня, трехдневнаго гражданина, снаряжали и готовили въ первое и послѣднее мое путешествіе изъ-подъ родительскаго крова, возвратился домой и отецъ.

— Я увожу къ себѣ ребенка сестры своей, заявила ему она безъ всякихъ приготовленій. — Съ этой минуты этотъ „умный мальчикъ“ не вашъ, а мой сынъ, и о немъ вы можете отложить всѣ ваши заботы.

Отецъ не противился этому; крестная моя мать увѣряла, что онъ былъ даже очень радъ подобному обороту дѣла и у него нашлась для отвѣта только одна грубая шутка:

— Что-жъ, я очень люблю дѣтей, когда ихъ... уносить или увозять.

Когда, торжественно вынося меня на рукахъ, тетка проходила

черезъ столовую, гдѣ висѣлъ портретъ моей матери, она остановилась.

— Снимите этотъ портретъ и несите тоже за мною. Ему здѣсь не мѣсто.

Мы уѣхали. Съ этой минуты „умный мальчикъ“ до своего совершеннѣйшаго не зналъ другой родной кровли, какъ домъ его крестной матери.

Она тоже лежитъ теперь въ могилѣ, эта бѣдная, мало кѣмъ любимая старушка... Какъ мнѣ не жаль ея, но я все-же радъ, что она не дождала до самаго ужаснаго для нея разочарованія— разочарованія въ своемъ любимомъ дѣтищѣ, на котораго она возлагала всѣ лучшія свои надежды и гордо вѣрила въ блестящую его будущность. Нѣтъ, слава Богу, что ея нѣтъ на свѣтѣ! Она и безъ того была очень несчастна. Отецъ ея, какъ я уже говорилъ, не вынесъ своего банкротства и застрѣлился; мужъ ея былъ убитъ на буйной, пріятельской попойкѣ и, наконецъ, сынъ, юноша, только вышедшій въ гусары, сломилъ себѣ шею на призовой скачекѣ. Когда случилось послѣднее несчастье, мнѣ было уже лѣтъ восемь, и этотъ новый ударъ едва не убилъ ее. Она постарѣла вдругъ лѣтъ на десять, совершенно посѣдѣла и опустилась. Затѣмъ вся ея любовь, всѣ ея заботы сосредоточились на мнѣ одномъ; давъ мнѣ средства къ воспитанію, она умерла въ полной увѣренности, что „умный мальчикъ“ непременно сдѣлается „великимъ человѣкомъ“. Къ несчастію, какъ для моей воспитательницы, такъ и для всего міра, по всей вѣроятности въ крови всѣхъ моихъ предковъ были только элементы великорослости, а не великости. Геніальность иногда таеал-же аномалія, какъ бразильскіе тропическіе плоды, выросшіе на какой-нибудь калужской березѣ. Относительно меня, а также и отца моего, природа не поскупилась только на размѣры нашего роста, не рассчитавъ, что времена Фридриха I давно прошли и что великановъ нынче показываютъ только въ балаганахъ. Отецъ мой, впрочемъ, очень тщеславился нашею десятивершковой высотой и былъ мало доволенъ, когда я однажды шутя повторилъ выраженіе одного француза, сказавшаго, что у очень высокихъ людей отъ головы до сердца слишкомъ большое разстояніе. Это

шутливое замѣчаніе я сдѣлалъ отцу, увидѣвшись съ нимъ послѣ очень долгаго промежутка, пять лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ смерти моей крестной матери. Я только перешелъ тогда въ четвертый курсъ московскаго университета; благодаря щедрости тетки, мнѣ нужда была не знакома и я проживалъ болѣе, чѣмъ сколько нужно для студента. Когда тетка умерла, а съ ея смертью прекратились мои жизненные ресурсы, мнѣ въ первый разъ пришлось подумать о собственныхъ заработкахъ. Надо было учиться и содержать самого себя. Къ отцу обращаться мнѣ и не приходило въ голову. Я съ нимъ даже и не переписывался, хоть и зналъ, что онъ изъ провинціи перебрался въ Петербургъ, гдѣ получилъ мѣсто эконома въ какомъ-то заведеніи или въ больницѣ и жилъ по-барски. Вдругъ совершенно неожиданно отецъ извѣстилъ меня о своемъ пріѣздѣ въ Москву и выразилъ свое желаніе повидаться со мной. Мы встрѣтились, какъ чужіе люди, узнавшіе случайно, что они немножко сродни другъ другу. Меня же прежде всего изумило мое разительное сходство съ отцомъ, по которому онъ узналъ меня въ ту-же минуту, какъ только я вошелъ къ нему. Встрѣча вышла преоригинальная. Выразивъ свое удовольствіе, что изъ меня вышелъ такой „молодецъ“, отецъ прежде всего предложилъ мнѣ мѣряться — кто изъ насъ выше? Оказалось, что въ обоихъ было ровно десять вершковъ росту. Затѣмъ, потолковавъ о политикѣ и московскихъ новостяхъ, родитель спросилъ меня, на что я думаю жить послѣ смерти крестной матери и не нуждаюсь-ли я въ деньгахъ. Я солгалъ, что въ нихъ не нуждаюсь, и разговоръ оборвался. Передъ разставаньемъ отецъ сказалъ мнѣ:

— Ну, Павелъ, твоя крестная мать оттолкнула насъ другъ отъ друга; пора намъ помириться. Пріѣдешь въ Петербургъ, — милости просимъ къ намъ: нужно-же тебѣ, наконецъ, узнать Марью Ивановну (т. е. мою маму), брата и сестру. Марья Ивановна давно уже говоритъ, что это *неловко* — не знать вамъ даже въ лицо одинъ другого.

Такъ мы расстались. Не знаю, умилился-ли отецъ нашимъ фамильнымъ сходствомъ, устыдился-ли за холодность послѣдней встрѣчи, или ему стало просто стыдно не помочь сыну въ затруднительномъ положеніи (моей лжи о томъ, что я не нуждаюсь, онъ видимо не повѣрилъ), только черезъ недѣлю я

получилъ отъ него письмо и 50 р. денегъ. Онъ писалъ мнѣ, что такую точно сумму я буду получать отъ него каждый мѣсяць до окончанія курса!... Я отослалъ деньги назадъ и просилъ отца обо мнѣ не беспокоиться.

Такой поступокъ, разумѣется, мало способствовалъ нашему сближенію и хоть это „неловко“, какъ говорила моя мачиха, но съ ея семействомъ я нигдѣ не встрѣчался до нынѣшняго года.

У людей съ темпераментомъ, даже будь они хоть славяне, юность очень часто проходитъ въ то время, когда по возрасту она должна только начинаться. Отсутствіе идеаловъ и привычка къ анализу — признаки нашего времени — преждевременно старѣютъ человѣка. Наша жизнь,

Какъ тощій плодъ, до времени созрѣвшій,
Ни вкуса нашего не радуешь, ни глазъ.

Если мало хорошаго кругомъ, то все-таки много любопытнаго. Я постепенно начинаю приходить къ мысли, что лучше быть умнымъ зрителемъ, чѣмъ жалкимъ дѣйствующимъ лицомъ въ комедіи. Умный зритель стоитъ умнаго актера, а у насъ пѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ. Въ качествѣ наблюдающаго зрителя я посѣщаю изрѣдка и домъ своего отца. Онъ живетъ открыто и считается хлѣбосоломъ; ужины и обѣды притягиваютъ къ себѣ людей сильнѣе, чѣмъ какіе-нибудь достоинства и таланты, поэтому въ его огромной, казенной квартирѣ гости никогда не переводятся. На вечерахъ его царитъ иногда такая китайская скука, что мнѣ даже становится весело. Есть хозяева, которые при всемъ своемъ стараніи внести простоту и веселость въ свое общество, распространяютъ вокругъ себя какую-то оцѣненѣлость и благочестивѣйшую сонливость. Подобные хозяева своей обстановкѣ, выбору и расположенію всякой мебели, самымъ незамѣтнымъ мелочамъ обыденной жизни какъ-то ухитряются придавать фізіономію самой торжественной скуки.

Такимъ драгоценнымъ талантомъ обладаетъ моя мачиха. Это — мандаринъ въ юбкѣ; соблюденіе во всемъ мѣры и „приличія“ замѣняютъ ей нравственность и всѣ добродѣтели. Ея девизомъ должно быть изреченіе китайскаго мыслителя Менгъ-тзе: „добро-

дѣтель находится въ срединѣ“. Она не порицаетъ ближнихъ, не носитъ фильдековскихъ перчатокъ, не читаетъ современныхъ русскихъ писателей и не бранится съ прислугой только потому, что это, по ея мнѣнію, *неприлично*. Потому-же самому она вротка съ дѣтьми, не рождаетъ каждый годъ, вѣрна мужу и не шутя, какъ дѣлала это „Индіана“ Жоржъ-Занда, считаетъ мужа „своимъ правительствомъ“. Понятно, что въ духѣ подобной „порядочности“ она воспитывала дѣтей своихъ и поддерживаетъ домашнюю обстановку.

Ея сынокъ, мой сводный братецъ Анатолій,—существо еще не сложившееся. Черезъ годъ онъ долженъ выдти изъ лица, но его совершеннолѣтіе наступить, кажется, очень не скоро. Вертлявый, женоподобный, какъ-то глупо-ласковый со всѣми, онъ очень мѣтко прозванъ своими товарищами — левреткой. У него пока двѣ страсти—къ скабреснымъ романамъ и къ новымъ сапогамъ: тѣхъ и другихъ онъ собралъ самую разнообразную коллекцію. Такимъ образомъ, при посредствѣ своей бібліотеки, состоящей изъ пикантныхъ новеллъ, полусапожекъ, романовъ и ботинокъ, онъ разомъ обогащаетъ голову и украшаетъ ноги. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ него современемъ выйдетъ самая блистательная посредственность.

У меня есть еще сестрица; говорятъ, она красавица; отецъ и мать толкуютъ о ней не иначе, какъ съ благоговѣніемъ. Лидія теперь за-границей вмѣстѣ съ теткой, но ее ожидаютъ со дня на день.

Торжество успѣха обидно, когда оно не признается самимъ его виновникомъ. На выставкѣ моя картина, совершенно для меня неожиданно, обратила на себя всеобщее вниманіе. Передъ ней постоянно стоитъ большая толпа. Въ газетахъ одни глупо ругаютъ картину, а другіе еще глупѣе восторгаются ею. Художники втихомолку бранятъ меня, какъ самозванца-высочку, а явно пьютъ со мной на „ты“ и привѣтствуютъ во мнѣ новое свѣтило. У меня явилось много заказовъ, словомъ, я вхожу въ моду. Почему? Право, хорошенько не понимаю. Нѣкоторая смѣ-

лостъ мотива принимается иногда за творчество, а долгая работа мысли за вдохновеніе. Въ нашъ вѣкъ поддѣльныхъ металловъ, красоты, гуманности, волосъ и убѣжденій можно до нѣкоторой степени поддѣлать и дарованіе. Мой отецъ тоже соблаговолилъ взглянуть на мою картину и сталъ какъ-то особенно ко мнѣ милостивъ; мой успѣхъ льститъ его самолюбію. Переводя всякій трудъ на деньги, онъ прежде всего пораженъ, что за кусокъ раскрашеннаго полотна можно получить полторы тысячи рублей. До сихъ поръ ему казалось, что только одна „служба“ можетъ давать средства и права гражданства, и если-бы онъ зналъ, что Сервантесъ былъ одно время провіантскимъ чиновникомъ, а Берне служилъ при полиціи, то они, вѣроятно, много выиграли-бы въ его мнѣніи.

Но никого мой успѣхъ такъ не радуетъ, какъ Ксенофонта Антоновича Палицина. Онъ каждый день бѣгаетъ на выставку, прислушивается къ общимъ толкамъ о моей картинѣ и не шутя ссорится со всѣми, кто равнодушно къ ней относится. За что полюбилъ меня этотъ человекъ? Его безкорыстная, ребяческая любовь ко мнѣ меня изумляетъ и подчасъ мнѣ даже дѣлается совѣстно, что я не умѣю отплатить ему тою-же монетою. Я тоже люблю его, но могу съ нимъ не встрѣчаться цѣлый мѣсяцъ и совершенно забыть о немъ, а онъ едва-ли и во снѣ обо мнѣ не думаетъ. Онъ изъ числа тѣхъ натуръ, которымъ свойственна какая-то рабская, собачья привязанность, безъ всякихъ притязаній на точно такое-же чувство со стороны дорогого имъ чело-вѣка.

Я вполне увѣренъ, что если-бы мнѣ пришлось умирать съ голоду, то Палицинъ поступилъ-бы точно такъ, какъ вѣрный негръ Камоэнса,—рабъ, вывезенный изъ Индіи, который собиралъ по ночамъ милостыню для своего господина, чтобы избавить его отъ голодной смерти.

Палицинъ больше всего волнуется, видя мое полнѣйшее равнодушіе къ своему произведенію. Онъ вѣритъ въ меня больше, нежели я самъ.

— Чего-же вамъ еще нужно? горячитъ онъ.— Не звѣзды-же съ неба хватать по первому абцугу! Что за адское самолюбіе. Вы нашли то, чего многіе не находятъ до самой могилы — наши свое призваніе. Неуважать свой талантъ—значить губить

его. Я вотъ потому и докторъ скверный, что не вѣрю въ свою медицину. Сомнѣніе вообще—сила, а сомнѣніе въ самомъ себѣ—смерть. Не относитесь къ себѣ такъ, какъ Собакевичъ относился къ другимъ.

Добрый докторъ, можетъ быть, отчасти и справедливъ. Не одобровать тому, кто хочетъ сдѣлать болѣе того, что въ состояніи сдѣлать. Не нужно забывать мифа о Прометѣѣ. Человѣкъ такъ созданъ, что или пресмыкается безъ надобности или, какъ Икаръ, рвется на восковыхъ крыльяхъ за облака и сваливается въ лужу. Я еще не утратилъ вѣры въ самого себя; когда ея не будетъ, то и меня не будетъ. А пока нужно работать надъ собой, трудиться. Для иныхъ съ выпускнымъ экзаменомъ кончается и самое ученье, а между-тѣмъ, тутъ-то работа только и начинается. Не знаю, напелъ-ли я свое призваніе, какъ думаетъ Ксенофонтъ Антоновичъ, но знаю, что занимаюсь живописью не по насилію, а по любви къ искусству. У моего отца есть отрицательное достоинство въ дѣлѣ моего развитія: онъ въ него вовсе не вмѣшивался и не выдѣвливалъ изъ меня чловѣка по своему образцу и подобію. Хоть и за то спасибо! Онъ въ этомъ случаѣ выше отцовъ Боккачіо и нашего Кольцова, желавшихъ непременно, чтобъ ихъ дѣти занимались не поэзіей, а торговлей. Всѣмъ хорошимъ и дурнымъ въ своей жизни я буду обязанъ себѣ самому и отецъ можетъ умыть руки. Я, какъ Тассъ, могу сказать про себя: *Вгата assai, poco sregia a nulla chiede* (много желаетъ, мало надѣется и ничего не проситъ).

Жаль, а все-же пришлось перебраться съ своего „Монблана“ въ болѣе свѣтлую и просторную квартиру. Мастерская моя теперь вся въ свѣту, на солнцѣ. Я въ ударѣ работать и по цѣлымъ днямъ не выхожу изъ дому. Когда моя переѣздка была рѣшена, Ксенофонтъ Антоновичъ поблѣднѣлъ, растерялся и какъ-то машинально проговорилъ:

— А какъ-же я-то буду?..

Онъ такъ привыкъ къ нашему близкому сосѣдству, дверь о дверь, что иная жизнь ему показалась невозможной. Я поторопился его успокоить.

— Вѣдь я не въ Китай перебираюсь, буду жить отъ васъ въ двухъ шагахъ и мы каждый день будемъ вмѣстѣ обѣдать. За вами голова Сократа, Ксенофонтъ Антоновичъ, и я съ васъ беру обязательство каждое утро являться ко мнѣ для сеанса.

Это его немного утѣшило, но, помогая мнѣ перебираться на навоселье, онъ не шутя расплакался и обнималъ меня, словно я и, въ самомъ дѣлѣ, ѣхалъ на другое полушаріе.

Сегодня утромъ явившись ко мнѣ, онъ былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа.

— Вашъ Сократъ нынче веселъ, началъ онъ, — и цыкуты принимать не хочетъ. Знаете, проснувшись въ первый разъ въ одиночествѣ и не слыша за стѣной вашего обычнаго бормотанья подъ носъ, я было сильно пригорюнился, но, какъ оптимистъ, нашелъ скоро утѣшеніе: припомнилась мнѣ одна супружеская чета. Былъ у насъ въ полку одинъ лекарь, съ женой онъ жилъ, какъ кошка съ собакой, и, наконецъ, по взаимному соглашенію съ ней, поселился отдѣльно отъ жены. Стали ходить они другъ къ другу въ гости и — что-жъ вы думаете? — зажили врозь душа въ душу, голубками, батюшка!.. Я и увѣрляю себя въ той мысли, что дружба и любовь гораздо прочнѣе между людьми, когда они живутъ другъ съ другомъ на благородной дистанціи. Не такъ-ли?

— Вы правы, отвѣчалъ я, шутя. — Чтобъ не расходиться съ своими ближними, съ ними не надо никогда сходитьса очень близко. Многіе люди походятъ на ландшафтъ и ихъ можно любить только издали: видишь одно общее, а мелочи и всякія шероховатости исчезаютъ, ступшевываются.

Эта мысль окончательно развеселила доктора и онъ началъ развивать ее.

— Клянусь Меркуріемъ, на этой истинѣ вертится все семейное счастье. Когда-бы большинство мужей старалось и послѣ свадьбы больше походить на жениховъ, то ихъ счастье не обжигалось-бы такъ часто на огнѣ семейнаго очага. Вся бѣда въ томъ, что всякій супругъ смотритъ по-своему на брачное благополучіе. Я зналъ одного мужа, который хотѣлъ утопиться отъ измѣны жены, и зналъ другого, который запилъ, отъ того, что жена ему была постоянно вѣрна и неотвязчиво висѣла у него на шеѣ. Поди-же, угоди на всѣхъ!..

Такъ толковалъ мой повеселѣвшій собесѣдникъ, а этюдъ его головы межъ тѣмъ быстро подвигался впередъ и завтра я его окончу. Положительно, своимъ лицомъ докторъ—Сократъ, даже болѣе самого Сократа. Такого красиваго и умнаго безобразія я не видывалъ.

Сегодня докторъ объявилъ мнѣ новость, которая меня, впрочемъ, не удивила. Толкался послѣдніе дни на выставкѣ въ академическихъ залахъ, Ксенофонтъ Антоновичъ принесъ извѣстіе, что между художниками я нашлъ себѣ новыхъ враговъ за свою послѣднюю статью „о пейзажѣ и пейзажистахъ“. Моя мысль показалась имъ болѣе чѣмъ дерзкою. Можно-ли, въ самомъ дѣлѣ, отрицать цѣлый родъ живописи? говорятъ они. Но я отрицаю не самый жанръ или видъ искусства, а только тѣхъ „искусниковъ“, которые всю жизнь рисуютъ какой-нибудь клочекъ огорода, пруда или палисадника, а если нужно помѣстить въ пейзажъ человѣческую фигуру, собаку, курицу, то они передъ этимъ пасуютъ и обращаются къ чужой помощи, къ карандашу товарища. Вообразите себѣ портретиста, который умѣетъ только хорошо выдѣлывать мѣха и головныя прически, вообразите себѣ стихотворца, который до сѣдыхъ волосъ былъ способенъ только воспѣвать, какъ

Изъ-за облакъ мѣсяцъ красный
Всталъ и смотрится въ рѣкѣ;

вообразите, наконецъ, что вы пришли въ театръ, гдѣ вмѣсто драмы или трагедіи васъ угощаютъ одними только балетными декорациями? Такаѣ-же нелѣпость, по моему мнѣнію, „пейзажъ для пейзажа“. Специалистъ одной пейзажной живописи — только декораторъ; его произведеніе въ сущности не картина, а только задній фонъ для будущей картины, или ея кулисы. Сказать: „я рисую лишь одни пейзажи“, по моему, также не позволительно для художника, какъ признаться: „я пишу одни только носы и уши, остальные части лица — не по моей части“. Художникъ — маляръ, если онъ во всѣхъ сферахъ и родахъ своего искусства не чувствуетъ себя, какъ дома, полнымъ хозяиномъ. И это не въ одной только живописи. Поэтъ, драматургъ обязаны вносить въ свои произведенія и пейзажъ, и историческій рисунокъ, людей и природу, баталическое движеніе и тонкій юморъ жанриста. Пейзажъ, какъ одинъ изъ элементовъ, долженъ

входить во всякую строго-художественную поэмю, иначе она будетъ мертва и риторична. Лучшимъ примѣромъ тому служитъ героическая поэма Вольтера „Генріада“, именно страдающая недостаткомъ пейзажа, такъ-что даже Делиль замѣтилъ очень остроумно, что въ этой поэмѣ, наполненной войнами и боевыми лошадьми, нѣтъ даже травы, чтобъ покормить лошадей, и воды, чтобы напоить ихъ. Но съ другой стороны какъ ничтожны тѣ рисовальщики, которые кромѣ этой воды и травы ничего не видятъ и знать не хотятъ въ божьемъ мірѣ! Вотъ противъ подобнаго тараканьяго міросозерцанія нашихъ пейзажистовъ я и вооружился въ статьѣ своей. Пускай посердятся,—это имъ здорово.

Наконецъ, „писаная красавица“ Лидія возвратилась. Странное впечатлѣніе произвела она на меня. Она, дѣйствительно, хороша, но въ ея красотѣ есть что-то отталкивающее своею неподвижностью. Лицо ея мертвенно блѣдно, что, впрочемъ, совершенно гармонируетъ съ ея правильными, холодными линиями и глазами... глазъ такихъ я никогда не видывалъ. Они красивы, но точно вставные, дѣланые. У ея глазъ точно нѣтъ взгляда, нѣтъ определенной точки зрѣнія. Они блестятъ, но не грѣютъ; они могутъ спрашивать, но отвѣчать — никогда. Такъ смотрятъ не богини даже, а ихъ статуи. Отсутствие выраженія въ этихъ глазахъ и придаетъ ея красотѣ что-то отталкивающее. Лицо, неумѣющее улыбаться, а глаза — говорить, едва-ли могутъ быть привлекательны. Неужели это моя сестра? думалъ я, глядя на эту дѣвушку. Что межъ нами есть общаго? Она говоритъ очень мало и слушаетъ разсѣянно; изъ всего видно, что она о себѣ очень высокаго мнѣнія. Мы оба не стараемся сближаться другъ съ другомъ, потому-что, кажется, оба поняли съ первой-же минуты, что никогда не сойдемся. Она мнѣ объявила при второмъ свиданіи, что ее „возили“ на выставку смотрѣть мою картину.

— Всѣ очень хвалятъ, я-же сама ровно ничего ни понимаю въ живописи.

И болѣе ни пол-слова. Она, повидимому, очень мало довольна,

что къ ней словно съ неба свалился новый „братецъ“, который тамъ что-то такое рисуетъ и „продаетъ...“

Мачиха, желая немножко насъ сблизить, оставила меня передъ обѣдомъ вдвоемъ съ Лидіей, сболтнувъ передъ уходомъ что-то такое безсвязное „о родствѣ крови.“ Я усмѣхнулся и Лидія это замѣтила.

— Вы, кажется, не вѣрите въ родство крови?

— Нѣтъ, я просто не понимаю этого выраженія.

— Такъ вы, вѣроятно, болѣе вѣрите „въ родство душъ?“

Въ голосѣ ея слышалась вѣжливость.

— Еще того менѣе. Меня самого называютъ одинъ пріятель „непомятымъ родства“.

Да? И вы до сихъ поръ не сидѣли въ тюрьмѣ? улыбнулась Лидія.

— Нѣтъ, какъ видите, въ настоящее время я сижу у васъ, милая сестрица.

Въ это время въ комнату впрорхнулъ Анатолій. Первое движеніе Лидіи было удалиться, но она осталась, не желая показать мнѣ своего неудовольствія. Я все-таки замѣтилъ, что статуя умѣетъ сердиться. Скоро насъ позвали обѣдать. Изъ постороннихъ никого не было, кромѣ молодой дѣвушки, которой молчаніе и нѣкоторая робость какъ-то странно противорѣчили ея открытому, живому личику, которому очень хотѣлось улыбаться. Смотря на ея большіе—сѣрые глаза и на подергиванье розовыхъ съ самымъ граціознымъ извивомъ губокъ, мнѣ казалось, что она сейчасъ вотъ прыснетъ и разразится дѣтскимъ, серебрянымъ смѣхомъ. Однако, улыбка сдерживалась; на хорошенькую блондинку никто не обращалъ никакого вниманія, никто не сказалъ ей почти ни слова, кромѣ нѣсколькихъ ласково-холодныхъ, покровительственныхъ замѣчаній. Странное дѣло! Я не слыхалъ вполнѣ звука голоса этой молчащей дѣвочки, едва уловилъ два три ея взгляда, когда она вскидывала къ верху свои длинныя, густыя рѣсницы, а межъ тѣмъ она съ разу привлекла меня своей симпатичностью. Рѣдко, но попадаются иногда въ жизни подобныя женственно-привлекательныя фізіономіи, въ которыхъ есть что-то такое солнечное, именно—солнечное; съ такихъ лицъ постоянно лучится добрый ласковый свѣтъ, окрашивающій веселыми колерами все окружающее... Отцовскій обѣдъ, какъ всегда скучный и чинный, какъ-будто повеселѣлъ отъ присутствія этого

сіяющаго личика. Лидія Александровна была не въ духѣ и, рассказывая о своей поѣздкѣ за границу, на вопросы матери, съ капризомъ больного, балованнаго ребенка, удостоила замѣтить, что „Европа ей не понравилась.“ (Бѣдная Европа! ты негодила дочери русскаго эконома!) Въ Швейцаріи ее давили горы, въ Парижѣ—надоѣдали русскіе, у англичанъ—фабричный дымъ, а у нѣмцевъ—отвсюду несетъ капустой.

— Вы ничего еще не сказали объ Италіи съ ея макаронами! спросилъ я, нарочно поддразнивая взыскательную туристку.—Въ итальянской природѣ вѣчный свѣтъ и праздникъ, и не добрый тотъ человекъ, который не любитъ солнца.

— Ну, значить, я злая; я бѣжала изъ Венеціи именно потому, что тамъ слишкомъ много воды и солнца. Воды я просто боюсь, а солнцу всегда предпочитаю сумерки.

Я взглянулъ быстро на сосѣдку сестры. Не можетъ быть, чтобъ и она не любила солнца? Вѣроятно, на моемъ лицѣ слишкомъ ясно отразился этотъ вопросъ: блондика слегка покраснѣла и склонилась надъ тарелкой.

Послѣ обѣда Анатолій увелъ меня въ свой кабинетъ. Кромѣ страсти къ эротическимъ романамъ и новымъ сапогамъ, онъ имѣетъ еще одну слабость; онъ тоже любитъ живопись, но только „изысканную“, по его выраженію, т. е. на темы извѣстныхъ, далеко не цѣломудренныхъ каульбаховскихъ произведеній. Показывая мнѣ свою коллекцію эстамповъ и фотографій, Анатолій очень наивно воссиденуль:

— Ахъ, какъ жалко, что ты ничего не рисуешь въ этомъ родѣ!..

Я поторопился узнать отъ Анатолія, кто эта молчаливая дѣвушка, которую я видѣлъ за обѣдомъ.

— Развѣ ты не знаешь Ольги? Это дальняя родственница мамаша—сирота; отецъ ея былъ бѣднякъ, научилъ ее очень немногому—представь, она даже по-французски не говоритъ!—ну, вотъ послѣ смерти отца мы и взяли ее къ себѣ для наблюденія за хозяйствомъ. Почему-ты спросилъ меня объ этой дурняшкѣ?

— Потому что ты глупъ, хотѣлъ сказать я, но удержался.

Вернувшись къ себѣ, я засталъ Ксенофонта Антоновича за работой. Я научилъ его загрунтовывать холстъ для картинъ, и онъ въ восторгѣ, что можетъ хоть чѣмъ-нибудь мнѣ быть по-

лезнымъ. Я разсказаль ему о впечатлѣннѣи утра. Онъ меня сей-часъ приревноваль и съ своимъ обычнымъ добродушнымъ скептицизмомъ воскликнулъ:

— Охъ, ужъ эти мнѣ артисты! Увидѣлъ человекъ первое свѣжее личико и присочинилъ къ нему и умъ, и сердце собственнаго издѣлія. Положимъ, говорятъ, что лицо есть зеркало души, но зеркала бывають вслѣдїя—косыя и выпуклыя: имъ вѣрять опасно.

Не болѣе мѣсяца прошло, какъ я провелъ эту черту въ своей тетрадь. Въ моей жизни тоже прошла новая черта, новая полоска, которая не пробѣгаетъ безслѣдно. Такія полоски ярко разграничивають жизнь: перестаешь думать только объ одномъ себѣ, забываешь себя для другого. Вся великая тайна любви и заключается въ этой нравственной связи двухъ существованій. Назвать-ли любовью то чувство, которое меня влечетъ къ Ольгѣ? спрашиваю я самъ себя. Но какъ-же его назвать иначе? Для любви нѣтъ общей науки; любви нельзя разыграть по нотамъ. Почему и когда родилось новое чувство—мы не отвѣтимъ, мы только сознаемъ его, отдаемся его власти. И я отдался ему теперь, отдался ласковому теченію волнъ, меня охватившихъ, бросилъ въ лодку весла и плыву по теченію... Куда вынесетъ меня волна, гдѣ берегъ—я еще не знаю. При восходѣ солнца я не думаю о его закатѣ, подъ румянцемъ молодости не вижу адамовой головы.

Ольга только по виду смотритъ ребенкомъ; ей скоро минетъ двадцать одинъ годъ. Она мало развита, но чутко умна и женскимъ инстинктомъ угадываетъ на лету часто то, чего не понимаетъ. Отъ природы живая и искренняя, она знаетъ, что въ домѣ ея „благодѣтелей“ живость и искренность — монеты непризнанныя, а потому рѣшается не выходить изъ-той безмолвной роли, которую ей назначили. Вся семья старается ей дать замѣтить, что она ей „всѣмъ обязана“, но Ольга заправляетъ цѣлымъ доможъ и хозяйствомъ, и знаетъ, что она не дармоѣдка, почему выходки благодѣтелей не достигаютъ своей цѣли. Добрый и веселый

нравъ Ольги спасаетъ ее отъ всѣхъ мелкихъ уколовъ и обидъ; она внутренно смѣется надъ ними. Вотъ почему въ ея присутствіи дѣлается свѣтло и весело.“

Ольга занята цѣлый день; говорить съ ней мнѣ удастся только урывками. Она невинна и искренна, какъ птичка, и, какъ птичка, быстро угадываетъ, кто ее любитъ.

Какъ-то мнѣ случилось застать ее одну въ цѣломъ домѣ. Всѣ уѣхали куда-то на загородную прогулку; прислуга, какъ водится, разбѣжалась. Ольгу я засталъ съ мельницей въ рукахъ; она молола кофе и что-то напѣвала.

— Никого дома нѣтъ, сказала она, ласково и безъ всякаго смущенія подавая мнѣ руку.

— Такъ я посижу съ вами, если позволите.

— Я-то рада, только вамъ со мной скучно будетъ, Павелъ Николаевичъ.

— Ну, вы скуеи, кажется, ни на кого не нагоните, а на меня и подавно.

— Да, я всегда весела, про себя только, „въ умѣ“, какъ говорятъ,—и она тихо засмѣялась, встряхивая золотистыми кудрями, сдерживаемыми одною полукруглой гребенкой.

— Однако, въ этомъ домѣ вамъ едва-ли можетъ быть весело, Ольга Ивановна.

Она склонила голову, немного помолчала и потомъ вдругъ послѣ нѣкоторой нерѣшительности вскинула на меня свои большіе глаза и сказала съ какимъ-то дѣтскимъ грустнымъ прямушіемъ:

— Скажите мнѣ, Павелъ Николаевичъ, зачѣмъ вы здѣсь бываете?

По тону этой наивной фразы не трудно было понять, что она думала сказать: зачѣмъ вы бываете тамъ, гдѣ васъ никто не любитъ? Я подсказалъ ей конецъ фразы.

— Такъ вѣдь я васъ понимаю?

Ей стало вдругъ не ловко за высказанную мысль, но я поспѣшилъ разсвѣять ея смущеніе и отвѣчалъ ей:

— Не смущайтесь. Я самъ это хорошо вижу, что я чужой между своими, и къ этому мнѣ не привыкать стать. Бываю я здѣсь только для васъ, Ольга Ивановна. Неужели вы этого не знаете?

Такого оборота рѣчи она не ожидала, зардѣлась вся, потомъ вдругъ взглянула на меня очень серьезно.

— Нѣтъ, я этого не знала. Къ чему это вы мнѣ говорите?

— Къ слову пришлось. Больше ничего не скажу, если не хотите.

Я замолчалъ. Иногда молчаніе также обязательно, какъ слово.

Черезъ минуту, перешививъ разговоръ, мы разболтались. Въ Ольгѣ темпераментъ взялъ-таки свое и она держала себя со мною, какъ со старымъ другомъ. Говорятъ, что человекъ, какъ книга: чтобъ узнать, нужно сперва прочитать ее. Но есть хорошія книги, которыя читаются быстро. Много-ли же исписанныхъ страницъ въ книгѣ Ольги?

Я просидѣлъ съ ней до самыхъ сумерекъ; пора было уходить.

Не говоря другъ другу ни слова о томъ, что больше всего насъ занимало и волновало, мы простились, какъ люди, въ жизни которыхъ произошло что-то новое, мѣнявшее въ будущемъ ихъ отношенія. Все недосказанное понялось само собою. Я только сказалъ ей передъ уходомъ:

— Вѣрите-ли вы теперь, для кого я здѣсь бываю?

— Вѣрю, проговорила она едва внятно, и убѣжала.

Я дурно спалъ ночь, а это, какъ говорить мой Сократъ, бываетъ отъ любви или отъ разстройства желудка.

Съ Ольгой обращаются болѣе чѣмъ дурно, но она отъ меня старается это скрыть; я самъ, однако, все вижу. Ольга не принадлежитъ къ числу тѣхъ плаксивыхъ натуръ, которыя постоянно жалуются на судьбу свою и дурныя обстоятельства. Она носитъ веселье въ собственномъ сердцѣ и умѣетъ примиряться съ своимъ положеніемъ. У кого весна на душѣ, тому вездѣ весело. Птичка поетъ и въ клеткѣ. А между тѣмъ въ домѣ отца на нее смотрятъ почти какъ на служанку. Иное благодѣяніе хуже злодѣйства. Ольгѣ постоянно стараются показать, что она должна благодарить небо, что она живетъ въ „благородномъ“ семействѣ, ѣсть чужой хлѣбъ и носить старыя платья съ барскаго плеча моей мачихи и сестрицы. Она не распыляется въ благодарно-

стяхъ и это коробить „благодѣтелей“. Она трудится съ утра до ночи, на ея рукахъ весь домъ, все хозяйство и ей нѣтъ надобности унижаться въ качествѣ приживалки.

Мачиха постоянно говоритъ при ней съ рѣзкимъ подчеркиваніемъ о людской неблагодарности и даже разъ заявила ей, что молодой дѣвушкѣ „неприлично“ показывать другимъ хорошій аппетитъ свой. Что за безобразіе! А еще эти люди слывуть за хлѣбосоловъ и чванятся своимъ гостепримствомъ.

Отецъ смотритъ на Ольгу съ покровительственной небрежностью, а Лидія называетъ ее „дурочкой“. Еще-бы ей такъ не думать. Она читаетъ въ оригиналъ Мильтона, занимается ботаникой и цѣну всякаго батиста узнаетъ ошущью съ закрытыми глазами. Она не хотѣла и не умѣла замѣтить въ „дурочкѣ“ присутствія здраваго смысла; она дорожить не имъ, а одними нравственными сентенціями. Въ мысли она гоняется за красивой формой, не думая о ея сущности. Простота ей вовсе не понятна, а Ольга — само воплощенное простодушіе. Но простодушіе и искренность не граничатъ въ ней съ болтливостью. Какъ растенія склоняются всегда въ сторону солнца, такъ и искренность женскаго сердца раскрывается только отъ ласки и привѣта, отъ холода-же сердце сжимается и молчитъ, а гдѣ же больше холоду, какъ ни въ домъ моего отца? Потому-то Ольгу тамъ не знаютъ и мое вниманіе къ ней сперва всѣхъ искренно удивило, а потомъ какъ будто даже и обидѣло. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, показалось на этихъ дняхъ. Ольга и безъ того рѣдко показывалась изъ своей комнаты, теперь-же я почти ее не вижу.

— Гдѣ Ольга Ивановна? спросилъ я вчера Лидію. Вся семья при этомъ какъ-то странно переглянулась. За Лидію отвѣтила мачиха.

— Что тебѣ за охота о ней спрашивать, Павелъ. Ты ее очень балуешь своимъ вниманіемъ и она Богъ знаетъ что о себѣ станетъ думать...

— Я привыкъ считать Ольгу Ивановну членомъ вашего семейства, замѣтилъ я.

Лидія при этомъ ухмыльнулась изъ-за книги, мачиха-же надудалась.

— Полно, пожалуйста! Кто намъ „служить“, тотъ не можетъ быть членомъ нашего семейства. — Отецъ сидѣлъ молча и

чистилъ ногти съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „охота вамъ говорить о пустякахъ подобныхъ!..“

Къ обѣду Ольга вышла, но была какъ-то сама не по себѣ и старалась не встрѣтиться со мною взглядомъ. Послѣ обѣда мнѣ удалось только на одну минуту столкнуться съ ней въ коридорѣ.

— Ольга Ивановна, куда вы?

— Нельзя, иду къ себѣ, шепнула она съ какою-то грустною игривостью.—Помните стихъ у Некрасова: „най-де мѣсто свое ты, холопка.“ И она скрылась. Что-же это такое, однако значить? Ясно, что я явился невольной причиной новыхъ неприємностей для Ольги. Искать съ ней частыхъ встрѣчъ, оказывать ей особое вниманіе—значить еще болѣе вредить ей. А между тѣмъ, я чувствую, что видѣться и говорить съ нею становится самой жгучей моею потребностью. Первое препятствіе, первая конечно на этомъ розовомъ пути волнуютъ насъ до бѣшенства.

Съ тупой, точно свинцомъ налитой головой вернулся я домой. Когда я Взглянулъ на почти оконченный портретъ Лидіи, меня взяла такая злость, что я его едва не изрѣзалъ. Я готовилъ отцу неожиданный сюрпризъ и въ нѣсколько пріемовъ заочно сдѣлалъ поясный портретъ сестры. Головка удалась и сходство вышло поразительное.

Вечеромъ явился мой Сократъ и его приходу я обрадовался, какъ никогда. Мнѣ хотѣлось говорить съ нимъ, потому что при немъ я постоянно привыкъ „думать вслухъ“ и ничего отъ него не скрываю, какъ дѣти отъ любимой старой няньки. Къ моему удивленію, ревнунъ меня ко всѣмъ, даже къ моимъ старымъ товарищамъ и къ моей натурщицѣ, Ксенофонтъ Антоновичъ не ревновалъ меня къ Ольгѣ и заглазно уже любилъ ее. Я ему сообщилъ о моей семейной сценѣ и послѣднія слова Ольги. Сократъ забѣгалъ по комнатѣ и сталъ крутить жгутомъ носовой платокъ свой: это у него признакъ большого негодованія. У всякаго свой способъ выражать свое неудовольствіе. Я зналъ одного учителя изъ шведовъ, который въ горячемъ спорѣ, если его принимались сердить, начиналъ понемножку сбрасывать съ себя платье, сперва галстухъ, потомъ жилетъ и сюртукъ, хотя-бы кругомъ сидѣло многолюдное и даже дамское общество.

Докторъ вилъ жгутъ и волновался.

— „Служащая“, холопка!.. Скажите, пожалуйста! да вѣдь Ольга Ивановна поди такая-же дворянка, какъ вотъ и эта фарфоровая красавица! и онъ тыцнулъ пальцемъ въ сторону портрета Лидіи. — Чего-же они хотятъ? Прощу покорно! Просто — злые люди, которые безъ зависти не могутъ смотрѣть, когда другимъ хорошо живется. Мнѣ, какъ доктору, приходилось „слушать“ множество субъектовъ и я „дослушался“, что у большинства вовсе нѣтъ сердца.

— Что-жъ теперь дѣлать?

Онъ задумался.

— Повременить надо, ждать, проговорилъ онъ, наконецъ. — Рѣже ходите туда, а потомъ — посмотримъ. Любите вы Ольгу Ивановну? вдругъ быстро спросилъ онъ.

— Боюсь сказать, Ксенофонтъ Антоновичъ; любовь — слово для меня страшное.

— И не говорите пока. Всмотритесь сначала въ свое чувство, „вчувствуйтесь“ въ него, себя провѣрьте, а пока придумаемъ, куда-бы намъ пристроить Ольгу Ивановну. Не связаль-же ее чортъ веревочкой съ ея благодѣтелями.

Эта простая мысль мнѣ до той минуты еще не приходила въ голову. Мудрыя истины потому и мудры, что онѣ очень просты. Вопросъ только въ томъ, чтобъ Ольгѣ не попасть изъ огня да въ полымя. Я пришелъ только къ одному, что нужно видѣть ее и видѣть чаще. Но только гдѣ?

Во всякомъ случаѣ приходится лгать и лукавить. Видно ужъ такова бытовая сторона нашей жизни, что въ самыхъ простыхъ человѣческихъ отношеніяхъ нужно прибѣгать къ обману и хитрости. Я еще повичекъ въ такомъ лукавствѣ, и, при всей его невинности, оно меня нѣсколько смущаетъ. Я не дошелъ и никогда не дойду до софизмовъ тѣхъ дипломатовъ, которые говорятъ, что „истина слишкомъ истинная есть ложь.“ Въ блескѣ подобныхъ параболъ одна мишура. Цѣлую недѣлю я не видѣлъ Ольги и это испытаніе мнѣ показалось очень тяжелымъ. Только вчера я нечаянно встрѣтился съ нею на улицѣ. Она не скрыла своей радости.

— Какъ у насъ скучно стало безъ васъ, Павелъ Николаевичъ! Въ гробу точно.

Я поторопился узнать о значеніи ея послѣднихъ словъ въ корридорѣ.

— Ваша мамочка сдѣлала мнѣ выговоръ, что я кокетничаю съ вами, а я и не умѣю кокетничать, ей богу! Я просто васъ не боюсь, а кого я не боюсь, того и люблю. Вы такой добрый!.. Она сказала это съ такой дѣтскою искренностью, которая возмутила-бы всякую петербургскую кисейную куклу...

— Когда-же вы у насъ будете?

Я объяснилъ, что бывать у отца стало мнѣ болѣе чѣмъ тяжело; хитрить я не умѣю, а своей прямою только ей-же принесу непріятности.

— Такъ вы не желаете меня видѣть? проговорила она печально.

— Не то, Ольга Ивановна. Будемте встрѣчаться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Только гдѣ—я и самъ не придумаю.

— Да у васъ. Развѣ вы не рады будете, если я приду къ вамъ? Я вамъ сказала, что я васъ не боюсь.

Мысль Ольги испугала меня своей смѣлостью. Я испугался сплетень, неожиданныхъ непріятностей, если какъ-нибудь узнаютъ о нашихъ встрѣчахъ. Стоило взглянуть на Ольгу, чтобы понять, что невинность ничего не боится; чистая совѣсть безстрашна. Мнѣ и любо было слушать Ольгу, и жутко становилось за ея ребяческую смѣлость. Она не знала еще клеветы, а теперь рисковала встрѣтиться съ ней на дорогѣ.

Все это я высказалъ ей.

— За меня не бойтесь. Что-жь тутъ дурного, если я буду иногда забѣгать къ вамъ? Взглянуть, какъ вы живете, видѣть ваши комнаты, работы, картины—мнѣ такъ давно хотѣлось. Приѣзжаютъ-же къ вамъ въ мастерскую разныя барыни, съ которыхъ вы пишете портреты, отчего-же и я не могу сдѣлать того-же? Ахъ, какъ это будетъ хорошо—приходить къ вамъ въ гости. Павелъ Николаевичъ, голубчикъ, миленькій—позвольте мнѣ хотя изрѣдка, на минуточку, къ вамъ заглядывать!

Могъ-ли я въ этомъ отказать ей? Не подсказала-ли она мнѣ моего собственнаго желанія? Ей бояться нечего; у ней два защитника—моя честность и ея цѣломудріе. Мнѣ грозитъ больша

опасность. У меня захватываетъ дыханіе при одной мысли часто видѣть у себя милое созданіе, которое можетъ вносить въ каждый уголокъ весну и счастье. Мы уговорились видѣться по воскресеньямъ. Каждое воскресенье Ольга бываетъ у своей бабушки, которая живетъ въ богадѣльнѣ, и мы будемъ на этотъ разъ на столько безжалостны, что отнимемъ лишній часъ свиданія у больной и почти совершенно глухой старушки.

Сегодня я опять видѣлъ Ольгу. Сегодня день рожденія отца и не быть у него—значило кровно оскорбить его. Теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, я не желаю съ нимъ ссориться. Я поѣхалъ къ нему передъ самымъ обѣдомъ, кстаті захвативъ съ собою и оконченный портретъ Лидіи. Народу собралось на семейный праздникъ много и мой неожиданный подарокъ произвелъ эффектъ неописанный. Отецъ сперва остолбенѣлъ, потомъ умилился. Никто не вѣрилъ, что портретъ написанъ заочно, но Лидія разсѣяла всякое сомнѣніе. Съ мѣсяцъ назадъ я держалъ съ ней пари, что напишу ея изображеніе.

— Я на это не буду согласна...

— А я обойдусь безъ вашего согласія, употреблю насиліе.

— Вы выиграли пари, сказала она мнѣ сегодня, взглянувъ съ изумленіемъ на свой портретъ.—Я не знала, что вы дѣлаете такія чудеса.

Простое дѣло памяти профанамъ показалось дѣйствительно почти чудомъ. Къ тому-же неподвижныя, каменные черты лица Лидіи запомнить очень не трудно. Даже его бѣлизна и прозрачность больше похожи на мраморъ, чѣмъ на кожу. Вотъ головку Ольги—другое дѣло; я, какъ ни бился, а до-сихъ-поръ не могъ ее запомнить, потому-что игра, даже краски ея лица постоянно мѣняются. Изъ ста лицъ трудно создать одно гармоническое цѣлое, а у Ольги что ни поворотъ, что ни движеніе, то новая экспрессія, то новая живописная фраза изъ красокъ и линій.

Мачиха была въ такомъ восторгѣ отъ моего „чуда“, что, вѣроятно, желая доставить мнѣ удовольствіе, позвонила и распорядилась.

— Попросите сюда Ольгу Ивановну. Пусть и она полюбуется.

Безмолвное одобреніе Ольги мнѣ было лучшей наградою. Она

взглянула на раму, быстро покраснѣла, полураскрыла губки и—ничего не сказала, но мимика иногда очень краснорѣчива.

Принимать безъ смущенія незаслуженныя похвалы можетъ только одно шарлатанство. Сегодня я это испыталъ. Меня одобрилъ даже одинъ академическій старецъ, который лѣтъ сорокъ назадъ написалъ картину: „Лотова жена“, а потому считаетъ себя авторитетомъ и даже объ Ивановѣ, который умеръ старикомъ, иначе не выражается, какъ о „молодомъ чловѣкѣ, подававшемъ большія надежды“.

— Жаль, очень жаль, прошамкалъ онъ мнѣ,—что вы не учились въ нашей академіи. Вы-бы далеко пошли..

Я, разумѣется, не старался объяснить этому Мафусаилу живописи, что потому, можетъ быть, я и могу недурно писать, что меня не портили академическіе компрачкосы.

Съ Ольгой не удалось мнѣ остаться и на минуту; я не искалъ этого. Она цѣлый день была въ хлопотахъ, занималась угощеніемъ и „кормленіемъ звѣрей“ на торжественномъ пиршествѣ моего родителя. Только передъ моимъ уходомъ она сказала мнѣ мимоходомъ:

— Какъ жалко, что нынче только вторникъ!..

Никогда я не работалъ съ такою охотою, какъ теперь. Заказы плывутъ за заказами и я отъ нихъ не отказываюсь. Но это только до поры до времени. Я начинаю понимать, что успѣхъ развращаетъ: берешься за все и не дѣлаешь нужнаго. Легкая нажива отучаетъ отъ усидчивости серьезной работы. Утѣшая себя пока тѣмъ, что русскаго чловѣка въ горячкѣ его дѣятельности хватаетъ не надолго. Когда надоѣстъ работа для однихъ только денегъ и мимолетныхъ успѣховъ, брошу все и буду писать что-нибудь „великое“, чего очень важно ожидать отъ меня Ксенофонтъ Антоновичъ. До сихъ-же поръ приходится писать больше портреты, т. е. заниматься одной азбукой искусства. Впрочемъ, писать портреты и легко, и трудно. Дѣло не въ одномъ дагеротипномъ сходствѣ, а въ типическомъ; нужно, чтобъ плотно жило, думало, говорило. Умъ и глупость одинаково выразительны и ихъ нужно замѣчать раньше сеанса. Сеансъ—это тотъ

же судъ; передъ нимъ непремѣнно должно быть слѣдствіе. На сеансѣ люди, особенно барыни, стараются казаться лучше самихъ себя, садятся передъ художникомъ съ „чужими лицами“. Приходится реставрировать эти маски, скальпировать не черепъ, а наглядныя фізіономіи. Не всѣ наши портретисты это понимаютъ, вмѣсто правды, гоняясь только за однимъ казеннымъ сходствомъ. Какъ въ музыкѣ долженъ исчезать инструментъ, такъ въ картинѣ—краски.

Съ портретами я нажилъ себѣ не однихъ только поклонниковъ, но и враговъ, больше между женщинами. Многія изъ нихъ хотятъ кокетничать и лгать даже на портретахъ. Привезла мнѣ одна мамаша свою дочку, которая старалась смотрѣть на меня съ ангельскою кротостью, а между тѣмъ ея скуластая мордочка мало слушалась и докладывала мнѣ со всѣмъ иное: черезъ ангела севозила старая злая дѣвка, которая непремѣнно когда нибудь откуситъ носъ своему супругу. Такой она и вышла на моемъ портретѣ; просила подправить, то есть, нарушить сходство, но я отказался на-отрѣзъ. Мамаша съ дочкой разозлились и мстятъ мнѣ по-своему, по-барски—не присылаютъ мнѣ до сихъ поръ денегъ за работу.

Одна полинявшая красавица даже требовала у меня другого цвѣта лица и волосъ на портретѣ и еще обѣдлалась, когда я старался ее убѣдить, что художникъ—не парфюмеръ и косметическими превращеніями не занимается?

Вотъ какъ тяжела шапка портретиста!..

Третье воскресенье у меня каждое утро настоящій праздникъ, потому что я нѣсколько часовъ провожу вмѣстѣ съ Ольгой. Во избѣжаніе докучныхъ звонковъ и лишнихъ посѣтителей, въ эти дни на дверяхъ моей квартиры вывѣшивается карточка съ надписью: „по воскресеньямъ дома не бываетъ“. Даже для Сократа нѣтъ исключенія. Мы совершенно одни, какъ на необитаемомъ островѣ. Я завелъ американскій спиртовой приборъ и Ольга сама готовитъ мнѣ завтракъ. Она веселится, какъ рыбка въ водѣ, переставила по-своему всю мебель, всѣ вещи въ моей квартирѣ и большой хаосъ обратился у меня въ маленькій раекъ. Прелесть новизны нашихъ воскресныхъ свиданій еще увеличивается отъ ихъ дѣтской невинности. Мнѣ скажутъ, пожалуй, что на краю бездны растутъ иногда цвѣты, и вокругъ оазиса

свирѣнствуетъ самумъ, но неужели поэтому пужно бояться цвѣтовъ и не вступать въ оазисъ. Боятся прихода счастья—значитъ походить на того метафизика, который, провалившись въ глубокую яму, начинаетъ философствовать о прочности веревки, брошенной ему для спасенія.

Ольга не можетъ дать благодарнаго типа для современной повѣсти, но можетъ принести человѣку счастье. Лидія, напр., постоянно говоритъ о „женскомъ трудѣ“ и ничего не дѣлаетъ, ледѣя свои дѣйствительно античныя ручки; Ольга-же о „женскомъ вопросѣ“ имѣетъ очень смутное понятіе, но постоянно работаетъ и занята, какъ пчелка.

— У вашей сестры умъ какой-то глупый, очень тонко сказала мнѣ какъ-то Ольга,—она боится сама думать, а говоритъ только то, что прочла въ своихъ умныхъ книжкахъ. Безъ книжки, какъ слѣпой безъ очковъ, просто пропала-бы.

— А вы развѣ не любите читать? спросилъ я.

— Нѣтъ, люблю, право, больше люблю даже, чѣмъ ваша сестра: она читаетъ для другихъ, для визитовъ, а я — для себя. Только книги мнѣ попадаются все не такія: или все вздоръ одинъ, какъ въ библиотекѣ Анатолія Николаевича, такой вздоръ, что время на ихъ чтеніе тратитъ даже совѣстно, или ужъ такія книги, въ которыхъ я ничего не понимаю. Читаешь, кажется, съ самаго начала, а точно слушаешь окончаніе какой-нибудь ученой рѣчи или мудреной проповѣди. Вотъ я какая безтолковая!..

Я теперь понимаю, что за такое чистосердечіе сестра моя называетъ Ольгу „дурочкой“... Ольга никогда не кокетничаетъ ни красотой, ни умомъ своимъ, ни наивностью; она — сама правда, которая можетъ обезоружить всякій цинизмъ, которая смущаетъ, и заставляетъ бросать небрежно-приторную манеру, къ какой насъ приучили сами женщины. Онѣ, не въ обиду имъ будь сказано, въ пристрастіи къ комплиментамъ напоминаютъ дикихъ. Какого-нибудь краснокожаго хитреца вы не испугаете угрозой, но непремѣнно подкупите лестью.

Правдивость всегда чутка къ истинной красотѣ и правдѣ, не обращая вниманія на форму. Такова и Ольга, какое-то художественное чутье замѣняетъ ей опытность. Когда я ей показалъ эскизъ головы Сократа, сдѣланной съ Ксенофонта Антоновича, у нея вырвалось только одно восклицаніе:

— Ахъ, какое красивое лицо!..

Именно она сказала „красивое“, а ужь онъ-ли, повидимому, не безобразенъ! Слѣдовательно, она умѣла уловить внутреннюю красоту лица, такъ сказать, подкожную фizioномію моего милаго доктора, который самъ себя называетъ потомкомъ Квазимодо. Я передалъ ему восклицаніе Ольги и онъ о ней иначе теперь не выражается, какъ о своей маленькой Эсмеральдѣ.

Я былъ все утро въ сильномъ безпокойствѣ. Бьетъ урочный часъ, два, наконецъ, три, а Ольги все нѣтъ; этого съ ней никогда не случалось. Въ неизвѣстности и самая простая задержка заставляетъ бояться, богъ знаетъ, какого несчастія. Не случилось-ли съ ней чего? Здорова-ли она? Только въ подобныя минуты безпокойнаго ожиданія человѣкъ испытываетъ, какъ-бы осязаетъ всю силу своей привязанности. Я не отходилъ отъ окна и мое напряженное зрѣніе дошло, наконецъ, почти до галлюцинаціи: каждая женская фигура казалась мнѣ Ольгой. Прошло еще пол-часа, когда она вошла, слегка поблѣднѣвшая и видимо взволнованная. Я сталъ распрашивать, крѣпко сжимая ея руки. Дѣло объяснилось.

— Мнѣ не хотѣлось вамъ этого до сихъ поръ говорить, рассказывала мнѣ Ольга, — потому что я сама не обращала никакого вниманія на глупое ухаживанье вашего брата. Но съ нѣкотораго времени онъ мнѣ сталъ особенно надоѣдать — когда мы остаемся случайно одни — своими нѣжностями, говоря всякія пошлости. Я сначала отшучивалась, потомъ стала сердиться. Сегодня, только я вышла изъ дому, онъ меня догналъ и началъ приставать съ своими мальчишескими любезностями и изъясненіями въ любви. Все это, положимъ, очень глупо и смѣшно, но онъ мнѣ надоѣдалъ и потомъ прослѣдилъ за мной издали до самой богадѣльни. Опасаясь его присматриванья, я должна была колесить по улицамъ, а потому и опоздала.

Показались, значитъ, тучки на нашемъ небѣ. Домашній шпионъ — этого только не доставало! Вотъ и еще новая причина долге не оставаться Ольгѣ въ домѣ моего отца. Мальчишесу, конечно, можно проучить, но онъ непремѣнно начнетъ пакостить и дѣлать ей мелкія непріятности.

Надо на что-нибудь рѣшаться. Я уже не разъ толковалъ съ Ольгой въ видѣ будущихъ плановъ, что она переберется на отдѣльную квартиру и, какъ искусная рукодѣльница, попробуетъ жить не зависимо. Перспектива хотя не привлекательная, но что-жъ дѣлать, когда выбирать больше не изъ чего. Другого своего плана, можетъ-быть, лучшаго, я предлагать ей не рѣшался. Въ трудныя минуты съ такими женщинами, какъ она, нужно обращаться какъ можно осторожнѣй. Такъ думалъ я, слушая рассказъ ея, но, прощаясь съ ней, не выдержалъ. Мы ничего еще не придумали, а домой нужно было торопиться. Ей уходить не хотѣлось, она была печальна. Не выпуская долго руки другъ у друга, мы простояли молча болѣе минуты. Сердца наши были до того переполнены однимъ чувствомъ, что слова были не нужны. Я могъ только проговорить, точно не своимъ голосомъ:

— Любишь-ли ты меня, Ольга?

— И вы еще спрашиваете? не сказала, а скорѣе проплакала она.

И чаша переполнилась. Изъ глазъ ея брызнули слезы и я ихъ почувствовалъ и въ своемъ сердцѣ, и на своемъ лицѣ, прижимая къ своей груди взволнованную, трепещущую, рыдающую счастливыми слезами дѣвушку.

Хорошія минуты летятъ быстро; только въ одинокомъ горѣ время ползетъ, какъ улитка; мы опомнились только тогда, когда часы пробили пять. Ольгѣ давно нужно было быть дома.

Она заторопилась.

— Зачѣмъ это надо уходить? Здѣсь мнѣ такъ хорошо, что вѣкъ-бы я, кажется, не ушла отсюда.

— И не уходи, моя дорогая, отвѣчалъ я, привлекая къ себѣ Ольгу.— Оставайся со мною. Мѣсто моей подруги, моей будущей жены развѣ не возлѣ меня?

Ольга быстро оторвалась отъ меня и отскочила на средину комнаты.

— Быть женой вашей? Никогда!..

Она словно преобразилась въ одно мгновеніе. Трепещущій, робко ласкавшійся ребенокъ обратился въ энергическую, сильную женщину.

— Слушайте, Павелъ Николаевичъ! Одинъ Богъ видитъ, какъ я люблю васъ; одинъ Богъ знаетъ, что я никогда васъ не

разлюблю, но женой вашей я не буду. Нѣтъ, никогда. Я замучусь, я буду несчастна. Какъ-бы я не вѣрила въ васъ, бракъ нашъ будетъ казаться мнѣ вашимъ великодушiемъ, вашимъ состраданiемъ. Я знаю, что это убьетъ меня. Оставьте мнѣ мою любовь, а себѣ свою свободу, и я буду счастлива. Все, что хотите, только не жена ваша.

— Не будемъ говорить теперь объ этомъ, Ольга. Мы любимъ другъ друга, такъ стоитъ-ли спорить о названiи, какъ мнѣ называть тебя! Но куда-же ты спѣшишь? Какое тебѣ теперь дѣло до чужой семьи, до людей, отъ которыхъ ты совершенно зависишь!..

Но Ольга не позволила мнѣ снять съ себя шляпку и съ скромной улыбкой отстранила мою руку.

— Нѣтъ, мнѣ надо идти, Павелъ Николаевичъ. Такъ и служанки не бросаютъ мѣсть своихъ, а на моихъ рукахъ цѣлый домъ: я должна исполнить свои обязанности.

Она была права. Дѣти бываютъ иногда благоразумнѣе взрослыхъ; гдѣ мужчина потеряется, тамъ постоянно найдется женщина.

— Я такъ теперь счастлива, продолжала она, склонивъ голову на плечо мое,—что какъ-то боюсь этого счастья; страшно, чтобы у меня его не отняли. До воскресенья я васъ не увижу, не хочу видѣть. Почему? Такъ надобно. Эту недѣлю я желаю жить съ вами, думать о васъ—безъ васъ.

Я не успѣлъ вскрикнуть и выдернуть свою руку, какъ Ольга быстро скрылась за дверью.

— До воскресенья!

Однако, совершенно неожиданно я увидалъ ее гораздо раньше. Случилось то, чего нужно было ожидать рано или поздно...

• Свiажскiй.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ЖЕНЩИНА.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

I.

Собственно, мнѣ надо было-бы озаглавить свой очеркъ такъ: „Женщина до обычному праву нашего крестьянства“, но, признаюсь, побоялась я названія, звучащаго такъ тяжеловѣсно. Дѣлаю-же объясненіе на первыхъ порахъ, чтобъ не ввести въ заблужденіе читателя, который-бы приступилъ къ статьѣ совсѣмъ не съ тѣми требованіями, какимъ она имѣетъ претензію удовлетворить, и разочаровался-бы, найдя не то, чего ожидалъ. Я, дѣйствительно, намѣрена посмотрѣть на вопросъ о положеніи крестьянской женщины почти исключительно съ той стороны, съ которой онъ опредѣляется понятіями крестьянъ о справедливости, ихъ обычнымъ правомъ.

Крестьянское обычное право только очень недавно обратило на себя вниманіе нашихъ изслѣдователей народнаго быта, и тѣ немногія попытки, какія сдѣланы въ этомъ направленіи, еще не успѣли возбудить сочувствія публики къ предмету. Для большинства читателей обычное право можетъ просто-на-просто представляться такою-же отталкивающею и скучной матеріей, какъ и всякія другія права, какъ-то римское, византійское, германское и т. п., съ ихъ юридическими крючками и тонкостями, со всѣми атрибутами сухой, бесплодной казуистики, которая отталкиваетъ всякое свѣжее чувство. Если законы существуютъ для того, чтобъ удовлетворять извѣстнымъ потребностямъ общества, то они, базалось-бы, прежде всего должны имѣть въ виду эти потребности, должны во всемъ согласоваться съ ними, однимъ словомъ,

должны вполне выразить известные стороны общественного сознания, общественного духа, должны развиваться и изменяться рука об руку, шагъ за шагомъ, съ развитіемъ общества и измененіемъ его понятій. Между тѣмъ почти всѣ юридическіе кодексы въ своихъ основаніяхъ являются не выраженіемъ національныхъ понятій о справедливости, а заимствованіемъ изъ чужихъ законодательствъ, при чемъ кореннымъ источникомъ, изъ котораго черпались готовые юридическіе опредѣленія, было римское право; въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ законодательства такъ часто подчинялись вліянію личнаго произвола юристовъ и законодателей, что въ нихъ нельзя искать настоящаго выраженія общественного духа. Многіе пункты положительнаго права можно объяснить, обращаясь къ исторіи, которая можетъ доказать, что то, или другое положеніе закона не есть результатъ бессмысленной случайности, а имѣло свое *raison d'être* въ положеніи вещей, существовавшемъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ, а иными пунктамъ нельзя найти даже и такого объясненія. Оттого законодательство, въ большинствѣ случаевъ, представляется чѣмъ-то вѣшнымъ по отношенію къ обществу, неимѣющимъ съ нимъ органической связи; оттого изученіе положительнаго права почти ничего не объясняетъ во внутренней жизни современнаго человечества. Если-бы кто-нибудь вздумалъ, напр., изучать положеніе женщины въ известной странѣ только по законодательству этой страны, не имѣя никакихъ другихъ данныхъ, то онъ, конечно, пришелъ-бы къ выводамъ совершенно ложнымъ. По законамъ Англіи онъ составилъ-бы себѣ понятіе не о теперешнемъ положеніи англійской женщины, а о томъ, какое она занимала, можетъ быть, тысячу лѣтъ тому назадъ; или какое занимала женщина у древнихъ римлянъ, а ужъ никакъ не въ современномъ англійскомъ обществѣ. Изучая русскіе законы также нельзя составить себѣ ни малѣйшаго понятія о положеніи русской женщины, о взглядахъ на нее общества; рядомъ съ какимъ-нибудь льготнымъ для женщины закономъ, обязаннымъ либерализму Екатерины II, стоитъ законъ, основанный на уставѣ благочинія, заимствовавшемъ свои принципы у Домостроя и т. п. Такимъ образомъ, жизнь идетъ своей дорогой, независимо отъ рамокъ, представляемыхъ законодательствомъ, хотя нельзя сказать, чтобъ эти рамки не вліяли на жизнь, не стѣсняли ея хода, не уродовали ея проявленій.

Совѣсьмъ другого рода явленія представляются обычнымъ правомъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло не съ какой-нибудь отвлеченной схемой, частью составленной на основаніи фактовъ чужой жизни и искусственно пригнанной къ нашимъ порядкамъ, частью являющейся результатомъ личнаго усмотрѣнія; тутъ мы имѣемъ дѣло съ жизненными явленіями. Народное обычное право прямо вытекаетъ изъ жизни; оно является результатомъ совокупности какъ умственнаго и нравственнаго развитія народа, такъ его исторіи, его экономическаго положенія и разнообразныхъ внѣшнихъ условій. Если иногда обычное право и отражаетъ на себѣ постороннія вліянія, то все-таки въ главныхъ, основныхъ чертахъ оно совершенно своеобразно и потому заслуживаетъ нашего глубокаго вниманія и изученія. Изучая обычное право, мы изучаемъ духъ народа въ одномъ изъ самыхъ выразительнѣйшихъ его проявленій. Обычное право, естественно, лишено той случайности и произвольности, которыя составляютъ характеристическую черту юридическихъ кодексовъ; оно развивается и видоизмѣняется соотвѣтственно измѣненію его бытовыхъ условій; однимъ словомъ, всякій новый элементъ, входящій въ жизнь народа, находитъ свое отраженіе и въ обычномъ правѣ. Поэтому, если мы будемъ изучать положеніе женщины у народа по его юридическимъ воззрѣніямъ, т. е. обычному праву, то можемъ быть увѣрены, что по нимъ будемъ имѣть полное основаніе заключать и о дѣйствительномъ положеніи вещей.

Итакъ, рассматривая вопросъ о крестьянской женщинѣ въ его зависимости отъ обычнаго крестьянскаго права, мы не выдвигаемъ нашего предмета изъ ряда жизненныхъ вопросовъ, напротивъ, проникаемъ въ самый источникъ народной жизни.

Когда начинаешь углубляться въ данныя, представляемыя изученіемъ обычнаго крестьянскаго права, — чувствуешь, какъ, мало-по-малу, измѣняются или, вѣрнѣе сказать, проясняются твои взгляды на народъ. Однообразная, безразличная, неподвижная народная масса превращается въ общество, съ своеобразною жизнью, съ своеобразными понятіями и интересами, а главное — общество, хотя и едва замѣтно, но несомнѣнно движущееся впередъ. Подъ внѣшнимъ покровомъ застоя совершается процессъ развитія: мы можемъ видѣть, какъ однѣ формы жизни начинаютъ изживать свое содержаніе, какъ на смѣну ихъ выступаютъ новыя, какъ эти

новья, сначала робко, потомъ все смѣлѣе, ведутъ свою борьбу за существованіе, пока совершенно не вытѣснятъ старыхъ съ того поля, которое уже не принадлежитъ болѣе этимъ послѣднимъ, но на которомъ онѣ, тѣмъ не менѣе, еще упорно держатся. Борьба формъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ борьба и идей, воплощеніемъ которыхъ являются эти формы, и результатъ борьбы — измѣненіе взглядовъ личности на окружающее и на отношеніе къ себѣ этого окружающаго не замедлитъ дать себя знать. Но эти процессы развитія совершаются крайне медленно, и вотъ почему народная жизнь, наблюдаемая относительно въ короткій періодъ времени, производитъ такое впечатлѣніе застоя и неподвижности.

Все, что было сейчасъ сказано вообще о народѣ, приложимо вполне и къ крестьянской женщинѣ. Съ теченіемъ времени происходили измѣненія и въ ея судьбѣ, — измѣненія, направленные въ ея пользу. Можетъ быть, читатель, знакомый съ жалкимъ положеніемъ современной крестьянки, сочтетъ парадоксомъ это положеніе, но я надѣюсь его доказать. Но гдѣ-же взять необходимые матеріалы, чтобъ воспроизвести картину того процесса, который мы назвали процессомъ развитія, процессомъ медленнаго поступательнаго движенія въ жизни нашего крестьянства? Наша писанная исторія всегда такъ акуратно обходила народъ, что напрасно было-бы искать въ ней указаній или хотя-бы даже намековъ на древнѣйшія судьбы женщины. Какъ-же быть въ такомъ случаѣ? Ничего не остается, какъ обратиться къ изученію настоящаго, которое, въ разнообразныхъ своихъ проявленіяхъ, сохраняетъ формы различныхъ періодовъ прошлаго, сохраняетъ иногда цѣликомъ, иногда въ измѣненномъ видѣ, но часто такъ, что по нимъ смѣло можно составлять заключенія о предидущемъ, когда эти формы были не архаизмомъ, а естественною и органическою частью цѣлаго. Важнымъ пособіемъ для воспроизведенія древнѣйшихъ формъ народнаго быта можетъ служить изученіе родственныхъ намъ народовъ, особенно юго-западныхъ славянъ. Посмотримъ-же, какъ измѣнялось положеніе крестьянской женщины.

II.

Общепринятое положеніе, что чѣмъ примитивнѣе какое-либо человеческое общество, тѣмъ меньше значенія имѣетъ въ немъ

каждая отдѣльная личность, которая совершенно подавляется коллективностью, будь эта коллективность родъ, семья или какой другой видъ совѣстной жизни. Свобода личности, возможно большая ея индивидуализація — вотъ одна изъ формулъ человѣческаго прогресса. Чѣмъ больше общество допускаетъ индивидуальности въ своихъ членахъ, тѣмъ выше это общество; наоборотъ, чѣмъ ниже спускаешься по лѣстницѣ цивилизаціи, тѣмъ болѣе стадный, безличный характеръ принимаетъ общество. Въ первобытныхъ общественныхъ единицахъ, родѣ и семьѣ, личность имѣетъ значеніе, только какъ членъ этого рода или семьи; внѣ ихъ она теряетъ почву для своего существованія, теряетъ всякій смыслъ. Да это и понятно; во времена отсутствія гражданственности, произвола и господства физической силы личность можетъ чувствовать себя болѣе или менѣе безопасной единственно подъ защитой той коллективной среды, къ которой принадлежитъ. Если родъ или семья поглощали личность мужчины, то тѣмъ болѣе они поглощали личность женщины, которая, вслѣдствіе естественныхъ своихъ условій, еще гораздо меньше шансовъ имѣла на то, чтобъ существовать внѣ той коллективной единицы, которой она была членомъ. Почти всегда и вездѣ женщина являлась, только какъ членъ рода или семьи. Да надо сказать, что она и до сихъ поръ сохраняетъ то-же положеніе.

Такъ какъ женщина всегда является, только какъ членъ семьи, то и измѣненія въ ея положеніи связаны тѣсными и неразрывными узами съ измѣненіями, какія происходили въ средѣ самой семьи. Поэтому мы прослѣдимъ, какія фазы развитія прошла крестьянская семья, прежде чѣмъ она достигла, да и то еще далеко не вездѣ, той формы, которая принята всѣми цивилизованными народами.

• Всѣ согласны въ томъ, что настоящему общественному устройству предшествовало устройство родовое. Немного вопросовъ удостоивалось такого вниманія со стороны нашихъ ученыхъ, какъ вопросъ о родовомъ бытѣ и о томъ, въ какомъ порядкѣ застала исторія нашихъ предковъ — въ родовомъ или семейно-общинномъ. Много было исписано бумаги, много перьевъ было со славою переломлено на ученыхъ турнирахъ, а вопросъ все-таки остается, какъ былъ, вопросомъ открытымъ. Бесплодность изысканій нашихъ ученыхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что они под-

ступали къ предмету не съ той стороны, съ которой онъ единственно доступенъ. Они не стараются уяснить то или другое выраженіе лѣтописи или законодательнаго памятника посредствомъ изученія жизни, какъ своего народа, такъ и родственныхъ ему другихъ народовъ изъ находящихся на низшихъ ступеняхъ культуры, — жизни, которая часто сохраняетъ остатки древнѣйшихъ формъ. Изъ отвлеченныхъ соображеній выводятъ они ту или другую теорію, — теорію-ли родового быта или общинно-семейнаго, — и подводятъ подъ нее всѣ факты, какіе только можно подтянуть, причемъ одни и тѣ-же факты, одни и тѣ-же выраженія лѣтописей и др. памятниковъ служатъ для подтвержденія и того и другого положенія, сообразно точкѣ зрѣнія, на какой стоитъ его авторъ. А между тѣмъ стоило-бы обратиться къ изученію народной жизни глухихъ мѣстностей Россіи, — и много пунктовъ, возбуждающихъ ученые споры, разъяснилось-бы какъ нельзя легче. Очень важно также для нашей древней исторіи и для вспомогательныхъ къ ней наукъ, какъ, напр., бытовой археологіи, изученіе юго-западныхъ славянскихъ племенъ. Начавъ свою историческую жизнь вмѣстѣ съ нашими предками, они на дальнѣйшемъ пути были застигнуты такими неблагоприятными условіями, которыя заставили ихъ, во многихъ отношеніяхъ, какъ-бы окаменѣть въ древнѣйшихъ бытовыхъ формахъ. Напр., Черногорія до сихъ поръ сохраняетъ раздѣленіе на роды и такіе слѣды родового быта, которые могутъ дать лучшее понятіе о родовомъ бытѣ нашихъ предковъ, чѣмъ многіе томы ученыхъ изслѣдованій, исходной точкой для которыхъ были не факты, а собственные измышленія ихъ авторовъ.

Для насъ вѣтъ надобности снова встряхивать вопросъ о томъ, въ какихъ бытовыхъ формахъ застала нашихъ предковъ исторія, а недостатокъ матеріаловъ не позволяетъ возстановить полную картину родового быта, изъ котораго они несомнѣнно вышли: былъ-ли то бытъ, подобный быту нашихъ инородцевъ финскаго и тюркскаго племени, или другой какой видъ родового общежитія? Одно несомнѣнно, что у юго-западныхъ славянъ есть такая форма семейнаго устройства, которая держится на чисто-родовыхъ началахъ, носить на себѣ всѣ слѣды древнѣйшаго происхожденія рода. Это такъ называемая *задруна*. Русское общество очень мало знакомо съ жизнью нашей близкой родни — юго-

западныхъ славянъ, а между тѣмъ эта жизнь представляетъ такія поразительныя аналогіи съ жизнью нашего крестьянства, что необходимо должна остановить на себѣ вниманіе изслѣдователя народнаго быта. Вотъ хоть-бы такое явленіе, какъ задруга, — явленіе, которое въ общеевропейской жизни могло имѣть мѣсто развѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Какъ не остановиться на этомъ археологическомъ образчикѣ, представляющемъ такую аномалію въ общемъ строѣ цивилизованной жизни, какъ не остановиться особенно намъ, кровно связаннымъ съ этимъ образчикомъ? Совсѣмъ тѣмъ, у насъ знаютъ о задругѣ кое-что лица, знакомыя съ спеціальной юридической литературой; для большинства-же публики самое названіе звучить, надо полагать, довольно дико.

Что-же такое задруга? Это маленькое общество, состоящее изъ нѣсколькихъ семей, тѣсно связанныхъ между собою родствомъ. Держится это маленькое общество на началахъ до такой степени противоположныхъ тѣмъ, съ которыми мы сроднились въ качествѣ участниковъ европейской цивилизаціи, что необходимо нѣсколько отрѣшиться отъ привычныхъ возрѣній, чтобъ понять сущность устройства задруги. Краеугольные камни современнаго общественнаго устройства цивилизованныхъ странъ — личность и частная собственность находятся въ задругѣ въ зародышевомъ состояніи. Въ сферѣ отношеній личныхъ — основной принципъ задруги есть поглощеніе отдѣльнаго лица коллективнымъ лицомъ задруги, представителемъ которой является старѣйшина; въ сферѣ отношеній имущественныхъ — полная нераздѣльность, принимающая не только общее производство и общее пользованіе орудіями труда, но и общность потребленія.

Число членовъ задруги очень различно у различныхъ славянскихъ племенъ, въ различныхъ мѣстностяхъ. Большой или меньшій объемъ задруги зависитъ отъ большей или меньшей склонности того или другого племени къ задружному устройству, а главное, отъ мѣстныхъ экономическихъ условій. Задруга вполне развивается только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ жители могутъ существовать воздѣлываніемъ земли, а потому въ благопріятныхъ для земледѣлія мѣстахъ; напр., въ Славоніи число членовъ задруги доходитъ до 100 человекъ; гдѣ земли мало и вообще кормиться отъ нея трудно, гдѣ, слѣдовательно, жители должны расходиться по чужимъ сторонамъ, отыскивая себѣ занятіе, напр.,

въ Хорватіи, тамъ человѣкъ 20—наибольшее число, которое можетъ жить въ одной задругѣ. Въ большую задругу входитъ до десяти и болѣе отдѣльныхъ семей. Помѣщаются онѣ или въ одномъ общемъ домѣ, или въ отдѣльныхъ маленькихъ пристройкахъ, въ родѣ сараевъ, группирующихся около главнаго дома, гдѣ живетъ въ такомъ случаѣ глава задруги съ несемейными ея членами: но на зиму всѣ перебираются обыкновенно въ общій домъ, такъ какъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ не дѣлается даже и печей. Уже изъ этого факта видно, какъ мало мѣста отводится задругой для семейнаго элемента: отдѣльныя помѣщенія служатъ только временнымъ убѣжищемъ семьи, главнымъ образомъ спальной, вся-же жизнь и дѣятельность членовъ задруги сосредоточивается въ общемъ домѣ. Задруга совершенно поглощаетъ семью, и это поглощеніе сказывается во всѣхъ мелочахъ внѣшней жизни.

Въ благопріятныхъ условіяхъ задруга иногда такъ разрастается, что члены ея безъ церковнаго разрѣшенія могутъ вступать между собою въ брачные союзы, — такъ отдаленно между ними родство. Но, несмотря на то, цементомъ, сплачивающимъ задругу, все-таки считается родство. Только родство это понимается задругой очень широко, далеко переходя за предѣлы родства исключительно кровнаго. Наймется, напр., въ задругу слуга или служанка, отдадутъ въ задругу изъ города незаконнорожденнаго ребенка на воспитаніе,—новые члены тотчасъ входятъ въ кругъ родственныхъ отношеній задруги, такъ-какъ внутри себя она иныхъ отношеній не знаетъ. Такое лицо, вошедшее въ задругу, — лицо совершенно постороннее—получаетъ права и беретъ обязанности настоящаго члена-родственника, и связь его съ задругой закрѣпляется тѣмъ, что оно принимаетъ какъ-бы фикцію родства, называя членовъ задруги дядюшками, тетюшками и т. п. родственными именами.

Задруга страшнымъ гнетомъ лежитъ на личностяхъ своихъ членовъ. Ни малѣйшаго проявленія индивидуальности не допускаетъ она и не можетъ допустить, такъ-какъ эта свобода нарушала-бы ея единство и была-бы покушеніемъ на ея цѣлость. Каждая отдѣльная часть этого маленькаго общественнаго организма почти только и живетъ, что стремленіями и интересами цѣлаго; все, что только ни дѣлается, все дѣлается въ видахъ этого цѣлаго, которое рѣшительно не знаетъ и не хочетъ знать,

что каждая из его частей есть живое существо, имѣющее свои желанія и стремленія, можетъ быть, идущія въ разрѣзъ съ желаніями и стремленіями другихъ. Часть тутъ подчиняется цѣлому до совершеннаго поглощенія, до полнѣйшаго обезличенія. Что за жалкую, пассивную роль играетъ въ задругѣ каждый изъ ея членовъ (кромя старѣйшины)! Работаетъ онъ не тогда и не такъ, какъ-бы ему хотѣлось, а тогда и такъ, какъ приказано старѣйшиной, какъ того требуютъ интересы задруги. Работаетъ онъ, зная, что не можетъ распорядиться ни малѣйшей долей изъ продуктовъ своего труда. Правда, онъ будетъ ситъ и одѣтъ, но не такъ, какъ онъ нашель-бы наилучшимъ, а такъ, какъ находятъ другіе, какъ находятъ задруга. Почувствуетъ онъ стремленіе вырваться изъ задруги, уйти, напр., на чужую сторону, задруга можетъ не отпустить его, если находятъ его руки не лишними. Даже въ такомъ дѣлѣ, какъ бракъ, гдѣ-бы, казалось, такъ безусловно необходимо было принимать въ соображеніе желаніе личности, даже въ этомъ случаѣ онъ совершенно подчиняется задругѣ. Ей выгодно, чтобъ члены ея женились какъ можно раньше, доставляя, такимъ образомъ, лишнихъ работницъ въ задругу. Поэтому, какъ только юноша достигнетъ совершеннолѣтія, лѣтъ восемнадцати, спѣшать его женить, хотя-бы онъ и не имѣлъ ни малѣйшаго желанія жениться. Выборъ невѣсты также зависитъ отъ задруги, которая соображается не со вкусами жениха, а прежде всего принимаетъ въ разсчетъ, достаточно-ли богата и почтенна та задруга, гдѣ намѣчена невѣста, а затѣмъ уже обращаетъ вниманіе и на достоинство невѣсты, т. е. на то, что задруга считаетъ достоинствами дѣвушки, — на ея трудолюбіе и поведеніе. Такъ-какъ въ интересахъ задруги, чтобъ женились, по возможности, всѣ, то установился въ ней строго-соблюдаемый обычай очереди, въ какой должны вступать въ бракъ ея члены; напр., если въ задругѣ живетъ нѣсколько братьевъ съ семействами, то сначала женятъ старшаго сына старшаго брата, затѣмъ старшаго сына втораго брата и т. д.; потомъ идутъ вторые сыновья, начиная опять съ старшаго брата. Очередь наблюдается такъ строго, что если очередной рѣшительно не можетъ жениться почему-либо, напр., если онъ уродъ или неизлечимо боленъ, то право очереди все-таки остается за нимъ и онъ можетъ не позволить жениться слѣдующему очередному, если тотъ не

вступить съ нимъ въ сдѣлку, не пріобрѣтеть отъ него позволенія. Этотъ формализмъ обычая, очевидно, выгоденъ задругѣ, такъ какъ заставляетъ cadaго члена смотрѣть на женитбу въ одно и то-же время и какъ на свое неотъемлемое право, и какъ на обязанность или повинность, которую онъ во что-бы то ни стало долженъ нести для общей пользы.

Да, тяжело съ нашей точки зрѣнія такое зависимое, пассивное положеніе человѣка въ задругѣ. Но надо сказать, что не на всѣхъ оно лежитъ одинаковымъ гнетомъ. Старшіе, естественно, страдаютъ отъ него меньше, чѣмъ младшіе, мужчины меньше, чѣмъ женщины, и, наконецъ, есть въ задружной іерархіи одно положеніе, которое, повидимому, не только освобождаетъ отъ какого-либо гнета съ чьей-нибудь стороны, но даетъ человѣку возможность соединить въ своемъ лицѣ тѣ гнетущія силы, отъ которыхъ страдаютъ другіе. Это положеніе главы задруги — старѣйшины.

Старѣйшина — старшій въ родѣ, старшій по лѣтамъ и степени родства; въ видѣ исключенія бываетъ, что вслѣдствіе какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ старѣйшиной дѣлается не наибольшій, а кто-нибудь изъ остальныхъ членовъ рода, чаще — второй по старшинству. Власть старѣйшины надъ личностями членовъ имѣетъ чисто-патріархальный характеръ. Надо видѣть главу задруги въ кругу его домочадцевъ, напр., передъ началомъ трапезы, когда онъ окуриваетъ ладаномъ поочередно всѣхъ домашнихъ, благоговѣнно наклоняющихъ передъ нимъ свои головы, или когда начинаетъ и оканчиваетъ общую молитву: такъ и вѣетъ отъ него древнимъ патріархомъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецомъ своего рода. Какъ истый патріархъ, держитъ онъ судъ и расправу, миритъ ссорящихся, наказываетъ виновныхъ, причемъ младшимъ достаются отъ него и побои, и удары плетью, распредѣляетъ трудъ между всѣми членами задруги. Какъ патріархъ, представитель своего рода, является онъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ этого маленькаго общества по отношенію, напр., къ государственной власти, которая знаетъ только его одного, только съ нимъ однимъ имѣетъ дѣло. Его власть надъ личностями членовъ задруги очень обширна, но тѣмъ не менѣе его нельзя вполнѣ назвать деспотомъ. Надъ нимъ стоитъ сила, которая такъ-же гнететъ его, какъ и всѣхъ другихъ, низводя личность на сте-

пень простого исполнителя своих велѣній, своего слѣпого орудія. Сила эта—обычай. Трудно представить себѣ, какую страшную силу имѣетъ въ патриархальномъ обществѣ обычай. Въ данномъ случаѣ сила обычая сдерживаетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ никѣмъ и ничѣмъ кромѣ нея несдерживаемый произволь старѣйшины, и этотъ фактъ достаточно выразительно показываетъ, какъ велика эта сила. Въ задругѣ вліяніе обычая направлено къ тому, чтобы охранять ея интересы, чтобы дать безусловный перевѣсъ обществу надъ отдѣльной личностью, которая должна отойти на самый задній планъ, и старѣйшина, слѣпо повинувшись обычаю, сообразуетъ свои дѣйствія исключительно съ интересами задруги, хотя-бы они и не гармонировали съ его личными интересами.

Такимъ образомъ, видно, что личность каждаго изъ обыкновенныхъ членовъ задруги почти совершенно подавлена коллективнымъ лицомъ, которое то властью старѣйшины, то силою обычая уничтожаетъ въ зародышѣ всякую самостоятельность, всякое стремленіе къ индивидуальности въ своихъ членахъ. Старѣйшина представляется единственною личностью, но и въ немъ личное начало не развѣртывается въ той ширинѣ, какая открывается ему его исключительнымъ положеніемъ. Вліяніе обычая, сдерживающаго проявленія произвола со стороны старѣйшины, сказывается особенно рѣзко въ имущественныхъ отношеніяхъ задруги.

Имущественныя отношенія задруги устроены очень оригинально. Все задружное имущество составляетъ собственность не отдѣльныхъ лицъ, даже не общую собственность всего ряда лицъ, составляющихъ въ данный моментъ задругу, а собственность задруги въ лицѣ всѣхъ ея настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ членовъ. Каждое поколѣніе членовъ задруги только пользуется имуществомъ; глава задруги и ребенокъ послѣдняго изъ ея членовъ имѣютъ равное и неотъемлемое право пользованія — не болѣе. Право это дается просто тѣмъ, что извѣстное лицо принадлежитъ къ задругѣ; передаваться отъ одного человѣка къ другому оно не можетъ. Поэтому наследство въ задружномъ имуществѣ не имѣетъ смысла: членъ, выходя изъ задруги, совершенно теряетъ всякія права на общее имущество; дѣти, родившіяся въ задругѣ, получаютъ право пользованія не какъ наследники своихъ отцовъ, а какъ самостоятельные члены. Надо сказать, что это характеристическое свойство имущественныхъ от-

ношеній не составляетъ исключительной особенности задруги: оно — принадлежность всѣхъ бытовыхъ формъ, построенныхъ на чистородовыхъ началахъ.

Такимъ образомъ, старѣйшина, по отношенію къ задружному имуществу, только его управитель — и ничего больше. Онъ не имѣетъ права на самостоятельное распоряженіе и малѣйшей его частью. Какъ управитель, глава хозяйства, онъ производитъ разные хозяйственные обороты, покупаетъ, продаетъ — словомъ, дѣлаетъ все, что требуется общими интересами, но и то дѣлаетъ не иначе, какъ съ вѣдома и совѣта тѣхъ членовъ задруги, которые считаются достаточно компетентными въ этомъ дѣлѣ, именно всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ. Очевидно, что власть, такъ стѣсненная обычаями въ имущественномъ отношеніи, не можетъ быть вполнѣ деспотическою, несмотря на весь свой видимый патріархальный абсолютизмъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ сущность устройства задруги. Устройство это показываетъ, что жизнь, которая могла уложиться въ тѣсныя рамки задруги, еще насевозъ пропитана родовыми началами. Родство, какъ основа общегитія, полное подавленіе личности родомъ, патріархальное управленіе, особенность имущественныхъ отношеній — все это существенныя свойства быта, основаннаго на родовыхъ принципахъ, и задруга является полнѣйшей представительницей этихъ принциповъ. Тысячи лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ другіе народы утратили подобныя формы семейнаго устройства, а славянская задруга все стоитъ, — стоитъ, какъ какой-нибудь древній памятникъ, говорящій объ иныхъ, давно-прошедшихъ временахъ. Но отчего-же духъ новаго времени, сметающій старое во всѣхъ закоулкахъ, куда онъ успѣетъ проникнуть, отчего онъ не произвелъ никакого вліянія на задругу? Дѣло въ томъ, что хотя славянскіе народы, сохранившіе задругу, и мало удалены по своему географическому положенію отъ вліянія Запада, тѣмъ не менѣе историческія условія совершенно замкнули ихъ отъ этого вліянія, а тяжелый иноземный гнетъ мѣшалъ самобытному развитію, заставляя крѣпко держаться за все національное, даже въ его мелочныхъ, случайныхъ и уродливыхъ проявленіяхъ, и увеличивая, такимъ образомъ, силу рутины, и безъ того страшно развитую у всѣхъ первобытныхъ народовъ. Кромѣ того, при хищническомъ владычествѣ турокъ, за-

друга представляла для человѣка извѣстную гарантію безопасности, какихъ была лишена отдѣльная семья. Въ настоящее время въ княжествѣ Сербіи задружная форма задерживается еще искусственно правительствомъ, которое находитъ, что эта форма выгоднѣе для государства, чѣмъ обыкновенная семья, такъ-какъ. соединяя капиталъ и трудъ отдѣльныхъ лицъ въ большія семейныя ассоціаціи, какова задруга, она увеличиваетъ благосостояніе народа. Это соображеніе имѣетъ свою долю правды, но правительство вотъ что упускаетъ изъ виду: пока отношенія человѣка къ окружающему будутъ держаться на началахъ, выработанныхъ патріархальными, родовыми порядками, пока личность будетъ подавлена родомъ, недопускающимъ и тѣни индивидуальности въ своихъ членахъ, пока жизнь будетъ заключена въ тѣсныя рамки родовой семьи, — никакой шагъ впередъ невозможенъ для народа. Народъ обреченъ на вѣчную неподвижность во всѣхъ сферахъ жизни, обреченъ быть муміей среди живыхъ людей; какъ для сказочной царевны въ заколдованномъ снѣ, будутъ для него проходить годы, столѣтія, не производя въ немъ ни малѣйшихъ пережвѣнь, а кругомъ будетъ кипѣть и волноваться жизнь, разрушая и сметая старое и постоянно создавая новое. Вотъ какую участь готовитъ сербское правительство своему народу, удерживая искусственно форму, рѣшительно непригодную для нашего времени. Но, къ счастью, ни одно правительство не имѣетъ достаточно силы, чтобъ сдержать то, непригодность чего входитъ въ народное сознаніе, чтобъ заставить личность отказаться отъ того, что начинаетъ чувствоваться ею, какъ сильная естественная потребность. Задруга начинаетъ отживать свой вѣкъ и у юго-западныхъ славянъ.

Очень нерѣдки раздѣлы задруги, т. е. распаденія на составные элементы семьи, какъ въ княжествѣ Сербіи, гдѣ этому противодѣйствуетъ правительство, такъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ. Но еще замѣчательнѣе то, что въ задругу, гдѣ она существуетъ и, повидимому, еще крѣпко держится, начинаютъ проникать враждебные элементы, грозящіе ей разрушеніемъ въ близкомъ будущемъ и, вообще, служащіе симптомами явленій совсѣмъ иного порядка, чѣмъ тѣ, какія положены въ основаніи задруги. Къ числу наиболѣе рѣзкихъ изъ этихъ симптомовъ принадлежитъ развитіе въ задругѣ частной собственности. Въ за-

родышѣ мы встрѣчаемъ ее въ каждой задругѣ, такъ какъ вездѣ предоставляется члену право имѣть что-либо свое, совершенно независимое отъ общаго: но размѣръ этой частной собственности очень незначителенъ. Въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ задруга начинается предчувствовать возможность своего разложенія, тамъ члены начинаютъ сильно стараться пріобрѣсти побольше въ свою частную собственность, чтобъ обезпечить себя на случай раздѣла: частная собственность члена идетъ ему сверхъ того пая, который онъ, при раздѣлѣ, получаетъ изъ общаго задружнаго имущества, дѣлящагося поровну между всѣми кровными родственниками безъ всякаго различія. Средства для пріобрѣтенія чего-либо въ свою частную пользу членъ задруги находитъ въ постороннихъ заработкахъ. Кончить онъ свою обязательную работу на задругу, останется свободное время, — онъ работаетъ что-нибудь на сторону и деньги, полученные за трудъ, есть его частная собственность. А то онъ можетъ идти куда-нибудь на чужую сторону и часть заработковъ отдаетъ задругѣ, часть беретъ себѣ; если-же задругѣ нуженъ его трудъ, онъ можетъ нанять вмѣсто себя работника. Такъ сколачиваетъ онъ нѣсколько денегъ, на которыя можетъ пріобрѣсти и свой собственный кусокъ земли; но пользоваться этою землею отдѣльно онъ не можетъ, а долженъ отдать его въ пользованіе задруги и только при раздѣлѣ получаетъ его сверхъ того пая, какой слѣдуетъ изъ общаго семейнаго имущества. Частную свою собственность членъ задруги можетъ передать въ наслѣдство и, вообще, распоряжается ею безъ вѣдома и согласія прочихъ.

Другимъ явленіемъ, противорѣчающимъ основнымъ принципамъ задруги, служитъ выборъ старѣйшины членами рода, причѣмъ избраннымъ бываетъ иногда и кто-либо изъ младшихъ членовъ, если онъ пріобрѣлъ довѣріе и расположеніе задруги какими-нибудь качествами ума или характера. Выборная власть, конечно, не можетъ отличаться тѣмъ патріархальнымъ характеромъ, который составляетъ характеристическую черту задружнаго управленія.

Но зачѣмъ-же мы такъ долго останавливаемся на задругѣ? спросятъ, можетъ быть.

Всякій, кто присматривался къ той характерной формѣ семейнаго устройства, которую такъ неопредѣленно называютъ вели-

корусской или большой крестьянской семьей, замѣтить рѣзкія черты сходства между нею и задругой. Въ иныхъ отношеніяхъ сходство такъ велико, что заставляетъ почти отождествлять эти двѣ формы, какъ и дѣлаетъ проф. Богишичъ въ своей книгѣ: *Pravni obicaji u Slovena*. Но такое полное отождествленіе есть ошибка, и замѣтить ее нетрудно, если подойти къ фактамъ безъ предвзятой идеи и остережся отъ увлеченія тѣми чертами сходства, какія представляетъ великорусская семья и задруга. А черты сходства дѣйствительно поразительны. Великорусская семья, какъ и задруга, есть соединеніе нѣсколькихъ родственныхъ семей съ общимъ управленіемъ и общимъ имуществомъ: какъ тамъ, такъ и тутъ на первомъ планѣ стоитъ общій интересъ, интересъ цѣлаго, которымъ поглощаются совершенно интересы отдѣльныхъ частей. Задружному старѣйшинѣ соответствуетъ великорусскій большакъ, наибольшій, хозяинъ. Совершенно такъ-же, какъ старѣйшина, большакъ является представителемъ своей семьи во всѣхъ ея внѣшнихъ сношеніяхъ. По отношенію къ личностямъ членовъ семьи его управленіе отличается тѣмъ-же неограниченно патріархальнымъ, а по отношенію къ имуществу тѣмъ-же почти исключительно распорядительнымъ характеромъ. Обычай и тутъ является тою-же верховною и подавляющею силою. Большакъ есть глава двора; онъ отвѣчаетъ за свой дворъ относительно исправной уплаты повинностей, выполненія работъ и обязательствъ, и съ нимъ заключаютъ всѣ условія. Всѣ члены двора подчинены большаку; онъ имъ назначаетъ работы въ домѣ; онъ-же можетъ отдавать ихъ и въ работники. Большакъ есть полный распорядитель надъ деньгами и имуществомъ двора въ извѣстныхъ предѣлахъ, обусловливаемыхъ обычаемъ и міромъ: онъ не можетъ совершенно произвольно растрчивать общее имущество, между прочимъ, и потому, что если онъ употребить во зло свою власть, то міръ остановитъ его, по жалобѣ прочихъ членовъ. Большакъ получаетъ не только всѣ деньги, вырученныя отъ продажи продуктовъ хозяйства, но и тѣ, которыя заработаны кѣмъ-бы то ни было изъ остальныхъ членовъ. Имущество есть общая принадлежность семьи, находящаяся въ завѣдываніи домохозяина; отдѣльной личной собственности у членовъ семьи почти нѣтъ, и потому по смерти ихъ наслѣдство не открывается. Имущество это не составляетъ также личной собственности и самого большака,

и потому, хотя при жизни его и находится въ его распоряженіи, но по смерти его, въ большей части губерній, оно обыкновенно не дѣлится, а, продолжая быть общимъ достояніемъ семьи, переходитъ въ хозяйственное распоряженіе его преемника. Преемникомъ-же бываетъ или братъ, т. е. дядя оставшимся сыновьямъ умершаго, или старшій изъ его сыновей. Если случаются раздѣлы, то имущество въ такихъ семьяхъ чаще всего дѣлится поколѣбно.

Все вышеприведенное есть ничто иное, какъ проявленіе тѣхъ-же родовыхъ началъ, которыя управляютъ и задругой, слѣдовательно, общихъ съ нею. Что-же въ великорусской семьѣ особеннаго, отличающаго ее отъ задруги? Есть одна особенность, и очень существенная, хотя и не бросающаяся рѣзко въ глаза; все прочее, отличающее великорусскую семью отъ задруги, есть простое слѣдствіе этой основной причины (разумѣется, внѣшнія, несущественныя различія, — результатъ различныхъ внѣшнихъ условій — остаются сами по себѣ).

III.

Задруга — чистѣйшая представительница родовыхъ началъ, которыя управляютъ всѣми проявленіями задружной жизни. Тѣ-же начала, какъ мы уже видѣли, господствуютъ и въ великорусской семьѣ; но тутъ ихъ господство далеко не такъ безусловно, какъ въ задругѣ. На борьбу съ ними выступаетъ новая сила, въ видѣ начала экономическаго, трудового. Пока борьба эта ведется не за господство, а за право существованія; но тѣмъ не менѣе новый элементъ, вводимый этою борьбою, нѣсколько ограничиваетъ власть старыхъ началъ и владеть своей характеризующей отпечатокъ на великорусскую семью. Надо замѣтить, что великорусская семья на огромномъ пространствѣ Великой Россіи и отчасти Сибири не представляетъ одной, прочно установившейся формы; начала, заправляющія ею, вездѣ одни и тѣ-же, но степень ихъ относительнаго значенія различна въ различныхъ мѣстностяхъ. Одни виды великорусской семьи ближе къ задругѣ, потому преобладаніе родовыхъ началъ въ нихъ безусловно; другіе дальше отъ нея уклоняются и начало

экономическое въ нихъ проявляется сильнѣе. Возьмемъ одну изъ формъ послѣдняго рода и посмотримъ, какую роль играетъ въ ней то, что мы называемъ началомъ экономическимъ.

Въ такой семьѣ право на власть дается не исключительно преимуществомъ старшинства, но вмѣстѣ съ тѣмъ способностью къ труду, къ наживѣ. Старшій по лѣтамъ или степени родства стоитъ во главѣ семьи обыкновенно только до тѣхъ поръ, пока онъ можетъ работать, если не впереди другихъ, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ другими; какъ только онъ одряхлѣетъ или, вообще, лишается способности къ работѣ, его мѣсто замѣняетъ другой, болѣе способный. Также часто бываетъ, что во главѣ такой семьи, становится болѣе способный къ наживѣ, отстраняя другихъ, имѣющихъ родовыя преимущества. Наживщики, и почти только одни наживщики, имѣютъ вѣсь и значеніе въ такой семьѣ: имъ принадлежитъ семейное имущество, а не роду, какъ въ задругѣ. Если членъ семьи, работникъ, берется, напр., въ солдаты, онъ имѣетъ право получить свой пай изъ того имущества, въ приобрѣтеніи котораго онъ участвовалъ; но изъ того, что было нажито послѣ него, слѣдовательно, безъ его участія, онъ не получить уже ни малѣйшей доли. Когда семья распадается, имущество дѣлится не по числу членовъ рода, какъ въ задругѣ, а по числу лицъ, участвовавшихъ въ приобрѣтеніи этого имущества, по числу наживщиковъ, и при этомъ право крови не имѣетъ почти никакого значенія, между тѣмъ какъ въ задругѣ имущество дѣлится только между кровными родственниками. Родной сынъ хозяина, т. е. главы семьи, устраняется отъ участія въ дѣлѣжѣ, если онъ жилъ гдѣ-нибудь на чужой сторонѣ и не помогаль семьѣ, между тѣмъ, какъ совершенно посторонній, напр., пріемышь, работавшій на семью, выступаетъ полноправнымъ членомъ и получаетъ настоящую долю. Если въ семьѣ, по какому-либо случаю, останутся одни малолѣтніа, неспособныя къ работѣ, и кто-нибудь изъ постороннихъ беретъ на себя какъ-бы роль опекуна, — ведетъ хозяйство, распоряжается всѣмъ и воспитываетъ малолѣтнихъ, то, когда эти послѣдніа выростутъ, они не могутъ взять въ свои руки хозяйство и свое имущество, пока не умретъ опекунъ или не передастъ его самъ въ ихъ руки; по понятіямъ крестьянъ, онъ своимъ трудомъ на пользу наслѣдниковъ во время ихъ малолѣтства приобрѣлъ право старшинства,

право считаться настоящимъ распорядителемъ дома и имущества, помимо законныхъ наслѣдниковъ. И это понятно. Крестьянское хозяйство, только не изъ самыхъ бѣдныхъ, состоитъ обыкновенно изъ дома, скота, платья, домашней утвари и хозяйственныхъ орудій; все это въ извѣстныхъ, очень умѣренныхъ, размѣрахъ. Очевидно, что такое имущество не можетъ быть капиталомъ, процентами съ котораго могли-бы существовать малолѣтнія. При незначительности капитала первенствующая роль въ экономическихъ процессахъ принадлежитъ труду; поэтому немудрено, что въ случаѣ, разсмотрѣнномъ выше, крестьяне отдають преимущество опекуну, представителю труда, передъ законными наслѣдниками—представителями капитала.

Мы взяли изъ жизни великорусской семьи нѣсколько фактовъ, служащихъ проявленіемъ въ ней того, что мы назвали началомъ экономическимъ. Эти факты касаются главнымъ образомъ имущественныхъ отношеній членовъ: въ этой сферѣ экономическія начала естественно находятъ себѣ болѣе удобную почву. Отношенія личныя также не остались совершенно внѣ вліянія этихъ началъ, доказательствомъ чего служитъ выборъ въ хозяева самого способнаго къ наживѣ изъ членовъ семьи, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Но вообще надо сказать, что личныя отношенія членовъ семьи сильнѣе подчинены господству родовыхъ, патріархальныхъ началъ, чѣмъ отношенія имущественныя. Откуда-же взялись эти экономическія начала, медленно подтачивающія основы патріархальныхъ порядковъ?

Увы, не какимъ-либо идеальнымъ свойствамъ русской натуры, не чувству уваженія къ труду, будто-бы специально-свойственному нашему крестьянину, должно приписать это явленіе: причина его въ крайне тяжелыхъ матерьяльныхъ условіяхъ, которыми обставлена жизнь нашего крестьянства, въ той упорной вѣковой борьбѣ за существованіе, которую оно должно вести съ природой и себѣ подобными, вести подъ страшнымъ гнетомъ физическихъ и общественныхъ преградъ. Въ этой борьбѣ изъ-за куска хлѣба народъ утратилъ много изъ такъ-называемыхъ патріархальныхъ добродѣтелей, не замѣнивъ ничѣмъ потеряннаго; въ этой борьбѣ погибло много изъ того, что составляетъ поэзію въ міросозерцаніи первобытныхъ народовъ, которую дышуть нѣсни всѣхъ патріархальныхъ славянскихъ народовъ,—все это потеряно ве-

ликорусскимъ народомъ въ погонѣ за кускомъ хлѣба, за наживой. Потеря велика; но за то цѣлостность патріархальнаго міровоззрѣнія разрушена; въ него закрался новый элементъ, прямо ему враждебный; личность начинаетъ сознавать себя, какъ нѣчто самостоятельное. Если въ сознаніе человѣка вкрадывается мысль, что несправедливо отдавать преимущество происхожденію, зависящему единственно отъ слѣпота случая, передъ личными заслугами и достоинствами, въ значительной степени зависящими отъ самого человѣка,—это уже большой шагъ впередъ. Великорусская семья сдѣлала этотъ шагъ, оставивъ позади себя задругу, вращающуюся въ заколдованномъ кругу исключительно родовыхъ отношеній и понятій. Такимъ образомъ, великорусскую семью такого рода можно разсматривать по сравненію съ задругой, какъ форму прогрессивную.

Прямѣромъ того, какъ рѣзко проявляются иногда въ жизни нашего крестьянства экономическія начала, можетъ служить одинъ видъ семьи: это, такъ сказать, семья фиктивная. Особенность ея въ томъ, что она состоитъ изъ лицъ, вовсе не связанныхъ между собою родствомъ, совершенно постороннихъ. Баронъ Гакстгаузенъ, который обратилъ вниманіе и на семейное устройство у русскихъ крестьянъ, такъ описываетъ одну такую семью, замѣченную имъ въ селеніи ярославской губерніи: „Главой семейства былъ бездѣтный старикъ, уже болѣе двадцати лѣтъ лишившійся жены, а большухой — вдова, его дальняя родственница, имѣвшая пятнадцатилѣтнюю дочь; мужъ покойной дочери большухи былъ женатъ въ другой разъ, и онъ-то съ своей женой и съ пятью дѣтьми исполнялъ главныя обязанности по хозяйству“. Но въ этой семьѣ все-таки есть нѣкоторая родственная связь, хотя, очевидно, не она сплачиваетъ эту семейную ассоціацію, а экономическій расчетъ; мнѣ случалось видѣть семьи еще болѣе удивительныя. Напр., бездѣтный крестьянинъ приглашаетъ къ себѣ на житье женатаго крестьянина изъ большой семьи. Этотъ крестьянинъ умираетъ, остается его бездѣтная жена, которую старикъ выдаетъ снова замужъ, принимая ея мужа опять къ себѣ въ домъ, какъ бы зятя къ дочери. У этой четы опять нѣтъ дѣтей, онъ беретъ чужую дѣвушку вмѣсто дочери и выдаетъ замужъ, въ свою очередь, принимая въ домъ ея мужа. Такимъ образомъ, оказывается, что въ одномъ домѣ живутъ три поколѣнія чужихъ: старикъ,

замѣняющій дѣда, первая чета — второе поколѣніе, и вторая чета—третье. И живутъ они себѣ не лучше и не хуже другихъ семей чисто-кровныхъ, и никто не удивляется такой странной семьѣ, такъ какъ она вовсе не рѣдкость въ крестьянствѣ. Такой союзъ людей, конечно, вынуждается экономической необходимостью, но отчего принимаетъ онъ не форму свободной ассоціаціи, а рѣшительно не соответствующую ему форму семьи? Вѣроятно, отъ того, что крестьяне, находясь подъ вліяніемъ родовыхъ понятій, только съ союзомъ, имѣющимъ видъ семейный, кровный, соединяютъ понятіе о прочности, гарантирующей цѣлостъ такого союза и исполненіе членами ихъ взаимныхъ обязательствъ.

Но если задруга, форма цѣльная, не можетъ болѣе сопротивляться духу времени и распадается, тѣмъ менѣе устойчивой должна быть старая великорусская семья, въ самой себѣ носящая зародыши своего разложенія. Законъ старается искусственно задержать великорусскую семью, какъ задерживаетъ онъ и сербскую задругу; но что значитъ сила закона передъ естественною силою вѣщей? Большая семья крѣпко держится лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя болѣе замкнуты отъ внѣшнихъ вліяній; лишь только проникнуть туда какимъ-нибудь образомъ эти вліянія, семья начинаетъ дѣлиться съ неудержимою силою. Особенно губельны оказываются для большой семьи отхожіе промыслы, и на это есть двѣ причины: во-первыхъ, крестьянинъ, знакомясь во время пребыванія въ чужихъ мѣстахъ съ иными порядками, инымъ семейнымъ устройствомъ, начинаетъ сильнѣе сознавать недостатки своихъ домашнихъ порядковъ; во-вторыхъ, большіе заработки на отхожихъ промыслахъ пробуждаютъ въ крестьянинѣ эгоистическое стремленіе не вносить заработаннаго въ общее семейное имущество, гдѣ это заработанное перестаетъ уже быть его частной собственностью, а пользоваться имъ самому, отдѣльно. Подобнымъ сепаративнымъ стремленіямъ трудно пробудиться между членами семьи, которые остаются дома и занимаются земледѣліемъ, гдѣ удача гораздо меньше зависитъ отъ личныхъ качествъ работника. Вообще, земледѣльческія занятія болѣе, чѣмъ промышленныя, благоприятствуютъ существованію какъ задруги, такъ и великорусской семьи. Въ земледѣльческихъ частяхъ архангельской губ., напр., большая семья еще сохранилась, между

тѣмъ, какъ въ промышленныхъ—ея почти вовсе нѣтъ: родъ занятій есть одна изъ главныхъ, хотя, конечно, не единственныхъ причинъ, обуславливающихъ склонность народа къ той или другой формѣ семейнаго устройства, къ большей или малой семьѣ.

Малой семьѣ принадлежитъ будущее. Уже и теперь она изъ нѣкоторыхъ мѣстностей совершенно вытѣснила большую или составляетъ преобладающую форму. Распространяется она чрезвычайно быстро: тамъ, гдѣ еще недавно, на памяти старыхъ людей, господствовала большая семья, теперь уже ее почти нѣтъ; надо думать, что съ развитіемъ промышленности, съ уничтоженіемъ остатковъ крѣпостного права и съ новыми экономическими условіями великорусская большая семья скоро совершенно исчезнетъ или будетъ попадаться только какъ рѣдкое исключеніе.

Крестьянская малая семья, по своей внѣшности, совершенно тождественна съ общезвѣстной формою семьи, принятой всѣми цивилизованными народами; но одинаковый внѣшній видъ прикрываетъ, въ данномъ случаѣ, различное содержаніе, и наша крестьянская малая семья представляетъ нѣкоторое различіе даже съ семьей другихъ сословій русскаго народа. Образовавшись непосредственно изъ большой семьи, она унаслѣдовала многія ея понятія и принципы; но они, сформировавшись въ новую форму, естественно нѣсколько видоизмѣнились. Этотъ-то процессъ взаимодѣйствія старыхъ началъ и новой формы и производитъ особенности, отличающія крестьянскую малую семью, какъ отъ большой крестьянской семьи, такъ и отъ семьи другихъ сословій. Ниже, рассматривая отношенія между супругами въ крестьянской малой семьѣ, мы увидимъ, въ чемъ заключаются эти особенности.

Такъ развивались и измѣнялись тѣ рамки семейнаго устройства, въ которыя укладывалась жизнь женщины. вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялось, конечно, и ея положеніе, но измѣнялось гораздо меньше, чѣмъ можно было-бы предположить, судя по перемѣнамъ во всемъ остальномъ. Великорусская большая семья, по отношенію къ женщинѣ, усвоила почти цѣликомъ патріархальныя понятія задруги; малая-же семья многое заимствовала у большой. Такимъ образомъ, даже въ малой крестьянской семьѣ положеніе женщины въ значительной степени опредѣляется понятіями, вынесенными изъ родового быта.

Каково-же положеніе женщины при господствѣ родовыхъ понятій? Каждый знаетъ, насколько оно не завидно у славянскихъ народовъ, сохранившихъ патриархальные порядки. Обратимся къ фактамъ, которые будемъ брать какъ изъ жизни задруги, такъ и великорусской семьи: объ эти формы, какъ увидимъ ниже, не отличаются существенно ничѣмъ по отношенію къ женщинѣ, такъ-какъ экономическія начала великорусской семьи обходятъ женщину, которая почти никогда не бываетъ пріобрѣтателемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Какое-же мѣсто занимаетъ женщина въ родовой семьѣ?

Если она дѣвушка, — ея назначеніе, весь смыслъ ея существованія заключается въ томъ, чтобы уйти изъ своей семьи въ чужую, выйти замужъ. Если она замужняя, взята, значитъ, изъ чужой семьи, она привязана къ настоящей семьѣ только своимъ мужемъ; умри онъ, она можетъ возвратиться назадъ въ свой родъ, но, можетъ, конечно, и остаться въ родѣ своего мужа, въ томъ и другомъ случаѣ, чтобы работать, сколько есть силъ и за то получать содержаніе. Значитъ, прежде всего въ положеніи женщины нѣтъ прочности, нѣтъ органическихъ узъ, которыя связывали-бы ее съ семьей, и это одна изъ причинъ, почему женщина занимаетъ въ родовой семьѣ послѣднее мѣсто. Все ея значеніе въ подобной семьѣ заключается въ томъ, что она должна исполнять всевозможныя работы по хозяйству и доставлять роду новыхъ членовъ, главнымъ образомъ, сыновей, какъ настоящихъ его представителей; дѣвочки только допускаются, какъ необходимое зло. Если у черногорца родится сынъ, объ этомъ радостномъ событіи даютъ знать ружейными выстрѣлами; появленіе дѣвочки, разумѣется, никто не думаетъ салютовать — никто не радуется ей.

Что родовые порядки не признаютъ за женщиной никакого человѣческаго достоинства, — показываютъ самые обычаи, обуславливающіе заключеніе брачнаго союза. Въ старину, при отсутствіи центральной государственной власти или ея слабости, при распряхъ между родами, которые тогда были естественно сильнѣе и значительнѣе, чѣмъ теперь, такъ-какъ только въ родовомъ союзѣ личность находила защиту отъ произвола и насилія, въ то время славяне добывали себѣ женъ похищеніемъ. Распространяться на эту тему нѣтъ необходимости, такъ какъ объ этомъ довольно было

говорено историками. Скажемъ только, что у морлаковъ до сихъ поръ сохранилось обрядовое похищеніе невѣстъ. Когда водворились болѣе мирные порядки, такой способъ заключенія брачныхъ союзовъ со всѣми его неудобными послѣдствіями сдѣлался неумѣстнымъ; его смѣнила покупка жёнъ, которая и до сихъ поръ держится почти у всѣхъ славянскихъ племенъ; у однихъ она сохранилась въ полной силѣ, у другихъ, болѣе развитыхъ, держатся слѣды ея въ свадебныхъ обрядахъ, слѣды, настолько ясны, что по нимъ можно заключить, какъ недавно еще пошатнулась эта форма совершенія брачныхъ союзовъ. Есть писатели, и между прочимъ г. Богишичъ, которые во что-бы то ни стало желаютъ прикрыть рѣзкую наготу того факта, что славяне до сихъ поръ стоятъ на ступени развитія, допускающей покупку жёнъ, и объясняютъ этотъ дикій обычай то такъ, то иначе, то турецкимъ, то финскимъ, то татарскимъ и Богъ знаетъ еще какими вліяніемъ. Страненъ—этотъ квасной патріотизмъ! Поможетъ ли дѣлу то, что мы будемъ всякими возможными и невозможными средствами доказывать, что славянскому племени присуще предпочтительно передъ всякими другими племенами высокое уваженіе къ женщинѣ, что славянка всегда пользовалась большею свободой сравнительно съ женщинами другихъ народовъ; потомъ, видите-ли, какъ-то затерлись эти высокія свойства славянской натуры, которая, вѣроятно, по своей мягкости отпечатлѣла на себѣ всё шероховатости и угловатости другихъ народовъ, приходившихъ съ нею въ соприкосновеніе. А тамъ, ужъ конечно, сбросить она съ себя эти внѣшнія шероховатости и воспринять во всемъ блескъ своихъ прекрасныхъ природныхъ свойствъ. И эти quasi-патріотическія и ученныя галлюцинаціи выдаются за историческіе факты.

Въ своемъ первобытномъ неподкрашенномъ видѣ обычай покупки невѣстъ сохранился въ Славоніи, Далмаціи, Черногоріи, княжествѣ Сербіи, въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ. Въ началѣ нынѣшняго вѣка въ княжествѣ Сербіи произошелъ интересный экономическій феноменъ: спросъ на невѣсты превзысилъ предложеніе. Такъ-какъ невѣсты—такой товаръ, количество котораго не можетъ быть увеличиваемо по произволу, и цѣнность котораго, слѣдовательно, всегда опредѣляется уравненіемъ запроса и удовлетворенія, то явился естественный результатъ такого положе-

нія вещей—цѣнность невѣсты поднялась. Невѣсты такъ вздорозали, что бѣдному человѣку стало рѣшительно не по средствамъ покупать этотъ необходимый товаръ. Тогдашній сербскій князь Георгій Черный сжалился надъ бѣдными людьми и издалъ законъ, опредѣлявшій таксу на невѣсту, — не больше дуката за штуку. Очевидно, храбрый князь нисколько не зналъ политической экономіи, а то не издалъ-бы такого закона въ виду его совершенной бесполезности передъ естественными законами вещей. Впрочемъ, намъ неизвѣстны практическіе результаты этой забавной экономической мѣры. Ну, какъ отнестись къ порядку, допускающему такія явленія!

Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ цѣна на невѣсту опредѣляется обычаемъ, стѣсняющимъ проявленія свободной конкуренціи. Въ Далмаціи за дѣвушку платится отъ десяти до двѣнадцати золотыхъ дукатовъ. Въ Славоніи плата распределяется слѣдующимъ образомъ между членами задруги, изъ которой продается въ замужество дѣвушка: старѣйшинѣ дается 12 флориновъ, отцу дѣвушки 19, матери 2, каждому изъ братьевъ по 6, остальнымъ членамъ задруги по 7. Въ Великороссіи во многихъ мѣстахъ сохранился обычай платы за невѣсту, только, къ сожалѣнію, юридическіе народныя обычаи такъ мало обращали на себя вниманія, что намъ извѣстно очень немного подробностей по этому предмету. Въ мышевскомъ уѣздѣ калужской губерніи родители невѣсты уговариваются о томъ, сколько денегъ женихъ долженъ заплатить за невѣсту и останавливаются обыкновенно на суммѣ отъ 55—70 рублей, если позволяютъ средства; то же въ малоярославскомъ, мосальскомъ и тарусскомъ уѣздахъ. Въ лукояновскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи и въ другихъ мѣстахъ той же губерніи отецъ невѣсты уговаривается съ отцомъ жениха на счетъ того, сколько женихъ долженъ заплатить деньгами и одеждой. Въ могожскомъ уѣздѣ ярославской губерніи плата за дѣвушку бываетъ 20, 30 и 40 рублей и болѣе, смотря по средствамъ. Въ шадринскомъ уѣздѣ пермской губерніи отецъ жениха платитъ за невѣсту для сына 3—30 рублей и т. д. Если не ошибаемся, то же и въ петрозаводскомъ и повѣнецкомъ уѣздахъ оловецкой губерніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ костромской губерніи и въ особенности въ Нерехтѣ, по словамъ Терещенки, не только бѣдные, но и богатые поселяне считаютъ за безчестіе

отдать дочь даромъ. Чѣмъ выше цѣна, тѣмъ больше чести для дѣвушки, и о величинѣ платы тотчасъ провозглашается по всей деревнѣ. Въ Усть-Цыльмѣ, архангельской губерніи, въ одномъ изъ стдаленнѣйшихъ уголковъ этой губерніи самымъ безцеремоннымъ образомъ рядятся о цѣнѣ невѣсты. Обряды при этомъ совершенно тѣ-же, что и при всякой куплѣ-продажѣ: бьютъ другъ друга по рукамъ, запиваютъ, передаютъ изъ полы въ полу, какъ и всякій другой товаръ. Въ нѣкоторыхъ юго-восточныхъ степныхъ губерніяхъ плата за невѣсту опредѣляется простою конкуренціею: кто больше дастъ кладки (такъ называется плата за невѣсту), за тѣмъ и остается дѣвушка. Если ужъ ей через-чуръ противенъ покажется ея суженый и она, паче чаянія, заявитъ какой-либо протестъ, то ее выталкиваютъ просто-на-просто въ шею къ сватамъ, отъ которыхъ она, для соблюденія формальности, обязана принять паланицу, выталкиваютъ подъ угрозой жестокаго наказанія за непослушаніе. Семья такъ твердо вѣритъ въ непреложность своихъ правъ на личность дѣвушки, что ни слезы несчастной, ни угрозы ея сжить себя со свѣту не имѣютъ никакого вліянія на рѣшеніе. Сдѣлка заключена, деньги получены; чего-же еще? Вѣдь и корова, которую ведутъ со двора, можетъ заорточиться въ воротахъ, такъ неужто-жь нарушать изъ-за этого сдѣлку? И, странное дѣло, этотъ дикій обычай, вмѣсто того, чтобъ ослабѣвать, распространяется въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ его прежде вовсе не было; напримѣръ, въ казанской губерніи, между бывшими крѣпостными, возникъ этотъ обычай послѣ освобожденія. Въ заимѣткахъ одного мирового судьи встрѣчаемъ мы слѣдующее любопытное мѣсто, передающее собственныя мнѣнія крестьянъ объ этомъ предметѣ. Теперь пошло заведеніе на кладку, это, какъ лошадь продаютъ, торгуются, какъ хорошіе цыгане, съ недѣлю торгуются, разъ-другой изъ избы-то выдутъ, да помаленьку, по гривенкѣ сбавляютъ, а женихъ-то зачастую и не видитъ невѣсты. Одинъ у насъ эдакимъ манеромъ взялъ чистую дуру: загнетъ палецъ въ ротъ, да и сосетъ. Прежде безъ кладки отдавали, да лучше было; я самъ въ бѣленькой рубашкѣ женился, а нынѣ все красныя рубахи пошли, а кладки менѣе 25 или 50 рублей и не думай. Мы своего женили, такъ одной кладки 75 р. отдали, да шелки, да кумачи—сотъ семь уложили на разные подарки и угощенья: одно раззоренье и грѣхъ! Сейчасъ и говорить

свекровь-ли, деверь-ли: „ты и сама того не стоишь, что мы за тебя заплатили“ и дальше и больше — словомъ-то ей въ лобъ, да въ лобъ, глядишь и до святыхъ волосъ дошло, а тутъ и къ мировому приспѣло. („Вѣстникъ Европы“ 1872 г., № 2, ст. „Современная глушь“).

Мы привели тѣ изъ извѣстныхъ намъ фактовъ, гдѣ обычай покупки невѣсты сохранился еще въ своей почти первобытной прелести. Но можно сказать положительно, что едва-ли есть хотя одна мѣстность въ славянскихъ земляхъ, гдѣ, въ свадебныхъ обрядахъ, не сохранились-бы болѣе или менѣе рѣзкіе слѣды, остатки этого обычая. Какое другое значеніе могутъ имѣть всѣ эти дары и выкупы, которые женихъ долженъ давать то за косу невѣсты, то за приданое, за сундуки съ имуществомъ невѣсты и т. п.: въ какомъ-бы-то ни было видѣ, а женихъ непремѣнно долженъ заплатить, и это господствующій обычай, какъ въ нашихъ русскихъ крестьянскихъ свадьбахъ, такъ и въ свадьбахъ прочихъ славянъ.

Въ Болгаріи, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прямо опредѣляется, за что именно идетъ плата на этотъ разъ въ видѣ цѣннаго подарка, дѣлаемаго невѣстѣ передъ вѣнчаніемъ: это цѣна дѣвчества. Не только женщина получаетъ такую плату, но и мужчина въ нѣкоторыхъ случаяхъ; напр., если вдова выходить за мужъ за юношу, то должна подарить ему что-нибудь.

Изъ всего приведеннаго выше прямо вытекаетъ заключеніе, что въ нравахъ славянскихъ племенъ не можетъ быть никакого уваженія къ женщинѣ, къ ея человѣческому достоинству. Въ цивилизованномъ обществѣ возможно покупать женщину и толковать въ то-же время объ уваженіи къ ней; но такія первобытныя общества, какъ тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь, руководствуются вполне своими непосредственными естественными чувствами, и не доходятъ до такихъ тонкостей, посредствомъ которыхъ совиѣщаются вещи несомвѣстимыя. И, разумѣется, морлакъ, который обращается съ своей женой, какъ съ существомъ низшей породы, какъ съ животнымъ, поступаетъ искреннѣе и логичнѣе, чѣмъ какой-нибудь цивилизованный человѣкъ, покупающій женское тѣло, и въ то-же время проповѣдующій прекрасныя вещи о правахъ женщины и т. п.

Да, надо быть очень развращеннымъ, чтобъ уважать то, что можно купить, чтобъ уважать человѣческое достоинство въ товарѣ, въ вещи, которую всегда можно получить въ обменъ за известную сумму денегъ или вещей. Славянинъ, человѣкъ вовсе не хитроумный, прямо и просто смотритъ на дѣло. Купилъ, ну и значить властенъ дѣлать, что хочу: хочу съ вашей ѣмъ, хочу съ масломъ пахтаю. А то еще захотѣли какого-то уваженія.

Изъ всѣхъ юго-западныхъ славянъ черногорцы наиболѣе сохранили свою первобытную непосредственность; остатки родового быта у нихъ рѣзче, чѣмъ у другихъ славянскихъ племенъ. — и женщины въ Черногоріи пользуются меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ гдѣ-либо. Трудно представить себѣ болѣе униженное положеніе. Если черногорка идетъ и увидитъ, что какой-нибудь мужчина хочетъ перейти черезъ ея дорогу, она должна остановиться и ожидать, пока онъ пройдетъ; она не смѣетъ пройти раньше. Когда мужчина идетъ мимо нея, она должна подойти къ нему, поклониться, поцѣловать его руку, затѣмъ уже идти дальше. Если мужчины приходятъ въ домъ, женщина должна ихъ привѣтствовать, цѣлуя имъ руки. Вотъ еще одинъ очень характеристическій обычай, существующій у черногорцевъ, далматинскихъ морлаковъ, хорватъ и прочихъ сербскихъ племенъ. Если мужу придется заговорить о женѣ, то онъ употребляетъ при этомъ оговорку: „da prostite“, т. е. извиняется въ томъ, что завелъ рѣчь о такомъ пошломъ предметѣ. Вукъ Караджичъ, известный собиратель сербскихъ пѣсенъ и проф. Вогишичъ объясняютъ этотъ обычай стыдливостью поселяннина, которому при словѣ жена приходитъ въ голову мысль о его тайныхъ отношеніяхъ къ ней. Объясненіе нѣсколько натянутое: странно предполагать щекотливость, развитую до такихъ неестественныхъ размѣровъ въ обществѣ, допускающемъ покупку невѣсть, плату за дѣвичество и пр. Но пусть это объясненіе будетъ и справедливо; все-таки какъ долженъ мужъ относиться къ женѣ, если онъ стыдится даже и говорить объ ней прямо, безъ оговорокъ? Гдѣ тутъ мѣсто какой-либо тѣни уваженія?

IV.

Изъ соображеній, изложенныхъ выше, о сущности устройства родовой семьи, а также и изъ того взгляда, какой въ ней мужчина имѣетъ на женщину, вытекаетъ само собой, что роль женщины въ такой семьѣ должна быть крайне незавидна. Правда, женщина есть членъ рода, такъ-же какъ членъ ея всякій ребенокъ, только-что явившійся на свѣтъ, какъ членомъ его считается и слуга, и служанка. Но женщина не можетъ быть полноправнымъ членомъ, какъ мужчина, не можетъ имѣть никакого голоса въ дѣлахъ управленія семьей. Она должна только работать, работать и работать. Всякій мужчина въ семьѣ старше ея. Въ задругѣ она не смѣетъ даже сѣсть за трапезу вмѣстѣ съ мужчинами, а должна прислуживать имъ. Изъ этого, въ высшей степени подчиненнаго и зависимаго, почти рабскаго положенія женщины естественно слѣдуетъ, что она должна быть обременена работой. Станетъ-ли высшій работать, если имѣетъ возможность передать трудъ нисшему? И дѣйствительно вездѣ, какъ въ задругѣ, такъ и въ великорусской семьѣ, женщина работаетъ едва-ли не больше мужчины, работаетъ, сколько позволяютъ ей выносить ея физическія силы. Въ княжествѣ Сербіи, по словамъ Миличевича, писавшаго о сербской задругѣ, трудно представить себѣ, сколько разнообразныхъ обязанностей лежитъ на женщинѣ, что за каторжная жизнь ея въ семьѣ! Она нянчится съ дѣтьми, одѣваетъ съ головы до ногъ себя, своего мужа и своихъ дѣтей, а иногда и нѣкоторыхъ изъ остальныхъ членовъ задруги; коноплю для одежды она также должна впростить и обработать сама. Она готовитъ пищу и на своихъ плечахъ относитъ ее работающимъ на полѣ, иногда очень далеко. Наблюдать за скотомъ, кормить и поить его, доить, дѣлать масло, сыръ, носить воду, дрова — все это ея дѣло; да мало-ли еще какихъ найдется домашнихъ работъ. Часто женщины помогаютъ мужчинамъ и въ работахъ, считающихся спеціально мужскими, напр. полевыхъ, иногда даже вполне замѣняютъ мужчину въ этихъ работахъ. Но мужчина никогда ни въ чемъ не замѣнить женщину, если-бы она даже была больна, считая женскую работу унизительною для себя.

Въ Черногоріи, Герцеговинѣ, Босніи и Сербіи, какъ и въ Великороссіи, женщина не измѣняетъ образа жизни, даже когда бываетъ беременна. Случается нерѣдко, что гдѣ-нибудь, напр., въ лѣсу, куда она идетъ рубить дрова, почувствуетъ она муки родовъ, тутъ-же рождаетъ безъ всякой посторонней помощи и относить ребенка домой. Сколько разсказовъ слышали мы и въ архангельской губерніи, какъ женщины родятъ или на полѣ и на пожнѣ, такъ-какъ имъ некогда лежать въ горячую страдную пору, или въ лѣсу, куда идутъ за ягодами и грибами, стараюсь сдѣлать запасъ провизіи на зиму.

Въ Черногоріи у мужчинъ такъ развито сознание своего превосходства и господства надъ женщиной и вытекающаго изъ этого сознания права возлагать на женщину наиболѣе тяжелыя работы, что тамъ не рѣдкость видѣть такую картину: жена, обремененная тяжелою ношей, едва идетъ по скаламъ и горамъ, а мужъ слѣдуетъ за ней налегкѣ, съ ружьемъ за плечами и съ чубукомъ въ рукѣ. Вотъ картина, хорошо характеризующая отношеніе мужчины къ женщинѣ у славянскихъ племенъ.

Извѣстная чешская писательница Божена Нѣмцова говоритъ о словакахъ, живущихъ въ Венгріи, что и у нихъ женщина обременена работой. Словачки гораздо больше работаютъ, чѣмъ ихъ сосѣдки мадьярки. Вотъ тутъ и говорите о вредномъ вліяніи финскаго элемента на мягкіе и кроткіе нравы славянъ: извѣстно, что венгры—одна изъ отраслей финскаго племени.

Излишне, кажется, даже и говорить о томъ, что вездѣ женщины обязаны беспрекословно повиноваться мужчинамъ. Такъ-то

Вѣка протекали, все къ счастью стремилось,
 Все въ мірѣ по нѣскольку разъ измѣнилось,
 Одну только Богъ измѣнить забывалъ
 Суровую долю славянки...

Чѣмъ-бы женщина ни была, въ какомъ-бы отношеніи она ни стояла къ членамъ родовой семьи,—одно для нея неизбѣжно,—необходимо работать, сколько есть силъ, и повиноваться беспрекословно мужчинамъ. Этотъ страшный гнетъ до такой степени ровно и постоянно тяготѣлъ надъ женщиной, что притупилъ въ ней всякую чувствительность; вѣдь прелесть свободы, какъ и все, познается по сравненію, а для славянской женщины нѣтъ никакой

возможности сравнивать, такъ-какъ ни въ какомъ положеніи не чувствуетъ она облегченія. Вотъ причина того явленія, о которомъ говоритъ проф. Богишичъ, что черногорка, какъ и всякая сербка и хорватка обыкновенно весела и при самой трудной работѣ не перестаетъ распѣвать свои милыя пѣсни.

Въ Болгаріи, около Тернова, женщинамъ случается иногда вкушать отъ запрещеннаго имъ древа свободы. Это бываетъ тогда, когда мужчины всѣ поголовно уходятъ для занятій огородничествомъ (бапшованство). Каждый годъ на нѣсколько мѣсяцевъ женщины остаются однѣ и полновластно заправляютъ домогъ; но это явленіе до такой степени частное, что оно не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на общее положеніе славянской народной женщины.

Изъ всѣхъ положеній женщины въ задругѣ есть одно, которое, повидимому, даетъ ей большія преимущества: это положеніе старшей, въ великорусской семьѣ большухи. Но въ чемъ-же ея власть? Она распорядается женщинами, распредѣляетъ между ними работу, держитъ ключи отъ кладовыхъ и амбаровъ и вообще наблюдаетъ за домашнимъ хозяйствомъ. Несмотря однако на всю свою видимую власть и значеніе, она, по отношенію къ семьѣ, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ женщинъ. Она не можетъ принимать участія въ управленіи общими дѣлами, между тѣмъ какъ право на такое участіе имѣетъ каждый мужчина, достигшій совершеннолѣтія; она все-таки считается ниже всякого совершеннолѣтняго.

Затѣмъ положеніе остальныхъ женщинъ разнится очень мало, почти не разнится по тягости обязанностей, возлагаемыхъ на каждую изъ нихъ, и по равенству или, вѣрнѣе, отсутствію всякихъ правъ, кромѣ права быть накормленной и одѣтой. Дѣвушкѣ въ своей родной семьѣ почти не лучше, чѣмъ и чужой, взятой замужъ въ ту-же семью. Правда, родители дѣвушки, особенно мать, по естественному чувству родительской любви, стараются дѣлать, что могутъ, для дочери; но на первомъ планѣ стоитъ родъ, а для него дѣвушка не дочь, а такой-же членъ, какъ и другіе. Поэтому на дѣвушкѣ, какъ и на замужней лежатъ тягости общей семейной работы. У ней нѣтъ мужа и дѣтей, которыхъ она должна одѣвать, ей поручаютъ брата или, вообще кого-либо, неуспѣвшаго обзавестись женой.

А кромѣ того у нея есть большая дума и забота. Она знаетъ, что не нынѣ—завтра придетъ и ея очередь быть проданной въ чужой родъ (дѣвушки и въ задругѣ, и въ великорусской семьѣ отдаются замужъ поочередно), идти-же съ пустыми руками въ чужой домъ ей нельзя. Надо напрясть, наткать себѣ приданого, чтобъ видѣли будущіе ея родные, что она сумѣетъ исполнять, какъ слѣдуетъ, свои обязанности, будетъ одѣвать мужа и дѣтей; да и для себя надо заготовить побольше одежды, а тамъ въ чужомъ домѣ, уже некогда, будетъ о себѣ заботиться: и безъ того найдется много дѣла. При свадьбѣ-же придется одаривать будущую родню, чтобъ глядѣла ласковѣе, какъ придетъ она невѣсткою, а на подарки надо заработать средства. Дѣвическая жизнь коротка, а сдѣлать надо много. Одной дѣвушкѣ никакъ не управиться, и мать, разумѣется, помогаетъ ей чѣмъ можетъ, и тайно, и явно тянетъ въ ея сторону. Задруга не мѣшаетъ дѣвушкѣ работать на себя, такъ какъ сознаетъ, что не хорошо отпустить своего члена въ чужую семью безъ личнаго приданого, отъ этого страдала-бы ея гордость. Не только не мѣшаетъ задруга дѣвушкѣ, но даже помогаетъ ей заработать что-либо въ ея частную пользу. Такъ въ иныхъ мѣстахъ назначаются для дѣвушекъ дни, когда онѣ могутъ собирать плоды изъ общихъ задружныхъ садовъ, и собранные плоды дѣвушки относятъ на продажу въ городъ; въ другихъ мѣстахъ онѣ носятъ на продажу дрова. Иногда дѣвушки на свой счетъ, разводятъ шелковичныхъ червей, или имѣютъ свой собственный огородецъ: также могутъ ткать, прясть, вязать, шить на сторону. Заработки дѣвушкѣй, конечно, обращаются въ приданое. При выходѣ дѣвушки замужъ семья пополняетъ, если у ней чего недостаетъ изъ приданого, и беретъ на себя свадебные издержки. Но затѣмъ дѣвушка выходитъ замужъ, и всѣ ея расчеты съ родною семьей кончены. Она уже чужая, членъ чужого рода, и ни на что не можетъ болѣе рассчитывать отъ своего рода. Пусть умрутъ ея родители, пусть распадется—раздѣлится родная семья, она не больше можетъ надѣяться на участіе въ наслѣдствѣ, какъ всякое постороннее лицо. Единственный случай, когда-бы могло къ ней перейти имущество ея родныхъ это, если-бы-вымерли всѣ до одного члена семьи, какъ мужескаго пола, такъ и женскаго. Нельзя сказать, чтобъ для жен-

щины невозможенъ былъ возвратъ въ родную семью. Если-бъ у ней умеръ мужъ и не осталось дѣтей, то она можетъ возвратиться домой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при свадьбѣ пересчитывается все приданое невѣсты передъ свекромъ и свекровью, чтобъ она могла принести его въ цѣлости, если случится ей возвратиться назадъ. Значить, женщина иногда и пользуется правомъ возврата, но рѣдко. Въ родной семьѣ она потеряла свое естественное мѣсто, и возвращайся—не возвращайся, и какъ ни дурно ей въ семьѣ мужа, не лучше будетъ и въ своей родной. Положеніе вдовы самое жалкое, дѣвушка все-же имѣетъ естественныхъ покровителей въ родителяхъ, замужня въ мужѣ; вдовѣ-же не откуда ждать ни защиты, ни помощи.

Теперь посмотримъ, каково-же положеніе въ родовой семьѣ замужней женщины, положеніе, къ которому служитъ подготовленіемъ вся жизнь дѣвушки. Положеніе замужней женщины опредѣляется, во-первыхъ, отношеніями ея къ роду, во-вторыхъ, отношеніями къ собственной ея семьѣ, къ мужу.

По отношенію къ роду, какъ въ задругѣ, такъ и въ великорусской семьѣ, замужня женщина прежде всего невѣстка, сноха. Кто знакомъ сколько-нибудь съ народною жизнью, съ народною поэзіей, у того слово „невѣстка“ всегда вызоветъ цѣлый рядъ представленій, гнетущихъ душу. Чужая дальняя сторона, которая всюду горемъ посѣяна, и печалью загорожена, и слезами поливана, и тоскою покрывана, что тоскою-кручиною „лютый свекоръ со свекровью,“ что медвѣдь со медвѣдицей, „лихія золовки“—все это въ сознаниіи народа, выражаемомъ его поэзіей, неразрывно связано съ понятіемъ „невѣстки“.

А жиночкамъ та не-ма волі:
 У за пічку та воркунъ ворчить,
 У колысці та дитя кричить,
 Підъ порогомъ та свиня хрючить,
 А у печі та горщокъ бежить.
 Дитя каже, «Похитай мене!»
 Горщокъ каже, «Помішай мене!»
 Свиня каже, «Погодуй мене!»
 Воркунъ каже, «Поцілуй мене!»

У малороссовъ волынской губерніи есть одна поговорка, очень характеристичная. „А хто воды принесе? Невістка. А кого бьють? Невістку. А за що бьють? За то, що невістка“.

Можно было-бы привести цѣлую массу народныхъ пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ, показывающихъ отношенія, существующія между родовой семьей и чужой женщиной, вошедшихъ въ нее въ качествѣ невестки.

Вся тяжесть домашнихъ работъ, о которыхъ было говорено выше, лежитъ главнымъ образомъ на замужнихъ женщинахъ, т. е. на невесткахъ! Онѣ должны работать и на родъ, и на свою семью. Что касается ихъ обязанностей по отношенію къ роду, то между ними существуетъ строгое раздѣленіе труда, основанное на извѣстныхъ правилахъ, освященныхъ временемъ и получившихъ силу закона. Положимъ въ семьѣ 5—10 замужнихъ женщинъ. Каждая изъ нихъ должна въ свою очередь, въ опредѣленномъ порядкѣ, наблюдать годъ за скотомъ, собирать молоко, готовить масло и пр. Это въ княжествѣ Сербіи. Въ великорусской семьѣ бываетъ, что къ скоту приставляется та изъ невестокъ, которая отличается большей физической силой и не годится на другія работы; въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ старшимъ отецъ свекоръ, онъ можетъ приставить къ скоту, какъ къ работѣ болѣе трудной и непріятной, ту невестку, къ которой меньше расположенъ. Остальныя женщины должны поочереди исполнять всѣ дѣла по кухнѣ, *обряжаться*, т. е. мѣсить хлѣбъ, стряпать кушанье и носить его работающимъ на полѣ. Каждая изъ женщинъ обряжается по недѣлю, съ утра понедѣльника до вечера слѣдующаго воскресенья. Изъ невестокъ освобождается отъ обязанности обряжаться только та, которая еще первый годъ замужемъ, да и то не во всѣхъ семьяхъ, а только въ тѣхъ, гдѣ между членами господствуетъ согласіе и любовь. Въ большихъ задругахъ, если невестка обряжается, то она не обязана идти на полевую работу, въ малыхъ это не соблюдается.

Кромѣ обычныхъ работъ по общему хозяйству каждая замужняя женщина должна еще работать на свою семью. А работы и на свою семью очень немало: ей надо съ головы до ногъ одѣвать мужа и дѣтей, а то еще дадутъ одѣвать свекра или неженатаго деверя или какого-нибудь другаго члена семьи изъ холостыхъ. Даже матеріалы для одежды она отчасти должна сама принасти. Напр., какъ у задруги, такъ и у великорусской семьи бываетъ общій конопляникъ, который орется общимъ плу-

гомъ. Затѣмъ каждому изъ отдѣловъ семьи, который одѣваетъ одна женщина, отдѣляется часть конопляника. Участокъ этотъ поступаетъ въ распоряженіе женщины и она должна его сама обработать, засеять, взростить коноплю, сжать ее, отдѣлить часть сѣмянъ на посѣвъ слѣдующаго года, затѣмъ приготовить изъ растенія прядиво, соткать и сшить одежду.

Кромѣ работъ внутри дома на женщинъ возлагается значительная часть работъ, общихъ съ мужчинами, напр., полевыхъ. У малороссовъ, переселившихся въ степныя юго-восточныя губерніи и принявшихъ, подъ вліяніемъ великороссовъ, большую семью, хотя, вообще малороссы не склонны къ этой формѣ, женщины обременены работой до невозможности. „Лѣтомъ онѣ вовсе не живутъ дома, а постоянно бочуютъ въ степи, паса скотъ; при ягненіи овецъ цѣлыя ночи должны онѣ сидѣть на морозѣ, оберегая ягнятъ отъ собакъ. Кромѣ того, онѣ косятъ сѣно и жнутъ хлѣбъ, вѣзять по дрова. Женщины должны также ходить караулить хлѣбъ: и для этого онѣ отправляются верстъ за 5 въ хутора, часто оборванные и голодныя, съ дѣтьми на рукахъ и съ люлькой, и тамъ, подъ палачимъ солнцемъ, просиживаютъ цѣлыя дни. Нерѣдко случается, что то ту, то другую женщину привозятъ со степи заболѣвшею или даже мертвою.“ Эти факты касаются лишь одной мѣстности, но они не лишены значенія для характеристики той тяготы, до которой доходитъ положеніе женщины въ родовой семьѣ.

Да нельзя даже приблизительно перечислить всего, что относится къ женскимъ обязанностямъ въ семьѣ. Мужчина оканчиваетъ свои работы и отдыхаетъ; для женщины, особенно замужней, нѣтъ отдыха. Тысячи мелкихъ, невидныхъ работъ напращиваются, лѣзутъ въ глаза, держать ихъ въ состояніи постоянного напряженія силъ, истощаютъ преждевременно ихъ здоровье, лишаѣтъ всякой возможности отдохнуть, очнуться отъ этого безпрерывнаго, отупляющаго метанья изъ стороны въ сторону.

А. Ефименко.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПРОВУЖДЕНІЕ.

Не красна моя доля безцвѣтная
Въ нашемъ бѣдномъ семейномъ кругу:
Видишь лица всегда непривѣтныя,
Ссоры, дразни на каждомъ шагу.

Терпишь гнетъ, униженья постыдныя:
Вѣдь досада возьметъ, и тоска
Вѣчно слушать попреки обидныя
Изъ-за черстватаго хлѣба куска!..

...Эту жизнь, какъ кладбище, унылую
Мнѣ сносить было дольше не въ мочь,
И я кинулъ семью мнѣ посылающую,
Убѣжалъ безъ оглядки я прочь!—

Живо помню я: ночь была темная,
Длинненъ путь мой дорогой степной;
Будто черная, пропасть огромная,
Сводъ небесный висѣлъ надо мной.

И осенняя буря сердитая
Заливалась, стонала кругомъ;
По грязи, черезъ ухабы размытые,
Подвигался впередъ я съ трудомъ.

А вблизи были волки голодные,
Страхъ во мнѣ все сильнѣе будя,
И хлестали въ лицо мнѣ холодныя
Брызги лившаго-ливня дождя.

Подъ изорванной, ветхой одеждою
Я прозябъ и до нитки измокъ;
Но себя ободрялъ я надеждою,
Что мученьямъ конецъ недалекъ...

...Миновала погода ненастная,
Конченъ путь, снала тяжесть съ груди;
Но я знаю, что доля несчастная
Ожидаетъ меня впереди.

Ждетъ печальная, жизнь одинокая,
Трудъ безъ усталы, ночью и днемъ,
И нужда неизбежно-жестокая
Въ безпріютномъ краю и чужомъ.

Но за то эта жизнь многотрудная
И значенья и смысла полна,
Не мертва, какъ пустыня безлюдная,
Но кипуча, какъ въ морѣ волна!

Брошусь я въ эту жизнь безпокойную,
Въ битву съ зломъ, какъ отважный боець,
Я отдамъ мою молодость знойную,
Пусть въ борьбѣ этой сгинетъ въ конецъ!..

Поведу я борьбу неустанную,
Буду смѣло идти, на проломъ,
Торжествуя побѣду желанную
Надъ развратомъ, невѣжествомъ, зломъ!..

Петръ Выговъ.

ВЪ ТИХОМЪ ОМУТѢ-БУРЯ.

РОМАНЪ

ДЖОРЖА ЭЛЛИОТА.

ГЛАВА LXX.

Едва уѣхалъ Лейдгатъ, Бюльстродъ успѣшилъ обшарить карманы Рафля, въ надеждѣ найти тамъ счета гостинницъ, въ которыхъ онъ останавливался; для банкира было въ высшей степени важно узнать, солгалъ или нѣтъ Рафль, сказавъ, что пріѣхалъ прямо изъ Ливерпуля, потому-де что заболѣлъ и не имѣлъ денегъ. Въ карманахъ оказалось множество счетовъ, но старыхъ; только одинъ изъ нихъ былъ совсѣмъ новый, представленный утромъ этого-же дня. Это былъ трехдневный счетъ какой-то гостинницы въ Билькли, миляхъ въ сорока отъ Миддльмарча, гдѣ въ это время была конная ярмарка. Счетъ былъ на довольно значительную сумму, а такъ какъ Рафль пріѣхалъ въ Стоп-Кортъ безъ багажа, то банкиръ заключилъ, что онъ оставилъ свой чемоданъ въ гостинницѣ подъ залогъ, рассчитавъ, что иначе у него не хватитъ денегъ на проѣздъ; въ кошелекѣ его оказалось всего два шиллинга.

Убѣдившись, что Рафль со дня своего послѣдняго отъѣзда изъ Миддльмарча не показывался въ его окрестностяхъ, Бюльстродъ почувствовалъ значительное облегченіе. Онъ сильно трусилъ, чтобы на Рафля при Лейдгатѣ не нашелъ опять припадокъ откровенности. Сославшись на бессонницу, Бюльстродъ самъ

всю ночь просидѣлъ у кровати больного, приказавъ только ключницѣ лечь спать не раздѣваясь, чтобы имѣть возможность позвать ее въ случаѣ нужды. Предписанія Лейдгата Бюльстродъ выполнялъ съ буквальной точностью, не смотря на то, что Рафль ежеминутно просилъ воды, жалуясь, что земля проваливается подъ нимъ. Онъ не хотѣлъ ѣсть того, что предлагалъ ему Бюльстродъ, слѣдуя предписанію Лейдгата, и просилъ именно тѣхъ кушаньевъ, которыя были запрещены докторомъ. Бюльстродъ отказался исполнить его желаніе, и Рафль вообразилъ себѣ, что банкиръ мститъ ему и намѣренъ уморить его голодомъ; онъ сталъ умолять Бюльстрода простить ему, завѣряя его страшными вклятвами, что никому ни слова не говорилъ противъ него. На разсвѣтѣ бредъ больного принялъ еще болѣе опасный характеръ. Рафлю представлялось, что къ нему пришелъ докторъ, и онъ сталъ объяснять этому мнимому доктору, что Бюльстродъ рѣшился уморить его голодною смертью за то, что онъ кому-то въ чемъ-то проговорился, но что это—неправда.

Бюльстрода поддерживала только его изумительная сила воли, но въ то время, какъ онъ сидѣлъ у постели больного, ему невольно приходила въ голову мысль, что смерть Рафля была-бы спасеніемъ для него. Да и къ чему жизнь этому жалкому созданію? Правда, если онъ теперь умретъ, то умретъ нераскаяннымъ, но развѣ не умираютъ точно также нераскаянными преступники, которыхъ самъ законъ обрекаетъ на смерть. Если providѣніе сочтетъ за благо послать смерть этому человѣку, то развѣ грѣхъ желать этой смерти. Желать ее не значитъ способствовать ея ускоренію, но прежде всего слѣдуетъ точно выполнять предписанія врача.

И банкиръ продолжалъ точно придерживаться совѣтовъ Лейдгата. Необходимость посѣщеній врача смущала его и ему невольно припоминалась сцена, происшедшая между нимъ и Лейдгатомъ наканунѣ. Въ то время ему и въ голову не приходило, какое тяжелое впечатлѣніе могли произвести на Лейдгата сообщеніе о предполагаемыхъ перемѣнахъ въ госпиталѣ и отказъ на просьбу, которая банкиру показалась черезчуръ безцеремонною. Но, припоминая теперь всѣ подробности свиданія, Бюльстродъ сталъ опасаться, что возстановилъ противъ себя Лейдгата, и рѣшилъ, во что-бы то ни стало, расположить его въ свою пользу

или, вѣрнѣе, поставить его относительно себя въ положеніе чело-
вѣка обязаннаго.

Лейдгать пріѣхалъ въ двѣнадцать часовъ. Бюльстродъ замѣ-
тилъ, что докторъ сильно разстроены. Лейдгать тотчасъ-же по-
желалъ видѣть больного и сталъ разспрашивать, какъ онъ про-
велъ ночь. Рафлю было хуже, онъ отказывался почти отъ вся-
кой пищи, не спалъ и бредилъ безъ умолку, но припадковъ бѣ-
шенства на него не находило.

— Ну, какъ вы его находите? спросилъ Бюльстродъ, выйдя
съ Лейдгатомъ въ другую комнату.

— Ему хуже.

— Вы теряете надежду?

— Нѣтъ; я все-таки думаю, что онъ поправится. Вы опять
останетесь здѣсь? спросилъ Лейдгать.

Банкиру почудилось въ этомъ вопросѣ что-то подозрительное
и ему стало не по себѣ. Однако, онъ овладѣлъ собою и отвѣ-
чалъ спокойно:

— Да, по всей вѣроятности. Я предупредилъ м-съ Бюль-
стродъ, что, можетъ быть, вернусь не скоро. Я не могу вполне
положиться на м-съ Абэль и ея мужа, къ тому-же ухаживать за
больнымъ не входитъ въ кругъ ихъ обязанностей. Дадите вы
мнѣ какія-нибудь новыя предписанія?

Лейдгать предписалъ на случай бессонницы давать больному
опіумъ, но въ очень маленькихъ дозахъ. Онъ захватилъ съ со-
бою опіумъ и, отдавая его Бюльстроду, объяснилъ ему самымъ
подробнымъ образомъ, какъ великъ долженъ быть каждый пріемъ
и когда слѣдуетъ прекратить эти пріемы. Продолжать ихъ до-
лѣе извѣстнаго срока значило, по мнѣнію доктора, рисковать
жизнью больного. Спиртныхъ напитковъ больному не слѣдуетъ
давать ни подъ какимъ видомъ.

— Судя по теперешнему ходу болѣзни, заключилъ Лейдгать
свою инструкцію,—для больного всего опаснѣе принимать нар-
котическія вещества. Онъ долго можетъ прожить безъ пищи, онъ
вѣрнопокъ.

— У васъ у самихъ, м-ръ Лейдгать, видъ нездоровый, это
что-то небывалое, замѣтилъ банкиръ съ участіемъ, составляв-
лявшимъ рѣзкую противоположность его вчерашнему равнодушію.—
Вы чѣмъ-то разстроены.

— Да, отвѣчалъ Лейдгать отрывисто, хватаясь за шляпу.

— Опять какая-нибудь новая непріятность? допытывался Бюль-стродъ.— Садитесь, пожалуйста.

— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣчалъ Лейдгать гордо.— Я говорилъ вамъ вчера, въ какомъ положеніи мои дѣла. Съ тѣхъ поръ ничего не измѣнилось, только имущество мое описывается. Прощайте.

— Погодите, м-ръ Лейдгать, куда вы? Я много думалъ о томъ, что вы мнѣ говорили вчера. Вы меня захватили врасплохъ и я тогда отнесся къ дѣлу недостаточно серьезно. М-съ Бюльстродъ принимаетъ живѣйшее участіе въ своей племянницѣ, да и мнѣ самому было-бы очень прискорбно, если-бы съ вами случилась какая-нибудь серьезная непріятность. На мнѣ лежитъ много обязательствъ, но, зрѣло обдумавъ это дѣло, я пришелъ къ убѣжденію, что мнѣ слѣдуетъ скорѣе подвергнуть себя какому-нибудь лишенію, чѣмъ оставлять васъ безъ помощи. Если не ошибаюсь, вы говорили, что для уплаты вашихъ долговъ и на то, чтобы устроиться, какъ слѣдуетъ, вамъ нужно тысячу фунтовъ?

— Да, отвѣчалъ Лейдгать, чувствуя необузданный приливъ радости, заглушавшій всѣ постороннія соображенія.— Этого вполне достаточно; съ помощью этихъ денегъ я могу расквитаться со всѣми моими долгами и у меня еще останется чѣмъ жить на первое время. Я тѣмъ временемъ устрою свою жизнь поэкономнѣ, а мало-по-малу и практика моя расширится.

— Если вы потрудитесь подождать одну минуту, м-ръ Лейдгать, я вамъ выдамъ чекъ на эту сумму.

Бюльстродъ сѣлъ писать чекъ, а Лейдгать отошелъ къ окну, чувствуя, что жизнь его начинается снова, что онъ можетъ теперь привести въ исполненіе всѣ свои благія начинанія.

— Вы мнѣ дадите простую росписку въ этой суммѣ, м-ръ Лейдгать, сказалъ банкиръ, подавая ему чекъ.— Когда обстоятельства ваши поправятся, вы мнѣ уплатите этотъ долгъ. Мнѣ въ высшей степени пріятно думать, что я помогъ вамъ выйти изъ критическаго положенія.

— Я вамъ невыразимо обязанъ, отвѣчалъ Лейдгать,— вы возвратили мнѣ возможность работать съ надеждой на счастье и приносить посильную пользу обществу.

Лейдгату не показалось страннымъ, что Бюльстродъ такъ внезапно измѣнилъ свое первое рѣшеніе. Ему были извѣстны странности Бюльстрода и его нерѣшительность въ денежныхъ дѣлахъ.

Послѣ отъѣзда Лейдгата банкиръ почувствовалъ, что теперь окончательно устранена одна изъ причинъ его тревоги, однако, спокойствіе къ нему не возвращалось. Для него могло быть только одно успокоеніе—смерть Рафля... Судя по мнѣнію, высказанному Лейдгатомъ, было мало шансовъ, чтобы она послѣдовала. Часы проходили за часами, но никакой перемѣны не замѣчалось въ больномъ. Бюльстрода начинала бѣсить упорная живучесть этого чловѣка; въ его сознаніи стала зарождаться мысль объ убійствѣ. Боясь, что его одолѣетъ искушеніе, онъ рѣшилъ, что не останется съ больнымъ эту ночь и посадить вмѣсто себя м-съ Абэль.

Рафль продолжалъ страдать бессонницей и въ шесть часовъ Бюльстродъ началъ давать ему опиумъ. Черезъ полчаса онъ позвалъ м-съ Абэль и сказалъ ей, что не въ состояніи сидѣть долѣе надъ больнымъ и передаетъ его на ея попеченіе. Затѣмъ онъ подробно объяснилъ ей, въ какихъ дозахъ слѣдуетъ давать больному опиумъ. М-съ Абэль не слыхала предписаній доктора и потому спросила, нужно-ли давать больному еще что-нибудь, кромѣ опиума.

— Пока ничего, кромѣ бульона или соды. Если случится что-нибудь особенное, придите за мной. Если больной станетъ слишкомъ раздражаться, позовите своего мужа. Я лягу спать пораньше.

— Конечно, ложитесь, сэръ. Вамъ нужно подкрѣпить себя чѣмъ-нибудь.

Бюльстродъ ушелъ. Онъ уже не боялся оставить Рафля на рукахъ ключницы, потому что больной бредилъ совершенно безсвязно. Когда онъ вышелъ въ залу, ему на минуту пришло даже желаніе велѣть осѣдлатъ свою лошадь и уѣхать домой, предоставивъ все дѣло на волю божію. Потомъ онъ сталъ жалѣть, что не попросилъ Лейдгата пріѣхать вечеромъ. Можетъ быть, онъ нашель-бы теперь, что больному хуже. Не послать-ли за Лейдгатомъ? Бюльстродъ чувствовалъ, что если-бы онъ могъ знать навѣрное, что Рафлю хуже, что онъ умираетъ, онъ-бы заснулъ спокойно. Ну, а что, если ему не хуже? Что, если Лейдгаты

найдетъ, что болѣзнь идетъ нормальнымъ ходомъ, какъ онъ и ожидалъ, что больной скоро успеетъ здоровымъ сномъ и поправится. Мысль, что Лейдгаты можетъ это сказать, такъ испугала Бюльстрода, что онъ рѣшился не посылать за нимъ.

Полтора часа просидѣлъ онъ передъ каминомъ, потомъ вдругъ вскочилъ и зажегъ свѣчу, которую принесъ съ собою. Онъ вспомнилъ, что не сказалъ м-съ Абэль, когда она должна перестать давать опиумъ больному.

Подсвѣчникъ былъ уже у него въ рукѣ, но Бюльстродъ все еще стоялъ неподвижно. Можетъ быть, м-съ Абэль дала больному уже болѣе, чѣмъ слѣдовало. Но можно-ли обвинять его, Бюльстрода, за то, что, усталый, онъ забылъ сказать объ этомъ. Со свѣчей въ рукѣ, Бюльстродъ пошелъ на верхъ. Въ коридорѣ онъ остановился и повернулъ голову по направленію къ комнатѣ, гдѣ лежалъ Рафль. Онъ услышалъ, что больной бредитъ, стонетъ, значить, онъ не спитъ. Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, лучшее будетъ ничего не говорить... Онъ прошелъ прямо къ себѣ въ спальню.

Не успѣлъ онъ раздѣться, какъ м-съ Абэль осторожно постучалась къ нему; онъ пріотворилъ дверь.

— Сэръ, заговорила она шопотомъ, — нельзя-ли дать водки бѣднягѣ? Онъ говоритъ, что изнемогаетъ отъ жажды, а не хочетъ ничего пить, кромѣ водки. Опиумъ не можетъ утолить жажды. Больной говоритъ, что ему кажется, будто онъ проваливается сквозь землю.

Бъ удивленію ключницы, м-ръ Бюльстродъ ничего не отвѣчалъ. Въ немъ происходила борьба.

— Онъ умретъ отъ истощенія, если ему ничего не давать. Когда былъ боленъ мой бѣдный хозяинъ м-ръ Робиссонъ, я ходила за нимъ; ему постоянно давали портвейнъ и водку, продолжала м-съ Абэль съ легкимъ упрекомъ въ голосъ.

М-ръ Бюльстродъ все еще молчалъ.

— Не время скупиться, когда люди умираютъ, приставала ключница: — Я не думала, чтобы вы стали жалѣть для него вина, а то-бы я принесла ему нашего рома. Но вы такъ заботливо ходили за нимъ, такъ старались...

Въ пріотворенную дверь показался ключъ.

— Вотъ вамъ ключъ отъ виннаго погреба, послышался глухой голосъ м-ра Бюльстрода.—Тамъ много водки.

На другой день м-ръ Бюльстродъ всталъ часовъ въ шесть утра и, помолвившись, вышелъ въ коридоръ; изъ комнаты больного доносилось оглушительное храпѣніе. Банкртъ сошелъ на минуту въ садъ освѣжиться. Вернувшись въ комнаты, онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ м-съ Абэль и вздрогнулъ.

— Ну, что, больной спитъ? спросилъ онъ, стараясь говорить самымъ непринужденнымъ тономъ.

— Очень крѣпко, сэръ. Онъ заснулъ часу въ четвертомъ. Не зайдете-ли вы взглянуть на него. Я оставила его пока одного, мужъ ушелъ въ поле, а дѣвочка одна на кухнѣ.

Бюльстродъ вошелъ къ больному. При первомъ взглядѣ на него, онъ увидалъ, что Рафль спитъ своимъ послѣднимъ сномъ. Онъ обвелъ глазами комнату и замѣтилъ бутылку, въ которой было только нѣсколько капель водки; тутъ-же стоялъ почти порожній пузырекъ съ опиумомъ. Онъ спряталъ пузырекъ, а бутылку снесъ обратно въ погребъ и отправился завтракать. Ему пришлось было въ голову сейчасъ-же ѣхать въ Миддльмарчъ, но потому онъ рѣшилъ дожидаться лучше Лейдгата, и отпустилъ ключницу на кухню, сказавъ, что самъ посидитъ у больного.

Увѣренность, что врагъ его спокойствія спитъ своимъ предсмертнымъ сномъ, доставляла ему сильное облегченіе.

Лейдгатъ пріѣхалъ въ исходѣ десятаго, въ то время, когда Рафль былъ уже при послѣднемъ издыханіи. При видѣ умирающаго, лицо его выразило не столько изумленіе, сколько сознаніе, что онъ ошибся въ своемъ приговорѣ. Онъ нѣсколько минутъ простоялъ молча, устремивъ глаза на умирающаго.

— Когда началась эта перемѣна? спросилъ онъ наконецъ.

— Я не сидѣлъ надъ нимъ сегодня ночью, отвѣчалъ Бюльстродъ.—Я чувствовалъ себя слишкомъ утомленнымъ и оставилъ его на попеченіе м-съ Абэль. Она говоритъ, что онъ заснулъ въ четвертомъ часу. Когда я пришелъ сюда въ исходѣ восьмого, онъ былъ почти въ такомъ-же положеніи, какъ теперь.

Лейдгатъ не спросилъ ничего болѣе и продолжалъ молча стоять надъ умирающимъ. „Все кончено“, произнесъ онъ наконецъ.

Лейдгатъ въ это утро чувствовалъ себя особенно бодро. Онъ принялся за работу съ прежнимъ одушевленіемъ и смотрѣлъ очень

благодарно на темныя стороны своей семейной жизни, съ которыми теперь ему казалось не трудно помириться. Въ Бюльстродѣ онъ видѣлъ своего благодѣтеля. Но въ настоящую минуту ему сдѣлалось какъ-то не по себѣ. Онъ не ожидалъ такого исхода болѣзни, но не рѣшился разспрашивать долже Бюльстрода, чтобы не оскорбить его. Можно было, пожалуй, допросить ключницу. Но къ чему? Больной умеръ, было совершенно бесполезно допытываться, не убило-ли больного невѣжество или неосторожность? Весьма возможно, что онъ самъ ошибся.

Бюльстродъ и Лейдгаты вернулись вмѣстѣ въ Миддлмарчъ; по дорогѣ они разговаривали о холерѣ и о политикѣ; о Рафлѣ не было сказано ни одного слова, только Бюльстродъ упомянулъ вскользь, что нужно будетъ купить для него мѣсто на ловикскомъ кладбищѣ, что у бѣдняка не было никого близкихъ, кромѣ Ригга, да и съ тѣмъ онъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ.

Въ этотъ-же день къ Лейдгату зашелъ м-ръ Фербротеръ. Извѣстіе о томъ, что у Лейдгата производится опись имущества, успѣла дойти и до Ловика. Съ того вечера, когда Фербротеръ засталъ Лейдгата въ билліардной, онъ сильно тревожился на его счетъ. Онъ замѣтилъ въ немъ пережвну и приписалъ ее тому, что Лейдгата сильно беспокоятъ долги. Но Лейдгаты такъ сухо отклонилъ его первую попытку на откровенность, что онъ не рѣшился возобновить ее. Теперь, однако, узнавъ, что въ домѣ Лейдгата производится опись, викарій поборолъ свою нерѣшительность. Лейдгаты только-что отпустилъ бѣднаго пациента, въ которомъ принималъ живое участіе, и встрѣтилъ Фербротера съ самою веселою улыбкою. „Неужели онъ притворяется изъ гордости, чтобы отклонить отъ себя всякое заявленіе сочувствія, всякое предложеніе о помощи, подумалъ викарій, но все равно, я сдѣлаю, что могу“.

— Какъ вы поживаете, Лейдгаты? Я зашелъ къ вамъ потому, что до меня дошли очень непріятныя слухи на вашъ счетъ, заговорилъ онъ мягко.

— Вѣроятно, объ описи? спросилъ Лейдгаты безъ малѣйшаго смущенія, усаживая гостя.

— Да. Это правда?

— Правда, но только туча уже прошла. Долгъ уплаченъ.

Дѣла мои поправились. Я въ состояніи теперь расквитаться со всѣми своими долгами и устроить свою жизнь лучше и разумнѣе.

— Какъ я радъ, какъ я радъ! вскричалъ викарій, откидываясь на спинку стула съ видимымъ облегченіемъ.—Никакая новость въ „Times“ не могла-бы меня такъ утѣшить. Признаюсь, у меня было очень тяжело на душѣ, когда я ѣхалъ къ вамъ.

— Благодарю васъ за то, что пріѣхали, сказалъ Лейдгать дружескимъ тономъ.—Ваше вниманіе трогаетъ меня тѣмъ болѣе, что теперь я совершенно счастливъ. Мнѣ тяжело приходилось, горе оставило на мнѣ свои слѣды, но все-же я чувствую, что избавленъ отъ страшной пытки.

М-ръ Фэрбротеръ помолчалъ съ минуту и потомъ сказалъ серьезнымъ тономъ:

— Любезный Лейдгать, позвольте мнѣ задать вамъ еще одинъ вопросъ. Простите, если онъ вамъ покажется нескромнымъ. Но успокойте меня совѣмъ. Скажите, для уплаты вашихъ долговъ вы не заключили новаго долга, который еще болѣе будетъ васъ мучить?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лейдгать, слегка краснѣя.—Впрочемъ, я не вижу, почему мнѣ скрывать отъ васъ имя человѣка, ссудившаго мнѣ деньги. Бюльстродъ далъ мнѣ займа тысячу фунтовъ, съ тѣмъ, чтобы я возвратилъ ихъ ему, когда буду въ состояніи.

— Какъ это благородно съ его стороны! вскричалъ м-ръ Фэрбротеръ, вынужденный похвалить человѣка, къ которому никогда не питалъ симпатіи.—Впрочемъ, прибавилъ онъ, — Бюльстродъ долженъ былъ принять въ васъ участіе, потому что доходы ваши сократились благодаря только тому, что вы занимались у него въ госпиталѣ. Очень пріятно слышать, что онъ поступилъ, какъ требовала справедливость.

Лейдгату стало какъ-то неловко отъ такого толкованія поступка Бюльстрода. Въ умѣ его все сильнѣе и сильнѣе зарождалось подозрѣніе, что внезапная щедрость Бюльстрода была вызвана эгоистическими соображеніями.

Не отвѣтивъ ничего на замѣчаніе викарія, онъ сталъ говорить о томъ, какъ намѣренъ теперь устроить свою жизнь.

— Я заведу аптеку, сказалъ онъ.—Я вижу, что въ этомъ отношеніи я сдѣлалъ промахъ. Если Розамунда согласится, то я возьму себѣ ученика, такъ-какъ мнѣ вовсе не по сердцу самому

заниматься составленіемъ лекарствъ. Мнѣ нелегко далось начало моеи дѣятельности; за то теперь я буду благодушнѣ относиться къ мелкимъ непріятностямъ.

Бѣдный Лейдгатъ! „Если Розамунда согласится“, — эти слова, невольно сорвавшіяся у него съ языка, ясно свидѣтельствовали о лежавшемъ на немъ семейномъ гнетѣ. Но м-ръ Фэрбротэръ, обрадованный тѣмъ, что дѣла Лейдгата поправились, ничего не замѣтилъ и ушелъ отъ него вполне довольный и счастливый.

ГЛАВА LXXI.

Черезъ пять дней послѣ смерти Рафля м-ръ Бэмбриджъ стоялъ подъ воротами двора „Зеленаго Дракона“. Онъ только-что вышелъ изъ гостинницы и зналъ, что, остановясь здѣсь, навѣрное соберетъ около себя публику. М-ръ Гопкинсъ, смиренный хозяинъ лавки съ краснымъ товаромъ напротивъ гостинницы, первый поддался искушенію поговорить съ мужчиной, что ему рѣдко удавалось, такъ-какъ его похвалателями были преимущественно женщины. М-ръ Бэмбриджъ заговорилъ съ м-ромъ Гопкинсомъ нехотя: онъ понималъ, что для Гопкинса, конечно, большая честь говорить съ нимъ, но ему-то не подѣло стать тратить свое краснорѣчіе передъ какимъ-нибудь Гопкинсомъ. Скоро, однако, около него собрался кружокъ болѣе почтенныхъ личностей, и м-ръ Бэмбриджъ пустился рассказывать о своей поѣздкѣ на сѣверъ, откуда онъ только-что вернулся, о великолѣпныхъ конскихъ заводахъ, которые онъ тамъ видѣлъ, и о драгоценныхъ приобрѣтеніяхъ по части лошадей, которыя онъ тамъ сдѣлалъ.

Разговоръ шелъ самый оживленный, когда къ кучкѣ подошелъ Франкъ Гоули. Онъ, конечно, не сталъ-бы компрометировать своего достоинства посѣщеніемъ „Зеленаго Дракона“, но, проходя случайно по Гай-Стриту и замѣтивъ на противоположной сторонѣ Бэмбриджа, подошелъ къ нему, чтобы узнать, досталъ-ли онъ ему лошадь для одноколки. Бэмбриджъ попросилъ его осмотрѣть сѣрую лошадь, которую онъ купилъ въ Вильблѣи. Если эта лошадь не придется по вкусу м-ру Гоули, то онъ, Бэмбриджъ, не понимаетъ толку въ лошадяхъ, — предположеніе, очевидно, бессмысленное. М-ръ Гоули остановился въ раздумьѣ, ка-

кой ему день назначить для осмотра лошадей; въ эту минуту мимо разговаривавшихъ проѣхалъ какой-то господинъ верхомъ.

— Бюльстродъ! замѣтили нѣсколько голосовъ такимъ-же равнодушнымъ тономъ, какимъ-бы они сказали: роверстонскій дилижансъ. М-ръ Гоули подарилъ Бюльстрода небрежнымъ взглядомъ въ спину, но на лицѣ Вэмбриджа появилась, при видѣ банкира, саркастическая гримаса.

— Вотъ кстати, сказалъ онъ, понижая голосъ. — Знаете-ли, что въ Билькли мнѣ удалось не только достать вамъ лошадь, м-ръ Гоули, но и узнать очень любопытную исторію на счетъ Бюльстрода. Знаете-ли, какимъ образомъ онъ разбогатѣлъ? Я могу даромъ сообщить объ этомъ джентльменамъ, охотникамъ до курьезныхъ исторій. Если-бы всякому воздавалось по заслугамъ, Бюльстроду приходилось-бы теперь молиться Богу не здѣсь, а въ Ботанибеѣ.

— Какъ такъ? спросилъ м-ръ Гоули, закладывая руки въ карманы и подходя подъ самые ворота. Если Бюльстродъ оказывается мазурикомъ, то онъ, м-ръ Гоули, можетъ гордиться своимъ даромъ прозорливости.

— Мнѣ рассказалъ обо всемъ одинъ старый пріятель Бюльстрода. Въ первый разъ я увидѣлъ его на аукціонѣ у Ларчера, но тогда я не зналъ, кто это такой... онъ проскользнулъ у меня сквозь пальцы: вѣроятно, отправился къ Бюльстроду. Онъ говорилъ мнѣ тогда, что можетъ содрать съ Бюльстрода сколько угодно, что онъ знаетъ всѣ его тайны. Въ Билькли онъ разболталъ мнѣ все за стаканомъ водки. Одно только въ немъ неприятно, что онъ ужъ черезчуръ хвастунъ; всему надо знать мѣру.

И м-ръ Вэмбриджъ скорчилъ презрительную гримасу.

— Какъ зовутъ этого человѣка? Гдѣ онъ? спросилъ м-ръ Гоули.

— Я оставилъ его въ „Сарадиновой Головъ“; зовутъ его Рафль.

— Рафль? вскричалъ м-ръ Гопкинсъ. — Я вчера поставлялъ траурныя матеріи для его похоронъ. Его вчера похоронили въ Ловикѣ. М-ръ Бюльстродъ шелъ за гробомъ. Похороны были очень приличныя.

Это извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе на публику. М-ръ

Вэмбриджъ разразился ругательствами, а м-ръ Гоули, наморщивъ лобъ, выдвинулся впередъ и воскликнулъ:

— Какъ? гдѣ онъ умеръ?

— Въ Стон-Кортѣ. Ключница говорила мнѣ, что онъ съ родни Бьюлстроуду. Онъ пріѣхалъ въ пятницу совсѣмъ больной.

— Въ среду я пилъ вмѣстѣ съ нимъ, замѣтилъ м-ръ Вэмбриджъ.

— Призывали къ нему доктора? продолжалъ допрашивать м-ръ Гоули.

— Да, м-ра Лейдгата. М-ръ Бьюлстродъ просидѣлъ надъ больнымъ цѣлую ночь. Онъ умеръ на третій день утромъ.

— Ну, Вэмбриджъ, обратился Гоули къ торговцу лошадами, — расскажите намъ, что говорилъ вамъ этотъ человѣкъ про Бьюлстрода.

Публики набралось уже порядочно; присутствіе клерка городского совѣта свидѣтельствовало, что рѣчь идетъ о чемъ-то интересномъ; при всей этой публикѣ м-ръ Вэмбриджъ рассказалъ именно то, разоблаченія чего такъ боялся Бьюлстродъ и что считалъ уже погребеннымъ вмѣстѣ съ Рафлемъ.

Скоро эта исторія стала извѣстна всему Миддльмарчу. М-ръ Франкъ Гоули взялъ на себя обязанность слѣдователя и отправилъ клерка въ Стон-Кортъ подѣ предлогомъ покупки сѣна, на самомъ-же дѣлѣ за тѣмъ, чтобы повспросить у м-съ Абэль подробности о Рафлѣ и его болѣзни. Онъ узналъ этимъ путемъ, что м-ръ Гартъ привезъ Рафля въ Стон-Кортъ въ своей одноколкѣ. Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, м-ръ Гоули зашелъ въ контору къ Калэбу спросить его, не возьметъ-ли онъ на себя роль третейскаго судьи по одному дѣлу, и между прочимъ разговорился съ нимъ о Рафлѣ. Калэбъ не позволилъ себѣ сказать ни одного слова, которое могло-бы бросить тѣнь на Бьюлстрода, но вынужденъ былъ признаться, что не завѣдуетъ болѣе его дѣлами. М-ръ Гоули вывелъ изъ этого факта то заключеніе, что Рафль рассказалъ все Гарту и Гартъ послѣ его разказа отказался отъ завѣдыванія дѣлами Бьюлстрода; догадку эту онъ высказалъ тогда-же м-ру Толлеру. Переходя изъ устъ въ уста, она скоро потеряла форму простой догадки и пошла въ ходъ за извѣстіе, исходящее непосредственно отъ самого Гарта,

такъ что самый добросовѣстный историкъ призналъ-бы Калеба за главнаго виновника разглашенія позора Бюльстрода.

М-ръ Гоули скоро убѣдился, что ни въ разоблаченіяхъ, сдѣланныхъ Рафлемъ, ни въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ смерть его, не было ничего, что могло-бы подвергнуть Бюльстрода отвѣтственности передъ закономъ. Онъ съѣздилъ въ Ловивъ посмотрѣть метрическую книгу и потолковать объ этой исторіи съ м-ромъ Фэрбротэромъ. Того также не мало удивило извѣстіе о разоблаченіи позорной для Бюльстрода тайны его прошлой жизни, хотя онъ никогда не позволялъ себѣ увлечься своей антипатіей до построенія какихъ-нибудь догадокъ. Но разговоръ съ м-ромъ Гоули навелъ Фэрбротэра на очень грустныя соображенія. Въ умѣ его промелькнула мысль, что такъ-какъ Бюльстродъ имѣлъ причины бояться Рафля, то этимъ страхомъ объясняется щедрость его къ своему доктору. Не допуская мысли, чтобы Лейдгаты сознательно поддались на подкупъ, Фэрбротэръ тѣмъ не менѣе предчувствовалъ, что неожиданное сдѣленіе обстоятельствъ можетъ серьезно повредить его репутаціи. Гоули, очевидно, еще не зналъ о томъ, что Лейдгаты расплатились со всѣми своими долгами, и викарій тщательно избѣгалъ малѣйшихъ намековъ на этотъ предметъ.

М-ръ Гоули уѣхалъ отъ него съ убѣжденіемъ, что приглашеніе Лейдгата лечить Рафля служило свидѣтельствомъ въ пользу Бюльстрода. Но слухъ о томъ, что Лейдгаты не только избавились отъ описи, но и уплатили всѣ свои долги, не замедлилъ распространиться въ Миддльмарчѣ. Въ толкахъ и коментаріяхъ, по обыкновенію, недостатка не было. Проницательные люди тотчасъ-же увидѣли знаменательную связь между этимъ фактомъ и желаніемъ Бюльстрода обуздать языкъ Рафля. Догадаться, что Лейдгаты получили деньги отъ Бюльстрода, было не хитро даже и при отсутствіи всякихъ положительныхъ доказательствъ. А тутъ были и положительныя доказательства въ лицѣ банковаго клерка и самой простодушной м-съ Бюльстродъ, рассказавшей о займѣ, сдѣланномъ Лейдгатомъ у ея мужа, м-съ Плаймдэль, которая, въ свою очередь, передала объ этомъ своей невѣсткѣ, уржденной Толлеръ, а отъ той узналъ объ этомъ весь городъ. Дѣло показалось миддльмарчцамъ настолько серьезнымъ, такъ близко затрагивающимъ ихъ общественные интересы, что по поводу его

стали устраиваться обѣды; дамы чаще прежняго собирались съ работами другъ къ другу на чай; во всѣхъ ресторанахъ, начиная съ „Зеленаго Дракона“ и кончая „Доллопомъ“, было замѣтно оживленіе, котораго не въ состояніи былъ возбудить вопросъ о томъ, пройдетъ или не пройдетъ билль о реформѣ въ палатѣ лордовъ.

Всѣ были убѣждены, что щедрость Бюльстрода къ Лейдгату исходила изъ мотивовъ самого неблагоприятнаго свойства. М-ръ Гоули пригласилъ къ себѣ избранное общество и между прочимъ докторовъ Толлера и Вренча, специально съ цѣлю изслѣдовать вѣроятныя причины смерти Рафля. Онъ сообщилъ докторамъ всѣ подробности болѣзни, описанныя м-сь Абэль, и удостовѣреніе Лейдгата въ томъ, что больной умеръ отъ бѣлой горячки. Оба доктора, державшіеся старой системы леченія этой болѣзни, не нашли въ переданныхъ имъ подробностяхъ ничего, что могло бы подать фактическій поводъ къ подозрѣнію. Но нравственный поводъ оставался: Бюльстродъ, очевидно, имѣлъ самыя серьезныя основанія желать избавленія себя отъ Рафля и въ эту критическую минуту онъ оказалъ Лейдгату пособіе, въ которомъ тотъ давно уже нуждался. Если даже деньги были даны только съ цѣлю завязать Лейдгату ротъ относительно скандальнаго прошлаго Бюльстрода, то и въ такомъ случаѣ этотъ фактъ бросалъ самый невыгодный свѣтъ на молодого доктора, котораго и прежде уже упрекали въ угодничествѣ передъ банкиромъ съ цѣлю добиться вліятельнаго положенія и подорвать кредитъ старшихъ собратій своихъ по профессіи.

Поэтому, не смотря на отсутствіе всякаго положительнаго указанія на насильственную смерть Рафля, избранное общество, собравшееся у м-ра Гоули, разошлось, порѣшивъ, что дѣло имѣетъ „очень некрасивый видъ“.

Весь городъ толковалъ о дѣлѣ Бюльстрода. Положительнаго никто ничего не зналъ, за то для догадокъ открывалось широкое поле.

Такое положеніе дѣла было особенно по сердцу м-сь Доллопъ, остроумной содержательницы трактира „Танкардъ“ въ Слаутер-Лэнѣ. Она передавала своимъ посѣтителямъ за несомнѣнную истину, будто Бюльстродъ сказалъ разъ, что его душа такъ черна,

что если-бы волосы на головѣ его знали, какія мысли закрадываются ему въ душу, онъ-бы вырвалъ ихъ всё до одного.

— Странно, замѣтилъ м-ръ Лимпъ, задумчивый башмачникъ съ подслѣповатыми глазами и пискливымъ голосомъ,—я читалъ въ „Трубѣ“, что это сказалъ герцогъ Веллингтонъ.

— Очень можетъ быть, согласилась м-съ Доллопъ.—Если одинъ негодяй выразился такимъ образомъ, то другому оно было тѣмъ естественнѣе.

— Я слышалъ, замѣтилъ м-ръ Кробби, стекольщикъ, знавшій всегда кучу новостей,—что Бьюлстроудъ хотѣлъ убѣжать отсюда.

— Волей-неволей онъ долженъ будетъ уѣхать, вмѣшался парикмахеръ Дилль.—Я бралъ сегодня Флечера, клерка Гоули, и онъ говоритъ, что они всё рѣшили прогнать м-ра Бьюлстроуда. Всѣ джентльмены въ одинъ голосъ говорятъ, что они охотнѣе съдутъ за одинъ столъ съ каторжникомъ, чѣмъ съ нимъ. И я вполне согласенъ съ ними, говорилъ мнѣ Флечеръ, можетъ-ли перевариться пища, когда рядомъ съ вами сидятъ человѣкъ, тычащій всѣмъ въ носъ своею набожностью, находящій, что для него мало десяти заповѣдей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ хуже всякаго галерника.

— Для города будетъ невыгодно, если деньги Бьюлстроуда уйдутъ изъ него, замѣтилъ м-ръ Лимпъ робко.

— Да вѣдь деньги-то не останутся у него, какъ я слышалъ, заговорилъ снова стекольщикъ.— Говорятъ, что кто-то можетъ взять ихъ у него, если дѣло дойдетъ до суда.

— Пустяки! возразилъ парикмахеръ,—Флечеръ говоритъ, что это вздоръ, что если-бы даже было доказано, какъ дважды два четыре, чей сынъ молодой Владиславъ, то все-таки онъ не получилъ-бы ни пенни.

— Превосходно! вознегодовала м-съ Доллопъ.—Если у насъ такіе законы, то мнѣ остается только благодарить Господа за то, что онъ взялъ къ себѣ моихъ дѣтей. Значитъ, все равно, кто-бы ни былъ вашимъ отцомъ и вашей матерью. Но я удивляюсь, м-ръ Дилль, какъ вы, съ вашимъ умомъ, повѣрили одному адвокату, не поговоривъ съ другимъ. Извѣстно, что законъ всегда имѣетъ двѣ стороны, если не больше, иначе, ктоже-бы сталъ судиться? Къ чему-же законы, если все равно, чей вы сынъ. Флечеръ мо-

жетъ говорить, что ему угодно, для меня его слова ровно ничего не значать.

М-ръ Дилль любезно усмѣхнулся; онъ очень снисходительно относился къ трактирщицѣ, которой былъ много долженъ.

— Если дойдетъ до суда, такъ тутъ дѣло будетъ посерьезнѣе денегъ. Въ домѣ у Бюльстрода умеръ этотъ несчастный; я слыхалъ, что было время, когда онъ былъ джентльменомъ почище Бюльстрода.

— Еще-бы! поддакнула м-съ Доллопъ,—и гораздо болѣе общительнымъ человекомъ. Когда м-ръ Бальдвинъ, сборщикъ податей, пришелъ ко мнѣ и говоритъ: „Бюльстродъ разжился кражей и мошенничествомъ“, я ему прямо отвѣчала: меня это нисколько не удивляетъ; я не могла глядѣть на него равнодушно съ того самаго времени, когда онъ пріѣзжалъ въ Слоутер-Лэнь купить домъ около меня; когда у людей такой цвѣтъ лица, какъ у выходцевъ съ того свѣта, и они плятъ на васъ глаза, какъ будто хотятъ видѣть васъ насквозь, такъ это уже не спроста. М-ръ Бальдвинъ можетъ засвидѣтельствовать, что я ему это говорила.

— И говорила совершенно справедливо, замѣтилъ м-ръ Крабби.—Я слышалъ, этотъ Рафль былъ крѣпкій, краснощекій человекъ и превеселый собутыльникъ, а теперь онъ лежитъ уже на ловикскомъ кладбищѣ; я слыхалъ, что есть люди, которые знаютъ о его смерти болѣе, чѣмъ-бы слѣдовало.

— Еще-бы, подхватила м-съ Доллопъ съ легкимъ оттѣнкомъ презрѣнія къ несообразности м-ра Крабби. — Человекъ увлекаютъ въ уединенный домъ; люди, которые могутъ содержать госпиталь и сидѣлокъ для половины округа, сидятъ надъ нимъ сами день и ночь; къ нему никого не пускаютъ, кромѣ доктора, который ровно ничего не смыслить и не имѣетъ ни копейки за душой, и вдругъ послѣ этого у него оказывается столько денегъ, что онъ уплачиваетъ весь свой долгъ сполна мяснику Бейльсу, у котораго забиралъ безъ денегъ больше года; и послѣ этого мнѣ еще стануть говорить, что, кажется, что-то не ладно. Я и сама могу сообразить, въ чемъ дѣло.

М-съ Доллопъ обвела все общество гордымъ взглядомъ. Слова ея встрѣтили шумное одобреніе со стороны болѣе мужествен-

и ихъ посѣтителей ея трактира; но м-ръ Лимпъ, отпивъ глотокъ изъ своего стакана, сложилъ руки и сжалъ ихъ между колѣнъ, уставившись неподвижно въ одну точку, какъ будто сила краснорѣчія м-съ Доллопъ изсушила его мозгъ, такъ что его нужно было поскорѣе смочить виномъ.

— Отчего они не вырыли трупу и не потребовали слѣдователя? сказалъ красильщикъ.— Это часто дѣлають. Если тутъ было что-нибудь не чисто, все-бы сейчасъ вышло на свѣжую воду.

— Ну, нѣтъ, м-ръ Джонасъ! возразила м-съ Доллопъ съ жаромъ.— Я знаю, каковы доктора; они такъ хитро устраивають дѣла, что ничего не разберешь. Не даромъ этотъ докторъ Лейдгата рѣзалъ людей, которые еще не успѣли остыть. Онъ знаетъ такія снадобья, которыхъ вы не различите ни глазами, ни носомъ. Я сама видѣла капли, прописанныя нашимъ клубнымъ докторомъ Гамбитомъ, — прекраснѣйшій человекъ, — накапаешь ихъ въ стаканъ воды, все равно что ихъ и нѣтъ, а на завтра васъ и прийметъ. Такъ тутъ, значить, и толковать нечего. Я говорю только, слава Богу, что этого доктора Лейдгата не сдѣлали нашимъ клубнымъ докторомъ.

Подобнаго рода толки дошли и до ловинскаго пастората, и до Типтон-Грэнжа, и до семейства Винци; всѣ друзья м-съ Бюльстродъ сожалѣли о бѣдной Геріэтъ, а Лейдгата и не подозрѣвалъ, отчего всѣ такъ странно поглядываютъ на него; Бюльстродъ также былъ вполне увѣренъ, что тайна его схоронена. Онъ никогда не былъ въ особенно короткихъ отношеніяхъ съ своими сосѣдями и потому теперь не замѣчалъ въ нихъ никакой перемѣны. Къ тому-же онъ нѣсколько разъ уѣзжалъ изъ города по дѣламъ: онъ рѣшился остаться въ Миддльмарчѣ.

— Мы съѣдимъ недѣль на шесть въ Чельтенгамъ, въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ или въ будущемъ, говорилъ онъ женѣ.— Этотъ городъ представляетъ всевозможныя удобства, какъ въ религіозномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи климата. Поѣздка туда освѣжитъ насъ.

Онъ продолжалъ заботиться о своемъ душевномъ спасеніи, рѣшившись сдѣлаться еще набожнѣе, чтобы загладить грѣхъ, въ которомъ онъ, впрочемъ, признавалъ себя виновнымъ чисто условно и, моли Бога о прощеніи, постоянно приговаривалъ: „Если

я согрѣшилъ“. О госпиталѣ онъ болѣе не говорилъ ни слова съ Лейдгатомъ, боясь обнаружить слишкомъ внезапную переменъ въ своихъ планахъ тотчасъ послѣ смерти Рафля. Втайнѣ онъ былъ убѣжденъ, что Лейдгатъ подозрѣвалъ, что его предписанія были умышленно нарушены, и догадывался отчасти почему. Но Лейдгатъ ничего не могъ знать навѣрно, и потому Бюльстродъ тщательно избѣгалъ всего, что могло дать новую пищу неопредѣленнымъ подозрѣніямъ доктора. Относительно его онъ чувствовалъ себя совершенно безопаснымъ.

Между тѣмъ представители избраннаго мидльмарчскаго общества задумали привести въ исполненіе весьма энергическую мѣру.

Въ городской ратушѣ долженъ былъ собраться митингъ по одному санитарному вопросу, выступившему на первый планъ когда обнаружился въ городѣ первый холерный случай. Со времени изданія парламентскаго акта, разрѣшавшаго установленіе новыхъ налоговъ для проведенія различныхъ санитарныхъ мѣръ, въ Мидльмарчѣ былъ учрежденъ комитетъ для наблюденія за приведеніемъ этихъ мѣръ въ исполненіе. Въ настоящую минуту стоялъ на очереди вопросъ, на какія средства пріобрѣсть за городомъ землю подъ новое кладбище: путемъ-ли налога или частной подписки. Митингъ былъ публичный и на него ожидали всѣхъ, кто пользовался какимъ-нибудь значеніемъ въ городѣ.

М-ръ Бюльстродъ былъ членомъ комитета и въ двѣнадцать часовъ вышелъ изъ банка, чтобы идти на митингъ, гдѣ думалъ подать голосъ за частную подписку. Занятый своими личными дѣлами, онъ за послѣднее время отстранился отъ всякой общественной дѣятельности; въ этотъ день ему предстояло снова занять положеніе человѣка дѣятельнаго и вліятельнаго въ вопросахъ, касавшихся города, гдѣ онъ думалъ жить до самой смерти. По дорогѣ онъ встрѣтилъ Лейдгата, тоже идущаго на митингъ; они пошли вмѣстѣ, разговаривая о предметѣ предстоящаго митинга, и вмѣстѣ вошли въ залу.

Всѣ вліятельныя лица въ городѣ были уже тамъ. За столомъ, однакожь, оставались незанятыя мѣста; Бюльстродъ и Лейдгатъ направились къ нимъ. М-ръ Фэрбротаръ сидѣлъ неподалеку отъ м-ра Гоули, всѣ доктора были на лицо, пасторъ, м-ръ Тезигеръ, занималъ предсѣдательское мѣсто, м-ръ Брукъ сидѣлъ по правую руку отъ него.

Лейдгать замѣтилъ, что когда онъ и Бюльстродъ заняли свои мѣста, всѣ присутствовавшіе многозначительно переглянулись.

Митингъ открылся рѣчью предсѣдателя, доказывавшаго всю выгоду приобрѣтенія путемъ частной подписки участка земли такихъ размѣровъ, чтобы впослѣдствіи на немъ можно было хоронить не только умершихъ отъ холеры, но и всѣхъ другихъ покойниковъ. Затѣмъ Бюльстродъ поднялся съ своего мѣста и попросилъ слова. Лейдгать снова замѣтилъ, что всѣ переглянулись. Въ то-же время всталъ м-ръ Гоули и сказалъ громкимъ голосомъ:

— Г. предсѣдатель, я прошу позволенія до начала преній сказать нѣсколько словъ по частному вопросу, который я и многіе изъ присутствующихъ здѣсь джентльменовъ считаемъ вопросомъ первостепенной важности, такъ-какъ онъ затрагиваетъ общественную совѣсть.

М-ръ Тезигеръ далъ свое согласіе оратору, м-ръ Бюльстродъ сѣлъ, а м-ръ Гоули продолжалъ:

— Я буду говорить, г. предсѣдатель, не только отъ своего имени, но отъ имени и по просьбѣ весьма многихъ изъ моихъ согражданъ, сидящихъ тутъ-же за столомъ. Мы всѣ желаемъ, чтобы м-ру Бюльстроду предложено было,—я теперь обращаюсь уже лично къ нему,—отказаться отъ общественныхъ должностей, которыя онъ занимаетъ не просто въ качествѣ плательщика налоговъ, но и въ качествѣ джентльмена. Есть извѣстнаго рода поступки, извѣстнаго рода дѣянія, не наказуемые по закону, хотя на самомъ дѣлѣ они хуже многихъ изъ проступковъ, караемыхъ имъ. Честные люди и джентльмены, не желающіе имѣть ничего общаго съ людьми, совершающими подобныя дѣянія, должны обороняться отъ нихъ собственными средствами; я и друзья мои или, вѣришь, кліенты мои по настоящему дѣлу рѣшились прибѣгнуть къ подобнаго рода оборонѣ. Я не говорю, чтобы м-ръ Бюльстродъ совершилъ какое-нибудь преступленіе, но я приглашаю его публично опровергнуть скандальныя свѣденія, сообщенныя лицомъ уже умершимъ въ его собственномъ домѣ,—свѣденія о томъ, что онъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ участникомъ одного грязнаго предпріятія и приобрѣлъ себѣ богатство нечестными путями, или-же въ случаѣ, если онъ не можетъ этого опровергнуть, сло-

жить съ себя должности, которыя были предоставлены ему только какъ джентльмену среди джентльменовъ.

Глаза всѣхъ присутствующихъ были обращены на Бюльстрода, который переживалъ въ эти минуты страшный нравственный кризисъ. Лейдгать, самъ потрясенный страшнымъ разоблаченіемъ, которое бросало такой ужасный свѣтъ на услугу, оказанную ему Бюльстродомъ, при взглядѣ на помертвѣлое лицо банкира, почувствовалъ, что приливъ ненависти къ этому человѣку парализуется въ немъ заботливостью врача о больномъ.

И такъ все было кончено для Бюльстрода: онъ былъ опозоренъ, вынужденъ опустить глаза передъ тѣми, кого до сихъ поръ постоянно обличалъ; Богъ отрекся отъ него передъ лицомъ людей, оставилъ его беззащитнымъ на жертву злораднато презрѣнія людей, давно ненавидѣвшихъ его; всѣ сдѣлки съ соувѣстью оказались напрасными: онъ обращался теперь противъ него-же самого... все это промелькнуло въ его головѣ, охватывая сердце ужасомъ. Но инстинктъ самосохраненія былъ силенъ въ этомъ человѣкѣ. Еще м-ръ Гоули не успѣлъ окончить своей рѣчи, какъ Бюльстродъ рѣшилъ, что отвѣтитъ ему и что отвѣтъ его будетъ вызовомъ.

Мертвое молчаніе воцарилось въ залѣ, когда Гоули сѣлъ на свое мѣсто; всѣ смотрѣли на Бюльстрода. Онъ сидѣлъ неподвижно, отклонившись къ спинѣ стула, онъ не рискнулъ встать и ухватился обѣими руками за кресло, когда началъ говорить. Но голосъ его былъ вятенъ, хотя нѣсколько хриплъ, и онъ отчетливо произносилъ каждое слово, хотя останавливался послѣ каждой фразы, какъ будто у него не хватало воздуха. При началѣ своей рѣчи онъ обратился къ м-ру Тезигеру, а потомъ взглядъ его устремился на м-ра Гоули.

— Я обращаюсь къ вамъ, сэръ, какъ къ христіанскому священнику съ протестомъ; вы не можете дать свое одобреніе поступку, вызванному ядовитой ненавистью ко мнѣ. Враги мои готовы вѣрить всякому пасквилю, распущенному обо мнѣ разнузданнымъ языкомъ. Ихъ совѣсть возмущается противъ меня. Клевета, которой я сдѣлался жертвою, обвиняетъ меня въ нечестныхъ поступкахъ—(здѣсь Бюльстродъ возвысилъ голосъ)—но кто-же является противъ меня обвинителемъ? Неужели люди, которые сами ведутъ жизнь нехристіанскую, скандальную,—люди,

употребляющіе гнусныя орудія для достиженія своихъ цѣлей,—люди, профессія которыхъ состоитъ изъ крючкотворства, которые тратятъ свое состояніе на чувственныя наслажденія, тогда какъ я отдаю все, что я имѣю, на служеніе благороднѣйшимъ цѣлямъ этой жизни и будущей!

Слово „крючкотворство“ вызвало въ залѣ ропотъ и свистки, которые не умолкали до конца рѣчи банкира. М-ръ Гоули, м-ръ Толлеръ, м-ръ Чичли и м-ръ Габбютъ разомъ вскочили съ своихъ мѣстъ, чтобы отвѣчать, но м-ръ Гоули успѣлъ заговорить первый.

— Если вы намекаете на меня, сэръ, то я предлагаю вамъ и всякому, кто этого пожелаетъ, прослѣдить мою дѣятельность. На ваше обвиненіе въ нехристіанскомъ образѣ жизни я скажу, что ненавижу ваше лицемерное ханжество; что-же касается до способа, какимъ я трачу свое состояніе, то я скажу одно: въ принципы мои не входитъ поддерживать воровъ, отнимать у людей слѣдующее имъ по праву наслѣдства, въ видахъ служенія религіи, и разыгрывать роль аскета. Я не хвастаюсь особеннымъ ригоризмомъ, у меня нѣтъ особенныхъ мѣрокъ для оцѣнки вашихъ поступковъ, сэръ. Но я опять-таки приглашаю васъ или дать удовлетворительное объясненіе относительно ходящихъ про васъ скандальныхъ слуховъ, или-же сложить съ себя должности, такъ какъ мы не намѣрены долѣе имѣть васъ своимъ товарищемъ. Повторяю, сэръ, мы не хотимъ работать съ человѣкомъ, репутація котораго загрязнена не только ходящими о немъ слухами, но и недавними его поступками.

— Позвольте, м-ръ Гоули, вмѣшался предсѣдатель.

М-ръ Гоули, съ пѣною у рта, нетерпѣливо поклонился и сѣлъ, засунувъ руки въ карманы.

— М-ръ Бюльстродъ, я полагаю, неудобно продолжать здѣсь этотъ споръ, сказалъ м-ръ Тезигеръ, обращаясь къ блѣдному, дрожавшему банкиру.—Въ виду заявленія, сдѣланнаго м-ромъ Гоули согласно общему желанію, я нахожу, что вы обязаны очистить себя, если возможно, отъ ходящихъ на вашъ счетъ клеветъ. Я, съ своей стороны, готовъ предоставить вамъ полную возможность объясниться. Но я вынужденъ сознаться, что ваше поведеніе въ настоящую минуту несовмѣстимо съ принципами, которые вы старались отождествить съ собою,—принципами, ко-

торше я обязанъ отстаивать. Приглашаю васъ въ настоящую минуту, какъ вашъ священникъ, какъ человекъ, надѣющійся, что вы возстановите себя во всеобщемъ уваженіи, оставивъ эту залу и не мѣшать очереднымъ занятіямъ.

Послѣ минутнаго колебанія Бюльстродъ взялъ съ полу шляпу и медленно поднялся съ мѣста, но тотчасъ-же ухватился дрожащею рукою за спину кресла. Лейдгаты видѣлъ, что у него не достанетъ силы выйти безъ посторонней помощи. Что ему было дѣлать? Могъ-ли онъ оставить безпомощнымъ человека въ такомъ положеніи. Онъ всталъ, подаль руку м-ру Бюльстроду и вывелъ его изъ залы. Страшно тяжело было ему выполнять этотъ долгъ простого состраданія. Онъ чувствовалъ, что этимъ онъ самъ какъ будто свидѣтельствуешь о союзѣ своемъ съ Бюльстродомъ,—союзѣ, все значеніе котораго теперь въ первый разъ представилось ему въ томъ свѣтѣ, въ какомъ другіе смотрѣли на него. Онъ попялъ теперь, что этотъ человекъ, безпомощно опирающійся на его руку, далъ ему 1000 фунтовъ, какъ взятку, что въ леченіи Рафля были умышленно сдѣланы какія-нибудь упущенія, и что весь городъ знаетъ о томъ, что онъ получилъ отъ Бюльстрода деньги, и знаетъ, что эти деньги были взяткой.

Потрясенный этимъ страшнымъ открытіемъ Лейдгаты тѣмъ не менѣе считалъ своею нравственною обязанностью проводить Бюльстрода до самаго дома.

Вопросъ, по поводу котораго собрался митингъ, былъ разрѣшенъ весьма скоро и уступилъ мѣсто оживленнымъ толкамъ по поводу Бюльстрода и Лейдгаты. М-ръ Брукъ, слыхавшій объ этомъ дѣлѣ только мелькомъ и сильно встревоженный тѣмъ, что скомпрометировалъ себя, поддерживая Бюльстрода, распросилъ обо всемъ досконально и нашелъ нѣкоторое утѣшеніе въ разговорѣ съ Фэрбротеромъ о томъ печальномъ свѣтѣ, которое это дѣло бросаетъ на Лейдгаты. М-ръ Фэрбротеръ собирался обратно въ Ловиѣ пѣшкомъ.

— Садитесь ко мнѣ въ коляску, предложилъ м-ръ Брукъ.— Я ѣду къ м-съ Казобонъ. Она вчера вечеромъ вернулась изъ Юркшейра. Ей будетъ очень пріятно повидаться съ вами.

Они поѣхали; м-ръ Брукъ продолжалъ болтать безъ умолку; онъ высказывалъ надежду, что поведеніе Лейдгаты не было такъ черно, какъ кажется; Лейдгаты казался такимъ недюжиннымъ

человѣкомъ, когда прѣхалъ къ нимъ въ городъ съ письмомъ отъ своего дядюшки, сэра Годвина. М-ръ Фэрбротэръ не говорилъ почти ни слова, онъ былъ мраченъ; хорошо зная человѣческую слабость, онъ не былъ увѣренъ, что Лейдгаты не палъ подъ гнетомъ тяжелой крайности.

Доротея вышла къ нимъ на встрѣчу.

— Мы къ тебѣ, моя милая, прямо съ санитарнаго митинга, заговорилъ м-ръ Брукъ.

— А что, м-ръ Лейдгаты былъ тамъ? спросила Доротея. Лицо ея дышало здоровьемъ и оживленіемъ.—Мнѣ нужно съ нимъ повидаться по поводу госпиталя. Я обѣщала м-ру Бюль-строду поговорить съ нимъ.

— О, милая моя, отвѣчалъ м-ръ Брукъ,—мы принесли очень дурныя новости, понимаешь, очень дурныя новости.

Они пошли по дорожкѣ, которая вела къ пасторату, такъ какъ Фэрбротэру хотѣлось сейчасъ-же вернуться домой; Брукъ дорогой рассказалъ Доротеѣ печальную исторію, волновавшую теперь весь городъ.

Она слушала съ самымъ живымъ участіемъ и два раза заставляла повторить себѣ все, что касалось Лейдгата. Дослушавъ до конца, она помолчала нѣсколько минутъ, но когда они дошли до воротъ пастората, она обернулась къ м-ру Фэрбротэру и сказала съ жаромъ:

— Вы вѣдь не вѣрите, что м-ръ Лейдгаты способенъ на какую-нибудь низость? Я этому никогда не повѣрю. Разузнаемъ всю правду и очистимъ его въ глазахъ общества.

КНИГА VIII.

Солнце закатилось и снова возшло.

ГЛАВА LXXII.

Доротея, въ порывѣ великодушія, готова была принять на себя защиту Лейдгата противъ павшаго на него подозрѣнія, что онъ получилъ отъ Бьюлстрода деньги въ видѣ взятки; но порывъ этотъ былъ сильно парализованъ ж-ромъ Фэрботэромъ, взглянувшимъ на обстоятельства дѣла съ точки зрѣнія человѣка опытнаго.

— Это чрезвычайно щекотливый вопросъ, говорилъ онъ ей. — Разсудите сами, какимъ путемъ мы можемъ добраться до истины? Для этого нужно: или формальное слѣдствіе, съ участіемъ судебной власти, или частное объясненіе съ Лейдгатомъ. Для перваго мы не имѣемъ основательныхъ данныхъ, иначе Гоули не преминулъ-бы воспользоваться ими; чтожъ касается втораго, то, признаюсь, я бы ни за что не рѣшился вступить въ объясненія съ Лейдгатомъ; онъ принялъ-бы такой допросъ за смертельную обиду. Я уже не разъ испыталъ, какъ трудно говорить съ нимъ о предметахъ, лично его касающихся; притомъ, надобно хорошо знать его прошлое, чтобы имѣть право смѣло отстаивать его.

— Я твердо убѣждена, что въ этомъ дѣлѣ онъ совершенно чистъ. Вообще я думаю, что люди гораздо лучше, чѣмъ о нихъ судятъ ближніе, возразила Доротея.

Въ послѣдніе два года она дѣйствительно приучила себя, на основаніи личнаго опыта, весьма строго относиться къ неблагопріятнымъ для чьей либо репутаціи слухамъ; вотъ почему она въ первый разъ въ жизни разсердилась на м-ра Фэрботэра. Ей не понравилось, что онъ съ такой осмотрительностію взвѣшиваетъ

всѣ обстоятельства, вмѣсто того, чтобы безусловно вѣрить въ невинность Лейдгата и въ возможность оправдать его.

Два дня спустя, когда Фэрбротэръ обѣдалъ вмѣстѣ съ нею и съ супругами Читами у ея дяди, и когда лакеи, подавъ десертъ, удалились изъ столовой, а м-ръ Брукъ задремалъ въ креслѣ, Доротея опять вернулась съ необыкновеннымъ одушевленіемъ къ прежнему разговору.

— М-ръ Лейдгатъ хорошо пойметъ, говорила она, — что если до его друзей дошла распускаемая на его счетъ клевета, то очень естественно, что они пожелаютъ оправдать его. Одною изъ главныхъ цѣлей нашей жизни должна быть забота о томъ, чтобы облегчать горе ближняго. Особенно я не могу оставаться равнодушной къ непріятностямъ, постигшимъ человѣка, который принималъ такое живое участіе въ тяжелыхъ минуты моей жизни и лечилъ меня во время болѣзни.

Тонъ и манеры Доротеи отличались теперь тою-же энергіей, какъ и три года тому назадъ, когда она занимала мѣсто хозяйки за столомъ своего дяди, только съ годами она приобрѣла болѣе опытности и потому еще смѣлѣе выражала свое мнѣніе. Чтожъ касается сэра Джемса Читама, онъ ужъ не глядѣлъ прежнимъ покорнымъ, уступчивымъ поклонникомъ Доротеи; въ настоящее время это былъ внимательный зять, преклонявшійся передъ достоинствами сестры своей жены, но въ то же время находившійся въ постоянномъ страхѣ, чтобы Додо не впала въ какое-нибудь новое увлеченіе, такое-же неудачное, какъ ея бракъ съ Казобономъ. Слушая ее, онъ уже рѣдко улыбался, и хотя произносилъ при этомъ свое обычное: „Именно такъ!“ но далеко не тѣмъ тономъ, какъ бывало прежде. Не смотря однако на это, Доротея вскорѣ убѣдилась, что ей нечего бояться зятя и что онъ ея истинный другъ. Но на этотъ разъ сэръ Джемсъ счелъ за нужное рѣшительно протестовать противъ выраженного ею мнѣнія.

— Однако, Доротея, сказалъ онъ, — нельзя-же вамъ распорядиться человѣкомъ, какъ вещью. Лейдгатъ долженъ самъ знать, — если онъ теперь этого не знаетъ, то узнаетъ скоро, — что о немъ думать общество. Онъ обязанъ самъ защищать свое доброе имя. Нельзя-же вамъ дѣйствовать за него!

— Притомъ я полагаю, что друзьямъ м-ра Лейдгата слѣдуетъ

выждать болѣе благоприятнаго времени, замѣтилъ Фэрбротэръ.— Очень можетъ быть, что Лейдгаты по слабости характера, — я это говорю по личному опыту, — поддался минутному искушенію, — чему можетъ подвергнуться, каждый благородный человѣкъ, — и принялъ деньги, предложенныя ему не прямо въ видѣ взятки, а поднесенныя въ видѣ подарка, съ условіемъ, чтобы онъ молчалъ о постыдномъ дѣлѣ, случившемся въ былыя времена. Повторяю опять, я считаю очень естественнымъ, если подъ давленіемъ обстоятельствъ Лейдгаты не выдержалъ характера и соблазнился—взялъ. Но я положительно увѣренъ, что онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ противъ своихъ убѣжденій и подчинился только горькой необходимости. Со всѣмъ тѣмъ, намъ нельзя запретить общественному мнѣнію клеймить такой поступокъ позорнымъ словомъ: „преступленіе,“ потому что у насъ нѣтъ другихъ доказательствъ въ пользу Лейдгата, кромѣ тѣхъ, какія мы можемъ узнать изъ его чистосердечнаго признанія.

— Какъ это жестоко! воскликнула Доротея, всплеснувъ руками. — Неужели у васъ не достало-бы духу одному возвысить голосъ за человѣка, когда весь свѣтъ начнетъ бросать грязью въ его доброе имя? Неужели прежняя жизнь не принимается во вниманіе, когда дѣло идетъ о репутаціи человѣка?

— Дорогая м-съ Казобонъ, замѣтилъ м-ръ Фэрбротэръ, выслушавъ съ улыбкой ея горячую защиту, — репутація человѣка вѣдь не надпись, вырѣзанная на мраморѣ. Она не составляетъ нѣчто прочное и неизмѣнное; она можетъ разложиться вдругъ, какъ тѣло отъ болѣзни.

— Значить, ее можно, также какъ и больное тѣло, лечить и возстановить, отвѣтила Доротея. — Вотъ почему я и не боюсь спросить у м-ра Лейдгата всю правду и постараюсь ему помочь. Боятся мнѣ нечего... Джэмсъ, такъ какъ мнѣ нельзя пріобрѣсти землю для училища, но я хочу взять въ свое веденіе и на свое содержаніе госпиталь у м-ра Бюльстрода; по этому поводу я должна буду посоветываться съ м-ромъ Лейдгатомъ, можно-ли сдѣлать что нибудь хорошее при существующихъ тамъ порядкахъ. Это будетъ самый удобный случай вызвать его на откровенный разговоръ, и я увѣрена, что онъ разъяснитъ мнѣ все дѣло. Тогда мы поддержимъ его общими силами и выведемъ изъ затруднительнаго положенія. По моему, высшая степень му-

жества въ человѣкѣ состоитъ въ томъ, чтобы смѣло идти на защиту добраго имени ближняго.

При этихъ словахъ глаза Доротей сдѣлались влажны, и взволнованный голосъ ея разбудилъ дядю, который началъ вслушиваться въ разговоръ.

— Правду говорятъ, что женщина своимъ краснорѣчіемъ можетъ достигнуть такихъ результатовъ, какихъ никогда не добьется мы, мужчины, замѣтилъ Фэрбротэръ, вполнину убѣжденный доводами Доротей.

— А мнѣ кажется, что женщинамъ слѣдуетъ быть осторожнѣе и побольше слушаться тѣхъ, кто знакомъ со свѣтомъ ближе, чѣмъ онѣ, сказалъ сэръ Джэмсъ, хмура брови.—Что-бы вы ни намѣрены были дѣлать внослѣдствіи, Доротей, но теперь вамъ слѣдуетъ поддержать *ваши* порывы и не вмѣшиваться въ исторію Бьюлстрода. Мы еще не знаемъ, какъ и чѣмъ она кончится. Правду я говорю? заключилъ онъ, обращаясь къ м-ру Фэрбротэру.

— Да, я также думаю, что лучше подождать, отвѣчалъ тотъ.

— Да, да, душа моя, заговорилъ вдругъ м-ръ Брукъ, не совсѣмъ ясно понимавшій, о чемъ идетъ рѣчь, но вполнѣ довольный тѣмъ, что и ему можно вставить кстати свое замѣчаніе.—Нѣтъ ничего легче, какъ далеко зайти, понимаешь? И тебѣ не слѣдуетъ давать волю воображенію, а тѣмъ болѣе торопиться тратить деньги на новое предпріятіе. Это совсѣмъ не годится, понимаешь? Гартъ втянулъ меня въ сильные расходы своими улучшеніями по имѣнію—дренажами и тому подобное... Я-таки поистратился то на то, то на другое... мнѣ необходимо попридержаться... Вотъ и вы, Читаемъ, тратите чуть не цѣлое состояніе на дубовую ограду вокругъ вашей усадьбы...

Доротей въ негодованіи встала съ мѣста и ушла съ Целіей въ библіотеку, служившую ей гостиною въ домѣ дяди.

— Право, Додо, тебѣ слѣдуетъ слушать Джемса, заговорила Целія,—иначе ты опять попадешь въ бѣду. Вспомни, ты всегда дѣлала промахи, и будешь дѣлать ихъ, если станешь исполнять всѣ свои фантазіи. Я считаю истиннымъ благополучіемъ, что Джэмсъ такъ заботится о тебѣ. Онъ исполняетъ всѣ твои желанія, но подаетъ тебѣ добрый совѣтъ, если ты слыш-

комъ увлекаешься. Въ этомъ заключается выгода имѣть брата, а не мужа.

— Очень нуженъ мнѣ мужъ! вослыбнула Доротея. — Мнѣ нужно только одно—чтобъ не стѣсняли мои чувства на каждомъ шагу...

Говоря это, м-съ Казобонъ не выдержала и залилась слезами досады.

— Додо! Додо! остановила ее Целія своимъ тихимъ, густымъ контръ-альто, — ты не послѣдовательна въ своихъ дѣйствіяхъ: то держишься одной системы, то другой. Ты подчинялась-же волѣ м-ра Казобона самымъ унижительнымъ образомъ. Мнѣ кажется, еслибы онъ выразилъ желаніе, чтобы ты со мной не видѣлась, ты-бы и тогда повиновалась ему!..

— Да, правда, я подчинялась его волѣ, когда считала это своимъ долгомъ, отвѣчала Доротея, смотря сквозь слезы на сестру.

— Такъ почему-же ты не считаешь своимъ долгомъ въ иныхъ случаяхъ хоть нѣсколько подчиниться желаніямъ Джемса? возразила Целія съ нѣкоторой рѣзкостію. — Потому-ли, что онъ заботится о твоей пользѣ! Мужчины все знаютъ лучше, чѣмъ женщины, исключая того, что мы знаемъ лучше ихъ...

Доротея расхохоталась и вытерла слезы.

— То есть, я говорю о дѣтяхъ, о хозяйствѣ и т. д., продолжала Целія.—Но еслибы Джемсъ былъ въ чемъ нибудь неправъ, я-бы ему ни за что не уступила, какъ ты это дѣлывала съ Казобономъ, заключила она.

ГЛАВА ЕХХІІІ.

Лейдгать успокоилъ нѣсколько м-съ Бюльстродъ, сказавъ, что съ мужемъ ея случился простой обморокъ на митингѣ, что онъ надѣется на его скорое выздоровленіе и навѣститъ его на слѣдующій день, если только за нимъ не пришлютъ ранѣе. За тѣмъ онъ отправился прямо домой, велѣлъ осѣдлатъ себѣ лошадей и долго катался за городомъ, не желая видѣть никого.

Онъ находился въ страшномъ нервномъ раздраженіи, точно страдалъ отъ невыносимой физической боли. Въ эти минуты онъ

готовъ былъ проклясть тотъ день, когда прѣхалъ въ Миддлмарчъ. Ему казалось, что его судьбой управляетъ какой-то фатализмъ, подъ вліяніемъ котораго его честь подверглась такому позору, что даже люди, стоявшіе на самой низшей ступени въ обществѣ, должны были считать его репутацію потерянной навсегда. Въ горькія минуты жизни человѣкъ относится съ особенной нѣжностію къ самому себѣ; Лейдгатъ представлялъ себя мученикомъ, а всѣхъ прочихъ людей своими палачами. Онъ рассчитывалъ перевернуть весь Миддлмарчъ по своему, а вмѣсто того оказалось, что обыватели Миддлмарча насильно вторглись въ его жизнь и перепутали всѣ его планы. На бракъ свой Лейдгатъ смотрѣлъ, какъ на непоправимое бѣдствіе; онъ боялся вернуться къ Розамундѣ, пока не уляжется въ немъ припадокъ бѣшенства,—боялся, чтобы одинъ видъ жены не вывелъ его изъ себя и не вызвалъ его на какую-нибудь неприличную выходку. Онъ былъ вполнѣ несчастенъ.

Оставаться жить въ городѣ, не оправдавъ себя въ глазахъ людей, которые подозрѣвали его въ безчестномъ поступкѣ, было невозможно; но въ то же время уѣхать молча, значило-бы все равно, что скрыться отъ справедливаго обвиненія. Гдѣ-же искать средства къ своему оправданію?

Сцена, происходившая на его глазахъ на митингѣ, хотя не раскрыла ему подробностей дѣла, однакожь, показала довольно ясно его собственное положеніе. Для него стало ясно, что Бюльстродъ долженъ былъ опасаться большого скандала въ случаѣ болтливости Рафля.

— Вѣроятно, Бюльстродъ опасался, что я могу услышать отъ больного то, чего мнѣ не слѣдуетъ знать, рассуждалъ про себя Лейдгатъ,—и онъ вздумалъ подкупить меня значительнымъ одолженіемъ; вотъ причина, что онъ внезапно перешелъ отъ грубаго отказа къ щедрости. Очень можетъ быть, что и въ лекарствахъ, которыя я прописалъ больному, онъ что нибудь перепуталъ и не исполнилъ какъ слѣдуетъ моихъ предписаній. Но такъ или иначе а свѣтъ убѣжденъ, что онъ тѣмъ или другимъ способомъ отравилъ Рафля и что я, если не принималъ прямого участія въ преступленіи, то потворствовалъ ему. Но кто знаетъ опять? можетъ быть, Бюльстродъ и не виноватъ; можетъ быть, онъ пере-

мѣнили обращеніе со мной только потому, что одумался, и въ дѣлѣ съ Рафлемъ его руки совершенно чисты.

Положеніе Лейдгата было ужасно. Если-бы онъ, помимо всѣхъ прочихъ соображеній, думалъ только о своей собственной защитѣ, и замѣтя, что при встрѣчѣ съ нимъ, знакомые пожимаютъ плечами, смотря на него холодно и даже отворачиваются, рѣшился-бы гласно объяснить всѣ факты, какъ они были ему извѣстны, кого-бы онъ этимъ убѣдилъ?

— Желалъ-бы я знать, есть-ли хоть одинъ врачъ во всемъ Миддльмарчѣ, который-бы сталъ такъ строго относиться къ самому себѣ, какъ я? восклицалъ бѣдный Лейдгатъ, возвращаясь, наконецъ, домой; — а между тѣмъ всѣ они считаютъ себя въ правѣ отворачиваться отъ меня, точно я прокаженный! Моя практика, мое доброе имя—все разомъ рушилось! Я вижу это ясно. Если-бы даже мнѣ удалось теперь оправдаться, милые жители Миддльмарча не перемѣнили-бы своего мнѣнія обо мнѣ.

Лейдгатъ дѣйствительно успѣлъ убѣдиться въ послѣднее время, что репутація его сильно пострадала. Когда онъ заплатилъ свои долги и опять сталъ крѣпко на ноги, всѣ жители Миддльмарча стали его избѣгать, смотрѣли на него какъ-то странно и даже были два случая, что пациенты его пригласили къ себѣ другихъ докторовъ. Всѣ сомнѣнія исчезли: началось общее балотированіе его черными шарами.

Ничего нѣтъ мудренаго, что такое безнадежное положеніе пробудило въ энергической натурѣ Лейдгата желаніе отчаянно сопротивляться. На обратномъ пути къ дому, послѣ нѣсколькихъ часовъ прогулки, значительно успокоившей его нравственныя страданія, онъ мысленно рѣшилъ остаться во что-бы то ни стало въ Миддльмарчѣ.

— Я не отступаю передъ клеветой, говоритъ онъ, хмурая, по обыкновенію, свои густыя брови; —я не хочу, чтобы сказали, что я поворился. Я буду смѣло глядѣть въ глаза всѣмъ и докажу имъ, что я ничего не боюсь.

По благородству своего характера, а также изъ желанія идти наперекоръ общественному мнѣнію, Лейдгатъ принялъ намѣреніе не скрывать, что онъ чувствуетъ себя обязаннымъ Бюльстроду. Правда, Бюльстродъ всегда имѣлъ какое-то фатальное вліяніе на него, такъ что если-бы въ настоящую минуту у Лейдгата

была въ рукахъ тысяча фунтовъ стерлинговъ, то онъ, вмѣсто того, чтобы удовлетворить своихъ кредиторовъ, отдасть-бы ихъ сполна Бюльстроду, только-бы сбросить съ себя павшее на него гнусное подозрѣніе въ подкупъ; но, не смотря на то, Лейдгаты не хотѣлъ отвернуться отъ презираемаго всѣми несчастнаго банкира, оказавшаго ему помощь.

— Я вообще буду дѣйствовать такъ, какъ найду лучшимъ, и объяснять своихъ дѣйствій ни передъ кѣмъ не стану. Они будутъ стараться выжить меня отсюда, но...

Лейдгаты не докончилъ, потому что ужъ подвѣхалъ къ дому и мысль о женѣ заглушила всѣ терзавшія его до сихъ поръ чувства оскорбленнаго самолюбія и уязвленной гордости.

Каково-то приметъ Розамунда эту исторію? Этотъ вопросъ легъ новымъ бременемъ на душу Лейдгата. Онъ вошелъ въ домъ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа; не имѣя силъ передать женѣ предстоящія имъ непріятности, онъ рѣшился молчать въ надеждѣ, что какія-нибудь неожиданныя обстоятельства явятся къ нему на помощь.

ГЛАВА LXXIV.

Въ Миддльмарчѣ не могло ни подъ каемъ видомъ оставаться долго въ тайнѣ, для чьей-бы то ни было жены, что въ обществѣ составилось дурное мнѣніе о ея мужѣ. Услужливыя пріятельницы, побуждаемыя любовью къ истинѣ, чувствомъ милосердія, а главное, чистосердечіемъ, поставляли себѣ долгомъ тонкимъ образомъ намекнуть о такомъ обстоятельстве, но отнюдь не говоря прямо, въ чемъ дѣло, а только стороною подпустить шпильку, когда, напримѣръ, имъ показывалась новая шляпка, только что купленная мебель и проч. Все это дѣлалось съ самою человѣколюбивою цѣлью — открыть глаза заблуждавшейся пріятельницѣ и исправить ея ошибочный взглядъ на достоинства мужа, и говорилось обыкновенно все это въ такихъ выраженіяхъ, что слушавшая могла только догадываться о чемъ-то.

Въ это время ни чьи семейныя дѣла не возбуждали такихъ оживленныхъ толковъ, какъ дѣла Розамунды и ея тетки Бюльстродъ. М-съ Бюльстродъ пользовалась особымъ расположеніемъ

въ городѣ; сознательно она никому не сдѣлала вреда; мужчины считали ее красивой и пріятной женщиной, и на бракъ ея съ Бюльстродомъ смотрѣли, какъ на новое доказательство фарисейскихъ свойствъ ея мужа, который вѣчно проповѣдывалъ о грѣховности земныхъ наслажденій, а между тѣмъ, вмѣсто того, чтобы жениться на какой-нибудь тощей, меланхолической дѣвѣ, выбралъ себѣ въ жены здоровую, румяную Винци. Какъ только по городу распространился слухъ о скандалѣ, происшедшемъ съ Бюльстродомъ, въ обществѣ тотчасъ-же начали раздаваться восклицанія: „Ахъ, бѣдная женщина! она чиста, какъ день! Повѣрьте, она и не воображала, чтобы мужъ ея могъ быть такимъ дурнымъ человѣкомъ!“ — Близкія пріятельницы м-съ Бюльстродъ, собираясь вмѣстѣ, то и дѣло толковали о бѣдной Герриэтъ и дѣлали разныя предположенія, что съ нею должно случиться, когда она *все* узнаетъ. Во время этихъ интимныхъ бесѣдъ пріятельницы обыкновенно принимались разбирать по ниточкѣ всю жизнь Герриэтъ Винци отъ начала до конца. При этомъ нельзя было не коснуться и Розамунды, которая очутилась въ одномъ положеніи съ теткой; но разница была въ томъ, что къ Розамундѣ общество относилось строже и жалѣло ее меньше, хотя въ то-же время въ ней, какъ въ отрасли старинной фамиліи Винци, столь извѣстной въ Миддльмарчѣ, видѣли жертву неравнаго брака съ какимъ-то пришлецомъ. „Положимъ, что у всѣхъ Винци есть свои недостатки, говорили миддльмарчскіе обыватели, — но дѣйствовали они всегда открыто; въ ихъ прошломъ не скрывалось ничего предосудительнаго. Въ этомъ отношеніи м-съ Бюльстродъ нельзя и сравнивать съ ея мужемъ.“

— Герриэтъ любила-таки поважничать, говорила м-съ Гакбютъ, приготовляя чай для небольшого собравшагося у нея общества, — хотя въ угоду мужу она вѣчно выставляла на первый планъ свои религіозныя правила. Она всегда задирала носъ передъ всѣми нами, рассказывая, что къ ней ѣздить какіе-то священники и Богъ знаетъ кто изъ Риверстона и другихъ мѣстъ.

— Едва-ли ее можно осуждать за это, возражала м-съ Спрэгъ; — лучшее городское общество избѣгало Бюльстрода, — нужно-же было приглашать кого нибудь къ обѣду?

— М-ръ Тезигеръ постоянно поддерживалъ Бюльстрода, замѣтила м-съ Гакбютъ. — Я думаю, онъ теперь очень жалѣетъ его.

— Да, но Бюльстрода онъ никогда не любилъ искренно! восклицала м-съ Томъ Толлеръ;—онъ не охотникъ до людей съ крайними убѣждениями; онъ цѣнитъ только направленіе въ евангелическомъ духѣ. Только такіе священники, какъ м-ръ Тэйкъ, вводящіе въ употребленіе молитвенники диссидентовъ, могутъ восхищаться м-ромъ Бюльстродомъ.

— Очень понятно, что Тэйкъ теперь въ отчаяніи, отвѣчала м-съ Гакбютъ.—Говорятъ, будто Бюльстроды содержали на свой счетъ всю его семью.

— По моему, это не дѣлаетъ чести религіознымъ правиламъ м-ра Тэйка, замѣтила м-съ Спрэгъ, крѣпко державшаяся старой вѣры.—Методистамъ долго еще не привиться къ Миддльмарчу.

— Мнѣ кажется, что дурные поступки людей не зависятъ отъ ихъ религіозныхъ убѣжденій, вмѣшалась м-съ Плаймдэль, напоминая лицомъ хищную птицу и давно уже прислушивавшаяся къ разговору.

— О моя милая! воскликнула м-съ Спрэгъ,—я и забыла, что намъ не слѣдуетъ объ этомъ говорить при васъ.

— Я не имѣю никакой причины быть пристрастной къ Бюльстродамъ, отвѣчала, вся вспыхнувъ, м-съ Плаймдэль.— Правда, мой мужъ находился всегда въ хорошихъ отношеніяхъ съ м-ромъ Бюльстродомъ, а съ Герриэтъ Винци я была пріятельницей еще задолго до ея замужества, но я всегда крѣпко держалась своихъ собственныхъ убѣжденій и постоянно указывала ей ея ошибки. Чтоже касается религіозныхъ воззрѣній, то м-ръ Бюльстродъ, по моему мнѣнію, вдавался въ крайности. Въ этомъ отношеніи я не одобряю увлеченій. Истина все таки остается истиной. Человѣкъ дѣйствительно религіозный не можетъ попасться, я полагаю, подъ уголовный судъ.

— По моему мнѣнію, прервала ее м-съ Гакбютъ, ловко пережывая разговоръ,—жена Бюльстрода должна оставить его.

— Какъ это можно! воскликнула м-съ Спрэгъ.

— Однакожь, посудите, каково вдругъ узнать, что мужъ осужденъ на заключеніе въ Ньюгэтскую тюрьму, возразила м-съ Гакбютъ.—Жить съ такимъ человѣкомъ! Да я бы скорѣе отравилась.

— Вы правы, сказала м-съ Томъ-Толлеръ,—по моему, жены,
«Дѣло», № 2.

которыя заботятся о такихъ мужьяхъ и ухаживаютъ за ними, сами потворствуютъ преступленію.

— Бѣдная Герриэтъ была всегда доброй женой, замѣтила м-съ Плаймдэль.— Она считала своего мужа совершенствомъ. Правда, онъ ей никогда ни въ чемъ не отказывалъ.

— Посмотримъ, что-то она теперь сдѣлаетъ, сказала м-съ Гавбютъ.— Я полагаю, что она, бѣдняжка, еще ничего не знаетъ. Къ ней я ни за что не поѣду, потому что до смерти боюсь проговориться. Вы знаете, до нея не дошло никакихъ слуховъ?

— Кажется, что нѣтъ, отвѣчала м-съ Томъ-Толлеръ;— о немъ мы слышали, что онъ боленъ и что послѣ митинга онъ шагу изъ дому не дѣлалъ; но ее, вмѣстѣ съ дочерьми, я видѣла вчера въ церкви. На нихъ были новыя шляпки, а на ней — даже съ перомъ. Впрочемъ, ея религія не имѣла никогда вліянія на ея туалеть.

— Да, ея платья всегда отличались прекраснымъ фасономъ, замѣтила м-съ Плаймдэль, нѣсколько задѣтая за живое.— Я даже слышала, что она велѣла окрасить это перо на шляпкѣ въ блѣдно-зеленый цвѣтъ, чтобы оно не такъ бросалось въ глаза. Герриэтъ во всемъ и всегда умѣетъ соблюдать приличія.

— Я думаю, что отъ нея нельзя будетъ долго скрывать случившуюся исторію, продолжала м-съ Гавбютъ;— въ семьѣ Винци давно все извѣстно, потому что отецъ былъ на митингѣ. Воображаю, какой это былъ для него ударъ! Въ это скандальное дѣло одинаково замѣшаны имена его сестры и дочери.

— Еще бы! воскликнула м-съ Спрэгъ;— теперь ужъ м-ру Лейдгату нельзя будетъ заирать носъ въ Миддльмарчѣ. Тысяча фунтовъ, полученные имъ передъ смертію *того* человѣка, очень темное обстоятельство. Меня пронимаетъ дрожь при одной мысли объ этомъ.

— Достойное наказаніе за гордость, замѣтила м-съ Гавбютъ.

— Миѣ не столько жаль Розамунду, сколько ея тетку, сказала м-съ Плаймдэль;— той не мѣшало дать урокъ.

— Я полагаю, что Бьюлстроды уѣдутъ отсюда и поселятся гдѣ нибудь за-границей, продолжала м-съ Спрэгъ;— этимъ обыкновенно кончаются всякіе семейные скандалы.

— Какой страшный ударъ для Герриэтъ! воскликнула м-съ

Плаймдэль.—Мнѣ жаль ее, бѣдную; не смотря на всё ея недостатки, она рѣдкая женщина. Она съ дѣтства всегда была мила, добра, откровенна и постоянно равна въ обращеніи. Въ тѣхъ же правилахъ она воспитала и дочерей своихъ, Кэтъ и Эленъ. Вы можете себѣ представить, какъ имъ будетъ трудно жить за-границей.

— Мой мужъ говорить, что онъ посовѣтуетъ и Лейдгатамъ уѣхать отсюда, замѣтила м-съ Спрэгъ;—онъ находитъ, что Лейдгату лучше всего поселиться во Франціи.

— Это я думаю, было-бы очень по-сердцу Розамундѣ, подхватила м-съ Плаймдэль;—у нея слишкомъ легкій характеръ. Она въ этомъ отношеніи похожа скорѣе на мать, чѣмъ на тетку, которая всегда давала ей добрые совѣты и, сколько мнѣ извѣстно, очень не желала, чтобы она вышла за Лейдгата.

Случившійся въ городѣ скандалъ поставилъ м-съ Плаймдэль въ весьма затруднительное положеніе. Кромѣ дружбы ея съ м-съ Бюльстроудъ, ихъ семейства были связаны между собой денежными интересами по дѣламъ красиваго заведенія, принадлежащаго Плаймдэлю; и потому, съ одной стороны, ей очень-бы хотѣлось поспиходительнѣе отнестись къ Бюльстроуду, а съ другой, она боялась, чтобы ее не заподозрили въ соучастіи съ нимъ. Притомъ, вступивъ въ родство съ Толлерами, она попала въ высшій кругъ Миддльмарча, гдѣ всё вообще смотрѣли очень строго на Бюльстрода, такъ что маленькая м-съ Плаймдэль очутилась между двухъ огней.

Что касается бѣдной м-съ Бюльстроудъ, то она и не подозрѣвала, какая грозная туча виситъ надъ ея головой. Она чувствовала только безотчетную тоску съ той минуты, какъ Рафль явился къ нимъ въ послѣдній разъ. Узнавъ, что этотъ противный человѣкъ слегъ въ постель въ Стон-Кортъ и что ея мужъ переехалъ туда, съ цѣлю за нимъ ухаживать, она приписала это сострадательности мужа, который и прежде всегда помогалъ Рафлю. На счетъ здоровья м-ра Бюльстрода она также не беспокоилась, такъ-какъ онъ постоянно увѣрялъ ее, что чувствуетъ себя хорошо и намѣренъ попрежнему усердно заниматься дѣлами. Тревожное состояніе ея началось съ той минуты, когда Лейдгатъ привезъ м-ра Бюльстрода больного съ митинга; несмотря на то, что докторъ старался всячески ее успокоить, бѣдная женщина

проплакала нѣсколько дней втайнѣ, будучи убѣждена, что мужъ ея страдаетъ не столько физически, какъ морально. Онъ не хотѣлъ, чтобы она читала ему вслухъ, не хотѣлъ даже, чтобы она сидѣла при немъ, говоря, что всякій звукъ и всякое движеніе раздражаютъ его нервы, а между тѣмъ запирается въ кабинетъ для того, чтобы разбирать какія-то бумаги. Она предчувствовала, что случилось что-то недоброе. Можетъ быть, банкъ потерпѣлъ большой убытокъ и мужъ скрывалъ это отъ нея. Не смѣя обратиться прямо къ нему съ разспросами, бѣдная женщина рѣшилась, наконецъ, заговорить объ этомъ съ Лейдгатомъ, на пятый день послѣ митинга.

— М-ръ Лейдгатъ, сказала она, — прошу васъ, будьте со мной откровенны, — мнѣ такъ хочется знать всю правду, — что такое случилось съ м-ромъ Бюльстродомъ?

— Съ нимъ былъ легкій нервный ударъ, отвѣчалъ уклончиво Лейдгатъ, чувствуя, что у него не хватаетъ духу раскрыть передъ нею печальную истину.

— Что жъ было причиной удара? продолжала спрашивать м-съ Бюльстродъ, не спуская съ доктора своихъ большихъ темныхъ глазъ.

— Смертный, удушливый воздухъ общественныхъ собраній дѣйствуетъ убійственно, сказалъ Лейдгатъ; — люди сильнаго сложенія выносятъ его, но на людей слабыхъ онъ производитъ самое вредное вліяніе. Предотвратить подобный ударъ невозможно; нельзя даже объяснить, почему въ извѣстныя минуты человѣкъ лишается чувствъ.

Отвѣтъ Лейдгата не удовлетворилъ м-съ Бюльстродъ; въ ней осталось твердое убѣжденіе, что мужа постигло какое-то страшное бѣдствіе, которое онъ скрываетъ отъ нея, и она рѣшилась, во что-бы-то ни стало, узнать, въ чемъ дѣло. Выпросивъ позволеніе дочерямъ сидѣть съ отцомъ, она отправилась въ городъ съ визитами, рассчитывая на то, что если въ дѣлахъ ея мужа произошелъ какой нибудь неблагоприятный переворотъ, то знакомые непременно ей скажутъ или хоть намекнутъ.

Прежде всего она поѣхала къ м-съ Тезигеръ, но, не заставъ ее дома, повернула къ м-съ Гакбютъ, жившей по другую сторону кладбища. М-съ Гакбютъ увидала ея экипажъ изъ своихъ оконъ и, вспомнивъ свои опасенія на случай встрѣчи съ м-съ

Бюльстродъ, она сочла было долгомъ сдержать слово и не сказаться дома; но въ эту минуту въ ней родилось неодолимое желаніе испытать сильное ощущеніе, т. е. принять пріятельницу и не показать виду, что у нея на умѣ.

По этимъ соображеніямъ м-съ Бюльстродъ была принята въ гостиную; м-съ Гакбютъ спустилась туда, крѣпко сжавъ губы и потирая руки, какъ-бы изъ предосторожности противъ своего языка. Она приняла даже твердое намѣреніе не сиравляться о здоровьѣ м-ра Бюльстрода.

— Всю эту недѣлю я не была нигдѣ кромя церкви, заговорила м-съ Бюльстродъ послѣ первыхъ привѣтствій; — мой мужъ сдѣлался такъ боленъ на митингѣ, въ четвергъ, что мнѣ не хотѣлось выѣзжать изъ дому. Былъ м-ръ Гакбютъ на митингѣ?

— Да, былъ. Говорять, что земля будетъ куплена по подпискѣ.

— Надобно надѣяться, что въ той мѣстности уже не будетъ болѣе холеры, замѣтила м-съ Бюльстродъ. — Эта эпидемія — страшное бѣдствіе! По моему, въ Миддльмарчѣ самый здоровый климатъ,—можетъ быть, оттого, что я къ нему привыкла съ дѣтства но я нигдѣ не желала-бы жить, какъ здѣсь, особенно въ томъ концѣ, гдѣ стоитъ нашъ домъ.

— Увѣряю васъ, что я была-бы очень рада, если-бы вы, м-съ Бюльстродъ, остались навсегда въ Миддльмарчѣ, произнесла м-съ Гакбютъ съ легкимъ вздохомъ. — Но... человекъ долженъ покоряться своей участи... Мало-ли что можетъ случиться?.. Какъ-бы то ни было, а я увѣрена, что многіе у насъ въ городѣ желаютъ вамъ добра.

У м-съ Гакбютъ такъ и чесался языкъ, чтобы сказать: примите мой совѣтъ, развѣзжайтесь съ мужемъ,—но, ясно видя, что бѣдная женщина и не догадывается о бѣдѣ, готовой разразиться надъ ея головой, она удовольствовалась тѣмъ, что приготовила ее къ этому слегка. У м-съ Бюльстродъ вдругъ замерло сердце; ее стала бить лихорадка. Она тотчасъ смекнула, что въ словахъ ея пріятельницы скрывается какой-то намеръ; однако, не смотря на желаніе узнать все до конца, у нея недостало храбрости сдѣлать вопросъ, и она дала другой оборотъ разговору,—справилась о здоровьѣ молодыхъ Гакбютовъ и стала прощаться,

говоря, что ей нужно заѣхать къ м-съ Плаймдэль. По дорогѣ туда она стала мысленно разсуждать, что, вѣроятно, м-ръ Бюльстродъ на митингѣ горячо поспорилъ съ своими опонентами, въ числѣ которыхъ былъ, можетъ быть, и Гавбютъ. Это предположеніе ее значительно успокоило.

Но изъ разговора съ м-съ Плаймдэль она убѣдилась, что такое объясненіе не годится. Селина приняла ее съ какими-то патетическими порывами нѣжности и отвѣчала самыми цвѣтистыми фразами на совершенно обыкновенные вопросы гостыи, не сдѣлавъ ни малѣйшаго намека на предполагаемую ссору во время митинга, такъ сильно потрясшаго здоровье м-ра Бюльстрода. Нѣсколько загадочныхъ словъ, брошенныхъ м-съ Плаймдэль какъ-бы мимоходомъ насчетъ того, что она никогда не отвернется отъ друзей, въ какомъ-бы они положеніи ни находились, убѣдили м-съ Бюльстродъ, что съ ними непременно случилось какое-нибудь несчастье; но вмѣсто того, чтобы съ обычной своей откровенностью прямо спросить, что подразумеваетъ ея пріятельница подъ произнесенными ею словами, м-съ Бюльстродъ пришла въ сильное волненіе и рѣшилась уѣхать безъ дальнѣйшихъ объясненій.

Она нервно простилась съ пріятельницей и приказала вучеру ѣхать въ складъ м-ра Винци. Во время этого короткаго перѣзда нервы бѣдной женщины до того разыгрались, что когда она вошла въ контору брата, гдѣ тотъ сидѣлъ за бумагами, колѣни ея дрожали, а всегда румяное лицо было покрыто мертвенной блѣдностью. Братъ не могъ скрыть своего испуга, увидя сестру въ такомъ видѣ; онъ вскочилъ съ мѣста, схватилъ ее за руку и быстро произнесъ:

— Подкрѣпи тебя Богъ, Герріэтъ, — ты все знаешь!

Этого было достаточно, чтобы открыть глаза м-съ Бюльстродъ: она въ одно мгновеніе поняла, что съ мужемъ случилось что-то страшное. Мысль о позорѣ, объ униженіи предъ всѣмъ городомъ охватила ее и она упала на стулъ и, поднявъ глаза на брата, произнесла едва слышно:

— Вальтеръ, я ничего не знаю... что такое случилось?

Братъ разсказалъ ей все, — очень нескладно и отрывисто, — и объяснилъ, что скандалъ не подлежитъ сомнѣнію, а главное, подозрительна смерть Рафля.

— Теперь идутъ страшные толки, говорилъ онъ; — если-бы даже виновный и оправдался передъ судомъ, то люди все-таки будутъ продолжать толковать, кивать головами и перешептываться. Таковъ ужъ порядокъ на бѣломъ свѣтѣ. А ударъ жестокой: онъ разбилъ репутацію Лейдгата, равно какъ и Бюльстрода. Добираться до правды я не намѣренъ; скажу одно: лучше-бы мы никогда не слыхали имени Лейдгата и Бюльстрода; лучше-бы ты и Розамунда на всю жизнь остались Винци!..

М-съ Бюльстродъ молчала.

— Но ты не должна падать духомъ, Герриэтъ: свѣтъ тебя не осуждаетъ, а я поддержу тебя во всякомъ случаѣ, что-бы ты ни предприняла, заключилъ братъ съ своей обычной грубой, но добродушной нѣжностью.

— Вальтеръ, дай мнѣ руку и проводи меня до кареты, проговорила, наконецъ, м-съ Бюльстродъ.—Мнѣ очень дурно.

Приѣхавъ домой, она принуждена была сказать дочери:

— Душа моя, я чувствую себя нехорошо, мнѣ нужно прилечь... Не оставляй отца, а меня не беспокойте... Я обѣдать не буду.

Затѣмъ она заперлась въ своей комнатѣ, сознавая потребность вдуматься наединѣ въ постигшее ее несчастье и сообразить, что дѣлать. Характеръ мужа представлялся ей теперь совершенно въ другомъ свѣтѣ; она не въ состояніи была заставить себя отнестись къ нему снисходительно. Мысль, что втеченіи двадцати лѣтъ она безусловно вѣрила ему и уважала его, благодаря его скрытности, еще болѣе усиливала ея отвращеніе къ такому обману. Выхода за него замужъ, она ничего не знала объ его прошломъ; поэтому теперь она не считала себя въ правѣ отстаивать его противъ обвиненія въ тѣхъ позорныхъ поступкахъ, которые ему приписывали. Вмѣстѣ съ тѣмъ ея чистая, благородная натура горько возмущалась отъ того, что на ней отражается безчестіе мужа.

Но эта простосердечная, малоразвитая женщина отличалась необыкновеннымъ великодушіемъ. Она считала невозможнымъ отречься отъ человѣка, съ которымъ прожила столько лѣтъ, который всегда любилъ и берегъ ее. Она пойдетъ къ своему мужу и скажетъ, что готова дѣлать съ нимъ его несчастье и что онъ не услышитъ отъ нея ни одного слова упрека; но прежде чѣмъ

рѣшиться на это, ей нужно было собраться съ духомъ, выплакаться хорошенько и сказать „прости“ невозвратному прошлому. Собравшись идти внизъ, м-съ Бюльстродъ сдѣлала нѣкоторыя измѣненія въ своемъ туалетѣ, какъ-бы въ доказательство того, что она покорилась своей участи и намѣрена вступить въ новую жизнь. Она сняла съ себя всѣ свои украшенія, начиная съ наряднаго чепца и большихъ волосяныхъ бантовъ, облеклась въ простое черное платье, зачесала волосы гладко назадъ, прикрыла ихъ какимъ-то чепчикомъ въ видѣ шляпки и сразу преобразилась въ методистку.

Бюльстродъ, услышавъ, что жена уѣхала изъ дому и что потомъ, вернувшись домой, сказала нездоровой, провелъ это время въ сильномъ волненіи. Онъ былъ увѣренъ, что знакомые расскажутъ ей все и избавятъ его отъ тяжелой необходимости объясняться самому; но онъ не могъ себя представить безъ ужаса первую минуту ихъ свиданія.

Ровно въ восемь часовъ вечера дверь кабинета открылась и вошла жена. Бюльстродъ не осмѣлился взглянуть на нее; онъ сидѣлъ съ опущенными въ землю глазами и женѣ его показалось, что онъ сдѣлался даже меньше ростомъ: такъ его перевернуло въ нѣсколько часовъ. Подъ вліяніемъ прилива прежней нѣжности и состраданія м-съ Бюльстродъ подошла тихо къ мужу, положила ему руку на плечо и ласково произнесла:

— Никласъ, посмотри на меня.

Онъ вздрогнулъ, поднявъ на нее глаза, увидѣлъ ея блѣдное лицо и траурное платье, и дрожація губы—и залился слезами. Жена сѣла рядомъ съ нимъ и они молча принялись плакать. У нея не доставало духу спросить его, насколько были преувеличены взведенныя на него обвиненія, а онъ не считалъ себя въ правѣ сказать: я невиненъ.

ГЛАВА LXXV.

Розамунда немного ожила, когда домъ ихъ освободился отъ грозныхъ фізіономій кредиторовъ, послѣ уплаты всѣхъ долговъ. Но ея прежняя веселость уже не возвращалась; ея мечты о супружеской жизни не сбылись. Въ послѣднее время Лейдгатъ,

какъ-бы желая заставить свою жену забыть непріятности, которыя онъ иногда дѣлалъ ей въ минуты дурного расположенія духа, старался быть съ нею нѣжнѣе; но характеръ его видимо измѣнился. Онъ сталъ необыкновенно бережливъ, старался приучать и ее къ экономіи, и когда она начинала выражать желаніе переселиться въ Лондонъ, онъ едва сдерживалъ свое нетерпѣніе. Когда мужъ говорилъ, Розамунда томно выслушивала его и въ то же время думала: стоитъ-ли жить при такой обстановкѣ. Суровня, иногда даже грубныя выраженія, срывавшіяся съ языка мужа въ минуты гнѣва, сильно задѣвали ея самолюбіе и внушали ей иногда тайное отвращеніе къ нему, послѣдствіемъ чего было то, что она стала принимать очень равнодушно его ласки. Съ сосѣдями они не сходились; изъ Квалингхама приглашеній къ нимъ не присылалось, такъ что единственнымъ развлеченіемъ Розамунды были получаемыя ею изрѣдка письма отъ Виля Владислава. Намѣреніе Виля уѣхать изъ Миддльмарча привело въ сильное недоумѣніе и-съ Лейдгаты. Зная, что Виль въ восторгѣ отъ Доротеи, она все-таки ласкала себя надеждой, что онъ, рано или поздно, отдастъ ей предпочтеніе предъ и-съ Казобонъ. Розамунда принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя воображаютъ, что въ нихъ долженъ непремѣнно влюбиться каждый мужчина, если только онъ подадутъ ему маленькую надежду на взаимность. Правда, Виль былъ влюбленъ въ и-съ Казобонъ; но вѣдь онъ полюбилъ ее прежде, чѣмъ узналъ и-съ Лейдгаты. Тонъ, употребляемый Вилемъ въ разговорахъ съ Розамундой, — шуточный и виѣстъ съ тѣмъ преувеличенно-любезный, принимался ею за уловку, чтобы скрыть пламенную страсть, и по этой причинѣ она, въ присутствіи Виля, ощущала какое-то пріятное, романтическое настроеніе, уже не пробуждаемое въ ней присутствіемъ Лейдгаты. Подчасъ она даже находила, что Виль былъ-бы ей больше подъ пару, чѣмъ Лейдгаты. Силясь какъ нибудь разнообразить свою монотонную жизнь, она составила въ своемъ воображеніи слѣдующій планъ: Виль никогда не женится, будетъ постоянно жить около нея, исполнять всѣ ея прихоти и, никогда не высказывая прямо своей любви, станетъ, время отъ времени, разнообразить ихъ взаимныя отношенія нѣжными сценами. Уѣхавъ изъ Миддльмарча, Виль присылалъ шутивыя письма на имя мужа и жены; Розамунда отвѣчала ему,

утѣшая себя надеждой, что ихъ разлука только временная. Вскорѣ послѣ того въ ней родилось страстное желаніе, чтобы Лейдгаты переселился въ Лондонъ; ей казалось, что въ Лондонѣ во всѣхъ отношеніяхъ будетъ веселіе; она стала стремиться къ этой цѣли съ твердымъ напѣреніемъ достигнуть желаемого результата; пріятный сюрпризъ вдругъ явился къ ней на помощь.

Сюрпризъ этотъ заключался въ письмѣ Вилы къ Лейдгату, въ которомъ онъ сообщалъ, что ему необходимо въ скоромъ времени пріѣхать въ Миддльмарчъ. „Я смотрю на эту необходимость, какъ школьникъ на приближающійся праздникъ, писалъ онъ.—Надѣюсь, что мое мѣсто у вашего каминна не занято и что меня ожидаютъ у васъ новыя музыкальныя наслажденія. Срокъ пріѣзда назначить не могу“.

Въ то время, когда Лейдгаты читалъ это письмо Розамундѣ, она разцвѣла какъ роза и еще болѣе похорошѣла. Взглядъ ея на жизнь вдругъ перемѣнился. Долги были заплачены, Виль скоро пріѣдетъ и поможетъ ей убѣдить Лейдгата покинуть Миддльмарчъ и перебраться въ Лондонъ.

Но радость Розамунды была непродолжительна. Надъ головой ея уже собиралась грозная туча. Мужъ ея сдѣлался мраченъ, какъ ночь, и по своему обыкновенію ни однимъ словомъ не высказалъ, что у него происходило на душѣ. Увлеченная воздушными замками, Розамунда не обращала вниманія на то, что Лейдгаты едва отвѣчаетъ на ея вопросы и видимо старается избѣгать ея присутствія; она объясняла все это дурнымъ расположеніемъ его духа и, чрезъ нѣсколько дней послѣ митинга, не сказавъ мужу ни слова, она разослала къ своимъ знакомымъ записки съ приглашеніемъ на вечеръ, имѣя въ виду, что въ послѣднее время общество какъ-то отшатнулось отъ нихъ и что ей слѣдуетъ непременно возстановить прежнія отношенія съ нимъ. „Если приглашенія будутъ приняты, разсуждала она, то я скажу объ этомъ Лейдгату и дамъ ему хорошій урокъ, какъ долженъ докторъ держать себя съ своими знакомыми.“—Розамунда очень строго смотрѣла на свѣтскія обязанности.

Но на всѣ приглашенія послѣдовалъ отказъ и послѣдняя записка съ такимъ отвѣтомъ попала въ руки Лейдгату.

— Это маранье Чичли? О чемъ онъ тебѣ пишетъ? спро-

силъ съ удивленіемъ Лейдгать, подавая женѣ маленькую записку.

Розамунда принуждена была прочитатъ ему содержаніе записки. Лейдгать строго посмотрѣлъ на нее.

— Что это тебѣ вздумалось разсылать приглашенія, Розамунда, не предупредивъ меня? сказалъ онъ съ сердцемъ.— Я прошу, я требую, наконецъ, чтобы ты не смѣла никого звать къ намъ въ домъ. Сознайся, ты назвала много гостей и всѣ тебѣ отказали?

Розамунда молчала.

— Ты слышишь, что я говорю? крикнулъ во все горло Лейдгать.

— Конечно, слышу, отвѣчала Розамунда, отворачивая отъ него голову граціознымъ движеніемъ своей лебединой шеи.

Лейдгать нетерпѣливо пожалъ плечами и, чувствуя, что готовъ вспылить, вышелъ вонъ изъ комнаты. Розамунда нашла, что мужъ становится невыносимъ; ей и въ голову не приходило, что онъ имѣлъ основательныя причины разсердиться. Зналъ, что жена очень равнодушно относится ко всѣмъ серьезнымъ вопросамъ, Лейдгать ничего не сказалъ ей о томъ, что произошло по поводу занятыхъ имъ тысячи фунтовъ стерлинговъ; ей извѣстно было только, что онъ получилъ ихъ отъ дяди Бюльстрода. Дурное расположеніе духа Лейдгата и отказъ знакомыхъ пріѣхать на вечеръ очень разстроили Розамунду. Отецъ и мать не были у нея уже нѣсколько дней, она рѣшилась тотчасъ-же идти къ нимъ и справиться, что съ ними случилось. Ей вдругъ показалось, что противъ нея составленъ общій заговоръ, съ цѣлію оставить ее глазъ-на-глазъ съ сердитымъ мужемъ. Это было вскорѣ послѣ обѣда; она застала отца и мать сидящихъ вдвоемъ въ гостиной. Они встрѣтили ее съ самымъ грустнымъ выраженіемъ въ лицѣ, и первыя слова отца были:

— Что скажешь, милая моя?

Розамундѣ показалось, что она никогда не видала отца такимъ убитымъ, какъ въ эту минуту. Она тихо сѣла рядомъ съ нимъ и спросила:

— Не случилось-ли чего съ вами, папа?

Отецъ молчалъ, но мать не выдержала и воскликнула:

— Душа мол, развѣ ты ничего не знаешь? До тебя вѣрно скоро дойдутъ эти слухи!

— Ужь не до Тертія-ли это касается? спросила Розамунда, вся поблѣднѣвъ. Сердце ея почувало что-то недоброе.

— О, конечно, душа моя! Для того-ли мы выдали тебя за него замужъ, чтобы подвергать такимъ неприятностямъ! Довольно было горя и съ долгами его, а это дѣло еще хуже!

— Не горячись, не горячись, Люси! остановилъ жену м-ръ Винци.—Розамунда, ты ничего не слыхала о дядѣ Бюльстродѣ? спросилъ онъ.

— Ничего, папа, отвѣчала бѣдная молодая женщина, для которой невѣдомое горе представлялось въ видѣ какого-то чудовища, готоваго вонзить въ нее свои когти. Она отъ ужаса чуть не упала въ обморокъ.

Отецъ рассказалъ ей все, безъ утайки, замѣтивъ при этомъ:

— Я нахожу, мой другъ, что тебѣ слѣдуетъ все знать и что Лейдгату необходимо уѣхать изъ Миддльмарча. Всѣ обстоятельства противъ него. Я не смѣю, конечно, безусловно обвинять его; очень можетъ быть, что онъ не преднамѣренно поступилъ дурно, заключилъ м-ръ Винци, обыкновенно строго относившійся прежде къ Лейдгату.

Это былъ ужасный ударъ для Розамунды; она сочла себя несчастнѣйшей женщиной при мысли, что она замужемъ за человѣкомъ, на котораго пало такое позорное обвиненіе, и вернулась домой съ чувствомъ искренняго отвращенія къ мужу.

— Что онъ такое сдѣлалъ? Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ виноватъ? И почему онъ мнѣ ничего не сказалъ? разсуждала она.

Лейдгатъ и послѣ того ничего не говорилъ ей, а она не рѣшилась первая затронуть щекотливый вопросъ. Однажды Розамундѣ пришло въ голову попросить отца взять ее къ себѣ обратно; но мысль, что она, замужняя женщина, поселится снова въ родительскомъ домѣ, была для нея невыносима, и она отложила свое намѣреніе.

Два дня спустя, Лейдгатъ замѣтилъ въ своей женѣ какую-то особенную перемену и догадался, что она все знаетъ.

— Заговорить она со мной, или будетъ молчать, считая меня виноватымъ? думалъ онъ.

Нервы его были до того раздражены, что онъ боялся малѣйшаго прикосновенія къ своей нравственной ранѣ. Розамунда имѣла полное право жаловаться на недостатокъ довѣрія къ себѣ

со стороны мужа; но осуждать его въ этомъ случаѣ также было трудно. У него не доставало духу заговорить первому, а Розамунда молчала, хотя знала, въ чемъ дѣло.

— Дуракъ я, дуракъ! разсуждалъ Лейдгатъ:—чего я жду отъ нея? Женитьба прибавила мнѣ только заботъ, но не дала помощницу въ женѣ.

Въ тотъ-же вечеръ, сидя вдвоемъ съ Розамундой, онъ спросилъ ее:

— Розамунда, вѣроятно, до тебя дошли какіе-нибудь неприятныя слухи?

— Да, отвѣчала она, опуская на колѣни работу, до которой, противъ своего обыкновенія, она не дотрогивалась почти во весь день.

— Что-жъ ты слышала?

— Полагаю, что все. Папа мнѣ разсказалъ.

— Что-жъ онъ тебѣ говорилъ? Что люди считаютъ меня обезчещеннымъ?

— Да, слабо отвѣтила Розамунда, начиная шить машинально. Въ комнатѣ водворилось молчаніе.

— Если она увѣрена во мнѣ, то заговорить, думалъ Лейдгатъ;—она скажетъ, что считаетъ меня незаслуживающимъ позора.

Но Розамунда продолжала томно молчать и шить.

— Пусть Тертій самъ начнетъ объясненіе, думала она въ свою очередь.—Почемъ я знаю, въ чемъ дѣло? Виноватъ онъ, или невиновенъ,—зачѣмъ онъ ничего не дѣлаетъ, чтобы оправдаться?

Молчаніе жены вызвало новый припадокъ желчнаго раздраженія въ Лейдгатѣ. Онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что никто не вѣритъ въ его невинность; даже Фэрбротеръ—и тотъ не пришелъ его провѣдать. Съ Розамундой онъ заговорилъ для того, чтобы разсѣять возникшее между ними облако; но она не выказала ни малѣйшаго желанія объясниться. Даже въ этомъ случаѣ она отказалась раздѣлить съ мужемъ горе. Въ порывѣ негодованія онъ вскочилъ съ мѣста, засунулъ руки въ карманы и началъ ходить по комнатѣ. Подъ вліяніемъ удручавшихъ его мыслей онъ не замѣтилъ, сколько времени ходилъ; но Розамундѣ показалось, что очень долго, и ей захотѣлось, чтобы онъ сѣлъ и, наконецъ, объяснился.

Вскорѣ Лейдгать опустился на кресло, стоявшее подлѣ Розамунды, и, опершись локтями на колѣни, началъ пристально смотрѣть на жену. Только что онъ приготовился заговорить съ нею серьезно, какъ она, опустивъ работу, обернулась къ нему и сказала:

— Надѣюсь, Тертій...

— Что такое? спросилъ онъ.

— Надѣюсь, что ты выкинешь изъ головы мысль остаться въ Миддлмарчѣ? Я не могу здѣсь жить. Уѣдемъ въ Лондонъ. Папа и всѣ знакомые увѣряютъ, что тебѣ непременно нужно выѣхать отсюда. Какая-бы горькая участь меня не ожидала впереди, мнѣ все-таки легче ее перенести тамъ, чѣмъ здѣсь.

Лейдгать былъ уничтоженъ. Вмѣсто того, чтобы излить на него потокъ упрековъ, къ выслушанію которыхъ онъ приготовился заранѣе, жена повторяла старую пѣсню. Это показалось ему невыносимымъ; онъ всталъ съ мѣста и вышелъ изъ комнаты.

Если-бы у него было побольше характера, онъ добился-бы объясненія съ женой и вечеръ кончился-бы совсѣмъ иначе. Но Лейдгать принадлежалъ къ такимъ натурамъ, которыя при неудачахъ теряютъ всю энергію.

Взаимное недоразумѣніе между супругами все болѣе и болѣе увеличивалось; они жили такимъ образомъ изо-дня въ день, безъ всякаго обмѣна мыслей. Лейдгать съ утра занимался дѣломъ и все время упорно молчалъ; Розамунда-же жаловалась втайнѣ на судьбу, находя, что мужъ обходится съ нею жестоко. Говорить съ нимъ она находила бесполезнымъ и съ нетерпѣніемъ ждала Виля Владислава, чтобы раскрыть передъ нимъ всю свою душу.

Нѣсколько дней спустя, получивъ приглашеніе отъ Доротей, Лейдгать отправился верхомъ въ Ловикъ-Маноръ.

Сидя въ это утро въ библіотекѣ, Доротей мысленно переживала тѣ сцены, при которыхъ Лейдгать игралъ какую нибудь роль въ ея прошломъ. Всѣ онѣ были связаны съ ея семейными тревогами и только въ двухъ случаяхъ рядомъ съ образомъ Лейдгата возникалъ въ ея воспоминаніяхъ образъ его жены и еще другого лица. Перебирая прошедшее, она пришла къ тому убѣжденію, что Лейдгать не могъ быть счастливъ въ супружествѣ. Малѣйшій намекъ на жену дѣйствовалъ на него всегда непріятно. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, въ воображеніи Доротей разыгралась

цѣлая драма и она невольно задумалась, глядя на темныя деревья и на зеленый лугъ, разстилавшійся передъ окнами библиотеки.

Когда Лейдгатъ вошелъ въ комнату, ее поразила перемена, въ его лицѣ. Это была не худоба, а нѣчто такое, что отпечатывается иногда и на молодыхъ лицахъ, послѣ упорной борьбы съ отчаяніемъ и озлобленіемъ.

Когда Доротея протянула ему руку и ласково посмотрѣла на него, это жесткое выраженіе смягчилось и приняло оттѣнокъ грусти.

— Мнѣ ужъ давно хотѣлось васъ видѣть, м-ръ Лейдгатъ, произнесла Доротея, когда они сѣли другъ противъ друга;— но я откладывала свиданіе съ вами до тѣхъ поръ, пока м-ръ Бюльстродъ самъ не обратился ко мнѣ по поводу больницы. Я знаю, что вновь устраиваемое имъ отдѣленіе находится подъ вашимъ вѣденіемъ, и надѣюсь, что вы не откажетесь сообщить мнѣ, что слѣдуетъ сдѣлать для этого заведенія.

— Вамъ угодно, чтобы я рѣшилъ, нужно-ли дать щедрое денежное пособіе на больницу? спросилъ Лейдгатъ.— Говоря по совѣсти, я не считаю себя въ правѣ просить у васъ денегъ на такое дѣло, которымъ я завѣдую. Притомъ очень можетъ быть, что я вынужденъ буду удалиться изъ Миддльмарча.

Лейдгатъ проговорилъ это отрывисто, съ болью въ сердцѣ, терзаемый мыслію, что онъ долженъ будетъ подчиниться прихоти Розамунды.

— Надѣюсь, что васъ побуждаетъ отказаться отъ принятія моего пособія для больницы никакъ не предположеніе, что я сомнѣваюсь въ васъ? сказала Доротея съ свойственною ей прямо-той. — Правда, до меня дошли невыгодные слухи, распускаемые на вашъ счетъ; но я съ первой-же минуты догадалась, что это клевета. Вы неспособны ни на что низкое и безчестное.

Это было первое слово довѣрія, услышанное въ послѣднее время Лейдгатомъ. Онъ глубоко вздохнулъ и могъ только произнести вполголоса:

— Благодарю васъ!

Онъ никакъ не ожидалъ, что его могутъ такъ взволновать нѣсколько дружескихъ, привѣтливыхъ словъ женщины.

— Расскажите, пожалуйста, какъ это все произошло? продол-

жала Доротея. — Я увѣрена, что ваше откровенное признаніе разъяснитъ истину.

Лейдгать вскочилъ со стула и, забывъ, гдѣ онъ, подошелъ къ окну и задумался. Ему самому не разъ страстно хотѣлось высказаться кому нибудь; но его останавливало опасеніе усилить тѣмъ тяжесть обвиненія, павшаго на Бюльстрода, а главное, онъ былъ увѣренъ, что люди во всякомъ случаѣ не измѣнятъ составленнаго о немъ мнѣнія. Теперь-же просьба Доротеи поколебала его прежнюю сдержанность, хотя онъ и находилъ, что подчиниться ея желанію было неблагоприятно.

— Разскажите мнѣ все, повторила Доротея, — и мы хорошо обдумаемъ вдвоемъ это дѣло. Каждый невѣрный слухъ необходимо опровергать.

Лейдгать, наконецъ, пришелъ въ себя и повернулся къ Доротеѣ, которая глядѣла на него своими прекрасными, полными довѣрія глазами. Лейдгать, измученный до того времени нравственной пыткой, ожилъ подъ вліяніемъ этого ласковаго взгляда. Онъ сѣлъ на свое мѣсто и почувствовалъ, что камень свалился съ его души.

— Я не стану строго осуждать Бюльстрода, давшаго мнѣ въ займы деньги въ минуту моей крайней нужды, хотя лучше-бы было, если-бы я никогда ихъ не бралъ у него. Онъ такъ несчастенъ, такъ униженъ, что я не желалъ-бы его добивать. Но вамъ я готовъ все сказать. Есть какая-то отрада говорить съ человѣкомъ, который вѣритъ вамъ на слово, не требуя фактовъ для доказательства нашей честности.

— Вы можете вполне на меня положиться, отвѣчала Доротея, — что безъ вашего разрѣшенія я не передамъ никому ни слова о нашемъ разговорѣ; но позвольте, по крайней мѣрѣ, заявить всѣмъ, что вы выяснили мнѣ обстоятельства дѣла и что я убѣждена въ вашей невинности. М-ръ Фэрбротэръ, дядя и сэръ Джемсъ Читамъ — всѣ трое повѣрятъ мнѣ; мало того, я поѣду въ Миддлмарчъ къ нѣкоторымъ знакомымъ, и хотя я съ ними не въ короткихъ отношеніяхъ, но и они мнѣ повѣрятъ. Они увидятъ, что у меня нѣтъ другой побудительной причины защищать васъ, кромѣ желанія открыть истину. Я употреблю всѣ средства, чтобы оправдать васъ; мнѣ, женщицѣ, неимѣющей никакого занятія, нельзя выбрать лучшаго дѣла.

Голосъ Доротеи и дѣтское увлеченіе, съ которыми она говорила, повліяли необыкновенно отрадно на Лейдгата. Онъ даже не замѣтилъ, что она нѣсколько донехотствуетъ; онъ весь отдался охватившему его чувству симпатіи къ этой благородной женщинѣ и, отбросивъ въ сторону самолюбіе и свою враждебную замкнутость, разсказалъ все до мельчайшихъ подробностей, начавъ съ той минуты, когда онъ, преслѣдуемый кредиторами, обратился къ Бюльстроуду за деньгами.

— До меня дошелъ слухъ, будто Гоули послалъ кого-то въ Стон-Кортъ допрашивать эконожку; будто та показала, что дала выпить больному весь опиумъ изъ стеклянки, которую я тамъ оставилъ, и будто, кромѣ того, она пила его часто водкой. Но водка и опиумъ такія средства, которыя предписываются иногда самыми лучшими врачами, поэтому меня обвиняютъ не въ отравленіи больного, а въ томъ, что я подкупленъ Бюльстродомъ, имѣвшимъ важныя причины желать смерти больного, чтобы я смотрѣлъ сквозь пальцы на уходъ за нимъ и вообще держалъ-бы языкъ за зубами. Почему сидѣлка не исполнила въ точности моихъ приказаній, — на это я не умѣю дать вамъ отвѣта. Быть можетъ, что Бюльстродъ вовсе невиненъ въ этомъ преступленіи, очень можетъ быть даже, что онъ не давалъ никакихъ приказаній сидѣлкѣ, а только утаилъ то, что произошло; но общественному мнѣнію до всего этого дѣла нѣтъ. Оно обвинило Бюльстрода на томъ основаніи, что онъ имѣлъ какія-то побудительныя причины уморить больного. Вмѣстѣ съ Бюльстродомъ осудили и меня, потому-что я занялъ у него деньги. Я обезчещенъ,—это фактъ, и поправить дѣло невозможно.

— Боже мой! воскликнула Доротея;—я теперь понимаю, какъ вамъ трудно защитить себя. И нужно-же было, чтобы вся эта исторія обрушилась на голову человѣка, который стоитъ по своему развитію выше общества, который задумалъ разныя улучшенія, — я очень помню нашъ разговоръ по поводу перемѣнъ въ больницѣ. Нѣтъ, я не могу допустить мысли, что это дѣло непоправимо! По моему, нѣтъ выше несчастія, какъ имѣть въ виду какую-нибудь серьезную цѣль, стремиться къ ней и не достигъ ея.

— Да, грустно отвѣчалъ Лейдгатъ,—у меня было своего рода честолюбіе, я ждалъ отъ жизни совѣтъ другого; мнѣ казалось,

что у меня достанетъ силы характера, энергіи для борьбы съ обстоятельствами, но я встрѣтилъ такія страшныя препятствія, какихъ вовсе не ожидалъ...

— Погодите, остановила его Доротея. — Предположимъ, что мы начнемъ устраивать больницу согласно составленному вами плану. Вы останетесь въ Миддлмарчѣ, васъ будетъ поддерживать небольшое число друзей; всеобщее нерасположеніе мало-по-малу ослабѣетъ, затѣмъ могутъ явиться какія-нибудь обстоятельства, которыя заставятъ людей сознаться, что они васъ несправедливо обвиняли и что ваши поступки были всегда безукоризненно чисты. А тамъ — вы совершите ученое открытіе, прославитесь, какъ Луи или Лэнэнъ, о которыхъ вы мнѣ рассказывали, и мы начнемъ гордиться вами, заключила Доротея съ улыбкой.

— Все это могло-бы случиться, если-бы я не потерялъ въру въ самого себя, возразилъ Лейдгатъ мрачно. — Меня ничто такъ не раздражаетъ, какъ необходимость отражать со всѣхъ сторонъ удары клеветы и все-таки не имѣть возможности снять съ себя позоръ. Повторяю вамъ снова — я не имѣю права принять отъ васъ большую сумму денегъ на предпріятіе, находящееся въ моихъ рукахъ.

— Не забудьте, что черезъ это вы дадите мнѣ занятіе, сказала Доротея. — Подумайте только, что деньги для меня бремя; меня увѣряютъ, будто мнѣ недостаетъ ихъ на небольшое предпріятіе, а я, напротивъ, знаю, что ихъ у меня слишкомъ много. Я имѣю 700 фунтовъ своего собственнаго дохода, да м-ръ Казобонъ оставилъ мнѣ имѣніе, приносящее 1,900 фунт., въ годъ; кромѣ того, у меня въ банкѣ лежитъ постоянный запасный капиталъ отъ 3 до 4 тысячъ. Мнѣ очень хотѣлось-бы взять отсюда эту сумму, купить на нее землю и основать ремесленную школу; но сэръ Джемсъ и дядя увѣряютъ, будто это слишкомъ рискованное предпріятіе. И такъ вы видите, что для меня нѣтъ выше радости, какъ употребить съ пользой мое богатство. Я была-бы невыразимо счастлива, если-бы могла улучшить положеніе другихъ людей. Деньги — лишняя обуза для тѣхъ, кто въ нихъ не нуждается.

Улыбка мелькнула на грустномъ лицѣ Лейдгата; наивное увлеченіе Доротеи имѣло для него неотразимую прелесть. Она-же приняла эту улыбку за согласіе на ея предложеніе.

— Теперь вы, конечно, убѣдились, что не слѣдовало быть слишкомъ щекотливыми, сказала Доротея ласково. — Основаніе больницы—одно хорошее дѣло, а другое должно состоять въ томъ, чтобы возвратить вамъ прежнее спокойствіе и счастье.

Лицо Лейдгата вдругъ измѣнилось.

— Вы богаты, вы великодушны, вы можете много сдѣлать добра, но...

Онъ загнулся и сталъ смотрѣть въ окно. Доротея молчала, не спуская съ него глазъ.

— Да что тутъ скрывать? воскликнулъ вдругъ Лейдгатъ, оборачиваясь къ ней.—Вамъ лучше, чѣмъ кому-нибудь извѣстно, какъ тяжелы иногда бываютъ супружескія цѣпи! Вы понимаете, что я хочу сказать.

Сердце Доротеи сильно забилося. „Неужели и онъ несчастливъ?“ подумала она, но не сказала ни слова.

— Я не могу ни къ чему приступить, ничего сдѣлать, не принявъ прежде въ соображеніе, понравится-ли это моей женѣ. Занятія, которымъ я предавался съ любовью, когда былъ холостымъ, сдѣлались теперь для меня недоступными. Я не могу видѣть ея слезъ. Выхода за меня замужъ, она даже не понимала хорошо, что дѣлаетъ. Я думаю, что для нея было-бы гораздо лучше выйти за другого.

— Знаю все это, знаю! отвѣчала Доротея, живо представя себѣ свою собственную жизнь.—Вы противъ воли дѣлаете ее несчастной.

— Да. У нея засѣла, напримѣръ, теперь въ голову мысль уѣхать изъ Миддльмарча; она ни за что не хочетъ оставаться здѣсь. Ей надобли неприятности, переносимыя нами въ послѣднее время, сказалъ Лейдгатъ и вдругъ замолчалъ, боясь дальнѣйшихъ объясненій.

— Но если она увидитъ, что вамъ полезно будетъ здѣсь остаться? возразила Доротея, взглянувъ вопросительно на Лейдгата.

— Она этого никогда не увидитъ, отвѣтилъ онъ коротко.—Да притомъ у меня и духу не достанетъ остаться въ Миддльмарчѣ.

Онъ опять замолчалъ; но, рѣшившись, наконецъ, сообщить Доротеѣ еще нѣсколько подробностей изъ своей домашней жизни, онъ прибавилъ:

— Дѣло въ томъ, что случившаяся исторія совершенно ее ошеломила; мы даже не могли рѣшиться переговорить объ ней другъ съ другомъ. Повѣрьте, я до сихъ поръ не знаю, что моя жена думаетъ обо мнѣ. Очень можетъ быть, что она подозреваетъ меня въ низкомъ поступкѣ. Отчасти я самъ въ этомъ виноватъ,—мнѣ слѣдовало-бы быть съ нею откровеннѣе, но я такъ жестоко страдалъ въ послѣднее время...

— Могу я навѣстить ее? спросила съ живостію Доротея. — Какъ приметъ она мое участіе? Я ей передамъ, что вы оправдались въ глазахъ всего свѣта: я постараюсь убѣдить ее въ вашей невинности, успокоить ее. Спросите, позволить-ли мнѣ она пріѣхать? Я ее уже видѣла одинъ разъ.

— Я увѣренъ, что она будетъ очень польщена вашимъ визитомъ, отвѣчалъ Лейдгать, и въ душѣ его мелькнулъ лучъ надежды.—Ей будетъ отрадно узнать, что, по крайней мѣрѣ, вы не лишили меня своего уваженія. Но я ей ничего не скажу о вашемъ посѣщеніи, иначе она можетъ подумать, что вы пріѣхали по моей просьбѣ. По настоящему, мнѣ-бы не слѣдовало вмѣшиваться въ наши семейныя дѣла посторонняго человѣка, но...

Лейдгать умолкъ и въ комнатѣ водворилось молчаніе. Доротеѣ нужно было употребить надъ собой усиліе, чтобы не высказать Лейдгату, что ей очень хорошо извѣстно, какъ иногда между мужемъ и женой стоитъ невидимая преграда; но она боялась оскорбить его и зайти слишкомъ далеко.

— Если ваша жена узнаетъ, что у васъ есть друзья, которые вамъ вѣрятъ и готовы поддержать васъ, то она, можетъ быть, согласится, чтобы вы остались въ Миддльмарчѣ и продолжали свои прежнія занятія; а со временемъ и вы приняли-бы мое предложеніе относительно больницы. Въ послѣднемъ я даже не сомнѣваюсь, потому-что этотъ родъ дѣятельности дастъ вамъ возможность употребить съ пользою ваши медицинскія познанія.

Лейдгать молчалъ, однако, Доротея видѣла, что въ немъ происходитъ сильная внутренняя борьба.

— Я не требую отъ васъ немедленнаго рѣшенія, продолжала она кротко,—я могу подождать нѣсколько дней, прежде чѣмъ отвѣтить Бюльстроду.

— Нѣтъ, воскликнулъ Лейдгать, не выдержавъ долѣе,—колебанія теперь неумѣстны. Я не могу отвѣчать за свое будущее...

Съ моей стороны было-бы безчестно вовлекать другихъ въ серьезныя денежныя затраты... Очень можетъ быть, что меня заставятъ уѣхать изъ Миддльмарча... У меня нѣтъ ничего вѣрнаго впереди, и потому я не имѣю права воспользоваться вашей добротой. Нѣтъ, пусть новая больница сольется съ старой и пусть все пойдетъ тѣмъ порядкомъ, какой-бы существовалъ въ томъ случаѣ, если-бы я вовсе не пріѣзжалъ сюда. У меня есть нѣсколько полезныхъ замѣтокъ; я ихъ отошлю къ тому врачу, который займетъ мое мѣсто, а самъ буду хлопотать только о томъ, чтобы получить должность съ содержаніемъ.

— Мнѣ очень грустно видѣть въ васъ такую безнадежность. Какое было-бы счастье для вашихъ друзей вывести васъ изъ этого положенія! Мы знаемъ ваши блестящія способности и вѣримъ въ ваше будущее. Я богата: снимите съ моихъ плечъ бремя, позвольте мнѣ выплачивать вамъ ежегодно извѣстную сумму, пока не поправятся ваши обстоятельства и вы не достигнете независимости. Мнѣ такъ было-бы пріятно подѣлиться съ вами!

— Да благословитъ васъ Богъ, м-съ Казобонъ! произнесъ Лейдгатъ, вставъ съ мѣста и облокотясь на высокую спинку кожаного кресла, на которомъ онъ сидѣлъ.—У васъ великодушныя побужденія, но я не въ состояніи принимать незаслуженныхъ благодареній; я не могу унизиться до такой степени, чтобы получать вознагражденіе за дѣло, неконченное мною. Мнѣ остается одно,—я это вижу ясно,—уѣхать изъ Миддльмарча, какъ можно скорѣе. Я здѣсь долго не буду имѣть практики; придется ѣхать въ Лондонъ и тамъ пробывать себѣ дорогу, а не то поселиться на какихъ-нибудь водахъ или на югѣ, гдѣ всегда такое множество нашихъ праздныхъ соотечественниковъ, и разсылать печатныя объявленія о себѣ. Вотъ жизнь, которую мнѣ предстоитъ влачить.

— Это не хорошо, сказала Доротея, — у васъ, значить, недостаетъ мужества для борьбы съ жизнію.

— Знаю, отвѣчалъ Лейдгатъ. — Да развѣ легко перенести ударъ, который парализуетъ васъ? Впрочемъ, я ожилъ нѣсколько послѣ разговора съ вами, и если вы очистите мое доброе имя въ глазахъ нѣкоторыхъ, особенно Фэрбротера, то я буду вамъ горячо благодаренъ. Прошу васъ только не упомирать, что Бюльстродъ не выполнилъ моихъ предписаній. Противъ меня собственно не существуетъ никакихъ уликъ; меня только подозрѣваетъ обще-

ственное ивѣніе; вы можете повторить слово въ слово то, что я говорилъ вамъ.

— Я убѣждена, что м-ръ Фэрбротеръ тотчасъ-же повѣритъ мнѣ, да надѣюсь, что и другіе повѣрятъ. Успокойтесь, я сдѣлаю защититъ васъ; имъ всѣмъ сдѣлается стыдно, что они пустили въ ходъ клевету, будто вы дали подкупить себя для совершенія дурного дѣла.

— Меня никто не подкупалъ, отвѣчалъ Лейдгата и голосъ его дрогнулъ,—но есть поводъ подозрѣвать въ этомъ, такъ-какъ всѣмъ извѣстно, что я уплатилъ мои долги. Вотъ почему я сочту за величайшее благодареніе вашъ визитъ моей женѣ.

— Я непременно буду у нея, — я помню, она прехорошенькая, сказала Доротея, въ сердцѣ которой глубоко вѣзался об-разъ Розамунды.—Надѣюсь, что она меня полюбитъ.

Лейдгата простился и уѣхалъ.

— Что это за удивительное созданье! воскликнулъ онъ, возвращаясь домой верхомъ; — это просто святая. Она не думаетъ о своемъ будущемъ, отдастъ послѣднее и оставитъ себѣ одинъ стулъ, чтобы, сидя на немъ, кротко смотрѣть своими ясными глазами на облагодѣтельствованныхъ ею смертныхъ. Ея сердце—цѣлный источникъ любви къ человѣчеству; я даже думаю, что и къ Казобову она относилась съ чувствомъ восторженнаго самоотверженія. Мнѣ кажется, она не можетъ полюбить мужчину иначе... развѣ вотъ Владислава... между ними, конечно, существуетъ другое чувство, и Казобонъ, повидимому, замѣчалъ это. Да! любовь такой женщины дороже всѣхъ сокровищъ.

Доротея, съ своей стороны, по отъѣздѣ Лейдгата, дала себѣ слово избавить его отъ обязательства въ отношеніи къ Бюльстро-ду, которое, какъ она видѣла, тяготило его. Подъ вліяніемъ еще живого впечатлѣнія, она сѣла и написала къ Лейдгату коротенькую записку, въ которой говорила, что имѣетъ болѣе права, чѣмъ Бюльстродъ, оказать ему небольшое денежное одолженіе и что со стороны его, Лейдгата, будетъ очень нелюбезно лишить ее этого удовольствія, тѣмъ болѣе, что ему извѣстно, какимъ бременемъ для себя она считаетъ деньги. „Назовите меня своимъ кредиторомъ или чѣмъ хотите, только исполните мою просьбу.“ Она вложила въ конвертъ чекъ въ 1,000 ф., съ намѣреніемъ взять его съ собой на другой день, когда поѣдетъ съ визитомъ въ Розамундѣ.

ГЛАВА LXXVI.

На слѣдующій день Лейдгату понадобилось ѣхать въ Брассингъ и онъ сказалъ Розамундѣ, чтобы она не ждала его ранѣе вечера.

Проводивъ мужа, Розамунда спустилась внизъ изъ своей спальни, гдѣ она проводила иногда цѣлые дни въ отсутствіе Лейдгата. Она шла по лѣстницѣ, одѣтая въ очень красивый костюмъ для прогулки по городу, и держала въ рукѣ письмо, адресованное на имя м-ра Владислава. Оно было написано въ очаровательно-приличномъ тонѣ, но заключало въ себѣ легкій намекъ на тревожныя домашнія обстоятельства и просьбу, чтобы онъ поспѣшилъ пріѣздомъ. Служанка, составлявшая теперь единственную прислугу въ домѣ, посмотрѣла на Розамунду и подумала: „И какая-же она, бѣдняжка, хорошенькая въ этой шляпкѣ“.

Въ это-же время Доротея готовилась сдѣлать визитъ Розамундѣ и перебирала въ своемъ умѣ все, что касалось ея отношеній къ Вилю Владиславу. Слушая сплетни м-съ Кадваладеръ на ихъ счетъ, она всегда старалась защитить и жену Лейдгата, и Виля. Мало того, когда въ послѣднее свиданіе съ Вилемъ ей показалось, будто онъ нѣсколько увлекся Розамундой и силится побѣдить въ себѣ это чувство, Доротея и тогда готова была извинить его, находя очень естественнымъ, что ему нравится общество хорошенькой молодой женщины, которая притомъ хорошо поетъ. Страстное-же признаніе въ любви къ ней самой, вырвавшееся у него въ послѣднюю минуту ихъ свиданія, окончательно разсѣяло всѣ сомнѣнія Доротеи и она стала безусловно вѣрить въ любовь Виля къ себѣ. Она гордилась благородствомъ его правилъ и независимостью характера и совершенно успокоилась насчетъ его отношеній къ м-съ Лейдгатамъ.

Она никогда не мечтала о Вилѣ, какъ о своемъ мужѣ, а между тѣмъ ей было-бы трудно отказаться отъ его любви. Вообще мысль о вторичномъ бракѣ возбуждала въ ней въ послѣднее время отвращеніе, именно вслѣдствіе того, что ея родные начали ей расхваливать какого-то жениха, котораго она не видала въ глаза. „Этотъ человѣкъ, душа моя, говорилъ дядя Брукъ,—будетъ отлично управлять твоимъ имѣніемъ“.

— Благодарю васъ, дядя, отвѣчала на это Доротея, — я-бы сама сѣужѣла справиться съ имѣніемъ, если-бы только знала, куда употребить доходы съ него. Къ тому-жъ, увѣряю васъ, я вовсе не намѣрена выходить замужъ.

Подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ мыслей и ощущеній Доротея поѣхала къ м-съ Лейдгату. Въ семейныя недоразумѣнія между супругами она не хотѣла вмѣшиваться; но, искренно сочувствуя Розамундѣ, оставленной всеми вслѣдствіе возникшаго противъ Лейдгата подозрѣнія, она намѣревалась выразить свою симпатію къ ней и свое уваженіе къ ея мужу.

„Я буду съ нею говорить только о мужѣ“, думала Доротея, подъѣзжая къ городу.

Прелестное весеннее утро, запахъ талой земли, свѣжая зелень, — все вмѣстѣ поддерживало пріятное расположеніе духа Доротеи, только-что кончившей длинный разговоръ съ Фэрбротеромъ, къ которому она завернула по дорогѣ. Фэрбротеръ съ радостью выслушалъ доказательства невинности Лейдгата.

— Я передамъ эту добрую вѣсть м-съ Лейдгату, разсуждала Доротея; — я увѣрена, что она останется очень довольна, будетъ со мной откровенна и между нами завяжется дружба.

Кромѣ визита къ Розамундѣ, у Доротеи было дѣло въ Ловикъ-Гэтѣ; ей понадобилось зайти въ школу. Оставя тутъ свой экипажъ, она приказала кучеру дожидаться какихъ-то покупокъ, а сама перешла пѣшкомъ улицу и вошла на крыльцо квартиры Лейдгата. На крыльцѣ стояла горничная, которая, зазѣвавшись на экипажъ, не замѣтила, что прямо къ ней идетъ молодая, нарядная леди.

— Дома-ли м-съ Лейдгату? спросила Доротея.

— Навѣрное не могу сказать, миледи, отвѣчала Марта, сконфузясь, что ее застали въ кухонномъ фартукѣ.

— Скажите, что пріѣхала м-съ Казобонъ, сказала Доротея.

Марта отправилась впередъ, съ тѣмъ, чтобы предложить посѣтительницѣ пройти въ гостиную, а самой бѣжать наверхъ справиться, вернулась-ли м-съ Лейдгату съ прогулки. Миновавъ переднюю, онѣ вошли въ небольшой коридоръ, ведущій въ садъ. Дверь въ гостиную не была заперта; Марта отворила ее, не взглянувъ въ комнату, пропустила туда м-съ Казобонъ и ушла. Дверь отворилась и затворилась безъ малѣйшаго шума.

Доротея, занятая своими мыслями, разсѣянно переступила порогъ гостиной, не отдавая себѣ яснаго отчета, гдѣ она находится. Но въ ту-же минуту до ея слуха донесся чей-то шопотъ; она безсознательно сдѣлала два шага впередъ и вдругъ изъ-за угла шкапа съ книгами, стоявшаго у двери, она увидѣла сцену, отъ которой окаменѣла.

Спиною къ ней, на диванѣ, какъ-разъ за шкапомъ, сидѣлъ Виль Владиславъ; рядомъ съ Вилемъ, чрезвычайно близко къ нему, вся заплаканная, разрумянившаяся отъ волненія, сидѣла хорошенькая Розамунда. Виль нагнулся къ ней, схватилъ обѣ ея руки и съ жаромъ говорилъ что-то.

Въ первую минуту, увлеченная разговоромъ, Розамунда не замѣтила безмолвно приближавшуюся Доротею; но когда та отступила назадъ въ смущеніи и зацѣпила нечаянно какой-то столикъ, Розамунда вздрогнула, порывистымъ движеніемъ вырвала изъ рукъ Вили свои руки и, вскочивъ съ мѣста, вопросительно глядѣла на гостью. Виль также поспѣшно всталъ, обернулся и оцѣпенѣлъ подъ блестящимъ отъ негодованія взоромъ Доротеи.

Но она тотчасъ-же отвела отъ него глаза и, обратясь къ Розамундѣ, сказала твердымъ голосомъ:

— Извините меня, м-съ Лейдгать, ваша горничная не знала, что вы здѣсь... Я пріѣхала за тѣмъ, чтобы передать м-ру Лейдгату очень важное письмо, и хотѣла вручить его лично вамъ.

Она положила письмо на столикъ, задѣтый ею при отступленіи, холодно взглянула на Вили и Розамунду, слегка кивнула имъ головой и быстро вышла изъ комнаты. Въ коридорѣ она встрѣтила удивленную Марту, которая сказала ей, что, къ сожалѣнію, м-съ Лейдгать дома нѣтъ, и проводила ее до экипажа, мысленно разсуждая, что эти важныя барыни должны быть ужасно нетерпѣливы.

По уходѣ Доротеи Розамунда, и Виль точно окаменѣли и простояли такъ нѣсколько времени: онъ — не спуская глазъ съ двери, въ которую исчезла Доротея, а она — смотря на Вили съ недоумѣніемъ. Происшедшая сцена, вмѣсто того, чтобы смутить Розамунду, доставила ей даже нѣкотораго рода удовольствіе. Мелкимъ натурамъ вообще никогда нѣтъ дѣла до другихъ; онѣ воображаютъ, что одного ласковаго слова ихъ, граціознаго жеста достаточно для того, чтобы уничтожить непріятное впечатлѣніе,

произведенное какимъ-нибудь обстоятельствомъ. Она знала, что Вилю нанесенъ страшный ударъ, но, мысленно перекраивая людей на свой ладъ, она была убѣждена въ своей способности утѣшить и успокоить его.

Протянувъ руку, она дотронулась кончиками своихъ пальцевъ до рукава Виля.

— Не трогайте меня! крикнулъ онъ, поблѣднѣвъ какъ полотно. На лицѣ его выразилось такое страданіе, точно Розамунда ударила его бичомъ. Однимъ прыжкомъ онъ очутился на другомъ концѣ комнаты и смотрѣлъ на Розамунду съ самымъ вызывающимъ видомъ.

Розамунда была глубоко оскорблена, однако, не выдала себя; въ эту минуту только одинъ Лейдгатъ понялъ-бы, что совершалось въ ней. Она вдругъ притихла, опустила на диванъ. Маленькія ручки ея похолодѣли.

Приличіе требовало, чтобы Виль взялъ шляпу и удалился; но онъ этого не сдѣлалъ. Напротивъ, въ немъ родилось непреодолимое желаніе излить на Розамунду все свое бѣшенство. Онъ былъ похожъ на раненую пантеру, готовую броситься на охотника и загрызть его. Но, между-тѣмъ, какъ сказать женщинѣ въ глаза, что онъ ее проклинаетъ?

— Вы можете идти за м-съ Казобонъ и объяснить ей, кого изъ насъ двухъ вы предпочитаете, сказала Розамунда съ легкой проніей.

— Идти за ней! рѣзко возразилъ Виль:—и вы воображаете, что она удостоитъ меня взглядомъ, обратитъ вниманіе на мои слова? Объяснитъ! Да развѣ мужчина можетъ объясняться, когда дѣло идетъ о репутаціи женщины?

— Ну, такъ скажите ей что-нибудь другое, продолжала Розамунда взволнованнымъ голосомъ.

— Вы, вѣроятно, предполагаете, что она меня полюбитъ за то, что я принесъ ей въ жертву васъ? отвѣтилъ жолчно Виль.— Нѣтъ, это не такая женщина, которой можно польстить, измѣнивъ ради нея другой... Ее не убѣдишь, что я остался ей вѣренъ, выказавъ малодушіе относительно васъ...

Съ этими словами Виль началъ въ безпокойствѣ ходить по комнатѣ.

— Она никогда не подавала мнѣ надежды, продолжалъ онъ,

какъ-бы разговаривая самъ съ собою;—единственнымъ моимъ счастьемъ было то, что она довѣряла мнѣ... что люди ей ни наговаривали на меня,—она мнѣ вѣрила... А теперь—все кончено... она имѣетъ полное право думать, что я лгалъ, безсовѣстно лгалъ съ той первой минуты, какъ...

Виль остановился, готовый разбить въ дребезги все, что попало-бы ему подъ руку.

— Объясниться съ ней! насмѣшливо твердилъ онъ; — развѣ человѣкъ можетъ объяснить, какъ онъ попалъ въ адъ? Увѣрять въ томъ, что я предпочитаю ее всѣмъ! Да развѣ есть хоть одна женщина, которую-бы я поставилъ рядомъ съ нею въ моемъ сердцѣ. Съ этой минуты даю слово не дотронуться до руки ни одной женщины.

Розамунда совершенно потерялась подъ градомъ этихъ жестокихъ и незаслуженныхъ упрековъ. Самыя бурныя сцены съ Лейдгатовъ никогда не вызывали такихъ горькихъ ощущеній въ ея душѣ. Когда Виль пересталъ говорить, на нее жалко было смотреть. Губы ея совершенно побѣлѣли, а въ глазахъ выразалось тупое отчаяніе. Если-бъ вмѣсто Вили передъ ней стоялъ въ эту минуту Тертій, онъ давно-бы былъ у ея ногъ, и она до-сыта-бы наплакалась въ его объятіяхъ, которыми до сихъ такъ мало дорожила.

Не станемъ осуждать Вили за отсутствіе состраданія къ молодой женщинѣ. Не состоя въ формальной связи съ Розамундой, онъ помнилъ только одно, что она разбила его счастье, и считалъ себя въ правѣ укорять ее безъ всякой жалости; сознавая отчасти безчеловѣчность своего поступка, онъ все-таки не имѣлъ силы обдурять себя.

Высказавъ все, что у него было на душѣ, онъ продолжалъ молча ходить по комнатѣ, а Розамунда сидѣла неподвижно на томъ-же мѣстѣ. Наконецъ, Виль точно очнулся, взялъ шляпу и остановился въ нерѣшимости въ нѣсколькихъ шагахъ отъ м-съ Лейдгаты. Отдѣляясь, прощаясь съ нею, нѣсколькими вѣжливыми фразами, послѣ такой оскорбительной выходки, Вилю казалось неловко, а уйти, не сказавъ ни слова, было-бы грубо. Онъ невольно взглянулъ на блѣдное лицо Розамунды и не могъ не сознаться, что она гораздо болѣе достойна сожалѣнія, чѣмъ онъ.

Нѣсколько минутъ прошло въ обоюдномъ молчаніи. Всегдаш-

няя находчивость измѣнила ей въ настоящемъ случаѣ; она не могла произнести ни одного слова, а между тѣмъ Вилю очень хотѣлось, чтобы она заговорила и помогла ему разсѣять то тягостное впечатлѣніе, подѣ влияніемъ котораго она находилась теперь. Но Розамунда, какъ на зло, молчала, такъ что Виль принужденъ былъ сдѣлать надъ собой страшное усиліе и спросить:

— Прійти мнѣ сегодня вечеромъ, чтобы повидаться съ Лейдгатомъ?

— Какъ хотите, отвѣтила она едва слышно.

Виль поклонился и вышелъ изъ дому прежде, чѣмъ Марта догадалась, что онъ былъ у нихъ въ гостяхъ.

Только-что дверь за нимъ затворилась, Розамунда съ трудомъ дошла до своей спальни, она бросилась на кровать, какъ была, въ платѣ, и пролежала до вечера въ полузабытѣи.

Лейдгатъ вернулся раньше, чѣмъ думалъ. Увидя, что жена больна, онъ забылъ обо всемъ. Онъ взялъ ее за руку и замѣтилъ, что въ ея пристальномъ взглядѣ было что-то ласковое. Онъ сѣлъ на ея постель и, нагнувшись къ ея лицу, нѣжно произнесъ:

— Бѣдненькая ты моя! Вѣрно тебя что-нибудь взволновало?

Припавъ къ плечу мужа, Розамунда разразилась истерическими рыданіями. Прошелъ цѣлый часъ прежде, чѣмъ ему удалось успокоить ее. Лейдгатъ вообразилъ, что этотъ нервный припадокъ жены есть слѣдствіе волненія, произведеннаго въ ней неожиданнымъ посѣщеніемъ Доротей.

Когда Розамунда успокоилась, Лейдгатъ далъ ей сонныхъ капель, а самъ сошелъ въ гостиную съ тѣмъ, чтобы взять забытую имъ тамъ книгу и провести весь вечеръ за чтеніемъ въ своемъ кабинетѣ. Вдругъ онъ увидѣлъ на столѣ письмо Доротей, адресованное на его имя. Заставъ жену больною, Лейдгатъ, по возвращеніи домой, не рѣшился спросить ее, была-ли у нихъ Доротей; по прочтеніи-же письма онъ убѣдился, что та дѣйствительно была, такъ-какъ писала, что сама доставить письмо.

Вечеромъ пришелъ Виль. Лейдгатъ встрѣтилъ его съ видомъ такого удивленія, которое ясно свидѣтельствовало, что онъ ничего не зналъ объ его утреннемъ посѣщеніи, а у Вилия не достало духу освѣдомиться, говорила-ли Розамунда своему мужу о томъ, что онъ уже былъ сегодня у нихъ.

— Бѣдная моя Розамунда больна, сказала Лейдгать послѣ первыхъ привѣтствій.

— Надѣюсь, что не серьезно? спросилъ Виль.

— Нѣтъ, съ нею былъ небольшой нервный припадокъ, вслѣдствіе волненія. Въ послѣднее время она очень разстроена разными обстоятельствами; послѣ того, какъ мы съ вами разстались, намъ пришлось пройти черезъ огонь и воду; но тяжелѣе всего было послѣднее испытаніе. Ну, а вы какъ поживаете? Вѣроятно, только-что пріѣхали? У васъ лицо встревоженное, — неужели вы успѣли проѣздомъ черезъ городъ услышать что-нибудь непріятное?

— Я всю ночь ѣхалъ; сегодня утромъ, ровно въ 8 часовъ, остановился въ гостинницѣ „Бѣлый Олень“, заперся въ своемъ номерѣ и отдыхалъ цѣлый день, отвѣчалъ Виль, чувствуя, что готовъ покраснѣть отъ своей лжи, но не зная, какъ иначе вернуться.

Затѣмъ Лейдгать передалъ Вилю исторію своихъ непріятностей, которую Розамунда успѣла уже сообщить ему по своему, не упомянувъ о томъ, что его имя находится въ тѣсной связи съ бывшимъ скандальнымъ происшествіемъ, такъ-какъ эта потребность не имѣла въ ея глазахъ большой важности, вслѣдствіе чего, Вилю пришлось теперь впервые узнать всѣ обстоятельства дѣла, безъ пропусковъ.

— Я считаю своимъ долгомъ не утаивать отъ васъ, что и ваше имя впутано въ эту исторію, сказала Лейдгать, понимавшій очень хорошо, что такое открытіе глубоко уязвить самолюбіе Вили.—Вы можете быть увѣрены, что, по возвращеніи въ городъ, непремѣнно услышите то, что я рассказывалъ вамъ сейчасъ. Правда-ли, что Рафль говорилъ съ вами?

— Правда, отвѣчалъ съ сардонической улыбкой Виль.—Я буду очень счастливъ, если городская сплетня не сдѣлаетъ изъ меня главнаго преступника, и убѣжденъ, что послѣдній вариантъ этой исторіи будетъ слѣдующій: скажутъ, что я находился въ заговорѣ съ Рафлемъ, чтобы убить Бюльстрода и по этой причинѣ скрылся изъ Миддльмарча.

Говоря это, Виль думалъ: вотъ прибавленіе къ моему имени, которое не преминетъ дойти до ея слуха. Впрочемъ, теперь мнѣ ужъ все равно!

О предложеніи, сдѣланномъ ему Бюльстродамъ, Виль не упо-

мянулъ ни слова. Откровенный отъ природы, онъ обладалъ въ то-же время необыкновенной деликатностью, когда затрогивались чужія дѣла; зная, что Лейдгать цѣлѣе несчастіе принять отъ Бюльстрода деньги, онъ изъ великодушія скрылъ отъ него, что тотъ отдавалъ ему часть своего состоянія и что онъ отказался.

Лейдгать, въ свою очередь, также умѣлъ скрыть многое отъ Виля. Онъ, напримѣръ, не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека на то, какъ Розамунда приняла постигшее ихъ горе; а коснувшись Доротеи, сказалъ только:

— М-съ Казобонъ — единственная личность, которая подняла за меня свой голосъ и объявила, что не вѣрить ни одному изъ обвиненій, павшихъ на мою голову.

Замѣтивъ, что Виль измѣнился въ лицѣ, Лейдгать не сталъ продолжать, изъ опасенія, чтобы тотъ не придалъ какого-нибудь другого смысла его словамъ. Въ эту минуту ему въ первый разъ пришла въ голову мысль, что настоящей причиной возвращенія Виля въ Миддльмарчъ была одна Доротея.

Оба они чувствовали состраданіе другъ къ другу, но Виль одинъ зналъ въ точности глубину горя своего собесѣдника. Когда Лейдгать заговорилъ съ горечью о необходимости переселиться въ Лондонъ и прибавилъ съ грустной улыбкой: — надѣюсь, что вы насъ тамъ не забудете, старый товарищъ? — лицо Виля сдѣлалось необыкновенно мрачно и онъ не отвѣтилъ ни слова. Не далѣе какъ утромъ, Розамунда умоляла его уговорить мужа рѣшиться на этотъ переездъ, а тутъ, какъ нарочно, обстоятельства складывались такимъ образомъ, что передъ Вилемъ, противъ его воли, въ будущемъ развертывалась магическая панорама, гдѣ онъ видѣлъ себя увлеченнымъ въ потокъ непреодолимыхъ искушеній.

ГЛАВА LXXVII.

Доротея въ тотъ-же день заѣхала въ нѣсколько мѣстъ и возвратилась домой только вечеромъ. Необходимость скрывать свои чувства совершенно обезсилила ее. Возвратясь домой и едва слышнымъ голосомъ приказавъ Тантрипъ уйти, она заперла за нею дверь, остановилась посреди комнаты и, заломивъ за голову руки, воскликнула съ отчаяніемъ:

— О, какъ я его любила!

Вслѣдъ затѣмъ она грянулась на самый полъ, и долго сдерживаемыя рыданія вырвались, наконецъ, изъ ея груди съ неукротимой силой. Она безсознательно говорила сама съ собою вслухъ, вспоминая все прошлое. Свѣтлыя картины ея пребыванія въ Римѣ и первой встрѣчи съ Вилемъ, ихъ разговоры, мечты — разомъ воскресли въ ея воображеніи; потомъ слѣдоваль цѣлый рядъ другихъ воспоминаній о томъ, какъ Виль пробудилъ въ ея сердцѣ еще незнакомое ей чувство, какъ она безгранично вѣрила ему и убѣждена была, что онъ любитъ ее одну. Но вслѣдъ затѣмъ, какъ грозный призракъ, возникла передъ нею утренняя сцена; ей слышался страстный шопотъ Вили, она видѣла передъ собой заплаканные глаза Розамунды, ея взволнованное лицо, — и жестокий приливъ досады сдавилъ ея грудь, надрывавшуюся отъ рыданій.

Но первый кризисъ отчаянія прошелъ, Доротея стала тихо плакать и заснула тутъ-же, на полу.

На зарѣ, еще задолго до восхода солнца, она очнулась съ полнымъ сознаниемъ своей скорби. Поднявшись на ноги, она вернулась въ теплую шаль и опустилась въ то самое кресло, въ которомъ, во время болѣзни мужа, ей приходилось дежурить при немъ по ночамъ. Эта ночь, проведенная безъ сна, не оставила на ея сильномъ организмѣ другихъ слѣдовъ, кромѣ утомленія и небольшой головной боли. Она не только перестала плакать, но даже принялась хладнокровно обдумывать все происшедшее съ нею наканунѣ. Въ первомъ порывѣ негодованія она одинаково обвиняла Вили и Розамунду; выходя изъ дома Лейдгатовъ, она была увѣрена, что съ этой минуты прекратитъ всѣ сношенія съ Розамундой. Женщины вообще въ припадкѣ ревности строже относятся къ соперницѣ, чѣмъ къ предмету своей любви; но въ порывистой, страстной натурѣ Доротеи было въ высшей степени развито чувство гуманности. Забывъ на время о себѣ, она думала только о томъ, какую нравственную пытку долженъ былъ переносить Лейдгатъ отъ неравнаго брака; ей невольно пришла въ голову ея собственная замужняя жизнь, и горячая симпатія къ ближнему внушила ей теперь мысль явиться избавительницей этихъ трехъ лицъ отъ грозившихъ имъ бѣдствій. „Теперь у меня есть цѣль въ жизни, рассуждала Доротея, и я начну дѣйствовать сегодня-же, лишь-бы только справиться съ сердцемъ и

заставить его молчать, не думать ни о чемъ, кромѣ счастья ихъ троихъ.“

Ровно въ одинадцать часовъ она отправилась пѣшкомъ въ Миддльмарчъ, принявъ твердое намѣреніе, какъ можно спокойнѣе и незамѣтнѣе сдѣлать попытку спасти Розамунду отъ гибели.

Въ ту минуту, когда Доротея, стоя на крыльцѣ дома Лейдгата, спрашивала Марту, у себя-ли ж-съ Лейдгатъ, самъ Лейдгатъ показался на порогѣ отворенной двери, съ шляпой на головѣ. Увидавъ Доротею, онъ быстро подошелъ къ ней.

— Какъ вы думаете, можетъ ж-съ Лейдгатъ принять меня сегодня? спросила она, не считая нужнымъ упоминать, что уже была у нея наканунѣ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ Лейдгатъ.

Его поразила пережѣна въ лицѣ Доротеи, однако, онъ не сказалъ ни слова.

— Будьте такъ добры, войдите, а я предупрежу жену, что вы здѣсь. Послѣ вчерашняго вашего визита она вдругъ занемогла, но теперь ей лучше, и я увѣренъ, что свиданіе съ вами принесетъ ей пользу.

Доротея тотчасъ сообразила, что Лейдгатъ не знаетъ подробностей ея вчерашняго посѣщенія. Она приготовила было маленькую записку къ Розамундѣ, съ просьбой принять ее, съ тѣмъ, чтобы переслать эту записку съ Мартой, въ случаѣ, если-бы Лейдгатъ не оказался дома; но теперь она сильно смутилась, не зная, какое впечатлѣніе произведетъ на Розамунду извѣстіе о ея приходѣ, сообщенное мужемъ.

Проводивъ Доротею въ гостиную, Лейдгатъ вынулъ изъ кармана письмо и, подавая его ей, сказалъ:

— Я написалъ это сегодня ночью и только что собрался ѣхать въ Ловикъ, чтобы вручить его вамъ. Есть такія благодаренія, за которыя нельзя благодарить общими словами; въ такихъ случаяхъ лучше писать.

Доротея покраснѣла и улыбнулась.

— Не вамъ меня, а мнѣ васъ слѣдуетъ благодарить. Значитъ, вы принимаете деньги?

— Да. Вашъ чекъ будетъ нынче-же отправленъ къ Бюль-строду.

Съ этими словами Лейдгатъ ушелъ на верхъ къ Розамундѣ,

которая только что кончила свой туалетъ и, томно раскинувшись въ креслѣ, размышляла, чѣмъ-бы ей заняться. Она была чрезвычайно искусна по части мелкихъ женскихъ рукодѣлій и по цѣлымъ днямъ не выпускала изъ рукъ какого-нибудь вышиванья. Въ это утро Розамунда имѣла очень болѣзненный видъ, и хотя она была спокойнѣе, чѣмъ наканунѣ, однако, Лейдгать боялся взволновать ее какими нибудь вопросами. Когда онъ сообщилъ ей о чекѣ, оставленномъ Доротеею, она не отвѣтила ему ни слова; когда онъ сказалъ затѣмъ: „Рози, Владиславъ пріѣхалъ; онъ сидѣлъ у меня вчера и общалъ быть сегодня. Мнѣ показалось, что онъ очень грустенъ и разстроенъ“,—Розамунда и тутъ промолчала. Но теперь, когда Лейдгать, придя на верхъ, ласково произнесъ: „Рози, душа моя, м-съ Казобонъ опять пріѣхала навѣстить тебя; пожалуйста, прими ее и сойди внизъ“,—Розамунда покраснѣла и вздрогнула. Лейдгать приписалъ это влиянію, произведенному на нее вчерашнимъ свиданіемъ съ Доротеей.

Розамунда не посмѣла отказать мужу и заговорить о вчерашней сценѣ.

— Зачѣмъ она пріѣхала? мелькнуло у нея въ головѣ.

Но рѣшить этотъ вопросъ она не могла. Одного имени Доротей было достаточно, чтобы расшевелить рану, нанесенную ей самолюбію рѣзкими словами Виля, а между тѣмъ, другого исхода не оставалось, какъ согласиться на просьбу мужа и идти внизъ. Она встала молча, и когда Лейдгать, навинувъ легкую шаль ей на плеча, объявилъ, что ему нужно непременно немедленно уѣхать,—то она, подъ влияніемъ какой-то задней мысли, поспѣшно сказала: „Пожалуйста, скажи Мартѣ, чтобы она никого не принимала“.

Лейдгать отвѣчалъ, что скажетъ, въ полной увѣренности, что онъ понялъ, почему именно пожелала этого его жена. Онъ проводилъ ее до дверей гостиной и тотчасъ-же ушелъ, мысленно осуждая себя за то, что обратился къ помощи посторонней женщины, для внушенія къ себѣ довѣрія жены.

Розамунда, плотно закутавшись въ свою мягкую шаль, шла на свиданіе съ Доротеей, готовясь принять ее какъ можно холоднѣе.

„Ужъ не о Вилѣ-ли она намѣрена говорить со мной? думала

Розамунда.—Если да, то это такая дерзость, которую трудно простить. Я ей просто отвѣчать не стану.

Граціозно завернувшись въ бѣлую шаль, слегка надувъ свои дѣтскія губки, блѣдная и интересная, Розамунда остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гостыи и поклонилась ей. Доротея, заранѣе снявшая перчатки,—обыкновенная привычка ея, когда она желала быть какъ можно менѣе стѣсненной,—съ лукавой улыбкой выступила впередъ и протянула руку. Розамунда встрѣтилась съ нею глазами и поневолѣ протянула ей также свою маленькую ручку, которую Доротея пожала съ материнскою нѣжностью. Взглянувъ на блѣдное, измѣнившееся со вчерашняго дня, но виѣсть съ тѣмъ привѣтливое лицо Доротеи, Розамунда устыдилась своихъ прежнихъ подозрѣній, Доротея же, въ свою очередь, находясь еще подъ вліяніемъ нервнаго возбужденія, едва не расплакалась при видѣ Розамунды. Но хотя она и сладила съ собой, однако, отъ Розамунды не скрылось это обстоятельство и она подумала, что м-съ Казобонъ совсѣмъ не такая, какой она воображала ее себѣ.

Обѣ молодыя женщины, не проговоривъ ни слова, сѣли очень близко одна къ другой, несмотря на то, что Розамунда, при входѣ въ комнату, приняла намѣреніе держаться какъ можно далѣе отъ м-съ Казобонъ. Наконецъ, Доротея заговорила самымъ естественнымъ тономъ:

— У меня было одно дѣло до васъ, которое вчера мнѣ не удалось кончить; вотъ почему я и пришла къ вамъ сегодня. Не считайте это, съ моей стороны, за навязчивость... я хотѣла переговорить съ вами о несправедливости общества къ м-ру Лейдгату... Я хочу успокоить васъ... сказать, чтобы вы не тревожились, если вашъ мужъ не говорилъ съ вами ничего о случившейся съ нимъ непріятности. Такъ какъ дѣло идетъ о защитѣ его чести, то вамъ вѣрно пріятно будетъ узнать, что у вашего мужа есть истинные друзья, которые ни на минуту не усумнились въ благородствѣ его характера. Вы мнѣ позволите объясниться съ вами откровенно?

Привѣтливый и задушевный тонъ, съ которымъ говорила Доротея, разомъ разсѣялъ чувства зависти и недоброжелательства, гнѣздившіяся въ сердцѣ Розамунды. Въ ней вдругъ пробудилась

невольная симпатія къ своей гостьѣ и она, улыбнувшись очень мило, отвѣтила:

— Я знаю, что вы очень добры, и съ удовольствіемъ выслушаю все, что вы ни скажете о Тертіѣ.

— Видите-ли, начала Доротея, — третьяго дня, когда я пригласила къ себѣ вашего мужа для переговоровъ о больницѣ, онъ передалъ мнѣ подробно всѣ обстоятельства, навлекшія на него подозрѣніе общества. Я сама вызвала его на эту откровенность; будучи убѣждена въ его благородствѣ, я попросила его рассказать мнѣ, какъ было дѣло. Онъ сознался, что причина, удерживавшая его отъ объясненій съ вами и съ другими, заключалась въ его отвращеніи отъ фразы: я невиненъ, — обыкновенно употребляемой всѣми преступниками. Вы должны знать, что вашъ мужъ не имѣлъ понятія о Рафлѣ, а тѣмъ болѣе объ его тайственныхъ отношеніяхъ къ Вюльстроуду; деньги отъ Вюльстрода онъ принялъ безъ всякой задней мысли. Больного Рафля вашъ мужъ лечилъ очень правильно; ему было непріятно, что онъ такъ неожиданно умеръ, однако, м-ръ Лейдгатъ не винитъ никого въ его смерти. Все это я передала м-ру Фэрбротеру, м-ру Бруку и сѣру Джемсу Читаму; они единодушно высказали свое довѣріе къ вашему мужу. Вы теперь будете спокойнѣе, неправда-ли? Перестанете тревожиться?

Глядя на одушевленное, разрумянившееся лицо Доротеи и слушая ея убѣдительную рѣчь, Розамунда почувствовала себя, какъ школьница передъ учительницей. Она вся вспыхнула и робко отвѣтила:

— Благодарю васъ, вы очень добры!

— Вашему мужу очень тяжело, что онъ не былъ съ вами вполне откровененъ; но вы должны его простить. Вы для него дороже всего на свѣтѣ; онъ слилъ свою жизнь съ вашей и страдалъ отъ мысли, что его непріятности отражаются на васъ. Отъ меня онъ ничего не скрылъ потому, что я для него человѣкъ совершенно посторонній. Я глубоко сочувствую вашему горю и выпросила у него позволеніе навѣстить васъ. Вотъ почему я приходила къ вамъ вчера и пришла сегодня. Нравственныя страданія трудно переносить, — не такъ-ли? Я не могу себѣ представить, чтобы можно было равнодушно относиться къ горю ближняго и не стараться помочь ему.

Доротея, въ порывѣ увлеченія, говорила съ такимъ жаромъ, точно дѣло казалось лично ея; она невольно схватила опять руку Розамунды и ласково пожала ее.

Розамунда не выдержала и истерически зарыдала, какъ накануне. Доротеѣ стало такъ жаль ее, что она съ трудомъ удержалась отъ слезъ, хотя въ ней и родилось подозрѣнiе, что одной изъ главныхъ причинъ нервнаго состоянiя молодой женщины былъ Виль. Это была самая удобная минута, чтобы спасти отъ паденiя слабое, безпомощное существо, рыдавшее на ея плечѣ, и Доротея дала себѣ слово воспользоваться этой минутой, не догадываясь, что Розамундѣ извѣстно, насколько она сама заинтересована Вилемъ.

Этому утру суждено было произвести кризисъ въ душѣ и сердцѣ Розамунды; свиданiе съ Доротеей совершенно разрушило фантастическiй мiръ, въ которомъ она жила до сихъ поръ, считая себя совершенствомъ и находя одни недостатки въ другихъ. Женщина, которая внушала ей боязнь и антипатiю и которая, по ея мнѣнiю, не могла не ревновать ее къ Вилю и не питать къ ней ненависти,—эта женщина первая пробудила въ ней сознанiе въ ошибочности ея взгляда на многое.

Когда утихли рыданiя и Розамунда отняла отъ лица платокъ, ея голубые, какъ незабудки, глаза съ дѣтски-умоляющимъ видомъ обратились къ Доротеѣ, по лицу которой еще катилась забытая слеза. Послѣдняя ледяная преграда рушилась между ними.

— Кстати о вашемъ мужѣ, заговорила робко Доротея,—мнѣ показалось, что онъ сильно переимѣнился въ это время отъ перенесенныхъ имъ непрiятностей. Я не видала его нѣсколько недѣль; онъ мнѣ признался, что чувствовалъ себя совершенно одинокимъ во время этой исторiи; но я увѣрена, что ему было-бы легче, если-бы онъ былъ откровеннѣе съ вами.

— Терпiй дѣлается такъ сердитъ и раздражителенъ, когда я заговорю съ нимъ, отвѣчала Розамунда, воображая, что ея мужъ уже успѣлъ пожаловаться на нее Доротеѣ,—что онъ не долженъ удивляться, если я избѣгаю говорить съ нимъ о непрiятныхъ вещахъ.

— Онъ осуждаетъ не васъ, онъ винитъ себя за скрытность. Онъ очень хорошо понимаетъ, что женатый человекъ нѣсколько связанъ въ своихъ дѣйствiяхъ, и потому м-ръ Лейдгатъ, зная,

что вы не желаете оставаться въ Миддлмъ-рчѣ, отказался завѣдывать моею больницей. Повторяю, единственная цѣль его жизни—ваше счастье и спокойствіе. Вашъ мужъ имѣлъ полное право быть со мной откровеннымъ; ему одному извѣстно, сколько я перенесла непріятностей во время моего замужества: отъ болѣзненнаго состоянія м-ра Казобона; это состояніе постоянно служило ему пощѣхой въ задуманныхъ имъ планахъ и раздражало его характеръ. Вашъ мужъ знаетъ, какъ мнѣ было тяжело жить подъ вѣчнымъ страхомъ не угодить человѣку, такъ тѣсно связанному со мной.

Доротея замолчала на минуту и, видя, что лицо Розамунды начинаетъ понемногу проясняться, продолжала:

— Брачныя отношенія не похожи ни на какія другія. Есть что-то страшное въ тѣсной связи мужа съ женой. Если-бы женщины пришлось, по несчастію, полюбить кого-нибудь болѣе, чѣмъ мужа,—это не привело-бы ни къ чему хорошему; бракъ лишаетъ насъ права дарить другого любовью и пользоваться взаимно ею. Нѣтъ сомнѣнія, что любовь отрадное чувство; но, полюбивъ не мужа, мы наносимъ ударъ супружеству и обращаемъ нашего мужа въ жертву, а сами становимся убійцами. Возможно-ли счастье при такихъ условіяхъ? А если еще мужъ любитъ насъ, довѣряетъ намъ, и мы, вмѣсто того, чтобъ быть его помощницей и другомъ, отравимъ его жизнь...

Доротея остановилась, испугавшись мысли, что она зашла слишкомъ далеко и что говоритъ какъ будто съ цѣлью выставить себя образцомъ совершенства. Не замѣчая, что Розамунда вся дрожитъ отъ волненія, она схватила ее за руку и торопливо заключила:

— Я понимаю, понимаю очень хорошо, какъ сладко любить... Это чувство незамѣтно закрадывается въ сердце... отказаться отъ такой любви бываетъ иногда такъ-же тяжело, какъ разстаться съ жизнію... Мы всѣ слабы... я знаю это по опыту...

Тутъ голосъ Доротеи оборвался, сдержанное рыданіе захватило ей горло; лицо ея поблѣднѣло, какъ полотно, губы задрожали и она конвульсивно сжала руки Розамунды. Розамунда, въ свою очередь, не могла произнести ни слова отъ волненія и, подчиняясь невольному чувству, поцѣловала Доротею въ лобъ.

Минуту спустя, обѣ молодыя женщины крѣпко обнялись.

— А вы все-таки ошиблись, проговорила вполголоса Розамунда, освобождаясь отъ руки Доротей, обхватившей ея талию.

Доротей взглянула на нее съ удивленіемъ.

— Когда вы вошли сюда вчера, онъ говорилъ мнѣ совсѣмъ не то, что вы думаете, продолжала Розамунда. — Онъ говорилъ, что любитъ другую женщину, а не меня, и я увѣрена, что онъ теперь ненавидитъ меня за то, что вы застали насъ вдвоемъ... Онъ и вчера упрекалъ меня, что по моей милости вы будете имѣть дурное мнѣніе о немъ, будете считать его двуличнымъ... Но я не хочу этого... я вамъ все разскажу... Онъ никогда не любилъ меня,—я въ этомъ убѣждена, онъ слишкомъ легко относился ко мнѣ... Не далѣе какъ вчера онъ мнѣ признался, что кромѣ васъ для него не существуетъ на свѣтѣ другой женщины... объясняться съ вами онъ не хотѣлъ, боясь скомпрометировать меня... я одна виновата во всемъ... теперь вы все знаете и онъ не имѣетъ уже права упрекать меня...

Эти слова вырвались у Розамунды съ неудержимостью потока. Она съ какимъ-то наслажденіемъ бредила рану, нанесенную ея сердцу вчерашней сценой съ Вилемъ.

За то Доротеей овладѣла неподѣрная радость; она въ одно мгновеніе забыла всѣ перенесенныя ею страданія.

— Нѣтъ, упрекнуть васъ теперь онъ не имѣетъ никакого права, сказала она.

Привыкнувъ преувеличивать всѣ добрыя качества въ другихъ, Доротей находила, что порывъ Розамунды есть ничто иное, какъ геройское самоотверженіе.

— Вы не сердитесь, что я опять пришла къ вамъ сегодня утромъ? спросила она у м-съ Лейдгаты.

— Напротивъ, я очень рада вамъ, отвѣчала Розамунда.—Я никакъ не думала, что вы будете ко мнѣ такъ добры. Я была такая несчастная!.. Мнѣ и теперь очень тяжело... со всѣхъ сторонъ непріятности...

— Погодите, и для васъ настанутъ ясные дни; вашего мужа оцѣнять по достоинству. Не забывайте, что все его счастье зависитъ отъ васъ. Никто на свѣтѣ васъ такъ не любитъ, какъ онъ. Высшей потерей для васъ было-бы — лишиться его любви, а вы ее не лишились, говорила Доротей, видимо стараясь раз-

будить въ сердцѣ Розамунды начинавшую засыпать привязанность къ мужу.

— Значить, Тертій не осуждалъ меня? спросила Розамунда, смекнувъ, что мужъ говорилъ о ней съ м-сь Казобонъ.

Въ голосѣ ея звучалъ легкій отгѣнокъ ревности. Доротея улыбулась.

— О, конечно, нѣтъ! какъ это могло вамъ прійти въ голову? сказала она.

Въ эту минуту дверь отворилась и вошелъ Лейдгать.

— Я явился въ качествѣ врача, объявилъ онъ. — Когда я уходилъ отсюда, то меня преслѣдовали ваши два блѣдные образа. Вы, м-сь Казобонъ, кажется, нуждались въ моей помощи не менѣе Розы, вотъ почему я прямо отъ Кольмана вернулся домой. Меня очень тревожило, что я васъ оставилъ вдвоемъ. Я замѣтилъ, что вы пришли пѣшкомъ, м-сь Казобонъ, а погода измѣнилась. Не приважете-ли послать за вашей каретой?

— О, нѣтъ, благодарствуйте; я крѣпкаго здоровья и мнѣ полезно ходить, сказала Доротея, быстро вставая съ мѣста. — Мы съ м-сь Лейдгать наговорились до-сыта и мнѣ пора домой. Не даромъ меня всегда осуждаютъ, что я увлекаюсь и говорю болѣе, чѣмъ нужно.

Она протянула руку Розамундѣ. Онѣ простились дружески, но безъ особенныхъ нѣжностей; ихъ взаимныя отношенія приняли такой серьезный характеръ, что не нуждались въ излишнихъ знакахъ внѣшняго выраженія.

Когда Лейдгать пошелъ провожать Доротею до крыльца, она сообщила ему, что Фербротеръ и прочіе друзья приняли съ большимъ довѣріемъ его оправданіе. О разговорѣ-же своемъ съ Розамундой она умолчала.

Вернувшись къ женѣ, Лейдгать нашелъ ее лежащую на диванѣ съ видомъ утомленія.

— Ну, Розы, сказалъ онъ, остановясь передъ ней и поглаживая ея волосы; — ты долго бесѣдовала съ м-сь Казобонъ, — скажи, что ты о ней думаешь?

— Мнѣ кажется, что трудно найти женщину лучше ея, отвѣчала Розамунда; — притомъ она такая красавица... Если ты будешь ходить къ ней такъ часто, какъ теперь, то ты все болѣе и болѣе будешь недоволенъ мной.

Лейдгатъ засмѣялся при словѣ: часто.

— Ну, а удалось-ли ей сдѣлать такъ, чтобы ты была теперь довольнѣе мною, чѣмъ прежде?

— Да, кажется, удалось, отвѣчала Розамунда, смотря прямо въ глаза мужу. — Какъ распухли у тебя вѣки, Тертій... да откинь, пожалуйста, волосы назадъ...

Лейдгатъ послушно поправилъ своей широкой бѣлой рукой спустившіеся на лобъ волосы и улыбкой поблагодарилъ жену за этотъ небольшой знакъ вниманія къ себѣ. Въ это утро всѣ фантастическіе, воздушные замки Розамунды потерпѣли сильное крушеніе и она рада была пріютиться въ пренебреженной ею супружеской пристани. Лейдгатъ, съ своей стороны, всегда готовъ былъ принять ее въ свои объятія. Выбравъ себѣ въ жены это хрупкое созданіе, онъ покорился необходимости нести свое бремя до конца жизни.

ГЛАВА LXXVIII.

Изгнанники большею частію питаются надеждами и живутъ внѣ своей родины только до тѣхъ поръ, пока того требуютъ обстоятельства. Виль Владиславъ, изгнавъ себя изъ Миддльмарча, поставилъ преградой къ своему возвращенію свою собственную волю; преграда эта, конечно, не представлялась въ видѣ желѣзной стѣны, а состояла, ни болѣе, ни менѣе, какъ изъ твердаго намѣренія вернуться въ Миддльмарчъ только тогда, когда онъ научится кланяться, улыбаться и любезничать, какъ всѣ прочіе жители города. Мѣсяцы шли за мѣсяцами, и онъ напрасно силился объяснить себѣ, что его удерживаетъ отъ поѣздки въ Миддльмарчъ, хотя-бы за тѣмъ, чтобы услышать что нибудь о Доротеѣ. Кто знаетъ? можетъ быть, во время этого мимолетнаго посѣщенія, онъ по какой-либо случайности, будетъ имѣть возможность встрѣтиться съ нею. Чтожъ касается ея друзей, которые ревниво охраняли ее, точно драконы, то время и перемѣна мѣста жительства сдѣлали Виля совершенно равнодушнымъ къ нимъ.

Кстати подвернулось одно филантропическое дѣло, явившееся какъ прекрасный предлогъ для поѣздки въ Миддльмарчъ. Виль

принялъ живое участіе въ одномъ благотворительномъ учрежденіи на далекомъ западѣ, и ему понадобились деньги для этой цѣли. Первой мыслью его было воспользоваться предложеніемъ Бюльстрода уступить ему часть своего состоянія; но Вилю противно было вступать въ сношенія съ опозореннымъ банкиромъ. Тогда онъ рѣшилъ, что самымъ удобнымъ мѣстомъ для того, чтобы обдумать какъ слѣдуетъ этотъ вопросъ, будетъ Миддльмарчъ.

Онъ собирался посоветоваться съ Лейдгатомъ о многомъ, а въ особенности объ этомъ дѣлѣ, вечера-же располагалъ проводить въ пѣвнѣ и въ веселой болтовнѣ съ хорошенькой Розамундой, не забывая, отъ времени до времени, навѣщать и другихъ своихъ друзей въ Ловикскомъ церковномъ домѣ. Конечно, церковный домъ стоялъ близко отъ Ловикъ-Мэнора, но развѣ Виль виноватъ въ этомъ? Въ послѣднее время, передъ отъѣздомъ изъ Миддльмарча, Виль нѣсколько поотсталъ отъ Фэрбротеровъ, изъ опасенія, чтобы его не обвинили въ умыслѣ устроить тамъ себѣ свиданія съ Доротеей; но жаждущій готовъ на все, а Виль жаждалъ увидѣть дорогое ему лицо и услышать знакомый, милый голосъ. Ни опега, ни политическія бесѣды, ни даже лестное вниманіе, оказанное публикой его передовымъ статьямъ въ газетахъ, — ничто не могло утолить этой жажды.

Не думая долго, онъ позавтракавъ, дождался прихода риверстонскаго дилижанса, бросился опретью изъ дому, занялъ мѣсто на верху дилижанса и покатилъ въ Миддльмарчъ. Но тамъ онъ не нашелъ того, чего искалъ. Лейдгатъ, котораго онъ уважалъ, находился въ такихъ грустныхъ обстоятельствахъ, что Виль даже не счелъ приличнымъ говорить съ нимъ о своихъ дѣлахъ; признаніе Розамунды, что счастье ея жизни зависитъ отъ Вили, вызвало въ немъ извѣстный уже намъ, припадокъ бѣшенства, за которымъ слѣдовало раскаяніе; словомъ, Миддльмарчъ въ этотъ разъ доставилъ Вилю однѣ непріятности и онъ уже задумалъ было вернуться съ риверстонскимъ дилижансомъ обратно въ Лондонъ, оставя Лейдгату записку съ извиненіемъ въ поспѣшномъ отъѣздѣ. Но сердце говорило другое; Виль не могъ примириться съ мыслию отказаться отъ счастья увидѣть Доротеею и остался въ Миддльмарчѣ.

Ровно въ половинѣ восьмого, онъ, Лейдгать и Розамунда сидѣли у камина.

Розамунда была уже приготовлена къ посѣщенію Вилъ и приняла его съ томною холодностію; Лейдгать приписалъ это разстройству нервовъ, не подозрѣвая, что тутъ кроется совсѣмъ другая причина. Видя, что жена молча трудится надъ какимъ-то вышиваньемъ, онъ ласково посовѣтывалъ ей не утомляться и сѣсть по-покойнѣе. Вилъ, которому пришлось разыгрывать роль друга дома, не выдавшего еще хозяйки, чувствовалъ себя какъ на горячихъ угольяхъ. Вчерашняя сцена не выходила у него изъ головы и ему казалось, что онъ и Розамунда въ чемъ-то провинились. Какъ на зло, Лейдгать не выходилъ ни на минуту изъ комнаты; но когда Розамунда стала разливать чай и Вилъ пришелъ за своей чашкой, она очень ловко бросила ему на блюдечко тщательно сложенную бумажку. Онъ быстро спряталъ записку и, вернувшись въ гостинницу, не очень спѣшилъ развернуть бумажку. „То, что тамъ написано, думалъ онъ, только усилить непріятное впечатлѣніе вечера.“ Ложась уже въ постель, онъ прочелъ записку, въ которой заключалось нѣсколько строкъ:

„Я все рассказала и-съ Казобонъ; она болѣе не сомнѣвается въ васъ. Я сдѣлала это потому, что она сама ко мнѣ пришла и была очень внимательна. Теперь вамъ не въ чемъ упрекать меня. По настоящему, мнѣ и не слѣдовало-бы съ вами ссориться.“

Эти слова грустно отозвались на Вилѣ. Онъ чувствовалъ, какъ все его лицо и уши горять при мысли, какого рода разговоръ долженъ былъ происходить между Доротеей и Розамундой. Очень можетъ быть, что достоинство первой было оскорблено объясненіемъ по поводу его. Не случись вчерашней злополучной сцены, онъ и Доротеея жили-бы въ прежнемъ чистомъ, идеальномъ мирѣ, который теперь, вѣроятно, навсегда уже закрылся для нихъ обоихъ.

ГЛАВА LXXIX.

Двѣ ночи къ ряду послѣ второго свиданія съ Розамундой, Доротеея спала безъ просыпу, отчего въ ней не осталось и слѣдовъ прежняго утомленія, даже ощущался избытокъ силъ и про-

явилась лихорадочная подвижность, не позволявшая ей сосредоточиться ни на какомъ занятіи. Утромъ на третій день она углубилась въ чтеніе какого-то спеціальнаго сочиненія и не замѣтила, что въ бібліотеку вошелъ слуга и доложилъ о приходѣ миссъ Нобль. Онъ долженъ былъ повторить свой докладъ и только тогда Доротей отвѣтила: „просите“.

Маленькая старушка, верхъ шляпки которой едва достигалъ плеча Доротей, появилась въ комнатѣ и была встрѣчена хозяйкой необыкновенно привѣтливо. Пожимая руку Доротей, миссъ Нобль семенила ножками и издавала какіе-то звуки ртомъ, собираясь что-то сказать.

— Садитесь, пожалуйста, произнесла съ живостію Доротей, подкатывая ей кресло.—Нѣтъ-ли какой нужды до меня? Я съ радостію все исполню.

— Я не могу у васъ остаться, отвѣчала миссъ Нобль, шаря рукой въ маленькой корзинкѣ, которую принесла съ собой,—меня дожидается одинъ знакомый на кладбищѣ...

Доротей почувствовала, что вся кровь бросилась ей въ лицо.

— М-ръ Владиславъ, заговорила робкая старушка, — очень боится, что онъ васъ прогнѣвилъ... и поручилъ мнѣ... просить у васъ нѣсколько минутъ свиданія...

Доротей, въ первую минуту, ничего не отвѣтила; въ головѣ ея мелькнула мысль, что она не имѣетъ права принять Виля въ этой бібліотекѣ, гдѣ какъ-будто витаетъ еще тѣнь ея мужа. Она молча повернула голову къ окну.

— Не выйдти-ли мнѣ къ нему въ садъ? подумала она.—Небо покрыто тучами, деревья трепещутъ, какъ передъ бурей... нѣтъ, выходить не надо!

— Повидайтесь съ нимъ! умоляла патетическимъ тономъ миссъ Нобль,— иначе мнѣ придется идти къ нему назадъ съ отказомъ, а это его убьетъ!

— Хорошо, я готова съ нимъ видѣться, отвѣчала Доротей;— попросите его придти.

Что-жъ было ей дѣлать? Ей страстно хотѣлось видѣть Виля; это желаніе преслѣдовало ее ежеминутно, но въ то-же время она чувствовала въ себѣ такую тревогу, точно рѣшалась совершить что-то преступное.

Когда милютка миссъ Нобль, засеменивъ опять ножками, ис-

чезла изъ комнаты, Доротея остановилась посреди бібліотеки, скрестивъ пальцы и опустивъ руки. Она забыла обо всемъ, кромѣ Вилия, кромѣ того, какъ жестоко поступило съ нимъ общество. „Если я полюбила его такъ горячо, то именно потому, что ему сдѣлали много зла“,—говорилъ въ ней внутренней голосъ.

Въ эту минуту дверь отворилась и на порогѣ появился Виль. Доротея не двинулась съ мѣста, а онъ вошелъ такъ робко и неувѣренно, какъ никогда. Онъ боялся, чтобы лишнее слово, лишній взглядъ не изгнали его навсегда изъ ея присутствія; что-жъ касается Доротеи, то она испугалась своего собственнаго волненія. Не имѣя силъ пошевелиться, она стояла, не рознимая рукъ, и серьезно, какъ-то вопросительно глядѣла на Вилия. Видя, что она не протягиваетъ ему, какъ бывало, руку, онъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и произнесъ въ смущеніи:

— Я вамъ такъ благодаренъ, что вы позволили мнѣ придти...

— Мнѣ нужно было васъ видѣть, отвѣчала Доротея, сама не зная, что говорить. Ей даже въ голову не пришло сѣсть, и Вилия покоробило отъ такого приѣма; однако, онъ рѣшился высказать все, что у него было на душѣ.

— Я боюсь, что вы осуждаете меня за то, что я скоро вернулся въ Миддльмарчъ, сказалъ онъ;— за то я и наказанъ. До васъ, конечно, дошли уже слухи о несчастной исторіи съ моимъ родственникомъ; мнѣ это было извѣстно еще до отъѣзда отсюда и я собирался сообщить вамъ все при первой встрѣчѣ съ вами...

Доротея сдѣлала-было движеніе, но опять сложила руки и не сказала ни слова.

— Теперь въ городѣ идутъ разные толки, продолжалъ Виль;— поэтому мнѣ хотѣлось передать вамъ, что передъ моимъ отъѣздомъ случилось одно обстоятельство, которое послужило поводомъ къ моему скорому возвращенію, а именно: Бюльстродъ, желая загладить несправедливость, сдѣланную имъ относительно моей матери, предложилъ мнѣ наединѣ часть своего состоянія; въ то время я отказался, но въ Лондонѣ мнѣ понадобились деньги для одного полезнаго общественнаго предпріятія и я подумалъ о предложеніи Бюльстрода. Вотъ цѣль моего пріѣзда сюда. Вамъ, вѣроятно, извѣстно, какую роль игралъ Бюльстродъ въ моей семейной исторіи...

— Да, да, я знаю, поспѣшно отвѣтила Доротея.

— Я не хотѣлъ пользоваться деньгами, добытыми изъ такого грязнаго источника; притомъ я былъ увѣренъ, что если-бы я поступилъ иначе, вы имѣли-бы обо мнѣ самое дурное мнѣніе... Я чувствовалъ это!

Послѣдніе слова вырвались у него невольно.

— Вы поступили именно такъ, какъ я ожидала отъ васъ, замѣтила Доротея, съ просіявшими отъ радости лицомъ.

— Я твердо вѣрилъ, что исторія моего происхожденія не возбуждетъ въ васъ такихъ предубѣжденій противъ меня, какъ въ другихъ, сказалъ Виль, встряхнувъ, по обыкновенію, головой, чтобы откинуть назадъ волосы на головѣ.

— Если-бы я знала, что это послужитъ новымъ испытаніемъ для васъ, то стала-бы еще крѣпче держать вашу сторону, отвѣчала съ жаромъ Доротея. — Меня ничто не въ состояніи переимѣнить къ вамъ... (тутъ голосъ ея дрогнулъ и она договорила съ большимъ усиленіемъ)—кромя мысли, что вы не такой благородный человѣкъ какимъ я считала васъ...

— Я убѣжденъ, что вы сомнѣваетесь въ одномъ — въ моей вѣрности вамъ! воскликнулъ Виль, не имѣя силъ сдерживать болѣе волновавшія его чувства.—Съ той минуты, какъ эта мысль засѣла у меня въ головѣ, мною овладѣло невыразимое отчаяніе...

— Я не сомнѣваюсь въ васъ болѣе, сказала Доротея, протягивая ему руку.

Виль почтительно поднесъ ее къ губамъ и что-то похожее на рыданіе вырвалось изъ его груди. Доротея съ трудомъ отняла свою руку и въ смущеніи отошла къ окну.

— Посмотрите, какія темныя тучи и какъ вѣтеръ качаетъ деревья, замѣтила она, вовсе не думая о томъ, что говорить.

Виль подвинулся къ ней и облокотился на высокую спинку кожанаго кресла, на которое онъ рѣшился, наконецъ, положить свою шляпу и перчатки, позволивъ себѣ въ первый разъ такую безцеремонность въ присутствіи Доротеи. Надо замѣтить, что онъ былъ необыкновенно счастливъ въ эту минуту: чувства Доротеи уже не составляли для него тайны. Оба они стояли молча, не сводя глазъ съ деревьевъ, которыя вѣтеръ неистово гнулъ въ разныя стороны.

Виль никогда такъ не радовался бурѣ, какъ теперь: она представляла ему основательный предлогъ, чтобы не уходить. Листья

и мелкія вѣтви вихремъ кружились вдоль аллеи; удары грома раздавались все ближе и ближе; въ комнатѣ сдѣлалось почти совсѣмъ темно и только изрѣдка яркій блескъ молніи освѣщала ее. При каждомъ ударѣ Доротея и Виль вздрагивали и съ улыбкой смотрѣли другъ на друга.

— А вы не хорошо дѣлали, что предавались отчаянію, заговорила Доротея; — когда судьба отниметъ у насъ то, что намъ всего дороже, мы должны избрать цѣлью нашей дѣятельности счастье ближнихъ. Это большая отрада. Я убѣдилась въ этомъ въ самыя горькія минуты моей жизни. Увѣряю васъ, что я не имѣла-бы силъ перенести посланнаго мнѣ испытанія, если-бы меня не поддерживала эта идея.

— Вы не можете понять того горя, которое я перенесъ! воскликнулъ Виль.— Каково мнѣ было знать, что вы меня презираете!

— Мое положеніе было хуже; развѣ мнѣ легко было думать дурно...

Тутъ голосъ Доротеи оборвался и она остановилась.

Виль весь вспыхнулъ. Ему показалось, что она намекаетъ на то фатальное обстоятельство, которое стало между ними преградой. Помолчавъ съ минуту, онъ воскликнулъ съ жаромъ:

— Будемте, по крайней мѣрѣ, говорить откровенно. Такъ-какъ я долженъ сейчасъ же уѣхать и разлучиться съ вами навсегда, то вы можете смотрѣть на меня, какъ на человѣка, стоящаго одной ногой въ гробу.

При послѣднихъ словахъ, страшная молнія освѣтила комнату и Доротея въ испугѣ отскочила отъ окна. Виль бросился къ ней и бессознательно схватилъ ея руку. Они стояли такъ, прижавшись другъ къ другу, какъ дѣти, и съ ужасомъ смотря въ окно, между тѣмъ, оглушительные удары грома ежеминутно раздражались надъ ихъ головой, а дождь лилъ, точно изъ ведра. Когда гроза поутихла, они взглянули одинъ на другого.

— Для меня не существуетъ надеждъ, началъ снова Виль; — если-бы вы даже любили меня такъ, какъ я васъ люблю, если-бы я былъ для васъ дороже всего на свѣтѣ, то и тогда я не могъ-бы быть вашимъ мужемъ. У меня нѣтъ ничего впереди; при самой благоразумной расчетливости, я могу жить все-таки только, какъ бѣднякъ. Намъ невозможно принадлежать другъ другу.

Очень можетъ быть, что я даже неблагородно поступилъ, выпросивъ себѣ это свиданіе съ вами. Мнѣ-бы слѣдовало ухъхать молча,—но я не выдержалъ...

— Не горюйте, возразила Доротея нѣжнымъ, ласковымъ голосомъ; — мнѣ самой было-бы невыносимо тяжело перенести разлуку съ вами...

Губы ея задрожали и она замолчала. Незвѣстно, какимъ образомъ лицо Вилы наклонилось къ ея лицу, они робко поцѣловались и разошлись.

Дождь, между тѣмъ, неистово хлесталъ въ оконныя рамы; бѣшеный вихрь, какъ злой духъ, носился по парку. Это была одна изъ тѣхъ бурь, когда и боязливый, и смѣлый человѣкъ невольно содрогаются.

Доротея сѣла на низенькій оттоманъ, стоявшій посреди комнаты и, скрестивъ руки на колѣняхъ, продолжала смотрѣть въ окно. Виль постоялъ молча передъ нею, потомъ сѣлъ подлѣ нея и взялъ ее опять за руку. Они оставались нѣсколько времени въ такомъ положеніи, не говоря ни слова, подъ впечатлѣніемъ однѣхъ и тѣхъ-же мыслей.

Лишь только дождь пересталъ, Доротея взглянула на Вилу. Онъ въ то-же мгновеніе вскочилъ съ мѣста, будучи не въ силахъ выносить долѣе нравственную пытку.

— Нѣтъ, невозможно! воскликнулъ онъ, отходя снова къ окну и облокачиваясь на спинку стула.— Разлука хуже убійства! Невыносимо думать, что наша жизнь можетъ быть исковеркана такими мелочами.

— Не говорите этого! кротко возразила Доротея, слѣдя за нимъ грустнымъ взглядомъ. — Ваша жизнь не должна быть испорчена.

— А между тѣмъ она ужъ испорчена! съ досадою отвѣчалъ Виль.— Съ вашей стороны жестоко утѣшать меня; вамъ грѣхъ играть моею любовью, какъ игрушкой, когда на лицо есть факты, подтверждающіе мои слова! Я не могу жениться на васъ.

— Почему-жъ нѣтъ? Со временемъ... возразила Доротея взволнованнымъ голосомъ.

— Когда-же это? съ горечью спросилъ Виль, — когда я буду въ славѣ, что-ли? Развѣ я могу рассчитывать на какой-нибудь успѣхъ? Еще не знаю, достанетъ-ли у меня средствъ прилично про-

жить... можетъ быть, придется отдать себя въ кабалу какому нибудь журналисту. Мое будущее извѣстно... Мнѣ нечего думать о женитьбѣ, тѣмъ болѣе о женитьбѣ на женщинѣ, выросшей въ роскоши.

Въ комнатѣ водворилось молчаніе. Въ душѣ Доротеи происходила страшная борьба; но высказать словами волновавшія ее чувства — она была не въ состояніи. Ей казалось, что если-бы Виль повернулся въ эту минуту къ ней лицомъ, она не выдержала-бы; но онъ, какъ нарочно, мрачно глядѣлъ въ окно и, наконецъ, протянувъ машинально руку за шляпой, произнесъ съ отчаяніемъ въ голосѣ:

— Итакъ — прощайте!

— О, нѣтъ! я этого не перенесу! Вы разрываете мое сердце! воскликнула Доротея, вскакивая съ мѣста. Приливъ молодой страсти разрушилъ всѣ стоявшія передъ нею преграды. Крупныя слезы покатались по ея лицу.

— Что мнѣ за дѣло до вашей бѣдности, заговорила она; — я ненавижу мое богатство...

Виль въ одно мгновеніе очутился возлѣ Доротеи и принялъ ее въ свои объятія; но она слегка отшатнулась и, смотря ему прямо въ глаза, продолжала ласковымъ голосомъ, всхлипывая, какъ ребенокъ:

— Мы можемъ очень хорошо жить на мои собственныя средства... у меня слишкомъ довольно... я получаю 700 фунтовъ въ годъ... мнѣ такъ немного нужно... нарядовъ я не люблю... сдѣлаюсь расчетливой...

ГЛАВА LXXX.

Быль прекрасный солнечный день. М-ръ Кадваладеръ, держа номеръ Таймса въ закинутыхъ назадъ рукахъ, прогуливался по покатоному лугу, близъ главной оранжереи Фрешитъ-Голля, спокойно выслушивая предположенія сэра Джемса Читамы относительно предстоящихъ перемѣнъ въ ихъ краѣ. Это было какъ разъ послѣ принятія лордами билля о реформѣ. М-съ Кадваладеръ, вдовствующая леди Читамъ и Целія сидѣли въ это время всѣ вмѣстѣ на садовыхъ стульяхъ, вставая по временамъ, чтобы при-

ласкать маленькаго Артура, котораго катали въ колясочкѣ по аллеѣ. Большой зонтикъ съ бахромой защищалъ этого семейнаго божка отъ лучей солнца, какъ вдругъ на садовой дорожкѣ показался м-ръ Брукъ. Онъ имѣлъ разстроенный видъ и видимо былъ чѣмъ-то сильно взволнованъ.

— Что такое случилось? спросилъ его сэръ Джемсъ;—не стрѣляли-ли опять въ лѣснаго сторожа? Оно и въ порядкѣ вещей: оправдываютъ такихъ негодяевъ, какъ Троппингъ-Бассъ.

— Тутъ дѣло вовсе не о лѣсномъ сторожѣ? Нѣтъ!.. Пойдемте-ка лучше въ домъ, я тамъ все расскажу,—отвѣчалъ м-ръ Брукъ, кивая головой Кадваладерамъ, въ знакъ того, что онъ откроетъ и имъ свой секретъ. Въ м-рѣ Брукѣ происходила, по-видимому, сильная нервная пертурбація. Собираясь сообщить своимъ домашнимъ что-нибудь непріятное, онъ имѣлъ обыкновеніе уснащать свою рѣчь совершенно не идущими къ дѣлу подробностями, точно подносилъ горькое лекарство и хотѣлъ усладить его разными примѣсами. Онъ продолжалъ толковать съ сэромъ Джемсомъ о браконьерахъ до тѣхъ поръ, пока всѣ усѣлись; наконецъ, м-съ Кадваладеръ, сгорая отъ нетерпѣнія, воскликнула:

— Мнѣ до смерти хочется знать ваше грустное извѣстіе! Лѣснаго сторожа не застрѣлили, — это ужъ дѣло рѣшеное, — что-же такое случилось, наконецъ?

— Случилась вещь пренепріятная, понимаете? отвѣчалъ м-ръ Брукъ.—Я очень радъ, что вы, м-съ Кадваладеръ, и ректоръ здѣсь; дѣло семейное и вы, своимъ участіемъ, поможете намъ перенести горе. Я именно съ тѣмъ и пріѣхалъ, душа моя, чтобъ сообщить тебѣ его.—(Тутъ м-ръ Брукъ посмотрѣлъ на Целію.)—Тебѣ и въ голову не придетъ, о чемъ я хочу сказать, понимаешь? Читаю, вамъ это будетъ крайне непріятно... но, понимаете, — ни вы, ни я тутъ не причемъ... Странныя дѣла творятся на свѣтѣ! И складываются они какъ-то сами собой...

— Вѣрно дѣло идетъ о Додо, произнесла Целія, привыкшая считать сестру опаснымъ винтомъ въ семейной машинѣ.

Она пододвинула низенькій стулъ къ самымъ колѣнямъ мужа и сѣла на него.

— Бога ради, говорите скорѣе! Что такое? спросилъ сэръ Джемсъ.

— Вы знаете, Читамъ, что я не повиненъ въ духовномъ завѣщаніи Казобона, а оно-то именно и причина всему злу.

— Такъ, такъ, поспѣшно подхватилъ сэръ Джемсъ,—но въ чемъ-же зло-то?

— А въ томъ, что Доротея опять выходитъ замужъ, продолжалъ м-ръ Брукъ, кивая головой Целіи, которая испуганно взглянула на мужа и положила ему руку на колѣно.

Сэръ Джемсъ помертвѣлъ отъ бѣшенства, однако, не сказалъ ни слова.

— Творецъ милосердный! воскликнула м-съ Кадваладеръ, — ужъ не за Виля-ли она выходитъ?

— Именно за него! многозначительно произнесъ м-ръ Брукъ и погрузился въ благоразумное молчаніе.

— Гумфри, что я тебѣ говорила! провозгласила м-съ Кадваладеръ, дѣлая мужу выразительный жестъ рукой. — Въ другой разъ ты не скажешь, что я не проникательна, а если скажешь то развѣ изъ противорѣчія. Еще ты вздумалъ увѣрять, что этотъ господинъ уѣхалъ изъ Миддльмарча.

— Очень можетъ быть, что онъ уѣзжалъ и опять вернулся, возразилъ спокойно ректоръ.

— Когда вы объ этомъ узнали? обратился сэръ Джемсъ къ Бруку, досадуя, что другіе мѣшаютъ ему говорить и едва переводя духъ отъ волненія.

— Вчера, смиренно отвѣтилъ Брукъ.—Я былъ въ Ловикѣ,—Доротея прислала за мной. Дѣло сладилось совершенно неожиданно... два дня тому назадъ у нихъ и въ помышленіи не было,—понимаете? — и въ помышленіи не было! Станнымъ образомъ вещи устриваются! Но теперь ужъ все кончено: Доротея рѣшилась и поперечить ей бесполезно. Я сильно ее уговаривалъ. Читамъ, я исполнилъ свой долгъ. Стѣснять ея свободу я не имѣю права.

— Да, лучше-бы было, если-бы годъ тому назадъ я вызвалъ его на дуэль и убилъ, проговорилъ сэръ Джемсъ, вовсе не изъ чувства кровожадности, а только для того, чтобы сорвать сердце.

— Ну, можно-ли говорить такія ужасныя вещи, Джемсъ! замѣтила Целія.

— Читамъ, не горячитесь, отнеситесь къ этому дѣлу хладнокровнѣе, виѣшался м-ръ Кадваладеръ, скорбѣвшій о томъ, что

его добродушный пріятель до такой степени далъ волю своему гнѣву.

— Да развѣ легко переносить подобныя семейныя исторіи чело­вѣку, который дорожитъ чувствомъ собственнаго достоинства и любить справедливость, возразилъ сэръ Джемсъ, все еще дрожа отъ бѣшенства. Вѣдь это положительный скандалъ! Если-бы Владиславъ имѣлъ хоть искру благородства, онъ давно-бы уѣхалъ отсюда. Впрочемъ, это меня не удивляетъ; я говорилъ на дру­гой день послѣ похоронъ Казобона, что нужно сдѣлать, — но меня не послушали.

— Вы требовали невозможнаго, Читаемъ, понимаете? сказалъ м-ръ Брукъ;—вы требовали, чтобы мы удалили его отсюда си­лой, — а Владиславъ не такой чело­вѣкъ, который-бы позволилъ распоряжаться собой. Нѣтъ! у него свой царь въ головѣ! Это замѣчательный малый! я всегда говорилъ, что онъ замѣчательный малый...

— Миѣ очень прискорбно, что вы составили себѣ о немъ такое высокое мнѣніе, возразилъ сэръ Джемсъ, не будучи въ со­стояніи владѣть собой. — Вамъ одному мы обязаны, что этотъ Владиславъ поселился въ наше­мъ сосѣдствѣ! Вамъ-же мы обя­заны, что такая женщина, какъ Доротея, унижается, выходя за­мужъ за него!.. Чело­вѣкъ, опозоренный завѣщаніемъ мужа, чело­вѣкъ такого темнаго происхожденія, самой предосудительной репутаціи, характера необстоятельнаго и, какъ миѣ кажется, безъ всякихъ правилъ, осмѣливается принимать отъ нея такую жертву! Осмѣливается лишать ее почетнаго положенія въ обществѣ, бо­гатства! Если-бы онъ былъ порядочный чело­вѣкъ, онъ-бы избѣ­галъ ея присутствія...

— Я предоставлялъ ей всѣ эти резоны, отвѣчалъ м-ръ Брукъ такимъ тономъ, будто оправдывался, — говорилъ ей о бѣдности, о томъ, какъ всѣ отъ нея отрекутся... Я сказалъ ей:—душа моя, ты не знаешь, что значитъ жить на 700 фунтовъ въ годъ... не имѣть кареты, терпѣть лишенія... вертѣться въ такомъ кругу, гдѣ даже не будутъ знать, какого ты рода. Попробуйте-ка сами поговорить съ Доротеей! Дѣло въ томъ, что у нея какое-то от­вращеніе къ состоянію Казобона. Впрочемъ, вы сами услышите, какъ она на этотъ счетъ выражается.

— Нѣтъ! ужъ извините! этого никогда не будетъ, возразилъ

сэръ Джемсъ нѣсколько спокойнѣе.—Я не въ силахъ ее видѣть; это было-бы для меня слишкомъ тяжело. Мнѣ больно думать, что такая женщина, какъ Доротея, дѣйствуетъ безразсудно...

— Читами, будьте справедливы, замѣтилъ добродушный, толстогубый ректоръ, который терпѣть не могъ ни къ чему не ведущія пренія,—положимъ, что м-съ Казобонъ поступаетъ неблагоразумно, отказываясь отъ состоянія ради любимаго человѣка,—мы мужчины имѣемъ такое жалкое понятіе другъ о другѣ, что подобное дѣйствіе со стороны женщины считаемъ глупостью,—но я не думаю, чтобы вы имѣли право обвинять ее въ совершеніи дурного поступка, въ строгомъ смыслѣ слова.

— А между тѣмъ, я ее обвиняю, возразилъ сэръ Джемсъ.— По моему, Доротея дурно поступаетъ, выходя замужъ за Владислава.

— Любезный другъ, у насъ у всѣхъ есть склонность называть дурнымъ такой поступокъ, который намъ не нравится, спокойно произнесъ ректоръ.

— Все-таки это очень гадко со стороны Додо, заговорила, наконецъ, Целія, видимо, желая защитити мужа.— Она сама меня не разъ увѣряла, что никогда болѣе не выйдетъ замужъ... ни за кого...

— Я то-же самое слышала отъ нея, величественно произнесла леди Читами, воображая, что ея свидѣтельство такъ-же важно, какъ свидѣтельство королевы.

— Ахъ, Боже мой! въ такихъ случаяхъ обыкновенно умалчиваютъ объ исключеніяхъ, воскликнула м-съ Кадваладеръ.— Меня одно удивляетъ, что это для всѣхъ васъ кажется сюрпризомъ. Зачѣмъ-же вы ничего не дѣлали, чтобъ помѣшать ей? Будь здѣсь хоть лордъ Трейтонъ, и напѣвай онъ ей ежедневно о филантропіи, вѣрьте мнѣ, что она ранѣе года вышла-бы за него замужъ. Должно быть такая ея судьба! М-ръ Казобонъ самъ подготовилъ все это: онъ всю жизнь ей надоѣдалъ,—видно ужъ такимъ его Богъ создалъ,—вѣчно противорѣчилъ ей.

— Я не знаю, какъ вы смотрите на это дѣло, Кадваладеръ, заговорилъ снова сэръ Джемсъ, поворачиваясь къ ректору,—но я такого человѣка принять въ семью не могу... впрочемъ, я тутъ говорю лично о себѣ, прибавилъ онъ, тщательно избѣгая встрѣтиться глазами съ Брукомъ, — другіе, можетъ быть, найдутъ

его общество очень пріятнымъ и не обратять вниманія на пріличія...

— Послушайте, Читамъ, возразилъ съ улыбкой м-ръ Брукъ, поглаживая себѣ ногу,—не могу-же я отвернуться отъ Доротей; я ей въ нѣкоторомъ родѣ замѣняю отца. Я ей сказалъ: душа моя, я не отказываюсь присутствовать на твоей свадьбѣ, я только сначала погорячился... Но вы понимаете, Читамъ, — я могу ее лишити права наслѣдства; это, конечно, будетъ стоить мнѣ денегъ и сопряжено съ хлопотами... однако, я могу это сдѣлать.

При этихъ словахъ м-ръ Брукъ подмигнувъ сѣру Джемсу, очень довольный тѣмъ, что ему удалось выказать рѣшительность своего характера и въ то-же время намекнуть сѣру Джемсу, что онъ догадывается, какаѣ тайная причина его досады противъ Доротей. И дѣйствительно, м-ръ Брукъ тронулъ такую струну въ сердцѣ сѣра Джемса, въ существованіи которой тотъ стыдился сознаться даже самому себѣ. Вотъ почему, когда м-ръ Брукъ намекнулъ о лишеніи Доротей правъ наслѣдства, сѣръ Джемсъ вдругъ сконфузился; у него сдѣлались спазмы въ горлѣ, онъ вспыхнулъ до ушей и не нашелся, что отвѣтить. Слова м-ра Брука произвели на него гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ шпилька, подпущенная м-ромъ Кадваладеромъ.

Целія воспользовалась молчаніемъ мужа, чтобъ вставить свое слово, и съ необыкновенной легкостію, точно дѣло шло о приглашеніи на обѣдъ, спросила:

— А какъ вы думаете, дядя, свадьба Додо будетъ скоро?

— Полагаю, что недѣли черезъ три, отвѣчалъ м-ръ Брукъ, пожавъ плечами. — Вы понимаете, Кадваладеръ, что воспрепятствовать этому я не могу, продолжалъ онъ, оборачиваясь къ ректору, какъ-бы ища въ немъ поддержки.

— Я-бы на вашемъ мѣстѣ не поднималъ такого шума, отвѣтилъ ректоръ;—если ей правится жить въ бѣдности,—это еѣ дѣло! Вѣдь вы-бы ни слова не сказали, если-бы она вышла за того-же Владислава, только богатаго. Притомъ у насъ есть много священниковъ, которые гораздо бѣднѣе ихъ. Да вотъ хоть-бы моя Элеонора, продолжалъ бѣдовый мужъ,—всѣ еѣ родные составляли противъ еѣ замужества со мной; я не имѣлъ и тысячи фунтовъ дохода; по наружности я былъ настоящій увалень, хорошаго ничего не обѣщалъ, одѣвался прескверно. Всѣ мужчины

удивлялись, какъ это нашлась женщина, которая полюбила меня... Честное слово, мнѣ слѣдуетъ держать сторону Владислава, развѣ услышу, что онъ сдѣлалъ что-нибудь дурное.

— Гумфри! все это неправда, и ты очень хорошо самъ это знаешь! воскликнула жена.—Ты забылъ, что твоя фамилія Кадваладеръ; придетъ-ли кому-нибудь въ голову подумать, что я рѣшилась бы выдти за такое чудовище, если-бы онъ носилъ другую фамилію!

— И прибавьте,—не былъ-бы священникомъ, замѣтила леди Читамъ, кивая одобрительно головой.—Про Элеонору нельзя сказать, что она вступила въ неровный бракъ, но м-ръ Владиславъ—дѣло другое! Неправда-ли Джемсъ?

Сэръ Джемсъ, обыкновенно относившійся къ матери съ большимъ почтеніемъ, на этотъ разъ только промывалъ что-то въ отвѣтъ. Целія посмотрѣла на него съ видомъ глубокомысленнаго котенка.

— Надо полагать, что въ его жилахъ течетъ самая смѣшанная кровь, продолжала м-съ Кадваладеръ:—тутъ и казобоновская рыба кровь, революціонера-поляка — скрипача или танцовальнаго учителя—кто его тамъ знаетъ — за тѣмъ, кровь стараго рост...

— Элеонора, полно вздоръ говорить! прервалъ ее ректоръ, вставая.—Намъ пора домой.

— Но совсѣмъ тѣмъ — мальчишка очень не дуренъ собой, заключила м-съ Кадваладеръ, также вставая;—онъ мнѣ напоминаетъ прекрасные старинные портреты Кричлея, которые были въ такой славѣ, пока не вошли въ моду идиоты новой школы.

— Я съ вами поѣду! сказала м-ръ Брукъ, вскакивая необыкновенно проворно съ своего мѣста.—Пріѣзжайте-ка всѣ вы отобѣдать ко мнѣ завтра. Целія, душа моя, понимаешь?

— Джемсъ, милый, ты поѣдешь? спросила Целія, взявъ мужа за руку.

— Конечно, если ты этого желаешь, отвѣчалъ сэръ Джемсъ, обдергивая внизъ жилетъ, но никакъ не умѣя сладить съ выраженіемъ своего лица.—Я поѣду, но съ условіемъ, если не встрѣчу тамъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ м-ръ Брукъ, понявъ, на что намекаетъ сэръ Джемсъ.—Доротей ни за что не пріѣдетъ, понимаешь? Пока вы прежде не сдѣлаете ей визита.

ГЛАВА LXXXI.

Обѣдалъ-ли ты, Калэбъ, спросила м-съ Гартъ, занятая приготовленіемъ вечерняго чая, здороваясь съ мужемъ, который ушелъ изъ дому съ ранняго утра и только теперь вернулся.

— Отлично пообѣдалъ холодной бараниной и еще чѣмъ-то, отвѣчалъ онъ.—Гдѣ Мэри?

— Кажется, въ саду, вмѣстѣ съ Лэтти.

— Фрэдъ еще не приходилъ?

— Нѣтъ. Но неужели ты уйдешь безъ чаю, Калэбъ? спросила м-съ Гартъ, видя, что ея разсѣянный супругъ снова надѣвалъ шляпу, только что имъ снятую.

— Я сейчасъ вернусь; мнѣ нужно повидать Мэри на одну минуту.

Мэри, въ это время, находилась въ самомъ уютномъ уголку сада, гдѣ между двумя грушевыми деревьями висѣли качели. Надвинувъ на глаза, въ видѣ защиты отъ яркихъ лучей солнца, пунцовый платочекъ, надѣтый на голову, она высоко взбрасывала качели съ сидѣвшей на нихъ Лэтти, которая громко взвизгивала и смѣялась отъ души.

Увидавъ отца, Мэри бросила веревку отъ качели и, откинувъ нѣсколько назадъ платочекъ, съ нѣжной, веселой улыбкой пошла ему на встрѣчу.

— А я пришолъ за тобой, Мэри, сказалъ м-ръ Гартъ. — Пройдемся немного.

Мэри очень хорошо поняла, что отецъ хочетъ ей сообщить что-нибудь важное. Съ ранняго дѣтства она привыкла догадываться, что слегка нахмуренныя брови и серьезный голосъ отца выражаютъ что онъ озабоченъ.

— Тебѣ придется довольно долго погрустить до свадьбы, Мэри, сказалъ отецъ, смотря не на нее, а на конецъ палки которую держалъ въ рукѣ.

— Чего-жъ мнѣ грустить, отецъ? возразила Мэри смѣясь.—Я прожила 24 года и всегда была весела; не придется-же мнѣ ждать свадьбы еще столько-же лѣтъ; мнѣ кажется, все это время ты былъ доволенъ Фрэдомъ, прибавила она, шаловливо заглядывая отцу въ лицо.

Калѣбъ состроилъ ртомъ какую-то гримасу и изъ предосторожности отвернулся.

— Вспомни отецъ, какъ ты его хвалилъ въ послѣдній четвергъ! приставала Мэри.— Ты говорилъ, что онъ необыкновенно хорошо изобрѣтаетъ источники доходовъ и вообще знаетъ толкъ въ хозяйствѣ.

— Будто я это говорилъ? съ лукавой усмѣшкой спросилъ Калѣбъ.

— Конечно! я даже записала твои слова, поставила противъ нихъ число, аппо Domini, и все какъ слѣдуетъ. Ты вѣдь любишь аккуратность. Фрѣдъ такъ хорошъ къ тебѣ, такъ уважаетъ тебя; право, рѣдко можно встрѣтить человѣка съ такимъ отличнымъ характеромъ, какъ Фрѣдъ.

— Э-ге-ге! да ты видно подольщаешься ко мнѣ, чтобы я, въ самомъ дѣлѣ, воображилъ, что это выгодная для тебя партія!

— Совсѣмъ нѣтъ, отецъ; я люблю Фрѣда вовсе не за то, что считаю его выгодной партіей.

— А за что-жъ ты его любишь.

— А просто за то, что привыкла его любить. Я никого не жую такъ охотно, какъ его, а это вѣрный признакъ, что онъ будетъ моимъ мужемъ.

— Слѣдовательно, ты ужъ порѣшила это дѣло въ своей головѣ, Мэри? Судя по всему, что случилось въ послѣднее время, — (Калѣбъ подъ этой фразой подразумѣвалъ очень многое) — твои чувства къ Фрѣду не измѣнились, иначе ты-бы мнѣ созналась; лучше поздно, чѣмъ никогда. Женщина не должна насиловать своего сердца; этимъ она не принесетъ счастья своему мужу.

— Чувства мои не измѣнились, отецъ, отвѣчала спокойно Мэри; — я останусь вѣрна Фрѣду до тѣхъ поръ, пока онъ не перемѣнится ко мнѣ. Мы не можемъ обойтись другъ безъ друга, а тѣмъ болѣе — полюбить кого-нибудь; ему — жениться на другой женщинѣ, а мнѣ выйти замужъ за другого мужчину, все равно, что на старшихъ дорогахъ мѣстахъ воздвигнуть новыя строенія. А что намъ придется долго ждать свадьбы, это Фрѣдъ давно знаетъ.

Вмѣсто того, чтобы отвѣчать дочери, Калѣбъ стоялъ молча и вертѣлъ палкой въ густой травѣ.

— Я тебѣ новость принесъ, заговорилъ онъ, наконецъ, взвол-

нованнымъ голосомъ. — Что ты скажешь, если Фрэдъ поселится въ Стон-Кортъ и будетъ управлять этимъ имѣніемъ?

— Да развѣ это возможно? спросила Мэри съ удивленіемъ.

— Тетя Бьюлстродъ хочетъ сдѣлать его своимъ управляющимъ; бѣдняжка была сейчасъ у меня и со слезами просила о томъ. Она желаетъ обезпечить мальчика; и дѣйствительно, такое дѣло будетъ для него очень выгодно. Если онъ сьумѣетъ скопить деньжонокъ, то можетъ обзавестись своимъ собственнымъ хозяйствомъ, а онъ способенъ быть хорошимъ фермеромъ.

— Ахъ, Фрэдъ будетъ очень, очень счастливъ! Это дѣло такъ хорошо, что не вѣрится, чтобы оно исполнилось!

— Одного не забудь, проговорилъ Калэбъ, оборачиваясь къ дочери, — что мнѣ придется взять имѣніе на свои плечи, быть отвѣтственнымъ лицомъ, слѣдить рѣшительно за всѣмъ. Матери это не понравится, хотя она и не скажетъ, — поэтому Фрэду надо будетъ держать ухо востро.

— Не слишкомъ-ли это для тебя хлопотливо, отецъ? Не большая радость навязать на тебя новыя заботы.

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя; трудъ для меня наслажденіе, лишь-бы только мать не тревожилась. Притомъ, когда Фрэдъ на тебѣ женится—(тутъ голосъ Калэба слегка дрогнулъ)—онъ сдѣлается акуратенъ и бережливъ. Ты уможь вся въ мать, а отчасти и въ меня, — сьумѣешь держать его въ порядкѣ. Онъ сейчасъ сюда будетъ; я нарочно тебя предупредилъ, чтобы ты сама передала ему все дѣло, а мнѣ послѣ этого легче будетъ переговорить съ нимъ. Мы вмѣстѣ обсудимъ вопросъ и сдѣлаемъ нужные расчеты.

— Ахъ, ты, мой милый, добрый старичокъ! воскликнула Мэри, обвивая руками шею отца, а онъ смиренно нагнулъ голову, очень довольный этой лаской дочери. — Ну, есть-ли на бѣломъ свѣтѣ другая дѣвушка, которая можетъ сказать, что у нея такой безподобный отецъ, какъ у меня!

— Полно вздоръ говорить, дитя; мужъ будетъ тебѣ всегда казаться лучше отца.

— Никогда! возразила Мэри съ улыбкой. — Мужья—люди второстепеннаго разряда; ихъ постоянно надо держать въ рукахъ.

Подходя къ дому вмѣстѣ съ отцомъ и съ Лэтти, которая прибѣжала къ нимъ, Мэри увидала Фрэда у калитки, ведущей въ огородъ, и пошла къ нему на встрѣчу.

— Какое на васъ прекрасное платье,—мать вы этакій, сказала Мэри, когда Фрэдъ остановился передъ нею и съ комической церемонностію, почтительно приподнял шляпу.—Вы не учитесь экономіи.

— Можно-ли такъ зло шутить, Мэри! возразилъ Фрэдъ. — Посмотрите на края моихъ обшлаговъ. Если я кажусь порядочно одѣтымъ, то это по милости тщательной чистки платья. У меня въ запасъ три пары и одна изъ нихъ—свадебная.

— Воображаю, какъ въ ней вы будете хороши! Точно старинная картинка модъ.

— Въ два года фасонъ платья не можетъ очень состариться.

— Развѣ вы думаете, что наша свадьба будетъ черезъ два года? Будьте благоразумны, Фрэдъ, не льстите себя напрасными надеждами.

— Почему-жъ нѣтъ? Человѣкъ только и живетъ надеждами. Если мы не женимся черезъ два года, то исполненіе нашихъ желаній потеряетъ уже свою прелесть.

— А я слышала исторію объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который все дѣлалъ себя разными сладкими надеждами и жестоко ошибся.

— Мэри, если вы собираетесь мнѣ сказать что-нибудь непріятное, я удеру, уйду къ м-ру Гарту. У меня и безъ того на душѣ не весело; отецъ упалъ духомъ, дома нашего теперь не узнаешь... Я не перенесу дурной вѣсти...

— А какъ по вашему—дурная будетъ вѣсть, если я вамъ скажу, что вамъ предстоитъ жить въ Стоп-Кортѣ, что вы будете управлять тамошней фермой и что при благоразумной экономіи получите возможность завести свое собственное хозяйство и сдѣлаться знаменитымъ агрономомъ? Боюсь только, что вы очень растолстѣете.

— У васъ все шутки на умѣ, Мэри, отвѣчалъ Фрэдъ, невольно краснѣя.

— Я вамъ передала слова моего отца, а онъ никогда вздору не говоритъ, возразила Мэри, пристально глядя на Фрэда, который шелъ съ ней рядомъ и такъ жалъ ей руку, что она готова была вскрикнуть, хотя и виду не подавала, что ей больно.

— Ахъ, если-бы это случилось, изъ меня вышелъ-бы отлич-

нѣйшій человѣкъ, Мэри! воскликнулъ Фрэдъ, — и мы могли-бы тогда, наконецъ, жениться.

— Тихе, тихе, сэръ. Почему вы знаете, что я не отложу нашу свадьбу еще на нѣсколько лѣтъ? Въ это время вы успѣете снова испортиться, я полюблю другого и буду имѣть отличный предлогъ васъ надуть.

— Мэри, прошу васъ, не шутите этимъ, проговорилъ Фрэдъ дрожащимъ голосомъ; — подтвердите мнѣ серьезно, что все сказанное вами правда и что вы очень довольны, потому что любите меня больше всего на свѣтѣ!

— Это все правда, Фрэдъ, и я очень довольна потому, что люблю васъ больше всего на свѣтѣ, повторила, какъ попугай, Мэри.

Они остановились въ эту минуту на крыльцѣ, подъ широкимъ навѣсомъ, и Фрэдъ, нагнувшись къ Мэри, произнесъ почти шопотомъ:

— Помнишь, когда мы съ тобой въ первый разъ обручились колечкомъ отъ зонтика, Мэри? Ты тогда...

Глаза Мэри весело засмѣялись, но злодѣй Банъ вдругъ выскочилъ на крыльцо съ собачкой Брауни, которая громко лаяла сзади его, и крикнулъ:

— Фрэдъ! Мэри! что-жъ вы нейдете? я вѣдь съѣмъ ваши пирожки!

Заключеніе.

Каждая граница можетъ быть, въ одно и то-же время, и началомъ, и концомъ. Кто долго прожилъ въ средѣ молодыхъ существъ, тому естественно захочется узнать, что съ ними случилось въ послѣдующіе годы, потому что отрывокъ жизни, хотя-бы она и не была типична, далеко не все равно, что отрывокъ какой-нибудь рѣшной ткани. Общанія могутъ быть не исполнены, пламенное стремленіе можетъ угаснуть, затаенныя силы могутъ найти удобный случай, чтобы вырваться наружу, прошедшая ошибка можетъ получить страшное возмездіе.

Самый бракъ, служившій рубежомъ для столькихъ описаній, есть ничто иное, какъ великое начало. Мы видимъ это на Адамѣ

и Евѣ, которые провели свой медовый мѣсяцъ въ раю, а колыбель для своего первенца устроили среди терній и колючихъ растеній пустыни. Бракъ есть начало домашней эпопеи, гдѣ супруги или постепенно завоевываютъ себѣ, или безвозвратно разрушаютъ тотъ крѣпкій союзъ, для котораго идущіе впередъ года служатъ только какъ-бы ступенями лѣстницы, а старость ничто иное, какъ періодъ жатвы сладкихъ взаимныхъ воспоминаній.

Мы знаемъ супруговъ, которые, подобно рыцарямъ крестовыхъ походовъ, вступали на путь брачной жизни во всеоружіи блестящихъ надеждъ и энтузіазма, а возвращались разбитые, утомленные и потерявшіе вѣру другъ въ друга и въ весь міръ.

Всѣмъ, кто сколько-нибудь интересовался Фрэдомъ Винци и Мэри Гартъ, будетъ пріятно узнать, что они прошли свой жизненный путь безъ потрясеній, и мирно, спокойно дожили свой вѣкъ. Фрэдъ не разъ удивлялъ своихъ сосѣдей самымъ неожиданнымъ образомъ. Онъ, наприимѣръ, прославился въ своемъ краю, какъ фермеръ теоретикъ и практикъ и издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „О способѣ разведенія овощей и объ экономическомъ откармливаніи телятъ“, которое заслужило громкія похвалы на всѣхъ агрономическихъ митингахъ. Но жители Миддльмарча отнеслись къ этому сочиненію нѣсколько скептически; они подозревали, что честь авторства принадлежитъ не Фрэду, а женѣ его, такъ-какъ имъ и въ голову не могло придти, чтобы Фрэдъ Винци былъ способенъ писать статьи о рѣпѣ и другихъ овощахъ.

За-то, когда Мэри сочинила небольшую книжку для своихъ мальчиковъ, подъ заглавіемъ: „Исторія великихъ людей; подражаніе Плутарху,“ и отдала ее напечатать и издать Гриппу и Ё, въ Миддльмарчѣ, то всѣ въ городѣ были убѣждены, что книгу эту сочинилъ Фрэдъ, на томъ основаніи, что онъ былъ въ университетѣ, гдѣ изучали древнихъ авторовъ и что онъ могъ-бы быть священникомъ, если-бы того захотѣлъ.

Это ясно доказывало, что жителей Миддльмарча трудно было обмануть и что тамъ находили совершенно лишнимъ хвалить автора какой-нибудь книги, потому что не тотъ, такъ другой все равно сочинилъ-бы ее.

Фрэдъ сохранилъ свою прежнюю любовь къ верховой ѣздѣ, но на охоту ѣздилъ рѣдко, и если иногда принималъ приглашеніе поохотиться, то заставлялъ своихъ друзей трунить надъ робостью, съ

которую онъ приближался теперь къ препятствіямъ во время скачки. За каждымъ кустомъ или заборомъ онъ видѣлъ Мэри и кудрявыя головки своихъ мальчиковъ.

А у него ихъ было трое. Мэри очень радовалась, что ей приходится воспитывать только мальчиковъ, и когда Фрэдъ выказывалъ желаніе имѣть дѣвочку, похожую на нее, она смѣясь возражала: „Это было-бы большое горе для твоей матери“.— М-съ Винци, все болѣе и болѣе старѣясь и живя далеко не въ той роскошной обстановкѣ, какъ бывало прежде, чрезвычайно осталась довольна, что двое изъ мальчиковъ Фреда были вылитые Винци и ничѣмъ не напоминали Гартовъ; за то Мэри втайнѣ радовалась, что меньшей изъ трехъ родился въ дѣдушку—ея отца. Мальчикъ отличался необыкновенной вѣрностью руки и глаза при игрѣ въ мячъ или при сбиваніи камушками спѣлыхъ грушъ.

Бэнъ и Лэтти Гартъ, сдѣлавшіеся дядей и теткой, далеко не достигнувъ еще совершеннолѣтія, вѣчно спорили между собой, чего имъ лучше желать: племянниковъ или племянницъ? Бэнъ увѣрялъ, что дѣвочки неоспоримо менѣе полезны, чѣмъ мальчики, иначе онѣ не ходили-бы вѣчно въ юбкахъ, а это самое и доказываетъ ихъ ничтожное назначеніе,—за что Лэтти, всегда почерпавшая свои доказательства изъ книгъ, очень рассердилась, говоря, что Адамъ и Ева, по повелѣнію Божию, сдѣлали себѣ одинаковыя платья изъ звѣринныхъ шкуръ и что она навѣрное знаетъ, что на дальнемъ Востокѣ мужчины также носятъ юбки. Послѣдній аргументъ, столь оскорбительный для достоинства мужского пола, вывелъ Бэна изъ терпѣнія. „Значить, они дураки!“ воскликнулъ онъ съ негодованіемъ и бросился немедленно къ матери съ вопросомъ: кто лучше—мальчики или дѣвочки? На это м-съ Гартъ отвѣчала, что мальчики и дѣвочки одинаково шалатъ, но мальчики несравненно крѣпче сложены, могутъ быстрѣе бѣгать и съ большей мѣткостью бросать мячики и камни. Бэнъ остался очень доволенъ такимъ приговоромъ домашняго оракула, а Лэтти очень обидѣлась, внутренно сознавая, что въ умственномъ отношеніи она все-таки сильнѣе брата.

Мэри съ лѣтами сдѣлалась очень похожа лицомъ на свою мать, хотя характеры ихъ были совершенно различныя. Мэри

не обременяла своихъ мальчиковъ систематическимъ ученемъ, почему м-съ Гартъ находилась въ постоянномъ страхѣ, что ея внучата никогда не будутъ знать основательно грамматику и географію. Но когда мальчиковъ отдали въ школу, то они оказались отлично приготовленными; быть можетъ, это произошло оттого, что дѣти цѣлые дни проводили съ матерью.

Если навести справки, то можетъ оказаться, что Мэри и Фредъ до сихъ-поръ живутъ въ Стон-Кортъ; что вьющіяся растенія по прежнему осыпаютъ своими бѣлыми цвѣтами красивую каменную ограду, выходящую въ поле, вдоль которой тянется рядъ орѣховыхъ деревьевъ; что въ солнечный день эти два любящія другъ друга существа, обручившіяся когда-то колечкомъ отъ вонтика, можетъ быть, сидятъ и теперь, уже сѣденыя, спокойныя, у того самаго открытаго окна, откуда Мэри Гартъ, при жизни старика Питера Фетерстона, по приказанію его, сторожила пріѣздъ м-ра Лейдгата.

Лейдгаты не дожилъ до сѣдыхъ волосъ. Онъ умеръ 50 лѣтъ, обезпечивъ жену и дѣтей значительной суммой, въ которой застраховалъ свою жизнь. Онъ приобрѣлъ себѣ отличную практику, разъѣзжая, смотря по сезону, изъ Лондона на континентъ и обратно; кромѣ того, онъ написалъ трактатъ о подагрѣ—этой болѣзни однихъ богатыхъ людей. Онъ получалъ огромныя деньги отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ пациентовъ, но постоянно считалъ свою карьеру неудавшеюся, такъ-какъ онъ не совершилъ всего того, что намѣренъ былъ совершить. Знакомые завидовали ему, находя, что у него прелестная жена, и вплоть до смерти Лейдгата ничто не поколебало этого общаго мнѣнія. Розамунда ужъ никогда болѣе не компрометировала себя какой-либо неосторожностію; она по прежнему была кротка въ обращеніи, но настойчива, любила читать наставленія мужу и умѣла очень ловко дѣлать все по своему. Съ годами мужъ все менѣе и менѣе ей противорѣчилъ, изъ чего Розамунда заключила, что онъ, наконецъ, научился отдавать должную справедливость ея мнѣніямъ; съ другой стороны, и она убѣдилась въ его медицинскихъ способностяхъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ зарабатывать большія деньги и, вмѣсто тѣсной кѣтки въ Брѣйд-Стритъ, устроилъ ей квартиру, всю уставленную цвѣтами и украшенную бронзою, гдѣ только и могла жить такая райская птич-

ка, какъ Розамунда. Короче сказать, Лейдгаты имѣлъ, что называется, успѣхъ; но онъ умеръ преждевременно отъ воспаленія, а Розамунда, въ послѣдствіи, вышла вторично замужъ за пожилого и богатаго доктора, который очень привязался къ ея четвернымъ дѣтямъ. Пріятно было смотрѣть, какъ она каталась съ дочерьми въ открытой коляскѣ и, навѣщая своихъ друзей, съ увлеченіемъ говорила о своемъ настоящемъ счастіи, называя его *вознагражденіемъ*,—Розамунда не объясняла, за что именно, но, вѣроятно, она подразумѣвала подъ этимъ перенесенныя ею страданія отъ далеко не безупречнаго характера Тергія.

Доротея никогда не считала себя выше другихъ женщинъ, чувствуя, что втеченіи своей жизни она сдѣлала меньше, чѣмъ должна-бы была сдѣлать. Она ни разу не раскаялась, что пожертвовала своимъ прежнимъ положеніемъ и богатствомъ, выйдя замужъ за Владислава, который жестоко-бы оскорбился, если-бы узналъ, что такая мысль могла придти ей въ голову. Оба они были крѣпко, неразрушимо связаны между собой взаимной любовью. Праздное спокойствіе было немислимо для Доротеи, а потому она создала себѣ жизнь, полную благотворительной дѣятельности. Виль сдѣлался пламеннымъ публицистомъ и работалъ съ успѣхомъ въ ту эпоху, когда вводившіяся реформы возбуждали твердыя надежды на ихъ благотворное вліяніе,—надежды, замѣтно охладѣвшія въ наше время. Кончилось тѣмъ, что онъ поступилъ въ парламентъ и избиратели сами заплатили за него издержки. Доротея не желала ничего лучшаго; она радовалась, что ея мужъ находится среди людей, борющихся за искорененіе зла, и что она можетъ быть ему полезна своими совѣтами. Многіе изъ знавшихъ ее близко сожалѣли, что женщина съ такимъ солиднымъ умомъ и съ такими рѣдкими достоинствами допустила поглотить себя жизнью мужа и что она слыветъ въ извѣстныхъ кружкахъ только какъ хорошая жена и мать; но съ точностію опредѣлить, на что именно была способна Доротея, никто не могъ, начиная съ сэра Джэмса Чытама, который все продолжалъ твердить, что ей не слѣдовало выходить за Виля Владислава.

Но такое сужденіе его ни разу не подало поводъ къ семейному раздору. М-ръ Брукъ, наприимѣръ, съ самого начала не могъ отказать себѣ въ удовольствіи переписываться съ Вилемъ

и Доротеей, и однажды утромъ, когда онъ необыкновенно странно расписался о проектѣ муниципальной реформы, изъ подъ пера его, совершенно неожиданно, вылилось приглашеніе пріѣхать въ Грэнджъ обоимъ супругамъ. Чтобы вычеркнуть написанную фразу, пришлось-бы пожертвовать всѣмъ драгоценнымъ письмомъ, а такая жертва для м-ра Брука была невозможна. Втеченіи первыхъ мѣсяцевъ своей переписки съ Доротеей, м-ръ Брукъ постоянно намекалъ сэру Джэмсу о своемъ непреложномъ намѣреніи лишить ее правъ наслѣдства, и даже въ тотъ самый день, когда своевольное перо его импровизировало приглашеніе въ Грэнджъ, онъ явился въ Фрэшитъ нарочно за тѣмъ, чтобы удостовѣрить сэра Джэмса въ неизмѣнности своего рѣшенія принять самыя энергическія мѣры предосторожности къ устраненію отъ наслѣдства имѣніемъ Бруковъ такихъ потомковъ, въ жилахъ которыхъ течетъ смѣшанная кровь.

Но въ это утро, въ Фрэшит-Голлѣ случилось нѣчто необычайное. Целія получила письмо, надъ которымъ она долго плакала молча, а когда сэръ Джэмсъ, не привышій видѣть ея слезъ, съ испугомъ спросилъ: въ чемъ дѣло?—она разразилась такими рыданіями, какихъ онъ и не ожидалъ отъ нея.

— У Доротей родился мальчикъ! говорила всхлипывая Целія... а ты не пускаешь меня навѣстить ее... я увѣрена, что она нуждается въ моемъ присутствіи... она вѣдь не знаетъ, какъ обращаться съ дѣтьми... Богъ знаетъ еще, что они тамъ надѣлаютъ... Всѣ думали, что Доротей умретъ... Это ужасно!... Представь себѣ, если-бы я и маленькій Артуръ находились въ такомъ положеніи и Додо запретила-бы насъ навѣщать... Можно ли быть такимъ злымъ, Джэмсъ!...

— Боже мой! Целія! воскликнулъ Джэмсъ, уничтоженный слезами жены,—скажи, чего ты хочешь? я все готовъ для тебя сдѣлать. Хочешь, я повезу тебя самъ завтра-же въ городъ.

И Целія, конечно, пожелала этого.

Тотчасъ послѣ этого разговора пріѣхалъ м-ръ Брукъ; встрѣтивъ баронета въ саду, онъ завелъ съ нимъ свой обыкновенный разговоръ, въ полномъ невѣденіи новости, о которой сэръ Джэмсъ не счелъ за нужное немедленно сообщить ему. Но лишь только рѣчь между ними коснулась наслѣдства, сэръ Джэмсъ возразилъ:

— Дорогой сэръ, я не имѣю права давать вамъ совѣтовъ; что-жъ до меня касается, то я оставилъ-бы это дѣло безъ перемѣнъ, такъ, какъ оно есть.

М-ръ Брукъ былъ до того пораженъ изумленіемъ, что въ первую минуту забылъ даже порадоваться, что его избавляютъ отъ хлопотъ передѣлывать завѣщаніе.

Подчиняясь сердечнымъ стремленіямъ Целіи, сэръ Джэмсъ, волей или неволей, долженъ былъ согласиться на примиреніе съ Доротеей и съ ея мужемъ. Когда между женами существуетъ крѣпкая привязанность, мужа должны стараться умѣрять свои взаимныя антипатіи. Однако, сэръ Джэмсъ никакъ не могъ добиться того, чтобы полюбить Владислава, а тотъ, съ своей стороны, всячески избѣгалъ случаевъ оставаться съ нимъ глазъ на глазъ. Оба они, можно сказать, только терпѣли другъ друга и разговоръ между ними клеился лишь въ присутствіи Доротей и Целіи.

Нѣсколько лѣтъ спустя, сдѣлано было такого рода семейное условіе, что м-съ Владиславъ будетъ пріѣзжать, не менѣе двухъ разъ въ годъ, гостить въ Грэнджѣ. Такимъ образомъ, подроставшіе дѣти изъ Фрэншита ѣздили съ большой радостію въ Типтонъ—играть тамъ съ своими кузенами, не смотря на то, что въ жилахъ послѣднихъ текла не такая чистая кровь, какъ у нихъ.

М-ръ Брукъ дожилъ до глубокой старости; имѣніе его наследовалъ старшій сынъ Доротей, которому предлагали быть депутатомъ отъ Миддльмарча; но онъ на это не согласился, находя что онъ менѣе будетъ стѣсненъ въ своихъ убѣжденіяхъ внѣ предѣловъ своей родины.

Сэръ Джэмсъ до конца жизни считалъ вторичный бракъ Доротей промахомъ и, вѣроятно, поэтому, въ молодомъ поколѣніи Миддльмарча осталось преданіе, что Доротей, будучи красивой молодой дѣвушкой, вышла замужъ за священника, чело-вѣка болѣзненнаго и такого стараго, что онъ годился-бы ей въ отцы; что менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ его смерти она отказалась отъ всего состоянія и вышла замужъ за кузена пер-ваго мужа, чело-вѣка безъ средствъ, темнаго происхожденія и такого молодого, что годился-бы ей въ сыновья. Люди, незнав-

шіе лично Доротей, обыкновенно замѣчали при этомъ, что, вѣроятно, она была не очень красива, иначе не вышла-бы ни за того, ни за другого.

Нѣтъ сомнѣнія, что эти два рѣшительные шага въ жизни были далеко не идеально-прекрасны и что ихъ скорѣе можно назвать результатомъ порывовъ молодой, благородной природы, изнемогавшей среди прованческой обстановки. Въ Миддльмарчѣ много толковали о заблужденіяхъ Доротей, но ни одинъ голосъ не поднялся въ защиту ея, чтобы сказать, что такого рода заблужденія возможны только въ обществѣ, которое относится равнодушно къ бракамъ болѣзненныхъ стариковъ съ молодыми дѣвушками и къ небрежному воспитанію женщинъ, и при этомъ дѣйствуетъ радикально-противоположно громко проповѣдуемымъ имъ правиламъ. Пока въ обществѣ будетъ существовать подобное направленіе, до тѣхъ поръ будутъ постоянно случаться такія противорѣчія, какія мы видѣли въ жизни Доротей; возвышенные чувства будутъ казаться заблужденіями, а истинная, горячая вѣра—иллюзіей, потому что нѣтъ человѣка, на духъ котораго не имѣла-бы вліянія окружающая его среда. Въ нашъ вѣкъ не мыслимы ни св. Терезы, ни Антигоны; среда, изъ которой онѣ почерпали силы для своихъ пламенныхъ порывовъ, исчезла навсегда; мы же, ничтожные люди, съ нашими будничными словами и дѣйствіями, подготавливаемъ судьбу многихъ другихъ Доротей, жизнь которыхъ представитъ еще болѣе грустный обращенъ жертвъ, чѣмъ жизнь знакомой уже намъ Доротей. Ея тонко-развитая душа открывала ей выходы изъ ея тяжкаго положенія, хотя для другихъ они были невидимы. Ея богатая натура, подобно широкой рѣкѣ, раздѣлилась на безчисленные рукава, имена которыхъ остались неизвѣстны; но благотворное вліяніе ея жизни разлилось на множество людей. Все хорошее въ человѣчествѣ есть, большей частію, послѣдствіе совершенно не историческихъ фактовъ, и если вамъ и мнѣ живется лучше, чѣмъ могло-бы житъся, мы обязаны этимъ малому числу безвѣстныхъ дѣятелей, умершихъ въ скромной долѣ и покоящихся въ могилахъ, которыхъ никто не посѣщаетъ!

СОНЪ ВЕЛИКАНА.

Въ степи, на курганѣ склонясь,
Спать старый, сѣдой великанъ;
Спать старый, сѣдой великанъ
И стаями птицы, кружась,
Глядятъ съ высоты на курганъ.

Въ кольчугѣ, въ стальномъ шпшаѣ
Онъ спитъ, въ мертвый сонъ погружень;
Онъ спитъ въ мертвый сонъ погружень,
Мечъ стиснувъ въ желѣзной рукѣ,
Сыпучимъ пескомъ занесень.

Онъ долгіе годы проспалъ,
Въ недвижности самой могучъ;
Въ недвижности самой могучъ,
Онъ бурь надъ собой не слыхалъ,
Не жегъ его солнечный лучъ.

Надъ нимъ разросталась трава,
Пескомъ занесень онъ до плечъ;
Пескомъ занесень онъ до плечъ,
И только одна голова
Осталась открытой, да мечъ.

Сномъ скованный много вѣковъ,
Однажды раскрылъ онъ глаза;
Однажды раскрылъ онъ глаза
И въ нихъ, какъ во тьмѣ облаковъ,
Казалось, сверкнула гроза.

Казалось,—одинъ поворотъ
И вспрянетъ опять великанъ;
И вспрянетъ опять великанъ,
Насѣвшую землю страхнетъ
Покинетъ песчаный курганъ.

Дохнулъ онъ и—дрогнула степь,
Невѣдомыхъ звуковъ полна;
Невѣдомыхъ звуковъ полна...
Какъ будто разсыпалась цѣпь
Волшебнаго, долгаго сна.

Но вѣжды сомкнулись опять
И—спитъ великанъ прежнимъ сномъ;
И спитъ великанъ прежнимъ сномъ,
И снова его засыпать
Сталъ вѣтеръ сыпучимъ пескомъ.

Дмитрій Минаевъ.

ПОЖАРЫ ВЪ РОССІИ.

(Статистическій очеркъ.)

I.

Каждое лѣто наши газеты переполняются извѣстіями о пожарахъ: тамъ село сгорѣло, здѣсь — цѣлый городъ выгорѣлъ и т. д. Въ какіе-нибудь два, три мѣсяца во многихъ губерніяхъ число пожаровъ доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ. Среднимъ числомъ каждый пожаръ причиняетъ на 2,000 р. убытка (вычислено за десятилѣтіе съ 1860 — 1870 г.); цифра эта, повидимому, не особенно велика, и если сравнить нашъ *средній* пожарный убытокъ съ среднимъ пожарнымъ убыткомъ въ западно-европейскихъ промышленныхъ государствахъ и особенно въ Америкѣ, то оптимистъ придетъ, пожалуй, къ утѣшительному выводу. Конечно, выводъ этотъ будетъ совершенно невѣренъ: изъ того факта, что цифра нашихъ пожарныхъ убытковъ *абсолютно* меньше, чѣмъ въ Западной Европѣ, отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобы она была и *сравнительно* меньше. У насъ 2,000 руб. выражаютъ собою итогъ годичнаго содержанія слишкомъ 20 человѣкъ; въ Америкѣ-же итогъ 3 или 4 человѣкъ, — слѣдовательно, убытокъ въ 2,000 р. для насъ будетъ въ 5 или 6 разъ чувствительнѣе, чѣмъ для нашихъ заатлантическихъ „друзей“. Но и это еще не все. Экономическая убыточность пожаровъ зависитъ не столько отъ ихъ повторяемости и силы, сколько отъ того, наносятъ-ли они ущербъ *чистому доходу* общества или его *капиталу*. На пожаръ можно смотрѣть, какъ на нѣкоторый налогъ или, лучше сказать, *штрафъ*, взимаемый роковымъ

стихією съ человѣческой безопасности, неразвитости и нищеты. Какъ и всякій налогъ, какъ и всякій штрафъ, онъ можетъ падать или на доходы съ капитала или на самый капиталъ. Въ первомъ случаѣ зло, причиняемое имъ, ограничивае тся однимъ *настоящимъ моментомъ*, и какъ бы оно ни было велико, оно всегда легко вознаградимо. Во второмъ-же случаѣ, наоборотъ, оно не ограничивается настоящимъ и распространяетс я на далекое будущее: поражая производительный капиталъ страны, оно уменьшаетъ не только доходы одного года, но и доходы многихъ послѣдующихъ лѣтъ; оно надолго парализируетъ экономическое развитіе страны и — какъ бы оно ни было сам о по себѣ незначительно—его роковыя послѣдствія изглаживаются очень медленно и съ большимъ трудомъ. Поэтому, едва только общество достигаетъ извѣстной степени матеріальнаго благосостоянія или, говоря точнѣе, едва только *капиталъ* начинаетъ играть первенствующую роль въ экономической жизни народа, сейчасъ-же возникаетъ стремленіе оградить его отъ разрушительныхъ дѣйствій силъ внѣшней природы, перенести потери, непосредственно наносимыя ему, на его чистый доходъ. Стремленіе это осуществляется на практикѣ съ помощью такъ-называемаго *страхованія*. Ошибочно полагаютъ нѣкоторые, будто вся выгода страхованія состоитъ только въ томъ, что оно, разлагая бѣду одного на многихъ, дѣлаетъ ее не столь чувствительною, уменьшаетъ, ослабляетъ ея экономическій эффектъ. Нѣтъ, если-бы все значеніе страхованія сводилось къ одному этому, то его польза во многихъ случаяхъ была-бы весьма сомнительна. Хорошо, если бѣда разразилась надъ человѣкомъ бѣднымъ, неимущимъ, — разложить ее на людей имущихъ будетъ въ экономическомъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи весьма полезно. Но если она разразилась надъ богачемъ, полезно-ли ее раскладывать на неимущихъ или почти неимущихъ? Но если отрѣшиться отъ точки зрѣнія личныхъ интересовъ и взглянуть на это дѣло съ точки зрѣнія интересовъ обще-національныхъ, то страхованіе получаетъ значеніе уже не простой круговой поруки, не простого разложенія несчастія одного на многихъ, а *гарантированія неприкосновенности капитала на счетъ его процентовъ*. Когда застрахованный капиталъ (положимъ, домъ) сгораетъ, страховое общество сейчасъ-же вручаетъ по-

страдавшему владѣльцу другой капиталъ, равный по стоимости капиталу, истребленному огнемъ. Этотъ второй капиталъ, немедленно заступающій мѣсто перваго, мгновенно пополняющій въ народной экономіи пробѣлъ, произведенный пожаромъ, составляется изъ *страховыхъ премій*, а страховыя преміи, въ свою очередь, входятъ, какъ составная часть, въ процентъ съ капитала. Капиталы удѣляютъ частичку своихъ доходовъ въ страховое общество и изъ этихъ удѣленныхъ ими частичекъ образуется тотъ резервный фондъ, благодаря которому капиталъ получаетъ свойство *неуничтожаемости*, нестораемости, вѣчности. Слѣдовательно, экономическая убыточность пожаровъ *обратно пропорциональна* количеству застрахованнаго имущества, застрахованнаго капитала. Чѣмъ больше застрахованнаго имущества, тѣмъ безвреднѣе, въ чисто-экономическомъ отношеніи, пожары, какъ-бы они часто ни повторялись и какъ-бы они ни были сильны; и наоборотъ: чѣмъ менѣе застрахованнаго имущества, тѣмъ они вреднѣе вліяютъ на экономическую жизнь страны, какъ-бы рѣдко они ни случались и какъ-бы ни были слабы. Такимъ образомъ, для оцѣнки вліянія пожара на народную производительность нужно обратить вниманіе на три фактора, обуславливающіе его большую или меньшую экономическую убыточность: 1) на количество застрахованнаго имущества и на его отношеніе къ имуществу сторающему, 2) на численность пожаровъ и 3) на ихъ силу. Разберемъ-же каждый изъ этихъ факторовъ въ отдѣльности.

II.

Наши капиталы страхуются отъ огня или въ частныхъ, акціонерныхъ компаніяхъ, или въ административно-земскихъ учрежденіяхъ. Частныхъ „страховыхъ отъ огня“ обществъ считается въ Россіи, безъ Царства Польскаго, 9, а съ Ц. Польскимъ — 10. Если мы предположимъ (что, конечно, будетъ довольно далеко отъ истины), что районъ дѣятельности этихъ 9 страховыхъ обществъ ограничивается всего только двумя губерніями — петербургской и московской, то и тогда окажется, что средняя сумма, ежегодно издерживаемая ими на вознагражденіе

пожарныхъ убытковъ, возстановляетъ едва половину капитала, истребляемаго въ этихъ губерніяхъ огнемъ. Среднимъ (за пять лѣтъ съ 1865—70) числомъ петербургская и московская губерніи терпятъ отъ огня ежегоднаго убытка 5 милліоновъ; средняя же годовая цифра капитала, возстановляемаго нашими страховыми обществами, не превышаетъ 2½ мил. Въ 1871 г. эта цифра доходила, впрочемъ, до 2,858,519 р. (Русск. Календ. Суворина, стр. 329); у насъ нѣтъ свѣденій о количествѣ сгорѣвшаго въ этомъ году имущества. Но если мы предположимъ, что оно не превышало среднюю годовую норму, выведенную за десятилѣтіе (1860 — 1870), т. е. 29 съ небольшимъ милліоновъ, то окажется, что при посредствѣ нашихъ частныхъ страховыхъ отъ огня обществъ ежегодно возмѣщается не болѣе $\frac{1}{14}$ всего капитала, истребленнаго огнемъ. Другими словами, изъ всего погорѣвшаго имущества лишь $\frac{1}{14}$ часть возстановляется на счетъ дохода; $\frac{13}{14}$, т. е. около 27 мил., падаютъ уже не на доходъ, а на производительный капиталъ, на производительныя силы общества.

Конечно, помимо частныхъ страховыхъ учрежденій, у насъ есть еще, какъ мы сказали, учрежденія административно-земскія. Но, во-первыхъ, дѣятельность этихъ учрежденій весьма недавняя — началась лишь въ концѣ 60-хъ годовъ (1866 и 1867 гг.) — и, во-вторыхъ, ея размѣры такъ-же ограничены, какъ и размѣры дѣятельности частныхъ страховыхъ компаній. Въ 1864 г. утверждено было положеніе о такъ-называемомъ „взаимномъ земскомъ страхованіи“, *обязательномъ* для всѣхъ сельскихъ построекъ (какъ частныхъ, такъ и общественныхъ), находящихся въ чертѣ крестьянской осѣдлости, для всѣхъ-же прочихъ построекъ, какъ въ уѣздахъ, такъ и въ городахъ, — *добровольномъ*. Въ 1866 г. положеніе это было осуществлено только въ двухъ губерніяхъ; въ концѣ 1867 — въ 22 губ., въ 1868 — въ 28 губ., въ 1869 — въ 30 губ. А въ настоящее время взаимное земское страхованіе введено почти во всѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ открыты земскія учрежденія. Въ тѣхъ-же губерніяхъ, гдѣ послѣднія не открыты, существуетъ такъ-называемое *взаимное губернское страхованіе* (Положеніе о взаимн. губ. страх. утверждено 25 іюля 1867 г.), обязательное для всѣхъ построекъ (какъ частныхъ, такъ и общественныхъ), принадлежащихъ лицамъ сельскихъ со-

словій, отставнымъ и отслужившимъ солдатамъ и мѣщанамъ, живущимъ въ такихъ селеніяхъ и мѣстечкахъ, которыя не имѣютъ городского устройства. Въ настоящее время губернское страхованіе дѣйствуетъ въ 15 губерніяхъ европейской Россіи *). Средняя сумма пожарныхъ вознагражденій въ 14-ти изъ этихъ 15-ти губерній **) доходила до 150 — 160 тысячъ рублей въ годъ (до 1871 г.), а средняя годовая стоимость пожарныхъ убытковъ приблизительно за то-же время равнялась въ этихъ губерніяхъ 5½ мил. рубл. — слѣдовательно, изъ всего погорѣвшаго имущества только $\frac{1}{36}$ часть возстановлялась при помощи губернскаго страхованія, а $\frac{35}{36}$ погорѣвшаго капитала оказались не застрахованными.

Земское взаимное страхованіе даетъ болѣе дѣйствительные результаты, но и оно возстановляетъ не болѣе $\frac{1}{9}$ части капитала, уничтожаемаго огнемъ. Вотъ болѣе точныя свѣденія, какъ о количествѣ убытка, такъ и о суммѣ пожарныхъ вознагражденій, выданныхъ земскимъ страхованіемъ въ 1869 г. въ слѣдующихъ 8 губерніяхъ:

	Убытки отъ пожаровъ.	Сумма пожарн. вознаграгр.
Вятская . .	415,830 руб.	49,343 руб.
Казанская . .	710,711 "	248,137 "
Калужская . .	493,564 "	78,459 "
Самарская . .	830,237 "	16,840 "
Рязанская . .	1,943,697 "	389,790 "
Псковская . .	189,960 "	63,079 "
Пензенская . .	3,187,470 "	318,667 "
Курская . .	1,760,991 "	216,862 "
Вообще . .	9,532,460 руб.	1,381,167 руб.

Въ 18 губерніяхъ, въ которыхъ введено земское страхованіе и относительно которыхъ у насъ имѣются свѣденія (кромѣ 8 приведенныхъ выше, въ губерніяхъ: воронежской, владимірской, екатеринославской, костромской, пермской, петербургской, нижегородской, смоленской, саратовской и таврической), среднимъ чи-

*) Архангельская, астраханская, виленская, витебская, волынская, гродненская, кievская, ковенская, курляндская, ливонская, минская, могилевская, подольская, уфимская и эстляндская.

**) О послѣдней (т. е. 15-ой), эстляндской губерніи у насъ нѣтъ свѣденій.

сломя тратилось ежегодно (1869—1871 г.) на возмѣщеніе пожарныхъ убытковъ свыше 2 милл. руб., а средняя ежегодная сумма этихъ убытковъ превышала 17 мил. руб., т. е. лишь $\frac{2}{17}$ (или $\frac{1}{8,5}$) погорѣвшаго капитала возвращалась ихъ владѣльцамъ, остальные $\frac{15}{17}$ терялись безвозвратно.

Вообще при самыхъ благопріятныхъ предположеніяхъ, мы должны допустить, что изъ 28—29 мил. ежегодно сгорающаго капитала *по меньшей мѣрѣ* 20 мил. не вознаграждаются на счетъ сбереженныхъ доходовъ (страховыхъ премій), 20 мил. вычитаются изъ нашихъ производительныхъ фондовъ (подразумѣвая подъ этимъ терминомъ всякую движимую или недвижимую собственность, приносящую доходъ), и, слѣдовательно, на 20 мил. ежегодно сокращается, подъ вліяніемъ огня, наша экономическая производительность.

Вотъ одна изъ главныхъ и существенныхъ причинъ рокового экономическаго значенія нашихъ пожаровъ: огонь истребляетъ у насъ не *доходъ съ капитала*, а самый капиталъ.

Прежде, однако, чѣмъ мы займемся болѣе подробнымъ вычисленіемъ, какъ валовой суммы убытковъ, причиняемыхъ нашими пожарами, такъ и распредѣленіемъ этихъ убытковъ между селами, городами и различными мѣстностями европейской Россіи, опредѣлимъ въ общихъ чертахъ второй и третій факторы экономической убыточности пожаровъ, т. е. ихъ численность и ихъ силу.

III.

Въ 1865 г. Центр. Стат. Ком. при М. В. Д. издалъ подъ редакцію г. Вильсона „Статистическія свѣдѣнія о пожарахъ въ Россіи съ 1860 по 1864 годъ“ (Книга эта, по заявленію самаго Комитета, составляетъ въ настоящее время „библіографическую рѣдкость“). Въ прошломъ 1872 г. тотъ-же Комитетъ издалъ V вып. Статистич. Временника, четвертый отдѣлъ котораго посвященъ статистикѣ пожаровъ въ Россіи съ 1860 по 1870 г. На цифрахъ этихъ двухъ официальныхъ изданій и будутъ основаны наши послѣдующія вычисленія.

За истекшее 10-ти-лѣтіе во всѣхъ губерніяхъ европейской Рос-

си (за исключеніемъ Финляндіи и Польскихъ губ.), занесено въ официальные вѣдомости 140,633 пожара, что составляетъ въ годъ 14,063 пожара, а на каждую губернію 281 пожаръ. Число жилыхъ дворовъ въ тѣхъ-же губерніяхъ (безразлично въ городахъ и въ селахъ) опредѣляется въ 7,403,405 д. (см. Списки насел. и. Россійск. Им., изд. Центр. Стат. Комитета, также Военно-Статич. Сборн. в. II, стр. 136), слѣд., 1 пожаръ приходится среднимъ числомъ на 526 дв. или на 1000 дворовъ почти 2 (1,9). Но пожаръ, какъ извѣстно, рѣдко ограничивается однимъ домомъ, жертвою его дѣлаются обыкновенно нѣсколько домовъ; среднимъ числомъ за все десятилѣтіе, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ, на 1 пожаръ приходилось 5 сгорѣвшихъ дворовъ, причѣмъ въ городахъ на 1 пожаръ сгорало 4 дв., въ уѣздахъ 5,4. Число пожаровъ въ городахъ равнялось среднимъ числомъ въ годъ 1,533; въ уѣздахъ 12,530. Слѣдовательно, пожаръ ежегодно истребляетъ въ городахъ 6,132 двора, а въ уѣздахъ 67,662 дв., всего 73,794. Такимъ образомъ, ежегодно на каждые 100 дворовъ одинъ дворъ дѣлается жертвою пламени, т. е. нашъ капиталъ, заключающійся въ строеніяхъ, ежегодно уменьшается, благодаря пожарамъ, на 1%. Втеченіи 10 лѣтъ огонь уничтожилъ у насъ по этому расчету около 800,000 дворовъ; слѣдовательно, $\frac{1}{10}$ часть всей наличной суммы нашихъ строеній. Если мы предположимъ, что постройка сгорѣвшаго дома обходится, по меньшей мѣрѣ, въ 100 руб., то вотъ вамъ 80,000,000 руб., отнятыхъ у той или другой сферы промышленности и обращенныхъ на реставрированіе погорѣвшихъ жилищъ. Народная производительность уменьшается на весь этотъ громадный капиталъ и уменьшается потому только, что изъ доходовъ его не было сдѣлано достаточно сбереженій, для гарантірованія его неистребляемости.

Мы привели круглую, валовую цифру нашихъ пожаровъ взятыхъ за цѣлое десятилѣтіе, но интересно знать: убываетъ-ли эта цифра или возрастаетъ? Въ послѣднюю половину прожитаго десятилѣтія у насъ стали вводиться земскія учрежденія и повые суды, губернское и земское страхованіе, наша промышленность сдѣлала, сравнительно говоря, довольно значительные успѣхи, все это, повидимому, должно-бы было оказать какое нибудь вліяніе на ежегодный итогъ нашихъ пожаровъ. Каково-же

было это вліяніе? На этотъ вопросъ отвѣтитъ слѣдующая таблица:

Средній годовоіъ итогъ пожаровъ въ губ. европ. Россіи. *)

1860 г.	9,768 пож.	1865 г.	14,138 пож.
1861 "	9,809 "	1866 "	14,479 "
1862 "	12,009 "	1867 "	15,273 "
1863 "	12,916 "	1868 "	16,939 "
1864 "	13,170 "	1869 "	20,127 "
Итого . . . 57,672 "		Итого . . . 80,956 "	

Итого съ 1860—1870 г. 138,628.

Изъ этой таблицы съ поразительною очевидностью слѣдуетъ, что цифра нашихъ пожаровъ изъ году въ годъ возрастаетъ; число пожаровъ въ послѣдній годъ десятилѣтія увеличилось болѣе, чѣмъ въ два раза, сравнительно съ первымъ годомъ. Въ первое пятилѣтіе (съ 1860—1865 г.) средняя годовая цифра пожаровъ равнялась 11,534; во второе пятилѣтіе (съ 1865 по 1870 г.) она возвысилась до 16,191, слѣдовательно, болѣе, чѣмъ на 39%. Вмѣстѣ съ численностью пожаровъ возрасла и ихъ сила, что видно изъ слѣдующей таблицы:

Съ 1860—1865 г. на 1 пож. сгор. дворовъ.			Съ 1865—1870 г. на 1 пож. сгор. дворовъ.		
въ городахъ	въ уѣздахъ	въ губер.	въ городахъ	въ уѣздахъ	въ губ.
3,3	5,0	4,8	4,7	5,8	5,2.

Такимъ образомъ, сила пожаровъ возрасла на 8,3%; особенно сильно увеличилась интенсивность, разрушительность пожара въ городахъ; въ то время какъ въ уѣздахъ она возрасла на 16%, въ городахъ на 42%. Но если въ городахъ увеличилась интенсивность пожаровъ, за-то увеличеніе ихъ численности по преимуществу замѣчается въ уѣздахъ. Мы видѣли, сейчасъ, что общая численность пожаровъ увеличилась въ два пяти дѣтія на 39%,—между тѣмъ

*) Такъ какъ въ матеріалахъ, изданныхъ Центр. Ст. Ком., нѣтъ точныхъ свѣдѣній за нѣкоторые года истекшаго десятилѣтія для губерній: петербургской, эстляндской, уфимской и Земли В. Донскаго, — то мы совсѣмъ исключимъ ихъ изъ нашихъ вычисленій. Оттого, между прочимъ, читатель замѣтитъ разницу между приведеннымъ выше валовымъ итогомъ пожаровъ за десятилѣтіе и суммою погодныхъ итоговъ за тѣ-же 10 лѣтъ. Въ первомъ итогѣ мы брали и тѣ 4 губ. которыя исключаемъ теперь.

въ городахъ она увеличилась всего только на 6,9% *). Вообще если сравнивать общую сумму и среднюю интенсивность пожаровъ въ уѣздахъ и городахъ, то результатъ сравненія окажется, повидимому благоприятнымъ для городовъ. За истекшее десятилѣтіе интенсивность городскихъ пожаровъ относилась къ сельскимъ, какъ 1:1,35; а сумма первыхъ къ суммѣ вторыхъ какъ 1:8; **). Но если мы возьмемъ *относительную численность* (т. е. относительно числа жителей и строеній) тѣхъ и другихъ, то выводъ получится обратный. За десятилѣтіе съ 1860—1870 г. въ городахъ среднимъ числомъ ежегодно происходило 1,533 пожара; въ уѣздахъ 12,530. Число жителей принимается въ первыхъ 6,087,070; во вторыхъ 54,822,239 (Воен. Стат. Сбор. В. IV, стр. 132); число дворовъ въ городахъ—534,872; въ уѣздахъ—6,868,533. Слѣдовательно, 1 пожаръ приходится въ городахъ на 3,970 жит. и на 348 дворовъ; въ уѣздахъ—на 4,375 жит. и на 532 двора. Въ городѣ ежегодно сторааетъ одинъ дворъ на 87 дворовъ, въ уѣздѣ на 101 дворъ; такимъ образомъ, огонь каждый годъ истребляетъ въ городахъ 1,14%, въ уѣздахъ 0,99% капитала, заключающагося въ строеніяхъ.

И такъ, наши города находятся въ несравненно менѣе выгодныхъ условіяхъ относительно пожаровъ, чѣмъ уѣзды; а между тѣмъ, по свѣденіямъ Центрального Статистическаго Комитета, въ городахъ 41-хъ губерній (относительно губерній: ярославской, петербургской, таврической, екатеринославской, казанской, астраханской, тульской, встляндской и Земли Войска Донскаго точныхъ свѣденій не имѣется) на содержаніе пожарныхъ командъ ежегодно истрачивается около 740,000 руб. Сумму эту нужно раздѣлить между 450 городами и мѣстечками означенныхъ 41 губерній, такъ что на каждый городъ или мѣстечко (и также посадъ) придется 1,200 руб. Конечно, эта цифра весьма ничтожна, но именно потому-то, что она слишкомъ ничтожна, наши затраты на содержаніе пожарныхъ командъ

*) Число пожаровъ въ городахъ было:

съ 1860—65 г.	7,409;	средній годовой итогъ—	1,481
» 1865—70 »	7,922;	»	»
			—1,584.

**.) Число пожаровъ за 10-ти-лѣтіе съ 1860—70 г.

въ городахъ.	15,331
» уѣздахъ	126,302.

оказываются совершенно бесполезными: въ уѣздахъ, при полномъ отсутствіи пожарныхъ командъ, и относительное число пожаровъ меньше, и ихъ сила не такъ велика, какъ въ городахъ, издерживающихъ ежегодно болѣе 700 тысячъ на своихъ пожарныхъ.

Наибольшую удобостораемость, сравнительно съ уѣздами, отличаются города губерній екатеринославской, таврической, херсонской, харьковской, полтавской, астраханской, черниговской и могилевской. Въ этихъ 8-ми губерніяхъ втеченіи истекшаго 10-тилѣтія число пожаровъ было: въ уѣздахъ 12,667, въ городахъ 3,278; слѣдовательно, на 1 городской пожаръ приходится 3,8 уѣздныхъ; тогда, какъ въ европейской Россіи вообще это отношеніе равняется 1:8. Напротивъ, въ губерніяхъ сѣверо-восточныхъ (олонецкой, вологодской, вятской, оренбургской) и западныхъ (гродненской, виленской, ковенской, минской и витебской) городскіе пожары относятся къ уѣзднымъ какъ 1 къ 9,10, а въ вятской, какъ 1 къ 24, въ виленской, какъ 1 къ 36. Въ слѣдующихъ 13-ти внутреннихъ губерніяхъ: казанской, калужской, владимірской, воронежской, востромской, курской, московской (безъ Москвы) нижегородской, смоленской, рязанской, тульской, псковской и самарской, на 1 городской пожаръ приходится 20 уѣздныхъ. Въ остальныхъ губерніяхъ отношеніе городскихъ пожаровъ къ уѣзднымъ весьма близко подходитъ къ средней нормѣ, т. е. къ отношенію 1:8. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ можно сдѣлать такой выводъ: въ губерніяхъ, по преимуществу промышленныхъ, а также въ губерніяхъ съ слабо развитымъ городскимъ населеніемъ — пожары болѣе часты въ уѣздахъ, чѣмъ въ городахъ; напротивъ, въ губерніяхъ степной и черноземной полосы — отношеніе городскихъ пожаровъ къ уѣзднымъ наименѣе благоприятно для первыхъ.

Что-же касается до распредѣленія вообще пожаровъ по губерніямъ, то тутъ опять нужно обратить вниманіе: во первыхъ, на численность пожаровъ и во вторыхъ, на ихъ интенсивность. Относительно численности пожаровъ губерніи европейской Россіи можно раздѣлить на 3 категоріи: на губерніи, въ которыхъ на 1,000 дворовъ приходится менѣе 1 пожара, губерніи, въ которыхъ на 1,000 дворовъ приходится отъ 1—2 пожаровъ, и губерніи, въ которыхъ на 1,000 дворовъ приходится свыше двухъ пожаровъ. Къ первой кате-

горѣ принадлежать губерніи: херсонская (на 1,000 дворовъ—0,4 пожара), полтавская (0,8) екатеринославская (0,7) вологодская, новгородская (въ обѣихъ 0,9) и эстляндская (0,6). Къ третьей категоріи, представляющей максимумъ пожаровъ, прежде всего, разумѣется, слѣдуетъ отнести губерніи петербургскую и московскую (на 1,000 дворовъ болѣе 3 пожаровъ) затѣмъ идутъ губерніи: ковенская, виленская, витебская, курляндская, нижегородская, орловская, пензенская, олонечкая, рязанская и тульская (во всѣхъ нихъ приходится на 1,000 дворовъ отъ 2,8 до 2,1 пожара). Всѣ остальные губерніи близко подходят къ средней нормѣ, т. е. число пожаровъ не превышаетъ 2 на 1,000. Вообще наши пожары въ количественномъ отношеніи довольно правильно распредѣлены по губерніямъ; но нельзя того же сказать относительно ихъ *качественнаго* распредѣленія, интенсивность пожаровъ колеблется въ различныхъ губерніяхъ отъ 1,17 домовъ на 1 пожаръ (херсонская губернія) до 9,73 домовъ (пензенская). Наименьшею силою, наименьшею разрушительностью отличаются пожары въ остзейскихъ губерніяхъ (курляндской, лифляндской, эстляндской), въ архангельской и олонечкой губерніяхъ и затѣмъ въ южныхъ: таврической, херсонской, Бессарабій, кievской и подольской. Во всѣхъ этихъ губерніяхъ одинъ пожаръ истребляетъ *меньше* двухъ домовъ. Максимумъ интенсивности пожаровъ приходится на губерніи: владимирскую, казанскую, курскую, нижегородскую, пензенскую, рязанскую, саратовскую, симбирскую и тамбовскую; въ этихъ губерніяхъ въ каждый пожаръ сгораетъ отъ 6 до 9,73 домовъ.

Остальные губерніи, занимающія середину между этими максимумомъ и минимумомъ, раздѣляются въ свою очередь на 2 группы: на группу губерній, въ которыхъ одинъ пожаръ истребляетъ отъ 2—4 домовъ, и на группу губерній, въ которыхъ каждый пожаръ истребляетъ отъ 4—6 домовъ. Къ первой группѣ относятся губерніи: астраханская, виленская, витебская, вологодская, волынская, вятская, 3. Войска Донскаго, екатеринославская, ковенская, минская, могилевская, московская, пермская, полтавская, псковская, петербургская, смоленская, уфимская и харьковская. Ко второй: воронежская, гродненская, калужская, костромская, новгородская, оренбургская, орловская, самарская, тверская, тульская, черниговская и ярославская.

Изъ этихъ данныхъ, весьма трудно извлечь какой нибудь точный выводъ не только относительно климатическихъ и этнографическихъ, но и относительно социальна-экономическихъ вліаній на большую или меньшую интенсивность нашихъ пожаровъ. Губерніи, сосѣднія по своему географическому положенію весьма сходныя по характеру своей экономической жизни, стоятъ, какъ мы видимъ, въ совершенно различныхъ категоріяхъ, — и наоборотъ, губерніи мало въ чемъ сходныя фигурируютъ въ одной и той-же категоріи. Владимірская, напр., губернія попала въ одну категорію съ пензенской, разанская съ симбирской, черниговская съ новгородской и оренбургской и т. д. Потому нельзя вполнѣ согласиться съ выводомъ, извлеченнымъ Воен. Стат. Сбор. изъ изслѣдованій г. Вильсона (относящихся, впрочемъ, лишь къ первой половинѣ истекшаго 10-лѣтія). Воен. Стат. Сбор. утверждаетъ (Вып. IV, стр. 172), что наибольшую интенсивностью отличаются пожары въ губерніяхъ средней Волги: самарской, саратовской, симбирской и сосѣднихъ съ ними *степныхъ* губерніяхъ и что отсюда „средняя сила пожаровъ уменьшается по вѣтмъ направленіямъ“. Но самарская губ., какъ мы сейчасъ видѣли, находится не въ той категоріи, въ которой помѣстились саратовская и симбирская, — а въ той, въ которой помѣстились гродненская и новгородская. Затѣмъ многія губерніи степной полосы (напр., астраханская, 3. Войска Донскаго, таврическая и т. п.) отличаются пожарами *наименѣе* интенсивными. Вообще мы имѣемъ право сказать только, что въ центральныхъ губерніяхъ пожары отличаются большою силою, чѣмъ въ сѣверныхъ, сѣверо-восточныхъ, западныхъ и южныхъ. Гдѣ искать причины этого явленія? Повидимому, ближе всего ее искать въ большой или меньшей *застроенности* городскихъ и сельскихъ населеній. Чѣмъ рѣже застроены села и города той или другой губерніи, тѣмъ меньше пищи представляется пожару. Это такъ очевидно, что, кажется, не требуетъ никакихъ статистическихъ доказательствъ. Однако, очевидное а priori не всегда бываетъ справедливо а posteriori. Если мы ограничимся только общимъ сравненіемъ группы губерній, представляющихъ максимумъ пожарной силы, съ группою губерній, представляющихъ ея minimum, то, дѣйствительно, окажется, что въ первой группѣ на 1 поселеніе (городское или сельское безразлично) приходится

среднимъ числомъ, 62 двора — во второй 51 дворъ. Но, если мы введемъ въ сравненіе и третью группу, заключающую въ себѣ 30 губ. съ среднею пожарною силою (отъ 2 — 6 домовъ на 1 пожаръ), то окажется, что большая или меньшая застроенность поселеній весьма мало вліяетъ на интенсивность пожара. Въ губерніяхъ этой группы на 1 поселеніе приходится отъ 30 — 36 дворовъ. Слѣдующая таблица еще лучше покажетъ намъ всю незначительность этого вліянія. Мы сопоставимъ въ ней нѣсколько губерній съ максимум'омъ и минимум'омъ пожаровъ.

	Г у б е р н і и.	На 1 пожаръ погор. двор.	На 1 посе- леніе двор.
ш и и и и	Бессарабія	1,37	110
	Кіевская	1,86	114
	Подольская	1,76	104
	Херсонская	1,17	56
	Эстляндская	1,81	68
ш х и и	Пензенская	9,73	78
	Рязанская	7,90	46
	Казанская	8,41	48
	Нижегородская	8,45	45
	Владимірская	8,07	26

Цифры эти не нуждаются въ комментаріяхъ. Однако, было-бы ошибочно совершенно устранять вліяніе малодворности на силу пожара. У насъ есть губерніи (лифляндская, курляндская, витебская, псковская) въ которыхъ на 1 поселеніе приходится среднимъ числомъ отъ 1 до 5 дворовъ. Очевидно, что при такой малодворности пожаръ, истребивъ одинъ, два, три дома, по необходимости прекращается за отсутствіемъ матеріаловъ для дальнѣйшей дѣятельности. Трудно себѣ представить, чтобы, напр., въ курляндской губерніи пожаръ могъ истреблять среднимъ числомъ болѣе 1,4 дворовъ, когда тамъ на каждое поселеніе приходится 1,4 двора ¹⁾. Но вліяніе *многодворности*, какъ это показываетъ примѣръ бессарабской, кіевской и подольской губерній, не увеличиваетъ шансовъ интенсивности пожара. У насъ

¹⁾ Въ курляндской губерніи на 1 пожаръ приходится въ городахъ 1,25 сторѣвскихъ домовъ, въ уѣздахъ 1,41, во всей губерніи 1,40 (Стат. Вр. вып IV отд. IV, стр. 15).

считается 2,207 город. поселеній и 318,267 сельскихъ; въ первыхъ число дворовъ опредѣляется въ 534,872 дв., во вторыхъ въ 6,868,533; слѣдовательно, застроенность нашихъ городовъ болѣе чѣмъ въ 10 разъ превышаетъ застроенность сель, — а между тѣмъ, въ городахъ, какъ выше было показано, пожары отличаются меньшею силою, чѣмъ въ деревняхъ. Хотя многодворность и представляетъ обильную пищу пожару, но, съ другой стороны, она же и парализируетъ его разрушительную силу. Многодворность предполагаетъ многолюдность, а многолюдность поселенія указываетъ на извѣстную степень его промышленнаго развитія, а слѣдовательно, и развитія умственнаго. Въ этихъ-то двухъ фактахъ: въ извѣстной степени промышленнаго и интеллектуальнаго развитія пожаръ встрѣчаетъ всегда лучшую и надежнѣйшую преграду для своего распространенія. Люди, живо заинтересованные въ сохраненіи своего имущества, всегда съумѣютъ оградить свои жилища отъ разрушительнаго дѣйствія огня.

Вліяніе жаркаго и сухого лѣта, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, тоже не оказываетъ слишкомъ замѣтнаго вліянія на интенсивность пожаровъ. Но нельзя того-же сказать о зимѣ. Во всѣхъ сѣверныхъ, сѣверо-восточныхъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ интенсивность пожаровъ меньше, чѣмъ въ губерніяхъ не сѣверныхъ. Правда, такую-же слабую интенсивностью отличаются пожары и въ южныхъ губерніяхъ. Однако, изъ ниже приводимой таблицы читатель увидитъ, что въ зимнее время вообще интенсивность пожаровъ уменьшается, слѣдовательно, губерніи, пользующіяся болѣе суровою и продолжительною зимою, ео ipso должны дать низшіе % пожарной силы, сравнительно съ губерніями, не пользующимися такою зимою, при равенствѣ, конечно, всѣхъ другихъ условій.

Процентъ сгорѣвъ. домовъ.		Процентъ сгорѣвъ. домовъ.	
Январь	1,5 дворовъ	Іюль	14,6
Февраль	1,6 „	Августъ	15,5
Мартъ	3,1 „	Сентябрь	12,0
Апрѣль	11,0 „	Октябрь	7,3
Май	14,9 „	Ноябрь	3,8
Іюнь	13,1 „	Декабрь	1,8

Такимъ образомъ, въ полугодіе весеннее и лѣтнее сгораютъ 80,9%, а въ полугодіе зимнее и осеннее только 19,1%.

Вліяніе экономическаго фактора, т. е. вліяніе общаго характера экономической жизни, отражается на интенсивности пожаровъ съ большею рельефностью, чѣмъ вліянія чисто климатическія и географическія,—однако, и оно въ значительной степени затемняется и спутывается другими болѣе частными и для нашей статистики совершенно неуловимыми вліяніями. Можно распределить губерніи Европейской Россіи на три слѣдующія группы: 1) на губерніи промышленныя и съ значительными помѣщичьими землями; 2) на губерніи съ значительными помѣщичьими землями и 3) губерніи, гдѣ промысловъ (т. е. въ смыслѣ фабричной и заводской промышленности) и помѣщиковъ мало. Сопоставляя съ этими группами по экономическимъ признакамъ группы по большей или меньшей интенсивности пожаровъ,—мы приходимъ къ такому заключенію: максимумъ пожарной интенсивности падаетъ на губерніи съ преобладающимъ крупно-земельнымъ (помѣщичьимъ) хозяйствомъ, или на губерніи съ преобладающимъ фабрично-промышленнымъ хозяйствомъ (владимірская, нижегородская); минимумъ на губерніи 3-й группы и отчасти первой. Такъ, напр., губерніи рязанская, тамбовская, саратовская, симбирская, пензенская и курская, отличающіяся наиболѣе сильными пожарами, входятъ во вторую группу. Губерніи таврическая, архангельская и Бессарабія входятъ въ третью группу. Затѣмъ изъ остальныхъ 9 губерній этой группы—5 по интенсивности своихъ пожаровъ болѣе приближаются къ губерніямъ съ минимумомъ пожарной силы, чѣмъ къ губерніямъ съ максимумомъ, именно на 1 пожаръ въ нихъ приходится отъ 2—4 сгорѣвшихъ дворовъ; въ двухъ (воронежской и черниговской) отъ 4—5 дворовъ, и только въ двухъ (казанской и самарской) онъ превышаетъ средній уровень пожарной силы, опредѣленный выше для всей Россіи. Впрочемъ, какъ мы уже сказали, группировка губерній по экономическимъ признакамъ и по силѣ пожаровъ находитъ себѣ подтвержденіе въ статистическихъ фактахъ *только отчасти*,—въ значительномъ же числѣ случаевъ обѣ эти группировки совсѣмъ не совпадаютъ. Но это не значитъ, что экономической факторъ играетъ лишь незначительную роль въ увеличеніи или въ ослабленіи силы пожаровъ. Стоитъ только вспомнить, что онъ, обусловливая собою извѣстную степень матеріальнаго благосостоянія

и извѣстный родъ занятій, тѣмъ самымъ опредѣляетъ и условія домашней жизни, прививаетъ извѣстныя привычки, пріучаетъ къ большому или меньшему комфорту, къ большому или меньшему лишенію. А условія домашней жизни оказываютъ уже прямое и непосредственное вліяніе, какъ на силу, такъ и на повторяемость пожаровъ. Однако, въ число этихъ условій входятъ и такія, которыя не стоятъ въ необходимой связи съ данными экономическими отношеніями, которыя зависятъ отъ другихъ факторовъ, имѣющихъ болѣе исторической или этнографической характеръ, напр., отъ традиціоннаго способа постройки избъ и печей, отъ свойствъ строительнаго и освѣтительнаго матеріала, употребляемаго жителями и т. п. Въ южныхъ губерніяхъ постройки смазываются обыкновенно глиною или возводятся изъ камня, конечно, такой способъ постройки не можетъ не оказать нѣкотораго вліянія на повторяемость и интенсивность пожаровъ. То же самое можно сказать объ обыкновеніи строить печи безъ трубъ (въ какъ называемыхъ „курныхъ избахъ“) и съ трубами, покрывать крышу соломой или черепицею, бревнами и т. п. Было-бы весьма интересно прослѣдить всѣ эти частныя, второстепенныя вліянія на силу нашихъ пожаровъ, но наша статистика не представляетъ достаточныхъ данныхъ для подобныхъ изслѣдованій.

IV.

Мы видѣли, что пожары наши изъ году въ годъ возрастаютъ и *качественно* (относительно своей интенсивности), и *количественно*. Въ количественномъ отношеніи они возрасли почти на 40%, а во многихъ губерніяхъ на 100 и болѣе процентовъ. Только *одна* таврическая губернія изъ всѣхъ губерній европейской Россіи представляетъ нѣкоторое исключеніе: въ ней число пожаровъ не увеличилось, а уменьшилось ¹⁾. Съ особенною силою и постоянствомъ возрастаетъ коэффициентъ пожаровъ въ слѣдующихъ губерніяхъ: во владимірской (съ 1861 по 1870 г. почти на 10%), воронежской, казанской, кiev-

¹⁾ Въ 1860—1865 число пожаровъ было 503.
1866—1870 „ „ „ 321.

ской, курской, могилевской, нижегородской, новгородской, полтавской, псковской, рязанской, самарской, саратовской, симбирской, тамбовской, тульской, харьковской и московской (о петербургской нѣтъ свѣденій за послѣдніе годы); во всѣхъ этихъ 17 губерніяхъ количество пожаровъ, по сравненію 1860 г. съ 1870 годомъ возрасло болѣе чѣмъ на 100%. И, что всего печальнѣе, въ числѣ ихъ стоятъ всѣ тѣ губерніи (за исключеніемъ одной пензенской), въ которыхъ пожары отличаются наибольшою интенсивностью и въ которыхъ наша фабричная промышленность сдѣлала наибольшіе успѣхи (какъ, напр., владимірская, московская, нижегородская).

Отсюда можно было-бы предположить, что величина нашихъ *пожарныхъ убытковъ* должна возрасти на еще болѣе большой %, чѣмъ возрасла численность нашихъ пожаровъ. Однако, статистическія данныя, обнародованныя ученымъ статистическимъ комитетомъ, не подтверждаютъ этого предположенія: пожарные убытки довольно равномерно распределены между обоими пятилѣтіями и въ средней сложности за все десятилѣтіе не превышаютъ 290 мил. руб., на каждый годъ приходится убытковъ около 29 мил., причѣмъ на долю городовъ падаетъ въ годъ около 9 мил., а на долю уѣздовъ около 20 мил. (я беру круглыя цифры, чтобы не затруднять излишними подробностями памяти читателя). Такимъ образомъ, въ то время, какъ число городскихъ пожаровъ къ числу уѣздныхъ относится какъ 1 къ 8, количество городскихъ пожарныхъ убытковъ къ количеству уѣздныхъ относится какъ 1 къ 2,2; иными словами, каждый городской пожаръ почти въ 4 раза приноситъ болѣе убытковъ, чѣмъ уѣздный. Среднимъ числомъ убытокъ cadaго пожара равняется у насъ 2,000; убытокъ уѣзднаго пожара = 1,600 р., а городского 6,000 р. Если мы разложимъ ежегодные убытки городскихъ и уѣздныхъ пожаровъ на число дворовъ и число семей (полагая семьи изъ 4 человекъ), то получимъ слѣдующіе выводы: въ городахъ на 1 дворъ около 17 руб., а на одну семью 6 руб.; въ деревняхъ на 1 дворъ около 3 руб., а на 1 семью около 1½ руб. Страховая премія, взимаемая въ этомъ размѣрѣ съ городскихъ и сельскихъ обывателей, покрываетъ сполна ежегодный ущербъ, наносимый нашему имуществу огнемъ. По средней приблизительной оцѣнкѣ г. Бушева, стоимость нашей ежегодной производительности, т. е. на-

шого валового дохода, опредѣляется при самыхъ лучшихъ предположеніяхъ въ 2½ миллиарда ¹⁾, слѣдовательно, для покрытія нашихъ ежегодныхъ пожарныхъ ущербовъ, требуется болѣе 1% валового дохода. Но можемъ-ли мы удѣлить такой % на страховую премію, не сокращая въ то-же время нашихъ расходовъ по другимъ статьямъ? Если мы вспомнимъ, что изъ этого валового дохода намъ приходится выплачивать около 30% на содержаніе нашихъ государственныхъ, земскихъ и мировыхъ учрежденій и что, за вычетомъ этого обязательнаго расхода и столь-же обязательныхъ издержекъ на производство слѣдующаго года, остается на годовое содержаніе каждаго изъ насъ не болѣе 15 руб., то на нашъ вопросъ придется отвѣтить отрицательно. При данныхъ экономическихъ средствахъ и при данной нормѣ нашихъ обязательныхъ расходовъ, мы не можемъ покрыть ежегодныхъ пожарныхъ убытковъ изъ однихъ нашихъ доходовъ, не трогая капитала. Въ особенноти это справедливо относительно нашего сельскаго населенія. Если мы предположимъ, что изъ 20 мил. убытковъ только половина падаетъ на крестьянское имущество (предположеніе, очевидно, весьма далекое отъ истины), то и тогда на каждаго совершеннолѣтнаго крестьянина придется болѣе 1 руб. въ годъ (1 р. 20 к.), а на каждую крестьянскую семью (полагая крестьянскую семью въ 5 чел.) около 1½ руб. Даже и такой минимумъ страховой преміи покажется крайне тяжелымъ для крестьянина, и, между тѣмъ, этою преміею покрывается лишь половина убытковъ, ежегодно причиняемыхъ огнемъ нашимъ деревнямъ и селамъ. Въ настоящее время земское страхованіе (обязательное, какъ мы сказали, для всѣхъ сельскихъ строеній, находящихся въ чертѣ крестьянской осѣдлости) доставляетъ въ 30 губерніяхъ около 4 съ небольшимъ милліоновъ страховыхъ премій; а средній, за 10 лѣтъ выведенный годовой убытокъ отъ огня въ тѣхъ-же губерніяхъ превышаетъ 20 мил.; если-же взять одинъ 1869 годъ (последній годъ, относительно котораго имѣются официальные свѣденія), то онъ доходитъ почти до 26 мил.;

¹⁾ При этомъ вычисленіи, однако, бралась въ расчетъ производительность Россіи вообще, а не только тѣхъ 50 губерній, о которыхъ мы только и говоримъ въ настоящемъ очеркѣ.

слѣдовательно, количество ежегодно собираемыхъ и для большинства обязательныхъ страховыхъ премій едва хватаетъ на покрытие $\frac{1}{3}$ или даже $\frac{1}{4}$ годовыхъ пожарныхъ убытковъ. Между тѣмъ эти 4 мил. составляютъ болѣе $1\frac{1}{4}\%$ со стоимости всего застрахованнаго въ этихъ губерніяхъ, имущества (эта стоимость оцѣнивается приблизительно въ 300 мил.); такимъ образомъ, этотъ 300-милліонный капиталъ только тогда-бы былъ въ состояніи вознаградить ущербъ, наносимый огнемъ капиталу 30 губерній, если-бы удѣлялъ около 8% въ страховую премію, т. е. почти весь свой чистый доходъ, а можетъ быть, и болѣе. Если мы предположимъ, — и это предположеніе уже весьма правдоподобно, — что огонь въ *равной мѣрѣ* истребляетъ, какъ имущество застрахованное, такъ и незастрахованное, то мы получимъ возможность опредѣлить приблизительно *въроятную стоимость* всего движимаго и недвижимаго капитала нашихъ 30 губерній. Тогда, по нашему предположенію, стоимость застрахованнаго капитала будетъ относиться къ стоимости сгорѣвшаго застрахованнаго капитала, какъ общая стоимость всего капитала (застрахованнаго и незастрахованнаго) относится къ общей стоимости всего сгорѣвшаго капитала. Стоимость застрахованнаго капитала простирается въ 30 губерніяхъ до 300 съ небольшимъ милліоновъ, стоимость сгорѣвшаго застрахованнаго капитала (вычисленная по количеству пожарныхъ вознагражденій, выданныхъ земскимъ страхованіемъ въ 1869, 1870 и 1871 годахъ) можетъ быть оцѣнена почти въ 3 милліона, стоимость всего сгорѣвшаго капитала въ 1869 г. приблизительно равнялась 26 мил. Слѣдовательно, общая искомая стоимость x : $26 = 300: 3$ или $x = \frac{26 \times 300}{3} = 2$ миллиарда 600 мил. 26 мил. составляютъ 1% этого капитала. Такимъ образомъ, для покрытия ущербовъ, наносимыхъ огнемъ нашему имуществу, нужно ежегодно жертвовать *однимъ процентомъ* со всего нашего движимаго и недвижимаго капитала, или — если нашъ чистый доходъ не превышаетъ $5\% - \frac{1}{2}$ частью нашего чистаго дохода. Но чистый доходъ, т. е. разность, оставшаяся за вычетомъ изъ валового дохода расходовъ по производству, подаей, повинностей и необходимыхъ издержекъ на содержаніе живой рабочей силы, — такой чистый доходъ совершенно неизвѣстенъ бюджету большинства нашихъ крестьянъ. Для

нихъ, 1% страховой преміи ¹⁾ означаетъ уже не $\frac{1}{5}$ или какую-бы то ни было часть чистаго дохода, а часть валового дохода. Этотъ валовой доходъ уже и безъ того весь распредѣленъ или на обязательныя повинности, или на необходимыя издержки по производству и по содержанію рабочей силы. Обязательный расходъ на повинности уменьшить нельзя, — значитъ, приходится сократить или издержки по производству или по содержанію рабочей силы, — и въ томъ, и въ другомъ случаѣ производительность капитала должна уменьшиться, и уменьшится именно на 1%, т. е. на тѣ-же самыя 26 мил. Такимъ образомъ, страховая премія, падающая не на *чистый*, а на валовой доходъ, съ одной стороны, обезпечиваетъ неприкосновенность капитала отъ огня, съ другой, уменьшаетъ его производительность ровно на столько-же, насколько она уменьшается и пожаромъ (если страхованіе не существуетъ). Слѣдовательно, наше *обязательное* (для крестьянства) губернское и земское страхованіе въ дѣйствительности также убыточно для нашего національнаго капитала, какъ и самыя пожары. Польза, приносимая имъ, лишь мнимая, кажущаяся. Страхованіе только тогда выполняетъ свое экономическое значеніе, когда страховныя преміи взимаются не со стоимости, не съ валового, а съ *чистаго* дохода имущества. Потому, если нація дѣйствительно желаетъ гарантировать неприкосновенность своего капитала отъ огня, она должна разложить сумму ежегодныхъ пожарныхъ убытковъ не на всѣхъ собственниковъ этого капитала (сообразно со стоимостью ихъ имущества) а лишь на тѣхъ, которые получаютъ съ него *чистый доходъ*. Однимъ словомъ, *подходящее* страхованіе имущества, — вотъ единственно рациональный принципъ, вполне соответствующій экономической сущности страхованія. Мы знаемъ, что и господствующая теорія, и общепринятая практика не признаютъ этого принципа: и практика, и теорія требуютъ страхованія *по стоимости*, а не по чистой доходности имущества. Но эти неразумныя требованія показываютъ лишь, что на страхованіе отъ огня смотрятъ обыкновенно съ точки зрѣнія частныхъ, личныхъ, эгоистическихъ,

¹⁾ Въ правилахъ о *взаимномъ губернскомъ страхованіи* (утвержденныхъ 28 іюня 1867 г.) определено взимать страховой преміи съ каменныхъ строеній $\frac{1}{2}\%$ стоимости строенія, съ деревянныхъ — 1% .

а не общенациональныхъ интересовъ. Съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ, національный капиталъ можетъ быть обезпеченъ лишь на счетъ своего *чистаго дохода*, потому что все, что *не есть* чистый доходъ, подходитъ или подъ рубрику издержекъ производства, или подъ рубрику содержанія рабочей силы. Вообразить же, что можно возстановить пожарныя потери капитала на счетъ издержекъ его производства или содержанія рабочей силы, это значитъ впадать въ экономическій поп-сенс. Но это не только экономическій поп-сенс, это въ то-же время и большая экономическая несправедливость относительно бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Предположите, что два человекѣ *A* и *B* страхуютъ свое имущество: *A*—свою кунную, полуобвалившуюся избу, *B*—свою фабрику. Конечно, страховая премія *B* будетъ по крайней мѣрѣ въ 100 разъ превышать страховую премію *A*. Но фабрика *B* приноситъ ему огромный чистый доходъ, и онъ удѣляетъ въ страховую компанію лишь часть этого дохода; напротивъ, *A*—несетъ туда часть дѣйствительной стоимости своего имущественнаго капитала, потому что его изба не даетъ ему никакого чистаго дохода. Такимъ образомъ, въ то время, какъ *B* гарантируетъ имущество *A* лишь процентомъ своего *чистаго дохода*, *A* гарантируетъ имущество *B* процентомъ своего *капитала*. Если у *A* сгоритъ изба, *B* рискуетъ лишь небольшою частичкою своего барыша, и ему не будетъ надобности ни на одну полушку сокращать размѣры своего производства; если-же у *B* сгоритъ фабрика, *A* теряетъ часть своего капитала, и онъ, по необходимости, долженъ будетъ сократить свое производство. Очевидно, что тутъ гарантія совсѣмъ не равна и что всѣ выгоды подобной системы страхованія на сторонѣ *B*, а всѣ невыгоды на сторонѣ *A*, хотя страховая премія *B* и въ 100 разъ выше страховой преміи *A*.

V.

Что касается до распредѣленія пожарныхъ убытковъ по губерніямъ, то изслѣдованіе его представляло-бы большой интересъ, если-бы только мы имѣли сколько-нибудь точныя свѣденія, какъ о стоимости производительности въ каждой губерніи, о количествѣ движимаго и недвижимаго капитала, такъ и о *чистомъ*

доходѣ. Но послѣднихъ свѣдѣній мы не имѣемъ и, вѣроятно, не скоро еще будемъ имѣть. Сравнительная оцѣнка капиталовъ нашихъ губерній, ихъ богатство не имѣетъ для себя достаточно твердой точки опоры. А потому нельзя видѣть, какъ великъ ущербъ, ежегодно причиняемый каждой губерніи огнемъ, и какая часть ея чистаго дохода должна пойти на возмѣщеніе ея пожарныхъ убытковъ. Абсолютная-же цифра этихъ убытковъ, падающая на губерніи, разумѣется, не можетъ имѣть особенно важнаго значенія. Среднимъ числомъ на каждую губернію убытковъ отъ огня приходится ежегодно около 580,000 р., что даетъ на каждого жителя около 46 к. При этомъ вообще въ Россіи на каждого городского жителя приходится ежегодныхъ пожарныхъ убытковъ 1 р. 50 к., и на каждого сельскаго 36 к. Среднимъ числомъ въ каждой губерніи огонь истребляетъ ежегодно городскихъ имуществъ на 180,000 р., сельскихъ на 400,000 р. Убытокъ-же распределяется между губерніями довольно неравномѣрно: въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на каждого жителя падаетъ около 1 р. въ годъ пожарныхъ убытковъ, въ другихъ менѣе 10 к. Всего болѣе страдаютъ отъ огня жители слѣдующихъ губерній: петербургской, московской, пензенской, владимірской, воронежской, калужской, курской, орловской, нижегородской, рязанской, саратовской, симбирской, тамбовской (т. е. почти всѣхъ тѣхъ губерній, въ которыхъ пожары отличаются, какъ мы видѣли, наибольшою интенсивностью), западныхъ губерній (ковенской, гродненской, виленской, витебской, минской и могилевской), въ которыхъ, однако, пожары не отличаются большою силою, и губерніи черниговской; во всѣхъ этихъ 20-ти губерніяхъ на каждого жителя приходится въ годъ отъ 1 р. до 50 коп. пожарныхъ убытковъ, что составляетъ отъ 2 $\frac{1}{2}$ % до 1 $\frac{1}{4}$ % средняго приблизительнаго, валоваго дохода. Менѣе же всего страдаютъ отъ пожаровъ жители остзейскихъ губерній, трехъ сѣверныхъ (архангельской, вологодской и олонецкой), вятской, пермской и трехъ южныхъ (таврической, херсонской и бессарабій); здѣсь пожаръ разоряетъ каждого жителя менѣе, чѣмъ на 20 коп. Затѣмъ во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ эта цифра колеблется отъ 50 до 20 коп., что составляетъ отъ 1 $\frac{1}{4}$ % до $\frac{1}{2}$ % средняго дохода каждого жителя.

Эти данныя могутъ имѣть нѣкоторое практическое значеніе,

въ томъ отношеніи, что онѣ наглядно указываютъ, въ какихъ именно губерніяхъ чувствуется наиболѣе настоятельная необходимость въ рациональномъ страхованіи, и въ какихъ размѣрахъ должна быть опредѣляема страховая премія.—Скажемъ теперь въ заключеніе нѣсколько словъ о причинахъ нашихъ пожаровъ.

Изъ фактовъ, собранныхъ здѣсь, читатель можетъ вывести то несомнѣнное заключеніе, что на ихъ численность и интенсивность весьма мало вліяютъ этнографическія и климатическія условія мѣстности. Времена года имѣютъ безспорно громадное значеніе въ распредѣленіи пожаровъ по мѣсяцамъ ¹⁾, но не на ихъ общее годовое число; потому въ губерніяхъ, лежащихъ надъ самыми различными градусами долготы и широты, не замѣчается соотвѣтствующаго различія въ ежегодномъ числѣ пожаровъ. Такъ, на 1000 дворовъ приходится почти одинаковое число въ губерніяхъ: архангельской и астраханской (1,7 и 2 пож.), вологодской и полтавской (0,9 и 0,9); пермской и минской (1 и 1,1) и т. д., и т. д. Экономическія особенности быта различныхъ мѣстностей тоже оказываютъ, какъ мы видѣли, весьма ничтожное вліяніе. Вообще, при теперешнихъ данныхъ статистики, мы можемъ указать лишь на самыя общія и самыя непосредственныя причины нашихъ пожаровъ,—причины, заключающіяся въ дурной, нераціональной постройкѣ домовъ, въ особенности въ плохомъ устройствѣ и неудовлетворительномъ содержаніи печей, въ вредномъ и крайне опасномъ способѣ освѣщенія посредствомъ лучинъ, и въ особенности, въ низкомъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія населенія и происходящаго отсюда безпечнаго и небрежнаго обращенія съ огнемъ. По изслѣдованію г. Вильсона, насчетъ

¹⁾ Вотъ небольшая табличка, показывающая распредѣленіе ‰ пожаровъ по мѣсяцамъ. Сопоставляя ея данныя съ данными таблицы, приведенной въ текстѣ, объ интенсивности пожаровъ по временамъ года, читатель увидитъ, что *maximum* и *minimum* числа пожаровъ падаетъ на тѣ-же мѣсяцы, какъ и *maximum* и *minimum* ихъ силы.

январь . . .	5,8‰	май . . .	9,8‰	сентябрь . . .	11,0‰
февраль . . .	4,8‰	іюнь . . .	9,1‰	октябрь . . .	11,2‰
мартъ . . .	5,9‰	іюль . . .	9,4‰	ноябрь . . .	8,6‰
апрѣль . . .	8,4‰	августъ . . .	10,7‰	декабрь . . .	5,9‰

Изъ этой-же таблицы читатель убѣдится, между прочимъ, что распространенное мнѣніе о томъ, будто въ лѣтніе мѣсяцы, въ лѣтнія жары число пожаровъ возрастаетъ до *maximum*'а, невѣрно. Чаше всего пожары случаются осенью, а совсѣмъ не лѣтомъ.

этихъ непосредственныхъ причинъ слѣдуетъ отнести 90% всѣхъ пожаровъ. Болѣе обстоятельнаго классифицированія наша офиціозная статистика не знаетъ; правда, она имѣетъ еще двѣ спеціальныя категоріи пожарныхъ причинъ — это *грозы* (молнія) и *поджоги*. Однако, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ, молніи и поджоги, электричество и злоумышленники обвиняются въ „причиненіи пожаровъ“ совершенно безвинно. Когда настоящая причина пожара можетъ быть раскрыта только путемъ тщательнаго изслѣдованія, тогда находятъ обыкновенно болѣе удобнымъ и спокойнымъ взвалить всю отвѣтственность за бѣду либо на молнію, если пожаръ случился во время грозы, либо на „злого человѣка“, если загорѣлось въ хорошую погоду. Впрочемъ, офиціальныя отчеты на счетъ молніи и поджога относятся не болѣе 10% всѣхъ пожарныхъ случаевъ. По тѣмъ-же отчетамъ оказывается, что число поджоговъ возрастало у насъ за послѣднее десятилѣтіе съ упорнымъ постоянствомъ. Такъ съ 1860—1865 г. всѣхъ поджоговъ значилось 2,012, что даетъ въ годъ, среднимъ числомъ, 402,4 поджога, съ 1865—1870 г. ихъ считалось уже 3,762 или въ годъ—753,2. Слѣдовательно, средняя годовая цифра поджоговъ возрасла съ перваго пятилѣтія на второе болѣе чѣмъ на 87%. Но читатель впальбы въ большую ошибку, если-бы вообразилъ себѣ, будто и на самомъ дѣлѣ число поджигателей увеличилось. Нѣтъ, увеличилась только наша боязливая, легкомысленная подозрительность, увеличилось число *мнимыхъ*, а не *реальныхъ* поджоговъ. Это доказывается отчетами министра юстиціи ¹⁾. Изъ этихъ отчетовъ видно, что за то-же десятилѣтіе (впрочемъ, у насъ имѣются данныя только до 1868 г.) число лицъ, оказавшихся дѣйствительными поджигателями, не увеличилось, а, напротивъ, уменьшилось. Вотъ погодное число лицъ, обвиненныхъ въ поджогахъ съ 1860—1868 г.:

1860 г.	660 чел.	1864 г.	334 чел.
1861 „	539 „	1865 „	340 „
1862 „	362 „	1866 „	285 „
1863 „	393 „	1867 „	317 „
Итого. . .	1,954 „	Итого. . .	1,276 „

¹⁾ Нижеприводимыя цифры заимствованы изъ Воен. Стат. Сборн. выд. IV. стр. 902, 903.

Такимъ образомъ, среднее годовое число дѣйствительныхъ поджигателей (488) *уменьшилось* съ перваго 4-хъ-лѣтія на второе (319) почти на 53⁰/₁₀₀.

Обвиненія въ поджогахъ особенно сильно возрасли въ послѣдніе годы протекшаго десятилѣтія; за все десятилѣтіе число пожаровъ, относимыхъ на счетъ поджоговъ, равнялось 5,774; изъ этой суммы около 40⁰/₁₀₀ приходится на два послѣдніе года: 1868 и 1869. Эти-же два года, и въ особенности послѣдній, представляютъ чрезвычайное увеличеніе, какъ числа, такъ и интенсивности пожаровъ; изъ таблицы, приведенной выше, мы уже видѣли, что общая сумма пожаровъ за эти два года превышала 37,000, тогда какъ, во всѣ предшествующія двухъ-лѣтія она не достигала и 30,000. Можетъ быть, усилившіеся слухи о поджогахъ именно и должны быть объяснены тою паникою, которую естественно возбуждаетъ это постоянное увеличеніе численности нашихъ пожаровъ. Замѣчено, что наши поджоги бывають обыкновенно не столько *причиною*, сколько слѣдствіемъ пожаровъ не они вызываютъ пожары, а пожары заставляютъ изобрѣтать новыхъ поджигателей.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько общихъ выводовъ изъ всѣхъ тѣхъ фактовъ, съ которыми мы познакомили читателя въ настоящемъ очеркѣ.

1) Численность и интенсивность нашихъ пожаровъ годъ отъ году возрастаетъ, а вмѣстѣ съ этимъ увеличиваются и неосновательныя обвиненія въ поджогахъ.

2) Особенно быстро возрастаетъ интенсивность городскихъ пожаровъ, несмотря на увеличивающіяся издержки по содержанію пожарныхъ командъ.

3) Относительная численность городскихъ пожаровъ превышаетъ относительную численность пожаровъ въ уѣздахъ. Въ то же время средняя стоимость убытковъ отъ каждаго городского пожара почти въ 4 раза превышаетъ среднюю стоимость убытковъ уѣзднаго пожара. Каждый житель города ежегодно платитъ въ 4 раза большій „налогъ огню“, сравнительно съ жителемъ деревни.

4) Для *дѣйствительнаго* возмѣщенія ущербовъ, ежегодно причиняемыхъ огнемъ нашему движимому и недвижимому капиталу, мы должны обложить нашъ „чистый доходъ“ налогомъ въ 29

милліоновъ; при существующей же системѣ страхованія и при ея теперешнихъ ограниченныхъ размѣрахъ, возстановляется не болѣе $\frac{1}{3}$ всего погорѣвшаго капитала, и притомъ возстановляется, въ большинствѣ случаевъ, не изъ *доходовъ*, а изъ самаго-же капитала, т. е. цѣль страхованія не достигается.

5) По среднему приблизительному вычисленію, на каждого жителя 50-ти губерній европейской Россіи приходится въ годъ пожарныхъ убытковъ около 50 коп., а его средній, валовый доходъ равняется, по вычисленію Бушена, — 40 руб. съ небольшимъ; слѣдовательно, наша „подать огню“ составляетъ болѣе 1%, нашего валового дохода.

6) Что касается до причинъ нашихъ пожаровъ, то, при настоящемъ состояніи нашихъ статистическихъ свѣденій, мы можемъ указать лишь на причины *непосредственныя*; болѣе общія, а потому и болѣе существенныя причины остаются для насъ почти неуловимы. Однако, мы и теперь уже можемъ сказать, что ни климатическія, ни этнографическія вліянія не играютъ въ дѣлѣ пожаровъ той выдающейся роли, которую имъ обыкновенно приписываютъ; вліяніе же экономическаго фактора чувствуется гораздо сильнѣе, хотя и его пока еще весьма трудно опредѣлить.

И. Ткачевъ.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОНЪ.

(Изъ Г. Линга.)

Забитый городъ—старый другъ,
Къ тебѣ пришелъ я на свиданье...
Какая жизнь кипитъ вокругъ,
Какъ величавы стали зданья!

Мнѣ даже дома не узнать
Гдѣ мчались годы молодые...
Да, впрочемъ, нужно-ль вызывать
Изъ тьмы забвенья сны былые?

Но чу! несется бой часовъ:
Они порою призывали
Меня на отдыхъ отъ трудовъ,
Порою скорби растревляли.

И вновь былое время мнѣ
Напоминаютъ эти звуки,
И радъ бы я забыть вполне
О долгихъ страшныхъ дняхъ разлуки.

Вотъ домъ... какъ прежде, изъ него
Привѣтно льются волны свѣта...
Но здѣсь не передашь всего,
Что пережито въ эти лѣта:

Какъ я бѣжалъ отъ пыльныхъ книгъ,
Отъ мира тихихъ наслажденій,
И въ вихрь свѣта каждый мигъ
Ловилъ для новыхъ впечатлѣній.

Какъ моремъ жизни навсегда
Я былъ оторванъ отъ былого—

И духъ мятежный нпкогда
Покоя не отыщеть снова.

Я слышу, путь свершая свой,
Ревущихъ волнъ глухіе звуки
И въ безразсвѣтной тьмѣ ночной
Исходять кровью грудь отъ муки.

Н. Н.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТЕПДЕНЦІОЗНЫЙ РОМАНЪ.

Собрание сочиненій А. Михайлова. Спб., 1873 г.

Статья первая.

I.

Лѣтъ десять тому назадъ въ вертоградѣ російской беллетристики явился новый, молодой писатель, дебютировавшій въ небольшой „исторіи безъ героя.“ Дебютъ, по мнѣнію публики и тогдашней либеральной прессы, оказался удачнымъ. Пресса похвалила дебютанта, публика съ удовольствіемъ прочла его „исторію безъ героя“, и молодой беллетристъ, поощренный на первомъ шагу своей дѣятельности, началъ продолжать ее. Вслѣдъ за „Гнилыми Волотами“ явился его уже болѣе объемистый романъ, потомъ еще романъ неконченный („Въ чаду глубокихъ соображеній“), потомъ повѣсть, потомъ опять романъ и еще романъ, однимъ словомъ, въ небольшой промежутокъ времени онъ обнаружилъ въ высокой степени замѣчательную силу производительности, въ особенности, по сравненію съ своими товарищами по вертограду. И нельзя сказать, чтобы эта производительная сила развивалась въ ущербъ его таланту; напротивъ, его послѣдующія произведенія были ничуть не хуже предшествующихъ, а иногда даже положительно лучше. Публика принимала его романы почти съ одинаковою благосклонностью; его репутація, установившаяся чуть-ли не послѣ его перваго произведенія, не потерпѣла ни малѣйшаго крушенія въ этотъ бурный десяти-

лѣтній періодъ крушенія всевозможныхъ репутаций. Въ это печальное (а если вамъ хочется смѣяться, то, пожалуй, и *веселое*) время неожиданныхъ метаморфозъ и ренегатствъ... романистъ по-прежнему пользуется сочувствіемъ либеральной части нашего общества, по-прежнему консервативная пресса называетъ его „беллетристомъ *дѣтской* литературы“ и относится къ нему съ тѣмъ молчаливымъ презрѣніемъ (или, если угодно, презрительнымъ молчаніемъ), съ какимъ она относится вообще ко всему, что лежитъ внѣ предѣловъ ея полицейскаго района. Но если отношенія къ г. Михайлову публики и консервативной прессы почти не измѣнились за все время его беллетристической дѣятельности, то нельзя того же сказать объ отношеніяхъ къ нему прессы либеральной. Сперва, какъ я уже сказалъ, она его хвалила, она находила въ его произведеніяхъ естественность, простоту и „жизненную правду.“ Вотъ, говорила она, романистъ, который умѣетъ понимать и вѣрно изображаетъ простыхъ и честныхъ людей либеральнаго образа мыслей; онъ не ставитъ ихъ на ходули, не дѣлаетъ изъ нихъ героевъ, онъ представляетъ намъ ихъ такими, каковы они въ дѣйствительности — людьми совершенно обыкновенными, но въ то-же время очень хорошими и симпатичными. Вы невольно сочувствуете имъ и съ интересомъ слѣдите за ихъ очень скромною, очень прозаическою жизнью, потому что вы видите передъ собою жизнь „настоящую, а не выдуманную, живыхъ людей, а не мертвыхъ куколъ“. Такъ, насколько мнѣ помнится, говорила нѣкогда либеральная пресса можетъ быть, нѣкоторые ея органы остались и до сихъ поръ при томъ-же мнѣніи, но только они его не высказываютъ; за то теперь чаще стали высказываться мнѣнія совершенно противоположныя: „Г. Михайловъ, говоритъ теперь либеральная пресса, не имѣетъ ни крошечки художественнаго таланта, изображаемая имъ лица—не живые люди, а ходячія маріонетки, говоряція фигурки безъ крови и плоти, холодныя, безцвѣтныя, тоску наводящія. Въ его романахъ нѣтъ жизни, нѣтъ драмы, нѣтъ дѣйствія, нѣтъ ничего, кромѣ избитаго, пошлаго либерализма, жиденькихъ тенденцій и скучнаго резонерства. Онъ рисуетъ намъ не реальную дѣйствительность, а просто компилируетъ романы Диккенса и Теккерея и, перелажая ихъ на русскіе нравы, опошляетъ и уродуетъ свои великіе оригиналы. Видно, что жизнь ему знакома только по книгамъ, ему-

бы слѣдовало бросить беллетристику и заняться компиляціями по части исторіи и политической экономіи.“ Я не ручаюсь за буквальную вѣрность въ передачѣ теперешнихъ мнѣній прессы о г. Михайловѣ, но общій ихъ смыслъ, я надѣюсь, переданъ мною довольно точно. На чемъ основываетъ либеральная пресса такое нелестное мнѣніе о романистѣ, котораго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ она-же хвалила и поощряла? Но поощряя и порицая его, она не считала нужнымъ объяснять свои критеріи, или, лучше сказать, единственнымъ такимъ критеріемъ она выставяла свое *непосредственное чувство*, свое *эстетическое чутье* и въ этомъ случаѣ либеральная критика ничѣмъ не отличалась отъ критики гг. Страховыхъ и Николаевъ Соловьевыхъ. Такая критика, конечно, ничего не разъясняла и могла быть убѣдительною только для самихъ рецензентовъ. А это жаль, очень жаль. Если г. Михайловъ, занимаясь беллетристикою, стоитъ на ложной дорогѣ, бесполезно тратить свои силы и совершенно непроизводительно для общества терять свое время, то либеральная пресса въ своихъ собственныхъ интересахъ, въ интересахъ экономіи своихъ, не особенно богатыхъ наличныхъ ресурсовъ—не говоря уже о простомъ человеколюбіи,—должна-бы была постараться объяснить ему этотъ фактъ со всевозможною обстоятельностью и доказательностью, не ограничиваться (какъ это она до сихъ поръ дѣлала) одними коротенькими поверхностными отзывами, которые, конечно, не могли быть для него особенно убѣдительны. Нельзя-же было предполагать заранее, будто г. Михайловъ настолько самолюбивъ, ограниченъ и упрямъ, что никакія убѣжденія и доказательства не могутъ на него подѣйствовать, и что если онъ разъ забралъ себѣ въ голову, будто онъ хорошій беллетристъ, то уже никакіе доводы, какъ-бы они ни были очевидны и основательны, не разувѣрятъ его въ этомъ. Дѣлать подобное предположеніе либеральная критика тѣмъ менѣ имѣла права, что г. Михайловъ, какъ ей это было не безъизвѣстно, не посвящалъ себя исключительно одной только беллетристикѣ, но занимался и другими отраслями литературной дѣятельности. Но помимо этихъ соображеній, либеральная пресса должна-бы была обратить вниманіе и на то обстоятельство, что писатель, произведенія котораго расходятся въ наиболѣе развитыхъ слояхъ нашей публики, который пользуется постоянною благосклонностью этой публики, заслуживаетъ болѣе серьезнаго

и основательнаго разбора, чѣмъ тѣ короткіе отзывы и летучія замѣтки, которыхъ она его удостоивала. Вѣдь она не можетъ, вѣдь она не должна относиться къ мнѣніямъ и вкусамъ этой публики съ тѣмъ тупымъ или обдуманымъ презрѣніемъ, съ которымъ относится къ нимъ пресса консервативная. У консервативной прессы есть своя публика, — публика, которую она уважаетъ и которою она дорожитъ, ей можно, она, если хотите, даже должна относиться съ пренебреженіемъ къ писателямъ и читателямъ „дѣтской литературы“, — это въ ея интересахъ, и непрактично обвинять ее за несоблюденіе этихъ интересовъ. Но практично-ли, дальновидно-ли поступаетъ либеральная пресса, упуская изъ виду свои интересы, о которыхъ она, повидимому, такъ печалится. А развѣ ея интересы не требуютъ самаго внимательнаго, самаго осмотрительнаго отношенія къ мнѣніямъ и вкусамъ ея публики? Ея публика читаетъ романы г. Михайлова, ея публика сочувственно относится къ нему; почему-же она читаетъ его романы? Что ей въ нихъ нравится? Имѣютъ-ли они право на ея благосклонность? Что вносятъ они въ ея міросозерцаніе? Я думаю, что эти вопросы заслуживаютъ вниманія литературной критики и вполне подлежатъ ея вѣденію. Но такъ какъ до сихъ поръ она уклонялась отъ ихъ подробнаго и обстоятельнаго изслѣдованія, а между тѣмъ г. Михайловъ по-прежнему продолжаетъ подвизаться на беллетристическомъ поприщѣ и его романы по-прежнему расходятся и читаются, то я считаю не только не лишнимъ, но положительно необходимымъ остановиться на этихъ вопросахъ и попытаюсь такъ или иначе разрѣшить ихъ, прежде чѣмъ перейду къ разбору тѣхъ жизненныхъ явленій, къ анализу тѣхъ характеровъ, которые представлены намъ романами г. Михайлова. Эти явленія, эти характеры опять-таки относятся къ жизни тѣхъ „дѣтей“, о которыхъ я говорилъ въ предшествующихъ этюдахъ, они опять-таки затрогиваютъ тотъ „дѣтскій вопросъ“, который наша теперешняя пресса желаетъ сдать въ архивъ, какъ вопросъ несовременный и для ея домашняго обихода совершенно ненужный. Да, я самъ знаю, что это вопросъ несовременный, что есть вопросы гораздо современнѣе, на примѣръ, вопросъ о свеклосахарной промышленности, вопросъ о наивыгоднѣйшихъ способахъ отопленія вагоновъ, о „дешевыхъ сыроварняхъ“ и т. п., но я не имѣю претензіи гоняться за эту современность и не совѣ-

тую этого читателямъ; за такую современностію не угоняешься: вчера былъ на очереди вопросъ о дровахъ, сегодня о сахарѣ, завтра о нефти, между-тѣмъ завтра опять о дровахъ и т. д., и т. д.; нѣтъ, ужь лучше заниматься *старыми вопросами*; по крайней мѣрѣ, начиная разсуждать о нихъ, мы не должны бояться, что къ концу нашихъ разсужденій они окажутся устарѣлыми, вышедшими изъ моды. Къ тому-же всѣ современные вопросы отличаются по большей части такимъ специально-техническимъ характеромъ, что разрѣшать ихъ гораздо удобнѣе въ разнаго рода „обществахъ“ и „вѣдомствахъ“, „на сей конецъ установленныхъ“, чѣмъ въ нашей литературѣ, установленной, — какъ многіе, а въ томъ числѣ и я думаю, — совсѣмъ не „на сей конецъ“.

Всѣ романы г. Михайлова были помѣщены въ этомъ журналѣ (за исключеніемъ одного: „Гнилыхъ болотъ“) и слѣдовательно я имѣю право предполагать, что ихъ содержаніе болѣе или менѣе уже знакомо нашимъ читателямъ. Исходя изъ этого предположенія, я могу безъ дальнѣйшихъ околичностей приступить къ опредѣленію степени и характера беллетристическаго таланта автора, оставляя за собою только право, въ случаѣ надобности, напоминать читателямъ тотъ или другой фактъ, на которомъ будетъ основываться тотъ или другой мой выводъ.

Начну я немножко издалека. Впрочемъ, читатель, вы этимъ не смущайтесь. Предметъ, о которомъ я поведу рѣчь, совершенно безобиденъ и, говоря о немъ, можно не оглядываться слишкомъ часто по сторонамъ; къ тому-же онъ отчасти и современенъ. Когда, съ одной стороны, общественное вниманіе настойчиво занимается вопросами будничной, мелкой практики, вопросами частными, специальными, практическими, тогда, съ другой стороны, само собою появляются вопросы „выспихъ умозрѣній“, „отвлеченной критики“, „чистой эстетики“, „метафизической философіи“. Самый выспиреннѣй идеализмъ всегда идетъ рука объ руку съ самою низменною, практическою рутинною. Человѣческій умъ, угнетаемый до обѣда мелкими и скучными соображеніями мелкой и скучной жизни, хочетъ послѣ обѣда освѣжить себя или оргіями распривеселаго разврата, или безпечальнымъ созерцаемъ отвлеченныхъ идей. Оргіи и метафизика, танц-классы и эстетика всегда сопровождаютъ и развиваютъ филистерскую практичность. А такъ какъ въ настоящее время самодовольная практичность и узколо-

бое филистерство выставляют себя преобладающими элементами въ нашей жизни, то само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ господствомъ театра-буффъ, танц-классовъ, оперетокъ Оффенбаха, вмѣстѣ съ чертями, переселившимися въ романы г. Достоевскаго, и въ литературной сферѣ вопросы такъ называемой „чистой критики“ должны брать верхъ надъ вопросами публицистики. Потому, повторяю опять, я поступлю въ высокой степени современно, предлагая читателю заняться (на нѣсколько, впрочемъ, минутъ) однимъ изъ такихъ вопросовъ „чистой критики“. Сознаюсь, однако, что меня къ этому побуждаетъ не погоня за современностью и не желаніе угодить умственному настроенію читателей. У меня имѣются другія, болѣе уважительныя причины; эти-то причины и ставятъ меня въ „печальную необходимость“ занимать читателя вопросами, по правдѣ сказать, довольно отвлеченными и къ „злѣбъ дня сего“ не имѣющими ни малѣйшаго отношенія. Въ нашей критикѣ совершенно не выяснены и точно не опредѣлены тѣ общіе, болѣе или менѣе обязательныя *критеріи*, которыми слѣдуетъ руководствоваться при оцѣнкѣ того или другого беллетристическаго произведенія. Въ этомъ отношеніи критика консервативной прессы стоитъ выше критики прессы либеральной. Хотя шаблоны критики консервативной нелѣпы, метафизичны и въ своемъ примѣненіи даютъ широкій просторъ капризу и произволу, но у нея все-таки есть хоть какіе-нибудь опредѣленные шаблоны. У критики-же либеральной прессы—тамъ, гдѣ критика перестаетъ быть публицистикою (а публицистика, какъ извѣстно, составляла до сихъ поръ ея главное достоинство, ея главную и самую существенную силу), нѣтъ никакой руководящей нити ¹⁾, никакого твердаго мѣрила или, лучше сказать, это мѣрило почти никогда ясно ею не создается, а если и создается, то формулируется такъ неопредѣленно, что подъ *реальною* внѣшнею формулою легко могутъ скрываться, и часто дѣйствительно скрывают-

¹⁾ Въ статьѣ «Принципы реальной критики», написанной по поводу 2-го издочиненій Добролюбова, я развилъ эту мысль подробнѣе и обстоятельнѣе. Здѣсь-же, чтобы черезъ мѣру не растягивать статью, я касаюсь этого предмета только вскользь, потому что онъ не имѣетъ прямого отношенія къ главной задачѣ настоящей статьи и потому, мнѣ нѣтъ надобности останавливаться на немъ долѣе.

ся старомодныя тенденціи схоластической эстетики. Самая терминологія ея, заимствованная изъ лексикона этой схоластической эстетики, не мало способствуетъ спутыванію и смѣшенію ея воззрѣній. Въ ней сплошь и рядомъ рискуешь встрѣтиться съ такими выраженіями, какъ „художественная правда“, „правда жизни“, „непосредственное чувство“ художника и т. п. Положимъ, что иногда реальная критика старается придать этимъ выраженіямъ болѣе или менѣе точный, чуждый метафизическихъ фантазій смыслъ, но часто она употребляетъ ихъ безъ всякихъ комментаріевъ или даетъ противурѣчивыя, сбивчивыя объясненія. Поэтому прежде чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ беллетристическаго таланта г. Михайлова, я чувствую необходимость установить съ возможно болѣею опредѣленностью и обстоятельностью тѣ главные приципы, которыми, по моему мнѣнію, слѣдуетъ вообще руководствоваться при подобныхъ оцѣнкахъ. Такимъ образомъ, читатель будетъ ясно видѣть всѣ основанія моихъ отзыовъ и сужденій, а зная эти основанія, ему уже самому легко будетъ провѣрить справедливость или несправедливость построенной на нихъ критической оцѣнки.

II.

Чѣмъ вообще, съ точки зрѣнія реальной критики, долженъ, опредѣляться беллетристическій талантъ? На этотъ вопросъ одинъ изъ лучшихъ критиковъ и талантливѣйшихъ публицистовъ нашей литературы начала 60-тыхъ годовъ отвѣчаетъ весьма, повидимому, просто: „достоинство писателя-художника“ опредѣляется „правдою его изображеній“ („Темное царство, Добролюбова, т. III, стр. 19). Простота этого отвѣта дѣлаетъ его нѣсколько неяснымъ. Что такое *правда изображеній*? Очевидно, подъ этимъ выраженіемъ критикъ не подразумѣваетъ одну только, такъ-называемую „художественную вѣрность“ данныхъ изображеній. Писатель можетъ весьма вѣрно въ психологическомъ отношеніи и очень рельефно въ образномъ отношеніи представить намъ тотъ или другой человѣческой характеръ, весьма точно, живо и близко къ дѣйствительности описать то или другое явленіе природы (напр., закатъ или восходъ солнца, гору, ручеекъ и т. п.), то или дру-

гое человѣческое чувство, но если описываемые такимъ образомъ характеры и чувства сами по себѣ неважны и ничтожны, если они не играютъ никакой существенной роли въ общемъ строѣ соціальной жизни, не являются прямымъ выраженіемъ того или другого соціального интереса, не вызываются тѣмъ или другимъ настроеніемъ общественной мысли, то реальная критика признаетъ беллетристическій талантъ этого писателя весьма незначительнымъ и поверхностнымъ. Она скажетъ, что таланту этому подѣ силу только ничтожныя, скоропреходящія, мимолетныя явленія жизни, что кругозоръ его крайне узокъ, что сфера доступныхъ ему впечатлѣній мелка и ограничена. И такъ, *правда изображеній* или, какъ ее называетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ-же критикъ, *жизненная правда* требуетъ не только, чтобы явленія жизни были изображены вѣрно, правдиво, но также требуетъ и того, чтобы изображаемыя явленія имѣли общественный характеръ, чтобы они захватывали какія либо стороны общественной жизни, чтобы они удовлетворяли той или другой соціальной потребности. Въ этомъ случаѣ реальная критика совершенно справедливо примѣняетъ къ беллетристу тотъ-же критерій, какой примѣняется къ оцѣнкѣ всякаго другого таланта, на какомъ-бы поприщѣ онъ ни подвизался. Сила и степень человѣческаго ума, въ какой-бы дѣятельности онъ не обнаруживался, всегда должна опредѣляться глубиною, широтою и важностью волнующихъ его вопросовъ; частными, не глубокими и не существенными вопросами могутъ интересоваться только мелкіе и поверхностные умы. Никто не станетъ въ настоящее время защищать положеніе Гельвеція, утверждавшаго, будто умъ многихъ свѣтскихъ кокетокъ по качеству своему ничѣмъ не уступаетъ уму Сократа и Аристотеля. Никто не рѣшится доказывать, будто поэтическій талантъ г. Фета равенъ по своей силѣ ну хоть поэтическому таланту г. Некрасова. Даже чисто-эстетическая критика бессознательно признаетъ справедливость и основательность этого второго и самаго главнаго, — какъ я покажу ниже — критерія реальной критики. Но одною правдивостію изображенія и глубиною жизненности изображаемыхъ явленій еще не опредѣляется мѣра и достоинство беллетристическаго таланта, еще не исчерпывается весь широкій смыслъ выраженія: „жизненная правда“. Данные характеры могутъ быть изображены очень вѣрно и живо, они могутъ выражать собою

весьма существенныя стороны общественной жизни, отвѣчать требованіямъ весьма глубокихъ и современныхъ социальныхъ интересовъ, но какъ относится авторъ къ этимъ характерамъ, въ какія комбинаціи онъ ихъ ставитъ, сквозь какія очки субъективныхъ воззрѣній онъ ихъ разсматриваетъ, какимъ свѣтомъ освѣщаетъ? Тѣмъ или другимъ отвѣтомъ на эти вопросы должны, въ значительной степени, опредѣлиться характеръ и сила беллетристическаго таланта. Разумное, правильное отношеніе къ изучаемому или изображаемому предмету обусловливаетъ правильность самаго изученія или изображенія. Если вы неспособны правильно понять и разумно отнестись къ даннымъ характерамъ и явленіямъ жизни, то, съ какою-бы рельефностью вы ихъ ни очертили, какъ-бы ни были они вѣрны съ чисто-психологической точки зрѣнія, въ общей картинѣ они утратятъ всякую „жизненную правдивость“ и дадутъ вашимъ читателямъ самыя неточныя и невѣрныя понятія объ изображаемыхъ вами предметахъ. Нелѣпыя комбинаціи, въ которыя вы ихъ поставили, причемъ слишкомъ яркое освѣщеніе одной черты характера и слишкомъ тусклое освѣщеніе другой, совершенно исказятъ истину и, вмѣсто живой, реальной картины жизни, получится весьма плохая, суздальская малевка, въ которой, несмотря на всю правдивость изображеній отдѣльныхъ, особнякомъ разсматриваемыхъ характеровъ, не будетъ правды. Разумность и правильность отношеній человѣка къ разсматриваемому имъ предмету обусловливается, въ свою очередь, разумностью и правильностью человѣческаго міросозерцанія вообще. Человѣкъ съ глупымъ и нелѣпымъ міросозерцаніемъ во всему будетъ относиться глупо и нелѣпо,—и въ особенности глупо и нелѣпо отнесется онъ къ такимъ характерамъ и явленіямъ, пониманіе которыхъ значительно превышаетъ низкій уровень его ограниченнаго ума. Наши патентованные „художники“ лучше всего доказали справедливость этой мысли своими послѣдними романами... Реальная критика вполне признаетъ важность этого момента для оцѣнки беллетристическаго таланта писателя. Только, къ несчастію, она до сихъ поръ не рѣдко смѣшивала его съ первымъ и соединяла ихъ обоихъ подъ общимъ именемъ „непосредственнаго художественнаго чувства“. Часто даже она подводила подъ это „непосредственное чувство“ и второй изъ указанныхъ нами моментовъ. Она принимала на вѣру старую и бессмысленную легенду схоластической эстетики

о томъ, что будто „истинный художникъ“ одаренъ какимъ-то удивительнымъ и неразложимымъ чувствомъ художественности, благодаря которому онъ схватываетъ самыя существенныя и характеристическія черты предмета, во всей ихъ реальной истинности, и претворяетъ ихъ въ живые и конкретные образы. Человѣкъ, одаренный такимъ превосходнымъ чувствомъ, можетъ быть глупъ, неразвитъ и нелѣпъ до послѣдней степени, но это ничуть не помѣшаетъ ему, съ перваго-же взгляда, отличить въ поражающемъ его явленіи важное отъ неважнаго, обобщить это *важное* въ живое художественное созданіе и освѣтить именно тѣмъ свѣтомъ, которымъ оно должно быть освѣщено, въ интересахъ „жизненной правды“. Онъ дѣлаетъ это бессознательно, не размышляя о томъ, что выльется изъ-подъ его пера, рѣзца или кисти. „Нерѣдко, рассказываетъ намъ одинъ изъ основателей нашей реальной критики, не всегда умѣвшій отрѣшаться отъ метафизической эстетики, „нерѣдко даже въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ художникъ высказываетъ понятія, совершенно противоположныя тому, что выражается въ его художественной дѣятельности“ (Добролюбовъ, Темное царство, т. III, стр. 18). Говоря о произведеніяхъ Островскаго тотъ-же критикъ нѣсколько разъ выражаетъ ту мысль, что будто „требованія художественной правды“, „непосредственное художническое чувство“ удерживали Островскаго отъ увлеченія предвзятой тенденціей (тамъ-же, стр. 21, 23 и т. д. Признать существованіе такого „непосредственнаго художественнаго чувства“ — значитъ совершенно игнорировать требованія разумной психологіи и отрицать всѣ тѣ важныя пріобрѣтенія, которыя она сдѣлала съ помощію анализа; психологія же раціональная (насколько вообще она, какъ наука, по преимуществу, *субъективная*, можетъ быть раціональною) старается каждое человѣческое чувство разложить на составныя, простѣйшіе элементы и каждый изъ этихъ элементовъ изслѣдовать въ отдѣльности. Пусть языкъ общечитія смѣшиваетъ всѣ эти отдѣльные элементы въ одну, безразличную массу и приклеиваетъ къ ней ярлыкъ съ однимъ общимъ названіемъ: чувство любви, чувство художественности и т. п. Наукѣ нѣтъ никакого дѣла до такого невѣжественнаго и рутиннаго отношенія къ фактамъ психической природы человѣка. Можетъ быть, эти произвольные термины вполнѣ пригодны для домашняго житейскаго обихода, но

ихъ неудобно употреблять въ сколько-нибудь серьезномъ, логическомъ разсужденіи. Поэтому строго реальная критика, если она не желаетъ постоянно вращаться въ сферѣ ненаучныхъ и совершенно неопредѣленныхъ представленій, должна отрѣшиться отъ такихъ метафизическихъ выраженій, какъ „непосредственное художническое чувство“, „чувство художественной правды“ и т. п. Она должна разложить это „непосредственное чувство“ на его составные элементы и, при оцѣнкѣ художественныхъ произведеній, стараться, по возможности, ясно опредѣлить, насколько проявляется въ немъ тотъ или другой изъ этихъ элементовъ. При этомъ, разумѣется, необходимо опредѣлить заранѣе, какой изъ нихъ главный, т. е. всего болѣе обуславливаетъ достоинство и силу беллетристическаго или вообще художническаго таланта. Я уже указалъ на три главные, по мнѣнію реальной критики, момента беллетристическаго таланта, на три существеннѣйшія стороны каждаго беллетристическаго произведенія: на психологическую вѣрность воспроизведенія характера, на его современный, общественный интересъ и, наконецъ, на отношеніе къ нему автора. Есть еще четвертый моментъ, который, я долженъ сознаться, почти всегда упускается изъ виду реальною критикою, и упускается безъ всякаго разумнаго основанія. Я говорю о степени развитія фантазіи беллетриста, объ его способности по части изобрѣтенія „вымысла“, „фабулы“ романа. Чѣмъ сильнѣе развита его изобрѣтательность, чѣмъ живѣе и разнообразнѣе его фантазія, тѣмъ ему легче выяснитъ и опредѣлитъ существенныя черты изображаемыхъ имъ характеровъ, заинтересовать ими читателя и приковать его вниманіе къ своему произведенію. Въ большинствѣ случаевъ эта способность къ искусной *концепціи* романа прямо пропорціональна умственному развитію писателя; и нужно сознаться, что наши російскіе беллетристы почти все отличаются полнѣйшимъ отсутствіемъ этой способности. Бѣдность ихъ творческой фантазіи поистинѣ поразительна. Читать русскіе романы отъ столбца и до столбца, ничего не пропуская и не ощущая при этомъ смертельной скуки, могутъ только всевыносливые „русскіе люди“, до такой степени приученные своею однообразною жизнью ко всевозможной скукѣ, что даже перестаютъ замѣчать ее. Однако, хотя недостатокъ творческой фантазіи, или ея крайнее ребячество у романистовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ и

дикая несообразность (напр., въ послѣднихъ романахъ Достоевскаго) вносить въ беллетристическое произведеніе не малую дозу скуки и дѣлаютъ его нерѣдко весьма пошлымъ и нелѣпымъ, однако, реальная критика не придаетъ и не должна придавать особой важности этому послѣднему элементу, опредѣляющему степень беллетристическаго таланта. Творческая фантазія относится болѣе, такъ сказать, къ внѣшнимъ качествамъ этого таланта, чрезмѣрное ея развитіе не рѣдко даже вредитъ внутреннему достоинству произведенія и заставляетъ подчасъ автора интересу вымысла, интересу фабулы приносить въ жертву интересъ психологической вѣрности характеровъ. Это особенно часто случается съ тѣми романистами, у которыхъ плохо развита психологическая наблюдательность. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда этого не бываетъ, когда творческая фантазія дѣйствуетъ правильно, разумно, не вырождаясь въ нелѣпую погоню за драматическими эффектами, не спекулируя на ненормальное душевное настроеніе читателей, даже и въ этихъ случаяхъ она придаетъ роману только чисто внѣшній интересъ, нисколько не измѣняя его внутренняго смысла.

Посмотримъ-же теперь, который изъ этихъ трехъ элементовъ беллетристическаго произведенія всего болѣе опредѣляетъ его внутреннее достоинство, и слѣдовательно достоинство авторскаго таланта? Будетъ-ли то *психологическая правда* (въ чемъ она должна состоять,—я уже говорилъ объ этомъ въ одномъ изъ предшествующихъ этюдовъ) воспроизводимыхъ авторомъ характеровъ или ихъ *соціальный интересъ*, или способъ отношенія къ нимъ автора, т. е. то, что обыкновенно называется *тенденціею* романа?

Принято думать, и не только критикою эстетическою, но и критикою реальною, что главное достоинство беллетристическаго таланта состоитъ въ его способности „проникать въ глубь души человѣка, уловлять его чувства“ („Темное царство“, т. III, стр. 23), т. е. въ способности точно и мѣтко подмѣчать всѣ психическія особенности того или другого человѣческаго характера, того или другого душевнаго состоянія человѣка, обобщать, синтетически связывать эти особенности и воплощать ихъ въ конкретный образъ. Этою стороною своей дѣятельности художникъ-психологъ соприкасается съ мыслителемъ-психологомъ, и здѣсь-то всего

легче видѣть, въ чемъ заключается существенная разница между умомъ „художественнымъ“ и умомъ „научнымъ“. Первый, подмѣчая и наблюдая психическія особенности характеровъ и душевныхъ состояній, представляетъ ихъ себѣ въ полной картинѣ, синтетически обхватывающей отдѣльныя частности, единичные факты. Такимъ образомъ, синтезъ — есть главная его задача, а умѣнье „одновременно“ воспроизводить въ своемъ представленіи разнообразныя частности и единичные факты—его существенное свойство. Умъ психолога-мыслителя, наоборотъ, высшею своею задачею ставитъ анализъ, требующій не *одновременности* въ воспроизведеніи многихъ частныхъ, а *последовательности*, не соединенія ихъ въ одну общую картину, а сосредоточеннаго изученія каждой составной части картины въ отдѣльности. Мыслитель-психологъ начинаетъ съ общаго и переходитъ къ частностямъ, психологъ-художникъ—съ частныхъ и отъ нихъ восходитъ къ общему. Цѣлостный конкретный человѣческій характеръ исходная точка умственныхъ процессовъ перваго и конечная цѣль умственныхъ процессовъ второго; одинъ съ него начинается, другой имъ кончается. Первый *объясняетъ* человѣческую природу, разлагая ее на ея простѣйшіе, составные элементы; второй только копируетъ ее. Вѣрно или невѣрно воспроизводится эта копія—это будетъ зависеть, съ одной стороны, отъ богатства психологическихъ, субъективныхъ и объективныхъ наблюденій автора, съ другой, отъ его привычки къ синтезу. Какъ-бы ни былъ великъ запасъ его психологическихъ наблюденій, но если его умъ чувствуетъ болѣе склонности къ разъединяющему анализу, чѣмъ къ обобщающему синтезу, то онъ не создастъ живыхъ характеровъ, а будетъ только мучить читателя длинными и скучными (скучными потому, что вообще бываетъ скучно, когда беллетристъ пускается въ чуждыя ему сферы науки) разсужденіями на ту или другую психологическую тему. Изображаемые имъ люди всегда будутъ отличаться какими-нибудь оригинальными уродствами и весьма мало будутъ походить на живыхъ, обыкновенныхъ людей. Это происходитъ оттого, что беллетристъ, съ дурнымъ синтезомъ сосредоточиваетъ обыкновенно слишкомъ исключительно и слишкомъ не въ мѣру все свое вниманіе на одной какой-либо чертѣ человѣческаго характера, на одномъ какомъ-либо чувствѣ и упускаетъ изъ виду все остальное. Г. Достоевскій, поче-

му-то считающійся въ числѣ нашихъ патентованныхъ художниковъ, служить превосходнымъ примѣромъ того, до какихъ дикихъ несообразностей можетъ дойти романистъ, неспособный къ синтезу и вступившій на несвойственный художнику путь психологическаго анализа. Я говорю, что этотъ путь не свойственъ художнику, потому что, идя по этому пути, онъ не приближается къ своей цѣли, къ конкретному, живому образу, а, напротивъ, удаляется отъ него. Но, говоря вообще, реальная критика можетъ указать только самыя общія условія, отъ соблюденія которыхъ зависитъ живость и конкретность художественнаго воспроизведенія характеровъ и чувствъ (я уже говорилъ объ этихъ условіяхъ, по поводу романа г. Кушневскаго), но она отказывается опредѣлять въ каждомъ частномъ случаѣ степень живости и конкретности изображенія характеровъ и чувствъ въ томъ или другомъ беллетристическомъ произведеніи. Она отказывается отъ этой чисто эстетической задачи, потому что понимаетъ всю ея бесплодность и бесполезность. Она понимаетъ, что не можетъ быть никакихъ обще-обязательныхъ критеріевъ для оцѣнки того, насколько данный художественный образъ вѣренъ дѣйствительности, насколько въ немъ много или мало „психологической правды“. Тутъ все зависитъ отъ субъективныхъ воззрѣній и степени умственнаго развитія читателя. Чѣмъ богаче его запасъ психологической опытности и наблюдательности, чѣмъ больше онъ видѣлъ и знаетъ людей, чѣмъ разнообразнѣе его собственная психическая жизнь, тѣмъ съ большею строгостью будетъ относиться онъ къ изображеніямъ беллетриста, тѣмъ съ большею осторожностью будетъ онъ признавать за ними „психологическую правду“, тѣмъ онъ будетъ разборчивѣе и требовательнѣе. Напротивъ, читатель не наблюдательный и бѣдный психическиимъ опытомъ будетъ весьма скоръ и неразборчивъ въ своихъ эстетическихъ сужденіяхъ. То, что для перваго будетъ казаться и живо и реально, то для втораго будетъ ходульно и неестественно, и наоборотъ, неестественное и несообразное для перваго будетъ очень естественно и вполне сообразно для втораго. Рассказываютъ (и я опять долженъ сознаться, что эту басню повторяетъ иногда и реальная критика), будто „истинно-художественные образы“ на всѣхъ читателей, каковы-бы ни были ихъ субъективныя воззрѣнія, ихъ развитіе и степень доступнаго имъ психическаго опыта,

должны производить болѣе или менѣе однородное впечатлѣніе, что они какъ-бы невольно заставляютъ видѣть въ себѣ нѣчто живое, истинное, реальное. Образы истиннаго художника „для *всплхъ*“ дѣлаются просты, понятны, законны. Вещи, самыя чуждыя для насъ въ нашей обыденной жизни, кажутся намъ близкими въ созданіи художника: намъ знакомы какъ будто родственныя и мучительныя думы Фауста, и сумасшествіе Лира, и ожесточеніе Чайльдъ-Гарольда“ и т. д., и т. д. (Добролюбовъ, „Забитые люди“, т. III, стр. 597). Вѣрить этимъ розказаніямъ могутъ только самыя наивныя эстетики. Неужели, читатель, у васъ нѣтъ такихъ знакомыхъ и вы никогда не встрѣчали такихъ людей, которые, прочтя поэму Байрона, говорили: какой невозможный и неестественный характеръ—этотъ Чайльдъ-Гарольдъ! которые не видѣли ничего мучительнаго въ „исканіяхъ“ Фауста и совершенно индеферентно относились къ сумасшествію Лира? Неужели, съ другой стороны, вы не встрѣчали такихъ личностей, которыя восхищались произведеніями Понсонъ-дю-Террайля, и находили „художественность“ въ романахъ Габоріо и Мейснера? Я знаю, что даже самыя завзятые эстетики не отрицаютъ возможности существованія подобныхъ личностей, подобной публики, и если-бы они отважились на такое отрицаніе, они должны-бы были дойти до отрицанія г-жи Ахматовой и г. Львова; но г-жа Ахматова и г. Львовъ—живые, реальные люди, ихъ образъ извѣстенъ почтамту, книжнымъ магазинамъ и редакціямъ, и потому усомниться въ ихъ существованіи едва-ли рѣшится самый смѣлый метафизическій умъ. Не осмѣливаясь отрицать существованія такой публики, для которой кажутся характеры въ романахъ Понсонъ-дю-Террайля, Габоріо и др. преисполненными „психологической правды“, а Чайльдъ-Гарольды, Фаусты и Лиры нелѣпыми, ходульными и неестественными, эстетики стараются объяснить это ненормальное явленіе „искаженностью и развращенностью *эстетическаго вкуса*“, взваливая въ то-же время на критику обязанность содѣйствовать его „морализированію и исправленію“. *Эстетическій вкусъ*—это „одного поля ягода“ съ „непосредственнымъ чувствомъ“ художника! Что такое этотъ *эстетическій вкусъ*? Не забавляйте себя непонятными словами, анализируйте его и вы увидите, что это есть ничто иное, какъ тотъ запасъ психологическаго опыта, та большая или меньшая

степень умственного развитія, о которыхъ я сейчасъ говорилъ и которые, главнымъ образомъ, обуславливаются количествомъ и качествомъ доступныхъ человѣку мыслей, привязанностей и чувствъ, разнообразіемъ его психической жизни, т. е. средою, въ которой онъ вращается, дѣятельностью, которою онъ занимается, людьми, съ которыми сталкивается, и безчисленнымъ множествомъ совершенно неумовимыхъ событій, которыми опредѣляется его индивидуальное существованіе. Отсюда вы видите, что этотъ вашъ эстетическій вкусъ долженъ быть различенъ у различныхъ людей, такъ-же различенъ, какъ различны тѣ внѣшнія обстоятельства, среди которыхъ эти люди живутъ и развиваются. И сколько различныхъ эстетическихъ вкусовъ, столько различныхъ мѣрилъ для оцѣнки степени „художественности“, степени „психологической правды“, характеровъ и чувствъ, изображаемыхъ художниками. Вы можете, конечно, отдавать предпочтеніе тому или другому мѣрилу, вы можете даже отрицать ихъ всѣ и руководствоваться только своимъ собственнымъ, личнымъ вкусомъ, но все это будетъ дѣло вашихъ чисто-субъективныхъ, ни для кого не обязательныхъ воззрѣній. Ваше мѣрilo будетъ принято только людьми, стоящими на одинаковомъ съ вами уровнѣ психическаго развитія, т. е. людьми, для которыхъ оно совершенно не нужно, потому что ихъ собственное мѣрilo, ихъ собственный эстетическій вкусъ болѣе или менѣе тождественъ и съ вашимъ. Что-же касается тѣхъ читателей, которые не стоятъ на одинаковомъ съ вами уровнѣ психическаго развитія, то ваше мѣрilo, ваши эстетическія сужденія для нихъ, въ большинствѣ случаевъ, въ полномъ смыслѣ слова будутъ „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“, они по-прежнему будутъ видѣть „живое“ и „реальное“ тамъ, гдѣ вы видите „ходульное“ и „мертвое“, ваша „правда“ будетъ для нихъ „ложью“, а ваша „ложь“ — „правдою“. Воображать, будто „эстетическая критика“ можетъ когда-нибудь способствовать развитію эстетическаго вкуса читателей—это высочайшая и курьезнѣйшая изъ всѣхъ нелѣпостей—когда-либо измышленныхъ схоластическою критикою! Если вы хотите воспитать и развитъ эстетическій вкусъ общества, внесите побольше разнообразія въ его психическую жизнь, расширьте кругъ доступныхъ ему чувствъ и интересовъ, измѣните пошлую монотонность и мелочность окружающей его дѣйствительности! Подумайте, раз-

вѣ это можетъ сдѣлать критика, развѣ эта задача по силамъ литературы вообще?.. Вотъ почему реальная критика самымъ рѣшительнымъ образомъ отказывается отъ той задачи, которую легкомысленно беретъ на себя такъ называемая критика *эстетическая*; она не отвергаетъ необходимости заботиться объ усовершенствованіи эстетическаго вкуса, но она понимаетъ, что этотъ вкусъ, какъ продуктъ всего психическаго развитія человѣка, воспитывается не критическими разсужденіями, а дѣятельною, разумною жизнью, условіями даннаго общественнаго строя, данной соціальной среды. Усовершенствуйте послѣднія и вы усовершенствуете и первый! „Но въ такомъ случаѣ литература совѣмъ должна отказаться отъ усовершенствованія эстетическаго вкуса публики, скажутъ критики, потому что усовершенствованіе условій общественной жизни—это дѣятельность практическая, а не литературная.“ Да, непосредственно она и не можетъ усовершенствовать то, что вы называете эстетическимъ вкусомъ, но она можетъ и должна содѣйствовать этому *посредственно*: указывая на необходимость такой практической дѣятельности, которая-бы вела къ улучшенію условій данной жизни; разъясняя, въ чемъ должна заключаться эта дѣятельность (или, по крайней мѣрѣ, въ чемъ она *не должна* заключаться); внося логическую ясность, осмысленность и опредѣленность въ соціальное міросозерцаніе читателей. Вотъ эти-то задачи и беретъ на себя реальная критика. Онѣ обязываютъ ее обращать главное вниманіе при оцѣнкѣ беллетристическаго произведенія, не на психологическую выдержанность, не на „психологическую правду“ характера, а на его *общественный интересъ*, т. е. на второй моментъ художественнаго таланта. Къ тому-же, только анализируя этотъ второй моментъ, критика стоитъ на твердой почвѣ, подъ которую не могутъ подѣяться никакіе *вкусъ*, никакія „*непосредственныя чувства*“, никакіе личные *капризы*, только тутъ она имѣетъ вполнѣ точный, неизблемый критерій. Утверждать, что въ томъ или другомъ характерѣ соблюдена или не соблюдена „психологическая правда“, это, какъ я уже сказалъ, зависитъ отъ большей или меньшей полноты и разнообразія психической жизни мыслящаго субъекта; психическими разсужденіями невозможно доказать, что король Лиръ—художественный, исполненный правды образъ, а красавецъ Галораръ (одинъ изъ героевъ Понсонъ-дю-Террайля) об-

разъ совсѣмъ не художественный и психологически невозможный; это дѣло вашего личнаго вкуса, и для мотивированія этого *личнаго вкуса* вы не имѣете даже права ссылаться на какія-нибудь *точные данныя* научной психологіи; вы не имѣете этого права, во-первыхъ, потому, что никакихъ *точныхъ* данныхъ нѣтъ и у самой психологіи, этой *quasi-науки*, бродящей въ потьмахъ субъективныхъ самосозерцаній; во-вторыхъ, потому что если-бы даже она и была точною и достовѣрною наукою, то все-таки она ничего-бы вамъ не могла сказать на счетъ правоты или фальши художественнаго синтеза, такъ какъ ея дѣло и ея задача не синтезъ, а анализъ. Но когда утверждаютъ, что такой-то характеръ отмѣченъ или не отмѣченъ *общественнымъ интересомъ*, то тутъ уже нельзя руководствоваться однимъ личнымъ вкусомъ; тутъ нужны логическія и ясныя доказательства, и если вы представите эти доказательства, вы сдѣлаете свое мнѣніе, свой критерій обязательнымъ для всѣхъ здравомыслящихъ людей. Когда вы говорите: „такой-то характеръ воспроизведенъ авторомъ вполне художественно, онъ дышетъ жизненною правдою“ и т. п., вы обыкновенно основываете свой приговоръ на слѣдующемъ разсужденіи: „судя по тому, что я испытывалъ и переживалъ впечатлѣніи своей жизни, судя по тому, что я знаю о характерахъ, дѣйствіяхъ и чувствахъ окружающихъ меня лицъ, я увѣренъ, что человѣкъ, будучи поставленъ въ тѣ условія и дѣйствуя подъ тѣми вліяніями, которыми авторъ окружилъ изображаемую имъ личность, долженъ думать, дѣйствовать и говорить именно такъ, какъ думаетъ, дѣйствуетъ и говоритъ эта личность. А другой читатель скажетъ вамъ на это: „я-же, исходя изъ тѣхъ-же самыхъ предположеній и наблюденій, думаю иначе; мнѣ кажется, что личность, выведенная авторомъ, думаетъ и дѣйствуетъ не совсѣмъ такъ, какъ-бы я или мои знакомые думали и дѣйствовали, находясь въ ея положеніи.“ Кто разрѣшитъ вашъ споръ? И какому третейскому суду вы повѣрите? Ваши заключенія никогда не сойдутся, потому что вы исходите изъ различныхъ данныхъ отъ различнаго, по количеству и качеству, психологическаго опыта. Но если вы говорите: „судя по такимъ-то и такимъ чертамъ характеровъ, изображенныхъ авторомъ, я думаю, что въ этихъ характерахъ воплощаются такія-то и такія-то стороны общественной жизни, отражаются такія-то и такія-то господствующія со-

ціальныя воззрѣнія, вызываемыя такими-то и такими-то потребностями жизни, а потому я заключаю, что эти характеры имѣютъ *соціальный интересъ*“ и т. п., — разсуждая, такимъ образомъ, вы не дѣлаете никакихъ апіористическихъ предположеній, не апеллируете къ своему субъективному наблюденію и своей неподлежащей провѣркѣ психологической опытности; вы указываете на факты совершенно объективныя, и каждый можетъ рѣшить, правильны или неправильны тѣ логическія послылки, которыя вы изъ нихъ выводите. Пусть вамъ возражаютъ, но если послылки правильны, т. е. если вы не приписали автору того, чего онъ и не думалъ говорить, если вы *логически вѣрно* объяснили указанныя вами черты выведенныхъ характеровъ тѣми или другими общественными факторами и обстоятельно разсмотрѣли значеніе этихъ факторовъ, если, наконецъ, ваши заключенія послѣдовательно вытекаютъ изъ вашихъ посылокъ, — то вы стоите на такой твердой, логической почвѣ, на которой всегда возможно придти къ тому или другому общему *выводу*, общему *мнѣнію*, обязательному для обѣихъ спорящихъ сторонъ.

Однако, реальная критика не потому только должна сосредоточивать свое главное вниманіе на второмъ моментѣ художественнаго таланта, что при его оцѣнкѣ у нея можетъ быть болѣе точный и опредѣленный критерій, чѣмъ при оцѣнкѣ перваго момента. Одно это обстоятельство еще никоимъ образомъ не могло бы доказывать, что первый моментъ, т. е. психологическая вѣрность, конкретная образность изображаемаго характера, менѣе важенъ для опредѣленія достоинства беллетристическаго таланта, чѣмъ глубина захватываемаго характеромъ *общественнаго интереса*. Если-бы на самомъ дѣлѣ достоинство беллетристическаго таланта обуславливалось по преимуществу первымъ, а не вторымъ моментомъ, то реальная критика, игнорирующая важное и сосредоточивающая все свое вниманіе на неважномъ и несущественномъ, доказала-бы этимъ только свое безсиліе, т. е. именно то, въ чемъ ее и обвиняетъ критика эстетическая. Но реальная критика гораздо разумнѣе и логичнѣе, чѣмъ это воображаютъ схоластическіе эстетики. Она знаетъ, что единственно возможный, объективный критерій для оцѣнки достоинства беллетристическаго (какъ и всякаго вообще литературнаго) таланта заключается въ *количествѣ* и *качествѣ* того умственного вліянія, которое онъ

оказываетъ на общество. Всѣ другіе критеріи субъективны и произвольны. Степень-же умственного вліянія таланта будетъ зависѣть отъ того, насколько его произведенія содѣйствуютъ умственному развитію читателей, насколько они возбуждаютъ его мысль и направляютъ ее въ вопросамъ наиболѣе важнымъ и существеннымъ для человѣческаго счастья. Слѣдовательно, въ беллетристическомъ произведеніи тѣ его стороны, которыя имѣютъ въ виду именно эту цѣль, и должны служить главными опредѣляющими моментами при оцѣнкѣ достоинства и силы беллетристическаго таланта. Какія-же стороны его всего прямѣе и скорѣе удовлетворяютъ этому требованію?

Конкретное, образное, исполненное психологической правды изображенія характеровъ, конечно, можетъ пролить много свѣта на несовсѣмъ знакомыя читателю стороны человѣческой природы, можетъ содѣйствовать уясненію его міросозерцанія по части нравственности и психологіи, — все это, безспорно, весьма важно и необходимо для практической жизни. Кому окружающая дѣйствительность дала слишкомъ мало умственной опытности, тому полезно будетъ восполнить пробѣлы своего психологическаго міросозерцанія хоть съ помощью романовъ. Но если для каждаго индивида важно и необходимо знать главнѣйшія свойства психологической природы человѣка, если эти знанія заставляютъ его гуманнѣе и разумнѣе относиться къ окружающимъ его людямъ, то все-таки еще важнѣе и необходимѣе для него тѣ знанія, которыми опредѣляются его отношенія къ цѣлому обществу, его практическая, социальная дѣятельность вообще. Ему еще важнѣе и необходимѣе знать, какова та общественная среда, которою онъ окруженъ, каковы тѣ интересы, которые волнуютъ ея жизнь, какъ развивается эта жизнь и какъ она отражается на индивидуальныхъ характерахъ, каковы, наконецъ, ея господствующіе мотивы, ея тенденціи и стремленія. Но беллетристическое произведеніе только тогда и можетъ поднять и возбудить въ умѣ читателя эти вопросы, когда въ изображаемыхъ имъ характерахъ ясно отразился тотъ или другой *общественный интересъ*, т. е. когда оно выводитъ такіе типы, такія личности, которые всего полнѣе воплощаютъ въ себѣ ту или другую общественную тенденцію, социальную потребность, вызванную даннымъ развитіемъ общественныхъ отношеній. Отсюда-то реальная критика и заклю-

часть, что мѣра достоинства художественнаго таланта должна главнымъ образомъ опредѣляться не столько конкретною образностью и „психологическою правдивостью“, сколько социальнымъ интересомъ выводимыхъ авторомъ характеровъ. Это не значитъ, что она считаетъ себя въ правѣ совсѣмъ игнорировать „психологическую правду“: она только не придаетъ ей того первенствующаго значенія, которымъ она пользуется въ критикѣ эстетической; она понимаетъ, что какъ-бы ни былъ великъ социальный интересъ даннаго характера, но если онъ большинству образованныхъ читателей покажется психологически невозможнымъ, натянутымъ и нелѣпымъ, то онъ не произведетъ на нихъ желаннаго впечатлѣнія, а только заставитъ улыбнуться надъ авторомъ. Но, не отказываясь судить о степени „психологической правды“ характеровъ, она открыто признаетъ (и этимъ-то она существенно отличается отъ критики эстетической), что въ этихъ своихъ сужденіяхъ она руководствуется чисто-субъективными воззрѣніями, личнымъ вкусомъ, — критеріемъ вполне относительнымъ и ни для кого не обязательнымъ. Такой субъективный, относительный характеръ этихъ сужденій опредѣляетъ ихъ роль и ихъ мѣсто въ реальной критикѣ. На первый планъ она можетъ выдвигать ихъ только въ такихъ случаяхъ, когда характеры, выводимые авторомъ, совсѣмъ не имѣютъ или имѣютъ слишкомъ слабый общественный интересъ или, по своей психологической фальши, стоятъ гораздо ниже уровня такъ-называемаго (читатель знаетъ, что именно такъ называется) эстетическаго вкуса большинства образованныхъ читателей.

Что касается двухъ остальныхъ моментовъ художественнаго таланта, то я уже сказалъ, что для реальной критики особенно важенъ третій: умѣнье автора правильно и разумно отнестись къ изображаемымъ имъ явленіямъ, освѣтить ихъ надлежащимъ свѣтомъ. Въ тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ психологическій интересъ преобладаетъ надъ социальнымъ, этотъ моментъ, который мы назвали *тенденциозностью*, не имѣетъ особенно существеннаго значенія и мало вліяетъ на достоинство, на правдивость изображенія, если только оно не доведено до крайности. Но тамъ, гдѣ авторъ касается того или другаго социальнаго интереса, тамъ его тенденція имѣетъ и должна имѣть громадное значеніе въ глазахъ реальной критики. Всякій

здравомыслящій чловѣкъ согласиться, что гораздо лучше и полезнѣе для умственнаго развитія читателей совсѣмъ не касаться тѣхъ или другихъ сторонъ соціальной жизни, тѣхъ или другихъ соціальныхъ стремленій, чѣмъ изображать ихъ въ ложномъ и превратномъ видѣ. Кромѣ того, тенденція автора, — независимо отъ всѣхъ другихъ достоинствъ или недостатковъ романа, — служить тою живою, наглядною нитью, которая связываетъ беллетристическое (да и всякое другое) произведеніе съ тѣми или другими факторами общественной жизни; она опредѣляетъ его *соціальное значеніе* въ литературѣ, характеръ и міросозерцаніе среды, породившей его. Если авторъ хорошо понялъ и усвоилъ основныя, характеристическія взгляды этой среды и съ выдержанною послѣдовательностью провелъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ, то реальная критика признаетъ за этими произведеніями важное значеніе и, вѣрная своимъ задачамъ, она предпочтетъ ихъ всякому другому произведенію, изобилующему всевозможными художественными и психологическими красотоми, но неимѣющему никакого прямого отношенія къ условіямъ данной общественной жизни. Я уже сказалъ выше, какое вліяніе имѣетъ тенденція автора на правдивость, реальную жизненность изображаемаго имъ характера. Послѣдняя находится въ прямой зависимости отъ разумности и правильности первой. Однако, какъ-бы ни была сама по себѣ правильна и разумна тенденція, но если она является преобладающимъ элементомъ авторскаго таланта, то она всегда вредитъ „психологической правдѣ“ создаваемыхъ имъ характеровъ. Она вмѣшивается въ его психологическій синтезъ, извращаетъ его, заставляетъ автора слишкомъ исключительно сосредоточивать свое вниманіе на одной какой-либо чертѣ характера, упускать изъ вида другую, невѣрно представлять третью и т. д. Тенденціозный писатель почти всегда любитъ пускаться въ психологическій анализъ; съ его помощью онъ думаетъ оправдать передъ самимъ собою и передъ читателями дѣйствія, мысли и вообще душевныя движенія своихъ героевъ. Но этотъ маневръ почти никогда не приводитъ къ желанной цѣли: развитой читатель сейчасъ-же замѣчаетъ бѣлыя нитки, которыми шить характеръ, и этотъ характеръ уже не производитъ на него впечатлѣнія живого, конкретнаго образа, онъ чувствуетъ, что самъ авторъ не вѣритъ въ его „живость“ и „конкретность“, иначе

онъ не сталь-бы такъ много распространяться о психическихъ мотивахъ, объясняющихъ тѣ или другіе поступки выведеннаго имъ лица!

Вообще преобладаніе въ романѣ тенденціи оказываетъ почти такое-же вредное дѣйствіе на „правдивость“ характеровъ, какъ и чрезмѣрное преобладаніе четвертаго момента художественнаго таланта—фантазіи. Но о вліяніи и значеніи этого послѣдняго момента я здѣсь не стану распространяться, во первыхъ, потому, что онъ вообще не существенъ для опредѣленія внутреннего достоинства таланта, а во-вторыхъ потому, что, какъ я уже сказалъ, у русскихъ беллетристовъ (и въ томъ числѣ и у г. Михайлова) его въ наличности оказывается мало; чтобы быть откровеннѣе, я приведу и третью причину: въ третьихъ, я просто боюсь слишкомъ не въ мѣру надобѣсть читателю отвлеченными разсужденіями о вопросахъ „чистой критики“. Я знаю, что эти разсужденія уже и безъ того достаточно ему надобѣли, несмотря на всю ихъ современность. Но за то читатель ориентировался въ кругѣ тѣхъ общихъ принциповъ и воззрѣній, которыми я буду руководствоваться, при оцѣнкѣ талантовъ нашихъ беллетристовъ вообще и г. Михайлова въ частности. Если читатель согласенъ стать на мою точку зрѣнія, то мнѣ достаточно будетъ указать на относительное значеніе того или другого изъ рассмотрѣнныхъ здѣсь моментовъ, въ томъ или другомъ произведеніи, и читатель уже самъ сдѣлаетъ заключеніе объ общемъ достоинствѣ таланта писателя. Если-же онъ не согласенъ съ изложенными здѣсь воззрѣніями, то онъ, по крайней мѣрѣ, будетъ знать, что онъ можетъ найти и чего ему не слѣдуетъ искать въ моихъ критическихъ оцѣнкахъ, онъ будетъ знать, на чемъ основаны мои сужденія, и почему я отношусь къ писателю *такъ*, а не *иначе*. Въ свою очередь, я разъ на всегда избавляю себя отъ необходимости постоянно возвращаться назадъ и при каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлять свои общіе взгляды. Вотъ тѣ выгоды, которыя можно извлечь изъ нашихъ длинныхъ, отвлеченныхъ разсужденій. Я думаю, что эти выгоды вполне уравниваютъ ихъ отвлеченность и длинноту. Теперь, зная общіе критеріи реальной критики, читателю не трудно уже будетъ слѣдить за ихъ частыми примѣненіями.

III.

Въ талантѣ каждаго беллетриста (особенно, если мы судимъ о немъ не по одному, а по цѣлому ряду его произведеній) можно отыскать преобладаніе того или другого изъ разсмотрѣнныхъ нами выше четырехъ существенныхъ моментовъ. Наиболѣе совершеннымъ будетъ, разумѣется, такой талантъ, въ которомъ всѣ эти моменты развиты болѣе или менѣе съ одинаковою силою и равномерностью. При оцѣнкѣ произведеній такого таланта самый рациональный приемъ критики будетъ состоять въ томъ, чтобы начать прямо и непосредственно съ анализа второго, какъ наиболѣе важнаго момента, съ общественнаго интереса изображаемыхъ имъ характеровъ и затѣмъ уже перейти къ другимъ моментамъ, менѣе существеннымъ. Но въ большинствѣ случаевъ (особенно по отношенію къ русскимъ беллетристамъ) такой равномерности въ развитіи всѣхъ сторонъ таланта не замѣчается: одна или двѣ изъ нихъ являются господствующими. Тутъ критика поступаетъ благоразумнѣе, начавъ именно съ элемента наиболѣе выдающагося; съ его помощью уже легко будетъ объяснить и понять относительное значеніе и достоинство остальныхъ. Такъ я и поступлю при оцѣнкѣ беллетристическаго таланта г. Михайлова. Съ самаго перваго романа г. Михайлова его литературная фізіономія вполне опредѣлилась или, лучше сказать, вполне опредѣлились его литературныя мнѣнія. Маленькая „исторія безъ героя“ („Гнилья болота“) выкладывала передъ читателями все міросозерцаніе ея автора сполна; послѣдующіе его романы ничего въ этомъ отношеніи не прибавили и не убавили. Едва-ли когда-нибудь публика скорѣе и непосредственнѣе ознакомлялась съ общимъ характеромъ воззрѣній начинающаго беллетриста, чѣмъ она ознакомилась съ воззрѣніями г. Михайлова. Другой беллетристъ напишетъ десятки романовъ и читатели все-таки недоумѣваютъ, то онъ за птица? Къ какому лагерю онъ принадлежитъ? На чьей сторонѣ его симпатія? Другъ онъ намъ или врагъ? Чтобы сколько-нибудь удовлетворительно рѣшить эти вопросы, приходится нерѣдко прибѣгать къ пространнымъ комментаріямъ каждаго его произведенія, вдумываться чуть не въ каждую его фразу и, въ концѣ концовъ, все-таки можетъ оказаться, что

комментаторы ошибаются, что авторъ совсѣмъ не таковъ, за кого его принимаютъ, или еще хуже, можетъ оказаться, что всѣ лагери, всѣ партіи имѣютъ на него совершенно одинаковыя права. Возьмите, напр., пу хоть г. Тургенева или хоть г. Островскаго. Помните, сколько было толковъ въ недавнее время о томъ, консерваторъ или либераль г. Тургеневъ, западникъ или славянофилъ, отсталый или передовой человѣкъ г. Острѣвскій? Даже и теперь еще вопросы эти не окончательно рѣшены. Г. Тургеневъ самъ сомнѣвается: либераль онъ или нѣтъ, сочувствуетъ или не сочувствуетъ молодому поколѣнію. Г. Страховъ увѣряетъ, что г. Тургеневъ никогда не былъ либераломъ и всегда отрицательно относился къ молодому поколѣнію, что въ „Рудинѣ“ онъ также позорилъ „мечтателей“ сороковыхъ годовъ, какъ въ „Отцахъ и дѣтяхъ“ — реалистовъ 60-хъ годовъ. Покойный Писаревъ, какъ извѣстно, утверждалъ совершенно обратное; г. Антоновичъ выражалъ что-то среднее между этими двумя мнѣніями: онъ говорилъ, что будто сперва г. Тургеневъ былъ передовымъ человѣкомъ и либераломъ, а потомъ перешелъ въ лагерь гг. Катковскихъ и Аскоченскихъ. Теперь г. Тургеневъ печатается въ „Вѣстникѣ Европы“. Но что такое самъ этотъ „Вѣстникъ Европы“? Не работаютъ-ли тамъ люди самыхъ противоположныхъ тенденцій, самыхъ различныхъ міросозерцаній, и, благодаря именно тому, что колесницу г. Стасюлевича везутъ ракъ и щука, она преуспѣваетъ въ своемъ шествіи? Та-же исторія и съ г. Островскимъ; опять г. Страховъ увѣряетъ либераловъ, что они жестоко ошибаются, воображая, будто авторъ „Не въ свои сани не садись“, „Грѣхъ, да бѣда на кого не живетъ“ и т. п. — ихъ поля ягода, что онъ сочувствуетъ тенденціямъ Аполона Григорьева и его, Страхова, что всѣ его симпатіи на ихъ сторонѣ, а совсѣмъ не на сторонѣ „западниковъ“ и „теоретиковъ.“ Между тѣмъ „Отечественныя Записки“ и по сіе время продолжаютъ считать его „своимъ“ и „Азіятскій Вѣстникъ“ возлагаетъ на него и вкупѣ съ нимъ на гг. Плѣба Успенскаго и Щедрина всѣ надежды либеральной прессы. Удивительно, право, сфинксы эти художники! Но г. Михайловъ — не сфинксъ. На счетъ его міровоззрѣній съ перваго-же его романа, какъ я сказалъ, не существуетъ и не существовало никакихъ сомнѣній и недоумѣній. Даже такой глубокомысленный философъ, какъ г. Страховъ, не рѣшится сдѣлать изъ его либерализма вопроса. Отчего-же

это? Оттого, что тенденціозность является преобладающимъ элементомъ его таланта. Онъ не думаетъ скрывать подъ толстымъ флеромъ художественной объективности свои отношенія къ изображаемымъ имъ характеромъ, свои взгляды и воззрѣнія на затрогиваемыя имъ жизненныя явленія и общественные вопросы. Напротивъ, онъ старается высказать ихъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ, при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ. Съ первыхъ-же строчекъ его произведеній вы уже знаете, чему онъ сочувствуетъ и чему не сочувствуетъ, что одобряетъ и что порицаетъ, кого изъ выводимыхъ имъ лицъ онъ считаетъ за хорошаго, кого за дурного человѣка. На каждомъ шагу вы встрѣчаетесь у него съ длинными разсужденіями, то чисто-лирическаго, то публицистическаго свойства; онъ пускается въ эти разсужденія не только отъ собственнаго своего лица, но влагаетъ ихъ и въ уста своихъ героевъ и героинь, особенно тѣхъ, къ которымъ онъ относится сочувственно. Потому наиболѣе симпатическіе ему герои и героини обыкновенно не *говорятъ*, а все *разсуждаютъ*. Но онъ не ограничивается только простымъ высказываніемъ своей тенденціи, онъ вноситъ ее въ самую концепцію романа, въ расположеніе его плана, въ опредѣленіе взаимныхъ отношеній рисуемыхъ имъ характеровъ. Онъ старается всегда любимые имъ характеры выставить въ наиболѣе выгодномъ для нихъ свѣтѣ, а характеры не сочувственные въ наименѣе выгодномъ. Первые онъ заставляетъ торжествовать надъ вторыми и выводитъ ихъ побѣдителями изъ жизненной борьбы. И онъ не скрываетъ своей *profession de foi*. Въ первомъ своемъ романѣ, опредѣлившемъ вполнѣ всѣ существенныя черты его таланта, онъ откровенно высказываетъ слѣдующее: „Счастливы читатель, говоритъ онъ, который окончилъ чтеніе хотя одного романа и не потушилъ въ отчаянныя головы, но поднялъ ее, и бодро и весело устремилъ свои взоры за героями въ ихъ будущую, неизвѣстную ему, читателю, жизнь, въ страну вымысла, созданную его пробужденнымъ воображеніемъ. Въ этой странѣ свѣтлые образы навсегда останутся свѣтлыми и никакого пятна не наложитъ на нихъ наша грязная жизнь. Свѣтлое настроеніе охватитъ душу читателя и промелькнетъ въ его головѣ мысль: еще можно жить на свѣтѣ, еще есть хорошіе люди...“ (Гнилыя Болота, стр. 4). Такими *счастливыми читателями* г. Михайловъ хочетъ

сдѣлать именно читателей своихъ романовъ. Всѣ его романы (за исключеніемъ, можетъ быть, „Засоренныхъ дорогъ“) бьютъ на тотъ эффектъ, чтобы „душу читателя охватило свѣтлое настроеніе“ и чтобы „въ его головѣ промелькнула мысль: еще можно жить на свѣтѣ, еще есть хорошіе люди“. Его герои и героини не умираютъ отъ тифа и чахотки, не попадаютъ на скамьи подсудимыхъ и не отправляются въ ваторжные работы, не спиваются и не опошляются. Въ концѣ романа они остаются такими-же бодрыми, разсудительными и самодовольными, какими были и въ началѣ. Разставаясь съ ними, читатель вполнѣ спокоенъ за нихъ и ему, въ самомъ дѣлѣ, кажется, что „свѣтлые образы навсегда останутся свѣтлыми и никакого пятна не наложить на нихъ наша грязная жизнь“... Я знаю, что многіе критики (и не только критики-эстетики, но и критики, считающіе себя реалистами) увидятъ въ тенденціозности такого сорта, и въ особенности въ такой откровенности г. Михайлова, оскорбленіе искусства, позоръ и униженіе художественнаго таланта. „Искусство“, говорятъ они, „должно рисовать намъ жизнь такую, какова она на самомъ дѣлѣ; оно не имѣетъ права, въ интересахъ той или другой тенденціи, измѣнять ея *тѣни*, подкрашивать ея мрачныя картины; если „хорошимъ людямъ“ живется не слишкомъ-то весело и счастливо, если они безвременно умираютъ отъ тифа и чахотки, спиваются и опошляются, падаютъ въ прахъ, то, *истинный художникъ* не долженъ свѣтлыми иллюзіями обманывать читателя, забавляя его разсказами о томъ, чего въ дѣйствительности никогда не случается, а если и случается, то очень рѣдко, въ видѣ исключенія“. Но почему-же не долженъ? Задача художественнаго, какъ и всякаго другого таланта, состоитъ, конечно, въ томъ, чтобы содѣйствовать умственному и нравственному воспитанію общества, сдѣлать людей развитѣе, счастливѣе, направить ихъ къ честной и полезной дѣятельности. Почему вы думаете, что художникъ можетъ удовлетворительно разрѣшить ее только *однимъ способомъ* — „правдивымъ изображеніемъ дѣйствительности“? Если-бы всѣ или большинство читателей беллетристическихъ произведеній были люди энергическіе, бодрые, смѣлые и рѣшительные, тогда, конечно, это былъ-бы единственно-раціональный и прямой способъ. Но вѣдь большинство читателей состоитъ совсѣмъ не изъ смѣлыхъ и энергическихъ людей;

вѣдь большинство нашей читающей публики отличается лѣнью, трусостью и малодушіемъ, ей нужно показывать не колючіе терніи, а „лавры и розы“; ее нужно увѣрять, что чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ и какимъ она его видитъ въ дѣйствительности, и что бороться съ нимъ совсѣмъ не такъ трудно и не такъ непріятно, какъ это обыкновенно говорятъ.

Я знаю, что наши эстетики и псевдо-реальные критики возмущаются подобными соображеніями. „Съ точки зрѣнія этихъ соображеній, скажутъ они, — нужно вполне оправдать и тѣхъ романистовъ-моралистовъ, которые, въ интересахъ *нравственнаго* воспитанія читателей, увѣряли ихъ въ своихъ романахъ, будто добродѣтель всегда торжествуетъ, а порокъ наказывается“. Да, смѣйтесь надъ ними, сколько хотите, но, по моему мнѣнію, эти романисты поступали, съ извѣстной точки зрѣнія, вполне цѣлесообразно: они не запугивали добродѣтель, а старались представить ее, какъ дѣло и не трудное и весьма выгодное. Въ такомъ видѣ она становилась заманчивою и я не сомнѣваюсь, что многіе, очень многіе соблазнялись ея красивой перспективой, именно благодаря этимъ моралистамъ. Вся ошибка ихъ заключалась только въ томъ, что ихъ добродѣтель, всегда награждаемая и торжествующая, въ сущности совсѣмъ не была добродѣтелью, она не имѣла никакихъ внутреннихъ достоинствъ, и читатель увлекался совсѣмъ не ею, а тѣми внѣшними наградами и выгодами, которыми окружали ее услужливые романисты. „Добродѣтель“ этихъ романистовъ была „добродѣтелью“ іезуитовъ; она учила поступать „хорошо“, потому что это „выгодно“. Дурно было не средство, которое они выбрали для своей цѣли, дурна была самая цѣль. Если они были апостолами „настоящей“ добродѣтели, той добродѣтели, которая состоитъ въ постоянномъ самоотреченіи, которая не только не ждетъ, но и не принимаетъ награды, которая не ищетъ выгодъ и не удаляется отъ страданій, тогда, конечно, они поступали въ высокой степени глупо и нецѣлесообразно, рассказывая басни о „торжествующей добродѣтели“ и „наказанномъ порокѣ“. Это было глупо и нецѣлесообразно, не потому, что басни были лживы, а потому, что они увлекали читателей совсѣмъ не на тотъ путь, на который ихъ хотѣли увлечь благочестивые моралисты: не на путь добродѣтели безкорыстной и самоотверженной, а на путь добродѣтели корыстной, жадной до выгоды, эгоистической.

Изъ всего здѣсь сказаннаго читатель догадается, что я далекъ отъ мысли порицать или вообще не одобрять приѣмъ, употребляемый г. Михайловымъ для возбужденія въ своихъ читателяхъ гуманныхъ и свѣтлыхъ чувствъ на пути ихъ тяжелой борьбы. Приѣмъ этотъ, впрочемъ, не новъ и весьма часто пускался и пускается въ ходъ тенденціозными романистами. Я указываю здѣсь на него только, какъ на одинъ изъ фактовъ, доказывающихъ тенденціозность г. Михайлова и ничего болѣе. И мнѣ кажется, что этого факта, въ связи съ другими упомянутыми мною, вполне достаточно для убѣжденія читателей въ справедливости высказанной выше мысли о преобладаніи *тенденции* въ произведеніяхъ этого романиста. Эта выдающаяся черта его беллетристическаго таланта, съ одной стороны, облегчаетъ для критики оцѣнку главнаго интереса выводимыхъ имъ характеровъ и даетъ возможность безъ особеннаго труда опредѣлить тѣ общественные элементы, ту среду и тѣ социальныя потребности, представителямъ которыхъ является нашъ романистъ; съ другой-же стороны она объясняетъ не совсѣмъ удовлетворительное, *по моему мнѣнію* (а я уже сказалъ, что въ сужденіяхъ этого рода *личное мнѣніе, личный вкусъ* — есть единственный возможный критерій), развитіе того момента, который я назвалъ *психологическимъ*, и которымъ обусловливается „образность“ и „конкретная живость“ воспроизводимыхъ художникомъ характеровъ. Но объ этомъ я надѣюсь поговорить въ слѣдующей статьѣ.

П. Т.

НОВАЯ КНИГА.

Депутатъ города Парижа. Повѣсть изъ временъ второй имперіи.
Въ трехъ частяхъ. Съ англійскаго. Спб. 1872 г.

Чѣмъ дальше современное поколѣніе ототвигается отъ временъ второй имперіи, тѣмъ больше усердія и таланта обнаруживаютъ французы въ разоблаченіи ея внутреннихъ безобразій, и еслибъ газеты не сообщили намъ, что Наполеонъ III умеръ вслѣдствіе тяжелой операціи, которой не вынесъ его дряхлый организмъ, то можно было-бы подумать, что онъ скончался подъ ударами обличителей французской прессы. Но, любуясь огромной массой являющихся въ послѣднее время обличительныхъ романовъ, повѣстей, политическихъ брошюръ, проникнутыхъ непримиримой враждой къ дѣяніямъ второй имперіи и неподкупной вѣрностью республиканскимъ убѣжденіямъ, невольно спрашиваешь: гдѣ-же была и что дѣлала эта оппозиціонная литература, когда врагъ стоялъ передъ ней во всей своей красотѣ и жизни? Почему-же она безмолствовала во дни его могущества и равнодушно сносила торжество его ненавистной власти? Безъ сомнѣнія, борьба съ живымъ противникомъ была не безопасна и въ перспективѣ сулила оппонентамъ, вмѣсто благодушнаго самоуслажденія и дешевыхъ триумфовъ, печальное положеніе на галерахъ Ламбессы и Каенны. Но какой-же благоразумный французъ не предпочелъ-бы малѣйшаго намека, сдѣланнаго своевременно и открыто, на злоупотребленія узурпатора, стоявшаго передъ судомъ общества, цѣлому потоку запоздалыхъ негодованій и филиппикъ, которыми бичуетъ теперь французская пресса трупъ второй имперіи. Между безчисленными разсказами на эту тему многіе написаны искусно и съ большимъ талантомъ, какъ, напр., «Депутатъ города Парижа,» но, перечитывая

ихъ, опять недоумѣваешь: гдѣ-же были всѣ эти обличители, когда обличенія ихъ могли имѣть во сто разъ болѣе значенія и цѣнности, чѣмъ теперь? Куда дѣвались эти таланты, гражданское мужество и рѣзкое слово, когда въ нихъ нуждалась не только Франція, но и Европа? Впрочемъ, мы не отрицаемъ безусловно известную долю пользы такихъ обличительныхъ, хотя и заднимъ числомъ написанныхъ разсказовъ, какъ «Депутатъ города Парижа,» въ которомъ авторъ выводитъ на сцену павшую вторую имперію съ цѣлою толпой политическихъ мародеровъ. Если мы говоримъ о пригодности для современной Франціи политическихъ романовъ въ родѣ «Депутата,» то мы, разумѣется, не думаемъ, чтобы была еще необходимость убѣждать націю, что продолженіе второй имперіи въ лицѣ наполеоновской династіи невозможно и губительно. Обаяніе бонапартизма, вѣроятно, навсегда исчезло среди французскаго населенія и возрожденіе его едва-ли мыслимо. Но кто поручится, что политика Тьера не приведетъ, въ концѣ концовъ, несчастную страну къ такому порядку вещей, который на развалинахъ бонапартизма создастъ что-нибудь похожее, и близко-родственное ему? Исторія французскихъ реставрацій, движеній и реакцій представляетъ такое множество всевозможныхъ *coup d'état*, что едва-ли кто рѣшится отрицать, что французъ, сегодня заснувшій республиканцемъ, завтра можетъ проснуться полнымъ монархистомъ. Вторая имперія пала, но она оставила по себѣ такъ искусно сотканную сѣть просвѣщеннаго деспотизма, что слѣды его еще не скоро изгладятся въ Европѣ; она довела до изумительной отдѣлки и виртуозности свою хамелеоновскую политику, уроками которой еще долго будутъ пользоваться политическіе антрепренеры, въ родѣ Наполеона III. Никто не скажетъ, что вторая имперія была неудавшимся предпріятіемъ мечтателя; она существовала почти 20 лѣтъ и кто знаетъ, сколько-бы лѣтъ она еще прожила, если-бы Пруссія не прервала сонъ Франціи и не заставила ее встрепенуться подъ давленіемъ обрушившихся на нее золь.

Анонимный авторъ повѣсти «Депутатъ города Парижа» очень рельефно очертилъ политическое состояніе Франціи въ начальную эпоху второй имперіи. Изобразивъ въ яркихъ эпизодахъ темный міръ наполеоновской бюрократіи, авторъ живо выводитъ предъ нами различные политическія и журнальныя партіи въ ихъ непрерывной, мелкой борьбѣ. Но, набрасывая свои картинки, авторъ, кажется, помимо воли раскрылъ ту гнусную роль, которую играли французскіе адвокаты во дни второй имперіи. Трудно придумать болѣе утончен-

ную систему нравственного и политическаго лицемѣрія, чѣмъ тотъ «профессиональный либерализмъ», который вполнѣ созрѣлъ въ атмосферѣ второй имперіи и впоследствии далъ Франціи своего типическаго представителя въ лицѣ незабвеннаго Жюля Фавра. Вторую имперію справедливо упрекаютъ въ продажности ея адептовъ, въ систематическихъ подкупахъ на выборахъ; но замѣчательно, что между приверженцами бонапартизма найдется нисколько не менѣе, если только не болѣе, людей искренняго убѣжденія и готовыхъ на извѣстный героизмъ и самопожертваніе, чѣмъ съ кликѣ либеральныхъ парижскихъ адвокатовъ. Извѣстно, что либерализмъ всегда дорого цѣнится на столичномъ рынкѣ, и это очень хорошо знало правительство, которое, не тратя напрасно силъ, чтобы одержать побѣду на выборахъ въ Парижѣ, закидывало свои сѣти гдѣ-нибудь подальше, въ глубинѣ провинцій. Правительству нѣтъ выгоды платить въ три-дорога за парижскаго адвоката, когда за ту-же цѣну оно найдетъ цѣлый десятокъ провинціальныхъ депутатовъ, а парижскій адвокатъ не возьметъ мало, потому что столичная популярность даетъ ему много, гарантируя обширную практику и легко пріобрѣтаемый капиталъ. Какъ только адвокатъ вступаетъ на свое поприще, уже само по себѣ не слишкомъ благоприятное для выработки безкорыстныхъ и твердыхъ убѣжденій, какъ въ немъ является желаніе, нельзя-ли, подцѣпивъ какъ-нибудь популярность, увеличить доходы отъ своей практики двѣнадцатью тысячами франковъ депутатскаго жалованья; и вотъ онъ старается кстати и не кстати уснащать свои юридическія рѣчи либеральными фразами, долженствующими аттестовать его легковѣрной публикѣ, какъ неподкупнаго радикала. Но если судъ вздумаетъ подшутить надъ адвокатомъ и пристроить его на нѣсколько дней въ тюрьму за какую-нибудь нечаянно сорвавшуюся съ языка фразу, то репутація адвоката обезпечена на-долго, и на слѣдующихъ выборахъ онъ смѣло можетъ выступить кандидатомъ. Чѣмъ лучше, спрашивается, такой либераль офіціальный депутата, купленнаго правительствомъ за такую-то сумму, и не правъ-ли неисправимый консерваторъ, купецъ Пошмоль—одно изъ дѣйствующихъ лицъ «Депутата города Пиріжа»—когда онъ сравнилъ свои грубые товары съ деликатной профессіей депутата; встрѣтивъ двухъ юныхъ адвокатовъ, только-что прибывшихъ въ Парижъ составлять себѣ карьеру, онъ мѣтилъ имъ: «Вотъ, вы оба пріѣхали въ Парижъ сдѣлать карьеру адвокатовъ, говорилъ Пошмоль,—и я увѣренъ, что я скоро услышу прекрасныя рѣчи, которыя вы оба будете говорить; но неужели вы не знаете, что боль-

шая часть господъ, какъ вы, добиваются популярности?» — «Нѣтъ ничего дурного въ томъ, что люди добиваются популярности, возразилъ съ жаромъ Эмиль.» — «Нѣтъ, господа: но нѣтъ ничего дурного и въ томъ, что люди хотятъ продавать свои товары, отвѣчалъ со смѣхомъ суконщикъ. — Только я могу вамъ сказать, въ чемъ состоитъ главная ошибка людей, которые добиваются популярности: они обѣщаютъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько могутъ дать». И эти-то либералы и радикалы пробирались въ палату и держали въ своихъ рукахъ судьбу Франціи. Они называли себя независимыми депутатами и страна видѣла въ нихъ противовѣсь большинству законодательнаго собранія, составленному изъ владѣльцевъ разоренныхъ помѣстій, игроковъ биржи, набранныхъ изъ купеческихъ конторъ, изъ редакцій полуофіціальной прессы, съ заднихъ министерскихъ лѣстницъ и изъ дворцовыхъ переднихъ. Создать такую палату дѣло не совсѣмъ легкое, но Люи-Наполеонъ всегда выигрывалъ рискомъ, и когда онъ рѣшился положить свою голову въ пасть оппозиціонныхъ депутатовъ, онъ имѣлъ счастье понять, что его жизнь не только не подвержена ни малѣйшей опасности, но, напротивъ, еще болѣе обезопасена этой оппозиціей. Онъ умѣлъ приручить ее къ себѣ и хорошо понялъ, что дальше фразъ она никогда не пойдетъ, потому что это ей невыгодно. Правительство, разумѣется, имѣло возможность сократить оппозицію до нуля грубыми репрессіями и увеличенной ассигновкой на подкупы; ему ничего не стоило закрыть ротъ либеральнымъ говорунамъ звонкой монетой или нанять такъ называемыхъ сой, т. е. писателей оппозиціонной прессы, которые состоятъ на жалованьи у правительства и обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы сѣять раздоръ въ враждебномъ лагерѣ, обвиняя передовыхъ людей этой партіи въ отступничествѣ и изменѣ. Но это — роскошь, къ которой прибѣгали только въ крайнемъ случаѣ, такъ какъ либеральныя фразы оппозиціи всегда были невинны и очень рѣдко раздражали нервы повелителя, а между тѣмъ политическій декорумъ сохраненъ и самодержавный народъ пребывалъ въ наивномъ убѣжденіи, что онъ править страной посредствомъ своихъ довѣренныхъ. Но какъ управляли эти депутаты — это довольно типично изобразилъ авторъ «Депутата города Парижа», описавъ одно засѣданіе законодательнаго собранія. Одинъ изъ депутатовъ только-что окончилъ свою рѣчь. «Все собраніе, какъ-бы внезапно пробудившееся, не колеблясь ни минуты, наградило его единодушными криками. Члены, писавшіе домашнія письма, члены, спавшіе съ обращенными къ небу лицами или

игравшіе въ домино, — всѣ встрепенулись и кричали вызывающимъ тономъ: слушайте, слушайте! какъ будто въ собраніи была невидимая оппозиція, нарушавшая порядокъ на мифическихъ скамьяхъ лѣвой стороны и требовавшая, чтобы ее осадилъ. Тогда президентъ, ловкій государственный мужъ, украшенный красной лентой и звѣздой, посмотрѣвъ въ лежавшій на столѣ списокъ, пригласилъ другого депутата встать и сказать что-нибудь. Все это очень походило на обращеніе школьнаго учителя, который кричитъ: «Мальчикъ Дюваль, встаньте и спрягайте». Къ несчастью, для порядка засѣданія, достопочтенный членъ, котораго вызывали, не присутствовалъ по болѣзни; слѣдующаго за нимъ въ списокѣ не было по случаю смерти родственника, а третій депутатъ, котораго вызвалъ президентъ, еще не пріѣхалъ, — произошелъ неожиданный перерывъ. Ходъ преній былъ уже заранѣе опредѣленъ въ родѣ концертной программы. Но чтобы скептическая публика не имѣла предлога возроптать на достопочтенныхъ членовъ за то, что они мало дѣлаютъ дѣла за свои 3,120,000 фр. въ годъ. г. Грибо, министръ, и его превосходительство президентъ законодательнаго корпуса порѣшили между собой, чтобы ни одинъ проектъ закона не былъ представляемъ императору, не сопровождаемый приличнымъ количествомъ рѣчей. Они для этой цѣли выбрали членовъ, способныхъ говорить, причемъ предпочитались люди, умѣвшіе говорить цѣлыя часы, не сказавъ ровно ничего. Было положено, что членъ А. долженъ встать и говорить отъ двухъ часовъ до четверти третьяго; членъ Б. долженъ былъ говорить вслѣдъ за нимъ, отъ четверти третьяго до половины третьяго-же, а затѣмъ, когда члены В., Г. и Д. поговорятъ по очереди минутъ двадцать или полчаса, смотря потому, какъ будутъ расположены, самъ г. министръ Грибо долженъ былъ встать около пяти часовъ, разбить въ прахъ всѣ доводы ихъ, убѣдить ихъ отказаться отъ возраженій и поправокъ проекта, и добиться того, чтобы проектъ былъ принятъ единодушно къ шести часамъ, когда всѣмъ хотѣлось поскорѣе уѣхать за обѣдъ. Когда-же случалось, что члены В., Г. и Д. не пріѣзжали, то это равнялось отсутствію тенора, баса и баритона въ концертѣ. Происходило замѣшательство. Достопочтенные члены, писавшіе домашнія письма, грызли кончики перьевъ; цара, игравшая въ домино, въ ужасѣ ожидала, что ее вытащатъ изъ укромнаго уголка и заставятъ говорить волей-неволей. Г. Грибо, сидѣвшій съ сложенными руками и опущенной головой, повидимому, погруженный въ дремоту, хотя въ залѣ не было болѣе бодрствующаго, бдительнаго члена, досталъ часы, и увидѣвъ, что не хватало еще двухъ часовъ до шести, нахмурился.

Что было дѣлать? Приличіе не допускало министра просить кого-нибудь принести себя въ жертву и сказать рѣчь, равнымъ образомъ достоинство законодателя не позволяло президенту возгласить: «Я не допущу никого оставить собраніе, пока не получу мои три рѣчи». Въ этомъ затрудненіи глаза всѣхъ обратились на Ораса (оппозиціоннаго депутата, но избраннаго при содѣйствіи правительства). Что пользы имѣть одного члена оппозиціи, если онъ не готовъ декламировать цѣлыя часы по первому требованію!» И Орасъ всталъ съ намѣреніемъ выручить собраніе, хотя онъ не слышалъ ничего изъ рѣчи своего предшественника и даже мало знакомъ съ проектомъ, который подвергся обсужденію. Но Орасъ, какъ истинный французъ, не смутился этими пустяками, «какъ смутился-бы отпрыскъ другой націи съ менѣе хорошо привѣшеннымъ языкомъ», замѣчаетъ авторъ «Депутата».

Эта картина глубочайшей апатіи и, въ такомъ смыслѣ слова, «соннаго царства» нарисованная авторомъ такъ удачно, почти снята имъ съ природы, какъ и всѣ его эпизоды, въ которыхъ фигурируютъ подъ вымышленными, но весьма прозрачными именами главнѣйшіе дѣятели второй имперіи, какъ, напр., Гранье де Кассаньякъ, Миресь, Оливье, Тьеръ и т. д.

Беллетристическая сторона повѣсти «Депутатъ города Парижа» довольно интересна и не лишена художественныхъ штриховъ. Авторъ воспользовался ею, какъ средствомъ, чтобы сообщить изложенію своихъ политическихъ воззрѣній легкую, занимательную форму, но эта форма находится въ живой связи съ содержаніемъ, а не прибавлена къ ней,—въ видѣ тѣхъ усладительныхъ суррогатовъ, которыми подслащаютъ для дѣтей горечь необходимаго, но скучнаго ученія, какъ это часто дѣлается въ тенденціозно-политическихъ романахъ послѣдняго времени. Къ сожалѣнію, авторъ «Депутата» не избѣгъ общей участи французскихъ беллетристовъ и заплатилъ свою дань приторному мелодраматизму. Окончаніе его повѣсти озадачиваетъ читателя такими странными недѣлостями, которыхъ, казалось-бы, нельзя было ожидать по началу. Окончаніе рѣшительно не вяжется съ повседневыми фактами реальной дѣйствительности. Надѣливъ жену своего героя, Ораса Жерольда, качествами полуидiotки, деревяннаго, но красиваго манкена, авторъ заставляетъ ее затѣмъ разыгрывать роль, которая не можетъ быть по силамъ ея маленькой душѣ, требуя для своего исполненія далеко не дюжиннаго характера. Въ послѣднихъ-же главахъ Анжелины, жена Ораса, обнаруживаетъ совершенно несвойственную ей куриной натурѣ глубину

чувства и душевное напряженіе, когда она убѣдилась, наконецъ, что мужъ не любитъ ее и что сердце его занято нѣкой дѣвицей Жоржеттой, — личность также не совсѣмъ удачно очерченная авторомъ, хотя она несравненно естественнѣе Анжелины. Только случайно найденная записка могла навести на мысль слабоумную Анжелипу, что Орасъ чуждъ всякой привязанности къ ней, но сдѣлавъ это печальное открытіе, она вся перерождается и вмѣсто слабаго ребенка, каковыя она всегда была, вы видите предъ собой одинъ изъ тѣхъ возвышенныхъ женскихъ характеровъ, удивительныхъ въ простотѣ своего самоотверженія, которыми злая историческая доля не даетъ много исхода изъ повседневной драмы жизни, кромѣ самоубійства. Не злоба и не ревность давили мозгъ бѣдной Анжелины; ее терзало сознаніе, что «назначеніе ея жизни сдѣлать счастливымъ дорогого человѣка исчезло навсегда», что она заняла мѣсто, которое по праву должно принадлежать Жоржеттѣ. Она отправилась гулять по парку, и увидѣла свѣтлую полосу воды, сверкавшую между зеленью. Это было глубокое озеро; посреди него поднимался островъ зелени, и на немъ навильонъ, надъ гротомъ. «Пойдемъ туда, милая тетя, сказала она тихо. — Часть сада была пустынна; вода казалась черной отъ тѣни густой темной листвы и наступавшаго вечера. Гротъ чернѣлъ въ темнотѣ. — «Милая, какъ все здѣсь напоминаетъ кладбище, замѣтила тетюшка Доротея, немного испугавшись». Едва-ли нужно продолжать дальше; читатель, вѣроятно, догадается, что прогулка Анжелины завершится трагической катастрофой паденія ея въ озеро, а затѣмъ неизбѣжной смертью, такъ какъ въ этихъ случаяхъ авторы никогда не допускаютъ своевременной помощи, хотя-бы утопленіе происходило подъ носомъ у цѣлой сотни людей. Все, что могъ сдѣлать авторъ, — это вытащить трупъ несчастной утопленницы вмѣстѣ съ роковой усѣшкой, но за то онъ изобрѣлъ новое самоубійство. Лишь только Орасъ узналъ объ участи Анжелины, онъ бросился къ берегу озера, гдѣ лежалъ трупъ Анжелины, бросился, прочелъ поданную ему записку и, какъ снопъ, повалился рядомъ съ трупомъ жены. «Онъ былъ мертвъ» торжественно заключилъ авторъ свою повѣсть, къ немалой радости читателя, который могъ ожидать, что, продолжая свою повѣсть, авторъ переморить всѣхъ ея дѣйствующихъ лицъ по очереди. Но это было-бы ужъ слишкомъ роскошно даже для такой публички, которая управлялась двадцать лѣтъ сонными депутатами и для такой дѣтской фантазіи, какъ фантазія автора разобранной нами книжки.

Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Изъ путешествій 1857—1858 и 1869—1870 годовъ. Соч. Эдуарда Циммермана. Въ 2-хъ частяхъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1873 г.

Эдуардъ Циммерманъ приобрѣлъ себѣ у насъ нѣкоторую извѣстность своими «Путешествіями по Америкѣ», и наши читатели уже давно знакомы съ общимъ характеромъ, съ достоинствами и недостатками его произведеній. Потому намъ нѣтъ надобности откомендовывать его публикѣ, обстоятельно исчисляя всѣ добродѣтели и пороки автора «Соединенныхъ Штатовъ». Читатели и безъ насъ знаютъ, что нашъ «спеціалистъ по Америкѣ» не Богъ знаетъ какой глубокой мыслитель и не особенно проникательный путешественникъ,—что онъ болѣе способенъ *наблюдать*, чѣмъ *изучать*, жизнь дважды посѣщенной имъ страны, что онъ предрасположенъ относиться къ ней скорѣе *симпатически*, чѣмъ *критически*, что, вслѣдствіе этого, въ его описаніяхъ преобладаетъ субъективизмъ и односторонность, — но что за всѣмъ тѣмъ въ нихъ собрано много драгоценнаго матеріала для изученія американской жизни, что его рассказъ всегда отличается увлекательною простотою, что въ немъ нѣтъ никакой фальши, никакой сознательно-допущенной лжи и лицемерія. Хотя онъ смотритъ на свою спеціальность, т. е. на Америку, немножко пристрастно (что и простиительно «спеціалисту»), но это обстоятельство не только не умаляетъ, напротивъ, возвышаетъ значеніе его «американскихъ писемъ» и «путешествій». Они получаютъ для насъ *особый* интересъ: помимо той пользы, которую можетъ принести ихъ чисто фактическое содержаніе,—мысль, которую вложилъ въ нихъ авторъ, его благородныя и всегда честныя симпатіи должны сами по себѣ производить благотворное, гуманизирующее вліяніе на читателей. Въ книгѣ, изданной теперь г. Солдатенковымъ, читатель, слѣдящій за русскими журналами, не найдетъ ничего новаго; почти всѣ статьи, вошедшія въ ея составъ, были уже напечатаны (и нѣкоторыя не далѣе, какъ въ прошломъ году) въ Русскомъ Вѣстникѣ, Вѣстникѣ Европы, Отечественныхъ Запискахъ и Русской Лѣтописи. Происхожденіе этой книги и ея отношенія къ другой его книгѣ «Путешествіе по Америкѣ» самъ авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ.

Извѣстно, что онъ дважды посѣщалъ Америку; въ первый разъ

онъ ѣздилъ туда въ 1857 г. въ сопровожденіи кн. Хилкова, и описаніе этого путешествія было напечатано имъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1858—1859 г. Второй разъ онъ былъ въ Америкѣ уже одинъ въ 1869—1870 г. Письма, писанныя во время этой второй поѣздки, тогда-же печатались въ Русской Лѣтописи; а потомъ они вышли отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ «Путешествіе по Америкѣ». — «Эти письма, говоритъ авторъ, не могли, конечно, исчерпать весь матеріалъ, собранный мною во время переездовъ съ мѣста на мѣсто; а между тѣмъ дополнить ихъ впоследствии не вошедшими въ нихъ свѣденіями оказалось на дѣлѣ неудобноисполнимымъ. Потому самое путешествіе было перепечатано вторымъ и третьимъ изданіемъ лишь съ весьма незначительными измѣненіями и дополненіями. Для того же, чтобы по возможности воспользоваться имѣющимися подъ руками непечатанымъ еще матеріаломъ, я и рѣшился изложить собранныя свѣденія о Соединенныхъ Штатахъ въ родѣ отдѣльныхъ, по вѣншему свойству изложенія, независимыхъ другъ отъ друга статей». При этомъ нужно еще замѣтить, что кромѣ новыхъ свѣденій, собранныхъ во второе путешествіе, — въ книгу цѣликомъ вошло нѣсколько статей изъ перваго путешествія въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были напечатаны въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1859 г. допущено также много перепечатокъ изъ «Путешествія по Америкѣ». Самыя интересныя статьи во всей книгѣ: «Чикаго», «Школа и народное образованіе въ Штатахъ» и «Основаніе новыхъ Штатовъ въ Америкѣ» — перепечатаны изъ Вѣстника Европы и Отечественныхъ Записокъ. Сопоставленіе наблюденій перваго путешествія, съ данными, собранными во второе, должно-бы было привести, повидимому, къ уясненію тѣхъ общественныхъ, экономическихъ и политическихъ послѣдствій, которыя оставила послѣ себя война сѣвера съ югомъ. Однако, съ этой стороны, книга Циммермана не представляетъ почти никакого интереса. Только въ двухъ статьяхъ (Флорида до и послѣ войны, стр. 193 — 224 и «отъ Сенъ-Льюса до Мексиканскаго Залива», стр. 35—50) читатель найдетъ кое-какія бѣглыя и довольно поверхностныя замѣчанія о положеніи невольничьихъ штатовъ до и послѣ войны, или, лучше сказать, послѣ освобожденія негровъ. Судя по словамъ Циммермана, можно думать, что теперь между плантаторами и ихъ недавними рабами, между бѣлыми и черными устанавливаются или даже уже установились (см., напр., то, что онъ говоритъ о положеніи негровъ на сахарныхъ плантаціяхъ Лузіаны, стр. 43, ч. II) совершенно мирныя и болѣе или менѣе равноправныя отношенія. Плантаторы дорожатъ неграми, какъ отличны-

ми работниками, и охотно назначают имъ высокую плату (кроме дома съ огородомъ и харчей,—въ Лузианѣ негръ получаетъ отъ 16—20 долларовъ въ мѣсяцъ); а негры, съ своей стороны, не чувствуютъ желанія покидать «насиженныхъ» уголковъ, привычныхъ занятій и климата, мѣнять свое, хотя и не блестящее, но все-же обеспеченное положеніе—на неопредѣленное блужданіе за «лучшимъ счастіемъ». Впрочемъ, и оставаясь на мѣстѣ, они постоянно улучшаютъ свое положеніе, вынуждая хозяевъ увеличивать задѣльную плату. «Плавтаторы, говоритъ Циммерманъ, не желая лишиться лучшихъ своихъ работниковъ, большею частью, уступаютъ ихъ требованіямъ». Безъ сомнѣнія, освобожденіе негровъ нанесло непоправимый ударъ плантаторскому хозяйству, но, какъ видно изъ послѣднихъ статистическихъ данныхъ, оно не только не уменьшило, но, напротивъ, значительно усылило производство хлопка и сахара. Циммерманъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ: Техасъ въ 1860 г. доставлялъ на рынокъ около 400,000 тюковъ очищеннаго хлопка, а въ 1870 г. число ихъ превышало 500,000 тюковъ; при этомъ почти все означенное количество хлопка было доставлено не прежними рабовладѣльцами, а фермерами или неграми-аревдаторами. «Въ городахъ, черезъ которые случалось проѣзжать намъ, говоритъ нашъ путешественникъ, купцы въ одинъ голосъ повторяли, что они никогда прежде не торговали такъ хорошо, какъ съ того времени, когда освобожденные негры стали воздѣлывать хлопокъ на свою руку. Такъ, благодаря американской системѣ переселенія, негры, хотя и безъ земли отпущенные на волю, пользуются нынѣ въ Техасѣ и свободой и гражданскою равноправностью, которая для нихъ не остается одной лишь мертвой буквой закона...» (стр. 105, ч. II). Конечно, «американская система переселенія» играла тутъ весьма незначительную роль. Если освобожденіе негровъ безъ земли не имѣло на ихъ судьбу (т. е. по наблюденіямъ Циммермана) губительнаго и роковаго вліянія, которое-бы оно имѣло во всякой другой странѣ, то причину этого слѣдуетъ искать не въ свободѣ передвиженія, а въ счастливомъ экономическомъ положеніи Америки, въ ея необъятномъ земельномъ богатствѣ. Хотя населеніе Америки увеличивается почти съ безпримѣрною быстротою, однако, оно все еще такъ рѣдко, и свободныхъ, незанятыхъ земель такъ много, что, по сравненію съ Европою, Соединенные Штаты могутъ быть безъ преувеличенія названы *пустынею*. Въ то время, какъ въ Англии на 1 кв. километръ приходится болѣе чѣмъ 100 чел. жителей, въ Бельгій болѣе 170; во Франціи и Германіи болѣе 70, а во всей Евро-

пѣ (считая и Россію), среднимъ числомъ, болѣе 32 чел., а въ густотѣ населенныхъ Штатахъ на то-же пространство едва насчитывается 4 чел. Даже Россія, одна изъ безлюднѣйшихъ странъ стараго Свѣта, по густотѣ своей населенности болѣе чѣмъ въ три раза превосходитъ Америку. Однако, обиліе свободныхъ земель—взятое само по себѣ, было-бы еще недостаточно для того, чтобы поставить Америку въ тѣ, сравнительно говоря, счастливыя соціальныя условія, въ которыхъ она находится. Безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать, что Соединенные Штаты *остыли*, что они имѣютъ, *остыли*, чѣмъ они такъ счастливо отличаются отъ старой Европы, всею своею свободою, благосостояніемъ и интеллектуальнымъ развитіемъ, *исключительно* обязаны своей системою колонизаціи. И вотъ именно лежащее передъ нами сочиненіе Циммермана представляетъ превосходный матеріалъ, для оцѣнки началъ этой системы и тѣхъ великихъ соціальныхъ послѣдствій, къ которымъ оно неизбежно должно было привести. Въ этомъ, какъ намъ кажется, заключается существенное значеніе и главное достоинство разбираемой книги. Авторъ касается съ различныхъ сторонъ американской колонизаціи, подробно излагаетъ ея теоретическія основанія, знакомитъ насъ съ возникновеніемъ американскихъ общинъ и городовъ и, наконецъ, посвящаетъ цѣлую обширную статью (см. ч. II, стр. 50—84) исторіи послѣдовательнаго развитія «новаго штата». Читатель какъ-бы присутствуетъ при самомъ зачатіи и образованіи американской цивилизаціи; передъ нимъ наглядно воспроизводится весь сложный процессъ исторіи Новаго Свѣта и онъ начинаетъ понимать, почему Новый Свѣтъ такъ мало похожъ на Старый, несмотря на то, что онъ всю свою мудрость заимствовалъ отъ послѣдняго и что во всѣхъ своихъ построеніяхъ онъ пользовался лишь старыми матеріалами, оказавшимися въ Европѣ «негодными къ употребленію.»

Особенно поучительна въ этомъ отношеніи исторія заселенія Техаса. «Ни одинъ изъ внутреннихъ штатовъ по ту сторону Миссисипи не подвергался, говорить г. Циммерманъ, въ короткій срокъ послѣднихъ десятилѣтій такимъ измѣнчивымъ системамъ колонизаціи, какъ Техасъ» (стр. 84). Когда имъ владѣли испанцы, то Техасъ представлялъ обширную пустыню: испанское правительство, желая оградить свои мексиканскія владѣнія отъ вреднаго духа сѣверо-американскихъ республиканцевъ, всячески старалось препятствовать его заселенію. Иностранцы, дерзавшіе селиться въ нѣкѣмъ не занятой странѣ, вмѣсто поощреній и гарантіи, отводились въ тюрьму и предавались во власть іезуитовъ. Въ 1824 году Мехика, какъ из-

вѣстно, отдѣлилась отъ Испаніи. По примѣру Вашингтонскаго союза она образовала независимую республику, состоявшую изъ нѣсколькихъ штатовъ, въ числѣ которыхъ былъ и пустынный Техасъ. Чтобы загладить ошибки испанскаго правительства, юная республика дѣлательно принялась за колонизацію своихъ пустынь; но въ основѣ принятой ею системы были положены феодально-аристократическіе принципы старой Европы. Правительство предоставляло *ex даръ* частнымъ лицамъ огромныя пространства земель, такъ называемые *гранты* (grants), и затѣмъ эти обладатели грантовъ уже сами должны были заботиться о заселеніи своихъ обширныхъ помѣстій опредѣленнымъ числомъ семей. При такой системѣ колонизаціи, породившей съ самаго начала крупное землевладѣніе, населеніе Техаса, несмотря на благопріятныя почвенныя и климатическія условія, въ цѣлое десятилѣтіе достигло едва 16,000 чел., между тѣмъ, въ тотъ-же періодъ времени, въ штатѣ Индіанѣ, благодаря разумнымъ принципамъ сѣверо-американской колонизаціи, населеніе увеличилось на цѣлыхъ 200,000 чел. Въ 40-хъ годахъ Техасъ присоединился къ сѣверо-американской республикѣ. Съ перемѣною правительства измѣнилась и система колонизаціи: въ замѣнъ господствовавшей прежде раздачи многоземельныхъ грантовъ, страна была открыта, согласно принципамъ сѣверо-американской системы, для свободнаго заселенія всякаго рода земледѣльцами. Начался быстрый наплывъ эмиграціи, и въ 1850 г. число жителей возросло до 200,000 чел. Однако, крупное землевладѣніе, разъ введенное въ страну,—не могло не отразиться гибельнымъ образомъ на ея дальнѣйшихъ судьбахъ. Многоземельные помѣщики, желая вытѣснить и подавить вторгавшуюся въ ихъ предѣлы малоземельную фермерочную собственность, невольно тяготѣли къ дешовому труду, къ рабству, т. е. къ югу, а въ свою очередь, и южные плантаторы видѣли свой прямой интересъ въ распространеніи «священныхъ» принциповъ невольничества на новообразовавшейся штатъ. Такимъ образомъ, взаимное притяженіе соединило Техасъ съ югомъ и овъ былъ причисленъ къ невольничьимъ штатамъ. Однако, рядомъ съ невольничествомъ тамъ существовало, какъ мы видѣли, и свободное фермерство, тянувшее, само собою разумѣется, къ сѣверу. Междоусобная война рельефно обнаружила это различіе интересовъ населенія одного и того-же штата,— различіе, обусловленное двумя различными системами колонизаціи. Техасъ, раздѣленный на двѣ партіи: сѣверянь и южанъ, не зналъ, къ какой сторонѣ пристать. Овъ вилялъ, колебался, лицемѣрилъ. И овъ дорого поплатился за свою нерѣшительность: и южане и сѣве-

ряне не щадили его; но за то бѣдствія, вынесенныя имъ во время всйны очистили его отъ гнойныхъ язвъ рабства и окончательно подорвали въ немъ гибельный принципъ крупнаго землевладѣнія. Сѣверо-американская система колонизаціи получала полное право гражданства и новое тѣхасское правительство опредѣляло точныя границы существующихъ владѣній, постановило всякія дальнѣйшія притязанія лицъ, предъявляющихъ свои права на «гранты» считать незаконными и подлежащими уничтоженію. Затѣмъ былъ утвержденъ слѣдующій законъ: «законодательное собраніе впредь не должно имѣть право жаловать земли какому-бы то ни было лицу или лицамъ, потому контора, завѣдующая землями (Landoffice), никому не должна продавать свидѣтельства на участки, исключая только дѣйствительнымъ поселенцамъ на таковыхъ и при томъ въ размѣрахъ, не превышающихъ 160 акровъ на cadaго».

«Всякому главѣ семейства, не владѣющему вотчиною ¹⁾, предлагается въ даръ 160 акровъ на общественныхъ земляхъ съ условіемъ, чтобы онъ самъ выбралъ для себя таковой, водворился на немъ, воздѣлывалъ бы его втеченіи трехъ лѣтъ и внесъ бы поземельную пошлину (такія-же точно обязательства несетъ и всякій вотчинникъ). Всякому одинокому холостяку 21 года предлагается въ даръ участокъ въ 80 акровъ на общественныхъ земляхъ, на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и главѣ семейства». «Послѣ такихъ распоряженій правительства, говоритъ Циммерманъ, эмиграція съ новою силою устремилась въ Техасъ, такъ что въ послѣдніе два, три года населеніе страны, не такъ еще давно не превышавшее 600,000 человекъ, возрасло до 800,000. Теперь оно продолжаетъ возрастать, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ. Поезды желѣзныхъ дорогъ едва успѣваютъ перевозить тысячи переселенцовъ» и т. д. (стр. 93).

Тѣ-же принципы лежатъ и въ основѣ сѣверо-американской колонизаціонной системы. Она, главнымъ образомъ, заботится о томъ, чтобы не допустить образованіе крупнаго землевладѣнія и воспрепятствовать денежнымъ спекуляторамъ «играть» въ покунку и перепродажу земель. Съ этою цѣлью размѣръ участка правительственной земли, который поселенецъ могъ пріобрѣтать по умѣренной цѣнѣ

¹⁾ Въ 1862 г. Вашингтонскій конгрессъ издалъ такъ называемый *вотчинный законъ* (Homestead law), въ силу котораго всякій глава семейства, всякій мужчина 21 года, если онъ гражданинъ штата или заявляетъ намѣреніе сдѣлаться имъ, имѣетъ право на владѣніе нѣмѣмъ еще не занятымъ участкомъ не свыше 160 акровъ. Этотъ участокъ называется *вотчиною*.

(а именно по 1 доллару, 25 центнеровъ за акръ) былъ опредѣленъ не свыше 160 акровъ¹⁾). При томъ, если каждый предъявившій право на участокъ, поставилъ на немъ какое-нибудь жилище и въ первый-же годъ подвергъ часть земель обработкѣ. Съ 1863 года закономъ о вотчинномъ владѣніи плата за земельный надѣлъ была совсѣмъ отмѣнена. Было признано, что «общественныя земли составляютъ принадлежность всего народа и что каждый земледѣлецъ имѣетъ право *бесплатно* пользоваться ими, въ опредѣленныхъ размѣрахъ.»—Въ силу этого принципа каждый глава семейства, каждый мужчина 21 года получилъ право на владѣніе нибѣмъ не занятаго участка, величиною не свыше 160 акровъ. Чтобы имѣть возможность осуществить это право, онъ долженъ удовлетворить слѣдующимъ условіямъ: быть гражданиномъ штата или, по крайней мѣрѣ, заявить намѣреніе поступить въ гражданство; дать клятвенное завѣреніе, что пріобрѣтаетъ землю собственно для себя, съ цѣлью поселиться на ней и обрабатывать ее. Затѣмъ онъ вводится во владѣніе, а черезъ 5 лѣтъ получаетъ патентъ, окончательно закрѣпляющій за нимъ право на собственность. До полученія такого патента перепродажа участка строго воспрещается. Если втеченіи пяти лѣтъ земледѣлецъ хоть разъ отлучится изъ своего дома болѣе, чѣмъ на 6 мѣсяцевъ, то онъ лишается права на владѣніе. Впрочемъ, онъ можетъ въ этомъ случаѣ внести установленную плату за вотчинный участокъ (т. е. по $\frac{1}{4}$ доллара за акръ) и пріобрѣсти его въ собственность на общихъ основаніяхъ. Но все-таки онъ не будетъ уже пользоваться преимуществами вотчиннаго владѣнія. Къ такимъ преимуществамъ относятся: 1) освобожденіе вотчинныхъ земель отъ налоговъ и 2) неотвѣтственность ихъ за долги, сдѣланные владѣльцемъ до полученія патента на владѣніе. «Въ нѣкоторыхъ штатахъ, говоритъ Циммерманъ, какъ, напримѣръ, въ Миннесотѣ, послѣдняя статья получила еще болѣе широкое развитіе въ интересахъ бѣднѣйшихъ классовъ. А именно въ этой статьѣ значитса:

«Имущество какого-либо жителя штата, состоящее не болѣе, какъ изъ 80 акр. (т. е., по нашему, изъ 29, 6 десятинъ) вмѣстѣ съ домошъ и пристройками, и сверхъ того соотвѣтственное количество мебели, домашней утвари, земледѣльческихъ орудій, книгъ, инструментовъ, жизненныхъ припасовъ, топлива, экипажей, лошадей, скота крупнаго и мелкаго и къ тому запаснаго товара, цѣнностью на 400 долларовъ, не могутъ подлежать ни запрещенію, ни продажѣ судеб-

¹⁾ Въ нашей десятинѣ около 2,7 акровъ.

нымъ порядкомъ, вслѣдствіе какихъ-бы то ни было долговыхъ обязательствъ, ни вслѣдствіе какого-либо процесса» (ч. II, стр. 60).

Признавъ, такимъ образомъ, принципъ даровой раздачи земель, отнявъ возможность у денежныхъ плутократовъ спекулировать на счетъ общественной собственности, принявъ мѣры къ ограниченію развитія крупнаго землевладѣнія, правительство Соединенныхъ Штатовъ, желая въ то-же время сдѣлать для каждаго доступными и легко осуществимыми выгоды своихъ аграрныхъ законовъ, устранило всякіе излишніе формальности и расходы, сопряженные съ пріобрѣтеніемъ земельного участка, и ввело столько же простую, сколько и рациональную систему разверстки общественныхъ земель. Подробности объ этомъ читатели найдутъ въ книгѣ Циммермана, стр. 56—60 и слѣд. Благотворныя послѣдствія разумнаго отношенія американскаго правительства къ земельному и колонизаціонному вопросу давно уже блистательно оправдали себя на практикѣ. «Прослѣдивъ изъ году въ годъ, говоритъ Циммерманъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе за стройнымъ движеніемъ колонизаціи на американскомъ материкѣ, нельзя не удивляться тому образцовому порядку, благодаря которому, при личной свободѣ и полной нестѣсняемости переселенцевъ въ отношеніи выбора участковъ, съ сложившихся колоніяхъ не возникаетъ ни недоразумѣній, ни споровъ касательно правъ собственности.» (стр. 55). Америка представляетъ единственную страну во всемъ свѣтѣ и во всей исторіи (насколько она намъ извѣстна), заселеніе которой совершается не помощью грубаго насилія и произвола, не подъ вліяніемъ слѣпого случая, непредвидѣннаго стеченія обстоятельствъ, а при пособіи строгой, научной системы, подъ вліяніемъ рациональнаго, осмысленнаго расчета. Въ этомъ-то различіи способа занятія земель и заключается все различіе американской и европейской цивилизацій; имъ обуславливаются всѣ дальнѣйшія особенности, всѣ своеобразныя черты общественной, политической и юридической жизни,—весь ходъ исторіи Стараго и Новаго свѣта. Свободное, ничѣмъ не стѣсняемое заселеніе земли, чуждое насилія, притѣсненій и привилегій, заставляетъ поселенцевъ группироваться въ свободныя экономическія общины; общины эти хотя и основаны на началахъ личнаго землевладѣнія, но совершенно очищены отъ всякихъ феодальныхъ и аристократическихъ элементовъ; въ нихъ преобладаетъ мелкое хозяйство, и никакая крупная собственность не дѣлаетъ имъ конкуренціи. При такихъ счастливыхъ условіяхъ между собственниками устанавливается болѣе или менѣе полное экономическое равенство, и, какъ его естественное послѣдствіе, равенство юридиче-

ское и политическое. Америка представляет для историка и социолога — наилучшій и, можетъ быть, единственный во всемъ мѣрѣ образчикъ рациональнаго, естественнаго, уединеннаго отъ всякихъ постороннихъ вліяній образованія политическихъ и юридическихъ формъ быта изъ формъ чисто экономическихъ. Нигдѣ такъ хорошо, какъ здѣсь, нельзя прослѣдить этого *выростанія* юридическихъ и политическихъ отношеній изъ отношеній чисто экономическихъ; этого постепеннаго *облаченія* экономической структуры общества въ одежды государственности. Происходить-же это оттого, что здѣсь правительственная, центральная власть не вмѣшивается въ регламентированіе юридической и политической жизни экономической общины. Она не навязываетъ ей *извнѣ* заранее опредѣленныхъ формъ этой жизни; она предоставляетъ ей *создать* эти формы изъ *самой себя*, т. е. изъ своихъ экономическихъ потребностей. Благодаря этому обстоятельству, въ исторіи каждаго новаго образующагося штата мы можемъ слѣдить шагъ за шагомъ процессъ зарожденія и послѣдовательнаго развитія политической и юридической жизни подъ исключительнымъ вліяніемъ однихъ только чисто экономическихъ условій. Процессъ этотъ весьма просто и наглядно представляетъ намъ г. Циммерманъ, въ статьѣ «Основаніе новыхъ штатовъ въ Америкѣ» (ч. 2, стр. 50—84), и эту главу мы рекомендуемъ особенному вниманію нашихъ читателей. Вмѣстѣ съ статьєю «Школа и народное образованіе въ штатахъ» (ч. 1, стр. 127 — 182) она составляетъ самую интересную и поучительную часть книги. Большая часть остальныхъ главъ (въ родѣ, напр., «Водопадъ Ніагара», «Мамонтова пещера» и т. п.) для читателя, знакомаго съ «Путешествіемъ по Америкѣ», того-же автора, не имѣютъ уже никакого существеннаго значенія; онъ можетъ совѣсть не читать ихъ. Особенно мы бы посоветовали ему это сдѣлать со статьєю о мормонахъ (ч. 2, стр. 107—140). Статья эта одна изъ самыхъ неудовлетворительныхъ во всей книгѣ: она написана съ крайнею односторонностью и съ какимъ-то нелѣпымъ полемическимъ задоромъ, крайне комичнымъ и неумѣстнымъ со стороны иностранца, и притомъ еще иностранца, желающаго фигурировать въ роли «безпристрастнаго наблюдателя.» Въ этомъ случаѣ субъективизмъ автора, о которомъ мы уже упоминали выше, хотя и дѣлаетъ большую честь его нравственнымъ правиламъ, но, къ несчастію, вредитъ фактическому изложенію дѣла.

Первобытная Культура. Изслѣдованія развитія мифологіи, философіи, религіи, искусства и обычаевъ. Эдуарда Б. Тэйлора, автора „Изслѣдованій древнѣйшей исторіи человѣческаго рода. Съ англ. подъ ред. Д. А. Боропчевскаго. Томъ I. Изд. ред. журнала „Знаніе“. Спб. 1872. Цѣна 3 р. с.

Капитальное произведеніе Тэйлора, съ которымъ русской публикѣ предстоитъ познакомиться, возбуждаетъ сильный интересъ, независимо отъ спеціальныхъ обобщеній и разнообразныхъ выводовъ, тѣсно связанныхъ съ ближайшимъ предметомъ изслѣдованій знаменитаго англійскаго ученаго. Разрѣшая общіе вопросы интеллектуальнаго развитія первобытнаго человѣчества, авторъ тѣмъ самымъ подвергаетъ испытанію и тѣ критическіе приемы и методы изслѣдованія, которымъ суждено, повидимому, приобрести право гражданства въ исторической наукѣ вообще. Отъ прогресса въ сферѣ мысли, выразившейся въ созданіи мифологіи, философіи, религіи, искусства и обычаевъ, ни чѣмъ не можетъ отличаться прогрессъ политической жизни народовъ и ихъ общественныхъ и экономическихъ отношеній. Тэйлоръ, къ сожалѣнію, выдѣляетъ изъ своихъ изслѣдованій политическую исторію и ни однимъ намекомъ не даетъ понятія объ ея связи съ умственной культурой. Конечно, это значительно облегчаетъ его задачу, но нельзя не замѣтить, что отведенныя ей рамки въ высшей степени искусственны и могли быть созданы только въ видахъ кабинетной системы, а не исторической истины во всей ея жизненной широтѣ. Тѣмъ не менѣе начала, изъ которыхъ исходитъ Тэйлоръ, такъ удачно обобщены его свѣтлымъ умомъ, что не остается никакого сомнѣнія въ ихъ примѣнимости къ политическому и общественному движенію народовъ.

Самымъ важнымъ и рѣдкимъ достоинствомъ настоящей книги Тэйлора читатель, вѣроятно, сочтетъ пріятное отсутствіе въ ней резонерства и субъективной догматики. Авторъ съумѣлъ отдѣлаться отъ нелѣпой, свойственной многимъ историкамъ привычки налагать на тѣ или другіе историческіе факты, на то или другое состояніе общественнаго развитія, пошлую печать роковой необходимости и детерминизма. Объясняя замѣчаемыя имъ явленія умственной жизни, онъ воздерживается отъ оправданія ихъ и не утверждаетъ, что они справедливы, разумны и полезны только потому, что они понятны и происходятъ по извѣстнымъ законамъ, которые могутъ быть открыты и изучены (стр. 12). Общая картина умственнаго развитія наро-

довъ, вытекающая изъ частнаго обзора первобытной культуры, имѣеть свои тѣневые и свѣтлые штрихи. Она не окрашена ни въ мрачный цвѣтъ узкихъ пессимистовъ, ни въ розовый — мечтательныхъ оптимистовъ. Общество двигалось впередъ не гигантскими и не черепащими шагами; однако, все-таки, двигалось по направленію, которое имѣеть форму кривой линіи, и жалобы увядающей старости о величїи прошлаго и ничтожествѣ настоящаго лишены всякаго смысла. Эти жалобы составляютъ общую болѣзнь человѣческаго ума, свойственную, какъ современному поколѣнію нашихъ отцовъ и дѣтей, такъ и древнѣйшимъ и первобытнымъ племенамъ. Такъ, по словамъ Тэйлора, парсы имѣли обыкновеніе уноситься въ своихъ воспоминанїяхъ до своего короля Иима, къ давно минувшимъ вѣкамъ, «когда люди и скотъ были безсмертны, когда источники и деревья никогда не высыхали и пища не истощалась, когда не было ни холода, ни жаровъ, ни зависти, ни старости». Буддисты вспоминаютъ о незапамятныхъ временахъ прежняго блаженства, когда люди были прекрасными воздушными существами, «не имѣли ни грѣха, ни пола, ни нужды въ пищѣ, до той несчастной минуты, когда они, отвѣдавъ сладкой пѣны, образовавшейся на поверхности земли, сдѣлались злыми, и затѣмъ осуждены были питаться рисомъ, рождать дѣтей, строить жилища, дѣлить собственность и устанавливать посты». Затѣмъ, въ послѣдующіе вѣка, человечество непрерывно вырождалось... Царь Шетїа сказалъ первую ложь, и граждане, услышавши объ этомъ, и не зная, что такое ложь, спрашивали, какая она — бѣлая, черная или голубая. Человѣческая жизнь становилась короче и короче, и король Мага-Сагара, послѣ короткаго 252,000 лѣтняго царствованїя, сдѣлалъ печальное открытіе перваго сѣдого волоса» (стр. 37). Быть можетъ, только скудость фантазіи не позволяетъ завираться нашимъ отцамъ до созданїя такихъ легендъ, но безъ сомнѣнїя, этимъ грандіознымъ вымысламъ совершенно однородно стремленіе современныхъ антикваріевъ слагать панегирики прошедшему и клеймить ненавистное настоящее, управлять которымъ они больше уже не въ состоянїи. Это стремленіе долго господствовало въ наукѣ и даже въ настоящее время отъ него не свободны нѣкоторые ученые, которые доходятъ въ односторонности своей критики современнаго состоянїя общества до нелѣпаго заключенїя о повсемѣстномъ вырожденїи человѣческаго рода. Повятно, что въ прежнія времена теорїя вырожденїя должна была получить сильное распространеніе, какъ между учеными, такъ и обыкновенными людьми. Школа католическихъ писателей-этнологовъ создала даже особую теорїю развитїя человѣческихъ обществъ, въ силу которой люди дошли до дикаго состоянїя путемъ

постепеннаго упадка какой-то высшей культуры, для которой нѣтъ и не будетъ на этой землѣ достойнаго образца. Французскій ученый Гогэ упражнялъ свое остроуміе въ измышленіи различныхъ обычаевъ и изобрѣтеній, которые были свойственны людямъ до потопа, но имъ уничтожены. Разумѣется, съ такими мнѣніями, основанными на грубыхъ предразсудкахъ, нельзя бороться на почвѣ фактовъ и опытнаго знанія. Но иногда приверженцы теоріи вырожденія приводятъ въ защиту ея факты изъ исторіи древней и даже новѣйшей культуры, которые, по мнѣнію Тэйлора, не имѣютъ, однако, большого значенія и никакъ не говорятъ въ пользу возможности упадка высшей цивилизаціи до степени первобытнаго варварства. Правда, что въ средѣ цивилизованныхъ обществъ такъ называемые «опасные классы», воры и нищія, оказываются еще ниже какихъ-нибудь папуасовъ Новой Каледоніи, «но это, замѣчаетъ Тэйлоръ, не дикое состояніе; это искаженная цивилизація». Известны также примѣры, когда цивилизованные люди, попадая въ среду дикарей, измѣняли свой образъ жизни и привычки, примѣняясь къ обстановкѣ варваровъ, но они никогда не впадали въ дикое состояніе въ точномъ смыслѣ этого слова. Возмутившіеся матросы «Волиху» съ своими полинезийскими женами основали грубую, но не дикую общину на островѣ Паткэриѣ. Смѣшанныя португальскія и туземныя племена Восточной Индіи и Африки ведутъ жизнь ниже европейскаго уровня, но все-таки не дикую. Гаучосы южно-американскихъ пампасовъ, смѣшанныя европейскія и индійскія племена конныхъ пастуховъ, по описаніямъ, садятся вокругъ огня на бычачьихъ черепакахъ, варятъ супъ въ рогахъ животныхъ, обложенныхъ горячимъ пепломъ, питаются однимъ мясомъ, безъ растительной пищи, и ведутъ совершенно гнусную, животную, незнающую удобствъ, выродившуюся, но не дикую жизнь» (стр. 42). Дальнѣйшіе примѣры кажущагося вырожденія, которые приводитъ въ своей книгѣ Тэйлоръ, доказываютъ только, что уровень цивилизаціи можетъ понижаться до нѣкотораго предѣла вслѣдствіе причинъ, которыя легко могутъ встрѣчаться на пути прогресса. Но во всякомъ случаѣ нѣтъ основаній предполагать, что первобытное состояніе человѣчества было послѣдствіемъ вырожденія болѣе ранней доисторической культуры. Читателю, пожалуй, можетъ показаться излишнимъ подробное обследование этого вопроса, особенно если принять во вниманіе, что изслѣдованія Тэйлора посвящены преимущественно первобытной культурѣ и, слѣдовательно, для него въ сущности все равно, что предшествовало ей и достигло-ли до нея человѣчество путемъ постепеннаго упадка или прогресса. Но въ основаніи изслѣдованій Тэйлора леж

начало постепеннаго развитія, которое трудно согласить съ мнѣніемъ о происхожденіи низшей цивилизаціи изъ высшей, существовавшей яко-бы въ тѣ незапамятныя времена, когда, по всѣмъ вѣроятіямъ, человѣкъ едва-ли обладалъ способностью рѣчи. Поэтому не бесполезно было лишить вѣроятія это предположеніе, и, насколько позволяли факты, Тэйлоръ показалъ его несостоятельность. Если состоянію современныхъ дикарей предшествовала высшая культура, то спрашивается, какимъ образомъ она появилась, участвовало-ли въ ея зарожденіи начало постепеннаго развитія или-же ея ходомъ управляли иные законы? Если эти законы не имѣютъ ничего общаго съ принципомъ постепеннаго развитія, то о нихъ, конечно, нельзя составить себѣ никакого понятія и они не подлежатъ научному изслѣдованію. Но если высшая культура доисторическихъ обществъ развивалась постепенно въ силу тѣхъ-же причинъ, которыя управляли ходомъ послѣдующей цивилизаціи, то невозможно понять, почему эта высшая доисторическая культура повсемѣстно привела человѣческія общества къ дикому состоянію. Тэйлоръ нисколько не утверждаетъ, какъ мы уже замѣтили выше, что изслѣдуемая имъ культура не имѣетъ на себѣ темныхъ пятенъ; въ ея движеніи онъ видитъ моменты застоя и упадка, часто весьма продолжительные, и иногда даже признаки вырожденія, но въ общемъ цивилизація, по его мнѣнію, неизмѣнно движется впередъ. «Мы видимъ, говоритъ Тэйлоръ, какъ она задерживается и останавливается на своемъ пути, и часто отклоняется на такія боковыя дороги, которыя приводятъ ее, утомленную, назадъ туда, гдѣ она проходила уже весьма давно; но, прямо или отклоняясь, путь ея лежитъ впередъ, и если отъ времени до времени она пытается сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ, она скоро начинаетъ безпомощно спотыкаться. Это несвойственно ея природѣ, ея ноги устроены не такъ, чтобы дѣлать невѣрные шаги назадъ, такъ какъ и своимъ взглядомъ, смотрящимъ впередъ, и своимъ прогрессивнымъ движеніемъ она представляетъ собою истинный типъ чело-вѣчества» (стр. 64). За исключеніемъ безграмотнаго курсива, въ смыслъ котораго мы рѣшительно не беремся посвятить читателя, можно понять съ большимъ или меньшимъ трудомъ, что хотѣлъ сказать Тэйлоръ. Временные застои въ движеніи культуры обратили на себя особенное вниманіе его, такъ какъ по нимъ можно было судить о состояніи въ младенческую эпоху человѣческихъ обществъ. Вслѣдствіе медленности движенія, современная цивилизація сохранила въ себѣ множество остатковъ первобытной культуры, которые иногда

встрѣчаются среди народа высоко развитаго въ совершенно нетроутомъ, дѣвственномъ видѣ. Такъ 18 столѣтій тому назадъ у римлянъ существовало предубѣжденіе противъ заключенія браковъ въ маѣ и ѣсѣ, и это-же суевѣріе встрѣчается въ настоящее время и въ Англіи, гдѣ народъ думаетъ, что всѣ браки, заключаемые въ маѣ, несчастны! Такое явленіе упорной живучести устарѣлыхъ для своего времени идей, вѣрованій и обычаевъ Тэйлоръ называетъ переживаніемъ. Почти всѣ обычаи, которыхъ придерживаются люди цивилизованные, утратили теперь всякое значеніе и смыслъ, но они упорно живутъ среди насъ въ силу *переживанія*, въ силу того, что они существовали прежде. Повидимому, это явленіе имѣетъ тотъ-же смыслъ, какой придаетъ Дарвинъ *привычки* въ дѣлѣ развитія тѣлесной организаціи. Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи Дарвинъ собралъ у человѣка и животныхъ множество случаевъ такихъ привычекъ, которыя могли быть приобрѣтены въ незапамятное время ради какихъ-либо полезныхъ цѣлей, но впоследствии утратили всякій смыслъ, хотя вообще онѣ далеки отъ исчезновенія. Точно также Тэйлоръ высказываетъ мнѣніе, что обычаи цивилизованныхъ людей были приобрѣтены нашими предками въ видахъ какой-либо практической необходимости, но съ теченіемъ времени утратили свое значеніе: «хотя теперь въ нихъ нѣтъ никакой нужды, но они сохраняютъ свое существованіе, переходя изъ рода въ родъ, въ силу наслѣдственности, привычки и авторитета вѣками освященной традиціи». Въ подтвержденіе этой мысли, Тэйлоръ приводитъ множество интересныхъ прищѣровъ, но, къ сожалѣнію, чтеніе этой главы, обезцвѣченной неуклюжимъ языкомъ переводчика, потребуетъ особеннаго вниманія на распутываніе грамматическаго смысла фразъ и цѣлыхъ періодовъ, имѣющихъ видъ сфинксовыхъ загадокъ. На стр. 91 г. Коропчевскій отъ лица Тэйлора говоритъ, напр.: «Подвергнемъ теперь теорію переживанія нѣсколько строгому испытанію, отыскивая въ ней какое-либо объясненіе существованія, *на практикѣ или въ воспоминаніи, въ предѣлахъ новѣйшаго цивилизованнаго общества*, трехъ замѣчательныхъ группъ обычаевъ, которыя совершенно не могутъ быть объяснены цивилизованными понятіями». Если желудку трудно переварить подошву, то неужели мозгу легче переварить этотъ стилистическій сибуръ? Это называется, «передавать мысль автора, по возможности, его-же собственными выраженіями, какъ объясняетъ г. Коропчевскій въ своемъ предисловіи. Известно, что всѣ безграмотные писакки приобѣгаютъ къ этой стереотипной уловкѣ: у нихъ никогда не хватаетъ деликатности на столько, чтобы снять

съ автора всякую отвѣтственность за свою собственную неумѣлость и невѣжество.

Въ примѣръ сохранившихся въ цивилизованномъ обществѣ остатковъ первобытной культуры Тэйлоръ указываетъ на спиритизмъ, который, согласно его анализу, есть ничто иное, какъ возсозданіе космогонической философіи дикарей. Замѣчательно, что *благородная наука спиритизма* перешла отъ первобытныхъ варваровъ въ среду высокообразованныхъ обществъ не въ видѣ какой нибудь отрывочной или обобщенной системы вѣрованія, нѣтъ, оказывается, что она сложилась въ незапамятныя времена въ умѣ дикаря со всѣми таинственными подробностями, которыми щеголяютъ новѣйшіе медиумы, какъ послѣднимъ словомъ ихъ прогрессирующей науки. Нью-Йоркскимъ спиритамъ, которые основали будто-бы эту пресловутую науку оставалось только воскресить древнюю вѣру въ постукивающихъ или пишущихъ духовъ, или отправиться за полученіемъ самой подробной и обстоятельной программы спиритическихъ таинствъ въ Китай, къ краснокожимъ индѣйцамъ или татарскимъ некромантамъ. Дикій сѣверо-американскій индѣецъ почувствовалъ бы себя совершенно въ своей сферѣ на любомъ спиритическомъ сеансѣ лондонскихъ или бостонскихъ медиумовъ, потому что всѣ эти явленія безплотныхъ духовъ, временное отлетаніе души въ далекія страны, таинственный стукъ, шумъ и голоса для него очень хорошо знакомы и составляютъ нераздѣльную часть его задушевныхъ вѣрованій и воззрѣній на природу. И не только индѣйцы, но и всѣ дикари, пытавшіеся создать себѣ какую-либо философскую систему для уясненія своихъ отношеній къ природѣ, неизбѣжно впадали въ ученіе, которое рѣшительно не отличается отъ новѣйшаго ясновидѣнія по своему спиритуалистическому характеру и даже мелкимъ частностямъ. Изъ этого мы вправѣ заключить, что современные духовидцы цивилизованной Европы и Америки переживаютъ въ настоящее время то психическое состояніе, которое свойственно было всѣмъ намъ нѣсколько десятковъ столѣтій тому назадъ, но постепенно подмывалось и уносилось великимъ потокомъ умственного движенія, сохранившись въ настоящее время въ средѣ дикарей, чуждыхъ прогресса и интеллектуальнаго развитія. Но доказать тождество первобытной философіи дикихъ варваровъ съ новѣйшимъ спиритизмомъ не значитъ, конечно, объяснить его причины, хотя, безъ сомнѣнія, это весьма важный стратегическій шагъ противъ его послѣдователей. Остается еще опредѣлить, при какихъ условіяхъ могло произойти такого рода психическое вырожденіе послѣ длиннаго ряда сравнительно свѣтлага проме-

жутка, какъ ожилъ спиритизмъ, этотъ, повидимому, уже сгившій и давно зарытый въ могилу трупъ? Изъ исторіи спиритизма видно, что онъ постепенно ослабѣвалъ въ атмосферѣ европейской культуры, которая отводила для него все болѣе и болѣе узкій кругъ. Въ XVII вѣкѣ, напр., указанія на спиритизмъ встрѣчаются рѣдко, очевидно, онъ извѣстенъ былъ немногимъ отдѣльнымъ личностямъ. И вдругъ, послѣ тѣхъ громадныхъ успѣховъ умственного развитія, которыми сопровождался прогрессъ цивилизованныхъ обществъ втеченіи даже одного XVIII столѣтія, не говоря о предъидущемъ времени политѣйшаго упадка спиритизма, онъ является неожиданно, какъ свѣгъ на голову, въ самомъ видномъ центрѣ современной культуры, въ Соединенныхъ Штатахъ сверной Америки. Въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, вся загадочная сторона новѣйшаго спиритизма, нисколько не разъясненная Тэйлоромъ. Мы позволимъ себѣ, однако, слегка коснуться этой стороны, какъ потому, что она до сихъ поръ совершенно еще не тронута, не смотря на безчисленные попытки раціональнаго объясненія этого моднаго суевѣрія, такъ и потому, что въ настоящее время оно начинаетъ играть нѣкоторую роль въ нашей общественной жизни; конечно, между спиритами мы отдѣляемъ овецъ отъ волковъ, людей серьезно убѣжденныхъ въ этой модной нелѣпности отъ шарлатановъ, притворяющихся больными; объ этихъ послѣднихъ не можетъ быть и рѣчи, да и къ тому-же искусство, очевидно, зависитъ не столько отъ нихъ, сколько отъ несчастнаго предрасположенія ихъ жертвъ къ заболѣванію спиритизмомъ.

Недавно въ русскомъ переводѣ явилось сочиненіе Карла Фогта о малоголовыхъ идиотахъ, въ которомъ собраны замѣчательные примѣры пониженія психическихъ способностей человѣка до уровня животныхъ. Для объясненія этого явленія Карль Фогтъ развилъ особую теорію атавизма, сущность которой заключается въ томъ, что душевныя состоянія, пережитыя человѣчествомъ въ незапамятныя времена, могутъ чрезъ извѣстные промежутки лѣтъ снова появляться вслѣдствіе задержки въ развитіи мозга и нервной системы. Но гораздо яснѣе и обстоятельнѣе выражено это воззрѣніе у Модсли въ его послѣднемъ сочиненіи «Объ отношеніяхъ между тѣломъ и духомъ». По теоріи атавизма умственная организація человѣка способна

подвергаться регрессивному метаморфозу и человекъ можетъ снизойти до того типа, надъ которымъ онъ поднялся втеченіи многовѣкового процесса совершенствованія. Родившись отъ цивилизованныхъ родителей, человекъ вдругъ обнаруживаетъ всѣ свойства и инстинкты дикаго состоянія и едва способенъ проявить тотъ *minimum* умственной силы, который необходимъ для обыденной жизни. Иногда нельзя поставить этого субъекта даже на одинъ уровень съ дикарями, какъ это видно изъ примѣровъ Модели. Безъ сомнѣнія, такіе крайніе идіоты также рѣдки, какъ гениі, но встрѣчаясь съ ними, мы обыкновенно считаемъ ихъ существами не отъ міра сего и успокоиваемъ себя соображеніемъ, что они—исключеніе изъ общаго правила, а исключенія бывають всегда и вездѣ и безъ нихъ не обходится даже сама природа. Но не такъ поступаютъ люди науки, для нихъ исключенія не существуютъ, или, лучше сказать, исключенія должны, въ свою очередь, подлежать общему правилу или закону. *Ex nihilo nihil fit* и для появленія гениа и идіота необходимо, чтобы въ самомъ обществѣ находился соответствующій строительный матеріалъ. Мы знаемъ, что вдохновенный умъ гениа есть продуктъ, высшее выраженіе умовъ заурядной посредственности большинства, гениі есть вѣстникъ той будущей эпохи, которой достигнетъ впоследствии самая обыкновенная нынѣ посредственность. Наоборотъ, идіотъ есть вѣстникъ того, чѣмъ были люди въ отдаленный періодъ своего существованія; его дѣтскій умъ есть пробужденіе въ человечествѣ первоначальныхъ инстинктовъ дикой природы, «слабый отголосокъ далекаго прошлаго, напоминающій то состояніе, изъ котораго вышелъ человекъ и отъ котораго по гордости отрекается теперь?» (Модели, стр. 46). Но рождается, однако, вопросъ, какимъ-же образомъ возрождаются въ человечествѣ остатки давно пережитаго дикаго состоянія? Можно предположить, что эти остатки втеченіи длиннаго ряда вѣковъ, безслѣдно исчезли и потомъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ явились вновь въ своемъ первоначальномъ видѣ. Но это предположеніе, конечно, не научно и не рационально; гораздо естественнѣе допустить, что слѣды дикаго первобытнаго состоянія хранятся въ мозгу всѣхъ людей, не исключая и гениевъ, и оживаютъ при благоприятныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, въ психическомъ мірѣ идіотовъ мы замѣчаемъ не что-либо новое, небывалое, но только неполноту развитія, задержку того естественнаго процесса совершенствованія, чрезъ который проходятъ всѣ люди безъ исключенія. Вся разница, однакожъ, въ томъ, что нашъ мозгъ не застываетъ на той

фазѣ развитія, которая свойственна идиотамъ, какъ постоянный типъ, но продолжаетъ совершенствоваться дальше, переходя послѣдовательно чрезъ всѣ историческія стадіи культуры до послѣдняго предѣла современной цивилизаціи. Такимъ образомъ, мозгъ цивилизованнаго человѣка есть сумма мозговъ всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній; въ которой всѣ члены гармонически и навсегда соединяются другъ съ другомъ. Вотъ въ чемъ состоитъ теорія атавизма, изложенная Модсли въ духѣ новѣйшаго естествознанія и съ ея помощью весьма удобно объяснить явленія спиритизма.

Но какое-же отношеніе имѣетъ она къ спиритизму? спроситъ меня читатель. Отношеніе самое тѣсное и прямое. Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію,—и мы сошлемся въ этомъ случаѣ на авторитетъ Тэйлора,—что цивилизованныя общества дошли до современнаго состоянія *чрезъ* первобытную культуру. Мы всѣ находились однажды въ безпомощномъ положеніи дикарей, дѣйствовали и мыслили, какъ они, молились тѣмъ-же богамъ, измышляли по тому-же психологическому плану философскія системы, создавали тѣ-же вѣрованія, тѣ-же понятія о природѣ, человеческой душѣ и высшихъ существахъ. Интересно въ этомъ отношеніи читать Тэйлора; изъ его изслѣдованій видно, какъ нищенскія-однообразно философское міросозерцаніе современныхъ дикарей. Одна и та же система вѣрованій встрѣчается безъ всякихъ измѣненій у многочисленныхъ дикихъ племенъ, но что касается спиритической системы, то положительно трудно отыскать такое племя, которому она была-бы не извѣстна. Слѣдовательно, мы имѣемъ полное право сказать, что всѣ современные намъ цивилизованные люди въ періодъ дикаго состоянія были спиритами въ *самоновѣйшемъ* смыслѣ *этого слова*, ибо, какъ показалъ Тэйлоръ, дикари имѣютъ самое отчетливое понятіе о постукивающихъ и пишущихъ духахъ, о летаніи ихъ въ невѣдомыя страны, о способности медіумовъ развязать себѣ руки, и пр. Нѣкоторыя племена даже формулируютъ свои спиритическія ощущенія въ тѣхъ-же выраженіяхъ, какъ, напр., Жеромъ Карданъ, извѣстный представитель новѣйшаго спиритизма. Но это время поголовнаго, естественнаго спиритизма уже прошло но слѣды его, въ силу атавизма, не могли исчезнуть. Въ природѣ ничего не исчезаетъ, точно также, какъ и въ мозгу человѣка. Разъ выработанное міросозерцаніе прививается къ мозгу, и только съ помощію дальнѣйшаго прогресса мысли уступаетъ мѣсто другому, болѣе раціональному міросозерцанію. И подобно тому, какъ мозгъ человѣка въ зародышевомъ состояніи переходитъ

постепенно чрезъ всѣ типическія формы мозга позвоночныхъ, онъ необходимо переходитъ, также въ состояніи зародыша, чрезъ тотъ періодъ развитія, въ которомъ онъ находился въ пору первобытной культуры. Слѣдовательно, для того, чтобы современный, цивилизованный человѣкъ былъ неспособенъ воссоздать въ своей душѣ спиритическія вѣрованія, мозгъ его въ зародышѣ долженъ пройти всѣ фазы мозга позвоночныхъ и, кромѣ того, перешагнуть за предѣлъ мозга дикаря. Обратное, всѣ искренніе, настоящіе спириты—недоразвившіеся субъекты, мозгъ которыхъ не остановился, правда, на мозгѣ овцы, но и не миновалъ мозга дикаго, а застрялъ на немъ, и если мы называемъ вышеупомянутыхъ больныхъ, мозговая организація которыхъ представляетъ высшую степень отсталости, звѣроподобными идіотами, то спириты образуютъ совершенно особый классъ идіотовъ, дикарей, подлежащихъ, наравнѣ съ первыми, вѣденію психіатріи. Придя къ такому заключенію, мы, конечно, должны были приготовитьсь къ возраженіямъ, которыя могутъ быть намъ сдѣланы. Прежде всего намъ, вѣроятно, замѣтятъ, что если люди могутъ впасть въ животное состояніе, подобно звѣроподобнымъ идіотамъ, то гдѣ факты, что цивилизованные люди впадаютъ въ дикое состояніе. Факты эти есть и они очень многочисленны. Психіатрическія клиники наполнены такого рода больными; на нихъ можно найти указанія въ упомянутомъ уже нами сочиненіи Карла Фогта, у французскаго психіатра Пинеля, у Модсли и т. д. Собственно говоря всѣ почти формы душевныхъ болѣзней характеризуются въ большей или меньшей степени упадкомъ умственныхъ способностей до уровня дикаго состоянія, что выражается, напр., отсутствіемъ у такихъ больныхъ нѣкоторыхъ высшихъ соціальныхъ инстинктовъ, инстинкта общественности, чувства приличія, нравственной привязанности и т. д.

Отсутствіе общественности выражается тѣмъ, напр., что больные убѣгаютъ въ лѣса, любятъ уединеніе, причиняютъ вредъ окружающимъ людямъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что этого рода душевное страданіе тождественно спиритизму, но оно только доказываетъ, что возвращеніе къ дикому состоянію явленіе бывалое и вполне возможное. Если намъ возразятъ, что идіотизмъ и спиритизмъ двѣ вещи разныя, потому что никто еще не могъ до сихъ поръ констатировать въ психическомъ состояніи спирита опредѣленные симптомы душевнаго расстройства, какъ, напр., у звѣроподобныхъ идіотовъ, то на это мы отвѣтимъ, прежде всего, что до сихъ поръ психіатрія не производила изслѣдованій надъ спиритами, не измѣряла ихъ череповъ и не взвѣ-

шивала ихъ мозги. А за тѣмъ мы замѣтимъ, что звѣроподобные идиоты и идиоты-дикари или спириты двѣ различныя степени идиотизма. Идиоты, которыхъ описываетъ Модсли, служатъ примѣромъ крайней степени отсталости въ развитіи мозга, но и эти идиоты (*notabene*) не представляютъ абсолютнаго сходства съ животными, къ которымъ они только приближаются. А вѣдь между животными и дикарями, полагаемъ, есть разница, слѣдовательно, и идиоты-дикари или спириты не могутъ обнаруживать такихъ рѣзкихъ явленій психическаго упадка, какъ идиоты звѣроподобные. Кромѣ того спириты также не представляютъ *полнаго* сходства съ дикарями, какъ идиотка-гусь не есть на самомъ дѣлѣ гусь, но нѣсколько выше его. Изъ всего этого понятно, почему трудно замѣтить отклоненія — если-бъ они существовали — въ развитіи черепа и мозга спиритовъ, ибо мы знаемъ, что различіе череповъ и мозга у цивилизованныхъ и дикихъ совершенно ничтожно и не опредѣлимо простымъ глазомъ, а если спириты хоть на волосъ выше дикарей, то физическое различіе ихъ отъ цивилизованныхъ людей еще труднѣе опредѣлить. На этомъ-же основаніи несправедливо было-бы возраженіе, что если спириты суть идиоты отъ рожденія, то это обнаруживалось-бы съ дѣтства. Такъ-какъ спиритизмъ есть форма идиотизма, характеризующаяся возвращеніемъ къ первобытному состоянію дикарей или къ такой общей системѣ ихъ вѣрованія, которая составляетъ плоть и кровь первобытной культуры, условіе *sine qua* попъ дикаго варварства, то, разумѣется, этотъ идиотизмъ едвали можетъ обнаружиться въ дѣтствѣ, ибо всѣ дѣти въ сущности—дикіе. Но по мѣрѣ достиженія зрѣлаго возраста идиотизмъ спирита выступаетъ все рѣзче и рѣзче и намъ не нужно производить изслѣдованія надъ его мозгомъ,—которыя, замѣтимъ кстати, не открываютъ органическихъ измѣненій у другихъ душевныхъ больныхъ,—чтобы назвать его идиотомъ, дикаремъ. Ничего не можетъ быть крупнѣе такого симптома, какъ вѣрованіе цивилизованнаго человѣка въ отжившую, мертвую систему, въ виду враждебныхъ ей и непреложныхъ фактовъ науки и положительнаго знанія. Вѣковый опытъ и результаты цивилизаціи существуютъ не для него, въ чуждой сферѣ прогресса онъ смотритъ и не видитъ, слушаетъ и не слышитъ, его инстинктивно влечетъ въ отдаленный міръ человѣческаго дѣтства, когда его мысль покоилась блаженнымъ сномъ идиота. И такъ-какъ вся окружающая цивилизованная обстановка спирита идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ міромъ, куда уносятъ его болѣзненные побужденія, то онъ мало по малу начинаетъ напрягать свою фантазію, создаетъ внутри себя особый міръ и наполняетъ его дикими, причудливыми образами

и видѣніями. Известно, что большинство истинныхъ спиритовъ страдаютъ галлюцинаціями, которыя, съ своей стороны, способствуютъ появленію духовъ и разной чертовщины и, такимъ образомъ, еще сильнѣе укрѣпляютъ спирита въ дѣйствительности воображаемыхъ имъ призраковъ. Что касается причинныхъ моментовъ спиритизма, то намъ кажется, что прежде, чѣмъ искать ихъ въ господствующихъ идеяхъ вѣка, въ общемъ направленіи умственнаго развитія даннаго общества, слѣдуетъ обратиться къ чисто медицинскому изслѣдованію и убѣдиться, каково было психическое состояніе родителей и болѣе отдаленныхъ предковъ спирита. Наслѣдственныя причины, какъ и въ большей части душевныхъ страданій, играютъ здѣсь, по всей вѣроятности, важнѣйшую роль. Во всякомъ случаѣ, болѣзненный или въ частности идиотическій характеръ спиритизма не подлежитъ сомнѣнію и трактовать о немъ слѣдуетъ не на основаніи принциповъ умозрительной философіи, а исключительно съ точки зрѣнія психіатріи. Таковъ выводъ, къ которому приводитъ теорія атавизма въ связи съ изслѣдованіями Тэйлора, — изслѣдованіями настолько важными, что безъ нихъ невозможно, конечно, было-бы примѣнить къ спиритизму самый атавизмъ, ибо если-бы мы не знали, что новѣйшій спиритизмъ есть въ сущности подлинная копія съ міровоззрѣнія и религіозныхъ вѣрованій дикарей, то, конечно, не могли-бы отнести его къ послѣдствіямъ болѣзненного возврата къ первобытной культурѣ и принуждены были-бы, для объясненія его, путаться въ бесплодныхъ и сложныхъ догадкахъ, подобно многимъ изслѣдователямъ, которые въ настоящее время стараются освѣтить болѣе или менѣе раціональной теоріей это грустное явленіе.

Если нашъ анализъ спиритизма не удовлетворилъ читателя, то мы должны напомнить ему, что это только первая попытка подойти къ самому источнику этого страданія. Послѣдующія изслѣдованія, вѣроятно, раскроютъ болѣе мелкія черты его и позволятъ построить на прочныхъ началахъ его патологию. Но, по нашему мнѣнію, исходнымъ пунктомъ этихъ изслѣдованій нужно избрать выводы Тэйлора, которые заставляютъ смотрѣть на спиритизмъ, какъ на болѣзненное явленіе атавизма, подлежащее не столько суду общественно-философской критики, сколько психіатріи.

Укажемъ еще читателямъ въ сочиненіи Тэйлора на интересныя главы о происхожденіи и развитіи мифа въ первобытной культурѣ дикарей. Въ этихъ главахъ психологія найдетъ важную опору для изученія законовъ воображенія и процессовъ творчества. Созданіе мифовъ было первымъ лепетомъ ума первобытныхъ обществъ, послѣдствіемъ ихъ дѣтскаго возрѣ-

нія на нихъ, страха передъ явленіями, окружающей природы когда чело-
вѣкъ, лишенный всякихъ знаній, не могъ вносить въ свои наблюде-
нія предвзятая дедуктивныя мнѣнія, но долженъ былъ положиться
на одинъ лишь грубый опытъ. И однако, дикарь преобразовалъ въ
своемъ сознаніи грубый опытъ въ поэтическій мифъ и художествен-
ную легенду, въ которой мы находимъ и вдохновеніе, и творчество.
Что-же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ давно высказанная, но до сихъ
поръ оспариваемая метафизиками истина, что *nihil est in intellectu,*
quod non fuerit in sensu, что даже такіе деликатные психическіе
акты, какъ поэтическое творчество, есть результатъ наблюденія фак-
товъ. Кажется, едва-ли можетъ быть что-либо причудливѣе фанта-
стическихъ вымысловъ новозеландцевъ, воображающихъ, что ихъ
Мауи, богъ солнца, поймалъ на свою волшебную удочку островъ и
вытащилъ его съ морского дна, или индійскихъ разсказовъ, что богъ
Вишну вырнулъ въ образѣ кабана въ самую глубь океана, чтобы
поднять на своихъ мощныхъ клыкахъ затопленную землю и т.
д. Но всѣ эти фантастическіе призраки, создаваемые младенче-
ской фантазіей челоуѣка, ничто иное, какъ узоры, вышиваемые по
канвѣ фактической дѣйствительности. Если фантазія дикаря слиш-
комъ отстываетъ отъ наблюдаемыхъ фактовъ и ея продукты носятъ
какое-то неземное, сверхъестественное происхожденіе, то этому ви-
ною недостатокъ опыта и наблюдательной способности. Въ самомъ
дѣлѣ, дикарь, наблюдая въ окружающей природѣ какіе-либо физиче-
скіе предметы и дѣйствительныя явленія, не имѣетъ возможности,
для объясненія ихъ, сравнить ихъ съ чѣмъ-нибудь кромѣ челоуѣче-
скихъ существъ, потому что они прежде всего доступны его пони-
манію. Для дикаря природа — существо одушевленное и разумное.
Солнце, звѣзды, деревья, рѣки, облака, вѣтры живутъ для него
такъ-же, какъ люди и животныя. Дѣти поступаютъ совершенно такъ-
же: запасъ опыта у нихъ ничтоженъ, и, для объясненія видимыхъ
предметовъ, они принуждены прибѣгать къ аналогіи между ними и
собою. Ребенокъ всегда представляетъ себѣ, что «нѣчто есть нѣкто»,
и это первый шагъ къ созданію мифа. Стремленіе къ одухотворенію
природы, какъ явленіе нормальное въ дикарѣ, иногда пробуждается
въ цивилизованныхъ людяхъ въ видѣ мимолетнаго импульса или ин-
стинкта. «Сила минутнаго увлеченія, замѣчаетъ Гротъ, цитируемый
Тэйлоромъ, — можетъ часто преодолѣть вкоренившуюся привычку, и
даже развитой челоуѣкъ, въ минуту жестокой боли, способенъ уда-
рить или укусить безжизненный предметъ, причинившій ему эту
боль» (стр. 263), все равно, какъ дикій туземецъ Бразиліи готовъ

укусить камень, на который онъ споткнулся, или поранившую его стрѣлу. У дикарей этотъ мотивъ лежитъ въ основаніи ихъ законодательства, какъ, напр., у кукисовъ въ южной Азіи; если кукись погибалъ отъ паденія дерева, то родственники, въ видѣ возмездія, разрубали это дерево и раскалывали его въ щепки. Одинъ изъ новѣйшихъ правителей Кохинхины выставлялъ, по словамъ Тэйлора, къ позорному столбу, какъ преступника, корабль, который неудачно совершалъ плаваніе. Классическая древность, мудрости которой мы такъ удивляемся, представляетъ подобные-же примѣры, когда, напр., Ксерксъ бичевалъ цѣпями Гелеспонтъ. Въ Афинахъ существовали надъ неодушевленными предметами правильные судебные процессы. Въ Пританеѣ, рассказываетъ Тэйлоръ, — собирався судъ надъ топоромъ, кускомъ дерева или камнемъ, который причинилъ какую-нибудь смерть, «безъ доказаннаго участія человѣка», и если эти предметы подвергались осужденію, то ихъ торжественно выбрасывали за черту города. Замѣчательно, что въ Англии только въ нынѣшнее царствованіе былъ уничтоженъ законъ, въ силу котораго колесо, переѣхавшее человѣка, или дерево, причинившее человѣку смерть въ слѣдствіе паденія, конфисковались. Въ настоящее время все это кажется намъ смѣшными негѣпостями, но дѣти, вѣроятно, найдутъ это естественнымъ, судя, по крайней мѣрѣ, по ихъ играмъ въ куклы и катанью верхоиъ на палочкѣ. Только недостатокъ опыта и знакомства съ естественными науками привели дикарей и въ частныхъ случаяхъ могутъ приводить и современныхъ намъ цивилизованныхъ людей къ этимъ страннымъ понятіямъ, которыя ничѣмъ, конечно, не отличаются отъ суевѣрій.

Намъ остается только сказать въ заключеніе этой рецензіи нѣсколько словъ о русскомъ переводѣ сочиненія Тэйлора. Этотъ переводъ, безъ сомнѣнія, займетъ не послѣднее мѣсто въ ряду безграмотныхъ издѣлій русскихъ переводчиковъ. Мы уже имѣли случай въ одномъ или двухъ мѣстахъ указать на бессмысліе перевода и безобразную тяжеловѣсность русскаго языка. Абсолютныхъ бессмыслицъ, конечно, немного, но и онѣ встрѣчаются, какъ, напр., на стр. 113, гдѣ говорится: «Для насъ еще понятно, почему предназначено воровны должно быть различно съ правой и съ лѣвой стороны». Но темнота и слутанность періодовъ преслѣдуютъ читателя отъ первой до послѣдней страницы. Иногда, напр., переводчикъ передаетъ текстъ двусмысленными и неправильными русскими выраженіями, какъ, напримѣръ, «обстоятельная аналогія» или «природные мифы». При-

родныхъ мифовъ не могло существовать, г. Коробчевскій, бытнхъ дикарей; напротивъ, Тэйлоръ хотѣлъ сказать, что дикари выработали себѣ эти мифы сами, усиліями собственнаго ума, но въ основаніи этихъ мифовъ лежитъ антропоморфизмъ природы, естественное стремленіе дикарей одушевлять видимыя явленія и впадать въ нихъ жизнь и душу челоѣка.

«ОБЩЕСТВО КАЗАНСКИХЪ ВРАЧЕЙ.»

Когда у насъ заходитъ рѣчь о какомъ-нибудь общественномъ предпріятіи, то мы, обыкновенно, относимся къ нему или съ недоувѣріемъ, или, что хуже, съ полнѣйшимъ индифферентизмомъ. Мы такъ привыкли къ обособленной, чисто-халатной жизни, къ замкнутому домашнему быту и единоличному труду, выражая все это нашей родной пословицей: праву моему не препятствуй! что всякая коллективная дѣятельность, всякая попытка къ ассоціаціи силъ и труда кажется намъ сомнительной и несвоевременной. Составляется-ли у насъ клубъ, мы напередъ убѣждены, что безъ картъ и скандальныхъ исторій онъ не будетъ имѣть точки притяженія для своихъ членовъ и даже не можетъ существовать; организуется-ли какое-нибудь промышленное, техническое и т. п. общество, основанное на принципахъ взаимной солидарности, мы очень хорошо знаемъ, что для продленія его жизни и успѣховъ необходимо поставить во главѣ его покровителя и вождя, т. е. такую авторитетную личность, которая-бы вела на помочахъ, какъ насъ самихъ, такъ и все предпріятіе. Отсюда многіе заключили, что коллективная дѣятельность вовсе не въ характерѣ нашего общества, не по силамъ ему. Но это справедливо только въ томъ отношеніи, что интересы нашихъ общественныхъ предпріятій слишкомъ малы, что связующая сила ихъ слишкомъ слаба и ничтожна. Поднимите уровень общественныхъ интересовъ, дайте болѣе серьезныя цѣли и задачи для коллективной работы—и общественная дѣятельность оживится, осмыслится и разовьется. Лучшимъ примѣромъ этого можетъ служить „Общество казанскихъ врачей“.

Только пять лѣтъ тому назадъ оно возникло благодаря своей собственной и свободной инициативѣ изъ нѣсколькихъ частныхъ

врачей и профессоровъ, поставивъ своею цѣлью „поднять уровень общественнаго здоровья и счастья“. Не во имя интересовъ чистой науки соединились эти люди въ одинъ кружокъ; они поставили ее на задній планъ, а на первый выдвинули изученіе обыденной жизни нашего крестьянства, знакомство съ его бытомъ, нуждами и интересами. Отбросивъ узко-спеціальную цѣль леченія существующихъ болѣзней, какъ бесплодный трудъ Сизифа, какъ постоянное „затыканіе дыръ и щелей стараго, гнилого, пошатнушагося зданія“, по выраженію одного изъ членовъ общества, г. Серебрякова, казанскіе врачи направили всѣ свои силы на предупрежденіе болѣзней и съ этою цѣлью поставили себѣ главной задачей изученіе края въ гигиеническомъ отношеніи, всестороннее изслѣдованіе мѣстной природы и экономическихъ условій крестьянскаго населенія. И такъ какъ въ этомъ отношеніи намъ приходится начинать съ азбуки, почти открывать Новую Землю, съ неизвѣстнымъ до сихъ поръ населеніемъ, то общество очень хорошо поступило, что не закрыло доступа въ свою среду для людей, не принадлежащихъ къ медицинской корпораціи. Напротивъ, всякій, кто желаетъ, можетъ быть членомъ общества и можетъ обогатить его доставленіемъ тѣхъ или другихъ свѣденій изъ области общественной гигиены. Это, безъ сомнѣнія, первое учебное общество, которое не испугалось профанациі своей науки непросвѣщенной чернью. Устами своего почтеннаго секретаря, доктора Высоцкаго, общество говоритъ: „Если жизнь должна строиться сообразно требованіямъ науки, то и наука не должна быть глуха къ запросамъ жизни. Напимъ кабинетнымъ ученымъ давно пора приподнимать по временамъ свои классическіе, старо-нѣмецкіе ученые колпаки и открывать свои уши, чтобы прислушиваться къ говору толпы: это не всегда бессмысленный ревъ. Общественное сознаніе растетъ съ каждымъ днемъ и, можетъ быть, недалеко то время, когда оно подниметъ свой грозный голосъ и позоветъ на судъ тѣхъ, которымъ была ввѣрена естественно-историческая святыня, и спросить ихъ, что они сдѣлали? Что-же они отвѣтятъ на этомъ страшномъ судѣ? Нечего имъ отвѣтить! И будетъ это молчаніе тяжелѣе всякой казни!“ (Труды общества врачей г. Казани, 1872 г. Отд. I, вып. I, стр. 9—10). Пусть-же откликнутся наши ученые аристархи на этотъ честный призывъ ихъ

благороднаго сотоварища и поймутъ, что пора извлечь науку изъ могильнаго склена на привольный просторъ жизни.

Предъ нами лежатъ отчеты о дѣятельности и печатныхъ трудахъ общества за послѣднее время его существованія. Чѣмъ внимательнѣе мы разсматриваемъ ихъ, тѣмъ скорѣе и сильнѣе увлекаетъ насъ талантливое и умное выполненіе обществомъ его широкихъ и трудныхъ задачъ, для осуществленія которыхъ, нужно замѣтить, оно не имѣетъ себѣ предшественниковъ, потому что изученіе болѣзней въ связи съ мѣстными условіями природы и социально-экономическимъ бытомъ народа есть дѣло новое не только у насъ въ Россіи, но и за границей. Но это изученіе служитъ лишь средствомъ для выполненія болѣе важнаго и обширнаго плана предупредить болѣзни въ ихъ зачаточномъ и самомъ важномъ моментѣ. Пироговъ, гипократъ русской медицины, ясно понималъ ея ничтожество, пока она преслѣдуетъ только леченіе уже зародившихся болѣзней. „Наши врачебныя средства и пособія, говоритъ онъ, едва-ли колеблютъ общую цифру смертности“ и затѣмъ, обращаясь къ гигиенѣ, онъ замѣчаетъ: „вотъ гдѣ заключается истинный прогрессъ нашей науки. Будущее принадлежитъ медицинѣ предохранительной.“ Только въ непониманіи этого лежитъ причина безобразнаго положенія земской медицины, такъ вѣрно представленнаго въ статьяхъ членовъ Общества, и особенно доктора Серебрякова, трудъ котораго „о санитарномъ состояніи тетюшинскаго уѣзда (Каз. губ.)“ долженъ считаться образцомъ для изслѣдованій подобнаго рода и кромѣ того онъ замѣчательнъ по глубокому сочувствію и неподдѣльно-искреннему отношенію автора къ горемычному быту крестьянскаго населенія. Всмотриваясь въ картину народной жизни, во всѣ крупныя и мелкія черты крестьянской обиходной жизни, невольно задаешься вопросомъ, что можетъ сдѣлать здѣсь грошовая филантропія земства, съ ея даровымъ леченіемъ, даровыми лекарствами и больницами? Силою какихъ чародѣйствъ крестьянинъ, возвратившись изъ больницы опять въ свою курную, полуразвалившуюся избенку, заживетъ новой жизнью и не попадетъ снова въ больницу? Откуда послѣ излеченія, допускаемая даже, что оно радикально, крестьянинъ возьметъ для себя здоровую пищу, удобное жилище, умѣнне обставить себя гигиеническими условіями, когда онъ никогда не слышалъ о гигиенѣ и боится неурожая, хуже эпидеміи? Вотъ приблизительный расчетъ

крестьянскаго бюджета по предмету первой необходимости. Въ тетюшинскомъ уѣздѣ, по словамъ г. Серебрякова, на ревизскую душу приходится каждый годъ 50 пуд. хлѣбнаго зерна, если только оно собирается съ цѣлой десятины, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ годной для запашки земли на душу приходится $\frac{1}{2}$ десятины. (Труды общества врачей г. Казани, Отдѣлъ I, вып. 2, 1872 г., стр. 148). Рабочая ревизская душа сѣдаетъ ежедневно 3 ф. хлѣба, а въ 360 дней 27 пудовъ; но у крестьянина есть семья, состоящая изъ 3—4 человекъ, изъ которыхъ каждый минимум сѣдаетъ по 1 ф. въ день, слѣдовательно, въ 360 дней 3 человека (не забудьте, что о коровѣ и лошади, сѣдающихъ по крайней мѣрѣ, по 1 ф. зерна въ день, мы не говоримъ здѣсь) сѣдять 27—36 пудовъ, а слѣдовательно, вся семья должна сѣсть 54—63 пудовъ, а ихъ-то всѣхъ 50 пудовъ, при нашемъ идеальномъ предположеніи, что годной земли одна, а не полдесятины. Этотъ-то недостатокъ хлѣба земство желаетъ пополнить аптечными снадобьями. Да и за эти-то снадобья крестьянину приходится платить, ибо не вездѣ даютъ ихъ даромъ. „Въ нашемъ земствѣ, говоритъ г. Серебряковъ, производится даровая раздача лекарствъ и, благодаря этому, врачъ отстраненъ отъ того гадкаго, возмутительнаго положенія, какъ, напр., въ самарской губерніи, когда приходится говорить пациенту, что это лекарство стоитъ 3—4 копѣйки, что эти „снадобья не мои, а управскія“, и слышать съ его стороны на это различнаго рода соображенія. Я знаю одного врача, который, будучи въ подобнаго рода отвратительной обстановкѣ, израсходовалъ 23 р. изъ собственныхъ денегъ на бѣдныхъ больныхъ и управа сочла добросовѣстнымъ не возвращать денегъ врачу.“ Какъ хотите, читатель, но эта филантропія поучительна. Народныя болѣзни представляютъ всѣ типы лихорадки; холера, желудочные катарры зависятъ именно отъ того, что у крестьянина не хватаетъ этихъ 3—4 копѣекъ, а его увѣряютъ, что если онъ дастъ еще столько-же или если, можетъ быть, и совсѣмъ раззорится, то онъ будетъ здоровъ. Умирающему больному говорить, что если онъ выброситъ лекарство, которое спасетъ ему жизнь, то онъ будетъ здоровъ. Есть ли тутъ капля смысла?

Въ періодической прессѣ довольно часто раздаются голоса, осифивающіе существующую организацію земской медицины, но до сихъ

поръ, кажется, только земство пермской губерніи намѣрено серьезно преобразовать ее на началахъ общественной гигиены и предупрежденія болѣзней. Остальные земства не только не думаютъ о преобразованіяхъ, но искренно довольны состояніемъ медицины въ своихъ губерніяхъ. Они не безъ гордости похваляются, что мы-де держимъ тысячерублевыхъ врачей, да завели нѣсколько больницъ—впрочемъ, на крестьянскія-же деньги. Но что дѣлаютъ эти тысячерублевые врачи и какую пользу приносятъ больницы, читатели „Дѣла“, вѣроятно, помнятъ изъ разбора очерка г. Моллесона: „Земская медицина“. Управы, обыкновенно, заставляютъ одного врача странствовать по цѣлому уѣзду, на пространствѣ 4 и 5 тысячъ квадр. верстъ. Въ тамбовской губерніи на одного земскаго врача приходится отъ 41,000 (темниковскій уѣздъ) до 140,000 (козловскій уѣздъ) человѣкъ, а въ тетюшинскомъ уѣздѣ, по словамъ г. Серебрякова, на одного врача свалено 60,000 жителей. Замѣчательно, что сами крестьяне уже поняли безсмысліе этой системы разъѣздовъ. Кроме того, наконецъ, станціи, гдѣ странствующіе врачи принимаютъ больныхъ, иногда такъ далеко расположены отъ деревень, что крестьяне, какъ-бы ни были больны, предпочитаютъ оставаться дома. Г. Серебряковъ рассказываетъ, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ самарской губерніи случается, что врача, отыскивающего больныхъ по деревнямъ, „выпровожаютъ въ шею за порогъ избы вмѣстѣ съ фельдшеромъ и десятникомъ, а бывало и такъ, что на взвѣзжую квартиру (больничную станцію) приходило 5—6 человѣкъ десятниковъ, утверждающихъ, что они больные, а другихъ больныхъ нѣтъ въ селѣ; между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, оказывалось, что они не больные, а пришли „удружить, потѣшить начальство — дохтура, по пустякамъ пріѣхавшаго, а больные-то есть, да не велятъ сказываться“ (Труды, 1872, отд. I, вып. 2, стр. 152). Оттого-то и выходятъ курьезы въ родѣ того, напр., что въ какой-нибудь цѣлой волости на 5,000 человѣкъ по записи числится 37 больныхъ. А земство утѣшается этимъ, и на этомъ основаніи въ селѣ Богородскомъ (тетюшинскаго уѣзда) закрываетъ больницы, ибо „крестьяне не болѣютъ“, а „лекаря преувеличиваютъ болѣзненность народа, и не мѣшало-бы имъ поменьше думать о народныхъ-то недугахъ, которыхъ очень и очень немного“. Г. Серебряковъ говоритъ, что

это подлинныя слова „уважаемаго въ Казани собственника-ученаго, имѣющаго вліяніе на рѣшеніе медицинскіхъ вопросовъ по земству“ (стр. 161). Напрасно г. Серебряковъ не сообщил имени этого *уважаемаго* собственника-ученаго и лишилъ его чести перейти въ потомство, — онъ вполнѣ заслуживаетъ этого. Впрочемъ, потомство едва-ли-бы удержало въ памяти имена всѣхъ этихъ *уважаемыхъ ученыхъ*. Вѣдь казанскій ученый не первый изъ нихъ, ибо, какъ сообщаетъ г. Серебряковъ, того-же мнѣнія держится и все земство одной изъ южныхъ губерній, но какое — онъ опять этого не сообщаетъ. Очень можетъ быть, что земства скоро и совсѣмъ уничтожатъ больницы и откажутъ врачамъ или выберутъ ихъ подешевле, а то и сами станутъ лечить декоктами, звѣробоемъ и т. п. Отъ этого недалеко, по крайней мѣрѣ; земство одного уѣзда казанской губерніи, которое забрало леченіе больныхъ въ свои руки и *на одномъ собраніи постановило лечить свои уѣзды гомеопатически!!..* „За неимѣніемъ гомеопата-врача, рассказываетъ г. Серебряковъ, собраніе предоставило заправлять этимъ дѣломъ уѣздному врачу, за доблестное же превращеніе его изъ аллопата въ гомеопата наградило его 1,000 рублей. Помѣщикъ этотъ врачъ лечилъ, какъ гомеопатъ, а крестьянъ — какъ аллопатъ; то-же дѣлали и фельдшера“ (стр. 154). Да, это достойно времени отцовъ-патріарховъ! Представьте себѣ, читатель, что вы перенеслись въ тотъ уѣздъ и заболѣли катарромъ желудка, когда земское собраніе постановило лечить всѣ катарры синильной кислотой или мышьякомъ! Отъ гомеопатіи до синильной кислоты — далеко, это правда, но если выборъ невѣжественнаго земства палъ на гомеопатію потому, что оно слышало это слово, то можно предположить, что ему знакомо и слово „мышьякъ“, благо это средство употребляется даже и въ медицинѣ — въ извѣстныхъ, конечно, дозахъ. Впрочемъ, не скрывается-ли подъ этой гомеопатіей автоматическое стремленіе къ экономіи даже и тамъ, гдѣ она совершенно неумѣстна и не затрагиваетъ земскаго кармана?

Г. Серебряковъ постарался, однако, разрушить сладкія иллюзіи земства о цвѣтущемъ здоровьи крестьянъ и о неспособности ихъ заболѣвать. Изъ его изслѣдованій, столь богатыхъ строго-провѣренными фактами, ясно, что чѣмъ ближе деревня или волость къ больницѣ, тѣмъ болѣе въ ней больныхъ, тогда какъ населеніе отдаленныхъ деревень и волостей, повидимому, всегда и совер-

шенно здорово (стр. 161). Такъ, въ одной волости считалось, обыкновенно, больныхъ не больше 200 человекъ въ годъ, а въ 1872 году, когда тамъ поселился фельдшеръ, то въ одинъ мѣсяць лечилось свыше 100 человекъ. Другой замѣчательный фактъ, констатированный г. Серебряковымъ, состоитъ въ томъ, что въ больницахъ приходящихъ бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ благоприятнѣе время года, чѣмъ легче и удобнѣе сообщенія (стр. 162). Преобладаніе больныхъ мужчинъ надъ женщинами г. Серебряковъ объясняетъ тѣмъ, что „женщина въ семьѣ рѣдко бываетъ самостоятельна, слѣдовательно, рѣдко пользуется лошадыю хозяина и временемъ разъѣзжать по лазаретамъ,—да, наконецъ, по поговоркѣ: „бабья—что колья“, и „оханью“—то бабы не всякій мужъ вѣрить и думаетъ: „умреть одна, возьму другую!“—Разсужденія послѣдняго рода мнѣ не разъ случалось слышать отъ мужиковъ, и только бѣднякъ не высказывалъ мнѣ ихъ и то потому, что „дорого стоятъ новая женитьба“. Что касается больныхъ крестьянскихъ дѣвушекъ, то ихъ число очень невелико потому, что „дѣвушекъ явно лечится—значитъ обезславится“. „На этомъ основаніи, говоритъ г. Серебряковъ,—родственники въ числѣ 3—4 чел. приводятъ больную дѣвушку на квартиру лекарскую, не днемъ, а подъ вечеръ, не улицей, а проулками и черезъ плетни“. Наконецъ, малое число лечащихся дѣтей зависитъ отъ общераспространеннаго между крестьянами убѣжденія, что „дѣтей не лечить“. Г. Серебряковъ не прошелъ мимо господствующихъ въ народѣ суевѣрій, предрасудковъ и его самодѣльной медицины. Наблюденія привели г. Серебрякова къ убѣжденію, что несправедливо, будто народъ, какъ это часто говорятъ о немъ, упорно отстаиваетъ свои задушевные вѣрованія и больше полагается на нихъ, чѣмъ на врача. Если народъ и придерживается въ дѣлѣ леченія своихъ суевѣрій, то или потому, что отъ него далеко отстоятъ больница или ему некогда посѣтить врача, или-же, наконецъ, въ средѣ крестьянъ завелся какой-нибудь „знатный ворожеецъ“, который, однако, пользуется довѣріемъ только въ случаяхъ легкихъ страданій.

Изслѣдуя мѣстныя болѣзни въ связи съ бытовыми условіями народной жизни, г. Серебряковъ распредѣляетъ всѣ болѣзни на нѣсколько категорій, которыя, кажется, цѣлесообразнѣе строго-научныхъ медицинскихъ дѣленій. Такъ, нѣкоторыя болѣзни онъ

относить въ категоріи происходящихъ *отъ болотнаго испаренія* (перемеж. лихорадки), другія происходятъ *отъ зараженія растительными и животными паразитами* (чесотка и парши), *отъ общаго разстройства питанія организма* (ревматизмъ, золотуха, цынга и пр.), *отъ вліянія грязной домашней, сельской обстановки и непосредственнаго общенія людей съ животными и грязными сельскими работами* (хроническія язвы и сыпи), наконецъ, *отъ вліянія временъ года, плохой неудобоваримой пищи, жесткой воды и т. д.* (катарры легкихъ и желудка). Все это, какъ видитъ читатель, *болѣзни бытовья*, „развивающіяся отъ суровой обстановки, въ которой живетъ и дѣйствуетъ крестьянинъ, отъ тѣхъ неизбѣжныхъ лишеній и вредныхъ вліяній, которыя извѣстны каждому русскому человѣку“ (Протоколы и труды общ. вр. г. Казани 1871 г., стр. 119). Цифры смертности отъ этихъ болѣзней весьма значительны, но что болѣзни среди населенія нисколько не уменьшились съ тѣхъ поръ, какъ леченіе ихъ находится въ рукахъ земства, это видно изъ данныхъ г. Серебрякова, собранныхъ имъ относительно приращенія народонаселенія за послѣднія 11 лѣтъ. Почти во всѣхъ волостяхъ и селахъ *населеніе убываетъ* (Труды общ. вр. г. Казани отд. I, вып. 2, 1872, 171). А вѣдь каждую изъ этихъ болѣзней иногда ровно ничего не стоитъ прекратить не на время, не на какой-нибудь часъ или день, но въ самомъ корнѣ. Въ одномъ мѣстѣ гніетъ навозъ и какъ разъ въ томъ, гдѣ находятся избы холерныхъ крестьянъ, въ другомъ пьютъ тухлую воду, въ которой разлагаются инфузоріи, мочала, навозъ, мертвыя мухи и т. п. Что стоитъ убрать навозъ и запретить пить эту воду? Чтобы уничтожить, напр., чесотку и парши, которыми всегда поражена кожа крестьянъ, нужно только раздать на деревню нѣсколько пудовъ мыла, а это, конечно, дешевле будетъ стоять, чѣмъ содержать въ больницѣ кровати на сотни человѣкъ въ годъ. Разумѣется, въ большинствѣ случаевъ не отдѣлаешься такими пустяками; но опять-таки не аптечное леченіе поможетъ тутъ, а болѣе серьезныя, общія мѣры возвышенія экономическаго уровня народнаго благосостоянія. Послѣ своихъ гигиеническихъ и санитарныхъ изслѣдованій, образцовыхъ по точности и обработкѣ, г. Серебряковъ излагаетъ свою программу новой организаціи земской медицины. Не входя въ подробности этой программы, замѣтимъ только, что сущ-

ность ея сводится къ тому, „чтобы поставить на самый послѣдній планъ леченіе врачомъ больныхъ“ и исключительно заняться изученіемъ мѣстности въ санитарномъ отношеніи и въ томъ статистико-гигіеническомъ направленіи, которое ясно намѣтили г. Серебряковъ въ своей превосходной статьѣ.

Нельзя не упомянуть также объ одномъ капитальномъ и совершенно новаго рода изслѣдованіи, произведенномъ по мысли и плану „Общества казанскихъ врачей“. Это — гигиенической осмотръ зданія 2-й казанской гимназіи, отчетъ о которомъ составленъ докторомъ Щербаковымъ. Результаты этого изслѣдованія поучительны и должны, наконецъ, привлечь на этотъ вопросъ вниманіе нашего учебнаго начальства, такъ какъ ни одна, разумѣется, гимназія не сочтетъ себя въ этомъ случаѣ вправѣ „украдкой кивать на Петра“. Изъ изслѣдованій г. Щербакова слѣдуетъ, что на каждаго ученика казанской гимназіи приходится максимумъ 221 куб. ф. воздуха, а минимумъ (6-й кл.) 108 куб. ф., а между тѣмъ въ настоящее время доказано, что на каждаго человѣка требуется минимумъ 2,100 куб. ф. чистаго воздуха (Протоколы и труды общ. вр. г. Казани, 1871 г., стр. 54). Итакъ, на дыханіе каждаго ученика гимназіи отпускаетъ воздуха *въ 20 разъ* менѣе требуемаго количества! Но читатель ошибся-бы, если-бы онъ вообразилъ, что это количество воздуха сполна годно для дыханія, нѣтъ, нужна еще вентиляція, а она такъ устроена въ гимназіяхъ, что доставляетъ минимумъ 49 куб. футовъ! „Просматривая эти данныя, говоритъ докторъ Щербаковъ, — легко видѣть, что школа относительно испорченности воздуха далеко оставила за собою казармы, харчевни, рабочіе дома и даже полицейскія чижовки, — и только одна конюшня, да и та только до нѣкоторой степени, еще можетъ здѣсь соперничать съ нею. И такимъ прекраснымъ воздухомъ обязаны дышать дѣти, несложившемуся организму которыхъ и безъ того грозитъ въ школѣ безчисленное количество другихъ, вредныхъ для его развитія вліяній!“ (Труды общ. вр. г. Казани, 1871 г., стр. 119). Тѣснота помѣщенія доходитъ до такой степени, что „ширина мѣста, занимаемаго каждымъ воспитанникомъ, много менѣе ширины плечъ“ (Протоколы и труды общ. вр. г. Казани, 1871 г., стр. 54), вслѣдствіе чего ученикъ или принужденъ сидѣть бокомъ, а смотрѣть прямо по направленію мѣста, занимаемаго учителемъ (усло-

віе для разстройства зрѣнія) или онъ долженъ сидѣть цѣлые 5 часовъ въ сжатомъ, сокращенномъ положеніи, что стѣсняетъ кровообращеніе во всемъ тѣлѣ и въ высшей степени затрудняетъ дыханіе. Высота школьныхъ скамеекъ не отвѣчаетъ гигиеническимъ требованіямъ, количество свѣта не нормально, и въ этомъ нужно искать причину чрезвычайно распространенныхъ между учениками глазныхъ болѣзней и преимущественно близорукости, какъ показали изслѣдованія д-ра Эрисмана надъ учениками петербургскихъ гимназій.

Другой членъ Общества казанскихъ врачей, г. Васильевъ, изслѣдовалъ въ гигиеническомъ отношеніи залу засѣданія казанскаго окружного суда, и результаты его показываютъ, что, несмотря на вентиляцію, зало это во время засѣданія содержитъ такое количество углекислоты, газа негоднаго для дыханія и даже ядовитаго, которое совершенно достаточно для отравленія организма. Г. Васильевъ объясняетъ этимъ извѣстные ему случаи отравленія углекислотою нѣкоторыхъ лицъ, посѣщавшихъ засѣданія. Симптомы такого отравленія выражаются общею слабостью, головною болью, головокруженіемъ, учащеннымъ дыханіемъ и сердцебиеніемъ, сильною жаждою, тошнотою и наклонностью къ обморокамъ. Г. Васильевъ выражаетъ даже опасеніе, „что въ залѣ окружного суда, при болѣе продолжительномъ засѣданіи и при стеченіи въ большомъ количествѣ людей, въ особенности вечеромъ, легко можетъ повториться ужасное событіе, случившееся въ оксфордскомъ судѣ, въ которомъ судьи, публика и подсудимые мгновенно поражены были смертельною сфиксією“ (Протоколы и труды общ. вр. г. Казани, 1871 г., стр. 156).

Указавъ на нѣкоторые изъ многочисленныхъ трудовъ Общества казанскихъ врачей, мы желали только опредѣлить въ самыхъ общихъ чертахъ преобладающій характеръ и направленіе его благотворной и высоко-полезной дѣятельности. Но общество не ограничивается, однако, только печатаніемъ своихъ изслѣдованій и сообщеніемъ данныхъ, оно старается, насколько возможно, проводить свои взгляды въ среду администраціи и земствъ, на которыя оно начинаетъ уже оказывать благотѣльное воздѣйствіе. Для болѣе правильной разработки своихъ задачъ, Общество раздѣлилось на нѣсколько отдѣльныхъ комитетовъ, между которыми особенно замѣчательенъ комитетъ по отдѣлу физическаго воспита-

ніа, встрѣтившій всеобщее сочувствіе мѣстной публики. Члены комитета, исключительно доктора, пришли къ убѣжденію, что не бесполезно было-бы участіе лицъ, имѣющихъ прямой интересъ въ занятіяхъ отдѣла, т. е. родителей и всѣхъ желающихъ. Поэтому засѣданія этого отдѣла гласны, они носятъ характеръ взаимныхъ бесѣдъ, причѣмъ участвующие, слѣдуя извѣстному порядку, вносятъ предложенія, дѣлаютъ соображенія, которыя тутъ-же и обсуждаются. Участвующие должны вносить ежегодно по 5 р. на предпріятія отдѣла. Практическимъ послѣдствіемъ дѣятельности этого комитета было открытіе гимнастики для дѣтей, организованной по строго-научному плану и ничего неимѣющей общаго съ той гимнастикой, которую такъ часто устраиваютъ теперь у насъ различные спекуляторы и шарлатаны, иногда причиняющіе серьезное зло организму своимъ невѣжествомъ.

Въ заключеніе этой замѣтки мы не можемъ не выразить искренняго сочувствія къ начинаніямъ Общества казанскихъ врачей и чувства живой радости при видѣ хотя еще неполнаго, но уже обеспеченнаго успѣха его дѣятельности. Люди, которые умѣютъ глядѣть прямо въ лицо дѣйствительности и одушевлены горячимъ стремленіемъ облегчить нужды и страданія народа, не могутъ встрѣтить неодолимыхъ препятствій. Мы смотримъ на будущее Общества съ спокойной вѣрой и ожиданіемъ истинной пользы не только для мѣстнаго населенія, но и для всего русскаго общества. Пока его можно убѣждать только очевиднѣйшими фактами и сильно дѣйствующими примѣрами!

Б. О.

СТЭНЛЕЙ И ЛИВИНГСТОНЪ.

How I found Livingstone? Travels, adventures and discoveries in Central Africa; including four months residence with dr. Livingstone. By Henry M. Stanley, travelling correspondent of the «New-York Herald». London. 1872.

Постоянно возрастающее могущество прессы въ Европѣ и Америкѣ составляетъ характеристическую черту нашего времени. Вліяніе и распространеніе по всему міру органовъ печати, служащихъ лучшими проводниками общественнаго мнѣнія, увеличивается съ каждымъ днемъ, благодаря быстро развивающейся потребности въ чтеніи газетъ и постоянному ихъ усовершенствованію. Къ числу самыхъ замѣчательныхъ улучшеній, введенныхъ въ послѣднее время на столбахъ періодическихъ изданій Стараго и Новаго Свѣта, первое мѣсто, конечно, занимаютъ свѣденія, сообщаемыя подъ рубрикой „корреспонденцій“. Зоркій, смысленный наблюдатель, быстро переносящійся съ мѣста на мѣсто, поспѣвающій всюду, гдѣ происходитъ что-либо интересующее образованный міръ, мѣтко подмѣчающій все, заслуживающее вниманія, и быстро, такъ сказать, на-лету схватывающій все видѣнное и слышанное—вотъ человѣкъ нашихъ дней, естественный продуктъ эпохи желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ. Газетный корреспондентъ — бардъ второй половины XIX вѣка. Хотя газетныя корреспонденціи—явленіе совершенно новое, но онѣ уже имѣютъ цѣлую громадную литературу и своихъ передовыхъ, замѣчательныхъ представителей. Кто не читалъ съ лихорадочнымъ любопытствомъ прекрасныя письма Росселя, корреспондента „Times'a“ во время крымской кампаніи и индійскаго возстанія? Кто не слѣдилъ съ глубокимъ интересомъ за событіями франко-прусской войны по письмамъ корреспондентовъ англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ? Значеніе, прибрѣтенное газетнымъ коррес-

пондемонъ, вполне доказывается тѣмъ фактомъ, что такіе люди, какъ Луи-Бланъ и бывшій англійскій министръ Лабушеръ, не пренебрегаютъ скромными, повидимому, обязанностями ежедневнаго дѣтописца. Но можно смѣло сказать, что американской прессѣ суждено было совершить въ этой сферѣ журнальной дѣятельности самый блестящій подвигъ, о какомъ только можно мечтать.

Одинъ изъ главныхъ пионеровъ европейской цивилизаціи между дикими расами, знаменитый путешественникъ Ливингстонъ, отправляется въ 1865 году въ нѣдра центральной Африки, и втеченіи шести лѣтъ о немъ нѣтъ никакихъ свѣденій. Время отъ времени приносятся въ Европу отрывочныя, полумифическія вѣсти объ его трудахъ и лишеніяхъ среди дикихъ мѣстностей, съ которыми нѣтъ почти никакихъ сообщеній у цивилизованнаго міра; англійское правительство и лондонское географическое общество, пославшее Ливингстона, отправляютъ мелкія экспедиціи для оказанія ему помощи, но все это не приводитъ ни къ какимъ результатамъ. Наконецъ, распространяется печальная вѣсть о его смерти. Правительство и ученые общества снова организуютъ экспедиціи въ центральную Африку, чтобъ удостовѣриться, дѣйствительно-ли погибъ этотъ отважный пионеръ современной цивилизаціи и вотъ, среди недоумѣній и грустныхъ предположеній о судьбѣ великаго путешественника, телеграфъ приноситъ удивительную вѣсть, что Ливингстонъ живъ и найденъ частнымъ лицомъ, посланнымъ нарочно съ этой цѣлью другимъ частнымъ лицомъ. Издатель американской газеты „New-York Herald“ послалъ своего корреспондента Генри Стэнлея съ простыми, лаконическимъ порученіемъ: найти Ливингстона. 6 января 1871 года корреспондентъ выходитъ на африканскій берегъ въ Занзибаръ, 21 марта отправляется въ путь, 10 ноября того-же года находитъ Ливингстона въ 540 миляхъ отъ берега и 7 мая 1872 года возвращается въ Занзибаръ. Дѣло сдѣлано, порученіе исполнено и, цѣною 20,000 долларовъ, американская газета дала своимъ читателямъ рядъ писемъ своего корреспондента изъ дикихъ странъ Африки и, что гораздо важнѣе, подала руку помощи знаменитому путешественнику, когда онъ дѣйствительно находился на краю гибели, больной, одинокій, безъ средствъ, среди враждебныхъ дикихъ племенъ.

Вѣсть объ этомъ отважномъ подвигѣ, вмѣсто сочувствія и благодарности, вызвала противъ Генри Стэнлея цѣлую бурю на-

смѣшекъ, клеветъ и издѣвательствъ. Великіе ученые Германіи и Англіи, знаменитые географы, рѣшающіе въ тиши своего кабинета самыя трудныя вопросы о невѣдомыхъ, неизслѣдованныхъ странахъ, объявили единогласно, что это американскій пуфъ. Извѣстный Кипертъ въ берлинскомъ „Gegenwart“ прямо назвалъ Стэнлея лжецомъ и глубокомысленно повѣдалъ міру свое открытіе, что Стэнлей никогда не видалъ Ливингстона. Предсѣдатель лондонскаго географическаго общества, Ролингстонъ, заявилъ публично, что не Стэнлей нашелъ и спасъ Ливингстона, а Ливингстонъ нашелъ и спасъ Стэнлея. Большинство газетъ такъ же недовѣрчиво отнеслось къ своему собрату, приводя различные рассказы о его прежнихъ походахъ въ Испаніи и при открытіи Суэзскаго канала, и называли его просто хвастливымъ болтуномъ и ловкимъ обманщикомъ.

Даже появленіе самого Стэнлея въ Лондонѣ и его рассказъ на публичныхъ собраніяхъ объ его путешествіи не могли долго разсвѣять всѣхъ предубѣжденій противъ него. Недовѣріе суетливыхъ педантовъ лондонскаго географическаго общества дошло до того, что они заявили сомнѣніе въ подлинности писемъ, привезенныхъ Стэнлеемъ; только официальное удостовѣреніе министра иностранныхъ дѣлъ лорда Грэнвила и сына Ливингстона, что эти письма дѣйствительно писаны знаменитымъ путешественникомъ, а, главное, позднѣйшее письмо Ливингстона, полученное чрезъ доктора Кирка, англійскаго консула въ Занзибарѣ, наконецъ, убѣдили всѣхъ, что Стэнлей—не лгунъ и не обманщикъ. Тогда, хотя и нѣсколько поздно, вся Англія начала носить чуть не на рукахъ газетнаго корреспондента, совершившаго такой славный подвигъ; объѣды и митинги въ его честь давались наперерывъ въ главнѣйшихъ англійскихъ городахъ; географическое общество, раскаявшись въ своемъ прежнемъ недовѣріи, поднесло Стэнлею большую золотую медаль, а королева, въ благодарность за услуги Стэнлея, пожаловала ему золотую табакерку, осыпанную брилліантами.

Въ концѣ прошлаго года Стэнлей издалъ описаніе своего путешествія и оно было встрѣчено единогласными похвалами всей англійской прессы, поставившей его наряду съ лучшими авторами-путешественниками. Главное достоинство его книги, дѣйствительно заслуживающей полнаго вниманія,—простой, безыскусственный, доходящій до художественной правды рассказъ о всемъ, что

онъ видѣлъ и слышалъ въ посѣщенныхъ имъ любопытныхъ странахъ. Конечно, его сочиненіе не имѣетъ ученыхъ достоинствъ, и авторъ, не сдѣлавъ никакихъ важныхъ открытій, не могъ, слѣдовательно, и представить такихъ поразительныхъ описаній невѣдомыхъ странъ, какъ Бёртонъ, Спикъ и Бэкеръ, но его сочиненіе чрезвычайно любопытно по драгоценнымъ свѣденіямъ о дѣятельности Ливингстона и по характеристикѣ дикихъ племенъ, населяющихъ центральную Африку. Поэтому мы постараемся въ настоящей статьѣ познакомить нашихъ читателей въ сжатомъ очеркѣ съ рассказомъ Стэнлея о томъ, какъ онъ нашелъ Ливингстона, причемъ всего болѣе остановимся на свѣденіяхъ о Ливингстонѣ и на этнографическихъ данныхъ о посѣщенныхъ имъ странахъ.

Но прежде чѣмъ рассказать, какъ Стэнлей отыскалъ Ливингстона, мы считаемъ необходимымъ бросить бѣглый взглядъ на обоихъ героевъ этой современной Одиссеи.

„Я—газетный корреспондентъ и ничего болѣе, говоритъ Стэнлей самъ о себѣ; — я исполняю порученія той газеты, которой имѣю честь служить“. Къ этой краткой характеристикѣ мы можемъ только прибавить, что Стэнлей — молодой человекъ лѣтъ тридцати пяти, чрезвычайно энергичный и дѣятельный, какъ всѣ американцы. Онъ провелъ свою юность въ сосновыхъ лѣсахъ Арканзаса и Миссури, потомъ путешествовалъ пѣшкомъ по Испаніи, Франціи и малой Азіи, гдѣ подвергался многимъ опасностямъ отъ кочевыхъ курдовъ; наконецъ, онъ принималъ участіе въ борьбѣ Сѣвера съ Югомъ, служа въ сѣверной арміи, такъ-какъ онъ по воспитанію—сѣверянинъ. Вотъ все, что извѣстно о прошедшей жизни человѣка, достигшаго извѣстности, по его собственнымъ словамъ, только смѣлымъ, мужественнымъ исполненіемъ возложеннаго на него порученія. „Я ничего не сдѣлалъ великаго, говорятъ онъ прямо въ своей книгѣ:—путешественникъ, котораго я нашелъ, не пропалъ и былъ живъ. Вотъ, если-бы онъ умеръ и его бумаги были-бы разсыяны по различнымъ дикимъ племенамъ центральной Африки, и я нашелъ-бы всѣ эти бумаги, возстановилъ-бы всѣ его открытія и привезъ-бы его тѣло тѣмъ, кому оно дорого,—то дѣйствительно я совершилъ-бы великое дѣло. Теперь-же все сводится къ деньгамъ. Бенетъ далъ мнѣ достаточно денегъ и я былъ на-столько счастливъ, чтобъ исполнить данное мнѣ порученіе; если-бъ не я, то всякій другой на моемъ

мѣстѣ сдѣлалъ-бы то-же самое и, можетъ быть, гораздо лучше". Эти слова Стэнлея служатъ лучшимъ отвѣтомъ на всѣ обвиненія, взведенныя на него въ хвастовствѣ, тщеславіи и тому под.

Главный герой разсказа Стэнлея, знаменитый путешественникъ и миссіонеръ, Давидъ Ливингстонъ, родился близъ Глазго въ 1817 году. Хотя его предки принадлежали къ почтенному шотландскому роду, но его родители находились болѣе чѣмъ въ скромномъ положеніи; его отецъ держалъ маленькій чайный магазинъ въ Гатальтонѣ и, по словамъ Ливингстона въ авто-біографическомъ его очеркѣ, приложенномъ къ описанію первыхъ его путешествій, былъ слишкомъ честный и совѣстливый человекъ, чтобы нажить большое состояніе. Молодой Давидъ долженъ былъ съ раннихъ лѣтъ самъ добывать себѣ кусокъ хлѣба и родители его помѣстили на хлопчато-бумажную фабрику въ Влонтирѣ на берегу Клойда. Питая пламенную страсть къ ученію, онъ тяжелымъ трудомъ пріобрѣталъ средства къ удовлетворенію этой страсти и зимой неустанно занимался науками въ Глазго, а лѣтомъ работалъ на фабрикѣ. Такимъ образомъ, ему удалось получить такое солидное образованіе, о какомъ могъ только мечтать сынъ небогатыхъ родителей. Достигнувъ совершеннолѣтія, онъ рѣшился посвятить себя миссіонерскому дѣлу, надѣясь, что театромъ его дѣятельности будетъ Африка или Китай. Его желанія дѣйствительно исполнились и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ занятій медициной и теологіей, онъ предложилъ свои услуги лондонскому миссіонерскому обществу, получивъ предварительно дипломъ отъ медицинскаго факультета въ 1838 году. Черезъ два года онъ былъ назначенъ пасторомъ и вкорѣ послѣ того отправился въ портъ Наталь, гдѣ близко сошелся съ своимъ соотечественникомъ пасторомъ Робертомъ Маффитомъ, однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и энергичныхъ африканскихъ миссіонеровъ, на дочери котораго онъ и женился. Съ 1840 года до возвращенія своего въ Англію, въ 1856 году, Ливингстонъ неустанно трудился, какъ агентъ лондонскаго миссіонерскаго общества, въ Курутанѣ, Мабидсонѣ и другихъ пунктахъ южной Африки. Во время своихъ многочисленныхъ экспедицій во внутренность страны онъ изучилъ языки, обычаи и вѣрованія туземныхъ племенъ; наконецъ, онъ дважды прошелъ черезъ весь континентъ немного южнѣе тропика Козерога, отъ берега Индійскаго океана до берега

Атлантическаго. За эти подвиги лондонское географическое общество поднесло ему большую золотую медаль въ 1855 году. Въ слѣдующемъ году Ливингстонъ возвратился въ Англію и предѣдатель королевскаго географическаго общества, извѣстный Мурчисонъ, представляя своимъ товарищамъ знаменитаго путешественника, сказалъ: „Мы собрались привѣтствовать доктора Ливингстона, возвратившагося изъ южной Африки, послѣ отсутствія шестнадцати лѣтъ, впродолженіи которыхъ онъ, заботясь о распространеніи цивилизаціи въ странахъ, невѣдомыхъ европейцамъ, сдѣлалъ много важныхъ географическихъ открытій. Въ своихъ многочисленныхъ экспедиціяхъ докторъ Ливингстонъ проѣхалъ и прошелъ, по крайней мѣрѣ, 11,000 миль африканской территоріи; теперь онъ возвратился въ Англію, съ богатымъ запасомъ основательныхъ и полезныхъ знаній; своими астрономическими наблюденіями онъ опредѣлялъ положеніе многихъ мѣстностей, горъ и озеръ, доселѣ вовсе неизвѣстныхъ; при этомъ онъ подробно описалъ физическія условія, климатъ и геологическій строй посѣщенныхъ имъ странъ и указалъ много новыхъ источниковъ торговли, о которыхъ не имѣли понятія англійскіе купцы“. Описанію этихъ шестнадцати-лѣтнихъ трудовъ Ливингстонъ посвятилъ свою первую книгу, вышедшую въ 1857 году, подъ заглавіемъ: „Путешествія и изысканія въ южной Африкѣ“¹⁾. Одной изъ характеристическихъ чертъ этого сочиненія было мнѣніе, скромно выраженное имъ, что лучшимъ способомъ для распространенія въ Африкѣ цивилизаціи и уничтоженія торговли невольниками—было-бы производство хлопчатки въ громадныхъ размѣрахъ во внутреннихъ странахъ и открытіе торговыхъ сношеній съ туземными племенами. Въ мартѣ 1858 года онъ возвратился въ Африку и, по порученію англійскаго правительства, предпринялъ новое путешествіе, впродолженіи котораго открылъ озеро Ніасу, 2-го сентября 1861 года. Смерть его жены, постоянно сопровождавшей его во всѣхъ странствіяхъ, положила конецъ въ слѣдующемъ году такъ называемой экспедиціи на Занбези. Лѣтомъ 1864 года Ливингстонъ явился въ Лондонъ и, сообщивъ интересныя подробности о своихъ открытіяхъ въ засѣданіяхъ географическаго общества, издалъ свою вто-

¹⁾ Travels and Rescarches in South Africa, by David Livingstone. London-1857.

рую книгу: „Экспедиція на Занбези и ея притоки“ ¹⁾. Въ апрѣлѣ 1865 года онъ снова отправился въ Занзибаръ и началъ свое послѣднее и величайшее путешествіе, о результатахъ котораго мы узнаемъ впервые изъ книги Стэнлея. Эти результаты такъ важны и любопытны, что мы рѣшились сообщить ихъ нашимъ читателямъ, передавая рассказъ Стэнлея, о всемъ, что онъ слышалъ отъ самого Ливингстона о его замѣчательномъ и послѣднемъ путешествіи въ центральной Африкѣ.

II.

16 октября 1869 года, въ 10 часовъ утра, Генри Стэнлей, корреспондентъ американской газеты „New-York Herald“, получилъ въ Мадридѣ слѣдующую телеграмму: „Пріѣзжайте въ Парижъ, важное дѣло“. Дешеша была подписана Джемсомъ Бенетомъ, сыномъ издателя одной изъ самыхъ распространенныхъ газетъ въ Америкѣ „New-York Herald“.

Въ 3 часа Стэнлей выѣхалъ изъ Мадрида и на другой день къ ночи прибылъ въ Парижъ. Онъ прямо отправился въ Grand Hotel, гдѣ жилъ Бенетъ, и постучалъ въ дверь его номера.

— Войдите, послышался голосъ изъ комнаты.

Стэнлей отворилъ дверь и увидалъ Бенета въ постели.

— Кто вы такой? спросилъ мистеръ Бенетъ.

— Имя мое—Стэнлей.

— А, садитесь, произнесъ Бенетъ и, накинувъ на плечи халатъ, прибавилъ: — гдѣ, вы думаете, находится теперь Ливингстонъ?

— Не знаю, сэръ.

— Какъ вы полагаете, живъ онъ?

— Можетъ быть, живъ, а можетъ быть, и умеръ.

— Я думаю, что онъ живъ и что его можно отыскать. Не хотите-ли взаться за это дѣло?

— Какъ! вы думаете, что я могу найти доктора Ливингстона? Вы хотите послать меня въ центральную Африку?

— Да, я желаю, чтобы вы отправились въ Африку, розн-

¹⁾ Expedition to the Zanbezi and its tributories, by David Livingstone. London. 1856.

скали его и привезли о немъ извѣстія; быть можетъ, старикъ въ затруднительномъ положеніи, то вы захватите съ собою достаточно всего, чтобъ оказать ему дѣйствительную помощь. Конечно, вы будете дѣйствовать по своему усмотрѣнію, но вы должны найти Ливингстона.

— Подумали-ли вы серьезно, какихъ громадныхъ расходовъ будетъ стоять эта прогулка? спросилъ Стэнлей, пораженный хладнокровіемъ человѣка, посылавшаго его отыскивать въ невѣдомой землѣ знаменитаго путешественника, котораго всѣ считали погибшимъ.

— А что можетъ это стоять?

— Путешествіе Спика и Бёртона въ центральную Африку стоило отъ 3,000 до 5,000 фун. стер. и я боюсь, что подобная экскурсія обойдется вамъ не дешевле 2,500 фун. стер.

— Хорошо, такъ вы вотъ что сдѣлайте: возьмите съ собою теперь 1,000 фун.; когда они выйдутъ, то потребуйте вторую тысячу и такъ далѣе,—только отыщите Ливингстона.

Измученный Стэнлей все еще сомнѣвался, вполне-ли сознавалъ молодой редакторъ „New-York Herald“ всю громадность принимаемаго имъ дѣла, и потому замѣтилъ:

— Я слышалъ, что, въ случаѣ смерти вашего отца, вы намѣрены продать газету и отказаться отъ издательской дѣятельности.

— Это совершенно несправедливо; въ Нью-Йоркѣ не найдется достаточно денегъ, чтобъ купить „New-York Herald“. Мой отецъ сдѣлалъ эту газету популярнымъ органомъ, а я еще выше подниму ее. Я намѣренъ сдѣлать ее въ полномъ смыслѣ вѣстникомъ новостей; на ея столбцахъ будутъ печататься всѣ новости, интересующія міръ, какихъ-бы это денегъ ни стоило.

— Если такъ, то мнѣ болѣе нечего вамъ возражать. Желаете вы, чтобъ я сейчасъ ѣхалъ въ Африку отыскивать Ливингстона?

— Нѣтъ; прежде вы отправитесь на открытіе Суэзскаго канала и поднимитесь вверхъ по Нилу. Говорятъ, Бэкеръ снаряжаетъ экспедицію въ Верхній Египетъ. Узнайте все, что можете, объ его предпріятіи и составьте практическій путеводитель по Нижнему Египту. Потомъ вы можете проѣхать въ Іерусалимъ, гдѣ капитанъ Уорренъ сдѣлалъ какія-то замѣчательныя открытія, и въ Константинополь, гдѣ разузнайте всѣ подробности о ссорѣ султана съ египетскимъ вице-королемъ. Послѣ этого... да, не мѣ-

шаетъ вамъ посѣтить Крымъ и мѣста знаменитыхъ сраженій, переѣхать черезъ Кавказъ на Каспійское море и посмотрѣть, какую экспедицію Россія посылаетъ въ Хиву. Потомъ отправляйтесь черезъ Персію въ Индію; вы могли-бы написать интересное письмо изъ Персеполя. Недалеко завернуть и въ Багдадъ, откуда вы можете описать ефратскую желѣзную дорогу; а изъ Индіи отправляйтесь за Ливингстономъ. По всей вѣроятности, къ тому времени онъ уже будетъ на пути въ Занзибаръ; въ противномъ случаѣ углубитесь во внутрь Африки и найдите его, если онъ живъ; если же онъ умеръ, то привезите положительныя данныя о его смерти. Во всякомъ случаѣ узнайте, что можете, объ его странствованіяхъ и открытіяхъ. Вотъ и все. Прощайте, Господь съ вами.

— Прощайте, доброй ночи, отвѣчалъ Стэнлей;—все, что возможно для человѣка, я исполню по вашему порученію.

Стэнлей исполнилъ вполнѣ планъ своего редактора: онъ поднялся вверхъ по Нилу и собралъ свѣденія объ экспедиціи Бэкера у его главнаго инженера Гигинботама; видѣлся съ капитаномъ Уорреномъ въ Иерусалимѣ и осмотрѣлъ его раскопки Соломонова храма, на камняхъ котораго сохранились слѣды тирскихъ рабочихъ; посѣтилъ мечети Стамбула, обѣдалъ въ Одессѣ у вдовы генерала Липранди, посѣтилъ всѣ историческія мѣста Крыма, видѣлъ знаменитаго путешественника Пальгрева въ Трапезундѣ и барона Николаи въ Тифлисѣ, прожилъ нѣсколько дней у русскаго посланника въ Тегеранѣ, написалъ свое имя на одномъ изъ памятниковъ Персеполя и, проѣхавъ чрезъ всю Персію, достигъ Индіи въ августѣ 1870 года. 12 октября онъ отправился изъ Бомбея и чрезъ Сешельскіе острова прибылъ въ Занзибаръ *) 6 января 1871 года.

Здѣсь онъ, конечно, прежде всего обратился за свѣденіями о Ливингстонѣ къ доктору Кирку, англійскому консулу и товарищу знаменитаго путешественника въ его прежнихъ странствіяхъ; но, не желая высказать прямо цѣли своего путешествія, Стэнлей объ-

*) *Занзибар*—плодовосный островъ Индійскаго океана съ преобладающимъ арабскимъ населеніемъ и съ главнымъ городомъ того-же имени. Городъ этотъ служитъ торговымъ пунктомъ между центральной Африкой и восточными берегами ея, точкой соприкосновенія европейцевъ съ дикими расами африканскаго материка.

яснилъ, что хочетъ изслѣдовать теченіе рѣки Русиджи, и только между прочимъ въ разговорѣ спросилъ:

— Ахъ, да! докторъ Кирекъ, что извѣстно о Ливингстонѣ, гдѣ, вы думаете, онъ находится теперь?

— На это трудно отвѣчать, возразилъ консулъ: — можетъ быть, онъ погибъ, а можетъ быть, и живъ. Одно достовѣрно, что никто не имѣетъ о немъ положительныхъ извѣстій—вотъ уже два года. Впрочемъ, я предполагаю, что онъ живъ. Мы постоянно посылаетъ къ нему кое-что. И теперь готовится маленькая экспедиція. Я того мнѣнія, что старику пора вернуться домой; онъ уже старъ, и если умереть гдѣ нибудь среди африканскихъ пустынь, то всѣ открытія его будутъ потеряны для міра. Онъ не ведетъ дневника и даже рѣдко что-либо записываетъ, а только дѣлаетъ на картѣ какія-то отмѣтки, которыя ему одному понятны. Да, если онъ только живъ, то ему слѣдуетъ вернуться и пускаться на свое мѣсто кого-нибудь помоложе.

— А что онъ за человѣкъ? спросилъ Стэнлей.

— Вообще съ нимъ трудно имѣть дѣло. Лично я не имѣлъ съ нимъ никогда никакихъ столкновеній, но я не разъ видѣлъ, какъ онъ горячился изъ-за пустяковъ; потому онъ и не любитъ товарищей въ своихъ путешествіяхъ.

— Я слышалъ, что онъ очень скромный человѣкъ.

— О, никто лучше его не знаетъ цѣны своимъ открытіямъ; вообще онъ не ангель, прибавилъ съ улыбкой докторъ Кирекъ.

— Если-бъ я съ нимъ встрѣтился въ моихъ странствіяхъ—что можетъ случиться, если онъ путешествуетъ въ томъ-же направленіи—то какъ, вы думаете, онъ меня приметъ?

— По правдѣ сказать, я не полагаю, чтобъ эта встрѣча была ему по сердцу. Я вполне увѣренъ, что если-бъ Бертонъ, Грантъ, Бекеръ или какой-нибудь другой знаменитый путешественникъ отправился его отыскивать и Ливингстонъ узналъ-бы объ его приближеніи, то онъ немедленно удалился-бы миль на сто въ противоположное направленіе, въ какія-нибудь непроходимыя болота. Даю вамъ слово, что такъ поступилъ-бы онъ, а не иначе.

Это мнѣніе человѣка, который долженъ былъ хорошо знать Ливингстона, конечно, непріятно поразило Стэнлея, но не привело его въ безнадежное отчаянье; напротивъ, онъ рѣшился какъ можно

скорѣе отправиться въ путь, чтобы достичь озера Танганики, въ окрестностяхъ котораго, по всѣмъ вѣроятіямъ, находился Ливингстонъ, — если только онъ былъ живъ, — прежде чѣмъ вѣсть о путешествіи Стэнлея могла дойти до знаменитаго путешественника. Такимъ образомъ, Ливингстонъ не имѣлъ-бы возможности намѣренно отъ него скрыться, какъ пророчилъ докторъ Киркъ. Но чтобы предпринять путешествіе по центральной Африкѣ, необходимо организовать экспедицію, т. е. заготовить всѣмъ, что нужно цивилизованному человѣку среди дикой природы и дикихъ людей. Африканскій путешественникъ долженъ, какъ капитанъ корабля, отправляющагося въ долгое плаваніе, взять съ собою запасъ продовольствія, на случай продолжительныхъ переходовъ по пустынной странѣ, оружіе на случай борьбы съ туземцами, лекарства на случай жестокихъ лихорадокъ, свирѣпствующихъ въ тропическомъ климатѣ, и, наконецъ, громадное количество мѣнового товара, служащаго вѣсто денегъ. Наконецъ, въ этихъ странахъ нельзя путешествовать ни въ экипажахъ, ни на лошадяхъ, верблюдахъ или мулахъ, и потому путешественнику приходится идти пѣшкомъ, а для багажа нанимать носильщиковъ. Такимъ образомъ, путешествіе могло быть совершено не иначе, какъ большимъ, хорошо организованнымъ караваномъ. Но для образованія такого каравана необходимы мѣстныя практическія свѣденія, которыхъ нельзя найти въ сочиненіяхъ путешественниковъ Бёртона, Слика и Гранта. Вотъ почему Стэнлей, ступивъ на африканскую почву, встрѣтилъ на первомъ же шагу цѣлый рядъ неразрѣшимыхъ для него вопросовъ. Сколько надо взять съ собою бусъ, проволоки и матерій, замѣняющихъ деньги? Сколько носильщиковъ и солдатъ для конвоя? и т. д. На эти вопросы не могли отвѣчать ему и европейцы, живущіе въ Занзибарѣ, такъ что ему пришлось обратиться за совѣтами къ арабскимъ купцамъ. И только съ ихъ помощью удалось неопытному европейскому журналисту составить экспедицію, которая впослѣдствіи оказалась вполне удовлетворительною для путешествія по отдаленнымъ странамъ центральной Африки. Въ виду всего этого Стэнлей посвящаетъ много страницъ своей книги подробному описанію, какъ лучше и практичнѣе путешествовать по центральной Африкѣ, какія надо брать съ собою матеріи, бусы и проволоки, сколько необходимо этого товара, сколько слѣдуетъ нанимать носильщиковъ и вооруженныхъ людей, что все это стоитъ и т. д.

Конечно, за эти полезныя свѣденія ему скажутъ большое спасибо будущіе путешественники, которымъ его книга можетъ послужить настоящимъ путеводителемъ.

Всѣ необходимыя приготовленія къ путешествію заняли около двухъ мѣсяцевъ, впродолженіи которыхъ Стэнлей вполне ознакомился съ Занзибаромъ, который, какъ извѣстно, главный городъ острова того-же имени, находящагося у восточнаго берега Африки подъ 6° юж. шир. Этотъ довольно большой, съ перваго взгляда, арабскій городъ по справедливости можетъ быть названъ Багдадомъ, Испаганью и Стамбуломъ восточной Африки. Сюда стекаются изъ внутреннихъ странъ невольники, слоновья кость, звѣриныя кожи, цѣнное дерево, пряности и другіе предметы вывозной торговли, достигающей цифры 3,000,000 фунт. стер. Ввозная торговля простирается до 3,500,000 фунт. стер. и состоитъ изъ американскихъ тканей, мѣдной проволоки, водки, пороха, ружей, бусъ, и пр. Вся эта торговля сосредоточена въ рукахъ москатскихъ арабовъ, баніановъ, то есть индусскихъ купцовъ и индійцевъ, мусульманъ, которые составляютъ высшій, богатый классъ Занзибара. Имъ принадлежатъ всѣ земли, дома, корабли, всѣ богатства и власть. Низшіе классы состоятъ изъ представителей различныхъ туземныхъ племенъ, свободныхъ и невольниковъ; ихъ считается около двухъ третей всего населенія, доходщаго до 200,000 человекъ, изъ которыхъ 100,000 живутъ въ городѣ. Въ политическомъ отношеніи Занзибаръ находится подъ властью султана Бургаша, который господствуетъ надъ всѣмъ восточнымъ берегомъ Африки отъ страны Сомали до Мозамбика, но, какъ мы уже сказали, всѣмъ управляютъ арабскіе и индусскіе торгошья, которые соперничаютъ между собою хитростью и алчностью.

Съ этими-то людьми пришлось имѣть дѣло Стэнлею для образованія своей экспедиціи и, по его свидѣтельству, никакой еврей, никакой нью-іорскій мошенникъ не превзойдетъ занзибарскаго торгоша въ умѣннн обмануть покупателей, какъ цѣной, такъ и качествомъ товара. Нѣсколько разъ выведенный изъ терпѣнья, Стэнлей хотѣлъ прекратить всякія сношенія съ ними, но это было невозможно и приходилось снова ихъ призывать и торговаться изъ-за всякой мелочи, ибо безъ ихъ посредничества ему пришлось-бы оставаться, по крайней мѣрѣ, полгода въ Занзибарѣ. Наконецъ,

послѣ безконечныхъ трудовъ и заботъ, ему удалось сдѣлать всѣ необходимыя закупки, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимали разноцвѣтныя бусы, замѣняющія мѣдную монету въ центральной Африкѣ, различныя небѣлныя ткани—серебрянную монету, и мѣдныя проволоки—золотую. Кромѣ того были приобретены палатки, кухонная посуда, оружіе, снаряды, лекарства, продовольствіе и тысячи другихъ предметовъ, которые всѣ вѣсили около 11,000 фунтовъ.

Покончивъ съ однимъ дѣломъ, Стэнлей принялся за другое, не менѣе трудное—за наемъ эскорта и носильщиковъ. Для этого онъ долженъ былъ переѣхать изъ Занзибара на материкъ Африки, въ Багамоіо, маленькій портъ, въ которомъ останавливаются караваны изъ внутреннихъ странъ. Тамъ снова ему пришлось имѣть дѣло съ арабскими и баньянскими торгашами, которые послѣ долгихъ переговоровъ и проволочекъ доставили ему необходимое количество туземныхъ носильщиковъ—160 человекъ, такъ какъ каждый могъ нести не болѣе 70 фунтовъ. Что касается до эскорта, то Стэнлей розыскалъ стараго слугу и сподвижника Спика, —Бомбея и назначилъ его начальникомъ отряда, а Бомбей представилъ еще 20 туземцевъ, изъ которыхъ многіе также служили у Бёртона и Спика. Жалованья имъ было назначено 3 доллара въ мѣсяцъ и они были вооружены ружьями, топорами и ножами. Кромѣ эскорта, при Стэнлеѣ было еще нѣсколько туземныхъ слугъ, молодой арабъ Селимъ въ качествѣ переводчика и два англійскіе моряка, Фаркгаръ и Шо, на помощь которыхъ онъ очень надѣялся, но которые, однакожъ, оказались впоследствии совершенно негодными для такого путешествія. Весь наличный составъ экспедиціи равнялся 192 человекамъ.

По совѣту арабскихъ торговцевъ, Стэнлей раздѣлил свою экспедицію на пять небольшихъ каравановъ, такъ какъ громадный, богатый караванъ подвергается большимъ опасностямъ отъ туземныхъ племенъ, не обращающихъ вниманія на мелкіе. Въ февралѣ и началѣ марта 1871 года выступили первые четыре каравана, а 21 марта отправился въ путь и послѣдній, подъ предводительствомъ самого Стэнлея. Этотъ караванъ состоялъ изъ 28 носильщиковъ, 12 солдатъ, 4 слугъ, двухъ бѣлыхъ (Стэнлея и Шо), 17 ословъ, 2-хъ лошадей, собаки, телѣжки и двухъ разоруженныхъ лодокъ. Торжественно, весело, съ развѣвающимися аме-
скимъ флагомъ и громкими пѣснями туземцевъ отправился

изъ Багамоіо газетный корреспондентъ для исполненія чудовищнаго порученія своего редактора.

Сборнымъ пунктомъ всѣхъ каравановъ былъ назначенъ главный городъ страны Уніаніембе, Табора, центральное поселеніе арабскихъ торговцевъ неграми и слоновой костью, въ разстояніи 360 миль отъ Богомоіо, по прямой линіи. Оттуда уже съ увеличенными силами Стэнлей намѣревался достигъ самого дальняго депо арабскихъ торговцевъ, Уджиджи, на берегу озера Танганики, въ 180 миляхъ отъ Уніаніембе, гдѣ надѣялся найти достовѣрныя свѣденія о Ливингстонѣ. Такимъ образомъ, первой задачей было добраться до Уніаніембе. Три дороги ведутъ въ эту страну изъ Багамоіо и двѣ изъ нихъ подробно описаны Бёртономъ и Спикомъ; Стэнлей выбралъ третью, болѣе сѣверную и кратчайшую. Дорога эта прямая, караванная, не представляетъ никакихъ особыхъ затрудненій, кромѣ естественныхъ преградъ отъ климата во время дождей, а отъ жителей во время междоусобныхъ войнъ; иначе она совершенно безопасна и, по выраженію одного англійскаго географа, „также извѣстна въ центральной Африкѣ, какъ Бондъ-Стритъ въ Лондонѣ.“ Всѣ страны, лежащія отъ берега Индѣйскаго океана до озера Танганики, постоянно посѣщаются караванами арабскихъ торговцевъ; дань, взимаемая султанами-предводителями туземныхъ племенъ, устроена въ видѣ таможеннаго тарифа и берется правильно только съ каравановъ, идущихъ отъ берега во внутрь страны; туземныя власти, завися отъ торговцевъ, привозящихъ имъ предметы роскоши, знаютъ, что если они ограбятъ одинъ караванъ, то другой уже не пойдетъ мимо нихъ, и потому воздерживаются отъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій. Съ другой стороны, арабскіе торговцы не охотятся за невольниками въ этихъ странахъ, а поле ихъ подвиговъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ центральной - Африки. По всѣмъ этимъ причинамъ, страны, лежащія между Багамоіо и Уджиджи, говоря вообще, самыя извѣстныя, безопасныя и менѣе дикія въ этой части Африки. Впрочемъ, это нисколько не уменьшаетъ заслугъ Стэнлея, какъ изслѣдователя невѣдомыхъ странъ, такъ какъ въ началѣ и въ концѣ своего путешествія онъ посѣтилъ такія мѣстности, въ которыхъ не бывала еще нога бѣлыхъ.

Избранная Стэнлеемъ дорога изъ Багамоіо въ Уніаніембе проходитъ чрезъ страны Уквере, Уками, Удо, Усегуха, Усагара,

Угого и Уіанзи и простирается на 520 миль, такъ какъ она во многихъ мѣстахъ уклоняется отъ прямой линіи для удобства каравановъ. Первые три изъ этихъ странъ составляютъ низменную равнину, чрезвычайно плодородную и живописную, которая, по словамъ Стэнлей, своими физическими условіями, густыми, великолѣпными лѣсами и зелеными, роскошными полянами очень походитъ на штатъ Миссури. Путешествіе отъ Багамоіо до Симбатвени, гдѣ уже начинаются горныя возвышенности, продолжалось 29 дней, хотя разстояніе было не болѣе 119 миль, но въ началѣ апрѣля началась мазика, т. е. время непрерывныхъ дождей и дорога совершенно испортилась. Однако, несмотря на неблагоприятныя условія, въ которыхъ Стэнлей видѣлъ эту страну, онъ прямо говоритъ, что съ удовольствіемъ вспоминаетъ о ней и судить ей въ будущемъ полнѣйшее благоденствіе, если до нея воснется живительный лучъ цивилизаціи. Жѣлзная дорога изъ Багамоіо въ Самбамвени могла-бы, по его словамъ, быть выстроена очень скоро и не дорого, а цивилизованная нація, которая взялась-бы за это дѣло, сосредоточила-бы въ своихъ рукахъ всю торговлю слоновой костью, сахарнымъ тростникомъ, хлопчаткой, индиго и злаками, которыми изобилуютъ эти мѣстности.

Туземцы этихъ странъ принадлежатъ къ тремъ племенамъ: ваквере, ваками и вадо *). Они отличаются скромностью, услужливостью къ путешественникамъ, и хотя ихъ считаютъ безчестными, но они не занимаются грабежемъ. Населеніе Уквери очень разбросано и селенія ихъ, числомъ около 100, скрываются обыкновенно въ густыхъ чащахъ. Входъ въ эти селенія защищенъ изгородями изъ колючихъ растений, среди которыхъ устроена чрезвычайно узкая и низкая, не выше 4-хъ футовъ, деревянная калитка. Все пространство земли, занимаемое этимъ племенемъ, не болѣе 30 квад. миль, а число душъ не превышаетъ 5,000. Несмотря на свое удивительное плодородіе, страна эта обработана только вокругъ селеній, которыя окружены полями индійской ржи, другихъ злаковъ и овощей, огурцевъ, арбузовъ и т. д. Главнѣйшія селенія въ Уквери—Кисето, и жителицы его славятся сво-

*) На туземныхъ языкахъ центральной Африки прибавленіе буквы У, означаетъ страну, слога Ва—народъ, буквы М—одного жителя; такимъ образомъ: Уквери, значить страна Квери, Ваквери—народъ Квери, а М—звери, житель Квери.

имъ пристрастіемъ къ мѣдной проволоцѣ, которую онѣ носятъ въ видѣ браслетовъ на рукахъ и ногахъ. Эти туземныя красавицы также отличаются своими головными уборами, громадными ожерельями изъ бусъ и необыкновеннымъ развитіемъ бедръ.

Ваками—нѣкогда было могущественное племя, но теперь занимаетъ небольшую полосу земли, благодаря захватамъ сосѣднихъ, болѣе воинственныхъ, племенъ. Они очень густо заселяютъ долину Унгеренгери, въ которой можно насчитать до 100 селеній. Ближайшіе ихъ сосѣди—вадо—принадлежатъ къ болѣе красивому, мужественному и смышленому племени. Благодаря именно своему превосходству надъ сосѣдями въ физическомъ и умственномъ отношеніяхъ, они постоянно должны были защищаться отъ торговцевъ невольниками, такъ-какъ магометане давали всегда большую цѣну за слугъ и наложницъ изъ этого племени. Такимъ образомъ, вадо по необходимости стали воинственнымъ народомъ. Оружіе ихъ состоитъ изъ лука, щита, небольшой, легкой пика, длиннаго ножа, маленькаго топора и большого кистеня, который они съ удивительной ловкостью бросаютъ въ голову враговъ.

Какъ мы уже сказали, дождливый періодъ времени испортилъ дороги и путешествіе по низменной равнинѣ Уквери, Уками и Удо стало затруднительнымъ отъ разлива рѣкъ и скользкой, мокрой почвы, такъ что часто приходилось перегружать вещи. Кромѣ того, вредныя міазмы постоянно увеличивали число больныхъ лихорадкою и животныя стали быстро околѣвать; такъ Стэнлей лишился своихъ двухъ лошадей, что, однако, нисколько не убѣдило его въ невозможности путешествовать на лошадяхъ по центральной Африкѣ, и онъ только совѣтуетъ будущимъ путешественникамъ, отправляясь въ путь, удостовѣриться, что всѣ животныя вполне здоровы и крѣпки.

Наконецъ, передъ глазами утомленнаго каравана открылась болѣе возвышенная страна Узгуа, пересѣкаемая вѣтвями уругурусскихъ горъ. Главный городъ этой страны Симбамвени, лежащій у подножія высокаго, горнаго кряжа среди красивой и удивительно плодородной долины, орошаемой двумя рѣками, поразилъ съ перваго взгляда Стэнлея.

„Я не ожидалъ встрѣтить такой картины въ восточной Африкѣ, говоритъ онъ: въ Персіи она была-бы какъ нельзя болѣе естатн, но не здѣсь. Въ этомъ городѣ около 3,000 жителей и

1,000 домовъ, построенныхъ въ африканскомъ стилѣ, но несравненно лучше, чѣмъ строить тамъ обыкновенно; впрочемъ, населеніе города такъ густо, что, быть можетъ, вѣрнѣе принять цифру жителей въ 5,000 человекъ. Укрѣпленія, защищающія Самбамвени, сооружены въ арабско-персидскомъ стилѣ, соединяющемъ арабскую аккуратность съ персидской системой. Я никогда въ Персіи не видалъ лучше укрѣпленнаго города. Тамъ укрѣпленія даже въ Тегеранѣ, Испагани и Ширазѣ дѣлаются изъ глины, а въ Самбамвенѣ они—изъ камня. Городъ занимаетъ около пол-квадратной мили и обнесенъ четырехугольной стѣной съ двумя рядами отверстій для стрѣльбы изъ ружей; на углахъ каменные башни, а со всѣхъ четырехъ сторонъ ворота изъ твердаго тиковаго дерева съ замѣчательной рѣзбой. Дворецъ султанши походитъ на подобныя зданія на восточномъ берегу, съ высокой, наклонной крышей и большой открытой галереей.

Нынѣ царствующая въ Самбамвени султанша—старшая дочь знаменитаго Кисабенго, который долго былъ грозою всѣхъ окружающихъ странъ. Происходя изъ низкаго класса, онъ пріобрѣлъ вліяніе своей физической силой, краснорѣчіемъ и ловкой хитростью среди бѣглыхъ невольниковъ, которые избрали его своимъ предводителемъ. Бѣжавъ отъ мести занзибарскаго султана, онъ явился въ Уками, которая въ то время простиралась до самой Усагоры. Послѣ длиннаго ряда хищническихъ подвиговъ ему удалось отнять у ваками большой участокъ плодороднѣйшей земли въ долинѣ Унгерегери, гдѣ онъ построилъ въ самой живописной мѣстности свою столицу, названную имъ Самбамвени, т. е. *Левъ*, или сильный городъ. Подъ старость ловкій разбойникъ переимѣнилъ свое слишкомъ позорное имя на Самбамвени, и умирая, завѣщалъ своей старшей дочери, какъ свое государство, такъ и это имя, подъ которымъ она теперь и извѣстна.

Исторія Кисабенго и его племени, 30 лѣтъ тому назадъ еще совершенно незначительнаго, показываетъ, какъ прихотлива бываетъ судьба этихъ варварскихъ народовъ. Обязанные своимъ быстрымъ возвышеніемъ набѣгамъ на сосѣдей, особенно на жителей Удо, которыхъ они забирали въ плѣнъ и продавали въ неволю арабскимъ купцамъ, вазегухи до сихъ поръ занимаются этимъ гнуснымъ ремесломъ. Они почти всѣ имѣютъ ружья и арабы доставляютъ имъ постоянно порохъ и пули, заставляя ихъ за это ловить имъ

невольниковъ. Пять лѣтъ тому назадъ, вазегухи организовали громадную экспедицію въ населенную часть Усагары и взяли въ плѣнъ болѣе 500 невольниковъ. Вообще вазегухи, поддерживаемые торговцами невольниковъ, настоящій бичъ восточной Африки, а ихъ столица Самбамвени — ядро и центръ этой позорной торговли людьми. По словамъ Стэнлея, цивилизованныя націи, имѣющія свои военные корабли у восточныхъ береговъ Африки, могли-бы очень легко уничтожить разомъ все могущество этого племени. Стоитъ только послать маленькій пароходъ съ 50 вооруженными людьми вверхъ по рѣкѣ Вами, высадить этотъ отрядъ на берегъ въ 20 миляхъ отъ Самбамвени и одного дня достаточно, чтобъ сжечь городъ и навсегда уничтожить силу этого вреднаго племени.

Естественно, что и самый характеръ этого народа отличается большою грубостью и ихъ обхожденіе далеко не такъ мягко и любезно, какъ обхожденіе ихъ сосѣдей. „Заявляя желаніе вступить съ нами въ мѣновую торговлю, говоритъ Стэнлей, — вазегухи дерзко настаивали на томъ, что мы должны купить ихъ товары по назначенной ими цѣнѣ. Если мы на это возражали, то они выходили изъ себя и осыпали насъ угрозами“. Это племя еще отличается замѣчательной вѣрой въ колдовство, но колдуны часто подвергаются очень грустной участи. Если ихъ предсказанія исполняются и имѣютъ счастливые результаты, то колдуны пользуются большимъ почетомъ, но стоитъ только какому-нибудь необыкновенному несчастью разразиться надъ семействомъ, члены котораго подъ присягою покажутъ, что это результатъ колдовства, какъ немедленно составляется инквизиціонный судъ и обвиняемый колдунъ сожигается на кострѣ, а одежда его вывѣшивается на деревьяхъ по сторонамъ большой дороги, въ видѣ предостереженія его товарищамъ. Подобныя намятники, по словамъ Стэнлея, встрѣчаются очень часто.

Султанша Самбамвени наследовала энергію и корыстолюбіе своего отца, что Стэнлей испыталъ на себѣ. Какъ только онъ вступилъ въ ея владѣнія, въ лагерь бѣлыхъ явились послы отъ султанши для полученія дани, но Стэнлей объяснилъ, что, по туземному обычаю, путешественники платятъ дань только разъ, и его передовой отрядъ уже далъ все, что слѣдовало. Послы молча удалились и Стэнлей думалъ, что дѣло тѣмъ и кончилось, но не тутъ-то было. Пробывъ нѣсколько дней въ виду Самбамвени, онъ от-

правился въ дальнѣйшій путь, но черезъ нѣсколько дней въ караванѣ пропалъ одинъ туземецъ, котораго за воровство Стэнлей велѣлъ наказать, оселъ и нѣсколько вещей довольно цѣнныхъ, какъ пистолеть, палатка и т. д. Тогда Стэнлей отправилъ трехъ своихъ солдатъ въ Самбамвени для розысканія воровъ. Прошло три дня и посланные не возвращались; за ними были отправлены новые гонцы и, наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, они вернулись обратно. Разсказъ объ ихъ походе очень любопытенъ и характеристиченъ.

„Узнавъ по дорогѣ, пишетъ Стэнлей, — что какіе-то туземцы переправились черезъ рѣку, передъ Самбамвени, съ осломъ, нагруженнымъ вещами, посланные заявили объ этомъ сторожамъ у городскихъ воротъ. Тѣ дали знать о случившемся своей повелительницѣ и мои посланные были немедленно потребованы къ султаншѣ. Они разсказали свою исторію и султанша, убѣдившись въ справедливости ихъ словъ изъ показанія городскихъ стражей, видѣвшихъ туземцевъ съ осломъ, послала тотчасъ 20 солдатъ въ погоню за ворами. Въ тотъ-же день ихъ поймали и представили строгой повелительницѣ, которая сама ихъ допросила. Они показали, что нашли осла съ вещами, привязаннаго къ дереву, и взяли его, а бѣглеца изъ моего отряда не видали. Султанша прямо обвинила ихъ въ убійствѣ этого человѣка и сказала, что только желаетъ знать, куда они дѣли его трупъ. Обвиняемые предлагали присягой подтвердить свою невинность, но султанша не согласилась допустить ихъ къ присягѣ; она была убѣждена, что они лгутъ; приказавъ ихъ сковать, она отправила ихъ на расправу къ занзибарскому султану. Потомъ она неожиданно обратилась къ моимъ посланнымъ и спросила ихъ, зачѣмъ я не заплатилъ ей дани на что, конечно, они ничего не могли отвѣчать. Послѣ этого достойная дочь Кисабенго объявила посланнымъ, что она сама возьметъ дань и не только оставитъ за собою осла съ вещами и оружіе, но и самихъ пословъ прикажетъ заковать и держать въ неволѣ, пока я не явлюсь для ихъ освобожденія. Эти угрозы были немедленно исполнены и мои несчастные люди простояли въ цѣпяхъ на базарной площади впродолженіи 16 часовъ среди толпы, осыпавшей ихъ бранью и насмѣшками. По счастью, на другой день въ Самбамвени прибылъ арабскій купецъ Шейхъ Тони, котораго я перегналъ на дорогѣ. Онъ призналъ моихъ людей и тотчасъ

отправился къ султаншѣ: „Что вы дѣлаете, сказала она, — этотъ бѣлый человѣкъ очень сильный: у него есть два ружья, которыя стрѣляютъ 40 разъ вряду и бьютъ на полчасаевои разстояніи; у него есть пули, которыя разрываются и разносятъ человѣка на куски. Онъ съ вершины сосѣдней горы можетъ убить всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей въ городѣ, прежде чѣмъ ваши солдаты достигнуть до него. Смотрите, какъ-бы онъ ни привелъ противъ васъ занзибарскаго султана и сосѣдей, которыхъ ограбилъ вашъ отецъ, и тогда они отомстятъ вамъ и отъ города вашего отца не останется ни камня“. Испуганная этимъ преувеличеннымъ разговоромъ о своемъ могуществѣ, султанша отпустила моихъ людей и удержала только два ружья.

Въ небольшомъ разстояніи отъ Самбамвени начинается долина рѣки Моката, однообразная пустыня, покрытая высокою травой. На всемъ ея протяженіи, около 30 миль, встрѣчается только одно селеніе, и во время дождей все это обширное пространство представляетъ одно необозримое болото, такъ какъ Моката — одинъ изъ притоковъ Вами, въ обыкновенное время небольшая рѣчка въ 40 фут. ширины, — разливается въ громадное озеро. По этой-то водной равнинѣ, имѣвшей въ иныхъ мѣстахъ отъ 4 до 5 ф. глубины, пришлось идти нашимъ путешественникамъ впродолженіи нѣсколькихъ дней. На каждомъ шагу надо было перебираться почти вплавь черезъ разлившіеся потоки, ноги людей и лошадей скользили по илистому грунту и мокрой травѣ; по нѣсколько разъ въ день приходилось разгружать и снова нагружать товары; достигнувъ сравнительно сухого оазиса, что случалось очень рѣдко, караванъ останавливался, чтобы просушивать товары и смазывать заржавѣвшее оружіе. Со всѣхъ сторонъ видѣлись только деревья, измоченныя дождемъ, высокая трава, смокшая и пригнутая къ землѣ, обломки гниющихъ деревьевъ — и вездѣ сверху и снизу вода, одна вода. Люди, изнуренные этимъ страшнымъ переходомъ, страдали лихорадкой и дисентеріей, а животные такъ быстро околѣвали, что къ концу перехода осталось при отрядѣ всего только шесть еле-живыхъ ословъ.

Наконецъ, 30 апрѣля, прекратился дождливый сезонъ, продолжавшійся 39 дней, и 4 мая усталые, измученные путешественники вступили въ гористую страну Усагару. Въ первомъ пограничномъ селеніи Реженнеко, довольно многолюдномъ и богатомъ,

они нашли отдыхъ, въ которомъ такъ нуждались. Четырехъ дней было достаточно, чтобы нѣсколько возстановить изнуренныя силы людей и животныхъ, и Стэнлей, едва отдѣлавшись отъ припадка дисентеріи, снова повелъ свой караванъ въ верхъ по уступамъ усагарскихъ горъ. „Достигнувъ вершины ближайшаго края, говорить онъ,—мы увидѣли передъ собою великолѣпное зрѣлище: за нами простиралась широкая долина Макаты съ ея серебристыми потоками, искрившимися при солнечныхъ лучахъ, съ зелеными лѣсами граціозныхъ пальмъ и отдаленными, голубоватыми очертаніями уругурскихъ горъ. На западъ передъ нами открывался совершенно иной міръ: безконечныя горныя вершины, края и шипы высались другъ надъ другомъ и нигдѣ не видно было ни одной обнаженной скалы, все было покрыто роскошной листвою“. Эта горная страна простирается почти на три градуса широты, отъ рѣки Макаты до пустыни Маренга-Мвали, и нѣкоторыя вершины достигаютъ до 6,000 фут. Стэнлей отзываясь съ энтузіазмомъ объ этой здоровой, живописной мѣстности и указываетъ на нее, какъ на лучшее мѣстопробываніе для миссіонеровъ, желающихъ внести цивилизацію въ нѣдра Африки.

„Въ четыре дня, говорить онъ,—миссіонеръ можетъ на пароходѣ проникнуть сюда изъ Индійскаго океана по рѣкѣ Воши и ея притоку Мукондокви, а здѣсь, среди мирныхъ вазагоровъ, онъ можетъ жить спокойно, безопасно, пользуясь всеми прелестями нецивилизованной жизни. Здѣсь его будутъ окружать живописнѣйшія сцены, какія только можетъ представить фантазія поэта. Здѣсь вода самая чистая, хрустальная, мурава самая свѣжая, изумрудная; долины изобилуютъ злаками, мимозами, тамариндами и проч.; въ лѣсахъ возвышаются гигантскія тропическія деревья и прелестныя, граціозныя пальмы. Однимъ словомъ, здѣсь находится все, чего только можетъ желать человѣкъ, кромя цивилизаціи“.

Племя, населяющее Усагару, чрезвычайно мирное, обходительное и привѣтливое; только въ сѣверныхъ округахъ, сосѣднихъ съ Усегукой, жители отличаются болѣе воинственнымъ, жестокимъ характеромъ, что очень легко объясняется постоянными набѣгами дикихъ, коварныхъ сосѣдей. Поэтому неудивительно, что они подозрительно смотрятъ на всѣхъ чужестранцевъ, но, при близ-

комъ знакомствѣ, они оказываются благороднымъ, откровеннымъ и привѣтливымъ народомъ.

Юный представитель этого племени, съ лицомъ окрашеннымъ слегка охроу, съ нитью мѣдныхъ монетъ на лбу, съ тонкими горлышками бутылокъ въ ушахъ вмѣсто серегъ, съ волосами, раздѣленными на безчисленныя, длинныя букли, украшенныя мелкими бусами и мѣдными блестящими, съ закинутой назадъ головою, съ высокой, выдающейся грудью, съ мускулистыми руками и очень развитыми бедрами—представляетъ идеаль врасиваго, африканскаго дикаря.

Всѣ мужчины и женщины татуируютъ себѣ лобъ, руки и грудь. Кромѣ серегъ изъ бутылочныхъ горлышекъ, въ которыхъ они носятъ запасъ табаку и извести, получаемой отъ пережиганья раковинъ, они носятъ на шеѣ множество первобытныхъ украшеній: бѣлыя раковины, деревянные подѣлки, козлиные рога, ожерелье изъ бусъ, нити мѣдныхъ монетъ, ладонки съ медицинскими средствами мѣстныхъ знахарей и даже маленькія мѣдныя цѣпочки. Всѣ эти украшенія они дѣлаютъ сами или вымѣниваютъ у арабовъ на цыплятъ и козлятъ. Что-же касается одежды, то дѣти ходятъ нагя, молодежь носить овчины и козлиныя шкуры, а взрослые мужчины и замужнія женщины — родъ юбокъ изъ различныхъ тканей.

Въ одномъ изъ селеній Усагары, Стэнлей нашелъ свой третій караванъ, вышедшій гораздо ранѣе изъ Багамоіо подъ предводительствомъ Фаркгара, но въ самомъ несчастномъ положеніи. Самъ Фаркгаръ былъ болѣвъ и не могъ двигаться отъ распухшихъ ногъ; у него была брайтова болѣзнь, вслѣдствіе развратной жизни. Проводникъ каравана бѣжалъ, похитивъ все, что могъ; изъ десяти ословъ остался только одинъ и почти весь запасъ мѣновыхъ товаровъ былъ имъ издержанъ на покупку цыплятъ и другихъ лакомствъ. Несмотря на справедливый гнѣвъ, возбужденный въ Стэнлей подобнымъ поведеніемъ его подчиненнаго, онъ не могъ бросить больного и потому, соединивъ оба каравана, онъ продолжалъ путь вмѣстѣ съ Фаркгаромъ. Но черезъ нѣсколько переходовъ оказалось совершенно невозможнымъ путешествовать съ больнымъ, который не могъ сдѣлать ни шагу пѣшкомъ и постоянно мучилъ окружающихъ людей своими капризами. Тогда Стэнлей рѣшился оставить его въ одномъ изъ селеній богатаго и на-

селеннаго округа Мвава, откуда онъ, уже по выздоровленіи, долженъ былъ отправиться одинъ въ Уніаніембе. Въ это-же время Стэнлей имѣлъ непріятную исторію съ другимъ своимъ бѣлымъ подчиненнымъ Шо, который сталъ дерзко жаловаться на недостатокъ удобствъ въ путешествіи, но, прогнанный на всѣ четыре стороны Стэнлеемъ, немедленно возвратился и просилъ прощенія. Ночью, въ тотъ день, когда случилась эта исторія, произошло непонятное, по словамъ Стэнлея, происшествіе. Въ палатку, гдѣ онъ спалъ, кто-то выстрѣлилъ и пуля пролетѣла надъ его головой. Проснувшись, онъ бросился въ палатку Шо и нашелъ его ружье дымящимся. Хотя Шо не призналъ себя виновнымъ, увѣряя, что выстрѣлилъ во снѣ, но когда впослѣдствіи Стэнлей рассказалъ обо всемъ Ливингстону, то послѣдній прямо объявилъ: „онъ хотѣлъ васъ убить.“ Вотъ каковы были единственные бѣлые люди, окружавшіе сѣлаго путешественника въ пустыняхъ центральной Африки.

Въ плодоносномъ округѣ Мпуапуа Стэнлей прѣвель нѣсколько дней, весело пируя и отдыхая отъ утомительнаго пути. Впродолженіи двухъ мѣсяцевъ онъ и его люди пытались пшеничной похлебкой и жесткимъ мясомъ козы, поэтому баранина, яйца, молоко, масло, медъ, бобы и другіе овощи были для нихъ необыкновенными лакомствами. Здѣсь Стэнлей встрѣтился съ нѣсколькими арабскими караванами, одинъ изъ нихъ возвращался изъ внутренности Африки и предводитель его, старый торговецъ слоновой костью, сообщилъ радостную вѣсть, что онъ видѣлъ Ливингстона въ Уджиджи, на берегу озера Тайганики. Знаменитый путешественникъ казался очень изнуреннымъ, борода его совсѣмъ посѣдѣла, однакожь онъ намѣревался, какъ только оправится отъ продолжительной болѣзни, посѣтить отдаленную страну Маніету. Другіе два каравана шли въ Уніембе и Стэнлей, соединившись съ ними, выступилъ въ дальнѣйшій путь во главѣ громаднаго отряда около 400 человекъ съ многочисленными флагами, ружьями, барабанами и т. д.

Между Усагарой и Угого простирается на 300 миль пустыня Маренга-Мвали и путь черезъ нее очень утомительный и однообразный. Однако, черезъ два дня, цѣною нѣсколькихъ больныхъ лихорадкою, караванъ благополучно достигъ перваго селенія Угого, дѣ снова ожидали его роскошныя продукты плодоносной страны:

молоко, сладкое и кислое, медъ, бобы, горохъ, огурцы, арбузы и хлѣбъ всякаго рода. Угого имѣеть въ длину около 100 миль, а въ ширину около 80 и простирается до Уянзи. Страна эта чрезвычайно населенная и хотя занимаемая ею волнистая равнина не очень плодородна и песчана, но обработана лучше всѣхъ другихъ мѣстностей отъ самаго Багамоіо.

Жители Угого физически и умственно выше всѣхъ другихъ туземныхъ племенъ, встрѣчающихся отъ берега до Уніаніембе. Кожа у нихъ темнубурая, а въ очертаніяхъ лба есть что-то львиное, лица ихъ широкія, умныя, глаза большіе, круглые, носы плоскіе и губы толстыя, но не такъ чудовищны, какъ обыкновенно предполагають у негровъ. Вообще много, хотя и жестокій дикарь, способный на все въ минуту страсти, имѣеть много привлекательнаго. Онъ гордится своимъ султаномъ, отечествомъ, самимъ собою, своей ловкостью и оружіемъ; онъ тщеславенъ, себялюбивъ и склоненъ къ тиранству, но способенъ питать искреннюю дружбу и преданность къ тѣмъ, кого любитъ. Главный недостатокъ его характера заключается въ его алчности и скупости; эти черты, конечно, дѣлають его неприятнымъ для путешественниковъ. Но въ сущности этотъ дикарь съ своимъ грознымъ, вѣдшимъ видомъ и съ жестокой, гордой, тщеславной, сварливой натурой дѣлается ребенкомъ въ рукахъ человѣка серьезно изучившаго его характеръ и не оскорбляющаго его тщеславія. Очень легко возбудить его любопытство и занять его вниманіе. Къ тому-же, хотя онъ сознаеть слабость путешественниковъ въ сравненіи съ нимъ, но онъ воздерживается отъ насилія, потому что его интересъ поддерживать мирныя отношенія. Насильственные дѣйствія въ отношеніи путешественниковъ заставили-бы караваны выбрать другую дорогу и предводители вагоговъ лишились-бы своего главнаго дохода, дани, собираемой со всѣхъ проходящихъ чрезъ страну. Это именно и доказываетъ, что они находятся на извѣстной степени умственнаго развитія, такъ какъ они могли-бы, при своей многочисленности и вооруженной силѣ легко ограбить до-чиста каждый караванъ. Сборъ дани производится султанами мелкихъ племенъ, на которыя распадаются вагоги и довольно правильно, такъ что Стэнлей составилъ цѣлую таблицу о количествѣ дани, платимой караваномъ при проходѣ черезъ каждый округъ, по тремъ главнымъ дорогамъ. При этомъ ткани берутся съ каравановъ, идущихъ съ

берега, а слоновая кость и мотыки съ возвращающихся изъ внутреннихъ странъ.

Оружіе вагого, сдѣланное очень искусно, состоитъ изъ лука съ острыми убійственными на взглядъ стрѣлами, изъ широкаго копья съ остриемъ, похожимъ на саблю, сѣкиры, кистеня и щита изъ слоновой или буйволовой шкуры, изпещренной бѣлыми и черными рисунками. Съ малолѣтства, онъ привыкаетъ обращаться съ оружіемъ и въ 15 лѣтъ становится уже вполне искуснымъ воиномъ. Очень мало времени требуется ему для приготовления къ войнѣ. Стоитъ только гонцу, посланному предводителемъ племени, явиться въ селеніе и съ трубнымъ гласомъ объявить походъ, какъ много, работающій въ полѣ, немедленно возвращается домой, прячетъ свою мотыку, которой онъ копалъ землю, и чрезъ нѣсколько секундъ выходитъ совершенно готовый, въ полномъ вооруженіи: на головѣ его развѣваются перья страуса, орла или коршуна, длинная красная мантия спускается съ его плечъ, въ лѣвой рукѣ онъ держитъ щитъ и лукъ со стрѣлами, а въ правой тяжелое копье; на колѣнкахъ и щиколкахъ привѣшаны маленькіе колокольчики, а на рукахъ красуются многочисленные браслеты изъ слоновой кости, которыми онъ постукиваетъ, приближаясь къ врагу.

Жилища вагого также, какъ и сосѣднихъ племенъ, состоятъ изъ четырехугольнаго узкаго зданія, среди котораго находится открытый дворъ. Крыша плоская и на ней сушатъ хлѣбныя зерна, травы, табакъ и тыквы. Во внутренней стѣнѣ, выходящей во дворъ, пробиты двери, а во внѣшней сдѣланы отверстія для наблюденія и защиты въ случаѣ надобности. Эти жилища, называемыя *тембе*, представляютъ собою очень легкую постройку; стѣна состоитъ изъ ряда тонкихъ палокъ, замазанныхъ глиною, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крѣпкія жерди поддерживаютъ балки, на которыхъ держится плоскій потолокъ. Ружейная пуля пронизываетъ насквозь *тембе*; но въ Упianзи ихъ строятъ гораздо основательнѣе: тамъ стѣны складываютъ изъ толстыхъ, связанныхъ между собою, брусевъ. *Тембе* раздѣляется на особые покои, раздѣленные плетнемъ вмѣсто перегородки. Въ каждомъ изъ нихъ помѣщается семейство; только отецъ имѣетъ кровать, состоящую изъ воловьей шкуры или древесной коры, натянутой на рамкѣ, дѣти-же спятъ на звѣриныхъ кожахъ, на глиняномъ полу. Во внутреннемъ дворѣ держатъ только коровъ, овецъ, козлятъ

и кошекъ; а быки и собаки остаются снаружи. Бичомъ этихъ жилищъ служатъ крысы съ особенно длинными головами, а также громадные, черные пауки и другія чудовищныя насѣкомыя.

Относительно понятій и обычаевъ жителей Угого, Стэнлей приводитъ очень любопытный разговоръ съ однимъ туземнымъ торговцемъ:

— Кто создалъ вашихъ родителей?

— Конечно, Мулунгу (богъ или небесный духъ).

— А кто-же насъ создалъ?

— Если богъ создалъ моего отца, то богъ создалъ и меня.

— Хорошо. А гдѣ, вы полагаете, находится вашъ умершій отецъ?

— Мертвый умираетъ и его болѣе нѣтъ, произнесъ Мгого торжественно: — султанъ умираетъ и превращается въ ничто, онъ тогда не лучше дохлой собаки; относительно его все кончено и неслышно отъ него уже никакихъ словъ. Это правда, прибавилъ онъ, замѣтивъ улыбку на лицѣ своего собесѣдника. — Султанъ превращается въ ничто. Кто станетъ утверждать иное, тотъ будетъ лгать.

— Но вѣдь онъ могущественный человекъ, неправда-ли?

— Да, пока живъ, а послѣ смерти его бросаютъ въ яму, какъ всякаго другого, и дѣлу конецъ.

— Какъ вы хороните Мгого?

— Его ноги скручиваютъ, лѣвую руку привязываютъ къ тѣлу, а правую кладутъ подъ голову и потомъ скатываютъ лѣвымъ бокомъ въ могилу. Сверху покрываютъ его одеждой, которую онъ носилъ при жизни, и засыпаютъ землею. Наконецъ, надъ могилою сажаютъ колючіе кусты, чтобы помѣшать гіенамъ добратся до покойника. Женщину кладутъ въ могилу на правый бокъ и отдѣльно отъ мужчины.

— Что вы дѣлаете съ умершимъ султаномъ?

— Мы его также хоронимъ — только посреди селенія, и надъ его могилой строимъ домъ, передъ которымъ потомъ закалываютъ быковъ, если представится въ томъ надобность. По смерти стараго султана, новый убиваетъ быка на его могилѣ, призывая Мулунгу въ свидѣтели, что онъ законный султанъ, и потомъ раздаетъ мясо отъ имени отца.

— Кто наследуетъ султану? его старшій сынъ?

— Да, если есть такой, если-же султанъ бездѣтенъ, то слѣдующій за нимъ предводитель народа. Первое мѣсто послѣ султана занимаетъ *меаиры*, обязанность котораго состоитъ въ разсмотрѣннн и докладѣ султану всѣхъ жалобъ, онъ собираетъ дань и представляетъ ее султану, который выбираетъ себѣ, что ему нравится, а остальное идетъ въ пользу *меаиры*. Предводители называются *Мани-пары*; *Меаиры* старшій изъ нихъ.

— Какъ женится Мгого.

— Онъ покупаетъ жену.

— Что стоитъ женщина?

— Бѣдный человѣкъ можетъ купить жену у ея отца за пару козлятъ.

— А сколько платитъ султанъ за свою жену?

— Около ста козловъ или известное количество коровъ и барановъ. Какъ начальникъ, султанъ не покупаетъ простой женщины... Ему необходимо получить согласіе отца и отдать скотъ; на это идетъ много времени и происходятъ долгіе разговоры съ родственниками и друзьями невесты, прежде чѣмъ она покинетъ родительскій домъ.

— Что вы дѣлаете съ убійцами?

— Каждый убійца долженъ уплатить пеню - въ пятьдесятъ коровъ; если онъ слишкомъ бѣденъ для этого, то султанъ дозволяетъ родственникамъ и друзьямъ убитаго предать его смерти. Схвативъ убійцу, они привязываютъ его къ дереву и начинаютъ по очереди бросать въ него копьями, потомъ бросаются на него, отрубаютъ голову, руки и ноги и разбрасываютъ по сторонамъ.

— Какъ наказываете вы вора?

— Если онъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, то его тутъ-же убиваютъ и болѣе ничего. Вѣдь онъ воръ, не такъ-ли?

— А если вы не знаете, кто именно воръ?

— Когда намъ представляютъ человѣка, обвиняемаго въ кражѣ, мы убиваемъ цыпленка, и если внутренности его бѣлыя, то обвиняемый невиновенъ, если-же онѣ желтыя, то онъ виновенъ.

— Вѣрите вы въ колдовство?

— Конечно, вѣримъ и наказываемъ смертью человѣка, который заговариваетъ скотъ или останавливаетъ дождь.

Въ странѣ Угого Стэнлею пришлось перенести много непріятностей отъ дерзкаго любопытства туземцевъ, которые сотнями сбѣгались посмотрѣть на бѣлаго человѣка и оглашали воздухъ криками изумленія, — и отъ чрезмѣрныхъ требованій дани на каждомъ шагу предводителями мелкихъ племенъ, съ которыми арабы очень наловчились торговаться. Впрочемъ, могущественнѣйшій изъ султановъ, эксцентричный старикъ, Пембера - Пере, всегда умѣетъ ихъ обойти и выманить лишній кусокъ ткани. Кромѣ этихъ затрудненій Стэнлей страдалъ лихорадочными припадками, которые, однако, быстро проходили отъ усиленныхъ пріемовъ хины. Наконецъ, миновавъ нѣсколько мелкихъ соленыхъ озеръ, караванъ благополучно достигъ пограничныхъ селеній, обитаемыхъ пастушескимъ племенемъ вахумбы: жители этой мѣстности чрезвычайно красивы, съ небольшими головами, маленькими ртами, и чисто-греческими носами. Ноги ихъ не такъ грубы, какъ у вагого и другихъ племенъ, а длинныя, хорошо сложенныя. Атлеты съ юности, привыкшіе къ пастушеской жизни и поддерживающіе чистоту своей расы женитьбами другъ на другъ, вахумбы могутъ служить моделями скульптору для изображенія Антиноя или Аполлона. Женщины такъ же великолѣпны, кожа ихъ черна, но не какъ уголь, а съ чернильнымъ оттѣнкомъ. Украшенія, носимыя ими, состоятъ изъ витыхъ мѣдныхъ колецъ въ ушахъ, такихъ же ожерелій вокругъ шеи и пояса, придерживающаго воловьи или козлиныя шкуры, накинутыя на плечи и опускающіяся до колѣнъ.

Между Угого и ближайшей цѣлью каравана Уніаніембе простирается небольшая страна Уніанзи или Магунда-Мкали, т. е. „Душное поле“. Въ прежнее время, когда въ этой мѣстности не было еще поселенцевъ, носильщики жаловались на ужасную жару и недостатокъ воды, вотъ почему и произошло самое названіе страны. Въ настоящее время она очень населена пришельцами съ юга изъ Укамбы. Это народъ мирный, трудолюбивый, предпочитающій земледѣліе войнѣ и скотоводство завоеваніямъ. При первомъ извѣстіи о войнѣ, они уходятъ съ семействами и пожитками въ отдаленную пустыню, гдѣ обрабатываютъ землю и охотятся за слонами. Вообще это отличная раса, и, конечно, по своей многочисленности и оружію — легкимъ копьямъ, лукамъ и сѣкирамъ — могла-бы соперничать съ любымъ племенемъ, но ея слабость за-

включается въ разбѣдиненіи, такъ какъ по всей странѣ она разбросала мелкія независимыя колоніи, отдѣлившіяся отъ нея, которыя, сплотившись, могли бы представить собою могущественную силу.

Въ Уніанзи Стэнлей вышелъ на дорогу, по которой прошли Бертонъ и Спигъ въ 1857 г., и слѣдовалъ по ней до страны Уніаніембе, главный округъ котораго Уніаніембе, куда, наконецъ, прибыли наши путешественники 22 іюля.

(Продолженіе слѣдует)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Недостаточное знакомство Европы съ Китаемъ. — Чѣмъ проявила себя въ Китаѣ европейская цивилизація? — Точно-ли Китай страна варварская, неподвижная и обособленная? — Вступленіе Китая на всемірно-историческую арену. — Свадьба китайскаго императора. — Выборъ невѣсты. — Наложницы. — Подарки императорской невѣстѣ. — Брачная церемонія. — Какъ ухитрились газетные корреспонденты наблюдать ее. — Взглядъ китайцевъ на единовровные браки. — Происхожденіе китайцевъ отъ ста патріарховъ. — Сто громадныхъ семей. — Положеніе женщины въ Китаѣ. — Уродованіе женскихъ ногъ. — Разводъ. — Продажа женщинъ. — Рабство. — Самоубійство вдовъ. — Дѣтоубійство. — Права отца надъ своими дѣтьми. — Уваженіе старости. — Брачныя и погребальныя ассоціаціи. — Отсутствие общественныхъ кладбищъ. — Извлеченіе духа умершаго. — Провозглашеніе республики въ Испаніи.

I.

На крайнемъ востокѣ Стараго Свѣта образовалось громадное государство, населенное 500 милліонами людей одной расы ¹⁾. Это государство самое древнее изъ всѣхъ теперь существующихъ; слишкомъ за сорокъ вѣковъ до нашей эры начинается уже его достовѣрная исторія; оно древнѣе античныхъ государствъ: египетскаго и халдейскаго; оно было уже древнимъ, когда они только-что начинали свое существованіе. Китайская цивилизація восходитъ ко временамъ самой глубокой древности, и если разсматривать ее безпристрастно, если судить о ней объективно, нельзя не признать, что между нею и европейской цивилизаціей нѣтъ слишкомъ чувствительной разницы. Сами

¹⁾ Чуждыя расы, входящія въ составъ населенія этого государства, настолько усвоили себѣ обычаи и характеръ господствующей расы, что вполне ассимилировались.

китайцы гордятся прочностью своего социальнаго устройства, доказательство чему видать въ долговременности его существованія; они утверждаютъ, что ихъ политическое зданіе выстроено несравненно лучше, чѣмъ наши, и это убѣжденіе выводятъ изъ того, что оно несравненно рѣже получало потрясенія отъ экономическихъ и религіозныхъ революцій и не требовало такихъ частыхъ исправленій и перестроекъ, какъ наши, колеблемыя бурями и землетрясеніями, безпрестанно смѣняющимися другъ друга, съ самаго начала существованія нашихъ обществъ и до настоящаго времени. Но такъ-ли это? Дѣйствительно-ли Китай имѣетъ право кичиться своей цивилизаціей? На этотъ вопросъ отвѣтить положительно очень трудно, потому что мы еще очень плохо знаемъ Китай. На основаніи-же того, что мы знаемъ, мы можемъ отвѣтить только отрицательно. Въ Китаѣ, конечно, есть много хорошаго, но основы его цивилизаціи ни въ какомъ случаѣ не могутъ возбуждать нашихъ симпатій.

Китай представляетъ чрезвычайно много любопытнаго для изслѣдователя, и однакъ, онъ до сихъ поръ, остается для насъ terra incognita. Прежде можно было отговориться, что попасть въ него затруднительно, что необходимы значительныя средства для путешествія въ эту восточную окраину міра. Теперь подобная отговорка совершенно неосновательна: Китай отстоитъ отъ Европы не болѣе какъ на шесть недѣль пути и дорога туда обходится не дороже 250 р. Можно-бы подумать, что, при такой легкости и дешевизнѣ сообщенія съ Китаемъ, туда отправится множество изслѣдователей для изученія тамошнихъ нравовъ, обычаевъ, тамошней оригинальной цивилизаціи, для изученія исторіи этой страны, ея науки, религіи и морали.

На самомъ-же дѣлѣ не такъ. У европейскихъ ученыхъ слишкомъ много своихъ важныхъ дѣлъ, чтобы они могли найти время заняться китайщиной. Они ревностно предаются изслѣдованію вопроса о томъ, изъ-за чего въ такомъ-то году XIII или XIV столѣтія возникла распря между городами Цугомъ и Цюрихомъ; они спорятъ объ имени бургомистра, заправлявшаго городомъ Берг-оп-Цономъ въ 1375 или 1376 году; они желаютъ узнать, какъ звали жену Рембрандта и принесли ли она ему приданое. Они издають цѣлыя томы о сапогахъ, латахъ, шлемахъ извѣстныхъ военачальниковъ; они пишутъ біографіи Аристубула, Аристодема и другихъ извѣстныхъ людей, дѣйствовавшихъ во время сѣдой древности, жизнь которыхъ не представляетъ никакого интереса для нашего времени. Извѣстные европейскіе ученые отдають свое время и трудъ на рѣшеніе задачи: ставила-ли рога зятю Цицерона, Долабеллѣ, его супруга? или употребляютъ его на безплодную

полемику, темой которой служить опредѣленіе настоящаго смысла какого-нибудь древне-греческаго или латинскаго слова.

Можно насчитать не болѣе пяти, шести ученыхъ сочиненій, посвященныхъ специально изученію Китая, но и они дають очень мало достовѣрныхъ свѣдѣній объ этой странѣ. Если мы знаемъ что-нибудь о Китаѣ, то этимъ болѣе всего обязаны русской миссіи въ Пекинѣ, баптистскимъ и іезуитскимъ миссіямъ въ Китаѣ, и англійскимъ и американскимъ негодіантамъ, печатающимъ корреспонденціи въ различныхъ газетахъ. Однакожь, какъ ни интересны свѣденія, ими сообщаемыя, ихъ труды не пользуются популярностью въ Европѣ, и изданныя ими книги лежать на полкахъ книжныхъ магазиновъ, ожидая покупателей. Европейская цивилизація, съ своей стороны, заявляла о себѣ Китаю самыми возмутительными насильственными дѣйствіями: главнокомандующій французскими войсками, графъ Палкао, разграбилъ лѣтній дворецъ богдыхана; лордъ Эльджинъ сжегъ бібліотеку, въ 500,000 томовъ, составленную императоромъ Кинг-Лионгомъ изъ самыхъ древнихъ, самыхъ рѣдкихъ и самыхъ красивыхъ изданій. Европейцы сознательно отравляютъ китайцевъ опиумомъ, взамѣнъ котораго получаютъ отъ китайцевъ здоровый и пріятный чай. И европейскіе буржуа, распивая китайскій чай изъ превосходныхъ, легкихъ чашекъ китайскаго фарфора, говорятъ: «какіе уроды эти китайцы!» наивно принимая рисунки на фарфорѣ за портреты, тогда какъ тамъ изображены карикатуры.

Болѣе близкое знакомство съ Китаемъ и китайцами заставляетъ каждого измѣнить слишкомъ дурное о нихъ мнѣніе, и навѣрное можно сказать, что люди, выказывающіе къ нимъ презрѣніе, ровно ничего не знаютъ о нихъ. Существуетъ поговорка: «каждый человекъ мѣряетъ все на свой собственный аршинъ». Ее правильнѣе измѣнить такъ: «человекъ измѣряетъ все своимъ тщеславіемъ, а его тщеславіе измѣряется его невѣжествомъ». На все, имъ незнакомое, европейскіе буржуа смотрятъ, какъ на предметы, нестоющіе ихъ вниманія и къ которымъ можно относиться съ полнымъ презрѣніемъ.

«Мы извиняемъ свое равнодушіе къ Китаю, говоритъ остроумный Жозефъ Феррари (въ своей парадоксальной книгѣ: «Китай и Европа; сравненіе ихъ исторіи и традицій»),—тѣмъ, что считаемъ небесную имперію варварской, неподвижной и обособившейся отъ прочаго человечества.

«Однакожь, дѣйствительно-ли Китай—страна варварская? Каждый вѣтеръ, каждый цыбикъ съ чаемъ, привезенный изъ Нанкинга, опровергаютъ это странное обвиненіе. Посмотримъ лучше, цивилизована-ли

сама Европа, даже въ Англіи, гдѣ до сихъ поръ еще живутъ и дѣйствуютъ нѣкоторыя безобразія, которыя давно пора сдать въ архивъ? Существуетъ-ли какая-нибудь цивилизація въ Константинополѣ, гдѣ нѣтъ ни искусствъ, ни философіи, ни литературы? Цивилизованы-ли Франція, Испанія, Италія, Австрія, поддерживающія папство, противъ котораго давно уже высказались всѣ просвѣщенные люди? Не смотрять-ли до сихъ поръ въ Европѣ на прогрессъ, какъ на какую то недостижимую утопію...

«Точно-ли Китай неподвиженъ! Его исторія говоритъ намъ о множествѣ изобрѣтеній, сдѣланныхъ китайцами; мы узнаемъ, что Китайъ раньше другихъ народовъ ввелъ у себя письменность, что въ очень древнія времена основалась въ немъ академія, получившая значительныя права. Мы узнаемъ о множествѣ реформъ въ китайскомъ законодательствѣ въ сферѣ собственности, уголовныхъ наказаній и администраціи. Мы узнаемъ, что китайцы не разъ перемѣщали свою столицу, исправляли календарь. Мы назвали китайцевъ неподвижными потому, что они не измѣняютъ покрова своего платья, не мѣняютъ безпрерывно модъ; мы смотримъ на Китайъ и издали не замѣчаемъ постоянныхъ перемѣнъ, тамъ происходящихъ; мы наблюдаемъ ихъ также, какъ неподвижныя звѣзды, которыя мы назвали неподвижными потому только, что безмѣрная дальность ихъ разстоянія отъ насъ не позволяетъ намъ замѣтить ихъ движенія. Но и китайцы, наблюдая насъ издали и замѣчая, напримѣръ, что католики страстно держатся за отжившее папство, имѣютъ основаніе назвать насъ если не варварами, то, по крайней мѣрѣ, неподвижными.

«Обвиненіе въ обособленности, можетъ быть, менѣе несправедливо, потому что Европа узнала Китайъ только въ царствованіе Людовика XIV. Конечно, Китайъ виноватъ въ томъ, что не успѣшилъ ранѣе удовлетворить наше любопытство, что онъ не принималъ визита Кабрала; что онъ увидѣлъ въ первыхъ испанскихъ и португальскихъ мореплавателяхъ только пиратовъ, неспособныхъ научить его чему-нибудь полезному; во французскихъ и итальянскихъ миссіонерахъ—іезуитахъ — бонзъ, имѣвшихъ намѣреніе обмануть его; а въ первыхъ европейскихъ путешественникахъ—людей, изгнанныхъ изъ своего отечества. Конечно, Китайъ сдѣлалъ большую ошибку. Но разстояніе отъ Пекина до Парижа то-же самое, какъ и отъ Парижа до Пекина, и китайцы имѣли такое-же право сказать о насъ, какъ мы о нихъ, что мы обособились отъ прочаго міра, что наши политика и религія не имѣли силы распространиться за Мадрасъ и Бомбей и сдѣлаться извѣстными въ Кантонѣ;—что я говорю? даже утвердиться въ Константи-

нополѣ и Іерусалимѣ. Если мы много разъ волновали нашъ континентъ; если греки, римляне, крестоносцы производили страшный шумъ, то слѣдуетъ отдать справедливость и китайцамъ, вѣдь и они то-же разрушали города, сожигали столицы, дѣлали вторженія въ варварскія страны или отражали нападенія на нихъ варваровъ; вѣдь и они тоже нѣсколько вѣковъ къ ряду только и дѣлали, что воевали; вѣдь и они доводили свою армію до полуторамилліонной численности. Не ихъ вина, что Европа этого не замѣтила. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ обвинять ихъ и за то, что они не заимствовали у Европы бумажныхъ денегъ: они не сдѣлали этого по той простой причинѣ, что бумажныя деньги были введены у нихъ двумя столѣтіями раньше, чѣмъ въ Европѣ; точно также, какъ книгопечатаніе было имъ уже извѣстно за пять столѣтій до нашего изобрѣтенія, а компасъ за двадцать. Китай былъ обособленъ нѣсколько не больше, чѣмъ мы, потому что въ Японіи, въ Персіи, въ Индіи и въ средней Азіи было прекрасно извѣстно обо всемъ, что дѣлалось въ Китаѣ.

Въ западной Европѣ привыкли придавать огромное значеніе нынѣ дѣйствующимъ маленькимъ великимъ людямъ и сравнительно ничтожнымъ дѣламъ, которыя разсматриваются, какъ крупныя событія. Каждому хочется узнать, что сказали сегодня или какой жестъ сдѣлали: въ Лондонѣ — графъ Гренвилъ; въ Парижѣ—Тьеръ и члены комиссіи тридцати; въ Берлинѣ—Вагнеръ, Ласкеръ, Маайнкродтъ, Мантейфель и Итцелинъ; въ Вѣнѣ—Гискра, Бейстъ, Андраши; въ Римѣ—Ланца, Висконта-Веноста, Антонели и многіе другіе... и почти никому неизвѣстно даже имя императора, царствующаго въ Пекинѣ надъ третью человѣческаго рода! И однакожъ, если-бъ житель планетъ Венеры или Юпитера явился на нашей землѣ, онъ, получивъ первоначальныя свѣденія о нашей планетѣ, несомнѣнно прежде всего сталъ-бы изучать нравы и обычаи небесной имперіи и посѣтилъ-бы Пекинъ, Нанконъ, Кантонъ и другіе большіе города, имѣющіе болѣе, чѣмъ полумилліонное населеніе, ранѣе чѣмъ Лондонъ, Парижъ, Берлинъ, Петербургъ, Вѣну, Римъ и Неаполь. И, какъ это ни затрогиваетъ наше тщесловіе, очень вѣроятно, что онъ скорѣе бы занялся изслѣдованіемъ исторіи Яо, Чуна и Ю, основателей небесной имперіи, чѣмъ исторіей Ману, Мисраима, Набонассара, Астіага, Кекропса и Ромула; онъ болѣе-бы заинтересовался законами Тшу-ли, чѣмъ ликурговыми, солоновыми, двѣнадцати таблицъ или капитуляріями Карла великаго; онъ отдалъ-бы предпочтеніе изслѣдованіямъ реформистской дѣятельности Тшинъ-Чунга, Уангъ-

ан-Чи, Фан-Чина и другихъ замѣчательныхъ государственныхъ людей Китая передъ изслѣдованіями жизни и дѣятельности такихъ правителей, какъ Августъ римскій, Медичи флорентинскіе или Людовикъ XIV французскій.

Близкое знакомство съ китайской исторіей, съ правами и обычаями китайцевъ должно значительно измѣнить наши научные выводы касательно этой интересной страны. Эти выводы извлечены, по большей части, изъ весьма подозрительныхъ фактовъ, въ большинствѣ случаевъ искаженныхъ преднамѣренно. Въ дѣлѣ очистки нашихъ понятій о Китаѣ могла-бы много помочь сравнительная этнологія, но, къ несчастію, наши истые ученые до такой степени окунулись въ идеализмъ, спиритуализмъ, картезіанизмъ, гегелизмъ, шеленгизмъ и шопенгауэризмъ, что они никакъ не могутъ смотрѣть на вещи прямо, реально и ко всему подходить съ предвзвѣтой идеей. Поэтому трудно требовать отъ нихъ, чтобы они отрѣшились отъ своихъ убѣжденій относительно Китая и посмотрѣли на него безъ предубѣжденія. Разрабатывается какъ слѣдуетъ вопросъ о значеніи китайской цивилизаціи развѣ въ то время, когда китайскій элементъ въ значительной степени смѣшается съ прочими расами человѣчества, что несомнѣнно случится въ ближайшемъ будущемъ.

Какъ-бы то ни было, но европейскія дѣла изъ года въ годъ теряютъ свою относительную важность, и на оборотъ, объ Америки, Австраліи, Индіи, Японіи и Китаѣ все болѣе и болѣе выступаютъ на всемірно-историческую арену и событія, въ нихъ происходящія, приобрѣтаютъ все большую и большую важность для будущей исторіи человѣчества.

Мы намѣрены время отъ времени, когда въ Европѣ затишье и европейскія дѣла не отвлекаютъ насъ, заниматься Востокомъ. Теперь именно существуетъ такое затишье. Въ Испаніи, правда, совершилось выходящее изъ ряда событіе, но касаться его мы считаемъ невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока не выяснятся многія подробности, безъ которыхъ рассказъ о событіи выходитъ вялымъ и скучнымъ, обращается въ простой перечень совершившихся фактовъ. На этотъ разъ мы займемся социальнымъ положеніемъ въ Китаѣ, и преимущественно семьей. Всѣ политическія ассоціаціи имѣли своимъ началомъ семью. Китайское государство представляетъ колоссальную семью въ 530 милліоновъ членовъ, первобытную патриархальную ассоціацію, которая удержалась въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ и умѣла согласовать свое устройство съ давно существовавшей довольно высокой цивилизаціей.

II.

Въ последнее время въ европейскихъ газетахъ появилось нѣсколько извѣстій изъ Китая, занятыхъ исключительно свадьбой китайскаго императора. Въ нихъ рассказано много подробностей о самой церемоніи брака; предприимчивый директоръ какого нибудь парижскаго или вѣнскаго театра могъ-бы надолго обезпечить себѣ хорошіе сборы, еслибъ воспроизвелъ на сценѣ эту церемонію: такъ много въ ней занимательнаго и комическаго. Свадьба императора можетъ служить образцомъ, разумѣется, въ усиленномъ размѣрѣ, всякой китайской свадьбы. Конечно, всѣ подробности церемоніи не могутъ имѣть мѣсто въ частной свадьбѣ, но только потому, что частный человѣкъ не можетъ прибѣгнуть къ такимъ расходамъ, какіе дозволяетъ себѣ императоръ, но каждый стремится исполнить всѣ обряды церемоніи, которые ему по средствамъ.

Какъ ни трудно было иностранцу увидѣть брачную церемонію китайскаго императора, однакожъ, м-ръ Томсонъ преодолѣлъ всѣ затрудненія и напечаталъ свой рассказъ о ней въ лондонскихъ газетахъ: «Daily News» и «Illustration», отъ которыхъ онъ былъ посланъ спеціальнымъ корреспондентомъ. Заимствуемъ изъ его интересныхъ корреспонденцій главнѣйшіе факты.

Какъ только наследнику престола небесной имперіи въ мартѣ прошлаго года, исполнилось 17 лѣтъ, въ «Пекинской газетѣ» появился декретъ отъ имени обѣихъ вдовствующихъ императрицъ, въ которомъ объявлялось, что сынъ Неба достигъ совершеннолѣтія и можетъ вступить въ бракъ, и что астрономы избрали въ девятомъ мѣсяцѣ (т. е. въ октябрѣ) благопріятный день для брака молодого императора съ дѣвицею Ахъ-лю-те. Звѣзды указали астрономамъ 4-е октября, какъ самый удобный день для великаго торжества. Астрономы лишились-бы жизни, еслибы въ избранный ими день случилось затмѣніе солнца или на небосклонѣ появился-бы блестящій хвостъ заблудившейся кометы, Но уже много вѣковъ тому назадъ китайскіе астрономы отличались знаніями, а съ тѣхъ поръ, какъ Китай вошелъ въ сношенія съ европейцами, китайскіе астрономы ознакомились съ открытіями въ астрономіи, сдѣланными европейскими учеными. Уже давно іезуитскіе миссіонеры приглашались занимать мѣста въ пекинской обсерваторіи; въ последнее-же время на службѣ въ этой обсерваторіи находится нѣсколько европейскихъ астрономовъ, между которыми самое видное занимаетъ французъ Леписье.

Послѣ того какъ былъ найденъ благопріятный день для свадьбы императора, вдовствующія императрицы занялись отысканіемъ достойной ему подруги. Будущая жена императора должна была обладать исключительными достоинствами, которыя-бы давали ей право возвыситься на степень богини. И въ самомъ дѣлѣ, по понятіямъ китайцевъ о верховной власти, императоръ есть богъ, а его жена—богиня. «Китайскій императоръ, говоритъ Томсонъ,—не похожъ на европейскіхъ монарховъ. Не признавая никого равнымъ себѣ на землѣ, онъ убѣжденъ, что ни одна принцеса въ мірѣ не можетъ считаться достойной сдѣлаться его супругой. Въ самомъ Китаѣ есть много принцевъ крови, но всѣ они принадлежатъ къ императорской фамиліи, а основной законъ китайской имперіи запрещаетъ единокровные браки, въ какой-бы степени родства ни находились женихъ и невѣста. Поэтому императоръ избираетъ себѣ невѣсту изъ дочерей народа; въ этомъ случаѣ народъ представляется мандаринами, которые, правда, составляютъ умственную аристократію страны, но не замкнутую, не наследственную; мандариномъ можетъ сдѣлаться всякій, хотя-бы онъ принадлежалъ къ самымъ низшимъ классамъ населенія, если только онъ выдержалъ экзаменъ. Въ настоящемъ случаѣ объ императрицы: западная и восточная, приказали всѣмъ чиновникамъ прислать во дворецъ своихъ дочерей, въ возрастѣ отъ 15 до 18 лѣтъ. Въ Европѣ, можетъ быть, подумаютъ, что въ Китаѣ отцы семействъ наперерывъ одни передъ другими интригуютъ, желая добиться высокой чести сдѣлать свою дочь императрицей. Ничуть не бывало. Въ Китаѣ, напротивъ, каждый избѣгаетъ этой чести. Дѣвушка, ставшая супругой императора, потеряна для своей семьи, она умираетъ для нея; ея родственники-мужчины никогда болѣе уже не увидятъ ее; мать и родныя сестры могутъ видѣть ее только въ крайнихъ, слишкомъ исключительныхъ случаяхъ. Въ виду этого каждый отецъ семейства выскриваетъ предлоги уклониться отъ представленія своихъ дочерей на смотръ ко двору. Одинъ объявляетъ, что его дочь хрома, другой слѣпа и т. д.; производятъ даже искусственно временныя уродства. На этотъ разъ такъ мало было желающихъ явиться на конкурсъ, что принуждены были издать приказъ, чтобы везли всѣхъ безъ исключенія, и хромыхъ, и слѣпыхъ, и уродовъ. Такимъ образомъ, явилось во дворецъ около 700 дѣвицъ. Обѣ императрицы осмотрѣли ихъ весьма тщательно съ физической стороны и произвели имъ строгій экзаменъ, чтобы узнать ихъ умственныя качества. Дѣвицы употребляли всѣ усилія, чтобы показаться хуже, чѣмъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ, но при всемъ томъ императрицы выбрали 60 и приказали придворнымъ

астрологамъ составить ихъ гороскопъ. Послѣ этого изъ 60 выбрали 36 и поселили ихъ во дворцѣ, потомъ постепенно число ихъ уменьшалось до 20, 10, 5, 2 и, наконецъ, побѣдительницей изъ конкурса вышла Ах-лю-те. Предпоследнія четыре остались съ нею во дворцѣ, какъ ея подруги и второстепенныя жены императора. Въ Китаѣ существуетъ нѣчто среднее между моногаміей и полигаміей. Китаецъ можетъ имѣть только одну жену, но если онъ богатъ, ему дозволяется имѣть одну или нѣсколько наложницъ. Если настоящая супруга не имѣетъ дѣтей, она должна согласиться, чтобы ея мужъ взялъ вторую жену, которая можетъ родить ему сына и родъ не прекратится. Если она поступитъ иначе, общественное мнѣніе обратится противъ нея. Въ наложницы, впрочемъ, очень рѣдко поступаютъ дѣвицы знатныхъ фамилій, потому что, вступая въ домъ своего любовника, наложница должна преклонить колѣни предъ главною женою и потомъ всю жизнь находится у нея въ повиновеніи. Изъ вдовствующихъ китайскихъ императрицъ одна, восточная, была настоящей женой покойнаго императора, но не имѣла дѣтей; другая, западная, была наложницей и родила сына, теперешняго императора.

Избранная невѣста, Ах-лю-те, поселилась во дворцѣ, нарочно для нея выстроенномъ; къ ней было приставлено нѣсколько дамъ. Въ это-же время молодой императоръ выслушивалъ уроки отъ четырехъ *профессоровъ брака*, которыми въ настоящемъ случаѣ были четыре красивыя дѣвушки. Одна изъ этихъ дѣвицъ настолько понравилась юному императору, что поступила въ число дамъ его гарема.

Однакожъ, можно сомнѣваться, говоритъ Томсонъ, — чтобы эти четыре любезные профессора могли въ дѣйствительности передать своему юному ученику науку, которую имъ поручено было преподавать. Изъ всѣхъ титуловъ, которые носить китайскій императоръ, самый подходящий къ его жизни титулъ *уединеннаго государя*. О немъ дѣйствительно можно сказать, что онъ живетъ постоянно одинъ. До послѣдняго времени японскій микадо былъ осужденъ на подобное-же уединеніе и, чтобы избавиться отъ него, принужденъ былъ совершить грандіозную революцію. Китайскій императоръ остается еще въ прежнемъ положеніи. Высшіе сановники не могутъ приближаться къ нему иначе, какъ распростершись на землѣ. Всякое движеніе, какъ ихъ, такъ и его собственныя, всякая ихъ просьба, также, какъ и его требованія, подчиняются правиламъ, точно и подробно обозначеннымъ въ огромной «Книгѣ церемоній», состоящей изъ 200 томовъ. Всѣ чиновники—рабы этикета; императоръ подчиненъ ему еще болѣе, чѣмъ они. На самомъ дѣлѣ китайскій императоръ наименѣе

свободный человек во всей империи. Каждое из его замечаний, каждая из его улыбок, каждое его чувство подчинены правилам, обозначенным в ужасной двухсот-томной книге. Вот каким путем государственные люди крайнего Востока, вручая своему повелителю самую крайнюю, абсолютную власть, в то-же время сильно ограничивают ее проявления на практикѣ. Теоретики англо-французской конституционной монархii, утверждающіе, что система парламентаризма, дѣлая ответственными министровъ, избавляетъ государя отъ необходимости дѣлать зло и даетъ ему возможность постоянно расточать добро, — эти теоретики забываютъ, что необходимость дѣлать зло ими вполне предоставляется первому министру, обыкновенно управляющему почти неограниченно. Не то-же-ли самое сдѣлали китайскіе государственные люди, создавъ свою громадную «Книгу церемоній», предоставляющую реальную власть въ руки министровъ.

4-е октября, какъ мы сказали, было призвано удобнымъ днемъ для совершенія бракосочетанія брата солнца съ сестрой луны. По пыльнымъ улицамъ Пекина была огорожена дорога отъ дворца, занимаемаго вѣсткой, до дворца императора. Вся эта дорога была усыпана желтымъ пескомъ, потому что желтый цвѣтъ въ Китаѣ имѣетъ привилегію считаться императорскимъ цвѣтомъ. Цѣлую недѣлю по этой дорогѣ проходили процессіи, провожавшія приданое будущей императрицы и подарки, присланные ей со всѣхъ областей имперіи. Эти подарки состояли изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, а также изъ мебели, кухонной посуды, однимъ словомъ, изъ всего, что необходимо въ домашнемъ хозяйствѣ. Небольшія вещи были перевязаны шелковыми лентами желтаго и краснаго цвѣтовъ, представляющими собою эмблему соединенія императорскаго цвѣта съ цвѣтомъ брачнымъ, свѣта съ пламенемъ. На всемъ протяженіи дороги толпились любопытные, желавшіе посмотреть на богатые подарки. Впрочемъ, самыя цѣнныя вещи, подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя, перевозились ночью, такъ какъ боялись нападенія разбойниковъ, что, конечно, не рекомендуетъ съ хорошей стороны социальнаго положенія Пекина. Но любопытнымъ все-таки не пришлось полюбоваться заманчивыми подарками. «Книга церемоній» предписываетъ провозить и проносить ихъ въ публичной процессіи; распорядители этой церемоніей не осмѣли отступить отъ установленныхъ правилъ; они пронесли подарки въ публичной процессіи, но закрытыми. Точно также было поступлено и съ брачной церемоніей. По правиламъ, она должна совершаться публично, въ присутствіи всего народа. Брачная процессія, дѣйствительно, шла по улицамъ города, но весь путь былъ занятъ войска-

ми, поставленными шпалерами по обѣимъ сторонамъ дороги, и было отдано приказаніе, чтобы никто не смѣлъ находиться на этомъ пути и даже не смѣлъ-бы смотрѣть на процессію изъ окна. Это дѣлалось для того, чтобы избѣгнуть какой-нибудь непріятной случайности или дурного предзнаменованія. Газетные корреспонденты ухитрились, однакожь, увидѣть процессію. Они смотрѣли ее сквозь щели домовъ, предварительно подкупивъ полицейскихъ агентовъ, которые показывали видъ, что не замѣчаютъ ихъ присутствія. Благодаря предусмотрительности корреспондентовъ, Европа и Америка получили довольно подробное описаніе интересной церемоніи бракосочетанія китайскаго императора.

Церемонія открылась отрядомъ солдатъ подъ командой монгольскаго принца. За ними шли пятьдесятъ лакеевъ, одѣтыхъ въ красные костюмы, ведя въ поводу пятьдесятъ бѣлыхъ лошадей, покрытыхъ желтыми попонами. Далѣе процессія слѣдовала въ такомъ порядкѣ: оркестръ музыкантовъ, одѣтыхъ въ ярко-красные костюмы. Знаменосцы, по два въ рядъ, несущіе желтыя и красныя знамена, съ изображеніемъ фениксовъ, синихъ и черныхъ драконовъ и драконовъ съ пятью когтями. Драконъ и китайскій императоръ, фениксъ и китайская императрица въ нѣкоторомъ родѣ синонимы. Что фениксъ между птицами, что драконъ между четвероногими, то императрица между женщинами, то императоръ между мужчинами. Замѣтимъ кстати, что фениксъ вездѣ и всегда изображается похожимъ на павлина, птицу Юоны, и во всѣхъ древнихъ мифологіяхъ и древнихъ народныхъ вѣрованіяхъ, драконъ и его уменьшительное, змѣя, служатъ символомъ добродѣтели мужчинъ. За драконами и фениксами шли двѣсти челоуѣкъ, несущихъ лампы и фонари. Пиротехника и фонари составляютъ гордость китайцевъ; самый любимый, самый веселый и самый красивый изъ китайскихъ праздниковъ, безспорно, праздникъ фонарей. За фонарями несли великолѣпнѣйшіе зонтики. Въ древнемъ Египтѣ, въ древней Ассиріи, теперь въ Марокко и вообще вездѣ на Востокѣ зонтикъ нераздѣльно связанъ съ царской пышностью. Впереди всѣхъ зонтиковъ несли громаднѣйшій ярко-красный государственный зонтъ—онъ считается священнымъ; за нимъ два большихъ черныхъ зонта, потомъ два бѣлыхъ, шесть желтыхъ, шесть красныхъ и два синихъ вышитыхъ зонта. Что означаетъ эта послѣдовательность цвѣтовъ—намъ неизвѣстно. Далѣе несли сорокъ восемь громаднѣйшихъ вѣровъ изъ пальмоваго дерева, нѣсколько похожихъ на опахала, которыя во время торжественныхъ церемоній носятъ передъ святѣйшимъ римскимъ бензюю. Далѣе шелъ монгольскій генералъ, представляющій особу

императора; онъ несъ въ рукѣ печать имперіи, символъ высочайшій власти, который даетъ императору священное достоинство; безъ этой печати китайскій императоръ просто человекъ: съ нею онъ болѣе, чѣмъ человекъ. За нимъ несли носилки изъ бѣлаго атласа, въ которыхъ лежали печать императрицы и двѣ золотыя дощечки, на которыхъ написанъ брачный контрактъ, или, лучше сказать, приказъ, повелѣвающій прекрасной Ах-лю-те раздѣлить ложе съ императоромъ. За этими носилками слѣдовалъ паланкинъ императрицы, который несли шестнадцать человекъ. Этихъ носильщиковъ было двѣ смѣны и ихъ учили нѣсколько дней до тѣхъ поръ, пока они могли провести въ носилкахъ вазу съ водой, не проливъ изъ нея ни капли. Паланкинъ императрицы золотой, обитый красной матеріей, затканый драконами и фениксами; онъ имѣетъ форму ящика, плотно укупореннаго, такъ чтобы ничей взглядъ не могъ увидѣть заключенной въ немъ райской птицы. Паланкинъ императрицы сопровождала блестящая свита кавалеровъ съ знаменами, драконами, фениксами, фонарями и, наконецъ, съ тыквами и лимонами — символами благосостоянія, плодородія и долголѣтія. Въ Китаѣ мать многочисленнаго семейства уподобляется толстому лимону, наполненному сѣянками. Древніе греческіе поэты сравнивали плодovitую Прозернину съ гранатой; китайскіе поэты также выразительно уподобляютъ плодovitую женщину многосѣмянному лимону. О вкусахъ не спорятъ, говорить пословица.

Корреспонденты могли прослѣдить процессію только до воротъ дворца; далѣе они ничего уже не видѣли. Одно они могли сказать навѣрное, что процессія пришла во дворецъ какъ разъ во время, не только въ мигу, но даже въ секунду, назначенную астрономами. Но самъ императоръ сдѣлалъ маленькую ошибку. Бѣдный ребенокъ (ему считаютъ 17 лѣтъ, но, по обычаю, императору прибавляютъ два года, слѣдовательно, ему всего 15), пунктуально выполнивъ длинныя и утомительныя предписанія «Книги церемоній», заснулъ на своемъ тронѣ и только большой шумъ, намѣренно произведенный участвующими въ церемоніи, пробудилъ его. Такимъ образомъ, по чистой случайности, моментъ принятія процессіи императоромъ, назначенный астрономами, былъ упущенъ.

По слухамъ, ходящимъ въ Пекинѣ, прекрасная Ах-лю-те—женщина ученая, хорошо знакомая съ литературой,—женщина добродѣтельная, но неспособная возбудить къ себѣ сильную симпатію; она надменна, суха, рѣзка и ненавидитъ иностранцевъ, что, конечно, должно отразиться на внѣшнихъ сношеніяхъ китайцевъ, такъ какъ несомнѣнно, что она будетъ имѣть большое вліяніе на своего супруга, который

моложе ея двумя годами и далеко не такъ развитъ и образованъ, какъ она. Если вѣрить корреспонденту „Independance Belge“, юный императоръ по уму, учености, развитію и твердости своего характера стоять далеко ниже своей блистательной супруги; онъ никакъ не могъ сладить съ четырьмя классическими книгами, которыя обязанъ изучить каждый образованный китаецъ, не исключая императора; профессора прибѣгали къ разнымъ хитростямъ, чтобы облегчить трудъ ученія своему царственному питомцу, но ихъ усилія не принесли ожидаемой пользы. Однакожь, нельзя сказать, чтобы китайскій императоръ былъ лишень ума, напротивъ, онъ довольно уменъ, но только лѣнивъ и не любитъ утруждать свою голову мало привлекательной китайскою ученостью.

III.

Корреспонденты европейскихъ и американскихъ газетъ могли разсказать только о томъ, что происходило передъ ихъ глазами, на улицѣ; они могли описать только процессію брачной церемоніи китайскаго императора. Проникнуть во дворецъ они не могли и дальнѣйшая церемонія происходила уже не на ихъ глазахъ. Специальныя изданія могутъ дополнить разсказъ корреспондентовъ и сообщить намъ о томъ, что дѣлалось въ домѣ невѣсты, и какъ окончилась церемонія во дворцѣ жениха. Заимствуемъ эти подробности изъ интереснаго, правдиваго и составленнаго на основаніи безспорныхъ источниковъ сочиненія Жюстуса Дулитля, который 14 лѣтъ прожилъ въ Китаѣ и печаталъ свои статьи о немъ въ „China Mail“, изданныя теперь подъ заглавіемъ: «Social Life of the Chinese».

По его словамъ, въ Китаѣ молодые люди не женятся, а ихъ женятъ; никто не заботится объ ихъ склонностяхъ: бракъ обыкновенно заключается по семейнымъ соображеніямъ и расчетамъ; часто случается, что родители женятъ своихъ дѣтей еще въ колыбели, и почти никогда не бываетъ, чтобы подобный бракъ разстраивался въ то время, какъ дѣти достигаютъ такого возраста, когда имъ можно уже совершить бракъ реальный. Напротивъ, весьма нерѣдки случаи, что если женихъ умираетъ ранѣе совершенія реального брака, то его невѣста переходитъ жить къ тестю, надѣваетъ вдовій нарядъ и болѣе не выходитъ замужъ. Въ Китаѣ въ основѣ cadaго учрежденія, cadaго обычая лежитъ патріархальный принципъ.

Въ этой странѣ этикета, гдѣ выраженіе «что скажутъ» деспотически господствуетъ во всѣхъ соціальныхъ сношеніяхъ и отноше-

ніяхъ, семейства, въ которыхъ есть женихи и невѣсты, не смѣютъ сами дѣлать прямо брачныя предложенія, хотя-бы отцы семей были связаны между собою тѣсной дружбой. Первое предложеніе о бракѣ дѣлается обыкновенно черезъ посредника (въ родѣ нашего сватовства черезъ сваху); въ Китаѣ даже существуетъ поговорка: «какой ужъ это бракъ безъ посредника!»

Китайцы питаютъ особенное отвращеніе къ единокровнымъ бракамъ и строгость свою въ этомъ отношеніи доводятъ до крайнихъ предѣловъ; поэтому китайцу часто приходится искать себѣ невѣсту далеко отъ родного города или деревни. Такой обычай привелъ къ возможной однородности расы на всемъ огромномъ пространствѣ китайской имперіи. Такая обширная страна, какъ Китай, заключающая въ своихъ предѣлахъ различныя почвы, различные продукты, должна-бы имѣть и разнородное населеніе, но благодаря бракамъ, она, по крайней мѣрѣ, въ главнѣйшей своей части, имѣетъ вполне однородное населеніе. Китайская имперія раздѣляется на пять частей: собственно Китай, Корею, Манчурію, Монголію и Тибетъ. Собственно Китай, который и будетъ предметомъ нашей хроники, занимаетъ пространствомъ третью часть имперіи, но его населеніе составляетъ $\frac{18}{100}$ общаго населенія имперіи. Только въ этой части имперіи процвѣтаютъ земледѣліе, промышленность, торговля и наука; она господствуетъ надъ остальными частями, которыя ей повинуются или платятъ дань, признавая только ея покровительство. «Въ прочихъ провинціяхъ Китая существуетъ разнообразіе расъ, религій и обычаевъ говорить Онезимъ Реклю,—но собственно въ Китаѣ царствуетъ единство расы, языка, идей. Этотъ Китай вполне китайскій.»

При крайне строгомъ отношеніи къ единокровнымъ бракамъ, китайцы могли-бы дойти почти до абсолютной невозможности у нихъ браковъ, если-бы они признавали родство со стороны женщины. Но такого родства они не признаютъ. Женщина, по понятіямъ китайцевъ, существо низшее мужчины, она служитъ только придаткомъ мужу и ребенокъ получаетъ кровь не ея, а мужа. Въ патриархальномъ состояніи люди всегда считали мужчину всѣмъ, а женщину ничѣмъ. Въ Китаѣ нельзя жениться на кузинѣ, дочери отцова брата, но можно взять въ замужество кузину, дочь отцовой сестры, или племянницу, дочь брата или сестры матери. Такимъ образомъ китайскій обычай запрещаетъ жениться на дѣвушкѣ, носящей одну фамилію съ женихомъ. «Взять въ замужество дѣвушку, носящую фамилію вашихъ предковъ, говорятъ китайцы,—значитъ оскорбить человѣческія отношенія; значитъ совершить преступленіе кровосмѣ-

шенія.» Но Китай уже въ незапамятныя времена заключалъ въ себѣ сто семей, происходящихъ отъ ста патриарховъ; всѣ китайцы происходятъ отъ этихъ семей и носятъ фамиліи ста патриарховъ, такъ что въ Китаѣ, если вѣрить нашимъ европейскимъ писателямъ, и теперь только сто громадныхъ семей, изъ которыхъ каждая насчитываетъ десятки милліоновъ членовъ. Теперь понятно, какъ трудно китайцу выбрать себѣ жену, тѣмъ болѣе, что существуетъ много деревень, всѣ жители которыхъ носятъ одну и ту-же фамилію.

По китайскимъ обычаямъ, какъ мы уже сказали, первое предложеніе о замужествѣ дѣлается черезъ посредника отъ имени семьи жениха. Посредникъ приноситъ отцу невѣсты (или, вообще, главѣ семьи) дощечку, на которой написана фамилія жениха, годъ, мѣсяцъ, день и часъ его рожденія на свѣтъ. Получивъ это предложеніе родители невѣсты отправляются къ предсказателю, который, допросивъ боговъ о судьбѣ, ожидающей молодую дѣвушку, даетъ совѣтъ принять или отринуть предложеніе. Въ случаѣ благопріятнаго отвѣта предсказателя родители невѣсты вручаютъ посреднику дощечку съ тѣми-же свѣденіями относительно невѣсты, какія получены ими о женихѣ. Отецъ жениха передаетъ эту дощечку вмѣстѣ съ дощечкой своего сына астрологу, чтобы узнать, соотвѣтствуютъ-ли онѣ одна другой. Астрологъ возвращаетъ ихъ чрезъ три дня. Если наблюденія астролога благопріятны для договаривающихся сторонъ, онѣ снова обмѣниваются дощечками. На одной дощечкѣ нарисованъ вызолоченный драконъ, на другой фениксъ; на обѣихъ написаны имена жениха и невѣсты, ихъ родителей и посредника. Эти дощечки навсегда сохраняются въ семьѣ и замѣняютъ собою брачный контрактъ европейцевъ.

Мы не станемъ останавливаться на второстепенныхъ подробностяхъ, напримѣръ, на способѣ передачи подарковъ. Довольно сказать, что подарки всегда бываютъ цѣнные, конечно, соображаясь съ состояніемъ договаривающихся сторонъ. Невѣста приноситъ съ собою преимущественно мебель и хозяйственную утварь; денегъ и недвижимаго имущества почти никогда, такъ что въ Китаѣ за невѣстой не даютъ приданаго въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается у насъ. Если въ семьѣ нѣтъ сыновей, а однѣ только дочери, то и въ такомъ случаѣ отецъ не оставляетъ дочерямъ своего имущества; онъ передаетъ его племяннику или какому-нибудь другому родственнику, который совершитъ надъ нимъ погребальныя обряды предъ олтаремъ предковъ; женщина-же считается недостойной совершать эту церемонію. Друзья обѣихъ семей дѣлаютъ молодымъ цѣнные подарки

чтобы облегчить имъ расходы на обзаведеніе нужными предметами на первое время. Въ Китаѣ гораздо легче завести отдѣльное хозяйство, чѣмъ въ Европѣ, гдѣ не существуетъ обычая дарить молодыхъ предметами первой необходимости и мебелью.

Наканунѣ отъѣзда неvěсты изъ родительскаго дома тщательно окуриваютъ весь ея гардеробъ, держа каждую вещь надъ жаровней съ горящими угольями, имѣющей рѣшетчатое дно, на которые посыпается курительный порошокъ и кидаются извѣстныя пахучія травы. Во время этого очищенія черезъ огонь поютъ приличные случаю стихи, смыслъ которыхъ состоитъ въ томъ, что совершеніемъ этого брака достигается изгнаніе всякаго колдовства. Послѣ этого очищенія неvěста становится какъ-бы освященной и женскіе члены семьи не должны дотрогиваться ни до нея, ни до ея вещей. Съ «этой минуты до заключенія брачнаго обряда неvěста обязана избѣгать встрѣчи съ беременной женщиной или съ женщиной, носящей трауръ. Въ это время родители должны быть веселыми и не показывать вида, что имъ грустно разставаться съ дочерью. Они могутъ выражать свою горестъ только тогда, какъ неvěста, раздушенная мускусомъ и покрытая густымъ вуалемъ, сядетъ въ паланкинъ и носильщики двинутся впередъ.

Въ то самое время, какъ въ домѣ неvěсты совершается церемонія окуриванія ея гардероба, въ домѣ жениха идетъ изгнаніе демона изъ комнаты, гдѣ поставлена брачная кровать. У каждый ножки кровати ставится курильница, и обрядъ окуриванія происходитъ по установленнымъ религіознымъ правиламъ.

Когда паланкинъ неvěсты, закутанной своимъ густымъ вуалемъ такъ, что она съ трудомъ можетъ видѣть, подойдетъ къ дверямъ жениховой квартиры, его встрѣчаютъ торжественной музыкой; гости потрясаютъ факелами и фонарями; отъ дверей отдѣляется женщина, одѣтая въ красное платье,—женщина, которая произвела уже на свѣтъ нѣсколькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ и «счастлива живетъ, исполняя приказанія своего мужа.» Эта счастливая женщина подходитъ къ паланкину, раскрываетъ его двери и произноситъ нѣсколько словъ, которыми она выражаетъ доброе пожеланіе счастья молодымъ. За ней подходитъ мальчикъ 6—8 лѣтъ, держа въ рукахъ зеркало, которое онъ подноситъ къ лицу неvěсты, и приглашаетъ ее выйти. Зеркало подносится не для того, чтобы неvěста могла посмотрѣться въ него, такъ какъ чрезъ свою вуаль она ничего не видитъ; но для того, чтобы съ его помощію отогнать злыхъ духовъ, которые носятся въ воздухѣ.

Неvěсту тотчасъ-же ведутъ въ брачную комнату, гдѣ ожидаетъ

ее женихъ. Онъ выходитъ нѣсколько шаговъ къ ней на встрѣчу; невѣста четыре раза преклоняетъ предъ нимъ колѣна; потомъ женихъ беретъ ее за руку и ведетъ къ кровати, на которой они оба садятся рядышкомъ, опускаясь на нее разомъ. Существуетъ повѣрье, что если при этомъ женихъ нечаянно сядетъ на платье невѣсты, она всегда будетъ ему повиноваться; если, наоборотъ, невѣста сядетъ на платье жениха, онъ будетъ находиться у нея подъ башмакомъ.

Послѣ этого наступаетъ самая торжественная церемонія для китайцевъ: поклоненіе новобрачныхъ дощечкамъ предковъ, сохраняемымъ на алтарѣ солнца и земли. Невѣста, все еще подъ густымъ вуалемъ, подходитъ вибѣтъ съ женихомъ къ домашнему алтарю; оба они становятся на колѣни и четыре раза кланяются въ землю; потомъ встаютъ и снова дѣлаютъ поклоны. Поклоненіе предкамъ составляетъ основаніе китайской религіи; солнце, по понятіямъ китайцевъ, олицетворяетъ собою мужской, а земля — женскій элементъ природы.

Между тѣмъ въ комнату входятъ приглашенные гости и родные жениха и невѣсты съ факелами въ рукахъ. Жениха и невѣсту окуриваютъ ладномъ. Мать невѣсты беретъ съ домашняго алтаря кубокъ, наполненный медомъ и виномъ, и подноситъ его сперва жениху, потомъ невѣстѣ; затѣмъ она же подноситъ къ нимъ пѣтуха, сдѣланнаго изъ сахара. Послѣ этого женихъ и невѣста считаются уже соединенными на вѣки. Съ молодой снимаютъ уродливый вуаль, которымъ она была закутана, какъ мумія. Женихъ изъ высшихъ классовъ нерѣдко въ этотъ моментъ только въ первый разъ въ жизни видитъ свою будущую жену.

Въ первый день послѣ брака молодые приглашаютъ къ себѣ друзей мужа и его семьи, на второй — друзей жены и ея семьи. На третій молодые дѣлаютъ визиты своимъ роднымъ. Четвертый посвящается поклоненію богу домашняго очага. Обряды, при этомъ употребляемые, ясно указываютъ, что огонь признается божествомъ, которое помогло людямъ основать города и освящаетъ брачныя отношенія. И у римлянъ богиня Веста считалась охранительницей супружескаго цѣломудрія и домашняго счастья.

Старинныя китайскія пѣсни, написанныя во времена династіи Чингъ, представляютъ древнюю китайскую женщину совершенно свободной и настоящей помощницей мужа. Но уже поэтическіе памятники эпохи династіи Танга изображаютъ ее вполне склоняющейся предъ авторитетомъ мужа; жена уже чувствуетъ страхъ передъ

своимъ мужемъ. Положеніе китайской женщины съ того времени улучшилось очень немного. Правда, благодаря мягкости характера китайца, благодаря отсутствію пьянства въ низшихъ классахъ населенія, женщина въ Китаѣ матеріально терпитъ менѣе, чѣмъ въ Европѣ, и хотя случается, что плечи китайки знакомятся съ ударами бамбуковой трости, но вообще въ Китаѣ очень рѣдко можно встрѣтить мужа, рѣшающагося бить свою жену. Однакожь, изъ этого не слѣдуетъ заключать, что китайцы уважаютъ своихъ женщинъ. По китайскимъ законамъ, молодая дѣвушка подчиняется своимъ родителямъ, сестра брату, жена мужу и даже мать сыну. И чѣмъ богаче женщина, тѣмъ хуже ея положеніе въ моральномъ смыслѣ. Супругой и матерью она бываетъ только въ рабочемъ классѣ; въ буржуазіи она эконожка; въ классѣ мандариновъ она только куртизанка. Замужняя женщина въ высшихъ классахъ до крайности связана въ своихъ знакомствахъ; она почти не видитъ мужчинъ и можетъ вести знакомство только съ женщинами, съ которыми позволяетъ ей имѣть сношенія ея мужъ. Нарушенія супружеской обязанности женами въ Китаѣ встрѣчаются рѣже, чѣмъ въ Европѣ, но только потому, что здѣсь почти вовсе не представляется случаевъ ихъ нарушать. Имѣя изуродованныя ноги, китайскія дамы по необходимости должны вести сидячую жизнь. Мода уродованія женскихъ ногъ въ Китаѣ началась въ глубокой древности, вѣроятно, съ того времени, какъ женщины перестали быть свободными подругами мужчинъ. Впрочемъ китайское законодательство пыталось не разъ запретить это варварское уродованіе, но сами женщины вставали противъ этого ограниченія ихъ правъ; онѣ убѣждены, что мужчины въ восторгѣ отъ ихъ маленькихъ уродливыхъ ногъ. При императорскомъ дворѣ запрещено заключать въ тиски (по китайской модѣ) ноги маленькихъ дѣвочекъ; но, выростая, дѣвушки начинаютъ носить башмакъ на очень высокихъ каблукахъ, что мѣшаетъ имъ ходить, и со стороны кажется, что ихъ ноги изуродованы такъ-же, какъ и у женщинъ высшаго, но не придворнаго круга. Между тѣмъ у китайокъ по самой ихъ природѣ ноги удивительно хороши; женщины рабочихъ классовъ, принужденные работать и часто ходить, не уродуютъ своихъ ногъ въ дѣтствѣ, даютъ имъ расти свободно и ноги у нихъ такъ хороши, что имъ позавидуетъ любая европейская красавица. Но высшіе классы не замѣчаютъ, или не хотятъ замѣтить, что уродованіе женскихъ ногъ вредитъ здоровью и отражается на потомствѣ. Напротивъ, это уродованіе они сдѣлали признакомъ принадлежности къ высшимъ, богатымъ классамъ населенія. Обѣднѣвшій буржуа продол-

жаеть уродовать ноги своих дочерей; онъ знаетъ, что его дочери сдѣлаются неспособными къ работѣ, что онъ готовить имъ въ будущемъ страшную нищету, если имъ не удастся выйти замужъ, и все-таки уродуетъ имъ ноги, желая, чтобы его дочерей считали принадлежащими къ высшему сословію. Между тѣмъ не надо забывать, что китайцы равны передъ закономъ и простая принадлежность къ высшему классу не даетъ никакихъ преимуществъ, которыя въ Китаѣ получаются или по экзамену, или службой государству.

Китайцы народъ рабочій по преимуществу, они любятъ работать, — и однакожъ, женщины высшихъ классовъ и вообще женщины, желающія казаться свѣтскими, до того отращиваютъ ногти на рукахъ, что становятся неспособными ни къ какой работѣ. Длинные ногти дѣлаются постепенно ломкими и, чтобы ихъ сохранять, китайки заключаютъ ихъ въ серебряные футляры. И все это дѣлается для того, чтобы показать свое высшее социальное положеніе!

Сами китайки, повидимому, нисколько не огорчаются своей социальной подчиненностью; очень рѣдкія изъ нихъ замѣчаютъ ее и хотѣли бы измѣнить свое положеніе къ лучшему. Китайское правительство, покровительствующее основанію школъ для мальчиковъ, никогда не думало о необходимости образованія для дѣвочекъ. Правда, образованіе, получаемое мальчиками, которое даетъ впоследствии чинъ мандарина, до такой степени сухо и такъ мало даетъ пищи уму и сердцу, что невольно является вопросъ: не послужило-ли невѣжество, въ которомъ оставляютъ въ Китаѣ дѣвочекъ, къ спасенію китайской націи отъ совершенной гибели, къ которой ее могло привести ответственное образованіе, слишкомъ далекое отъ какого-бы то ни было примѣненія къ жизни.

Китайскія дамы аристократическихъ и богатыхъ буржуазныхъ семействъ весьма спокойно переносятъ теремное затворничество, хотя оно слишкомъ быстро старитъ ихъ. Въ 25 лѣтъ знатная китайка уже старуха, тогда какъ жены менѣе достаточныхъ и рабочихъ классовъ, ведущія дѣятельную, трудовую жизнь, старѣются несравненно позже и довольно долго сохраняютъ свою красоту. Конечно, надо сперва привыкнуть къ китайскимъ фizioноміямъ, и тогда можно согласиться, что между китайками нерѣдко попадаются очень хорошенькія. Нельзя также не согласиться, что китайки высшихъ классовъ очень граціозны, но ихъ дѣшная грація мало увлекательна для европейцевъ.

IV.

Въ китайскомъ обществѣ; гдѣ женщина лишена почти всякихъ гражданскихъ правъ, гдѣ существуетъ полигамія, для приличія прикрываемая конкубинатствомъ,—разводъ, конечно, чрезвычайно рѣдокъ. Женщина въ Китаѣ не можетъ требовать развода ни въ какомъ случаѣ. Каковъ-бы ни былъ ея мужъ,—развратникъ, воръ, убійца,—какъ-бы жестоко онъ съ ней не обращался, жена должна ему повиноваться и не смѣетъ даже подумать о разводѣ. Мужу, напротивъ, предоставлено право разводиться съ своей женой по слѣдующимъ семи причинамъ: 1) если его жена недостаточно почтительна къ его родителямъ; 2) невѣрность; 3) ревность; 4) болтливость; 5) мошенничество; 6) тяжкія болѣзни, напримѣръ, проказа и 7) бесплодіе. Но для развода бываетъ недостаточно одной изъ этихъ причинъ, если въ пользу жены будетъ говорить одно изъ слѣдующихъ трехъ обстоятельствъ: 1) когда жена вѣрно служила своему тестю и тещѣ до самой ихъ смерти; 2) когда у нея нѣтъ ни родителей, ни братьевъ; и 3) когда мужъ, бывший въ день свадьбы человѣкомъ бѣднымъ или небогатымъ, впоследствии разбогатѣлъ.

Если мужъ застанетъ свою жену съ любовникомъ и убьетъ ихъ обоихъ, онъ не подвергается карѣ закона и осужденію общественнымъ мнѣніемъ. Напротивъ, законъ строго караетъ мужа, если онъ проститъ и оставитъ у себя невѣрную жену. Въ Китаѣ убійства невѣрныхъ женъ крайне рѣдки; мужъ предпочитаетъ продать ее самъ или передаетъ ее судѣ, который продаетъ ее съ публичнаго торга.

Бѣдные люди, которымъ трудно исполнять всѣ брачныя церемоніи при свадьбѣ, стояція очень дорого, прибѣгаютъ къ такому средству: они покупаютъ дочь еще болѣе бѣдныхъ родителей, чѣмъ они сами. Эти дѣвушки продаются очень дешево; за здоровую пятнадцатилѣтнюю дѣвушку, которая въ состояніи уже исполнять всякую работу, платятъ не дороже 40—50 рублей. За дѣвушку, поступающую въ рабство, платятъ значительно дороже, чѣмъ за дѣвушку, которая должна сдѣлаться законной женой или маленькой женой, какъ называютъ китайцы наложницъ.

Рабство въ Китаѣ сопровождается меньшими жестокостями, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ Китаѣ почти не встрѣчаются факты возмутительнаго звѣрскаго обращенія съ рабами, какими ознаменовалось,

напримѣръ, рабство въ южныхъ штатахъ сѣверной Америки. Китайскіе законы, правда, не ограничиваютъ власти господъ надъ ихъ рабами, то эта власть ограничивается обычаемъ. Дѣти раба, мужскаго пола, становятся свободными, если сами могутъ добывать себѣ хлѣбъ. Если мальчикъ, сынъ раба, выкажетъ способности, его отдаютъ въ школу и, по выдержаніи экзамена, онъ можетъ сдѣлаться чиновникомъ и разбогатѣть; тогда онъ выкупаетъ своихъ родителей за опредѣленную закономъ цѣну и господинъ ихъ не имѣетъ права отказать въ выкупѣ. Во всякомъ случаѣ дѣти рабовъ, мужскаго пола, становятся свободными въ четвертомъ поколѣніи.

Когда дѣвушка рабыни достигаетъ совершеннолѣтія для брака, господинъ долженъ выдать ее замужъ или продать въ замужество и съ этой поры лишается всякихъ правъ на нее и на ея дѣтей. Раба, проданная въ замужество свободному человѣку, получаетъ всѣ права свободной женщины.

Если семья настолько бѣдна, что не въ состояніи купить дѣвучку въ замужество своему сыну, она за болѣе дешевую цѣну покупаетъ у мужа жену, «которая ему надоѣла.» Въ этомъ случаѣ требуется согласіе жены быть продамною; она, конечно, всегда соглашается, потому что если она не согласится, то ей придется вести самую тяжелую жизнь.

Если средства родителей такъ ограничены, что они не могутъ приобрести для сына жену и этимъ дешевымъ способомъ, они обращаются къ послѣднему ресурсу: женятъ своего сына на вдовѣ. Въ Китаѣ очень дурно смотрятъ на женщину, выходящую во второй разъ замужъ: вдовамъ мандариновъ даже формально запрещается вступать во второй бракъ. Но положеніе вдовы, не обезпеченной матеріально, самое тяжкое и она рада бываетъ выйти замужъ даже за нищаго.

Тяжкое положеніе вдовъ въ Китаѣ нерѣдко побуждаетъ ихъ на самоубійство въ день похоронъ мужа. Чаше всего онѣ отравляются опиумомъ; рѣже всего прибѣгаютъ къ самоубійству—повѣшеніемъ.

«Я встрѣтилъ процессію, рассказываетъ одинъ англичанинъ въ «Гонгконгской Газетѣ»,—сопровождающую молодую даму богато одѣтую и сидящую въ роскошномъ паланкинѣ. Эта дама приглашала публику присутствовать при томъ, какъ она повѣсится. Она рѣшается на самоубійство потому, что покойный мужъ не оставилъ ей дѣтей; какъ ея, такъ и его родители умерли и она осталась сиротой безъ всякаго покровительства.

«Въ назначенный день я отправился съ своимъ другомъ въ домъ этой молодой дамы. Процессія, сопровождавшая даму, двинулась къ

пагодѣ, а оттуда къ вистлицѣ, устроенной на соседнемъ полѣ, вокругъ которой собрались толпы народа. Въ числѣ зрителей было много дамъ, одѣтыхъ въ роскошные наряды. Я и мой другъ помѣстились недалеко отъ вистлицы и могли видѣть все превосходно.

«Дама вошла на эшафотъ, поклонилась публикѣ, потомъ, вѣстѣ съ нѣсколькими родственниками усѣлась за столъ, поставленный на эшафотѣ и установленный кушаньями. Она поѣла съ большимъ аппетитомъ. Пообѣдавъ, она взяла на руки ребенка, поставила его на столъ и, поласкавъ, надѣла на него ожерелье, которое сняла съ своей шеи. Затѣмъ она стала брать изъ корзины рисъ, травы и цвѣты и бросала ихъ въ толпу; послѣ чего произнесла небольшую рѣчь, объясняя причины, побудившія ее къ самоубійству и благодаря публику за вниманіе.

«Три раза ударили въ бомбарды. Вдова встала на стулъ, вложила голову въ петлю, пробуя, хорошо-ли она сдѣлана; затѣмъ снова простилась съ публикой и съ друзьями, раздѣлавшими съ нею обѣдъ. Изъ подъ нея вынули стулъ и она повисла въ воздухѣ. Несчастная, съ изумительнымъ хладнокровіемъ, сдѣлала руками прощальный жестъ, и умерла.

«Втеченіи послѣднихъ 20 дней это былъ уже третій, мнѣ извѣстный, случай самоубійства вдовъ. Несчастную похоронили и надъ ея могилкой поставили богатый памятникъ. Правительство не принимаетъ никакихъ мѣръ для уничтоженія этого варварскаго обычая».

V.

Въ Китаѣ, гдѣ всѣ политическія и гражданскія учрежденія имѣютъ въ своей основѣ принципъ патріархальный, бездѣтное супружество считается въ высшей степени несчастнымъ. Какъ во времена глубокой древности безплодный бракъ признавался проклятіемъ неба, а безплодная супруга страдала отъ презрѣнія не только мужа, но и всѣхъ своихъ знакомыхъ, такъ и теперь китаецъ полагаетъ, что за неимѣніе дѣтей онъ лишается счастья не только въ этой жизни, но и въ будущей. Между бракомъ, какъ его понимаютъ въ Европѣ, и китайскимъ бракомъ существуетъ большая разница. Въ Европѣ на бракъ смотрятъ, какъ на совместную жизнь мужчины и женщины, въ Китаѣ его признаютъ только со стороны производства дѣтей и онъ считается завершеннымъ только съ момента рожденія ребенка.

Китайцы употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы предупредить

развитіе у ребенка какихъ-нибудь болѣзней. Китаецъ ходитъ своего ребенка, но, надо сознаться, бывають случаи, когда онъ прибѣгаетъ къ дѣтоубійству, онъ рѣшается на него, находясь подъ ужаснымъ давленіемъ такой нищеты, о которой трудно себѣ составить понятіе даже въ такихъ европейскихъ странахъ, гдѣ сильно развито нищенство и гдѣ нищіе для возбужденія къ себѣ жалости прибѣгаютъ даже къ самозуродованію. Однакожъ, не слѣдуетъ вѣрить миссіонерамъ-іезуитамъ, утверждающимъ, что въ Китаѣ тысячами убивають несчастныхъ дѣтей, что тамъ, будто-бы, есть глубокіе колодцы до верху наполненные дѣтскими трупами. Распуская эти слухи, іезуиты заставляютъ добродушныхъ и легковѣрныхъ изъ числа набожныхъ европейскихъ женщинъ жертвовать значительныя суммы денегъ для спасенія несчастныхъ малютокъ, но большая часть этихъ денегъ, конечно, остается въ карманахъ достопочтенныхъ отцовъ, послѣдователей знаменитаго Лойолы. Люди, хорошо знакомые съ Китаемъ, говорятъ, что тамъ дѣтоубійства если и встрѣчаются чаще, чѣмъ въ Европѣ, то на слишкомъ ничтожный процентъ. Американскіе миссіонеры, какъ, напримѣръ, Абсель и Дулитль, люди вполне достойные довѣрія, говорятъ, что китаецъ, доведенный нищетою до ужасающей крайности, рѣшается иногда на убійство дочери, но сына—никогда. Въ Китаѣ мальчикъ съ очень ранняго возраста можетъ уже получать нѣкоторый заработокъ, дѣвочка-же, по большей части, только по наступленіи брачнаго совершеннолѣтія. Не убивается мальчикъ еще и потому, что онъ продолжаетъ родъ и, по смерти отца, молится о немъ у алтара предковъ. Но и на убійство дѣвочки китаецъ рѣшается только въ такомъ случаѣ, если онъ не можетъ ее ни продать, ни отдать кому-нибудь на воспитаніе, ни помѣстить въ домъ убѣжища оставленныхъ дѣтей.

Солонъ не хотѣлъ ввести въ перечень уголовныхъ наказаній кару за отцеубійство, считая, что такое чудовищное преступленіе рѣшительно невозможно. Въ Китаѣ, гдѣ отеческая власть окружена ореоломъ авторитета, гдѣ она пользуется глубокимъ уваженіемъ, отцеубійство является слишкомъ рѣдкимъ исключеніемъ, можно сказать, почти совсѣмъ неизвѣстно. Общественное мнѣніе жестоко караетъ сына, неказавшаго должнаго уваженія своимъ родителямъ, т. е. неисполниваго какого-нибудь пустого приказанія отца. Отецъ можетъ до смерти засѣчь своего сына за неповиновеніе и общественное мнѣніе останется на его сторонѣ. Если отецъ чувствуетъ, что его руки ослабѣли и онъ самъ уже не можетъ наказать сына, ему стоитъ сказать слово судѣ и тотъ накажетъ виновнаго. Отецъ можетъ самъ

осудить своего сына на смерть и передать его въ руки палача и никакой чиновникъ не можетъ воспротивиться его волѣ. За несчастнаго могутъ только заступиться дяди его съ матерней стороны и тогда смертный приговоръ его измѣняется въ наказаніе палками...

Общество, устроившееся на основаніи патріархальнаго принципа, конечно, имѣетъ свои хорошія стороны, но въ немъ еще болѣе темныхъ сторонъ и оно мирится съ самой поразительной жестокостью.

Съ понятіемъ о патріархальномъ устройствѣ общества естественно соединяется понятіе объ уваженіи старости. Ни въ одной странѣ старость не пользуется такими преимуществами, какъ въ Китаѣ. Человѣкъ, вступившій въ «почтенный возрастъ» (70 лѣтъ), въ глазахъ китайцевъ становится существомъ высшимъ, имѣющимъ право на всеобщее поклоненіе. Девяностолѣтній старецъ имѣетъ право носить желтую одежду, цвѣтъ императора, и получаетъ ее изъ рукъ самого императора и, такимъ образомъ, становится какъ-бы членомъ императорской фамиліи.

Вступленіе въ «почтенный возрастъ» празднуется съ большими торжествомъ всею семьей. Самъ виновникъ торжества одѣвается въ погребальную одежду, сшитую почти всегда изъ дорогой матеріи, и приготовляетъ себѣ гробницу, которую богато изукрашиваютъ его дѣти и внуки. Сынъ не можетъ сдѣлать лучшаго подарка своему старому и болѣзненному отцу, какъ гробъ, за который онъ уплачиваетъ цѣною своего труда. Бываютъ случаи, что сыновья продаютъ себя во временное и даже пожизненное рабство, чтобы добыть денегъ, необходимыхъ для покупки отцу цѣннаго гроба.

Китаецъ въ двухъ случаяхъ не жалѣетъ денегъ: на женитьбу свою или сына и на погребеніе родителей. Онъ готовъ раззориться совѣтъ, лишь-бы устроить пышныя похороны. На похоронахъ знатныхъ и богатыхъ людей присутствуютъ музыканты, плакальщики и плакальщицы, ихъ сопровождаютъ тысячи людей, не допускаются только солдаты, которые отсутствуютъ даже на похоронахъ людей военныхъ.

Китаецъ, желая гарантировать себѣ возможность расхода на женитьбу и погребеніе вступаетъ въ ассоціацію, каждый членъ которой ежемѣсячно вноситъ опредѣленную сумму въ общую кассу, обыкновенно пускаемую въ оборотъ. Изъ этой-то кассы члены ассоціаціи имѣютъ право брать опредѣленную сумму на женитьбу и погребеніе. Если ему необходима большая сумма, онъ получаетъ ее за ручательствомъ всѣхъ членовъ ассоціаціи и потомъ выплачиваетъ ее, внося по частямъ въ назначенные сроки. Большая часть солдатъ участвуетъ

въ солдатскихъ ассоціаціяхъ для погребенія родителей. Съ солдата дѣлается опредѣленный вычетъ изъ жалованья въ общую кассу и, въ случаѣ смерти его отца, онъ имѣетъ право взять известную сумму на погребеніе. Существуютъ также общества взаимнаго погребенія; членъ этихъ обществъ вноситъ каждый мѣсяцъ опредѣленную сумму и чрезъ 3 — 5 лѣтъ общество приготовляетъ для него приличный гробъ, который и отдаетъ ему. Многіе рабочіе живутъ впроголодь, чтобы такимъ путемъ устроить себѣ сравнительно пышное погребеніе. Нищій, прося милостыню на улицѣ, говоритъ: «мнѣ не на что устроить себѣ приличное погребеніе». Благотворительныя общества, дающія бѣднымъ добродѣтельнымъ вдовамъ пенсіонъ (40 копѣекъ въ мѣсяцъ), выдаютъ своимъ пансіонеркамъ на гробъ и погребеніе 10 рублей; значить, на гробъ и на погребеніе истрачивается двадцати-пятимѣсячный пансіонъ.

Китайцы предпочитаютъ быть погребенными на родинѣ и даже бѣдняки, работающіе въ Соединенныхъ штатахъ, требуютъ, чтобы ихъ кости были перевезены въ Китай и схоронены въ родной землѣ. Время отъ времени изъ Сан-Франциско отходитъ пароходъ, нагруженный гробами, въ которыхъ лежатъ тѣла китайскихъ рабочихъ, умершихъ въ Соединенныхъ штатахъ.

День, въ который, послѣ смерти слѣдуетъ хоронить умершаго, не опредѣленъ ни законами, ни религіозными постановленіями, ни обычаемъ. Китайцы главнѣйшимъ укоромъ европейцамъ ставятъ раннее погребеніе умершихъ. Сами-же они очень долгое время держатъ трупъ не погребеннымъ, до тѣхъ поръ, пока кровь совсѣмъ разложится, говорятъ они. Большею частію окончательно погребаютъ трупъ на 49-й день, иногда-же держатъ его 100 дней, но бывають случаи, что трупъ остается не погребеннымъ окончательно даже два года. Чѣмъ болѣе почестей желаютъ оказать покойнику, тѣмъ дольше держатъ его трупъ не погребеннымъ.

Въ Китаѣ нѣтъ общественныхъ кладбищъ, даже въ городахъ съ миллионнымъ населеніемъ. Люди, имѣющіе собственные сады, хоронятъ своихъ умершихъ въ этихъ садахъ, люди-же бѣдные въ городскихъ рвахъ. Въ послѣднемъ случаѣ зарываютъ тѣла очень не глубоко, и газы, отдѣляющіеся при разложеніи тѣла, выступаютъ наружу и заражаютъ окружающую атмосферу, что производитъ крайне непріятное и тягостное впечатлѣніе на европейца, посѣтившаго китайскій городъ.

Послѣдней, и самой важной погребальной церемоніей въ Китаѣ является извлеченіе духа умершаго. Сынъ покойнаго, имѣя въ рукахъ дощечку, изукрашенную золотомъ, становится на колѣни передъ гроб-

ницей отца и просить, чтобы «кости и мясо возвратились въ землю а духъ вселился-бы въ эту дощечку». Послѣ этого дощечка вносится въ домъ и ставится въ нишѣ домашняго алтаря, посвященнаго предкамъ. Дощечки для отца и матери одинаковой величины и одинаково изукрашены. Эти дощечки принадлежатъ старшему сыну и сохраняются впродолженіи пяти поколѣній, послѣ чего сжигаются, потому что, по убѣжденію кѣтайцевъ, духъ предковъ живетъ въ дощечкахъ только это время, а затѣмъ переселяется въ чье-нибудь новорожденное тѣло и ведетъ уже иную жизнь, при иныхъ условіяхъ своего существованія. Остальные сыновья могутъ имѣть копія съ дощечекъ, конечно, неимѣющія силы оригинала; дочери-же молятся надъ дощечкой старшаго брата до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ замужъ; послѣ же замужества онѣ поклоняются предкамъ мужа.

Такимъ образомъ, духъ предка становится божествомъ для его потомковъ, которому они молятся и въ важныхъ случаяхъ своей жизни просить наставить, вдохновить. Духъ предка находится въ постоянномъ сообщеніи съ живыми потомками. Вотъ почему каждый китаецъ такъ заботится о пышномъ погребеніи своихъ родителей и даже объ устройствѣ своей собственной гробницы; каждому хочется, въ свою очередь, попасть въ разрядъ предковъ и занять мѣсто божества. Онъ знаетъ, что если онъ заботится о погребеніи своего отца, его дѣти сдѣлаютъ тоже для него самого. Онъ вѣритъ, что его душа только на время уходитъ съ земли и это время она играетъ роль божества, роль со-вѣтника, затѣмъ въ опредѣленный моментъ снова возвращается на землю. Китайцы умираютъ безъ вздоховъ, безъ печали; ни въ одной націи нельзя найти примѣровъ такого стоическаго спокойствія въ виду смерти, какъ между китайцами.

Испанскій король Амедей I посланіемъ къ кортесамъ отказался отъ испанской короны. Кортесы отвѣчали ему письмомъ, въ которомъ выразили ему благодарность за его достойное поведеніе во время его царствованія, и 30 января провозгласили въ Испаніи республику.

Въ будущей хроникѣ мы въ подробностяхъ коснемся этого важнаго событія и посвятимъ ее вообще испанскимъ дѣламъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Сказка о бѣломъ бычкѣ.—Сомнѣвающіеся граждане.—Отношеніе нашихъ частныхъ и общественныхъ дѣателей къ своему дѣлу. — Обиліе должностей, занимаемыхъ однимъ и тѣмъ-же лицомъ. — Небрежное исполненіе гласными ихъ обязанностей. — Судъ въ трактирѣ. — Отсутствующій посредникъ. — Учетъ волостныхъ кассировъ. — Какъ понимаютъ въ Оболяни за мѣну натуральной повинности денежною.—Самоуправство рыбо-промыслового откупщика. Несчастные случаи на желѣзныхъ дорогахъ. — Препятствія къ ограниченію числа питейныхъ заведеній. — Чайныя въ селеніяхъ тверской губерніи.—Проектъ публичныхъ лекцій въ Петровзаводскѣ.

Общества двигаются впередъ черепашинымъ шагомъ. Ихъ „сегодня“ похоже на ихъ „вчера“ и на ихъ „завтра“ и разнообразіе тысячъ общественныхъ явленій дѣлается только кажущимся, когда посмотришь на эти явленія поближе, когда станешь слѣдить за ними изо дня въ день. Засѣданія земскихъ собраній, убійства, грабежи, поддѣлка съѣстныхъ припасовъ, состояніе школъ, число нищихъ, самоубійства,—все это и масса другихъ хорошихъ и дурныхъ фактовъ повторяется съ убійственнымъ однообразіемъ и перемѣняются только мѣсто дѣйствія и имена дѣйствующихъ лицъ. Вотъ почему обязанность хроникера дѣлается одною изъ самыхъ скучныхъ обязанностей. Историкъ обозрѣваетъ общественную жизнь за большіе промежутки времени и ему легко уловить тѣ новыя черты, которыми отличалась одна эпоха исторической жизни общества отъ другой эпохи. Но хроникеру ежемѣсячнаго журнала трудно или почти невозможно уловить эти черты. Если-же онъ просто вздумаетъ давать подробный отчетъ за каждый мѣсяцъ о всѣхъ выдающихся явленіяхъ общественной жизни, то въ сущности онъ будетъ рассказывать „сказку о бѣломъ бычкѣ“. Вы ее знаете, читатель? Это скучная сказка.

Правда, въ этомъ случаѣ хроникеру было-бы легко писать свои ежемѣсячныя хроники: онъ могъ-бы писать по шаблону, т. е. заготовить разъ и навсегда рубрики съ надписями: „засѣданія земскихъ собраній“, „преступленія“, „самоубійства“, „желѣзнодорожное дѣло“, „народное образованіе“ и т. д., и преспокойно вписывать въ эти графы отчеты о препирательствахъ такого-то земства, объ убійствѣ такого-то почталіона, о банкротствѣ такой-то компаніи. Но это было-бы очень скучно и едва-ли читатели получили-бы хотя какое-нибудь понятіе о внутреннемъ смыслѣ и характерѣ современной намъ общественной жизни и во всякомъ случаѣ подобныя хроники были-бы похожи на дневникъ стараго отставнаго деревенскаго дьякона, попавшій намъ недавно подъ руку въ редакціи. Беремъ для примѣра на удачу нѣсколько мѣстъ изъ этого дневника:

1 октября 1860 г. Подкинулъ подметки къ котамъ матушки попадьи. Получилъ гривну и пять луковицъ дала. У Матвѣя-дьячка подѣ лѣвымъ глазомъ вспухло и синева. Подозрительно. На дворѣ дождь.

2 октября. Чинилъ башмаки поповой дочери. Дали гривну и надѣлили картофелемъ. У Матвѣя-дьячка и правый глазъ съ фоваремъ. Не къ добру. Снѣгъ выпалъ. Прежде выпадалъ въ Покровъ. Замѣтить.

3 октября. Рубилъ дрова. Вечеромъ у попа чай пилъ и грибами угошали. Жаловались на оскудѣніе. Ночью имѣлъ сонное видѣніе, яко-бы лежу въ утесѣ, мягкомъ, какъ мохъ, а ноги простеръ надъ пропастью и силюсь обрѣсти твердь и сошелъ на меня страхъ, но благостію Божіею избавленъ былъ отъ гибели и, проснувшись, увидѣлъ, что лежу на полу, головою утѣнувшись въ перину. Размышлялъ, что предвѣщаетъ сіе.

11 октября. Шестъ день пластомъ простертъ былъ на одрѣ своемъ и ожидалъ смерти. На седьмой было мнѣ осѣненіе свыше и сдѣлалъ я крововыпусканіе и сталъ тѣломъ бодръ и возрадовался. Попъ Евстигней приходилъ жаловаться на уныніе въ животѣ и мельканіе въ глазахъ. Совѣтовалъ крововыпусканіе. Боятся.

12 октября. Набилъ обручи матушекъ попадьѣ на старую кадушку. Дали новой мучки. Печеніе хлѣба и т. д.

И все то-же, все то-же: тѣ-же заплаты; тѣ-же подбитые глаза

у дьячка Матвея, тѣ-же ужины съ грибами и послѣ нихъ сонныя видѣнія съ тяжелою мыслію о томъ, что сей сонъ значить; затѣмъ болѣзнь и единственное лекарство кровопусканіе. Но чѣмъ-же лучше вышла-бы хроника журнальнаго хроникера, если-бы онъ рѣшился давать ежемѣсячный отчетъ о всѣхъ явленіяхъ общественной жизни, положимъ, въ Петербургѣ? Здѣсь все, начиная съ плохихъ бенефисовъ гг. Сазонова, Васильева 2, Яблочнича, Виноградова и кончая кражею бѣлья съ чердаковъ, искалѣченными на дорогѣ людьми, попавшими подъ лошадей, самоубійствами отъ неизвѣстныхъ причинъ и массою сошедшихъ съ ума субъектовъ, однообразно, однообразно до омерзѣнія. Въ провинціи тоже не больше разнообразія: никто не выкинетъ особенной, выходящей изъ ряду вонъ штуки, нигдѣ не совершится чего нибудь новаго и хроникеру остается только повторять: все обстоитъ благополучно, т. е. все идетъ по старому. Вотъ почему мы положительно отказываемся разсказывать читателю „сказку о бѣломъ бычкѣ“ и будемъ обращать вниманіе читателей въ каждой изъ нашихъ хроникъ по большей части на какую-нибудь одну сторону жизни, касаясь только мелькомъ и случайно тѣхъ или другихъ „новостей“, и то, если эти новости будутъ имѣть необычайный интересъ, если, напримѣръ, челоуѣкъ, имѣвшій возможность украсть сто тысячъ, украдетъ только девяносто девять или если у какого-нибудь земства окажутся деньги на заведеніе какихъ-нибудь народныхъ школъ и въ то-же время не окажется средствъ для торжественнаго обѣда. Такія новости мы разскажемъ, читатель, вамъ первымъ, а „вы разсказывайте всюду“.

Настоящую хронику мы думаемъ всецѣло посвятить описанію того, какъ относятся наши частныя и общественныя дѣятели къ своему дѣлу. Этотъ предметъ очень интересенъ, такъ какъ и до сихъ поръ мы видимъ въ обществѣ со стороны людей, дѣлающихъ серьезное дѣло, полнѣйшее непониманіе своихъ обязанностей и самое грубое неуваженіе къ исполненію принятой на себя задачи. Да не подумаетъ читатель, что мы въ этомъ случаѣ станемъ нападать на властей или на „отцовъ“. Нѣтъ, тутъ некрасивыми качествами отличаются и частныя лица и „дѣти“; здѣсь сходятся люди всевозможныхъ направленій и всѣ они поражаютъ насъ какимъ-то татарскимъ отношеніемъ и къ своему дѣлу и къ общественнымъ интересамъ. Но не слѣдуетъ-ли скры-

вать эту слабую сторону, когда она встрѣчается въ представителяхъ молодого поколѣнія и новыхъ учрежденій? О, насчетъ этого теперь въ обществѣ сложилось довольно странное мнѣніе, служащее знаменіемъ времени; мы должны сказать объ этомъ нѣсколько словъ, прежде чѣмъ перейти къ фактамъ.

Одинъ чудакъ изъ моихъ пріятелей, человѣкъ немного „тронутый“, называетъ наше время временемъ генеральныхъ репетицій и испытаній въ зрѣлости, въ отличіе отъ начала 60-хъ годовъ, которое онъ считаетъ временемъ теоретическихъ увлеченій. „Въ шестидесятыхъ годахъ, говоритъ онъ, г. Ламанскій въ теоретическомъ увлеченіи кричалъ въ пассажѣ, что „мы не созрѣли“, г. Погодинъ подъ тѣмъ-же вліяніемъ утверждалъ въ университетѣ, что „мы созрѣли“. То-же теоретическое увлеченіе заставляло насъ тогда кричать о необходимости покрыть всю Россію сѣтью желѣзныхъ дорогъ, дать женщинамъ права больше мужскихъ правъ, открыть спектакли въ великомъ посту и т. д. Съ тѣхъ поръ прошло много дней, теоретическія увлеченія поуспокоились и мы вступили на путь практической дѣятельности: стали дѣлать опыты постройки желѣзныхъ дорогъ, по которымъ иногда нечего было возить, открывали аларчинскіе, чернышевскіе, владимірскіе и академическіе женскіе курсы, пробовали допускать женщинъ на мѣста кассировъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфистовъ, бухгалтеровъ, помощниковъ таможенныхъ экспедиторовъ, дали возможность мужику взимать и раскладывать, попробовали поручить земству надзирать и воспитывать, судить и оправдывать, даже, наконецъ, не соглашаясь открывать театры въ великомъ посту, дали возможность клубамъ производить генеральныя репетиціи,—однимъ словомъ, мы создали время, когда отдѣльныя лица въ родѣ гг. Ламанскихъ или Погодиныхъ не могли уже опрометчиво кричать: „мы созрѣли“ или „мы не созрѣли“, а должны были ждать, какіе результаты дастъ наступившее время испытаній въ зрѣлости и „генеральныхъ репетицій“. Самъ по себѣ этотъ взглядъ нисколько не интересенъ, какъ и большая часть взглядовъ разныхъ чудаковъ въ родѣ моего пріятеля, но я упомянулъ объ этомъ взглядѣ потому, что онъ сдѣлался источникомъ самыхъ смѣшныхъ волненій для бѣднаго чудака. Бѣдняга сталъ подозрителенъ и тревоженъ; читая каждую корреспонденцію о томъ, что земство плохо ведетъ свои дѣла, онъ кричитъ: „Боже мой,

зачѣмъ это пишутъ, вѣдь такъ можно погубить земство, доказавъ его неумѣнье вести свои дѣла, доказавъ неудовлетворительную зрѣлость нашихъ земцевъ". Статьи г. Ѳ. Достоевскаго о мужикахъ, яко-бы злоумышленно выносящихъ оправдательные приговоры, повергли его въ такое уныніе, что онъ прибѣжалъ ко мнѣ и объявилъ прямо „о скоромъ закрытіи суда съ присяжными". Статья г. Демерта о некрасивыхъ поступкахъ нѣкоторыхъ гг. судей, заставила его пропѣть „со святыми упокой" мировымъ учрежденіямъ. Онъ сталъ до того подозрителенъ, что даже боится хвалить новыя учрежденія или дѣлать что-нибудь въ пользу ихъ дальнѣйшаго развитія, такъ какъ и это можетъ, по его мнѣнію, набросить на новыя учрежденія какую-то тѣнь. Такъ, когда въ городѣ разнеслись слухи о желаніи какихъ-то благотворителей доставить дешевыя квартиры дѣвушкамъ, посѣщающимъ медико-хирургическую академію, — онъ только руками развелъ и крикнулъ: „пошадите"! „Вѣдь вы подумайте, ораторствовалъ онъ, находясь, очевидно, не въ нормальномъ состояніи, что изъ этого выйдетъ: жизнь въ одномъ домѣ, вопросы, толки, скандалы (Мы не знаемъ, какиѣ логическимъ путемъ дошелъ онъ до мысли, что дѣвушки непременно произведутъ какіе-то скандалы). Вы просто хотите погубить этотъ опытъ расширенія женскаго образованія. Купите имъ лучше разныя учебныя пособія, препараты и оставьте ихъ жить, гдѣ они хотятъ". Мы никакъ не могли его увѣрить, что, не имѣя большихъ средствъ, эти дѣвушки во всякомъ случаѣ будутъ жить по двѣ, по три вѣстѣ, ради экономіи; что-же касается до дорогихъ учебныхъ пособій и препаратовъ, то прежде всего нужно мѣсто для этихъ пособій, а нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ нуждаются въ углѣ. Еще менѣе повѣрилъ нашъ пріятель, когда мы стали увѣрять его, что и при теперешнемъ положеніи дѣла всегда найдутся охотники до распусканія гнусныхъ слуховъ про слушательницъ академіи. Теперь оказывается, что мы были правы; такъ какъ одна газета уже успѣла распустить подобныя грязныя слухи. Но нашъ пріятель, какъ человекъ тронутый, не хотѣлъ ничего слушать и только кричалъ, что мы хотимъ вредить всякому новому дѣлу. Конечно, тутъ нечего было и думать о томъ, чтобы разъяснить этому господину, что мы считали-бы полнѣйшими пустяками, пустою игрушкою какое-бы то ни было новое дѣло, ко-

тому могутъ повредить какія-нибудь частныя лица или случайныя недоразумѣнія.

Къ сожалѣнію, опасенія нашего пріятеля, какъ ни кажутся они безосновательны и смѣшны, имѣютъ множество послѣдствій во всевозможныхъ кружкахъ провинціи и столицы. Одни изъ этихъ сомнѣвающихся гражданъ принадлежать къ числу тѣхъ трусливыхъ Маниловыхъ, которые всю жизнь мечтали о реформахъ и теперь не вѣрятъ продолжительности своего счастья, полагая, что совершившіяся безъ ихъ содѣйствія реформы ничто иное, какъ сладкій сонъ. Эти люди, какъ суевѣрныя няньки, боятся, что кто-нибудь сглазитъ ихъ ненаглядное дѣтище, и потому стараются уводить его какъ можно дальше отъ дурного глаза, напѣвая про себя пѣсенку:

Что имѣемъ не хранимъ,
Потерявши, плачемъ.

Они думаютъ: пусть лучше дитя вырастетъ уродомъ, только-бы оно не умерло. Они никакъ не хотятъ понять, что такія дѣти, какъ серьезныя реформы, не умираютъ, что лопнуть можетъ только какой-нибудь мыльный пузырь, нестойкій ни слезъ, ни вздоховъ. Рядомъ съ этими людьми стоятъ другіе люди—дѣльцы, покущіе въ одинъ голосъ съ первыми. Эти господа находятъ очень выгоднымъ говорить, что не слѣдуетъ обличать недостатковъ тѣхъ или другихъ новыхъ дѣятелей, не слѣдуетъ именно потому, что это можетъ повредить самимъ новымъ учрежденіямъ. За этими фразами скрывается такая мысль: „вы помалчивайте о новыхъ учрежденіяхъ, а мы тѣмъ временемъ пристроимся къ нимъ да и повернемъ ихъ по-старому, скрывъ подъ новыми именами старую практику“ (Конечно, этого имъ не удастся сдѣлать). Эти господа шумятъ гораздо больше боязливыхъ Маниловыхъ и нападаютъ на каждаго, кто обличилъ новаго дѣятеля. Именно такого рода толки были въ нижегородской губерніи послѣ статьи г. Демерта о мировомъ судѣ, бывшемъ мужика. Въ частныхъ кружкахъ нѣкоторыхъ земцевъ негодовали на г. Демерта за то, что онъ вредитъ дальнѣйшему развитію мировыхъ учрежденій и работаетъ въ пользу старыхъ судовъ. Эти господа никакъ не хотѣли понять, что старый судъ отжилъ безвозвратно *de jure*, — это была воля правительства; но на этомъ вовсе нельзя успокоиться, такъ-какъ частныя-то

лица, исполнители-то остались старые, — вѣдь мировыя учрежденія не народили новыхъ людей, — и многіе изъ этихъ исполнителей стараются вносить въ новые суды свои отжившія традиціи и, такимъ образомъ, превратить новый судъ de facto въ старый. Противъ этого нужно биться каждому, нисколько не боясь, что это наброситъ тѣнь на новый судъ, такъ-какъ въ сущности тѣнь будетъ брошена не на новый судъ, а на нѣкоторыхъ его представителей, неимѣющихъ ничего общаго съ новыми учрежденіями. Не желая признавать этого факта, земцы иногда приходятъ къ самымъ комическимъ заключеніямъ по поводу обличительныхъ статей. Такъ въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ предсѣдатель земской управы, прочитавъ въ „Дѣлѣ“ замѣчаніе о томъ, что у нихъ въ земской больницѣ мало воздуха, постарался насолить обличителямъ, доказавъ, что не ихъ дѣло заботиться о больницѣ, и повелъ въ ней дѣла по-старому. Другой фактъ касается одного провинціального ремесленного училища; оно находится въ рукахъ думскихъ и земскихъ властей. Въ прошломъ году въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась корреспонденція, въ которой успѣхи училищъ приписывались земству. Этого было достаточно, чтобы думскія власти оскорбились и чуть не уничтожили училища. Земцамъ едва удалось ихъ успокоить и въ концѣ-концовъ, и земцы, и думцы пришли къ тому убѣжденію, что все обстояло-бы благополучно, если-бы не было корреспондентовъ, рассказывающихъ о „закулисныхъ“ дѣлахъ. И никому при этомъ даже не пришло и въ голову, что „закулисными“ дѣлами никакъ нельзя называть тѣ дѣла, на которыя затрачиваются обществомъ его кровныя деньги.

Не придерживаясь подобныхъ взглядовъ, мы не считаемъ возможнымъ пропускать безъ вниманія безцеремонныя отношенія къ общественнымъ дѣламъ со стороны нашихъ дѣятелей, къ которымъ теперь и обращаемся.

У насъ очень нерѣдко одно и то-же лицо занимаетъ одновременно нѣсколько должностей. Такъ, напримѣръ, по словамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, изюмское (харьковской губерніи) городское общество избрало въ головы мирового посредника 1-го участка изюмскаго уѣзда, г. Ковалевскаго, который сверхъ того состоитъ почетнымъ мировымъ судьей, предсѣдателемъ изюмской уѣздной земской управы, уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ, чле-

номъ отъ земства въ изюмскомъ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ и членомъ попечительнаго совѣта женской прогимназіи. При такомъ обиліи должностей человѣкъ, конечно, не имѣетъ фактической возможности не только порядочно исполнять свое дѣло, но даже не можетъ соблюдать виѣшнее приличіе, то-есть дѣлать видъ, что онъ слѣдитъ за дѣломъ. Вслѣдствіе этого подобныя наши дѣятели, и безъ того отличающіеся славянскою лѣнью, зачастую не являются даже въ собранія, въ которыхъ они должны засѣдать. Въ „Кронштадтскомъ Вѣстникѣ“, напримѣръ, пишутъ о чрезвычайно маломъ числѣ гласныхъ, являющихся въ засѣданія думы. Засѣданіе 18-го января, назначенное въ пять часовъ пополудни, едва могло открыться только въ половинѣ седьмого и то при 17 или 18 членахъ, т.-е. однимъ или двумя членами больше допускаемаго закономъ наименьшаго числа для того, чтобы собраніе можно было считать состоявшимся. 19-го числа засѣданіе было открыто при такомъ-же числѣ гласныхъ, хотя впоследствии и подошло человѣка два или три. Между тѣмъ оба эти засѣданія предназначались для разсмотрѣнія и утвержденія городскихъ росписей, т.-е. такихъ предметовъ, на которыхъ основывается и зиждется все городское хозяйство, и къ которымъ со стороны гласныхъ общество въ правѣ-бы было ожидать болѣе серьезнаго отношенія. Кромѣ того, обсужденію и утвержденію думѣ подлежали и другіе, также весьма важные вопросы, какъ-то:

инструкція управы, инструкція торговой депутаціи и правила объ извозномъ промыслѣ. Не говоря о другихъ предметахъ, одни перечисленные вопросы должны-бы были привлечь къ себѣ серьезное вниманіе гласныхъ, изъ которыхъ почти двѣ трети оказываются въ нѣтчикахъ. Причину этого явленія корреспондентъ видитъ въ цензовыхъ условіяхъ, которыя, по его мнѣнію, можно измѣнить въ благопріятную сторону привлеченіемъ къ участию въ городскомъ общественномъ управленіи не однихъ домохозяевъ, но и квартирантовъ.

Тверской корреспондентъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ передаетъ такой-же фактъ:

„Въ № 12-мъ „Бирж. Вѣд.“ было напечатано, пишетъ онъ, извѣстіе изъ Ржева о томъ, что нѣкоторые городскіе гласные не всегда посѣщаютъ собранія думы. Намъ было-бы слишкомъ прискорбно, если-бы Ржевъ, нашъ уѣздный городъ, опередилъ насъ

хотя-бы въ небрежномъ отношеніи гласныхъ къ обязанностямъ, принятымъ ими на себя добровольно. У насъ собранія городскихъ гласныхъ устраиваются еще съ большимъ трудомъ: изъ нашихъ гласныхъ нѣкоторые посѣтили думу только при самомъ введеніи новаго городского управленія и съ тѣхъ поръ ни ногой“. Корреспондентъ при этомъ замѣчаетъ, что и тверской думѣ не мѣшало-бы принять предложенную ржевскимъ городскимъ головою мѣру: „записывать отсутствующихъ и потомъ въ свое время объявлять обществу имена этихъ отсутствующихъ дѣятелей. Они, конечно, не явятся на свои поминки, а общество, конечно, будетъ такъ деликатно, что не потревожитъ ихъ новымъ выборомъ. Такимъ образомъ, важныя права и еще болѣе важныя обязанности гласныхъ самымъ мирнымъ путемъ перейдутъ къ лицамъ, непребрегающимъ городскими интересами“. Но мы съ своей стороны, опираясь на факты, думаемъ, что эта мѣра хотя и хороша, но далеко не радикальна, такъ-какъ наше общество, по свойственной ему небрежности въ общественныхъ дѣлахъ, готово будетъ выбрать тѣхъ-же гласныхъ даже и послѣ ихъ „поминокъ“. Если-бы у насъ не было подъ рукою фактовъ, то было-бы трудно, даже зная апатію нашего общества, представить себѣ, до какой степени небрежно относится оно къ дѣлу выборовъ. Но эти факты существуютъ. Въ Вологдѣ, напримѣръ, въ послѣднее время исполнилось два года существованія новаго городского управленія и, согласно требованію положенія, 24 января назначены были выборы двухъ членовъ управы. Какъ извѣстно, члены управы смѣняются не всѣ вдругъ, а черезъ два года половина ихъ, въ тѣхъ видахъ, чтобъ не лишить управу одновременно дѣятелей ея, которые, предполагается, уже ознакомились въ достаточной степени съ положеніемъ и ходомъ дѣла. Прежде чѣмъ приступить къ выборамъ, вынули жребій, кому изъ членовъ судьба укажетъ остаться членами и кому выбыть. Выбыть, между прочимъ, пришлось и члену изъ чиновниковъ, который считался чуть-ли не единственнымъ дѣятельнымъ членомъ управы. Разумѣется, гласные сейчасъ-же стали просить его остаться членомъ, но онъ отказался и именно потому, что, при занятяхъ по государственной службѣ и городской, онъ не можетъ оправдать довѣріе общества и дѣлать столько, сколько-бы могъ на самомъ дѣлѣ. Тогда гласные просили его оставить государственную службу

(онъ дѣлопроизводитель строительнаго отдѣленія губернскаго правленія) и обѣщали увеличить его жалованье по должности члена управы. По баллотировкѣ онъ избранъ былъ вновь и по баллотировкѣ-же ему прибавили жалованья 400 р. къ получаемымъ 600 р. Фактъ этотъ уже много говоритъ въ пользу этого человѣка; но онъ получаетъ еще большее значеніе въ виду того, что самъ голова высказался за полнѣйшую необходимость имѣть именно его членомъ управы. Когда гласные просили этого чиновника остаться, голова всталъ и торжественно изрекъ: „Я, господа, признаюсь, ничего не знаю въ дѣлахъ, да и другіе члены изъ купцовъ— тоже. Намъ вѣдь не написать бумаги въ три строчки, такъ что-же мы станемъ дѣлать безъ г. С — ва“? Гласные промолчали, вѣроятно, потому, что вполне были согласны съ головой, хотя, повидимому, и слѣдовало-бы имъ хоть слегка замѣтить, что они выбрали въ головы и члены людей свѣдущихъ, и главное, дѣятельныхъ и желающихъ работать; а не такихъ, какъ отрекомендовался голова съ членами, по простествіи двухъ лѣтъ службы. Даже члены, которыхъ рекомендація головы, кажется, должна-бы задѣть за живое, не сказали въ свою защиту ни слова, а тоже, въ знакъ совершеннаго своего согласія, промолчали. Я жалѣю объ одномъ, что никому изъ гласныхъ не пришло въ голову попросить занести заявленіе головы въ журналъ думъ того числа, на память потомства.

Конечно, при такихъ господахъ городскія дѣла не могутъ идти особенно успѣшно: общество должно понимать это, оно понимаетъ это и все-таки пальца о палець не стукнетъ, чтобы соблюсти свои собственные интересы. Но возвратимся къ людямъ, занимающимъ сразу нѣсколько общественныхъ должностей. Они относятся безъ всякаго уваженія къ этимъ должностямъ, смотрятъ на нихъ, какъ на какую-нибудь ребяческую потѣху, нисколько не касающуюся до нихъ и посвящаютъ свою дѣятельность обдѣлыванію своихъ собственныхъ дѣлишекъ. Они не стѣсняются, будучи мировыми судьями, исправляя должность городскихъ головъ, содержать, на примѣръ, трактиры и кабаки. Но этого мало; они, какъ мы увидимъ изъ слѣдующаго примѣра, въ этихъ-же самыхъ заведеніяхъ готовы глумиться надъ своими общественными обязанностями. 18 января, пишетъ корреспондентъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, одинъ изъ мѣстныхъ почетныхъ ми-

ровныхъ судей (онъ-же городской голова и содержатель трактира) открылъ въ содержимомъ имъ трактирѣ судебное засѣданіе и арестовалъ одного крестьянина на 24 часа. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: Крестьянинъ К. былъ въ заведеніи (какъ сказано выше, содержимомъ помянутымъ почетнымъ мировымъ судьей) съ товарищемъ, который находился въ другомъ помѣщеніи трактира. Первый услышалъ, что товарища его обижаетъ содержатель заведенія и служащіе его, а потому и сталъ говорить содержателю что-то въ родѣ того, что „стыдно, дескать, обижать бѣднаго человѣка“, — а хозяинъ отвѣчаетъ на это: „а тебѣ какое дѣло? ты кто такой? или и тебѣ хочется того-же?“ Вскорѣ послѣ этого хозяинъ заведенія вбѣгаетъ въ общую залу, въ цѣпи мирового судьи, и въ полыхахъ говоритъ: „Судъ идетъ, судъ постановилъ, приглашаю всѣхъ встать“ (Публика встаетъ). Эй! убирайте со столовъ посуду и чайники! (послѣднія слова относились къ служащимъ въ заведеніи). Послѣ этого, судья, обращаясь къ К., говоритъ: „Ну, рассказывай, кто тебя обидѣлъ?“ — Подсудимый: „Да ты, ваше благородіе!“ Судья, обращаясь къ одному изъ мѣстныхъ мѣщанъ: „Г. Ш., пиши приговоръ въ окончательной формѣ, — заарестовать его на 24 часа“. — Ш. „Я еще не сошелъ съума, какъ ты“. — „Когда такъ (тутъ судья встаетъ съ мѣста, беретъ подсудимаго К. за воротъ и наноситъ ударъ въ лицо; послѣдній беретъ его за знакъ, полные бьютъ его по рукамъ, К. выпускаетъ знакъ). — „Половые, катайте его!“ кричитъ судья. Послѣдніе, желая угодить судѣ и хозяину своему, бьютъ бѣднаго К., съ помощью самого хозяина. Затѣмъ, со знакомъ на шеѣ, т. е. въ цѣпи, судья, съ помощью служащихъ, вытаскиваютъ К. на улицу, продолжая сокрушать ему спину, бока и ребра. Въ это время подходятъ десятскіе, берутъ бѣднаго К. и отводятъ въ полицейскія камеры, откуда онъ былъ освобожденъ на другой день исправникомъ. Говорятъ, что К. подалъ куда-то прошеніе о нанесеніи ему обиды дѣйствіемъ.

Далѣе мы встрѣчаемъ въ „Биржевыхъ-же Вѣдомостяхъ“ изъ нижегородской губ. одну корреспонденцію, гдѣ говорится: „нашъ мировой посредникъ живетъ въ разныхъ мѣстахъ и въ участки, которымъ завѣдуетъ, является не болѣе, какъ два раза въ годъ и то по другимъ дѣламъ. Все дѣлаетъ у насъ за посредника

его писарь да еще какой-то солдатъ съ истертыми нашивками. Эти два труженника дѣйствуютъ у насъ съ особеннымъ остервенѣніемъ теперь, во время рекрутскаго набора: истертые нашивки въ базарный день ходятъ по кабакамъ и трактирамъ, подыскивая нуждающихся въ писарѣ мирового посредника и давая при этомъ наставленія: съ какою суммою приличіе явиться къ нему*.

Можно себѣ представить какъ идутъ дѣла при подобномъ „отсутствующемъ“ посредникѣ. Вотъ, что пишетъ тотъ-же корреспондентъ объ этихъ дѣлахъ: „въ одномъ изъ здѣшнихъ волостныхъ правленій производился учетъ волостныхъ кассировъ; волостной сходъ поручилъ это дѣло тремъ грамотѣямъ; эти грамотѣи были великіе знатоки математики; они изобрѣли даже новый способъ счисленія. Такъ число 12 они изображали тремя цифрами 210 (двѣсти десятъ) на томъ основаніи, что 12 состоитъ изъ одного десятка и двухъ единицъ, которыя, какъ не доросшія до одного десятка, должны стоять по лѣвую его сторону. Волостной писарь, хотя и крестьянинъ, но изъ благородныхъ, державшійся старинной системы счисленія, разбилъ въ пухъ и прахъ нововводителей; все заранѣе имъ было приготовлено къ учету и учетникамъ только оставалось подписать свои имена. Но писарь желалъ, чтобы сами учетники признали свои нововведенія несостоятельными: три дня онъ заставлялъ учетниковъ провѣрять расходъ кассира и довелъ ихъ до того, что они стали просить позволенія возвратиться въ свои дома. Писарь сказалъ, что, не кончивши учета, они не могутъ расходиться по домамъ, что книги нужно представить къ высшему начальству, что съ нихъ самихъ строго требуютъ исправности во всемъ. Одинъ изъ учетниковъ, должно быть, болѣе дальновидный, наконецъ, обратился къ писарю съ вопросомъ: „что-же намъ сдѣлать, чтобы скорѣе покончить?“ Писарь спросилъ: „купите-ли вы пол-ведра?“ — „Да ужъ мы на этомъ не стоимъ“, послышался отвѣтъ. Пол-ведра куплено. Писарь приказалъ учетникамъ написать, что всѣ расходы, произведенные кассиромъ, они находятъ правильными и въ сравненіи съ прошедшими годами очень экономичными, за что и объявляется благодарность волостному начальству, въ чемъ и подписуются. Учетники отправляются домой. Здѣсь ихъ встрѣчаютъ съ вопросомъ: „Ну, что? Чай, вы много начли на воровъ-то?“ — „Нѣтъ, ничего не

начли, все вѣрно“, отвѣчаютъ отрывочно учетники, стыдятся открыть начеть, сдѣланный на нихъ писаремъ. Въ другомъ волостномъ правленіи кассиромъ была растрочена большая сумма общественныхъ денегъ. Общество смѣнило вора и намѣревалось отдать подъ судъ. Но писарь мирового посредника, принимавшій сторону кассира, приказалъ разложить растроченную сумму на всю волость, подъ тѣмъ предлогомъ, что волостной расходъ (крестьяне не знаютъ, въ какомъ году расходъ превысилъ доходъ) превысилъ доходъ, полученный по примѣрной раскладкѣ. Мнимый перерасходъ по дѣламъ волости оказался такъ великъ, что пришлось на каждую душу копѣекъ по пятидесяти. Теперь у крестьянъ есть, по крайней мѣрѣ, окладные листы, а прежде и этого не было. Въ прошедшемъ году окладные листы были высланы земской управой въ февралѣ мѣсяцѣ, если не ранѣе, но розданы крестьянамъ только въ ноябрѣ и то по настоянію полиціи. Какъ-же собирались подати? Волостное правленіе выдавало какіе-то ярлыки, въ которыхъ обозначалось, что подушного сбора общество такого-то селенія должно представить столько-то, а земскаго столько-то. По полученіи сбора ярлыки эти отбирались и уничтожались, а въ замѣнъ ихъ выдавались другіе, такого-же неопредѣленнаго характера; росписки-же въ полученіи денегъ по первымъ ярлыкамъ не выдавались. Такимъ образомъ, одинъ и тотъ-же сборъ крестьяне должны были платить два раза“. Что-же мудренаго, что при подобныхъ отношеніяхъ общества къ избраннымъ имъ дѣтелямъ и при подобномъ отношеніи этихъ дѣтелей къ ихъ должностямъ, мы встрѣчаемъ повсюду самыя нешриглядные факты.

Богородицкое (тульской губерніи) городское общество своимъ приговоромъ въ 1867 году постановило устроить въ городѣ богадѣльню для призрѣнія дряхлыхъ и нищихъ. На открытіе богадѣльни послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Получивъ такое разрѣшеніе, бывший въ то время городской голова Безсоновъ энергически приступилъ къ устройству корпуса для богадѣльни; но едва онъ успѣлъ окончить устройство корпуса, какъ въ Богородицкѣ приступили ко введенію новаго городского положенія и на мѣсто Безсонова избранъ городскимъ головою купецъ Ламакинъ. Новый голова почему-то нашелъ излишнимъ приводить въ исполненіе приговоръ думы относительно устройства бога-

дѣльни, а въ приготовленный для нея корпусъ перевелъ городское приходское училище“. Конечно, училище вещь не только не лишняя, но даже необходимая; можетъ быть, даже оно нужнѣе для города, чѣмъ богадѣльня. Но дѣло не въ томъ; городской голова является только исполнителемъ желаній городского общества, и если-бы оно предназначило свои деньги на постройку звѣринца, а не только что богадѣльни, то и тогда голова не имѣлъ-бы права употребить эти деньги на училище, какъ-бы ни-было оно нужно городу. Этого-то, повидимому, и не понялъ богородицкій городской голова. Приведемъ еще нѣсколько фактовъ подобнаго-же рода, не требующихъ никакихъ поясненій.

Изъ Креславки, витебской губерніи, пишутъ о постройкѣ роскошныхъ зданій подѣ волостныя правленія и о дорогихъ вещахъ, предназначенныхъ для этихъ зданій. Въ пяти волостяхъ 2-го мирового участка динабургскаго уѣзда эти зданія уже окончены и снабжены всѣми принадлежностями комфорта; вышло очень красиво. Всѣ зданія построены по одному плану, въ два этажа, въ 10—13 комнатъ. Такая роскошь до сихъ поръ немислима для самаго зажиточнаго крестьянскаго общества. Легко видѣть, что не упорство и не капризъ здѣшнихъ крестьянъ заставляетъ ихъ не желать этой роскоши, видимо не соответствующей ихъ средствамъ, они понимаютъ, что имъ придется плохо при окончательномъ расчетѣ: въ волостныхъ кассахъ пусто; а осуневская волость ухитрилась задолжать до 12,000 руб. Все это тѣмъ прискорбнѣе, что при такихъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ издержкахъ сельскія власти забываютъ о самыхъ необходимыхъ удобствахъ нечиновныхъ крестьянъ, такъ, напримѣръ, въ сборной комнатѣ нѣтъ даже простыхъ скамей для того, чтобы усталый или бѣдный могъ присѣсть. Карцеры, устроенные на подобіе стѣнныхъ шкафовъ во внутренней стѣнѣ, чрезвычайно тѣсны и лишены свѣта и воздуха. Чего, спрашивается, смотреть мировые посредники?

Корреспондентъ „Новаго Времени“ въ № 41 этой газеты пишетъ изъ Обояни слѣдующее: „Земское собраніе нашего уѣзда въ 1872 году переложило всю натуральную подводную повинность на денежную. Мѣра очень полезная и крайне заслуживающая вниманія и уваженія со стороны всѣхъ лицъ, которыя должны бы помочь привести ее скорѣе въ дѣйствіе. Но что-же вышло

изъ нея на самомъ дѣлѣ. На 1873 г. крестьяне не должны были-бы уже содержать почтовыхъ пунктовъ, такъ какъ всѣ лица, которыя прежде имѣли право ѣздить на пунктовыхъ лошадяхъ, съ января 1873 года въ замѣнъ этого права стали получать прогонныя деньги, на которыя они должны были нанимать лошадей для своихъ разъѣздовъ или ѣздить на своихъ лошадяхъ. Впрочемъ, въ деревенскомъ самоуправленіи оставалось еще одно лицо, которое могло-бы требовать у крестьянъ лошадей для своего передвиженія, — это волостной старшина, но разъѣзды его по службѣ такъ незначительны, что каждое сельское общество очень легко можетъ выполнять эту повинность натурою.

„Но что-же произошло у насъ на дѣлѣ? На дняхъ, бывшему на собраніи гласному отъ крестьянъ приносить безграмотный староста его деревни записку и просить прочесть. Записка эта оказывается приказомъ волостного старшины сельскому старостѣ съ приложеніемъ печати и подписью старшины, чтобы староста собралъ съ каждой души его деревни по 25 к. с. и по мѣркѣ овса на содержаніе почтовыхъ пунктовъ. На вопросъ гласнаго, къ чему вамъ пункты, когда подводная повинность переложена на денежную, староста отвѣчалъ: „да на волостномъ сходѣ положили такъ. — А прошедшій годъ сколько вы платили на пункты? спросилъ опять гласный. „Прошедшій годъ мы платили на пункты по 20 к. и по мѣркѣ овса, отвѣчалъ тотъ. Итакъ, для этой волости переложеніе натуральной повинности на денежную повело къ увеличенію подушнаго сбора на 5 к. съ души, да еще двумя, тремя копѣйками съ каждой принадлежащей десятины земли. Та-же исторія повторилась и въ прочихъ волостяхъ (за исключеніемъ Михайловской) этого уѣзда. Одинъ изъ гласныхъ, узнавъ объ этихъ сборахъ, обратился къ мировому посреднику г. С. К. съ вопросомъ: зачѣмъ крестьяне платятъ теперь на содержаніе почтовыхъ пунктовъ? — Что-же вамъ надо, возразилъ на это посредникъ, — крестьяне вольны платить, что они хотятъ, они составили волостной сходъ, нашли для себя нужнымъ содержаніе пунктовъ, постановили на сходѣ платить извѣстную податную подать на ихъ содержаніе, подписали приговоръ, — дѣло совершенно формально и ничего измѣнить изъ него нельзя. — Но вѣдь вы знаете, что возить крестьянамъ некого, слѣдова-

тельно, имъ не нужно имѣть и пунктовъ, не нужно собирать съ нихъ денегъ на этотъ предметъ. — Это такъ, соглашается посредникъ, но пусть они платятъ послѣдній годъ, а на слѣдующій годъ не будутъ платить. Такъ разсуждаетъ посредникъ, пишетъ далѣе корреспондентъ, занимающій двѣ должности—члена уѣздной управы (бесплатно) и мирового посредника (съ платою). Вслѣдствіе исполненія обязанностей по двумъ должностямъ онъ negliжируетъ обѣими. Если обращаются къ нему, какъ къ посреднику, онъ ссылается на то, что сильно занятъ дѣлами управы; если вы обратитесь къ нему, какъ къ члену управы — онъ отвѣтитъ вамъ, что сильно занятъ дѣлами мирового посредника и потому ничего не можетъ сдѣлать. Такъ что, въ концѣ концовъ, выходитъ, что лучше-бы было, если-бы онъ не занималъ ни одной должности. И это, повторяю я, одинъ изъ лучшихъ представителей земства. Другой мировой посредникъ, г. К., замѣчательнъ своимъ актомъ по оскорбленію его однимъ изъ волостныхъ старшинъ, по поводу котораго товарищъ прокурора курскаго окружного суда отказался обвинять подсудимаго, причеиъ указалъ на неправильное, несвоевременное и сомнительное, составленіе мировымъ посредникомъ К. акта.

Далѣе беремъ слѣдующій фактъ: „Заозерская волость (углицкаго уѣзда) должна въ свою лѣтопись растратъ записать и еще одну, новую, совершившуюся въ прошломъ ноябрѣ. У старосты Дувакина не дочлись около 1,200 р. Несчастное общество, въ которомъ служилъ Дувакинъ, и безъ того очень бѣдно, а это прискорбное обстоятельство еще сильнѣе разстроитъ скудное хозяйство крестьянъ. У Дувакина описали имѣніе; но, разумѣется, нашли немного; всего, кажется, рублей какихъ-нибудь на 300 или около этого; остальная сумма, конечно, должна пасть на крестьянъ. Дувакинъ, говорятъ, не дѣлалъ взносовъ въ казначейство съ мая мѣсяца. Заключаютъ, что, стало быть, староста, готовился къ катастрофѣ, другими словами, — уберечь часть суммы, но, конечно, для себя, а не для общества“.

Тамъ-же случился казусъ, о которомъ много говорили. „Разсказываютъ, что одинъ изъ мировыхъ посредниковъ, бывши въ волостномъ правленіи, такъ будто-бы разсердился за что-то на старосту, что не пожалѣлъ самыхъ крупныхъ непечатныхъ словъ и въ заключеніе ударилъ это служебное лицо сверткомъ бумаги

по лицу; все это будто-бы происходило въ присутствіи троицхъ должностныхъ лицъ правленія“.

Но интереснѣе всего отношеніе нашихъ выборныхъ дѣятелей къ одному изъ священниковъ Орловской губерніи. Вотъ, что пишетъ послѣдній: „занимался обученіемъ дѣтей своихъ прихожанъ грамотѣ почти съ самаго уничтоженія крѣпостнаго права, я оставилъ эту обязанность только тогда, когда наше д—ское земство приняло на себя вознагражденіе и пожелало имѣть свободныхъ отъ другихъ занятій наставниковъ. Но въ началѣ нынѣшняго 1872—73 учебнаго года оказался недостатокъ народныхъ учителей въ нашемъ уѣздѣ. Я, не желая закрытія училища въ своемъ селѣ, рѣшился изъяснить свое желаніе занять должность наставника и обратился въ училищный совѣтъ съ прошеніемъ объ утвержденіи меня въ этой должности. Совѣтъ отвѣтилъ мнѣ, что „я тогда буду утвержденъ въ должности наставника, когда на то изъяснить свое согласіе общество. „Общество пожелало и составило о томъ приговоръ. Обращаюсь въ волостное правленіе для засвидѣтельствованія приговора, какъ требовалъ того училищный совѣтъ. Волостное правленіе, имѣя во главѣ невѣжественнаго писаря М. С. и во всемъ послушнаго ему старшину, не восхотѣло засвидѣтельствовать приговора, ссылаясь на то, что мнѣ учить некогда, но въ душѣ руководясь другими побужденіями. Я обращаюсь къ мировому посреднику. Посредникъ П. высказалъ мнѣ въ глаза слѣдующія достопримѣчательныя слова: „правительство вообще не расположено къ тому, чтобъ народное образованіе было въ рукахъ духовенства“. — Почему-бы такъ? спрашиваю я. — „Потому, отвѣчаетъ посредникъ, что духовенство проводитъ суевѣріе“.

Наконецъ, въ самомъ новомъ судѣ уже возникаютъ дѣла по поводу злоупотребленій земцевъ. Такъ, газета „Голосъ“ сообщаетъ, что по дѣлу о предсѣдателѣ боровичской земской управы, отставномъ поручикѣ Шамшевѣ, и членахъ, отставномъ поручикѣ Мягковѣ и крестьянинѣ Гурьевѣ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ по должности, нашей судебной палатѣ, можетъ быть, придется выѣхать въ Боровичи, чтобъ тамъ производить судъ, который будетъ происходить съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ по этому дѣлу должна быть спрошена масса свидѣтелей изъ жителей уѣзда. Управа, какъ извѣстно изъ га-

зеть, обвиняется въ злоупотребленіяхъ по пособію крестьянамъ въ голодный годъ.

Если таковы отношенія къ обществу „выбранныхъ имъ“ дѣятелей, то, конечно, нельзя ожидать, чтобы были лучше отношенія къ нему тѣхъ лицъ, которыхъ оно не выбирало, которыя не зависятъ отъ расположенія и нерасположенія къ нимъ этого общества. Здѣсь дикія отношенія встрѣчаются, какъ въ низшихъ, такъ и въ болѣе цивилизованныхъ классахъ общества, какъ среди частныхъ, такъ и среди официальныхъ дѣятелей. Вотъ что пишетъ корреспондентъ „Современныхъ Извѣстій“ объ отношеніяхъ нѣкоторыхъ желѣзно-дорожныхъ строителей къ рабочимъ и подрядчикамъ: „въ нынѣшнемъ году въ смоленской губерніи сотни рабочихъ съ желѣзныхъ дорогъ возвратились домой безъ денегъ и даже безъ одежды, въ которой отправлялись на заработки; многимъ изъ рабочихъ первый разъ въ жизни пришлось надѣть суму и, соединяясь съ оставленнымъ семействомъ, просить милостыню. „Спросишь много, говоритъ корреспондентъ,— что его довело до такого положенія,— вездѣ почти одинъ и тотъ же отвѣтъ: хозяинъ расчетомъ обидѣлъ.“

Не лучше относятся къ народу и хозяева рыбо-промыслового откупа:

„Недавно, въ джеватскомъ уѣздѣ былъ такой случай: прикащикъ одной ватаги послалъ своихъ объѣзджиковъ *отобрать* у прибрежныхъ жителей по р. Курѣ сѣти и влася (мѣстные лодки) на томъ-де основаніи, что они ловятъ рыбу и тѣмъ наносятъ откупу ущербъ, хотя, по смыслу § 43, заключеннаго откупщикамъ съ казною контракта, онъ не имѣетъ права препятствовать прибрежнымъ жителямъ въ ловѣ такъ-называемой частичковой рыбы: кутума, камама, сазана, судака и т. п., а, по § 61, за нарушеніе названной статьи подвергается даже штрафу. Но агенты откупа, какъ видно, знаютъ только тѣ §§ контракта, которые выгодны для нихъ однихъ, а другіе обходятъ и оставляютъ безъ вниманія. Мало этого: находя, что одни объѣзджики не въ состояніи будутъ исполнить съ успѣхомъ распоряженіе откупщика, послѣдній усилилъ свой отрядъ еще пятью казаками изъ числа состоящей при мѣстномъ уѣздномъ управленіи для военныхъ цѣлей казачьей команды. И вотъ отрядъ изъ 8-ми человѣкъ, исправно вооруженныхъ, отправился по берегу

рѣшки, въ одномъ мѣстѣ отнял двѣ сѣти, въ другомъ тулушъ (вѣроятно, тулушъ тоже принадлежитъ къ числу рыболовныхъ снарядовъ), а затѣмъ вошелъ въ одно селеніе и потребовалъ выдачи сѣтей и калюсовъ, но, встрѣтивъ рѣшительный отказъ со стороны крестьянъ, отступилъ и доставилъ на ватагу, въ видѣ побѣдныхъ трофеевъ, только двѣ сѣти и одинъ тулушъ. Значитъ, въ этомъ уголѣ даже частное лицо можетъ распоряжаться состоящею при уѣздномъ управленіи казачьею командою и съ помощью ея отнимать у жителей ихъ имущество, помимо всякаго суда и даже полиціи. Еще болѣе странно то, что казачья команда такъ смѣло исполняетъ приказаніе частнаго лица. Сельскій старшина составилъ объ этомъ казусѣ актъ и представилъ мѣстному начальству, а одинъ изъ ограбленныхъ обратился съ просьбою о преслѣдованіи виновныхъ къ мѣстному слѣдователю. Интересно, чѣмъ кончится это вопіющее самоуправство. Замѣчательно, что остальные ограбленные не ищутъ даже своихъ вещей и не заявляютъ о грабежѣ; они, видите-ли, боятся борьбы съ такою силою, какую представляетъ откупъ въ ихъ глазахъ! А вѣдь, замѣтимъ, бакинская губернія не считается дореформенной; самоуправство-же въ ней такое, чтобы хоть и въ Пермской!“

Другія явленія, болѣе частныя, рѣже повторяющіяся, но, тѣмъ не менѣе, прискорбныя, говорятъ о нашемъ непониманіи принятыхъ на себя обязанностей. Одинъ изъ казанскихъ корреспондентовъ указываетъ на одинъ изъ маневровъ адвоката, показывающій на отношеніе адвокатовъ къ судамъ. Какой-то богатый землевладѣлецъ саратовской губ. судился въ тамошнемъ судѣ по жалобѣ противной стороны по довольно скандальному дѣлу; судъ оправдалъ обвиняемаго по недостатку уликъ. Противная сторона перенесла дѣло въ казанскую палату. Подсудимый пріѣзжалъ въ Казань, условился съ адвокатомъ В. защищать его за 8 т. р. и возвратился домой. Черезъ нѣсколько времени получилъ онъ отъ адвоката телеграмму, что не пожелаетъ-ли, чтобы дѣло вовсе не разсматривалось въ палатѣ, что будетъ стоить ему только 4 т. Разумѣется, онъ тотчасъ согласился, но каково-же было удивленіе его, когда вскорѣ узналъ, что палата, по полученіи дѣла изъ окружного суда, тотчасъ нашла, что рѣшеніе онаго было постановлено правильно, и оставила аппеляцію безъ разсмотрѣнія.

Но чѣмъ-же лучше этого адвоката понималъ свои обязанности одинъ изъ священниковъ, о которомъ писали недавно во всѣхъ газетахъ. Дѣло въ томъ, что въ с. Вишни, кievской губерніи, радомысльскаго уѣзда, крестьянка Прасковья Сергейчукова была помолвлена съ крестьяниномъ Даниломъ Тарасюкомъ. Предъ совершеніемъ обряда бракосочетанія, священникъ отказался вѣнчать ихъ, потому что оба по неграмотности не могли правильно произносить обыкновенныхъ молитвъ. Сергейчукова, возвратясь домой, на гумнѣ своей повѣсилась — „отъ стыда“ — по словамъ полицейскаго донесенія.

И какая масса несчастій, злоупотребленій и пороковъ развивается вслѣдствіе нашего полнѣйшаго пренебреженія къ общественнымъ дѣламъ, къ исполненію своихъ обязанностей. Конечно, только благодаря нашей небрежности происходитъ такое множество несчастныхъ случаевъ, напримеръ, на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, несмотря на то, что сообщеніе по этимъ дорогамъ не отличается особенной скоростью.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатана вѣдомость объ этихъ случаяхъ за 1872 годъ. Изъ вѣдомости видно, что общее число пострадавшихъ лицъ въ 1872 году было 557. Изъ этой цифры самое большое число пострадавшихъ приходится на дороги: николаевскую (81), московско-брестскую (61), петербурго-варшавскую (44), московско-вурскую (33) и т. д. На дорогахъ ливенской, ряжско-скопинской, новоторжской, константиновской, фабрично-лодзинской и риги-митавской несчастій съ людьми не было. Объ исходѣ несчастій и о томъ, по чьей винѣ они произошли, въ вѣдомости представлены слѣдующія цифры:

	съ служащими на дорогахъ.	съ постронными лицами.	съ пассажирами.
Раны или увѣчья.	268	45	19
Смерть	135	87	3
По собственной винѣ.	316	127	21
По винѣ дороги или другихъ лицъ.	83	5	1
По случайности.	4	—	—

Такимъ образомъ, изъ числа 557 несчастій 225, или 40 процентовъ, окончились смертью. Имѣя въ виду, что протяженіе дорогъ доходитъ до 12,000 верстъ, оказывается, что одинъ не-

счастный случай приходится на 22 версты. Какъ небрежно относимся мы къ искорененію разныхъ золъ—это лучше всего видно, напримѣръ, изъ нашихъ отношеній къ пьянству, къ этой страшной язвѣ народной жизни. Во многихъ деревняхъ оно доходить до ужасающихъ размѣровъ. Одинъ корреспондентъ пишетъ: „Сообщаю вамъ, какъ несомнѣнный фактъ, что здѣсь есть цѣлыя деревни, гдѣ крестьяне пропились до такой степени, что половина изъ нихъ не имѣетъ лошадей, а въ другой половинѣ лошадей имѣется не болѣе, какъ по одной лошади, но за то на крестьянахъ лежитъ вдвоемъ недоимокъ“. Что-же дѣлаютъ мѣстныя общественныя власти, чтобы пособить горю? „Въ Урюпинѣ, пишутъ въ Донской газетѣ, въ прошломъ году было 70 питейныхъ заведеній, но между тѣмъ кореннаго и иногородняго населенія въ Урюпинѣ и на его хуторахъ всего 3,776 душъ обоого пола. Понятно, какъ эти 70 кабаковъ были разорительны для населенія, и станичники сами сознали, что надо пресѣчь возможность увеличенія числа домовъ продажи „живой воды“, и въ концѣ декабря единогласно постановили имѣть не болѣе 3-хъ кабаковъ. Рѣшеніе, очевидно, хорошее, которое нужно-бы поддержать, но вышло не то, а слѣдующее: ища всѣ пути къ открытію кабаковъ, кабатчики обратились въ полицію съ просьбой о дозволеніи открывать имъ питейныя заведенія на площади. Но полиція было призадумалась на этотъ разъ, какъ явился въ присутствіе ея акцизный чиновникъ съ телеграммою и предписаніемъ отъ своего начальства, въ которомъ говорилось, что на войсковой ярмарочной площади живутъ мелкіе землевладѣльцы, никому въ питейномъ отношеніи неподчиненные, а потому начальство предписываетъ своему чиновнику въ выдачѣ патентовъ этимъ землевладѣльцамъ ничѣмъ не стѣсняться и не обращать вниманія на полицію, если-бы она дерзнула отказывать въ выдачѣ разрѣшеній. Полиція увѣровала въ такое объясненіе смысла бумаги и выдала свидѣтельство, что съ ея стороны не имѣется препятствій на открытіе питейныхъ заведеній на площади. Но, выдавъ это разрѣшеніе, полиція очнулась и въ 310 ст. питейн. устава прочла, „что на земляхъ казачьихъ войскъ, состоящихъ въ вѣденіи войсковыхъ правленій или канцелярій открытіе питейныхъ заведеній разрѣшается войсковыми правленіями“. Она поняла и то, что на площади живутъ не самостоятельныя и полноправныя

въ питейномъ отношеніи землевладѣльцы, а населеніе это состоить въ вѣденіи войскового правленія, отъ котораго и зависить разрѣшеніе на открытіе питейныхъ заведеній, но было уже поздно и сдѣланнаго не передѣлаешь. На площади уже явилось 10 кабаковъ, а надѣются увидать скоро и всѣ старыя 70. Сами крестьяне очень хорошо сознаютъ губительное вліяніе кабаковъ“.

Изъ керенскаго уѣзда (пенз. губ.) въ мѣстныхъ вѣдомости пишутъ: Село Поливаново когда-то считалось однимъ изъ богатыхъ селеній; крестьяне исправно платили оброкъ помѣщику и жили, по ихъ выраженію, въ довольствѣ. Но прошло нѣсколько лѣтъ и изъ богатыхъ и зажиточныхъ они сдѣлались такими бѣдными, что не въ состояніи сполна выплачивать подати въ казну и оброкъ владѣльцу (они до настоящаго времени еще въ обязательныхъ отношеніяхъ). Недоимка съ каждымъ годомъ увеличивается и впереди рисовалось совершенное разореніе. 20 минувшаго декабря былъ собранъ полный сельскій сходъ для обсужденія вопроса о мѣрахъ къ предупрежденію дальнѣйшаго накопленія недоимки и разстройства быта—и послѣ недолгихъ разсужденій крестьяне пришли къ убѣжденію, что главная причина обѣдвѣнія общества—пьянство въ кабакѣ; почему порѣшили, чтобы на будущее время въ кабакѣ пьянства отнюдь не допускать и всякаго крестьянина, принадлежащаго къ обществу, если онъ будетъ пить вино въ питейномъ домѣ, подвергать взысканію штрафа до 3 р. на общественныя нужды. На домъ погупать вино допускается. Это опредѣленіе, за рукоприкладствомъ всего схода, записано въ приговорѣ, засвидѣтельствовано въ волостномъ правленіи и представлено на утвержденіе къ мировому посреднику. Повидимому, подобныя рѣшенія вполнѣ совпадаютъ съ желаніями высшихъ правительственныхъ лицъ; по крайней мѣрѣ, въ столицѣ усиленно хлопочуть объ уменьшеніи числа кабаковъ. Но такъ-ли смотрятъ на дѣло мелкіе провинціальныя чиновники? Спѣшатъ-ли они содѣйствовать крестьянамъ въ исполненіи добрыхъ намѣреній послѣднихъ?

Вотъ что пишутъ въ „Русскія Вѣдомости:“ „Въ селѣ павловскомъ (звенигородскаго уѣзда) съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе размножаются разнаго рода питейныя заведенія. Такъ съ 1 января прибавилось къ существовавшимъ въ прошломъ году 18 трактирнымъ и питейнымъ заведеніямъ еще 2; слѣдовательно,

въ Павловскомъ теперь существуетъ 20 питейныхъ заведеній, т. е. почти по одному на каждые десять домовъ. Одно изъ этихъ заведеній, поглощающихъ послѣдніе крестьянскіе гроши, находится въ полѣ, въ полуверстѣ отъ села Павловскаго, и посѣщается по большей части разными подозрительными личностями, вслѣдствіе чего въ окрестностяхъ нерѣдко происходятъ грабежи. Недавно крестьяне села Павловскаго, чрезъ сельскаго старосту, обратились къ акцизному надзирателю съ просьбой о невыдачѣ документовъ на право содержанія этого кабака въ семь году, но „эта просьба не была уважена“. Но если мелкіе провинціальныя дѣятели не стремятся исполнять даже подобныя просьбы крестьянъ, то можно еще менѣе ожидать, чтобы они серьезно принялись за активную борьбу съ пьянствомъ. А между тѣмъ для этой борьбы есть такое множество способовъ, и какъ бы ни были ничтожны результаты каждаго изъ этихъ способовъ, отдѣльно взятаго, но въ совокупности они все-таки дали-бы очень замѣтные благіе результаты. Возьмемъ, на примѣръ, чайныя лавочки. Желаніе хотя сколько-нибудь ограничить пьянство побудило устроить чайныя лавочки въ селеніяхъ тверской губерніи. Въ іюль 1870 года, пишутъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, вслѣдствіе ходатайства управляющаго тверскою казенною палатою, г. министромъ финансовъ, по соглашенію съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, разрѣшено съ 1871 года, въ видѣ опыта, на три года, отерывать въ селеніяхъ тверской губерніи, по свидѣтельствамъ на мелочной торгъ, чайныя лавочки для распивочной продажи горячаго чая на мѣстѣ: безъ соединенія этой продажи съ торговлею какими-нибудь другими напитками. Лавочки эти разрѣшены, какъ съ цѣлю удовлетворенія развивающейся въ сельскомъ населеніи потребности пить чай, такъ и въ видахъ уменьшенія пьянства, облегченіемъ простому народу возможности проводить свободное время въ бесѣдѣ за чаемъ. Это нововведеніе было принято сельскими обывателями тверской губерніи вполне сочувственно, что доказывается числомъ отерывшихся чайныхъ лавочекъ, которыхъ къ концу 1871 года было уже 277, а въ нынѣшнемъ году насчитывается до 322. Наибольшее количество такихъ лавочекъ приходится на слѣдующіе уѣзды: тверской—88 лавочекъ; калезинскій—49; корчевской—42. новогоржскій—39 и старицкій—27; въ прочіихъ-же уѣздахъ

число лавочекъ не столь значительно. Такое развитіе чайныхъ лавочекъ въ поименованныхъ выше пяти уѣздахъ объясняется промышленнымъ и торговымъ характеромъ мѣстнаго населенія, значительнымъ числомъ торговыхъ и базарныхъ селъ, относительно лучшимъ благосостояніемъ крестьянъ сихъ уѣздовъ и, наконецъ, значительнымъ числомъ крупныхъ селеній. „Особенное развитіе получили чайныя лавочки въ торговыхъ и базарныхъ селахъ, а также въ нѣкоторыхъ селеніяхъ на большихъ дорогахъ. Здѣсь онѣ устроены въ лучшихъ домахъ, нерѣдко двухъ-этажныхъ, занимаютъ обширное помѣщеніе; столы накрываются скатертями, въ услуженіи посѣтителей состоятъ иногда такъ называемые половые; для храненія посуды имѣются буфеты и для нагрѣванія воды употребляются большіе самовары и кубы. Совершенно другой характеръ представляютъ чайныя лавочки, открываемыя въ остальныхъ, не торговыхъ селеніяхъ; тамъ онѣ помѣщаются въ простыхъ крестьянскихъ избахъ, гдѣ нерѣдко живетъ самъ хозяинъ съ своимъ семействомъ: для нагрѣванія воды употребляются иногда, за неимѣніемъ мѣдныхъ самоваровъ, жестяные, или же просто большіе чайники; потребителями бываютъ преимущественно мѣстные жители. „Не взирая на свое недавнее существованіе, чайныя лавочки уже оказали нѣкоторое вліяніе на общественную сельскую жизнь, отвлекая, хотя и въ незначительномъ числѣ, посѣтителей изъ питейныхъ заведеній, служившихъ почти единственнымъ мѣстомъ сборищъ и увеселеній. Замѣтно уже, что крестьяне, употреблявшіе вино въ умѣренномъ количествѣ и отправлявшіеся прежде въ питейное заведеніе для препровожденія свободнаго времени, теперь охотно идутъ въ чайныя лавочки. Здѣсь они бесѣдуютъ о своихъ дѣлахъ и промыслахъ; сюда въ прѣздничные дни, въ селахъ, послѣ обѣдни, крестьяне отправляются съ своими семействами, сюда же въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ находятся волостныя правленія, крестьяне собираются въ ожиданіи схода.“ Авторъ статьи справедливо замѣчаетъ, что съ ежегоднымъ умноженіемъ числа народныхъ школъ и учащихся, увеличивается число такихъ крестьянъ, которымъ уже чужда обстановка питейныхъ заведеній,—а потому и необходимы такія заведенія, которыя могли-бы замѣнить собою кабаки. трактиры. Еще благотворнѣе отзываются на нравственности народа публичныя лекціи, о которыхъ такъ сильно

стали заботиться въ послѣднее время въ Петербургѣ. Но въ провинціи и это средство для уменьшенія пьянства не примѣняется къ дѣлу, съ одной стороны, вслѣдствіе апатіи общества, съ другой, вслѣдствіе самыхъ курьезныхъ недоразумѣній. Тѣмъ пріятнѣе встрѣтить хотя намекъ на желаніе заняться подобнымъ дѣломъ. Корреспондентъ „Новаго Времени“ передаетъ слѣдующее: „Изъ отчета распорядительнаго комитета по управленію Алексѣевской Петрозаводской общественной бібліотекой, даннаго комитетомъ на очередномъ собраніи уполномоченныхъ по управленію бібліотекой, 18 декабря прошлаго 1872 года, и напечатаннаго въ 3-мъ № „Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, уже извѣстно, что выраженное нѣкоторыми изъ гг. уполномоченныхъ предположеніе о несомнѣнной пользѣ устройства въ Петрозаводскѣ даровыхъ народныхъ чтеній, гг. уполномоченные по управленію бібліотеки (въ числѣ 23 человекъ) вполне одобрили и предоставили распорядительному комитету принять на себя трудъ объ осуществленіи, на законномъ основаніи, этого предположенія. Петрозаводская гимназія предложила свой физическій кабинетъ и участіе въ народныхъ чтеніяхъ своихъ учителей; горнозаводское вѣдомство предложило свою лабораторію, духовная семинарія—участіе нѣкоторыхъ своихъ профессоровъ и, наконецъ, бывший въ это время въ Петрозаводскѣ, помощникъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Яновскій, вполне одобрившій съ своей стороны предположеніе распорядительнаго комитета, предложилъ свое содѣйствіе къ его осуществленію и обѣщаль выслать изъ С.-Петербурга нѣкоторыя книги и брошюры, весьма полезныя для народныхъ чтеній. Но поузда лекціи не начались.

„Даровыя же народныя чтенія, пишетъ корреспондентъ, у насъ въ Петрозаводскѣ, необходимы, пожалуй, даже болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Сами посудите: народъ у насъ больше мастеровой; санитарныя условія города для народа самыя плачевныя, благодаря нѣкоторымъ странностямъ со стороны нашего городского управленія; театра съ мѣстами, доступными по цѣнѣ мѣста для простоядина, нѣтъ. Театръ у насъ существуетъ только при мѣстномъ клубѣ; представленія на немъ даются любителями; цѣнъ менѣе 1 р. с. за мѣсто въ немъ не существуетъ, да и спектакли-то бывають въ немъ по одному разу чуть-ли не въ три мѣсяца.

Ну, куда-же, спрашивается, дѣваться народу въ свободное отъ работы время?.. Разумѣется, въ кабакъ, ибо больше некуда, но и тутъ его отравляютъ мерзѣйшей водкой, да еще и по неизмовѣрно высокой цѣнѣ, такъ-что петрозаводскому простолюдину и отравиться-то дорого обходится.

Устройся-же у насъ даровыя народныя чтенія съ физическими, оптическими и химическими опытами и (мы головой готовы ручаться за это), вѣ всякаго сомнѣнія, они будутъ посѣщаться массами нашего простого народа. Сначала народъ будетъ посѣщать уже ихъ потому, что хоть за это съ него денегъ брать не будутъ, а потомъ и потому, что самъ пойметъ свою пользу въ этихъ чтеніяхъ, разумѣется, только если участвующіе въ нихъ лекторы съумѣютъ отличить дѣйствительно-полезное для народа отъ только кажущагося полезнымъ и, въ сущности, только забавнаго.“

На этомъ мы покауда остановимся. Всѣ приведенные нами неприглядные факты, составляющіе только сотую часть тѣхъ явленій, которыя совершаются въ нашей ежедневной жизни, очень ясно говорятъ, что у насъ не достаетъ подготовки въ общественной дѣятельности: у насъ есть много хорошихъ отцовъ семействъ, дѣтей, мужей и женъ, но у насъ чрезвычайно мало хорошихъ общественныхъ дѣателей. Мы всѣ очень плохо понимаемъ свои обязанности въ отношеніи общества и государства; это наша слабая сторона. Къ ней мы возвратимся въ будущей нашей хроникѣ, которая вся будетъ посвящена почти исключительно вопросу объ образованіи,—говоря-же объ образованіи нельзя будетъ не коснуться воспитанія.

Н. Ч.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИГИ.

Безъ исхода. Романъ. (Гл. I—XIV). . .	<i>К. М. Станюковича.</i>
Стихотворенія Александра Петефи. Канунъ новаго года. — Одиночество. — Во тьмѣ. — Сельскій учитель. — Рождественская елка. — Послѣдній чело-вѣкъ. — Выборъ смерти	<i>А. Михайлова.</i>
Индустанъ и Англичане. (Окончаніе) . .	<i>С. С. Пашкова.</i>
На желѣзной дорогѣ. Стихотвореніе. Изъ Лянга	<i>Н. Н.</i>
Первоначальное образованіе въ Пруссіи. (Продолженіе)	<i>А. Михайлова.</i>
Съ того свѣта. Замогильныя записки . .	<i>Д. Свѣзжскаго.</i>
Крестыанская женщина. (Этнографическій этюдъ).	<i>А. Ефименко.</i>
Пробужденіе. Стихотвореніе.	<i>П. Быкова.</i>
Въ тихомъ омутѣ—буря. (Очерки англійской провинціальной жизни). Романъ. (Окончаніе)	<i>Джорджа Эллиота.</i>
Сонъ великана. Стихотвореніе	<i>Д. Д. Минаева.</i>
Пожары въ Россіи. (Статистическій очеркъ).	<i>П. Н. Ткачева.</i>
Вечерній звонъ. Стихотвореніе. Изъ Лянга.	<i>Н. Н.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Тенденціозный романъ. Ст. первая . . .	<i>Постмаго.</i>
Новыя книги	
Общество казанскихъ врачей	<i>Б. О.</i>
Стэнлей и Ливингстонъ. Ст. первая. . .	
Политическая и общественная хроника. .	
Внутреннее обозрѣніе :	<i>Н. Ч.</i>

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА

„ДЪЛО“

(Адресоваться въ Главную контору журнала «ДЪЛО», въ С.-Петербургѣ,
по Надеждинской ул., д. № 39/5.)

**Вышелъ и продается третій и послѣдній выпускъ
сочиненія**

Ч. ДАРВИНА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВѢКА И ПОЛОВОЙ ПОДБОРЪ.

Съ рисунками. Перев. съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благо-
свѣтлова. Изд. Редакціи журнала „ДЪЛО“.

Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ, составляющимъ около 80-ти печатныхъ
листовъ, съ рисунками, 5 р. безъ перес.; съ перес. 5 р. 50 к. Цѣна треть-
му выпуску отдѣльно 2 р. безъ перес.; съ перес. 2 р. 30 к.

НВ. Въмѣсто ст. Т. Гексли: «Критики Дарвина», обѣщанной, какъ при-
ложеніе къ 3-му выпуску, редакція нашла возможнымъ издать отдѣльную книжку
съ портретомъ Ч. Дарвина и съ общимъ обзоромъ его дѣятельности. Книжка
эта будетъ выпущена въ непродолжительномъ времени.

Городскимъ покупателямъ будетъ выдаваться эта книжка бесплатно, а ино-
городныхъ, желающихъ получить ее, просить выслать 50 к. на пересылку, въ
какой-бы то ни было мѣстности—деньгами или почтовыми марками.

Тамъ-же продаются слѣдующія изданія Редакціи журнала „Дѣло“.

О подчиненіи женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. Перев.
съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Изд. 2-е. П.
1 р. безъ перес. На пересылку—за 1 фунтъ.

Уроки элементарной физиологии, Томаса Гексли. Изд-
ніе второе. Перев. съ англійскаго; съ предисловіемъ Д. И. Пис-
рева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ пересылки 1 р. На пересылку—
за 1 фунтъ.

Исторія Крестьянской войны въ Германіи. Д-ръ
В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ.

Изданіе второе. Ц. тремъ томамъ безъ перес. 2 р. На пересылку—за 3 фунта.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена, съ портретомъ автора и съ предисловіемъ: *Люди будущаго*—Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома. Ц. 2 р. безъ перес. На пересылку — за 3 фунта.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. *Карла Реклама*. Изданіе третье. Съ приложеніемъ *Дѣтской гигиены*, д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова „Безпредѣльность гигиены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб. На пересылку прилагается за 2 фунта.

Комедія всемірной исторіи, Юг. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣм. Въ 2-хъ томахъ. 1-й томъ вышелъ вторымъ изданіемъ. Цѣна обомъ томамъ 3 р. безъ перес. На пересылку — за 2 фунта. Отдѣльно первый выпускъ продается за 2 р. безъ перес.

Отъ Земли до Луны — 97 часовъ прямого пути. Жюль Верна. Перев. съ франц. Ц. безъ переплета 50 к.; а въ переплетѣ 1 р. На пересылку—за 1 фунтъ.

Сочиненія Э. М. Толстаго. Съ предисловіемъ. Д. И. Писарева. Ц. двумъ томамъ 1 р. 50 к. безъ перес. На пересылку—за 2 фунта.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣч. рода. В. М. Флоринскаго. Ц. 50 коп. безъ перес.; съ перес. 80 к.

О Питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, сочиненіе доктора Жюль Сира, перев. съ франц. подъ редакцію А. Н. Моригеровскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Избранныя Рѣчи, Дж. Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Перв. съ англійскаго, подъ редакц. Г. Е. Благосвѣтлова. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“, какъ и книгопродавцамъ, дѣлается уступка 20% съ вышеозначенныхъ цѣнъ. Пересылка считается особо.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

АЛЕКСАНДРА БОРТНЕВСКАГО

втеченіи 1—20 дней февраля 1873 года поступили въ продажу:

СОЧИНЕНІЯ

А. МИХАЙЛОВА.

- Пять большихъ томовъ, Спб. 1873 г. Ц. 10 р., вѣсовыхъ за 20 фунтовъ.
- Бернштейнъ, К.** О существѣ делегаціи по римскому праву. Ц. 60 к.
- Богдановскій, А.** Молодые преступники. Вопросъ уголовного права и уголовной политики. Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное, съ приложеніемъ регламента Метрэйской колоніи и проекта устава Одесскаго исправительнаго пріюта. Ц. 2 р.
- Грибоѣдовъ.** Горе отъ ума. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Полный текстъ съ рисунками М. С. Башилова. Ц. 30 к.
- Дюма, А.** Свадебный визитъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Переводъ Л. Солодовниковой.
- Кавэнь-Джулія, Сильвія.** Романъ. Переводъ съ англійскаго Л. Солодовниковой.
- Костенко, Л. Ѳ.** Путешествіе въ Бухару русской миссіи въ 1870 г., съ подробнымъ маршрутомъ отъ Самарканда до Ташкента и подробной картой. Ц. 75 к.
- Мацевичъ, Д.** Живопись во Франціи. Описаніе жизни и картинъ: Ватто, Ланкре, Буже, Грезъ, братьевъ Ванло, Латуръ, Корнель, Лафесъ, Жувене, Натъе, Коломбель, Сантеръ, Менъе, Леопольдъ, Роберта и де-Лабержа. Ц. 1 р. 50 к.
- Михайловъ, А.** Пролетаріатъ во Франціи 1789—1851. Историческіе очерки. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к.
- „ Гнилыя болота. Романъ, изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
- „ Господа Обносковы. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Пио, Оскаръ.** Тайны палермскихъ монастырей, истор. ром., пер. съ итальянскаго И. А. Петрова. Ц. 2 р.
- Шнидтъ, Юліанъ.** Исторія французской литературы со времени революціи 1789 года, 2 тома. Ц. 4 р.
- Штраубе, Отто.** Ученіе о здоровьѣ. Популярное изложеніе гигиеническихъ и медицинскихъ наставленій для всѣхъ возрастовъ в различныхъ родовъ трудовой жизни. Удостоено преміи въ Берлинѣ. Ц. 1 р. 30 к.

Гл. книгопродавцы требованія адресуютъ въ Троицкій переулокъ, д. № 39, кв. № 5, въ С.-Петербурѣ, А. И. Бортневскому.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ КАРЛА РИККЕРА.

Невскій проспектъ, домъ Мадерни, № 14. Въ С.-Петербургѣ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ВНОВЬ ВЫШЕДШІЯ КНИГИ:

Шредеръ, Д-ръ, Карлъ. Учебникъ акушерства *со включеніемъ патологій беременности и родильнаго періода.* Переводъ съ третьяго исправленнаго изданія подъ редакціей Д-ра **М. Горвица,** Директора Маріинскаго Родоспоможательнаго дома, привать-доцента акушерства и женскихъ болѣзней при Медико-хирургической Академіи. *Съ приложеніями редактора* и 26 политипажами въ текстѣ. Спб. Цѣна 4 руб., пересылка за 4 фунта.

Гейфельдеръ, Д-ръ, Оскаръ. Военно-хирургическія наблюденія во время Нѣмецко-Французской войны 1870—1871 годовъ, съ таблицею рисунковъ. Спб. 1873 г. Цѣна 80 коп., пересылка за 2 фунта.

Траутшольдъ, Г. Основы геологіи. Геогенія и геоморфія съ 46 политипажами М. Цѣна 1 р. 50 к., пересылка за 2 фунта.

Техническій календарь на 1873 г., годъ 2-й, карманная, записная и справочная книжка для гг. *инженеровъ, архитекторовъ, строителей и механиковъ.* Сост. **Н. М. Бихеле.** Спб. Въ переплетѣ цѣна 1 р. 50 к., а съ перес. 1 р. 75 к.

Медицинскій календарь на 1873 г., годъ 7-й. Сост. **К. Яуцхи.** Въ переплетѣ, цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Фармацевтическій календарь на 1873 г., годъ 5-й. Сост. **Артуръ Кассельманъ.** Въ переплетѣ, цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Записная книга на 1873 г. Карманная книжка для отиѣтокъ на каждый день съ необходимѣйшими обыденными свѣдѣніями и съ картою желѣзныхъ дорогъ Россіи. Въ переплетѣ цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

НА ДНЯХЪ ПОСТУПИТЬ ВЪ ПРОДАЖУ:

Ульцманъ и Гофманъ. Руководство къ изслѣдованію мочи. Переводъ подъ редакціей **П. И. Левитскаго.**

У книгопродавца **Н. А. ШИГИНА**. Въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой ул., домъ Пажескаго корпуса, № 2.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ИЗЪ-ЗА СКИПТРА И КОРОНЪ. Романъ въ двухъ томахъ Грегора Самарова. Перев. съ нѣмецкаго Е. С. Спб. 1873 г. Ц. 3 р. съ перес. 3 р. 50 к.

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ. Соч. Мигуэля Сервантеса Саavedры въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго В. Карелина. Изд. второе съ 27 картинами и портретою автора. Спб. 1873 г. Ц. 4 р. съ перес. 4 р. 50 к.

БАСТИЛЯ. 1374—1789. Историческій очеркъ.—Тайны Бастили.—Ея арестанты.—Пытки.—Процессы.—Побѣги. Соч. Арнульда, Альбоиза дю-Пюжоль и Огюста Макэ. Спб. 1872 г. Ц. 3 р. 50 к. съ пересылкою 4 р.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. С. С. Пашкова, 2 т. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

ИСТОРИЯ ПЛЕБИСЦИТА. Разсказъ одного изъ 7,500,000 избирателей, сказавшихъ «Да». Эрмана Шатріана. Перев. съ французскаго, и **ДЖИНКСОВЪ МЛАДЕНЕЦЪ.** Политико-сатирическій разсказъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пересылкою 1 р. 75 к.

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ. Э. Шатріана. 2 тома. Содержаніе: т. I. Тереза. — Воспоминанія рекрута. — Ватерлоо. Т. II. Воспоминанія пролетарія.—На разсвѣтѣ (*Histoire d'un paysan 1789*). Спб. Ц. за 2 тома 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к.

О ЧЕМЪ ПѢЛА ЛАСТОЧКА? Романъ Фр. Шпильгагена. **БѢДНЯКЪ.** Романъ Жюли Кларети. Спб. 1873 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

1-го ФЕВРАЛЯ вышла и разослана, какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ подписчикамъ II-я, ФЕВРАЛЬСКАЯ, книга ежемѣсячнаго, историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе книги: I. Записки гр. Ф. П. Толстаго, товарища президента Императорской Академіи Художествъ, гл. VII—X, 1809—1816 гг.—II. Записки П. А. Каратыгина, 1820—1832 гг.: Русскій театръ при Александрѣ I. Князь А. А. Шаховской, кн. Тюфякинъ; первые дебюты В. А. Каратыгина. Первая постановка на сцену „Горе отъ ума“ и проч.—III. Воспоминанія Т. П. Пасека: главы V—VII, 1818—1825 гг.—IV. Императрица Елисавета Алексѣевна, 1779—1826 гг., ея письма.—V. Василій Назаровичъ Каразинъ, 1773—1842 гг. (по поводу столѣтней годовщины дня его рожденія).—VI. Хивинская экспедиція, неизданные матеріалы къ исторіи похода русскихъ въ Хиву.—VII. Кн. М. С. Воронцовъ, письма къ кн. В. О. Бебутову, 1849—1850 гг.—VIII. Листки изъ записной книжки „РУССКОЙ СТАРИНЫ“. 1) Историческіе разсказы и анекдоты: кн. Потемкинъ, кн. Суворовъ и графъ Платовъ.—2) Артистки К. С. и Н. С. Семеновы.—3) Письмо императора Александра I, 1818 г., объ артистахъ русской труппы.—4) Записка о Бахметевыхъ.—Знаменательныя цифры въ жизни императоровъ Петра I и Николая I.—IX. Стихотворенія Н. Ф. Щербина по подлинной рукописи автора.—X. М. Д. Хмыровъ: „Энциклопедія отечествовѣдѣнія“.—XI. Некрологъ: кн. М. А. Оболенскій, 1-го января 1873 г.—XII. Библиографическія замѣтки.—XIII. Отъ московскаго Музея имени Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича.—XIV. Листокъ о новыхъ книгахъ.

Приложеніе. Записки А. Ф. Болотова 1738—1795 гг., томъ четвертый и послѣдній. Части XXII и XIII: бытъ русскаго дворянства въ прошломъ столѣтіи.—Тула и Москва.—Пребываніе императрицы Екатерины II въ Тулѣ.—Празднества, и проч. 1787 гг.

О ПОДПСКѢ НА „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1873 г.

(четвертый годъ изданія)

Принимается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» 1873 года (четвертый годъ). Цѣна за 12-ть книгъ, со всѣми приложеніями: портретами, рисунками, снимками и записками русскихъ людей — ВОСЕМЬ рублей, съ доставкой и съ пересылкой.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“—въ книжномъ магазинѣ А. О. Базунова (Невскій, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Нв. Григорьевки Соловьева—на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. Иногородныхъ подписчиковъ просить исключительно обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ въ С.-Петербургѣ, Литейной части, въ д. Трута, кв. № 12.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1872 г. (третій годъ), изданіе второе можно получить всѣ 12-ть книгъ съ приложеніями. Цѣна 8 руб. (осталось небольшое количество экземпляровъ).

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1870 г. (два изданія) и 1871 г. разошлись сполна по подпискѣ.

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ:

ИЗЪ-ЗА СКИПТРА И КОРОНЪ.

Романъ Грегора Самарова, переводъ Е. С.

Въ двухъ томахъ и четырехъ частяхъ.

Цѣна 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 коп.

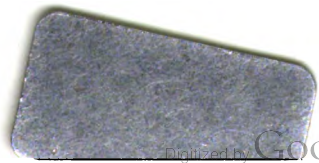
Подъ псевдонимомъ Самарова пишетъ одинъ изъ извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей Германіи.

Получать можно у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, а такъ же въ главной конторѣ журнала „Дѣло“.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 301 974